Pisateli

P.o. russ.

5
5

P. o. russ. 5 3/5 Pisateli

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

ИЗДАНІЕ И. И. ГЛАЗУНОВА.

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ
В. И. МАЙКОВА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА,
СО СТАТЬЕЮ О МАЙКОВѢ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ
Л. Н. Майкова.

(Редакція изд. П. А. Ефремова).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА, Б. МѢЩАНСКАЯ, 8.
1867.

8078/12 1769

В. И. МАЙКОВЪ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

XVIII и XIX ст.

ИЗДАНІЕ И. И. ГЛАЗУНОВА.

ОБЩАЯ

РЕДАКЦІЯ ВСЕГО ИЗДАНІЯ

П. А. ЕФРЕМОВА.

В. И. МАЙКОВЪ.

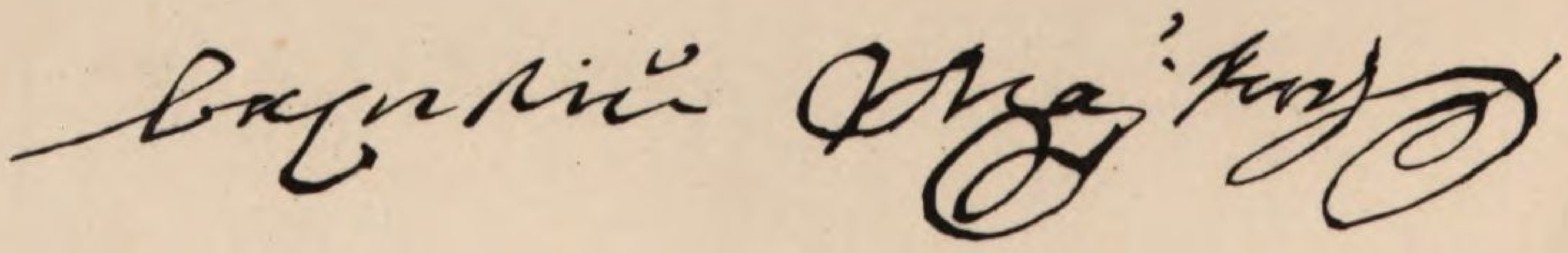
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. И. Глазунова. Б. Мѣщанская, 8.

1867.

Печ. со стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

[illegible]

[illegible]

[illegible] АВТОРА,

[illegible] СОЧИНЕНІЯХЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

[illegible] МАЙКОВА.

S. n. 5176

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА

МАЙКОВА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА,

СО СТАТЬЕЮ О ЕГО ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

Л. Н. МАЙКОВА.

(**Редакція изд. П. А. Ефремова**).

Bayerische Staats-Bibliothek München

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ИВАНА ИЛЬИЧА ГЛАЗУНОВА.
1867.

P. n. 5176

Bayerische
Staats-
Bibliothek
München

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИЗДАНІИ.

Сочиненія В. И. Майкова въ настоящемъ изданіи въ первый разъ являются собранными вполнѣ. Если не считать изданнаго въ 1773 году сборника стихотвореній Майкова, въ который вошли только его оды и нѣкоторыя мелкія стихотворенія, писанныя до 1773 года, то по настоящее время въ печати существовало одно собраніе сочиненій Майкова, изданное въ 1809 году книгопродавцемъ Заикинымъ. Оно отличается большими пропусками и неисправностью текста: въ него не вошли многія изъ лирическихъ піесъ Майкова, драмы «Деревенскій Праздникъ» и «Пигмаліонъ», прологъ «Торжествующій Парнассъ» и ни одинъ изъ стихотворныхъ переводовъ этого писателя.

Въ составъ предлагаемаго изданія включены: 1) всѣ извѣстныя оригинальныя сочиненія Майкова, какія могли быть отысканы какъ въ прежнихъ собраніяхъ его произведеній, такъ и въ старинныхъ журналахъ или отдѣльныхъ изданіяхъ; 2) нѣсколько стихотвореній и отрывковъ въ стихахъ, которые печатаются нами въ первый разъ по подлиннымъ рукописямъ В. И. Майкова, обязательно сообщеннымъ А. А. Егоровымъ; 3) переводъ поэмы «Военная Наука», какъ образчикъ стихотворныхъ переводовъ Майкова. Не вошли въ настоящее изданіе: 1) изъ *оригинальныхъ* сочиненій этого писателя опера «Аркасъ и Ириса» и «Прологъ на открытіе Калужскаго намѣстничества», указанные «Драматическимъ словаремъ» 1787 года, но никому не извѣстные и едва ли бывшіе въ печати, 2) изъ *переводовъ* восемь книгъ «Овидіевыхъ превращеній», трагедія Вольтера «Меропа» и часть перевода поэмы Буало «Налой»,

извѣстная намъ въ рукописи. Переводы эти не помѣщены въ настоящемъ изданіи по своей обширности и по малому интересу, который они представляютъ.

При перепечаткѣ сочиненій Майкова, прежде изданныхъ, мы руководствовались текстомъ тѣхъ именно изданій этихъ произведеній, которыя были *послѣдними* при жизни Майкова и появились въ свѣтъ, безъ сомнѣнія, подъ его надзоромъ. Немногочисленные варіанты, найденные нами при сличеніи этихъ изданій съ предшествующими, указаны въ «Библіографическихъ замѣткахъ»; варіанты же изданія 1809 года отброшены совсѣмъ, какъ не принадлежащіе Майкову.

При печатаніи стихотвореній его съ рукописей мы сохраняли точное ихъ заглавіе, если оно было въ подлинникѣ; если же его не было, мы ставили сами заглавіе согласно содержанію піесы, но *въ скобкахъ*. Стихи, въ рукописяхъ зачеркнутые, напечатаны курсивомъ. Мѣста, не прочтенныя вслѣдствіе порчи рукописей, означены точками.

Правописаніе для всѣхъ сочиненій Майкова, печатаемыхъ какъ съ прежнихъ изданій, такъ и съ рукописей, принято нынѣшнее; исключеніе, въ этомъ отношеніи, составляютъ только тѣ слова, старинное правописаніе которыхъ характеризуетъ и старинное ихъ произношеніе.

Къ изданію сочиненій В. И. Майкова приложена статья о его жизни и сочиненіяхъ, написанная Л. Н. Майковымъ, портретъ и факсимиле В. И. Майкова, гравированные въ Лейпцигѣ у Брокгауза; подлинный портретъ, писанный масляными красками на холстѣ, въ натуральную величину, находится у А. А. Егорова, въ Москвѣ, и, по мнѣнію П. Н. Петрова, есть произведеніе художника Ѳ. С. Рокотова, современника В. И. Майкову. У прямыхъ его потомковъ существовалъ другой его портретъ, въ малую величину, на которомъ Майковъ изображенъ въ *масонскомъ* костюмѣ, но онъ не могъ быть отысканъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
О жизни и сочиненіяхъ В. И. Майкова, статья *Л. Н. Майкова.*	XI.
Духовныя стихотворенія:	
Подражаніе псалму 1-ому	3.
» » 12-ому	4.
» » 41-ому	5.
» » 71-ому	6.
» » 81-ому	8.
» » 111-ому	9.
» » 136-ому	10.
» » *«Внегда единоборствовалъ Давидъ на Голіаѳа»*	11.
Ода о страшномъ судѣ	12.
Изъ «Исхода», гл. 15, пѣснь I-ая	16.
Изъ «Второзаконія», гл. 18, пѣснь II-ая	18.
Изъ книги пророка Даніила, гл. 3, пѣснь VII	21.
» » » » » » » VIII	23.
Оды:	
Война	109.
Графу З. Г. Чернышеву	516.
Ищущимъ премудрости	161.
На взятіе Бендеръ	96.
» выздоровленіе в. кн. Павла Петровича	105.
» день бракосочетанія в. кн. Павла Петровича и в. кн. Наталіи Алексѣевны	118.
» » восшествія на престолъ имп. Екатерины 1768 г.	50.
» » коронованія » » 1767 г.	44.
» » » » » 1775 г.	509.
» » » тезоименитства » » 1762 г.	27.
» заключеніе мира 1774 г.	126.
» избраніе депутатовъ въ Комиссію новаго уложенія	40.
» кончину в. кн. Наталіи Алексѣевны (пѣснь печальная).	512.
» новый 1763 годъ	32.

На побѣду при Днѣстрѣ и взятіе Хотина.................... 57.
» » » Чесмѣ.................................... 62.
» прибытіе имп. Екатерины изъ Ярославля въ Москву въ 1763 г.. 37.
» сраженіе въ Лепанскомъ заливѣ.................. 113.
» торжество мира въ 1775 г......................... 139.
» рожденіе в. кн. Александра Павловича............... 155.
Надежда.. 526.
О вкусѣ.. 152.
» суетѣ міра....................................... 150.
Побѣдоносному россійскому оружію.................... 69.
Преосв. Платону о безсмертіи души.................. 159.
Счастіе.. 523.

Разныя стихотворенія:

Епистола М. М. Хераскову........................... 503.
Загадки... 165, 501.
Кантата на рожденіе в. кн. Александра Павловича....... 521.
(Князю В. М. Долгорукову-Крымскому)................. 522.
Надпись къ богадѣльнѣ.............................. 516.
» » больницѣ Екатерининской...................... 154.
» » плану народныхъ зрѣлищъ на Ходынкѣ въ 1775 г. 146.
» » иллуминаціи «Покой Россіи»...................... 146.
» » » «Разговоръ Россіи и Турціи»..... 146.
» » мраморамъ россійскимъ......................... 61.
» » столпу при гробѣ Петра I....................... 103.
» (надгробная) А. П. Сумарокову..................... 155.
Описаніе торжественныхъ зданій на Ходынкѣ.......... 143.
(Отрывокъ)... 502.
Письмо Н. П. Архарову.............................. 523.
» А. А. Беклешову.................................. 56.
» В. И. Бибикову................................... 100.
» Гавріилу, архіепископу с.-петербургскому........ 502.
» графу Г. Г. Орлову............................... 104.
» графу П. А. Румянцеву............................ 147.
» графу З. Г. Чернышеву............................ 101.
Сонетъ М. Н. Муравьеву............................. 154.
» в. кн. Павлу Петровичу и в. кн. Маріи Θеодоровнѣ на тотъ же случай................................ 520.
» имп. Екатеринѣ на рожденіе в. кн. Александра Павловича.. 520.
» ко дню празднованія о выздоровленіи имп. Екатерины и в. кн. Павла Петровича отъ прививанія оспы.. 55.
» на день бракосочетанія в. кн. Павла Петровича и в. кн. Наталіи Алексѣевны.......................... 124.

Стихи Ю. Б. Бибикову........................ 55.
» князю А. А. Вяземскому........................ 117.
» къ изображенію г. Димздаля........................ 501.
» къ празднеству Академіи художествъ........................ 60.
» къ фейерверку на торжество мира 1775 г........................ 138.
» на возвращеніе имп. Екатерины изъ Казани въ Москву въ 1767 г........................ 47.
» » отшествіе россійскаго флота въ Средиземное море. 61.
» » прибытіе гр. А. Г. Орлова въ Петербургъ...... 103.
» » смерть Ѳ. Г. Волкова........................ 501.
» » » А. П. Лосенка........................ 125.
» » 1777-ой годъ........................ 519.
» Г. А. Потемкину........................ 133.
» А. В. Суворову........................ 117.
Эпиграммы........................165, 508.

Басни и сказки:

Боязнь (неосновательная)........................ 209.
Воръ........................ 171.
Воръ и подъячій........................ 181.
Голова и ноги........................ 189.
Господинъ съ слугами въ опасности жизни........................ 203.
Двое прохожихъ и кладъ........................ 169.
Друзья (лестные)........................ 189.
Дубъ и мышь........................ 207.
Дѣтина и конь........................ 187.
Езопъ толкуетъ духовную........................ 184.
Земля и облако........................ 208.
Иголка и нитки........................ 203.
Козелъ и жемчужная раковина........................ 169.
Конь знатной породы........................ 178.
Корабль и лодка........................ 191.
Кошка и соловей........................ 206.
Крестьянинъ, медвѣдь, сорока и слѣпень........................ 213.
Левъ, барсъ и кротъ........................ 211.
Левъ, званый къ мартышкѣ на обѣдъ........................ 192.
Лисица и бобръ........................ 199.
Лягушки, просящія о царѣ........................ 171.
Медвѣдь, волкъ и лисица........................ 179.
Медвѣдь и волки........................ 204.
Наказаніе ворожеѣ........................ 174.
Нерону острый отвѣтъ дворянина, пріѣхавшаго въ Римъ... 187.
О хулителѣ чужихъ дѣлъ........................ 193.
Общество........................ 200.
Оселъ, пришедшій на пиръ къ медвѣдю во львиной кожѣ.... 201.

Отецъ и дѣти.. 212.
Поваръ и портной.................................... 176.
Пчела и змѣя.. 204.
Роза и ананасъ...................................... 207.
Роза и змѣя... 190.
Рыбакъ и щука....................................... 174.
Скупой.. 182.
Случай.. 205.
Собака на сѣнѣ...................................... 198.
Сова.. 190.
Солнце и луна....................................... 213.
Сорока, галка и соя................................. 188.
Судъ картинѣ.. 196.
Суевѣріе.. 195.

Эклоги и поэмы:

Аркасъ, эклога...................................... 221.
Военная наука, поэма (изъ книги «Безпечный философъ», соч. Фридриха II), съ посвященіемъ А. И. Бибикову и предисловіемъ.................................... 239.
Елисей или Раздраженный Вакхъ, поэма, въ 5 пѣсняхъ, съ предисловіемъ.................................... 297.
Игрокъ ломбера, поэма въ 3 пѣсняхъ.................. 224.
Освобожденная Москва, поэма (безъ конца)............ 504.
Судъ Паридовъ, пѣснь................................ 355.
Цитемель, эклога.................................... 219.

Драматическія сочиненія:

Агріопа, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ................... 369.
Деревенскій праздникъ или Увѣнчанная добродѣтель, пастушеская драма съ музыкой, въ 2 дѣйствіяхъ... 459.
Пигмаліонъ или Сила любви, драма съ музыкой, въ одномъ дѣйствіи.. 475.
Торжествующій Парнассъ, прологъ..................... 495.
Ѳемистъ и Іеронима, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ........ 414.
Описаніе увеселительныхъ огней на Ходынкѣ 15 іюля 1775 года.. 134.

Объяснительныя примѣчанія къ тексту *Л. М.*........... 531.
Библіографическія замѣтки *П. Е.*.................... 555.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ В. И. МАЙКОВА.

I.

Рожденіе и воспитаніе В. И. Майкова.—Его отецъ.—Военная служба и отставка В. И.—Пробужденіе русскаго общества при воцареніи Екатерины II.—Жизнь и служба Майкова въ Москвѣ между 1762 и 1768 годами.—Первыя литературныя связи Майкова.—Отношенія его къ Ѳ. Г. Волкову, А. П. Сумарокову, А. И. и В. И. Бибиковымъ, кн. Ѳ. А. Козловскому и М. М. Хераскову.—Первыя литературныя произведенія Майкова.—Жизнь и служба В. И. въ Петербургѣ съ 1768 по 1775 года.—Отношенія В. И. къ гр. Г. Г. и А. Г. Орловымъ, Г. А. Потемкину и гр. З. Г. Чернышеву.—Любовь В. И. Майкова къ театру и постановка піесъ его на петербургской сценѣ.—Любовь къ искусству и отношенія къ А. П. Лосенку.—Литературные успѣхи въ Петербургѣ.—Отношенія къ Н. И. Новикову.—Сотрудничество въ «Вечерахъ».—Нападки М. Д. Чулкова и В. П. Петрова.—Вступленіе В. И. въ масонство.—Жизнь и служба въ Москвѣ съ 1775 по 1778 годъ.—Постановка піесъ на московской сценѣ.—Связи В. И. съ московскими масонами.—Характеристика Майкова и образъ его мыслей.

Василій Ивановичъ Майковъ родился въ 1728 году. Мѣсто его рожденія и подробности его дѣтства неизвѣстны. По всей вѣроятности, онъ провелъ его въ отцовскомъ помѣстьи, близъ Ярославля. Четырнадцати лѣтъ, въ 1742 году, онъ былъ принятъ на службу въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, въ которомъ служилъ и его отецъ. Въ томъ же году послѣдовало разрѣшеніе малолѣтнимъ солдатамъ оставаться нѣсколько лѣтъ при родителяхъ (1); въ слѣдствіе того, 21 января 1743 года, Майковъ отпущенъ домой «для наукъ» на четыре

(1) См. «Ист. Семеновск. полка», *Карцева*, ч. II, стр. 4.

года ([1]). Родители, бравшіе къ себѣ дѣтей такимъ образомъ, обязывались обучать ихъ ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, фортификаціи, артиллеріи, инженерному искусству, иностраннымъ языкамъ и, сколько возможно, военной «экзерциціи» ([2]); но это обязательство не было соблюдено относительно Василія Ивановича: по свидѣтельству графа Д. И. Хвостова, знавшаго Майкова лично, послѣдній получилъ «пристойное воспитаніе тому времени, ограниченное чтеніемъ священныхъ книгъ и нравственными наставленіями» ([3]); другими словами, образованіе Василія Ивановича было очень ограниченное и имѣло тотъ религіозно-нравственный характеръ, которымъ вообще отличалось образованіе юношества еще въ до-петровское время. Недостатокъ школъ и учителей сильно ощущался въ Россіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія, а современныя свидѣтельства о тогдашнихъ педагогахъ не много говорятъ въ ихъ пользу. У такихъ учителей, типы которыхъ сохранила намъ сатирическая литература екатерининскаго времени, не многому можно было научиться, да и притомъ обученіе сопровождалось или крайне суровой дисциплиной, или беззавѣтнымъ потворствомъ и баловствомъ. Такую школу, вѣроятно, прошелъ и Василій Ивановичъ. Что обученіе его было весьма ограниченное — видно и изъ того, что онъ вовсе не зналъ иностранныхъ языковъ, а это, какъ извѣстно, считалось необходимымъ условіемъ образованія для дворянина ([4]). Съ другой стороны, нельзя

(1) Свѣдѣніе изъ архива Семеновскаго полка.

(2) См. «Ист. Сем. полка», *Карцева*, ч. II, стр. 4.

(3) Графъ Хвостовъ посвятилъ Майкову небольшую замѣтку въ матеріалахъ для словаря русскихъ писателей, которые онъ собиралъ. Рукопись этихъ матеріаловъ сообщена намъ М. И. Семевскимъ. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы выразить искреннюю благодарность какъ г. Семевскому, такъ и всѣмъ другимъ лицамъ, сообщившимъ намъ матеріалы, свѣдѣнія и указанія, которыми мы воспользовались при составленіи предлагаемой статьи.

(4) Люди, наиболѣе серьезно смотрѣвшіе на изученіе иностранныхъ языковъ, признавали его необходимымъ въ виду того, что русская литература представляла мало средствъ къ образованію (см. «Полезное Увеселеніе» 1760 г., т. I, стр. 6). Современники Майкова, обладавшіе иностранными языками, удивлялись, какимъ образомъ онъ могъ сдѣлаться хоро-

сомнѣваться, что отсутствіе иностранныхъ учителей, домашнее обученіе по церковнымъ книгамъ и самая семейная обстановка В. Майкова имѣли для него большую выгоду: онѣ посѣяли въ немъ первыя начала религіи и нравственности и дали его природнымъ дарованіямъ возможность развиться лицомъ къ лицу и въ сочувствіи съ русскою дѣйствительностью и простымъ бытомъ народнымъ; юноша жилъ окруженный атмосферой народныхъ понятій и образовъ, пріучался понимать ихъ красоту, и они явнымъ слѣдомъ отразились въ лучшихъ произведеніяхъ его авторства. Такихъ примѣровъ не слишкомъ много между русскими писателями XVIII вѣка.

Недостатокъ образованія въ молодомъ Майковѣ мы не имѣемъ права отнести на счетъ его отца; можно думать, что Иванъ Степановичъ Майковъ не принадлежалъ къ числу кантемировскихъ Сильвановъ и фонъ-визинскихъ Скотининыхъ: человѣкъ достаточный, онъ долго и съ пользой служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ турецкихъ походахъ Миниха и шведской войнѣ 1741 — 1742 годовъ, видѣлъ блескъ елисаветинскаго двора (1); подъ старость, около 1750 года, поселившись въ своемъ имѣньи близъ Ярославля, онъ былъ виднымъ человѣкомъ въ своемъ околодкѣ, былъ друженъ съ ярославскимъ воеводою Мусинымъ-Пушкинымъ и вмѣстѣ съ нимъ покровительствовалъ театральнымъ затѣямъ знаменитаго Ѳ. Г. Волкова (2): стало быть, старику Майкову нечужды были интересы нѣсколько цивилизованной жизни. Можетъ быть, и Василій Ивановичъ видѣлъ въ отцовскомъ домѣ первые сценическіе опыты Волкова и его товарищей и, конечно, долженъ былъ сохранить о нихъ самое живое впечатлѣніе.

шимъ писателемъ безъ знанія ихъ (см. слова С. Г. Домашнева въ «Матеріалахъ для ист. р. литературы», *г. Ефремова*, стр. 196 и 197). Точно также удивлялись Н. И. Новикову, что онъ, не зная по французски, ни по нѣмецки, сочиняетъ сатирическіе листочки (см. «Живописецъ», изд. 7-ое, стр. 287).

(1) См. «Ист. Семен. п.», *Карцева*, ч. II, стр. 73, 79, 267, 280, 424, 457, 461, 469 и въ прилож. 13 и 76; также Записки В. А. Нащокина, стр. 48 и 99.

(2) См. «Ярославскій литературный сборникъ на 1850 г.», стр. 113 и 114.

Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что въ послѣдствіи онъ былъ коротко знакомъ и съ Волковымъ, и съ его ярославскимъ товарищемъ И. А. Дмитревскимъ.

Съ 1747 года началась для Василья Ивановича дѣйствительная служба въ Семеновскомъ полку; впрочемъ въ елисаветинское время она не была затруднительна. Во весь періодъ военной службы Майкова Россія участвовала только въ одной войнѣ, Семилѣтней, но Семеновскій полкъ не ходилъ въ походъ; вообще, изъ гвардіи въ дѣйствующую армію отправились только волонтеры, и Майковъ не былъ въ числѣ ихъ (1). Такимъ образомъ, служебныя обязанности Майкова ограничивались военными экзерциціями, дежурствами и хожденіемъ въ караулъ въ городскихъ и загородныхъ дворцахъ, въ самой полковой слободѣ и другихъ мѣстахъ; кромѣ того, однажды Майкову дано было особое служебное порученіе: въ 1759 году онъ былъ назначенъ начальникомъ рекрутской партіи, которая отправлялась въ дѣйствующую армію (2). Нетяжелая гвардейская служба еще облегчалась для него нерѣдкими отлучками въ отпускъ, къ матери, которая, живя въ деревнѣ, старалась удержать при себѣ сына какъ можно долѣе (3). Въ 1760 году возникло даже нѣкоторое дѣло по поводу его нерадѣнія къ службѣ. Пробывъ нѣкоторое время въ отпуску и продоливъ его отсрочкой, Василій Ивановичъ, по словамъ старин-

(1) См. «Ист. Сем. п.», *Карцева*, ч. II, стр. 472—477.

(2) См. тамъ же стр. 260 и слѣд., также стр. 283. Въ поэмѣ «Елисей» встрѣчаются воспоминанія изъ времени военной службы Майкова: поэма начинается похожденіемъ героя въ кабакѣ «Звѣзда», который находился «противъ Семеновскихъ слободъ послѣдней роты» (п. I, стр. 29); герой поэмы — «житель Ямскія слободы», которая находилась въ сосѣдствѣ съ полковою, и жители которой были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ семеновцами (см. «Ист. Сем. п.», *Карцева*, стр. 235 и 397); въ п. IV, ст. 44. авторъ воспоминаетъ о лѣсахъ на берегу Фонтанки, которые дѣйствительно существовали тамъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія (*Карцевъ*, стр. 365 и 366); въ п. V онъ разсказываетъ о кулачномъ боѣ происходившемъ у «Руки»; такіе бои въ прошломъ столѣтіи дѣйствительно устроивались простымъ народомъ на принадлежавшей полку землѣ, между Ямскою и Семеновскою слободами. На эти бои собиралось до пяти тысячь народу (*Карцевъ*, стр. 330 и 397).

(3) Изъ семейныхъ бумагъ.

наго документа, не удовольствовался ею и другую челобитную, о новой отсрочкѣ, прислать не замедлилъ. Такое нерадѣніе обратило на себя вниманіе высшаго начальства, и подполковникъ Семеновскаго полка графъ А. И. Шуваловъ просилъ маіора И. А. Выидомскаго навести справку о Майковѣ: «подлинно ли онъ болѣнъ и такъ, что за тѣмъ къ полку явиться не можетъ, или въ нарочитомъ своего здоровья состояніи?» (1) Къ чему повели эти справки, и чѣмъ вообще кончилось дѣло — неизвѣстно. Наконецъ, 25 декабря 1761 года Василій Ивановичъ вышелъ изъ военной службы и «по именному указу отставленъ на свое пропитаніе гвардіи капитаномъ» (2). Такимъ образомъ, онъ избѣгъ новыхъ военныхъ порядковъ, начавшихся при Петрѣ III, который, вслѣдъ за воцареніемъ, велѣлъ вытребовать къ мѣсту служенія всѣхъ гвардейцевъ, числившихся въ отпуску (3).

Скудость данныхъ лишаетъ насъ возможности пополнить эти извѣстія подробностями о внутреннемъ развитіи В. Майкова въ теченіе его молодости. Среда, въ которой онъ жилъ, служа въ полку, не отличалась ни образованіемъ, ни нравственной выработкой (4); но и въ ней, съ начала пятидесятыхъ годовъ, выдаются люди, одушевленные стремленіемъ къ просвѣщенію. Въ Петербургѣ это стремленіе питалъ Шляхетный кадетскій корпусъ, въ стѣнахъ котораго возникла мысль объ исполненіи на сценѣ піесъ Сумарокова, а потомъ объ изданіи чисто литературнаго журнала. Въ Москвѣ развивалъ любовь къ образованію только что основанный университетъ, который, съ первыхъ лѣтъ своего существованія, сталъ поселять въ своихъ питомцахъ «вкусъ къ словеснымъ наукамъ» (5), и при которомъ вскорѣ тоже возникло литературное періодическое изданіе. Не мудрено, что В. Майковъ, еще въ тече-

(1) Эти подробности извлечены изъ письма Шувалова къ Выидомскому, сообщеннаго намъ П. И. Бартеневымъ; подлинникъ письма хранится въ Чертковской библіотекѣ, а туда доставленъ М. М. Евреиновымъ.

(2) Изъ архив. Семен. полка.

(3) Записки Державина, стр. 16.

(4) О нравахъ офицеровъ см. напр. въ запискахъ М. В. Данилова и Г. Р. Державина.

(5) См. Соч. Фонъ-Визина, 1866 г., стр. 534.

ніе своей военной службы, познакомился съ нѣкоторыми представителями просвѣщенной петербургской молодежи, А. П. Сумароковымъ, И. П. Елагинымъ, И. И. Мелиссино (1). Еще болѣе вѣроятно, что въ числѣ самыхъ раннихъ знакомствъ Майкова въ кругу людей образованныхъ относится его сближеніе съ его земляками Волковымъ и Дмитревскимъ. Майковъ долженъ былъ съ ними сойтись если не въ Ярославлѣ, то вскорѣ по пріѣздѣ ихъ въ Петербургъ изъ роднаго города. Кромѣ того, онъ могъ даже видѣть ихъ и на придворной сценѣ, такъ какъ гвардейскіе офицеры при императрицѣ Елисаветѣ не рѣдко приглашались во дворецъ на куртаги и театральныя представленія (2). Изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ видно, что оба они помогали Майкову своими совѣтами, и это были, вѣроятно, первыя указанія, которые онъ получилъ, принимаясь за литературныя занятія (3).

Кратковременное правленіе Петра III, въ началѣ котораго Майковъ оставилъ Петербургъ (4), не привлекло къ себѣ общественнаго сочувствія (5). Послѣ того удовлетворенія, которое получило народное чувство въ царствованіе Елисаветы, казалось, снова наступало господство чужихъ элементовъ. Но общество стало уже смѣлѣе: кружки недовольныхъ образовались въ разныхъ его слояхъ; духовенство роптало на невниманіе къ православной церкви, военные — на предпочтеніе гольштинскихъ войскъ русскимъ; внезапное замиреніе съ Пруссіей и переходъ русскихъ войскъ изъ австрійскаго лагеря подъ начальство Фридриха II казались оскорбленіемъ для

(1) Въ послѣдствіи мы видимъ его въ болѣе или менѣе короткомъ знакомствѣ съ ними.

(2) «Ист. Сем. п.», *Карцева*, стр. 392 и прилож. 69.

(3) См. стихотвореніе Майкова о Волковѣ, найденное нами въ рукописяхъ Василія Ивановича, сообщенныхъ А. А. Егоровымъ. Хвостовъ въ своихъ матеріалахъ говоритъ о Дмитревскомъ: «Творцы театральныхъ сочиненій, Сумароковъ, Княжнинъ, Ржевскій, Майковъ, Николевъ, Фонъ-Визинъ и другіе, при рожденіи оныхъ, не оставляли испытывать его мнѣнія.»

(4) Первое его стихотвореніе напечатано въ Москвѣ, въ январѣ 1762 года.

(5) Указы имп. Екатерины II на 1762 г., изд. 1773 г., «обстоятельный манифестъ о ея воцареніи», стр. 13 — 20.

чести русскаго имени. Этими явленіями подготовлялся успѣхъ переворота 28 іюня 1762 года, и когда переворотъ совершился, общественное мнѣніе громко выразило свое сочувствіе къ нему и свое неодобреніе къ мѣрамъ предъидущаго царствованія. Эту смѣну настроеній мы можемъ прослѣдить и въ В. И. Майковѣ: двѣ его оды, написанныя во второй половинѣ 1762 года, свидѣтельствуетъ, что въ правленіе Петра III онъ принадлежалъ къ числу недовольныхъ и съ искреннею радостью встрѣтилъ вступленіе на престолъ императрицы Екатерины II.

Съ этимъ событіемъ совпадаетъ замѣтный переворотъ и въ жизни русскаго общества. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II на поприще государственной и общественной дѣятельности выступили новые люди, благодаря которымъ значительно подвинулось общественное развитіе. Эта смѣна общественныхъ дѣятелей должна была имѣть выгодное вліяніе на судьбу многихъ отдѣльныхъ лицъ. Такъ, по видимому, было и съ В. Майковымъ. Въ сравненіи съ поколѣніями, дѣйствовавшими прежде, новые люди, вызванные новымъ правительствомъ, были болѣе образованные, болѣе цѣнившіе образованіе, болѣе подготовленные къ общественной дѣятельности. Многіе изъ нихъ ясно сознавали понятія гражданскаго долга и имѣли твердые нравственные принципы: это поколѣніе дало депутатовъ для Комиссіи новаго уложенія и создало успѣхъ сатиры Фонъ-Визина и журналовъ 1769 — 1774 годовъ. Еще въ концѣ царствованія Елисаветы литературные дѣятели изъ этого поколѣнія стали заявлять свою пропаганду просвѣтительныхъ и гуманныхъ идей. Не говоря уже о сатирическомъ элементѣ тогдашней литературы, стòитъ вспомнить хотя бы тѣ нравоучительныя статьи, которыми наполнялись тогдашніе журналы (1759 — 1764 г.): эти поученія имѣютъ не одно общее отвлеченное значеніе, но и ближайшее, современное, практическое; не даромъ же, нѣсколько лѣтъ спустя, сама Екатерина издаетъ «Наказъ», въ которомъ предлагаетъ цѣлый кодексъ общественной нравственности. Эти же журналы заботились о возбужденіи умственныхъ интересовъ въ тогдашнемъ обществѣ: съ такою цѣлью въ нихъ помѣщены статьи «о бесѣдахъ и книгахъ», «о чте-

нія книгъ», «о пользѣ и вредѣ драматическихъ сочиненій», «о пользѣ словесныхъ наукъ для военнаго сословія» и т. п. Статьи эти, съ одной стороны, характеризуютъ уровень умственной и нравственной жизни современнаго имъ общества, а съ другой — опредѣляютъ стремленія двигателей его. Изображая жизнь большинства, лишенную цивилизующихъ элементовъ, онѣ почти не находятъ въ ней свѣтлыхъ сторонъ. Вотъ, напримѣръ, какъ одинъ изъ журналовъ описываетъ тогдашній салонъ и его посѣтителей: «Сколь мало утѣшенія, сколь мало пользы могутъ приносить такія бесѣды, которыя состоятъ изъ разныхъ людей, отчасти смѣшныхъ, отчасти глупыхъ, отчасти самолюбивыхъ! Одинъ принуждаетъ насъ слушать пустыхъ своихъ рѣчей по цѣлому часу; другой отягощаетъ слухъ нашъ стономъ и жалобами о такихъ дѣлахъ, которыхъ ни онъ, ни слушатели его перемѣнить не могутъ. Тотъ разсказываетъ съ восхищеніемъ о птичей и псовой охотѣ; сей твердитъ съ досадой, какъ тройка бубновая и король крестовый опустошали кошелекъ его; иной мучитъ, разсказывая со всѣми подробностями о приказныхъ дѣлахъ; другой хвастаетъ, какъ принятъ онъ былъ отъ красавицы, какъ она съ нимъ разговаривала — хороша ли погода; тамъ спорятъ о платьѣ—чье лучше; здѣсь толкуютъ о цвѣтахъ—какой съ какимъ приличнѣе. И ежели еще мало, то покажется какой нибудь хвастунъ и, разсказывая наизусть свою поколѣнную роспись, хочетъ, чтобъ всѣ удивлялися ему въ разсужденіи множества и знатности предковъ его. Всѣ такіе разговоры должно иногда необходимо слушать и притомъ казаться, что слушаешь охотно, ежели не захочешь разрушить такого веселаго собранія» (1). Этой пустой и безполезной жизни журналы противупоставляютъ свои просвѣтительныя стремленія. Они разными доводами доказываютъ пользу чтенія книгъ и «пользу словесныхъ упражненій». «Читать книги—замѣчаетъ одинъ журналъ, — много наблюдать надлежитъ; первое — испытать себя: на что я хочу читать, что я хочу читать, и какъ я буду читать? Ежели стану читать для того, что дома скучно,

(1) «Праздное время въ пользу употребленное» 1759 г., ч. I, стр. 8—9.

а гости не ѣдутъ, то есть, чтобъ прогнать какъ нибудь время, такъ я совѣтую читать все, что захочется и что попадется, для того, что это для такихъ людей неопасно: гости пріѣхали, матерія изъ головы уѣхала да и вѣкъ назадъ не воротится... Философія, нравоученія, книги, до наукъ и художествъ касающіяся, и тому подобныя, не романы, и ихъ читаютъ не для любовныхъ изреченій (какъ романы); для сего должно мнѣ, вникнувъ въ содержаніе книги, разобрать автора моего, содержаніе его книги и достоинство онаго...Скажутъ мнѣ, что въ нашемъ народѣ не столько еще дошли до наукъ, чтобъ читать важныя и всякія ученыя книги, — что очень жалко, однако это не оправданіе. Есть книги, которыя не самой великой важности и такъ легко и внятно писаны, что каждому, кто только человѣческій смыслъ имѣетъ, понимать способно». Статья заключается сентенціей, что книги нужно читать умѣючи (1).

Наставленія, подобныя вышеприведеннымъ, нѣсколько простодушны, но именно наивность ихъ свидѣтельствуетъ, что они были по мѣркѣ той среды, для которой предназначались. Призывъ къ умственнымъ занятіямъ былъ добрымъ словомъ для общества грубаго и развратнаго. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II само правительство озаботилось тѣмъ, чтобы возбудить въ обществѣ интересъ къ образованію, и этою мѣрою болѣе всего подвинуто было общественное развитіе. На В. Майковѣ явнымъ образомъ видѣнъ слѣдъ этого движенія: съ перемѣною общественныхъ условій въ екатерининское царствованіе онъ, человѣкъ безъ образованія, проведшій молодость среди распущеннаго и грубаго люда, развиваетъ въ себѣ охоту къ умственнымъ трудамъ, образуется самоучкою и близко сходится съ людьми, которыхъ одушевляли просвѣщенныя стремленія.

По выходѣ въ отставку Майковъ поселился въ Москвѣ, отлучаясь по временамъ въ Ярославль и свое ярославское имѣнье (2); а 4 августа 1766 года онъ снова поступилъ на

(1) «Полезное Увеселеніе» 1760 г., стр. 4—5.

(2) Пребываніе Майкова въ Москвѣ съ 1762 по 1768 г. опредѣляется тѣмъ, что здѣсь напечатаны всѣ его сочиненія этого періода; отлучки

службу и занялъ должность товарища губернатора Московской губерніи ([1]), въ которой и оставался до 1768 года. Со времени его отставки мы имѣемъ довольно опредѣленныя указанія на тѣ общественныя связи, которыя имѣлъ Василій Ивановичъ. Связи эти были очень обширны: Майковъ сходился и съ литераторами, и съ актерами, и наконецъ съ людьми знатными и чиновными. О знакомствѣ его съ Волковымъ и Дмитревскимъ уже упомянуто. Былъ ли онъ знакомъ съ другими актерами ярославской трупы Волкова, напримѣръ съ Шумскимъ, М. Поповымъ, М. Д. Чулковымъ, нѣтъ извѣстій. Знаемъ только, что въ послѣдствіи Чулковъ нападалъ на Майкова въ своихъ сочиненіяхъ.

Не позже, какъ къ началу шестидесятыхъ годовъ, должно отнести и знакомство Майкова съ А. П. Сумароковымъ. Оставивши управленіе театромъ въ 1761 году, Сумароковъ жилъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. Высоко уважаемый какъ писатель, онъ, по своему задорному характеру, имѣлъ постоянныя столкновенія съ разными лицами. Извѣстна, между прочимъ, его вражда къ В. И. Лукину. Есть преданіе, что Сумароковъ завидовалъ литературнымъ успѣхамъ Лукина, и что Майковъ, критикуя вмѣстѣ съ Сумароковымъ комедіи его противника, говорилъ во многихъ тогдашнихъ салонахъ: «То-де весьма странная вещь, что многіе такіе люди берутся у насъ писать о *свѣтѣ*, не зная хорошенько синь порошиночки по обязанностямъ этого свѣта. Вотъ хоть бы Володякъ Лукинъ, повѣса, шалунъ, подъячій родомъ!» ([2]) Самъ Майковъ съ полнымъ благоговѣніемъ относился къ Сумарокову и открыто признавалъ, что «спознался со Аполлономъ», подражая «полночному Расину». Сумароковъ же въ отношеніи къ нему игралъ роль поощрителя и наставника. Оба писателя въ послѣдствіи не

въ Ярославль засвидѣтельствованы Дмитревскимъ (см. «Мат. для ист. р. лит.», стр. 136) и извѣстіемъ, что 25 мая 1763 г. Майковъ подносилъ Екатеринѣ оду въ этомъ городѣ (см. «Ежемѣсячн. сочиненія» 1764 г., ч. I, стр. 65).

(1) Списокъ лицамъ, находящимся въ гражданской службѣ, на 1767 годъ.

(2) Репертуаръ и Пантеонъ 1844 г., т. VI, стр. 461., статья *М. Н. Макарова* о Лукинѣ.

разъ мѣнялись стихотвореніями, написанными одинъ къ другому (1).

Въ числѣ близкихъ знакомыхъ Майкова въ описываемое время должно упомянуть еще братьевъ Бибиковыхъ и князя Ѳ. А. Козловскаго. Старшій Бибиковъ, Александръ Ильичъ, извѣстный своими политическими способностями, дѣлилъ съ Майковымъ его литературныя занятія: онъ перевелъ прозой поэму Фридриха II «Военная Наука», которую Майковъ переложилъ въ стихи и издалъ въ 1767 году съ посвященіемъ Александру Ильичу. Въ этомъ посвѣщеніи, представляющимъ подтвержденіе дружескихъ ихъ связей, Майковъ говорилъ:

Не думай, чтобы твой я былъ преподлый льстецъ;
Я должность честности и дружбы исполняю,
Какая только есть межъ искреннихъ сердецъ,
И чувства подлыхъ душъ я не питаю:
Не чинъ твой, но тебя единственно я чту,
А прочее я все на свѣтѣ почитаю
За скоротечную и тщетную мечту.

По преданію извѣстно, что А. И. Бибиковъ и Майковъ находились въ перепискѣ, но къ сожалѣнію она не сохранилась. Съ младшимъ Бибиковымъ, Васильемъ Ильичемъ, тоже писателемъ и любителемъ театра, Майковъ долженъ былъ имѣть сношенія по постановкѣ своихъ піесъ на сцену. Кромѣ того, ихъ связывала общая пріязнь къ князю Ѳ. А. Козловскому, молодому вольтеріанцу, котораго Майковъ любилъ за его просвѣщенный умъ и благородство его характера (2). Въ 1770 году, когда Козловскій погибъ въ чесменскомъ сраженіи,

(1) См. въ соч. Майкова оды «о суетѣ міра» и «о вкусѣ» а въ соч. Сумарокова, ч. IX, стр. 201, отвѣтъ на послѣднюю; кромѣ того, въ басняхъ Сумарокова есть одна, посвященная Майкову (см. его сочин., изд. 2-ое, т. VII, стр. 342 — 343).

(2) Сохранилась одна любопытная подробность изъ ихъ знакомства. Однажды зимой 1762 — 1763 года, въ то самое время, какъ Козловскій читалъ Майкову свою неоконченную трагедію, къ первому явился вѣстовой для отдачи рапорта и прервалъ чтеніе. Окончивъ свой рапортъ, молодой солдатъ остановился у дверей и сталъ слушать возобновленное чтеніе; но Козловскій замѣтилъ его присутствіе и сказалъ: «Поди, братецъ служивый, съ Богомъ, что тебѣ по пусту зѣвать, вѣдь ты ничего не смыслишь!» И вѣстовой вышелъ: это былъ будущій знаменитый Державинъ (см. Записки его, стр. 26 и 27).

Майковъ посвятилъ его памяти посланіе къ В. И. Бибикову, въ которомъ, обращаясь къ послѣднему, говоритъ:

Онъ болѣе другихъ тобою знаемъ былъ;
Ты знаешь, сколько онъ отечество любилъ;
Художествъ и наукъ Козловскій былъ любитель,
А честь была ему во всемъ путеводитель:
Не шествуя ль за ней, онъ жизнь свою скончалъ
И храброй смертію дѣла свои вѣнчалъ?

Въ началѣ 1762 года появились въ печати первыя литературныя произведенія Майкова: они были помѣщены въ «Полезномъ Увеселеніи», журналѣ, принадлежавшемъ къ числу тѣхъ изданій, которыя, какъ мы старались показать выше, служатъ однимъ изъ знаменій тогдашняго времени. Журналъ этотъ издавался въ Москвѣ М. М. Херасковымъ, и сотрудничество въ немъ Майкова указываетъ на сношенія послѣдняго съ тѣмъ литературнымъ кружкомъ, который около 1760 года образовался въ Москвѣ, подъ сѣнью университета, и снабжалъ «Полезное Увеселеніе» плодами своихъ трудовъ. Членами этого кружка были Д. И. Фонъ-Визинъ, Я. И. Булгаковъ, И. Ѳ. Богдановичъ, П. С. Потемкинъ и другіе, главою же, несомнѣнно, — самъ Херасковъ, человѣкъ высокаго благородства, искренно преданный просвѣщенію и заслужившій уваженіе не одного поколѣнія въ русскомъ обществѣ (1). Изданіе Хераскова продолжалось съ 1760 года по 1762 годъ подъ именемъ «Полезное Увеселенія», а на 1763 годъ возобновилось подъ именемъ «Свободныхъ Часовъ». Майковъ по прежнему оставался его усерднымъ сотрудникамъ и напечаталъ въ «Свободныхъ Часахъ» оду «на страшный судъ», басню «Собака на сѣнѣ» и нѣсколько отрывковъ изъ Овидіевыхъ «Превращеній», которыя онъ, не зная по латыни, переложилъ въ стихи съ прозаическаго русскаго перевода, можетъ быть, принадлежавшаго Д. И. Фонъ-Визину (2). Кромѣ названныхъ

(1) О знакомствѣ Майкова съ М. М. Херасковымъ см. «Черты изъ жизни М. М. Хераскова», въ «Москвит.», 1850 г., кн. IV, стр. 77.

(2) Допускаемъ это предположеніе на основаніи слѣдующаго сближенія: около 1761 — 1762 годовъ Фонъ-Визинъ перевелъ «Превращенія» (см. «Собраніе лучшихъ сочиненій» Рейхеля, ч. III, стр. 104), но переводъ этотъ оставался не изданнымъ и даже не нашелся между бумагами Фонъ-

произведеній, Майковъ въ теченіе своего пребыванія въ Москвѣ написалъ нѣсколько одъ, рядъ басенъ и поэму «Игрокъ Ломбера», которыя всѣ были изданы отдѣльно. Эта поэма имѣла необыкновенный успѣхъ (1), и всего болѣе содѣйствовала распространенію извѣстности автора, безъ сомнѣнія, потому что содержаніе ея взято изъ области, близко знакомой тогдашнему обществу.

Такимъ образомъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ В. И. Майковъ трудами своими и личными сношеніями вошелъ въ немногочисленный кругъ писателей того времени, и можно думать, что онъ пользовался уже значительною извѣстностью, когда въ 1768 году переселился въ Петербургъ. Этимъ объясняются и нѣкоторыя обстоятельства его жизни и литературной дѣятельности въ Петербургѣ: прожитыя имъ здѣсь шесть лѣтъ были временемъ наибольшихъ его литературныхъ и общественныхъ успѣховъ; въ это время онъ печатаетъ лучшія свои произведенія, вступаетъ въ сношенія совсѣми почти знаменитостями, ему современными, и отзывается своимъ словомъ на многія текущія событія.

Торжественная лирика XVIII вѣка нерѣдко унижала своею громкой лестью правственное достоинство литературы; бывали, случаи что «одописцы» льстили сильнымъ людямъ единственно изъ-за матеріальныхъ выгодъ (2); но было бы неспра-

Визина (см. «Фонъ-Визинъ» *кн. Вяземскаго*, стр. 35 и 285). Майковъ же началъ печатать свои переложенія съ 1762 г., т. е. почти одновременно съ работой Фонъ-Визина. О знакомствѣ Майкова съ Фонъ-Визинымъ есть извѣстіе которое должно относится къ концу шестидесятыхъ и началу семидесятыхъ годовъ: они встрѣчались въ Петербургѣ въ домѣ г-жи Мятлевой (см. «Фонъ-Визинъ», *кн. Вяземскаго*, стр. 243 и 244).

(1) Что доказывается быстрымъ появленіемъ второго и третьяго ея изданія и похвальнымъ отзывомъ о ней въ «Словарѣ» Новикова.

(2) Напримѣръ, въ рукописныхъ матеріалахъ для словаря русскихъ писателей гр. Хвостова мы нашли слѣдующее извѣстіе: «Хотя вообще заключаютъ, что состояніе стихотворца богатствъ съ собою не приноситъ, г. Рубанъ имѣлъ искусство преображать Ипокрену въ струи Пактоловы. Онъ не иначе всходилъ на Парнассъ, какъ для прославленія богатыхъ и знаменитыхъ особъ; болѣе же всего обогатился надгробіями, что и подало

ведливо обобщать эти факты до крайности и совершенно отнимать у старинной лирики способность честнаго отношенія къ силѣ, ей современной. Во всякомъ случаѣ, чтобы произносить нравственный приговоръ о преувеличенныхъ похвалахъ, которыя такъ часты въ лирикѣ XVIII вѣка, не должно забывать о господствовавшихъ тогда литературныхъ понятіяхъ и о тѣхъ пріемахъ выраженія поэтическаго восторга, которые считались тогда обязательными по требованіямъ піитической теоріи, совершенно независимо отъ нравственныхъ побужденій. Въ теченіе шестилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ В. Майковъ написалъ, много стихотвореній, которыя должны быть отнесены подъ рубрику торжественной лирики; онъ воспѣвалъ въ нихъ многихъ тогдашнихъ сильныхъ людей; въ его похвалахъ есть много преувеличеннаго; но нѣтъ повода думать, чтобъ онъ былъ льстецомъ изъ-за матеріальныхъ выгодъ: онъ былъ человѣкъ на столько обезпеченный, что не нуждался въ корыстномъ искательствѣ; добрыя связи его съ разными значительными людьми объясняются его общественнымъ положеніемъ; уваженіе современниковъ свидѣтельствуетъ въ пользу его нравственныхъ качествъ; наконецъ, немногіе, дошедшіе до насъ отзывы представляютъ его человѣкомъ честнымъ. Поэтому, мы можемъ смотрѣть на торжественно-лирическія стихотворенія В. Майкова только какъ на памятникъ его общественныхъ связей и отчасти его политическаго образа мыслей. Кромѣ стихотвореній, относящихся къ самой Екатеринѣ и великому князю Павлу Петровичу, въ которыхъ Майковъ высказывается ревностнымъ почитателемъ государыни, «россной Минервы», прославляющей россное оружіе, но въ то же время заботящейся о внутреннемъ просвѣщеніи Россіи и дающей ей законъ,

Въ которомъ твердо, живо, ясно,
Вездѣ всѣмъ съ пользою согласно
Сама природа вопіетъ,

кромѣ этихъ стихотвореній, мы видимъ, что между 1768 и 1774 годами Майковъ написалъ нѣсколько піесъ, посвя-

случай къ слѣдующей надгробной надписи:

«Здѣсь Рубанъ погребенъ; онъ для науки жилъ;
Надгробописецъ бывъ, надгробну заслужилъ.»

щенныхъ прославленію главныхъ государственныхъ дѣятелей того времени. Особенно рѣзко высказываетъ онъ свое уваженіе къ Орловымъ; но должно замѣтить, что смыслъ похвалъ его въ этомъ случаѣ вполнѣ выдерживаетъ нравственную оцѣнку. Такъ напримѣръ, обращаясь къ графу Г. Г. Орлову по поводу его поѣздки въ Москву для истребленія моровой язвы, онъ говоритъ:

Не тѣмъ ты есть великъ, что ты вельможа первый, —
Достойно симъ почтенъ отъ росской ты Минервы
За множество твоихъ къ отечеству заслугъ, —
Но тѣмъ, что обществу всегда ты вѣрный другъ:
Не самую ль къ нему ты дружбу тѣмъ являешь,
Когда ты спасть Москву отъ бѣдствія желаешь? (1)

Въ отношеніи къ другому Орлову, графу Алексѣю Григорьевичу, Майковъ, по поводу его морского похода въ Архипелагъ, высказывается въ такомъ смыслѣ: этотъ русскій Колумбъ

летитъ чрезъ грозные валы
Не для сысканія новѣйшей свѣта части, —
Для избавленія несчастныхъ отъ напасти
И чтобы гордаго тирана наказать.

Въ противуположность этимъ осмысленнымъ похваламъ любопытно взглянуть на тѣ немногія строки, которыя Майковъ посвятилъ Потемкину: тонъ ихъ сухъ, и похвала, въ нихъ заключающаяся, кажется вынужденною. Изъ другихъ лицъ, къ которымъ Майковъ обращался съ похвалой въ своихъ стихахъ назовемъ еще гр. З. Г. Чернышева, подъ начальство котораго Василій Ивановичъ поступилъ 15 марта 1770 года прокуроромъ военной коллегіи (2). Это была дань стихотворца, необходимая по нравамъ того времени; впрочемъ, къ че-

(1) Прибавимъ кстати, что сохранившееся преданіе указываетъ и на личное знакомство Майкова съ Г. Г. Орловымъ: онъ былъ приглашенъ на обѣдъ, данный Орловымъ петербургскимъ литераторамъ въ 1773 году по случаю пріѣзда Дидро, и здѣсь между прочимъ послѣдній сказалъ черезъ переводчика Майкову, что особенно его сочиненія желалъ бы онъ прочесть, ибо они должны быть чисто творческія, такъ какъ авторъ ихъ не знаетъ иностранныхъ языковъ («Фонъ-Визинъ», соч. *кн. Вяземскаго*, стр. 139—140).

(2) Списокъ гражд. чиновъ 1773 г.

сти Майкова должно замѣтить, что онъ остался «искреннимъ почитателемъ» Чернышева и тогда, когда вышелъ изъ подъ его начальства ([1]).

Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы судить о служебной дѣятельности Майкова; онъ не занималъ такого самостоятельнаго служебнаго положенія, въ которомъ могъ бы проводить свой личный взглядъ на административныя дѣла, да едва ли и имѣлъ къ тому способности. Напротивъ того, сохранилось нѣсколько извѣстій объ общественной дѣятельности Василія Ивановича. 15 сентября 1770 года онъ былъ избранъ въ члены Вольнаго экономическаго общества, въ которомъ могъ занять мѣсто какъ сельскій хозяинъ и фабрикантъ ([2]). Онъ не печаталъ ничего въ періодическомъ изданіи этого общества, но принималъ участіе въ его трудахъ, какъ членъ распорядительнаго комитета. Для характеристики личности Майкова это участіе должно отмѣтить потому, что оно указываетъ на тѣ интересы, которымъ онъ соприкасался: Вольное экономическое общество было однимъ изъ умственныхъ центровъ своего времени, и поднятіе въ немъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ 1765 году свидѣтельствуетъ, что въ кругѣ его находили себѣ мѣсто идеи истинно просвѣщенныя. И послѣ 1765 года общество продолжало заниматься разными болѣе или менѣе важными вопросами тогдашней общественности: такъ напримѣръ, въ 1771 году оно задало задачу о правильномъ распредѣленіи извѣстной суммы денегъ на годовой прожитокъ семейному человѣку: задача, находящаяся въ очевидной связи съ вопросомъ о распространеніи роскоши въ дворянскомъ сословіи.

Впрочемъ, хозяйственное и промышленное дѣло не было преобладающимъ интересомъ въ жизни Майкова. По склонностямъ своимъ онъ былъ преимущественно литераторъ — по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималось въ старину дѣло литературы. Въ то время, когда появленіе но-

(1) Какъ это видно изъ оды Чернышеву, написанной Майковымъ въ 1776 году.

(2) Въ 1771 г. Майковъ завелъ въ Москвѣ полотняную фабрику, но моровая язва разогнала рабочихъ и разстроила все предпріятіе (изъ бумагъ Василія Ивановича).

вой оды считалось важнымъ событіемъ, а критика была такъ мало развита, что и ревностные любители литературы не могли совладать съ литературной оцѣнкой значительнаго произведенія (1), даже одно внѣшнее служеніе литературѣ могло поглощать вниманіе писателей и казаться интересомъ серьезнымъ. Что же касается Майкова, то, какъ увидимъ ниже, онъ вносилъ болѣе широкій взглядъ въ свою литературную дѣятельность.

Кромѣ занятій литературой, Майковъ любилъ театръ и искусство вообще. Онъ самъ охотно трудился для театра: въ слѣдъ за пріѣздомъ въ Петербургъ онъ написалъ прологъ на выздоровленіе императрицы и великаго князя отъ оспы, который и былъ игранъ на придворномъ театрѣ, а годъ спустя, 13 октября 1769 года, на той же сценѣ появилась его трагедія «Агріопа», въ которой играли Дмитревскій и Троепольская. По свидѣтельству современника, она заслужила всеобщее одобреніе: «только послѣдній актъ порицали за излишнюю растянутость» (2). Въ 1773 году Майковъ отдалъ на придворный театръ еще одну трагедію «Ѳемистъ и Іеронима»; но она не была представлена по случаю смерти Троепольской, которой принадлежала въ ней главная роль. Кромѣ того, въ теченіе петербургскаго періода своей литературной дѣятельности, Майковъ переложилъ съ прозы въ стихи переводъ Вольтеровой «Меропы» и задумалъ сдѣлать такое же переложеніе «Маріамны», того же автора. Но въ бумагахъ его остался только прозаическій подстрочный переводъ перваго дѣйствія этой піесы (3). Наконецъ, къ этому же времени нужно отнести и попытку написать еще одну оригинальную трагедію; слѣдуя примѣру Сумарокова, онъ заимствовалъ ея содержаніе изъ древнѣйшей русской исторіи, но, по видимому, не могъ выработ-

(1) Есть преданіе, что когда въ 1779 г. Херасковъ издалъ свою «Россіаду», петербургскіе литераторы собирались у Новикова, чтобы составить ея критическій разборъ, и никакъ не могли сладить съ такой задачей (см. «Мелочи изъ запаса моей памяти», соч. *М. Дмитріева*, стр. 16).

(2) Слова Я. Я. Штелина, приведенныя г. Тихонравовымъ въ «Отеч. зап.» 1867 г., № 10, отд. I, стр. 374.

(3) Переводъ этотъ писанъ частью рукою Василія Ивановича, частью другимъ почеркомъ.

тать для нея такого плана, которымъ остался бы доволенъ (1).

Любовь Майкова къ искусству видна изъ его стихотвореній на торжество Академіи художествъ и на смерть А. П. Лосенка. Майковъ былъ друженъ съ этимъ даровитымъ художникомъ, котораго такъ уважали современники. 26 марта 1773 года Майковъ, получивъ приглашеніе Академіи художествъ на похороны Лосенка, какъ одинъ изъ его «пріятелей» (2),—не могъ принять въ немъ участія по болѣзни и по этому случаю писалъ къ архитектору И. Е. Старову слѣдующее: «Прошу не прогнѣваться, что я быть не могу при выносѣ любезнаго моего пріятеля Антона Павловича: истинно я самъ не здоровъ. На кончину его при семъ посылаю сочиненныя мною стихи;

(1) Въ бумагахъ В. И. находится только незначительный набросокъ, первой сцены ея и два списка дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ видно, что содержаніе піесы не было еще окончательно обдумано авторомъ.

Списокъ первый.

ВЕЛЬМИРА

ТРАГЕДІЯ.

Дѣйствіе есть въ Славенскѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Славенъ, князь славянскій.
Вельміра, дочь его.
Останъ, князь новгородскій, сынъ Руссовъ.
Вадимъ, наперсникъ Славеновъ.
Усерда, наперсница Вельмірина.
Мечестъ, наперсникъ Остановъ
Воины Новгородскіе и славенскіе.

Списокъ второй.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ольга, княгиня.
Бориполкъ, бояринъ.
Святославъ сынъ ея, подъ именемъ Остана.
Вадимъ, пастухъ.
Вадима, супруга его.
Вельміра, дочь ихъ.
Изборъ, молодой пастухъ.

(2) Изъ подлиннаго документа.

притомъ прошу постараться отдать мнѣ его эскизъ картины *Гекторова прощанія съ женою*, ибо онъ мнѣ самъ покойникъ его обѣщалъ отдать, когда картину кончитъ. Вашъ усердный слуга Василій Майковъ. P. S. Или прошу дать наставленіе— гдѣ мнѣ о семъ просить» (1). При всей искусственности, отличающей стихотвореніе Майкова, искренность выраженнаго въ немъ чувства несомнѣнно доказывается приведеннымъ письмомъ. Что касается просьбы Майкова, то она, по видимому, была исполнена (2).

Литературная дѣятельность Майкова въ описываемый періодъ выражалась изданіемъ отдѣльныхъ стихотворныхъ піесъ и сотрудничествомъ въ тогдашнихъ журналахъ. Въ теченіе этого времени онъ издалъ нѣсколько одъ и поэму «Елисей», которая имѣла большой успѣхъ между современными читателями, не смотря на скандалезность своего содержанія. Въ XVIII вѣкѣ нравы русскаго общества, даже той части его, которая возвышалась до значительнаго развитія умственныхъ интересовъ, не отличались большою строгостью; при грубости вкуса, старинная веселость нерѣдко доходила до безстыдства. Это отражалось и на тогдашней русской литературѣ, въ которой «Елисей» не составляетъ исключенія по своей нескромности. Во всякомъ случаѣ, поэма эта не свидѣтельствуетъ объ испорченныхъ нравахъ автора, который могъ быть гораздо болѣе развратенъ на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Замѣчательно и то, что поэма подала поводъ ко многимъ насмѣшкамъ надъ авторомъ, но что никто не вооружался противъ ея безнравственности. Успѣхъ былъ положительно на сторонѣ Василія Ивановича, который подъ его впечатлѣ-

(1) На оборотѣ листа: «Почтенному господину архитектору Старову». При письмѣ приложены стихи.

(2) Письмо и стихи Майкова сохранились въ дѣлѣ о Лосенкѣ въ архивѣ Академіи художествъ и сообщены намъ П. Н. Петровымъ. Объ исполненіи просьбы Майкова можно заключать изъ того, что эскизъ «Гектора» не поступилъ въ Академію художествъ вмѣстѣ съ другими картинами Лосенка и не былъ переданъ его наслѣднику, доктору Григорію Соболевскому, который принялъ вещи покойнаго по инвентарю, сохранившемуся при дѣлѣ.

ніемъ задумалъ перевести или, лучше сказать, переложить въ стихи прозаическій переводъ комической поэмы Буало «Налой». Но этотъ трудъ едва ли былъ имъ оконченъ ([1]). Что касается сотрудничества Майкова въ журналахъ, то оно, повидимому, всегда было привлекательно для нашего автора: онъ участвовалъ въ большей части журналовъ, выходившихъ въ свѣтъ на его вѣку. Удобный поводъ къ журнальной дѣятельности Майкова представило оживленіе петербургской журналистики между 1769 и 1774 годами. Это явленіе заставляетъ предполагать, что въ то время въ Петербургѣ было нѣсколько кружковъ, искренно преданныхъ дѣлу литературы. Одинъ изъ нихъ групировался около Н. И. Новикова, и участіе Майкова въ «Трутнѣ» свидѣтельствуетъ, что нашъ авторъ былъ въ связи съ нимъ. Другой кружокъ долженъ былъ сосредоточиваться около М. М. Хераскова; въ 1771 году послѣдній оставилъ службу при Московскомъ университетѣ и, подобно Майкову, переселился въ Петербургъ; здѣсь жили въ то время и многіе его пріятели, подобно ему занимавшіеся литературой: И. Ѳ. Богдановичъ, А. А. Ржевскій, А. В. Храповицкій и другіе; и вотъ участіе этого кружка несомнѣнно видно въ журналѣ 1772 года «Вечера». Изъ вступленія, которымъ онъ начинается, можно заключить, что онъ издавался цѣлымъ обществомъ любителей литературы. «Мы всѣ, сказано тамъ, — составляемъ небольшое общество; сіе общество вознамѣрилось испытать, можетъ ли благородный человѣкъ одинъ вечеръ въ недѣлѣ не играть ни въ вистъ, ни въ ломберъ и съ ряду пять часовъ въ словесныхъ наукахъ упражняться.» Члены этого кружка были люди болѣе или менѣе достаточные и принялись за изданіе единственно изъ любви къ литературѣ: «Мы, благодаря Бога, насущный хлѣбъ имѣемъ и пишемъ для того, что намъ писать очень захотѣлось: вотъ чистосердечное наше признаніе... О чемъ писать мы будемъ, того еще не знаемъ, потому что мы ничего готоваго не имѣемъ и надѣемся на одни тѣ вечера, которые мы для

(1) Въ бумагахъ В. И. Майкова находится переложеніе только послѣдней пѣсни «Налоя».

словеснаго собранія изъ недѣли удѣлили. Къ намъ приходятъ отъ лица Минервы раздѣлять съ нами вечерніе часы; тутъ сходятся Ѳемидины наперсники, въ нашихъ опытныхъ вечерахъ ревностное участіе пріемлющіе, сыны Марсовы, труды словеснаго вечера принимающіе: вотъ все наше общество» (1). Что журналъ дѣйствительно былъ порожденіемъ литературнаго салона, дѣйствительно наполнялся произведеніями лицъ, съѣзжавшихся на «словесныя вечернія собранія», видно какъ изъ вступленія, такъ и изъ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ самомъ изданіи. Во вступленіи сказано: «Въ первый вечеръ до того собраніе укрѣпилось, что о вчерашнемъ вистѣ ни слова не говорили, и нѣкоторые изъ насъ на ломберныхъ столахъ стихи и прозу писали» (2). Въ журналѣ находимъ образцы тѣхъ литературныхъ забавъ, которыя были въ модѣ въ старину; такъ, въ немъ встрѣчаются стихотворные вопросы и отвѣты, стихи на заданныя рифмы (3), наконецъ стихотворныя загадки, по поводу которыхъ въ журналѣ замѣчено: «Съѣхавшись въ послѣдній вечеръ и по окончаніи нашихъ трудовъ, когда мы гораздо поустали, вздумалось намъ веселѣе его кончить, и для того другъ другу задавали задачи, которыя и сообщаемъ, какъ невинную нашу шутку» (4). Эти литературныя забавы напоминаютъ разсказъ И. И. Дмитріева о томъ, какъ одна изъ немногихъ русскихъ писательницъ второй половины XVIII вѣка, Е. В. Хераскова, любила bouts-rimés и сочиняла ихъ даже въ своей предсмертной болѣзни (5). Что касается содержанія «Вечеровъ», то должно сказать, что оно не имѣло строго опредѣленнаго характера: въ журналѣ помѣщались элегіи, мадригалы, идилліи и много другихъ стихотвореній сентиментальнаго содержанія; рядомъ съ ними были статьи нравоучительныя и сатирическія, но, по современному выраженію, сатиръ «Вечеровъ» только смѣялся и осмѣхалъ, а не кусалъ и не язвилъ (6). Майковъ былъ дѣятельнымъ сотрудни-

(1) «Вечера», ч. I (изд. 1-ое), стр. 6 и 7.

(2) Тамъ же, ч. I, стр. 7.

(3) Тамъ же, часть II, стр. 72 и 78.

(4) Тамъ же, ч. I, стр. 38.

(5) «Взглядъ на мою жизнь», записки *И. И. Дмитріева*, стр. 80.

(6) «Вечера», ч. I, стр. 178.

комъ этого невиннаго изданія: достовѣрно извѣстно, что ему принадлежатъ въ «Вечерахъ» одинадцать стихотвореній (1); но, можетъ быть, число это увеличилось бы, еслибъ мы имѣли болѣе подробныя свѣдѣнія о разбираемомъ журналѣ; во всякомъ случаѣ, замѣтимъ, что нѣкоторыя басни, помѣщенныя въ «Вечерахъ», очень напоминаютъ произведенія Майкова въ этомъ родѣ.

Кружки писателей, занимавшіеся журналистикой, не отличались единствомъ мнѣній, въ особенности по предмету современной литературы. Противъ Майкова, пріятеля Новикову и Хераскову, вооружался журналистъ, полемизировавшій съ «Трутнемъ» — М. Д. Чулковъ, почтенный издатель многихъ полезныхъ сочиненій. Въ его журналахъ «И то, и сё» (1769 г.) и «Парнасскомъ Щепетильникѣ» (1770 г.) не разъ встрѣчаются намеки на Майкова. Такъ, въ стихахъ «на качели» Чулковъ говоритъ:

Овидія себѣ наставникомъ избралъ,
Который никогда, какъ думаю, не вралъ,
Писалъ онъ хорошо, остро, замысловато,
А я переводилъ гораздо плоховато
И такъ нехорошо, что сей великій мужъ
Толико сдѣлался по-русски неуклюжъ,
Колико въ собственномъ нарѣчіи прелестенъ.
Латынскій мнѣ языкъ и русскій неизвѣстенъ,
Другихъ не знаю я, а прочихъ не училъ;
Однако, лишь перо въ чернила омочилъ,
То вздумалъ о себѣ, что есть во мнѣ примѣта
Такая, что мнѣ быть учителемъ полсвѣта,—
Такъ должно ли же въ чемъ послѣдовать кому?
Я далъ свободный путь пространному уму,
Надулся, какъ хомякъ, хоть былъ и многихъ тише,
Грудь выставилъ впередъ и поднялъ носъ повыше,
Не шелъ дорогою, а вздумалъ цѣликомъ
И въ семъ дурномъ пути не думалъ ни о комъ,

(1) На основаніи бумагъ В. И. Майкова, въ которыхъ есть черновыя рукописи нѣкоторыхъ изъ этихъ стихотвореній, и рѣдкаго сборника «Разныхъ стихотвореній» Майкова, въ которомъ перепечатано нѣсколько его піесъ изъ «Вечеровъ».

Учиться не хотѣлъ, какъ выступить мнѣ въ люди,
И бубны принималъ, не вѣдая, за жлуди (1).

Ожесточеннѣе всего Чулковъ нападалъ на майковскаго «Елисея». По всей вѣроятности, эта поэма, прежде чѣмъ появилась въ печати въ 1771 году, была распространена въ рукописи, и потому уже въ 1769 году Чулковъ могъ пародировать ее какъ въ томъ стихотвореніи, изъ котораго приведенъ выше одинъ отрывокъ, такъ и въ своей сатирической поэмѣ «Плачевное паденіе стихотворцевъ», произведшей много шуму между писателями, современными ея автору (2). Впрочемъ, сколько извѣстно, Майковъ не отвѣчалъ на рѣзкіе отзывы Чулкова: по всей вѣроятности, онъ удовлетворялся тѣмъ, что Чулкова жестоко осмѣивалъ новиковскій «Трутень».

Но былъ другой писатель, котораго Майковъ не щадилъ своими насмѣшками: мы разумѣемъ стихотворца В. П. Петрова. Майковъ называлъ его спасскимъ школьникомъ (3) (такъ какъ Петровъ былъ ученикомъ, а послѣ учителемъ въ заиконоспасской Славяно-греко-латинской академіи, обыкновенно называвшейся спасскими школами и смѣялся надъ надутымъ, «пухлымъ» слогомъ его одъ и перевода «Энеиды», сходясь въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ Новикова, Хераскова и журналовъ «Смѣсь» и «Вечера». Литературныя произведенія Петрова такъ мало уважались въ кружкахъ, въ которыхъ вращался Майковъ, что одинъ неизвѣстный по фамиліи стихотворецъ, желая угодить издателямъ «Вечеровъ», не нашелъ ничего лучше, какъ прислать имъ стихотвореніе, въ которомъ рѣзко осмѣивался Петровъ и восхвалялись Херасковъ и Майковъ (4). Въ свою очередь осмѣянный лирикъ и переводчикъ «Энеиды» не остался въ долгу у нашего автора: въ «Посланіи къ Екатеринѣ II» Петровъ рисуетъ характеристику бездарнаго стихотворца, который берется за всѣ роды поэзіи, хочетъ плѣнять

(1) «И то, и сё», недѣля 16.

(2) См. тамъ же и поэму Чулкова, ошибочно перепечатанную въ собраніи Сочиненій В. Майкова 1809 г., стр. 117, 118, 122 и 123; также «Парнасскій щепетильникъ», стр. 286.

(3) Изъ бумагъ гр. Хвостова; срвн. примѣчанія къ «Елисею» и мелкимъ стихотвореніямъ.

(4) «Вечера», ч. II, стр. 29—32.

то бурлацкимъ, то ангельскимъ пѣніемъ, то кричитъ «пьянаго во образѣ Елеси», то ищетъ безсмертія баснями, то желаетъ прославиться трагедіей, пускается въ хлѣбосольство съ комедіантами и все-таки терпитъ неудачу (1); въ «Посланіи къ... изъ Лондона» того же автора находимъ другую характеристику дурного поэта: онъ угощаетъ обѣдами пріятелей, хулитъ чужія сочиненія, а свои стихи всѣмъ читаетъ и разноситъ по большимъ боярамъ, за что слыветъ Гораціемъ въ Морской и Пиндаромъ въ Миліонной; ему покровительствуетъ какой-то меценатъ, живущій на Мойкѣ, а словарникъ его расхваливаетъ (2). Въ этихъ очеркахъ Майковъ могъ узнать себя, хотя они и писаны подъ вліяніемъ раздраженнаго самолюбія.

Общественная среда, въ которой жилъ Майковъ въ Петербургѣ, познакомила его и съ тѣмъ нравственнымъ ученіемъ, которое называется масонствомъ. Масонство проникло въ Россію еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, но долго не имѣло никакой опредѣленности въ своемъ содержаніи и устройствѣ и не оказывало вліянія на русское общество. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ одинъ изъ раннихъ послѣдователей масонскаго ученія въ Россіи, И. П. Елагинъ, погрузился въ его разработку и тѣмъ, вѣроятно, далъ толчекъ мысли русскихъ масоновъ. 22 мая 1770 года основана была въ Петербургѣ Великая провинціяльная ложа, поставившая себя въ зависимость отъ англійской ложи-матери и избравшая Елагина своимъ великимъ провинціяльнымъ мастеромъ (3). Съ тѣхъ поръ масонство стало быстро распространяться въ Россіи:

(1) Соч. Петрова, 1811 г., ч. III, стр. 120 — 167.

(2) Тамъ же, стр. 105 — 119. Подъ Меценатомъ, живущимъ на Мойкѣ, должно разумѣть гр. З. Г. Чернышева, домъ котораго находился у Синяго моста, а подъ словарникомъ — Новикова, отозвавшагося съ похвалой о Майковѣ въ своемъ словарѣ. Въ этомъ отзывѣ между прочимъ сказано, что поэма «Елисей» похваляется въ Россіи за то, что «она еще первая у насъ такая правильная шутливая издана поэма» («Матеріалы» г. *Ефремова*, стр. 69). Петровъ пародируетъ эти слова:

> Сей первый издалъ въ свѣтъ шутливую піесу
> По точнымъ правиламъ и хохота по вѣсу.

(3) «Новиковъ и московскіе мартинисты», соч. *М. Лонгинова*, стр. 93 — 94.

оно вошло въ моду, и въ масонскія ложи стали вступать люди разныхъ слоевъ общества, разумѣется, болѣе или менѣе образованнаго; при тогдашнемъ слабомъ развитіи общественности, то равенство между членами, которое господствовало въ ложахъ, было особенно привлекательно для участниковъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ нравственная цѣль союза оставалось нѣсколько въ тѣни: масонскія засѣданія, происходившія въ нарочно для того устроенномъ помѣщеніи, не имѣли характера серьезнаго и превращались въ веселыя собранія, требовавшія значительныхъ издержекъ и привлекавшія блескомъ и торжественностью своей обстановки (1). Но рядомъ съ этимъ моднымъ увлеченіемъ мы видимъ людей, которые серьезно смотрѣли на масонство: уже въ томъ собраніи масонскихъ пѣсенъ, въ которомъ помѣщена пѣсня на смерть А. И. Бибикова (2), находимъ ясное выраженіе идей человѣколюбія и христіанскаго равенства и братства, составлявшихъ сущность масонской морали. Неизвѣстно въ точности, въ какое именно время Майковъ поступилъ въ масонское общество, и кѣмъ онъ былъ туда введенъ; но есть указаніе, что около 1773—1774 годовъ онъ посѣщалъ ложу «Ураніи», въ которой великимъ мастеромъ былъ В. И. Лукинъ, а въ 1775 году былъ великимъ провинціяльнымъ секретаремъ Великой провинціяльной ложи, вѣроятно, замѣнивъ собою того же Лукина, который занималъ должность секретаря въ 1773—1774 годахъ (3). Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Майковъ не увлекался одною внѣшностью масонскихъ обрядовъ; для него масонство было серьезнымъ нравственнымъ ученіемъ, что онъ и доказалъ произведеніями, которыя написалъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Около половины 1775 года Василій Ивановичъ оставилъ Петербургъ: лѣтомъ этого года мы видимъ его въ Москвѣ

(1) «Histoire de la franc-maçonnerie», par *Findel*, p. 406—407.

(2) По свидѣтелству записокъ Васильева, эта пѣсня была сочинена вслѣдъ за смертью Бибикова въ 1774 г. и пѣлась въ обществѣ (см. ст. *г. Пекарскаго* «Любитель литературы Екатерининскихъ времепъ», Отеч. Зап. 1855 г., т. CV, отд. I, стр. 511).

(3) «Новиковъ», соч. *Лонгинова*, стр. 97 и «Библіографическія замѣтки» *А. М. Лазаревскаго*, стр. 5.

описывающимъ торжество мира съ Оттоманскою портою, происходившее здѣсь 15 іюля, въ присутствіи императрицы. Извѣстно, что это событіе, которымъ ознаменовалось окончаніе первой турецкой войны и подавленіе пугачевскаго бунта, начинаетъ собою второй періодъ екатерининскаго царствованія, въ теченіе котораго ранніе пособники императрицы, А. и Г. Орловы, З. Г. Чернышевъ и другіе, были отодвинуты на второй планъ, а на мѣсто ихъ выступили новые люди, и во главѣ ихъ Потемкинъ. Майковъ еще прежде мирнаго торжества, въ Петербургѣ, могъ видѣть начало этой перемѣны въ составѣ высшей администраціи и двора, и, вѣроятно, удаленіе тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ былъ всего ближе, и которые, конечно, ему покровительствовали, внушило Василію Ивановичу мысль оставить службу въ Петербургѣ и переселиться въ Москву—если не совсѣмъ на покой, то по крайней мѣрѣ подалѣе отъ центра придворной суеты и административнаго честолюбія. 4 сентября 1775 г. Майковъ пожалованъ былъ въ бригадиры и назначенъ главнымъ членомъ въ конторѣ Мастерской и оружейной палаты, въ вѣдѣніи которой состояли всѣ древнія драгоцѣнности, принадлежавшія императорскому двору (1). Должность эта не была отяготительна, и потому Майковъ могъ полнѣе, чѣмъ когда либо, отдаться литературнымъ занятіямъ. Онъ продолжалъ писать лирическія стихотворенія и драматическія пьесы. Первыя онъ обыкновенно посылалъ въ Петербугъ, гдѣ они появлялись въ журналахъ (2), а вторыя ставилъ на московской сценѣ. Кромѣ того, въ эти годы московской жизни Майковъ издалъ въ свѣтъ свои трагедіи, написанныя въ Петербургѣ. Посланіе его къ Н. П. Архарову, московскому оберъ-полицеймейстеру, бывшему правой рукой у тогдашняго московскаго главнокомандующаго кн. М. Н. Волконскаго, свидѣтельствуетъ, что Василій Ивановичъ желалъ принять участіе въ управленіи московскимъ театромъ, который находился тогда въ част-

(1) Свѣдѣнія изъ Архива оружейной палаты.

(2) Въ «Собраніи Новостей» Шнора и «Спб. ученыхъ вѣдомостяхъ» Новикова; о стихотвореніяхъ Майкова въ этомъ изданіи Новикова упоминаетъ М. Н. Муравьевъ въ письмѣ къ своему отцу отъ 10 авг. 1777 г. (хран. въ Чертковск. библ.), но мы не могли ихъ отыскать.

ныхъ рукахъ (1). Но эти предположенія почему-то не состоялись. Кстати замѣтить, что онъ вообще любилъ устроивать общественныя удовольствія: есть извѣстіе, что онъ былъ директоромъ одного изъ московскихъ клубовъ и учредителемъ какихъ-то концертовъ (2).

Кромѣ свѣтскихъ знакомствъ, Майковъ велъ въ Москвѣ и знакомства литературныя; въ то время однимъ изъ литературныхъ центровъ въ Москвѣ было Вольное россійское собраніе, существовавшее при Московскомъ университетѣ подъ предсѣдательствомъ И. И. Мелиссино. 22 іюня 1775 года Майковъ былъ избранъ его членомъ (3) и напечаталъ въ его «Трудахъ» оду къ архіепископу Платону. Сверхъ того, живя въ Москвѣ, Майковъ встрѣчался съ Сумароковымъ, М. Н. Муравьевымъ и Д. И. Хвостовымъ, своимъ родственникомъ. Сумарокову онъ посвятилъ два стихотворенія и кромѣ, того написалъ въ память ему эпитафію, а Муравьева онъ зналъ еще въ Петербургѣ и руководилъ первыми его литературными опытами (4). Наконецъ, вскорѣ по переѣздѣ въ Москву, Майковъ пріобрѣлъ связи по масонству. Съ 1776 года здѣсь возникла ложа подъ предсѣдательствомъ князя Н. Н. Трубецкого, извѣстнаго впослѣдствіи своимъ участіемъ въ филантропической и литературной дѣятельности Новикова. Къ этой ложѣ примкнулъ и Василій Ивановичъ. Въ томъ же 1776 году онъ имѣлъ случай познакомиться съ И. Е. Шварцемъ, на время пріѣхавшимъ въ Москву изъ Могилева, и ввелъ его въ ложу Трубецкаго. Вскорѣ послѣ того Майковъ содѣйствовалъ сближенію Шварца и съ Новиковымъ, вѣроятно, на время пріѣзжавшимъ въ Москву (5). Съ перваго своего появленія въ средѣ преданнѣйшихъ московскихъ масоновъ, Шварцъ

(1) Именно М. Е. Медокса и кн. П. В. Урусова. Майковъ, вѣроятно, желалъ вступить съ нимъ въ компанію.

(2) Изъ письма М. Н. Муравьева къ отцу отъ 24 ноября 1776 г., хранящагося въ Чертковской библіотекѣ.

(3) См. «Труды В. Р. Собр»., ч. III, списокъ вновь поступившихъ членовъ.

(4) См. «Оды» *М. Муравьева*, 1775 г., стр. 21 и 26.

(5) «Новиковъ», соч. *М. Лонгинова*, стр. 078.

получилъ между ними вліяніе: можно думать, что, благодаря ему, возвысился уровень нравственнаго разумѣнія масонскихъ тайнъ въ этомъ кружкѣ. Такое проникновеніе во внутренній смыслъ масонства замѣтно и въ Майковѣ: съ 1777 года стихотворенія его становятся выраженіемъ основныхъ идей масонскаго ученія и потому охотно принимаются Новиковымъ въ начатый имъ въ Петербургѣ масонскій журналъ «Утренній свѣтъ». Въ слѣдствіе того, соображая личныя связи Майкова и умственное настроеніе его послѣднихъ лѣтъ, можно думать, что онъ принялъ бы близкое участіе въ той благотворной просвѣтительной и филантропической дѣятельности, которою ознаменовали себя лучшіе представители русскаго масонства, собравшіеся въ Москвѣ въ 1779 году. Но судьба судила иначе: въ началѣ 1778 года Майковъ былъ вызванъ въ Петербургъ «безъ его исканія», какъ свидѣтельствуетъ М. Н. Муравьевъ, и ему предложили должность герольдмейстера ([1]). Но прежде, чѣмъ состоялось это повышеніе, онъ вернулся въ Москву и здѣсь скоропостижно скончался 17 іюня 1778 года. 21 іюня было его погребеніе ([2]). Его похоронили въ Донскомъ монастырѣ, въ теплой первоначальной церкви, съ правой стороны, за алтаремъ ([3]).

Майковъ оставилъ хорошую память въ кругу людей, знавшихъ его. «Смерть рано его отъ насъ похитила къ чувствительному урону сколько друзей его, столько и читателей», сказалъ о немъ Домашневъ въ 1779 году ([4]). Эти дружескія сожалѣнія оправдываются нѣсколькими добрыми отзывами, которые оставили о Майковѣ его знакомцы. «При дарованіяхъ

(1) Изъ письма М. Н. Муравьева къ отцу отъ 6 февраля 1778 г., хранящагося въ Чертковской библіотекѣ.

(2) Свѣдѣніе изъ Архива оружейной палаты.

(3) См. «Путеводитель къ древн. и достопамятн. Москвы», М. 1792 г., ч. IV, стр. 125. Майковъ, женатый съ конца пятидесятыхъ годовъ на Екатеринѣ Васильевнѣ Мельгуновой, имѣлъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей; жена пережила его; изъ сыновей одинъ занимался живописью, другой въ молодыхъ лѣтахъ погибъ въ сраженіи, въ шведскую компанію 1790 года, о чемъ есть извѣстіе въ сочиненіяхъ М. Н. Муравьева, ч. I, стр. 88.

(4) См. «Матеріалы для истор. р. лит»., г. *Ефремова*, стр. 197.

стихотворца, говоритъ Хвостовъ,—Василій Ивановичъ былъ честный человѣкъ, хорошій другъ и отлично за остроту разума своего и душевныя качества почитаемый» (1). Мягкосердый М. Н. Муравьевъ «благоговѣлъ предъ тѣнью Майкова» (2). Описывая характеръ писателей, съ которыми онъ былъ знакомъ въ молодости, онъ говоритъ: «Василій Ивановичъ Майковъ цѣлый день бывалъ занятъ забавами общества и никогда не заговаривалъ самъ о стихахъ. Но на единѣ и съ людьми, которые показывали стараніе пользоваться его знаніями и вкусомъ, охотно любилъ онъ разговаривать о стихотворствѣ. Онъ былъ чувствителенъ къ прелестямъ похвалы. Въ лицѣ его было чистосердечное выраженіе добродушія и любви его къ стихотворству. Въ искусствѣ своемъ имѣлъ онъ нѣкоторыя собственныя мнѣнія, которыя защищалъ онъ съ живостью. Обхожденіе самое свѣтское, знакомство знатныхъ заставляло его краснѣть отъ имени стихотворца. Ему казалось обидѣть кого нибудь, чтобъ не обязать его. Какая веселость, какая свѣтлость сердца и разума!» (3). Такъ какъ о личности нашего автора сохранилось мало характеристическихъ данныхъ, то эти короткія слова Муравьева особенно дороги для біографа В. И. Майкова. Они открываютъ просвѣтъ на затемненную временемъ личность писателя; ими хоть немного скрашиваются и оживляются тѣ сухія и чисто внѣшнія данныя, которыя одни сохранились о жизни Майкова. Что же касается справедливости характеристики, то ее можно отчасти провѣрить другими современными указаніями: вспомнимъ, напримѣръ, сатирическія выходки Чулкова и Петрова, и мы убѣдимся, что Муравьевъ вѣрно указалъ на самолюбіе Май-

(1) См. его сочиненія, изд. 1820 г., ч. Ш, стр. 288.

(2) Тамъ же, стр. 317.

(3) Изъ матеріаловъ Хвостова для словаря русскихъ писателей. Кромѣ того, онъ написалъ слѣдующую надпись къ портрету Майкова:

Вотъ Майкова лицо! Онъ дарованьемъ славенъ,
Былъ честный человѣкъ, пріятенъ и забавенъ,
Направя странствіе въ безсмертный храмъ свое
Съ «Елеською» въ рукахъ—и говоритъ: «Мое!»

кова, какъ на преобладающую черту его характера. Самолюбіе это было такъ велико, что Василій Ивановичь не любилъ являться въ свѣтскомъ обществѣ исключительно въ роли писателя. Но его любовь къ словесности не позволяетъ думать, что онъ вообще пренебрегалъ этимъ званіемъ. Его смущеніе, «отъ имени стихотворца» свидѣтельствуетъ только, что человѣкъ, посвятившій себя однимъ умственнымъ занятіямъ, съ трудомъ могъ расчитывать на уваженіе въ полуобразованномъ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, гдѣ такъ много было меценатовъ по модѣ и піитовъ по заказу. Напротивъ того, въ дружеской бесѣдѣ съ Сумароковымъ, Херасковымъ, Новиковымъ Майковъ охотно сбрасывалъ съ себя свѣтское тщеславіе, искренно отдавался интересамъ литературы и, не смотря на недостатки своего образованія, удивлялъ друзей своимъ отмѣннымъ дарованіемъ, остротой ума и «нѣжностью и вѣрностью своего вкуса» (1).

Впрочемъ, и въ дѣлѣ образованія Майковъ, идя только въ слѣдъ за общимъ ходомъ его въ Россіи, успѣлъ сдѣлать для себя все, что могъ: уже въ зрѣломъ возрастѣ онъ съумѣлъ усвоить себѣ тѣ успѣхи образованія, которыми ознаменовалась первая половина екатерининскаго царствованія, — въ то же время нисколько не увлекаясь блескомъ ложнаго просвѣщенія и порицая въ другихъ такое увлеченіе («Елисей», пѣснь IV, ст. 13—42). Въ слѣдствіе того, въ складѣ мыслей его хотя и мало было самостоятельныхъ проявленій, по крайней мѣрѣ, относительно вопросовъ политическихъ, общественныхъ и нравственныхъ, но въ общихъ чертахъ онъ раздѣлялъ, по этимъ предметамъ, убѣжденія лучшихъ своихъ современниковъ. Подобно имъ, онъ думалъ, что главными отличіями идеальной монархической власти должны быть «милость и великій духъ» («Оды», XV, стр. 20), и что подъ такою властью всѣ званія и сословія находятъ себя законное и безопасное существованіе:

«На свѣтѣ положенъ порядокъ таковой:
«Крестьянинъ, князь, солдатъ, купецъ, мастеровой

(1) См. свидѣтельство Домашнева въ «Мат. для ист. р. лит.» г. *Ефремова*, стр. 197.

«Во званіи своемъ для общества полезны,
«А для монарха ихъ, какъ дѣти, всѣ любезны».
(Басня 27).

Олицетвореніе такихъ достоинствъ монархической власти Майковъ находилъ, въ Екатеринѣ и потому питалъ полнѣйшее сочувствіе къ ея просвѣщенной дѣятельности съ первыхъ годовъ ея правленія. Съ теченіемъ времени масонское ученіе объ уваженіи къ предержащимъ властямъ могло только укрѣпить въ немъ убѣжденіе, возникшее сперва изъ влеченій его собственнаго сердца. Подобно большинству своихъ современниковъ, Василій Ивановичь не возвышался до критики основныхъ началъ существующаго порядка и порицалъ только уклоненія отъ положительнаго закона. Въ такомъ смыслѣ должно понимать встрѣчающіяся у него (въ басняхъ, «Елисеѣ» и «Деревенскомъ праздникѣ») обличенія противъ кривосудія, взяточничества, казнокрадства и откупныхъ поборовъ, обличенія, по своему смыслу однородныя съ тѣми, которыя находимъ въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина и въ сатирическихъ журналахъ 1769 — 1774 годовъ. Нравственныя понятія, которыя высказывалъ Майковъ, также сходятся съ мыслями лучшихъ современныхъ ему писателей. По убѣжденію нашего автора, основное понятіе общественной нравственности, есть понятіе о чести, какъ средоточіи человѣческихъ добродѣтелей. Майковъ не находилъ лучше похвалы своему другу Козловскому, какъ въ словахъ: «честь ему была во всемъ путеводитель» («Оды», XVIII, ст. 26). Таково же коренное убѣжденіе Фонъ-Визина и Екатерины, которая, въ своемъ «Наказѣ», признаетъ честь главною добродѣтелью дворянина. Прямымъ слѣдствіемъ такого убѣжденія является у Майкова увѣренность, что нарушеніе чести унизительно; отсюда, въ примѣненіи къ общественнымъ условіямъ, онъ заключаетъ, что если законъ дозволяетъ дворянину имѣть своихъ «подданныхъ», то обязанность, согласная съ его честью, — наблюдать, чтобъ они не были «изнурены и разорены». «Вѣдь они такіе же люди, разсуждаетъ Майковъ въ лицѣ добродѣтельнаго помѣщика, выведеннаго въ «Деревенскомъ праздникѣ», — ихъ долгъ — намъ повиноваться и служить исполненіемъ положеннаго на нихъ оброка, соразмѣрнаго силамъ ихъ, а нашъ — защищать

ихъ отъ всякихъ обидъ, даже служа государю и отечеству, за нихъ на войнѣ сражаться и умирать за ихъ спокойствіе.» Въ противуположность нарушенію чести, соблюденіе ея доставляетъ человѣку нравственное удовлетвореніе и открываетъ путь ко счастію:

«Честь хранящимъ то извѣстно:
«Кто живетъ на свѣтѣ честно,
«Тотъ въ спокойствіи живетъ.
«Пусть бѣды его постигнутъ —
«Для него во觉мракѣ свѣтъ!»

(«Деревенскій праздникъ», д. II, явл. 3).

Въ послѣдніе годы жизни нравственный горизонтъ Майкова значительно расширился. Ученіе о благородномъ эгоизмѣ, направляющемъ человѣка къ добродѣтели, замѣнилось сознаніемъ необходимости братской любви между людьми: человѣкъ долженъ своимъ разумомъ поборать страсти, его одолѣвающія («Судъ Паридовъ», ст. 1—6), и искать счастія не въ какихъ либо внѣшнихъ условіяхъ и соблазнахъ міра, а въ своей душѣ, въ своемъ сердцѣ («Приложеніе», XIX, стр. 4). Согласно съ этимъ Майковъ твердо вѣрилъ въ безсмертіе души («Оды», XLII) и считалъ самопознаніе необходимымъ условіемъ нравственнаго совершенствованія человѣка («Оды», XLIII, стр. 10). Въ этихъ убѣжденіяхъ опредѣленно высказываются принципы масонской морали — какъ они были заявлены въ «Утреннемъ Свѣтѣ». Усвоивая ихъ, Майковъ доказалъ, что до конца своей жизни сохранилъ способность развитія и сочувствія къ лучшимъ стремленіямъ своего времени.

II.

Ложный классицизмъ и подражательность русской литературы XVIII в.— Литературныя понятія Майкова. — Недостатки и достоинства его лирики и драмы. — Его басни и комическія поэмы. — Вліяніе на нихъ старинной піитики. — Элементъ дѣйствительности и народности въ нихъ. — Источники ихъ въ популярномъ чтеніи XVIII вѣка. — Басни оригинальныя, ихъ характеръ и выведенные въ нихъ типы. — Значеніе Майкова въ литературѣ.

Излагая образъ мыслей В. И. Майкова, мы уже видѣли, что этотъ писатель не внесъ новыхъ нравственныхъ и политическихъ идей въ общественное обращеніе: какъ мыслитель, онъ не имѣлъ силы и самобытности; поэтому историко-литературная критика не имѣетъ надобности изучать его въ этомъ отношеніи. Но Майковъ былъ еще художникомъ: по крайней мѣрѣ, дѣйствовалъ въ поэтической области нашей литературы. Съ этой стороны произведенія его и подлежатъ изученію.

Извѣстно, что русская литература XVIII вѣка, вступая въ тѣсную связь съ литературой западно-европейской, прежде всего усвоила себѣ ту условность и искусственность поэтическихъ образовъ и формъ, которыя господствовали тогда въ послѣдней. Эта условность и искусственность и составляла отличительную черту ложно-классической литературной теоріи. Требованія ея были строго соблюдаемы въ литературѣ XVIII вѣка; тиранія ихъ была такъ велика, что никто и не думалъ ихъ нарушать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ велика была и ихъ опредѣленность: въ слѣдствіе того всякій, кто слагалъ стихи по извѣстнымъ правиламъ, считался поэтомъ. Правда, даже въ нашей литературѣ XVIII вѣка было высказываемо мнѣніе, то «иное быть піитомъ, а иное — стихи слагать» (1); однако, никто не прилагалъ этого принципа къ дѣйствительности: тотъ самый писатель, который его высказалъ, — писатель, наименѣе способный къ поэтическому творчеству — считалъ себя піитомъ. Наука поэзіи предлагалась начинающимъ писателямъ теоритически въ знаменитомъ кодексѣ Буало, переводъ

(1) Соч. Тредіаковскаго, т. I, стр. 181.

котораго считался почетнѣйшей заслугой Тредіаковскаго ([1]), и практически — во множествѣ стихотворныхъ произведеній всѣхъ родовъ и видовъ. Русской литературѣ образцы произведеній, согласныхъ съ господствовавшей теоріей, даны были Ломоносовымъ и Сумароковымъ. Ими восхищались и — нужно сказать правду — мало отдавали себѣ отчета въ томъ, чѣмъ именно. Такъ, напримѣръ, ода Ломоносова на взятіе Хотина считалась лучшимъ его произведеніемъ — не по внутреннему своему достоинству, а потому, что произвела особенно сильное впечатлѣніе при первомъ своемъ появленіи. Такъ Сумароковъ назывался «наперсникомъ Буаловымъ», «россійскимъ Расиномъ», хотя мало кто съумѣлъ бы дать себѣ отчетъ въ этомъ сродствѣ. Критики литературной, даже во имя господствовавшей условной теоріи, почти не существовало. Корифеи литературы считали себя выше ея. Такъ Сумароковъ, безъ малѣйшаго опасенія показаться смѣшнымъ, могъ говорить: «Каково мое перо, о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу сплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердилися. И что я Россіи сдѣлалъ честь моими сочиненіями, въ томъ я всѣхъ ученѣйшихъ людей во всей Европѣ свидѣтелями имѣю» ([2]). Понятно, что, при такихъ условіяхъ, не было терпимо ни малѣйшее сомнѣніе въ высокихъ достоинствахъ писателей, считавшихся образцовыми. Извѣстно, какое общее неудовольствіе вызвалъ противъ себя Лукинъ, осмѣлившійся критиковать Сумарокова. При строгомъ соблюденіи литературныхъ формъ, при безграничности уваженія къ образцовымъ писателямъ, писатель начинающій неизбѣжно попадалъ на путь подражательный, и только необыкновенная сила литературнаго дарованія могла вывести молодаго литературнаго дѣятеля на дорогу болѣе самостоятельную. Фонъ-Визинъ отличается отъ Сумарокова и журнальныхъ сатириковъ преимуществено силой своего ума и творчества и,

(1) См. объ этомъ отзывъ Дмитревскаго въ «Мат. для ист. р. лит.» г. *Ефремова*, стр. 130 — 131.

(2) Соч., т. IX, стр. 328.

въ слѣдствіе того, большей глубиной содержанія, но не характеромъ и формой своихъ произведеній. Державинъ самъ сознается, что долго старался «парить подобно россійскому Пиндару» (1) прежде, чѣмъ рѣшился измѣнить исключительно торжественному тону лирики и

Забавнымъ русскимъ слогомъ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить.

Писатели менѣе даровитые оставались подражателями въ теченіе всей своей дѣятельности: Петровъ ничего не желалъ болѣе, какъ быть «вторымъ Ломоносовымъ» въ одѣ.

Этому подражательному направленію слѣдовалъ и Майковъ въ большей части своихъ произведеній. Не питая никакихъ сомнѣній противъ основаній ложно-классическаго ученія о поэзіи, онъ подражалъ тѣмъ образцамъ ложно-классической школы, которые были ему доступны: онъ взывалъ къ «несравненному Ломоносову», чтобы занять у него «богатство рѣчей» для оды (см. «Оды торжественныя», VII, стр. 3), и обращался къ другу Таліи и Мелпомены, то-есть Сумарокову, желая идти слѣдомъ за нимъ, безъ сомнѣнія, въ трагедіи (тамъ же, XXXVII). Не зная иностранныхъ языковъ, онъ не могъ искать образцовъ въ иностранныхъ литературахъ и тѣмъ болѣе возбуждалъ удивленіе современниковъ къ своимъ литературнымъ успѣхамъ (2). Современники, согласно съ обычаями тогдашней критики, хвалили произведенія Майкова за точное соблюденіе въ нихъ правилъ піитики (3), признавая, что недостатокъ вліянія иностранныхъ образцовъ выгодно восполнялся въ немъ «нѣжностью и вѣрностью вкуса» (4). Вкусъ, какъ извѣстно, былъ господствующимъ эстетическимъ мѣриломъ въ XVIII вѣкѣ. Понимаемый тогдашними эстетиками какъ чувство приличій, онъ естественно долженъ былъ обращаться всего болѣе къ теоріи и критикѣ слога. Въ такомъ

(1) См. объ этомъ въ «Исторіи русск. словесности», *А. Д. Галахова* т. I, стр. 507 — 508.

(2) См. выше, стр. XII и XIII.

(3) См. отзывъ «Словаря» Новикова, въ «Мат. для ист. р. лит». *г. Ефремова,* стр. 68 и 69.

(4) См. отзывъ Домашнева, тамъ же, стр. 197.

смыслѣ и Майковъ выразилъ свои понятія о вкусѣ въ отношеніи литературы. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говоритъ:

Не пышность — во стихахъ пріятство,
Пріятство въ оныхъ — чистота,
Не громъ, но разума богатство
И важны рѣчи — красота;
Слогъ долженъ быть и чистъ, и ясенъ:
Сей вкусъ съ природою согласенъ.

Въ параллель съ этими положительными заявленіями Майкова о литературныхъ требованіяхъ должно поставить его сатирическія нападки и пародіи на Петрова: въ нихъ мы видимъ указаніе на тѣ литературные недостатки, которые сознавалъ и порицалъ Майковъ. Несомнѣнно, что въ этой полемикѣ справедливость была на его сторонѣ; такимъ образомъ, проводимое имъ мнѣніе о значеніи вкуса въ литературѣ имѣло и свою полезную сторону, ибо охраняло поэзію отъ изысканности и напыщенности. При этомъ должно замѣтить, что самъ Майковъ на практикѣ постоянно старался соблюдать тѣ правила слога, которыя предписывалъ въ теоріи. Постройка его стихотворной фразы вообще отличается простотой, и притомъ стихъ его сохраняетъ гладкость и звучность, въ особенности въ оригинальныхъ его піесахъ. Въ піесахъ переводныхъ, напротивъ того, стихъ нерѣдко бываетъ тяжелъ и конструкція запутана; это, конечно, объясняется желаніемъ перелагателя сохранить возможную точность перевода. Существуетъ любопытное свидѣтельство М. Н. Муравьева о томъ, что Майковъ имѣлъ въ литературѣ нѣкоторыя собственныя мнѣнія, которыя защищалъ съ живостью (1). Это извѣстіе, по всей вѣроятности, относящееся къ литературному разладу между Майковымъ и Петровымъ, не должно остаться не замѣченнымъ: стремленіе къ простотѣ и естественности въ литературѣ, обнаружившись сперва во взглядѣ на слогъ, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи должно было примѣниться и къ содержанію литературныхъ произведеній. И въ этомъ

(1) См. выше, стр. XXXIX.

смыслѣ, какъ увидимъ ниже, оно было не чуждо нашему автору.

Майковъ испыталъ свое дарованіе во всѣхъ родахъ поэзіи Будучи послѣдователемъ Ломоносова въ лирикѣ, онъ написалъ значительное количество одъ и другихъ лирическихъ піесъ. Духовныя стихотворенія Майкова, какъ по свойству своего содержанія, такъ и по примѣру Ломоносова, стоятъ подъ сильнымъ вліяніемъ поэтическихъ образовъ библіи. Торжественныя стихотворенія нашего автора вызваны разными болѣе или менѣе громкими событіями, которыхъ онъ былъ современникомъ. Согласно съ этими поводами, въ большей части одъ его сохраняется тотъ исключительно торжественный тонъ придворной лирики, которымъ она отличалась въ до-державинскомъ періодѣ своего развитія. Свободной дѣятельности творчества въ нихъ не видно; чувство и фантазія ихъ автора находятся въ полной зависимости отъ теоретическихъ требованій и имѣющихся образцовъ. По преобладанію риторическаго характера въ одахъ Майкова, названіе «похвальныхъ словъ въ стихахъ» вполнѣ подходитъ къ нимъ, какъ и къ другимъ подобнымъ произведеніямъ того времени. Постройка одъ Майкова искусственна и, въ своей искусственности, достигаетъ значительной степени выработки, стройности, то есть, каждая ода стоитъ изъ извѣстнаго числа частей, соразмѣрно развитыхъ и расположенныхъ по извѣстнымъ правиламъ. Образы, въ нихъ воспроизведенные, хотя и заимствуются изъ дѣйствительной жизни, но обильно украшаются миѳологическими прикрасами, требуемыми ложно-классической теоріей: такъ императрица Екатерина почти не является въ нихъ иначе, какъ въ образѣ Минервы; въ одной изъ одъ царь Алексѣй Михайловичъ, побѣдоносно воюющій противъ Польши, сравнивается съ Зевесомъ, мещущимъ громъ и пламень изъ тучъ («Оды торж.», II, стр. 35); въ «Стихахъ на отбытіе россійскаго флота» графъ А. Г. Орловъ представляется «сѣвернымъ Ясономъ»; русскія крестьянки являются нимфами, поющими росскія побѣды. Рядомъ съ миѳологическими украшеніями находитъ себѣ мѣсто и гипербола: то говорится,

что Волга хотѣла бы остановить свой бѣгъ въ ожиданіи пріѣзда императрицы въ Ярославль, то провозглашается, что

Екатерина увѣнчалась
Вселенной всей повелѣвать.

Къ числу гиперболичныхъ представленій должно отнести и тѣ образы, въ которыхъ представляются враги Россіи: стихотворецъ не щадитъ для нихъ самыхъ темныхъ красокъ. Нѣкоторыя изъ лирическихъ піесъ Майкова уклоняются однако отъ строгаго, напряженно-восторженнаго и исключительно-торжественнаго строя, который, по ложно-классической теоріи, считался особенно свойственнымъ одѣ: въ нихъ обнаруживается желаніе автора придать изобрѣтеннымъ имъ образамъ колоритъ нѣжный и иногда элегическій (напримѣръ, въ одѣ на бракосочетаніе в. кн. Павла Петровича и в. кн. Наталіи Алексѣевны, также въ «Пѣсни печальной» на кончину послѣдней); въ нихъ же онъ нерѣдко рисуетъ картины природы и мирной сельской жизни. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ Майковъ остается вѣрнымъ господствующему піитическому ученію, такъ какъ и природа, и сельская жизнь являются подъ перомъ его не въ своей естественной простотѣ, а въ украшенномъ видѣ.

Не смотря, однако, на эти типическіе недостатки ложно-классической лирики Майкова, въ ней есть и такія особенности, которыя свидѣтельствуютъ въ пользу его дарованія. Въ его лирикѣ замѣчается живое отношеніе къ современности, къ событіямъ и лицамъ, стремленіямъ и идеямъ его времени. Въ этомъ смыслѣ первая его ода на день тезоименитства Екатерины въ 1762 году и потомъ нѣкоторыя стихотворенія нравственно-философскаго содержанія заслуживаютъ особеннаго вниманія. Кромѣ того, въ лирическихъ піесахъ Майкова, при всей ихъ риторичности, видно желаніе писателя избѣжать той напыщенности слога, которую самъ онъ порицалъ у нѣкоторыхъ современныхъ ему одописцевъ, и изрѣдка замѣчается стремленіе соединитъ съ исключительно торжественнымъ тономъ лирики черты комическія; такъ напримѣръ, въ «Стихахъ на прибытіе Екатерины въ Москву», въ числѣ народовъ, которые должны быть побѣждены Россіей, рисуется и

Продерзостный Манжуръ, что̀ гордостью надутъ.

Наконецъ наиболѣе оригинальную форму лирическое воодушевленіе Майкова обнаруживаетъ въ одномъ неконченномъ стихотвореніи, написанномъ въ 1769 году по поводу взятія Хотина. Эта небольшая пьеса размѣромъ своимъ близко подходитъ къ складу народныхъ пѣсенъ и представляетъ замѣчательную попытку воспроизвести нѣкоторые заимствованные изъ нихъ образы и рѣченія. Въ ней авторъ употребляетъ свойственные нашей народной поэзіи эпитеты, отрицательныя уподобленія, повтореніе предлоговъ и т. п. Въ слѣдствіе того, какъ по замыслу, такъ и по исполненію пьеса эта стоитъ совершенно особнякомъ среди современнаго ей стихотворства. Такимъ образомъ, въ лирикѣ Майкова мы находимъ два элемента: одинъ, господствующій, есть искусственная торжественность, которая вводится въ оды согласно требованіямъ ложноклассической піитики, и другой, изрѣдка проявляющійся, — стремленіе воспользоваться мотивами дѣйствительности и народности. Сочетаніе этихъ элементовъ даетъ возможность поставить лирическія пьесы Майкова на рубежѣ между двумя періодами русской лирики XVIII вѣка, которые типически характеризуются — одинъ въ одахъ Ломоносова, а другой въ поэзіи Державина.

Почти тоже самое можно сказать и о драматическихъ сочиненіяхъ Майкова. Извѣстно, что ложно-классическая трагедія Сумарокова имѣла исключительно героическій характеръ, и что появленіе такъ называемой мѣщанской драмы въ семидесятыхъ годахъ произвело реакцію противъ этой односторонности и повлекло за собою въ послѣдствіи освобожденіе сцены отъ стѣснительныхъ условій ложнаго классицизма. Драматическія произведенія Майкова отражаютъ на себѣ черты этого перелома. Правда, въ трагедіяхъ своихъ онъ является еще близкимъ подражателемъ трагедій Сумарокова; эти пьесы Майкова сохраняютъ въ себѣ всѣ особенности ложно-классическаго типа, какъ-то: завязку, основанную на борьбѣ долга и любви, симметрическій составъ дѣйствующихъ лицъ, чрезвычайныя положенія, создаваемыя для нихъ авторомъ при недостаточной разработкѣ ихъ характеровъ, обиліе монологовъ, предназначенныхъ для «экспозиціи» сюжета, и т. д.; подобно своему образцу, Майковъ умѣетъ создавать эфектныя

сцены, которыя нравились зрителямъ и производили сильное впечатлѣніе. Но, между тѣмъ какъ Сумароковъ до конца своей дѣятельности оставался сторонникомъ героической трагедіи, Майковъ позволилъ себѣ увлечься тѣми нововведеніями, которыя появились на его глазахъ на русской сценѣ. Такъ для московскаго театра, особенно склоннаго принимать эти новости, онъ написалъ пастушескую драму съ музыкой «Деревенскій праздникъ», сюжетъ которой заимствованъ изъ русской народной жизни. Эта была одна изъ первыхъ попытокъ въ своемъ родѣ, и произведеніе Майкова вполнѣ носитъ на себѣ характеръ начальнаго опыта: самое названіе пьесы пастушеской драмой какъ бы предназначено для того, чтобы оправдать передъ зрителями простоту сюжета и того быта, изъ котораго онъ заимствованъ; это же названіе указываетъ и на тотъ идиллическій характеръ, который приданъ пьесѣ, безъ сомнѣнія, въ ущербъ истинности содержанія (ниже мы еще будемъ имѣть случай возвратиться къ этому идиллическому воспроизведенію народной русской жизни). «Деревенскій праздникъ» не отличается трагическимъ элементомъ и, вопреки названію драмы, удобнѣе всего можетъ быть причисленъ къ тому разряду только что возникавшихъ сценическихъ представленій, которыя въ русской драматургіи XVIII вѣка назывались комическими операми: извѣстно, что народность ихъ содержанія доставила имъ продолжительный успѣхъ.

Наконецъ, обращаемся къ той отрасли поэзіи, въ которой Майковъ обнаружилъ всего болѣе таланта, то есть къ эпосу, и остановимъ вниманіе на его басняхъ, сказкахъ и такъ называемыхъ комическихъ поэмахъ. Если въ лирикѣ и драмѣ Майкова чувствуется нѣкоторое стремленіе стать на почву дѣйствительности и народности, то въ его эпическихъ произведеніяхъ это стремленіе дѣлается господствующимъ: въ немъ то и заключается ихъ существенное достоинство и значеніе. Но такъ какъ и при самыхъ плодотворныхъ стремленіяхъ ни одинъ писатель XVIII вѣка не могъ освободиться отъ теоретическихъ требованій ложнаго классицизма, то и эти послѣднія оказываютъ свое вліяніе на сей часъ названныя произведенія Майкова: и басни, и комическія поэмы вышли изъ подъ пера его все таки въ формѣ, узаконенной ложно-классической піити-

кой и соотвѣтствующей одобреннымъ ею образцамъ; по этому басни и поэмы нашего автора подлежатъ разсмотрѣнію съ двухъ сторонъ: во первыхъ съ точки зрѣнія господствовавшихъ въ XVIII вѣкѣ литературныхъ понятій, и во вторыхъ, со стороны элемента народности и дѣйствительности, въ нихъ проявляющагося.

Комическая или, точнѣе, герои-комическая поэма, какъ особый видъ поэзіи, была возможна только въ эпоху ложнаго классицизма. Ея задачею считалось представлять въ формахъ и выраженіяхъ героической эпопеи поступки и рѣчи простыхъ смертныхъ, по преимуществу людей нисшихъ сословій, извлекая такимъ образомъ смѣшное изъ противуположности между важностью слога и ничтожествомъ содержанія. Въ такомъ смыслѣ задача герои-комической поэмы составляла совершенную противуположность задачѣ поэмы шутливой (burlesque), предметомъ которой считалось облекать дѣянія и рѣчи героевъ нъ прозаическую обстановку обыденной жизни и простонароднаго быта. Буало, въ своемъ «Налоѣ», далъ образецъ герои-комической поэмы. Впрочемъ, обыкновенно оба рода поэмъ смѣшивались между собою: оно и естественно, такъ какъ въ основѣ того и другого лежала барская насмѣшка надъ бытомъ простонародья. Въ литературномъ же отношеніи и въ томъ, и въ другомъ родѣ можно видѣть протестъ, хотя бы и не совсѣмъ сознательный, противъ односторонней торжественности искусственной эпопеи въ пользу реализма въ искусствѣ. Относительно построенія комической поэмы предписывались тѣ же правила, которыя указывались собственно героической эпопеѣ, такъ что первая являлась какъ бы пародіею на послѣднюю. Замѣчательно, что чудесному, отъ котораго не могла отказаться искусственная эпопея, дано было мѣсто и въ эпосѣ герои-комическомъ, и разумѣется, это чудесное являлось въ видѣ какого нибудь миѳологическаго существа или аллегорическаго лица. Этимъ ложно-классическимъ правиламъ для герои-комической поэмы старался слѣдовать и Майковъ. Если въ «Игрокѣ ломбера» содержаніе поэмы заимствовано исключительно изъ разныхъ перипетій карточной игры, и самое чудесное состоитъ въ олицетвореніи старшихъ картъ, то въ «Елисеѣ» сюжетъ составленъ именно такъ, какъ требовалось

по теоріи. Герой поэмы — ямщикъ изъ Зимогорья Елисей. Вакхъ, раздраженный на откупщиковъ за дороговизну вина, избираетъ Елисея орудіемъ своего мщенія; послѣ разныхъ побочныхъ похожденій, ямщикъ вводится Силеномъ, по приказанію Вакха, въ домъ одного откупщика, оскорбляетъ честь его жены, опустошаетъ, вмѣстѣ съ самимъ Вакхомъ, погребъ хозяина и потомъ принимается за разореніе другихъ откупщиковъ; но эта дерзость приводитъ въ гнѣвъ Зевеса: онъ собираетъ боговъ и рѣшаетъ наказать Елисея отдачею его въ солдаты; исполненіемъ этого приговора оканчивается поэма. Итакъ, основная канва состоитъ въ сплетеніи событій самой обыденной дѣйствительности, похожденій русскаго ямщика, съ проявленіями самаго законнаго (по старинной піитикѣ) чудеснаго, дѣйствіями олимпійскихъ боговъ: волею Вакха Елисей увлекается въ проступки, за которые его казнитъ воля Зевеса. Что касается отдѣльныхъ подробностей поэмы, то въ нихъ постоянно чувствуется характеръ пародіи. Какъ важные эпическіе поэты подробно и торжественно описываютъ разныя битвы, такъ Майковъ описываетъ кулачные бои и драки; его описаніе полицейской тюрьмы напоминаетъ эпическія описанія преисподней. Исходная точка поэмы, забавный гнѣвъ Вакха, причинившій столько бѣдствій откупщикамъ, соотвѣтствуетъ гнѣву Ахилла, ужасныя послѣдствія котораго дали содержаніе для Иліады; похожденія Елисея въ Калинкиномъ домѣ, связь его съ тамошней начальницей и тайный выходъ оттуда приводятъ на память пребываніе Энея у Дидоны, ихъ любовь и его бѣгство изъ Карѳагена; какъ сынъ Анхизовъ повѣствуетъ свою прошедшую судьбу карѳагенской царицѣ, такъ Елисей разсказываетъ начальницѣ прядильнаго дома о борьбѣ Зимогорцевъ съ Валдайцами; самый характеръ старухи начальницы есть комическое воспроизведеніе характера Дидоны. Этимъ стремленіемъ къ пародіи поэма Майкова всего болѣе приближается къ типу burlesque и напоминаетъ Скаррона, котораго «Энеида, вывороченная на изнанку», считалась образцовымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ, и который превратилъ Дидону въ здоровую мѣщанку, скучающую своимъ вдовствомъ. Наконецъ, и въ исполненіи поэмы мы видимъ, что Майковъ старается соблюдать ложно-классическій обычай: поэма начи-

нается воззваніемъ «пою» и обращеніемъ къ лирѣ и Скаррону, образцу нашего автора; въ ходѣ поэмы встрѣчаются отступленія и эпизоды; иногда авторъ прерываетъ повѣствованіе отъ своего лица, чтобы дать мѣсто разсказу кого нибудь изъ лицъ, имъ выведенныхъ. Самый слогъ поэмы носитъ на себѣ печать условныхъ правилъ: авторъ признаетъ, что для его «гудка» нужна «посредственная рѣчь», которая бы «не была надута, ни нѣжна» (п. V, ст. 338—340); и лишь иногда слогъ поэмы принимаетъ напряженно торжественный тонъ, но встрѣчающаяся въ первой пѣсни передѣлка громкихъ стиховъ Петрова объясняетъ намъ насмѣшливый умыселъ стихотворца въ этомъ случаѣ. Итакъ, поэма Майкова и въ планѣ, и въ его исполненіи остается вѣрною ложно-классическимъ требованіямъ отъ комическаго эпоса; и хотя ея выработанный по правиламъ комизмъ отзывается разсудочностью и напряженностью, мало забавною, тѣмъ не менѣе современники за то именно и хвалили ее, что она «еще первая у насъ такая правильная шутливая издана поэма» (1).

Что касается басенъ и сказокъ Майкова, то говорить о томъ, на сколько онѣ соотвѣтствуютъ общимъ теоретическимъ понятіямъ XVIII вѣка, было бы довольно безполезно. Если при сочиненіи комической поэмы писатель могъ имѣть въ виду одни теоретическія правила, то при сочиненіи басенъ онъ долженъ былъ руководствоваться преимущественно образцами этого рода произведеній, которые въ его время были уже даны русской литературѣ Сумароковымъ и высоко цѣнились читающимъ людомъ. Такъ Майковъ и сдѣлалъ: басня его стоитъ, въ близкомъ сродствѣ съ сумароковскою, и притомъ оба эти писателя смотрятъ на басню, какъ на особый видъ сатиры, аллегорическое повѣствованіе съ дидактическимъ выводомъ, особенно удачно подходящее подъ ложно-классическое опредѣленіе цѣли поэзіи — «поучать забавляя». Но и у Сумарокова, и у Майкова басня столь тѣсно связана съ дѣйствительною жизнью народа, что въ ней мало замѣтно вліяніе ложно-классическихъ правилъ; а потому и изучать ее должно преимущественно съ этой жизненной стороны.

(1) См. выше, стр. XXXIV, примѣчаніе.

Вообще, наша басня и сказка или, точнѣе, наша повѣствовательная литература XVIII столѣтія принадлежитъ къ числу тѣхъ отраслей словесности, которыя, въ періодъ ложнаго классицизма, всего болѣе сохраняли народный колоритъ и литературныя преданія до-петровскаго времени. Уже въ XVIII вѣкѣ, когда въ нѣкоторой части русскаго общества обнаружилось развитіе болѣе положительнаго взгляда на жизнь, заявленное столь рѣшительнымъ стремленіемъ правительства къ искорененію народныхъ суевѣрій, русское поэтическое творчество окончательно отклонилось отъ миѳической основы и ступило на путь исторической и бытовой дѣйствительности. При такомъ состояніи умовъ оказалась возможность повѣсти, какъ вѣрнаго разсказа о томъ, что̀ и какъ дѣлается въ дѣйствительной жизни [1]. И въ самомъ дѣлѣ, въ XVII вѣкѣ мы видимъ, кромѣ нѣкотораго количества переводныхъ произведеній, соотвѣтствовавшихъ вновь распространившемуся вкусу, — начатки самобытной русской повѣсти съ свѣтскимъ направленіемъ. Такая повѣсть требовала наблюдательности, а наблюдательность, въ связи съ вліяніемъ просвѣщенія, приводила къ анализу житейскихъ явленій и даже къ отрицательному взгляду на нихъ. Отсюда является въ поэтическомъ творчествѣ элементъ шутки и сатиры. Эти отрицательныя стремленія уже чувствуются въ русской литературѣ XVII вѣка и съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе вліянія. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія существовало уже значительное количество повѣстей шутливаго содержанія, отчасти оригинальныхъ, особенно же переводныхъ или передѣланныхъ. Нравственная неразборчивость и скандалезность содержанія, при основномъ поучительномъ стремленіи, составляютъ отличительную черту этихъ произведеній. Но вмѣстѣ съ такой неблаговидной стороной мы находимъ въ нихъ и болѣе здоровую — сатирическую струю: русская новелла XVII — XVIII столѣтія не безъ мѣткости и остроумія задѣваетъ нѣкоторые

(1) Пользуемся прекрасной характеристикой этой эпохи перелома въ «Истор. очеркахъ» *г. Буслаева*, т. I, стр. 511.

пороки современнаго ей общества. Можетъ быть, тогдашній читатель, не всегда отдавалъ себѣ отчетъ въ сатирическомъ намѣреніи автора и довольствовался одной потѣшностью разсказа, но во всякомъ случаѣ, шутливая повѣсть составляла одну изъ любимыхъ отраслей популярнаго чтенія въ то время. Какъ долго поддерживалась эта склонность—видно изъ того, что многіе отрывки этой повѣствовательной литературы, къ которой, по взгляду старинныхъ читателей, принадлежали и сборники въ родѣ «Семи мудрецовъ», и такъ называемыя Езоповы басни, и даже занесенныя на бумагу народныя сказки, — перешли въ печать во второй половинѣ XVIII вѣка, а частью попали на лубки и понынѣ ходятъ въ народѣ, какъ устные разсказы.

Съ этой-то своеобразной вѣтвью нашей литературы соприкасаются поэма «Елисей», басни и сказки Майкова. Онъ, безъ сомнѣнія, читывалъ тѣ сборники полу-шутливыхъ полу-нравоучительныхъ повѣстей, которые были въ ходу между его современниками, и вліяніе этихъ произведеній отразилось на собственныхъ его сочиненіяхъ. Все, что въ «Елисеѣ» относится до любовныхъ похожденій героя, напоминаетъ тѣ разсказы о женской прелести, которые нерѣдко встрѣчаются въ повѣствовательныхъ сборникахъ XVII — XVIII вѣка. И какъ въ этихъ сказаніяхъ женщина обыкновенно представляется безнравственнымъ существомъ, которое употребляетъ свое лукавство, чтобы удовлетворить своему сладострастію и потомъ скрыть слѣды преступленія, а мужчина является удалымъ молодцомъ, ловкимъ побѣдителемъ слабыхъ женскихъ сердецъ (припомнимъ Фрола Скобѣева), такъ и въ поэмѣ Майкова господствуетъ подобное же воззрѣніе на отношенія половъ. Одинаковость взгляда приводитъ и къ одинаковости положенія дѣйствующихъ лицъ: напримѣръ, какъ Фролъ Скобѣевъ, въ женскомъ платьѣ, прокрадывается въ домъ Ордина-Нащокина, въ которомъ дочь хозяина веселится съ своими пріятельницами, такъ Елисей тайкомъ и тоже въ женскомъ платьѣ забирается въ прядильный домъ. Скрытое пребываніе здѣсь ямщика, при помощи шапки-невидимки, напоминаетъ поведеніе того непрошеннаго таинственнаго гостя, который, по разсказу Житія Иларіона Суздальскаго, надѣлалъ столько смутъ

своимъ невидимымъ пребываніемъ въ женской богадѣльнѣ (1). Лукавство, съ которымъ молодая жена откупщика скрываетъ отъ стараго мужа сношенія свои съ Елисеемъ, напоминаетъ подобныя же женскія увертки, разсказанныя въ старинной повѣсти «о купцовой женѣ и прикащикѣ» (2). И во всѣхъ данныхъ случаяхъ сходство тѣмъ замѣтнѣе, что какъ въ сей часъ названныхъ произведеніяхъ, такъ и у Майкова исходною точкою служитъ отрицательное (сатирическое) отношеніе къ предмету, но оно заслоняется потѣшною и даже циническою его стороною.

Между баснями Майкова мы находимъ нѣсколько такихъ, которыя стоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ нашимъ сказочнымъ эпосомъ, и опять таки съ тѣмъ его отдѣломъ, въ которомъ господствуютъ не наивныя вѣрованія отдаленной старины, а позднѣйшіе комическіе мотивы, извлеченные народомъ изъ наблюденій надъ дѣйствительною жизнью. Такъ, басня «Крестьянинъ, медвѣдь, сорока и слѣпень» заимствована Майковымъ изъ народной сказки, которая своимъ наивнымъ неприличіемъ свидѣтельствуетъ о позднемъ своемъ происхожденіи; Майковъ передаетъ ее довольно близко къ подлиннику, съ единственною цѣлью позабавить читателя, хотя въ концѣ и прибавляетъ, по классическому обычаю, нравоучительное заключеніе. Другая басня Майкова «Поваръ и портной» основана на мотивѣ весьма распространенномъ въ народномъ эпосѣ (3); но здѣсь мысль, лежащая въ основаніи, имѣетъ уже опредѣленную сатирическую цѣль: она заключается въ томъ, что смѣтливость и удача заставляютъ человѣку незначительному милость сильныхъ и счастіе, между тѣмъ какъ тупая угодливость ведетъ къ бѣдѣ. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ народныхъ разсказахъ мысль эта оттѣняется еще рельефнѣе, чѣмъ у Майкова, такъ какъ въ

(1) См. *г. Буслаева* «Похожденія бѣса въ женской богадѣльнѣ» въ «Русской Рѣчи» 1861 г., № 15.

(2) См. примѣчанія къ «Елисею».

(3) Кромѣ сближенія съ народнымъ анекдотомъ, указаннымъ въ примѣчаніи къ этой баснѣ, упомянемъ еще одно народное преданіе объ Иванѣ Грозномъ, записанное Коллинсомъ и разобранное *г. Буслаевымъ* (см. его «Истор. Очерки», т. I, стр. 512—513).

нихъ, кромѣ насмѣшки надъ глупостью, видѣнъ сатирическій намекъ на отношенія разныхъ сословій и состояній. Кромѣ указанныхъ примѣровъ, мотивы народнаго эпоса чувствуются еще въ сюжетѣ басенъ «Сорока, галка и соя» и «Случай». Кстати слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ своихъ разсказахъ Майковъ пользуется для развитія сюжета народными повѣрьями, при чемъ подвергаетъ ихъ обличенію; извѣстно, что подобное отношеніе не чуждо и нѣкоторымъ народнымъ сказкамъ поздняго происхожденія; такъ напримѣръ, въ одной изъ нихъ изображена ворожея, которая оказывается простою обманщицею; подобный типъ представленъ и Майковымъ въ «Елисеѣ». Что касается мелкихъ подробностей разсказа и слога, въ нихъ заимствованія Майкова изъ чисто-народныхъ источниковъ довольно часты, и при томъ авторъ нашъ поступаетъ совершенно сознательно: въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ, описывая одежду Вакха, его багрянъ сафьянъ, черкесски чеботы, персидскій кушакъ и шапочку соболью, Майковъ объясняетъ и побужденіе, имъ руководившее:

Изъ пѣсни взятъ уборъ, котору у приволья
Бурлаки волгскіе напившися поютъ,
А пѣсенку сію Камышенкой зовутъ:
Рѣка, что устьецомъ въ мать Волгу протекаетъ.
Искусство красоты отвсюду извлекаетъ.

Вліяніе старинной повѣствовательной литературы замѣтно и въ баснѣ «Дубъ и мышь», заимствованной Майковымъ изъ «Исторіи Варлаама и Іосафата»; но подъ перомъ баснописца она подверглась переработкѣ, объясняемой духомъ времени: строго-религіозный характеръ старинной притчи замѣнился въ ней холодной аллегоріей во вкусѣ XVIII вѣка. Наконецъ, и заимствованія Майкова изъ Езоповыхъ басень до извѣстной степени объясняются стариннымъ литературнымъ преданіемъ: сборникъ Езопа былъ нечуждъ уже нашей до-петровской литературѣ, потомъ дважды былъ изданъ при Петрѣ I и наконецъ появился въ новомъ переводѣ въ 1747 году и снова имѣлъ нѣсколько изданій. Естественно, что Майковъ обратился къ такому давно извѣстному и любимому источнику. Но замѣчательно, что въ переработкахъ Езопа, такъ же какъ и въ подражаніяхъ иностраннымъ баснописцамъ, переведен-

нымъ на русскій языкъ уже во второй половинѣ XVIII вѣка, Майковъ позволяетъ себѣ значительную самостоятельность: такъ, въ однихъ изъ этихъ передѣлокъ онъ подробнѣе развиваетъ сюжетъ подлинника, а въ другихъ дополняетъ разсказъ своими наблюденіями изъ русской жизни. Напримѣръ, Езопова басня «Левъ и медвѣдь», сходная съ Федровой «Корова, коза, овца и левъ», является у нашего баснописца въ новомъ видѣ, подъ заглавіемъ «Медвѣдь, волкъ и лисица»; разсказъ Езопа сухъ и безцвѣтенъ; въ разсказѣ Федра очерченъ характеръ только главнаго лица—льва; у Майкова же есть характеристика и другихъ дѣйствующихъ лицъ. Переработывая басню Федра «Езопъ — толкователь духовной», Майковъ устраняетъ изъ нея подробности, относящіяся къ быту древности, и вводитъ въ разсказъ сатирическія краски, не чуждыя русской жизни.

Таковы отношенія Майкова къ его источникамъ чисто народнымъ или получившимъ значеніе популярныхъ книгъ. Фактъ замѣчательный въ русской литературѣ XVIII вѣка по своей исключительности, эти отношенія объясняютъ намъ— почему Майковъ не поддался вполнѣ ложно-классическому вкусу: писатель, знакомый съ жизненными произведеніями народнаго юмора и наблюдательности, не могъ замкнуться въ тѣсную рамку образовъ и формъ, узаконенныхъ условною теоріею; его талантъ искалъ себѣ проявленія свободнаго и сообразнаго съ духомъ окружающей его народной жизни. Мы уже видѣли разные примѣры стремленій Майкова къ народности и реализму. Но полнѣйшее осуществленіе ихъ мы находимъ въ нѣкоторыхъ страницахъ «Елисея» и въ нѣсколькихъ басняхъ нашего автора, которыя принадлежатъ ему безраздѣльно. Эти послѣднія (каковы, напримѣръ, «Воръ», «Воръ и подъячій», «Общество», «Неосновательная боязнь» и пр.), по содержанію своему, почти всѣ заимствованы изъ русскаго народнаго быта. Оно и естественно: отрѣшившись на время отъ условныхъ литературныхъ требованій, писатель, такъ сказать, возвращается въ лоно той жизни, въ которой сложился его личный характеръ, и воспроизводитъ ее въ своихъ сочиненіяхъ съ мѣткостью и правдой, не затуманенной никакими предразсудками. При соблюденіи этого главнаго усло-

вія небольшой объемъ басень Майкова и простота ихъ формы и содержанія способствуютъ художественной ихъ выдержанности и цѣлости, между тѣмъ какъ въ «Елисеѣ» авторъ склоненъ мѣнять тоны и отъ свободныхъ мотивовъ дѣйствительности и народности переходить къ рефлексіи, къ соблюденію условныхъ теоретическихъ требованій.

Наблюденія Майкова надъ русской жизнью приводятъ его къ сатирѣ. Подобно Сумарокову и другимъ своимъ современникамъ, онъ нападаетъ на взяточничество, ханжество, суевѣріе и особенно на барство; но взглядъ его отличается замѣчательной трезвостью: общественные пороки не заслоняютъ передъ нимъ и свѣтлыхъ сторонъ русской жизни; въ слѣдствіе того, безпристрастный живописецъ русскаго быта виденъ въ немъ чаще, чѣмъ односторонній и однообразный сатирикъ. По этой же причинѣ и въ тонѣ его разсказа преобладаетъ не открытая, строгая обличительность (которой одинъ изъ немногихъ примѣровъ можно указать въ его баснѣ «Воръ и подъячій»), а добродушная веселость, не лишенная впрочемъ лукавства и язвительности; притомъ же черты ея онъ любитъ бросать случайно, ненарокомъ; но тѣмъ не менѣе онѣ мѣтко направлены. Напримѣръ, въ баснѣ «Медвѣдь, лисица и волкъ» авторъ, послѣ нѣсколькихъ строкъ нравоученія, заводитъ рѣчь о своихъ герояхъ:

Медвѣдь, лисица, волкъ
Пошли на промыселъ иль, лучше, на ловитву...

Читатель думаетъ, что разсказъ будетъ продолжаться объ этихъ животныхъ. Но нѣтъ, разсказчикъ свернулъ въ сторону:

Да только во звѣряхъ не тотъ, что въ людяхъ толкъ:
Мы ходимъ со двора, всегда творя молитву;
Молитву утренню судья въ дому прочтя,
Ужъ смѣло дѣлаетъ неправду, лобъ крестя;
Хотя виновнаго за деньги и оправитъ,
Но за молитву то Господь ему оставитъ.

Такъ мимоходомъ брошена сатирическая замѣтка о ханжествѣ криводушныхъ судей.

Полнаго вниманія заслуживаютъ тѣ типы изъ народной жизни, которые выведены Майковымъ. Объ одномъ изъ нихъ, криводушномъ судьѣ, мы имѣемъ уже понятіе. Типъ этотъ

былъ усердно разработываемъ русской сатирой XVIII вѣка, и характеристика его у Майкова только дополняетъ сказанное другими писателями. Но есть у нашего автора типы, созданные имъ вполнѣ самостоятельно; таковъ, напримѣръ, типъ русскаго барина помѣщика, представленный въ басняхъ «Поваръ и портной», «Неосновательная боязнь», «Господинъ со слугами въ опасности жизни» и, мѣстами, въ нѣкоторыхъ другихъ; характеристическія черты этого типа, любовь къ роскоши, чванство, самодурство и эгоизмъ, подмѣчены и обозначены Майковымъ съ полною опредѣленностью и были очень новы для русской литературы въ то время, когда появились басни нашего автора. Можно указать и еще на одинъ типъ, набросанный Майковымъ и долго остававшійся въ нащей литературѣ безъ разработки; мы говоримъ о русскомъ простолюдинѣ, крестьянинѣ, очень живо изображенномъ (въ басняхъ «Поваръ и Портной», «О хулителѣ чужихъ дѣлъ», «Медвѣдь, лисица сорока и слѣпень» и «Общество») съ своей смѣтливостью, съ своей наивной вѣрой въ то, что счастливый случай можетъ извлечь его изъ бѣдности, и въ то же время съ своей любовью къ тяжелому крестьянскому труду надъ «пашенкой святою». Черты этого типа, обрисованныя Майковымъ съ живымъ сочувствіемъ, доказываютъ, что этотъ писатель былъ способенъ возвыситься надъ отрицательнымъ изображеніемъ русской жизни и предчувствовалъ уже тѣ идеальные характеры, которые искусство можетъ въ ней найдти (1).

Не смотря однако на эти замѣчательные проблески народности и реализма, литературная дѣятельность Майкова не утвердилась въ этомъ жизненномъ направленіи: въ первый періодъ своихъ литературныхъ трудовъ въ (1762 — 1772 гг.) этотъ писатель былъ гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ во вто-

(1) Замѣчанію нашему не противорѣчитъ и нѣсколько грубая шутливость «Елисея»; въ басняхъ Майкова простонародье изображено безъ шутовства, а въ «Елисеѣ» шутовство объясняется требованіями піитики относительно герои-комической поэмы; поэтому заподозрѣвать Майкова въ желаніи глумиться надъ народомъ еще труднѣе, чѣмъ обвинять въ томъ же Котляревскаго, автора «Перелицованной Энеиды». Г. *Пыпинъ*, въ своей «Исторіи слав. литературъ», стр. 221, совершенно справедливо опровергъ подобныя обвиненія, взведенныя на Котляревскаго г. Кулишомъ.

рой (1772 — 1778 гг.), когда онъ сталъ все болѣе и болѣе уступать господствовавшимъ литературнымъ требованіямъ. Эти уступки болѣе всего замѣтны въ тѣхъ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, въ которыхъ онъ беретъ содержаніе изъ народной жизни. Говоря о пастушеской драмѣ «Деревенскій праздникъ», мы упомянули объ ея идиллическомъ характерѣ: въ ней авторъ «Елисея» и сейчасъ разобранныхъ басенъ изображаетъ русскихъ крестьянъ аркадскими пастушками, во вкусѣ Флоріана. Этотъ поворотъ въ творчествѣ Майкова объясняется современными литературными обстоятельствами: идиллизмъ и сентиментализмъ не чужды были еще Сумарокову, но съ конца семидесятыхъ годовъ они особенно сильно начинаютъ распространяться въ русской литературѣ; съ этого времени русскій бытъ, живо и вѣрно изображавшійся въ сатирическихъ журналахъ 1769 — 1774 годовъ, является въ литературѣ только въ «украшенномъ видѣ», въ комическихъ операхъ, между тѣмъ какъ комедія (за исключеніемъ фонъ-визинскаго «Недоросля») продолжаетъ лишь разработывать типы, указанные еще Сумароковымъ и сатирой перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II. Такимъ направленіемъ литературнаго вкуса, стремящимся удалить изъ словесности всѣ грубыя стороны народности, подготовляется то отвлеченное и сентиментальное изображеніе русской жизни, которое мы видимъ въ «Бѣдной Лизѣ» и «Фролѣ Силинѣ» Карамзина (1). Майковъ засталъ это литературное направленіе только въ періодъ его нарожденія, но не имѣлъ достаточно силы таланта, чтобъ выдержать съ нимъ борьбу.

Изъ всего выше сказаннаго легко опредѣляется значеніе Майкова въ развитіи русской литературы. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей того стремленія къ дѣйствительности и народности, которое замѣчается въ русской словесности Екатеринина вѣка и которое раздѣлили съ нимъ всѣ лучшіе изъ тогдашнихъ писателей. Говорятъ, что «для читателей Екатеринина вѣка переложеніе чужого на родные

(1) Любопытныя данныя о взглядѣ Карамзина на отношеніе литературы къ грубымъ сторонамъ народности см. въ его «Письмахъ къ И. И. Дмитріеву», стр. 39 и слѣд.

*

обычаи и нравы было именно тѣмъ, чего они особенно желали, и что имъ нравилось по преимуществу» ([1]). Майковъ шелъ дальше этого умѣреннаго желанія: почерпалъ матеріалъ для своихъ произведеній непосредственно изъ русской жизни и въ ней видѣлъ не одни отрицательныя стороны.

Майковъ былъ любимъ въ свое время какъ писатель; его читало не одно высшее общество, но и «средняго рода люди»; это служитъ лучшимъ доказательствомъ дѣйствительной его популярности которою пользовались въ XVIII вѣкѣ немногіе ([2]). Дальнѣйшее развитіе литературныхъ вкусовъ скоро привело къ тому, что были забыты его нѣсколько грубыя, но вѣрныя жизни изображенія; но за исторической критикой остается право опредѣлить его литературное значеніе по мѣрѣ его заслугъ.

Л. Майковъ.

(1) Исторія русск. слов *г. Галахова*, т. I, стр. 480.

(2) *М. А. Дмитріевъ*, въ своихъ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти», говоритъ, что «Майковъ имѣлъ особый, невысшій кругъ читателей» (стр. 13). Подобно тому — Новиковъ въ предисловіи къ 3-му изданію своего «Живописца» объяснялъ, что журналъ его имѣлъ успѣхъ потому, что попалъ на вкусъ нашихъ мѣщанъ («Живописецъ», изд. 7-е, стр. XII).

ДУХОВНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I. Подражаніе псалму 1.

1.

Блаженъ мужъ, иже нечестивыхъ
Не шелъ на пагубный совѣтъ,
Не сталъ на путь злодѣевъ льстивыхъ
И вредныхъ бѣгалъ ихъ бесѣдъ.

2.

Но мысль свою вседневно правилъ,
Познавши истинный законъ,
И имъ на путь себя наставилъ,
Чтобъ течь къ блаженству безъ препонъ.

3.

И будетъ онъ какъ древо сильно,
Растуще при исходахъ водъ,
Одѣто листвіемъ обильно,
Дающее во время плодъ.

4.

И вся, что онъ творитъ, успѣетъ,
Конецъ его начала благъ;
А нечестивый укоснѣетъ
И возмятется, яко прахъ.

5.

За тѣмъ злодѣи помрачатся
И не воскреснутъ для суда,
Изъ сонма правыхъ исключатся
И въ немъ не будутъ никогда.

6.

Путь правыхъ Господу извѣстенъ,
Онъ помощь имъ во всемъ творитъ;
Но путь есть грѣшниковъ безчестенъ,
И онъ дѣла ихъ разоритъ.

II. Подражаніе псалму 12.

1.

Доколѣ, Господи, тобою
Забвенъ я буду до конца,
Доколѣ мнѣ передъ собою
Не зрѣти твоего лица?
Доколь душѣ моей смущаться,
Болѣзни въ сердце устремляться,
И мнѣ страдати всякій день;
Доколь врагу не усмириться,
И предо мною возноситься
На высшу счастія степень?

2.

Среди моихъ болѣзней ночи,
Мой Боже, сквозь небесну твердь
Воззри и просвѣти мнѣ очи,
Да не когда усну я въ смерть;
Дабы мой врагъ не похвалился,
Что онъ надъ мною укрѣпился,
И всѣ стужающіе мнѣ
Рекли: уже онъ погибаетъ,
Подвигся, палъ и утопаетъ
Ужасныхъ бѣдъ во глубинѣ.

3.

Но на твою я милость вѣчно
Надѣясь, Боже, уповалъ;
Веселье чувствовалъ сердечно
И неподвиженъ пребывалъ.
Теперь, избывъ мученья злаго,
Пою Владыку преблагаго,
Пою Создателя всего:
И въ вѣкъ, доколѣ не увяну,
Благословити не престану
И пѣти Бога моего.

III. Подражаніе псалму 41.

1.

Имъ-же образомъ желаетъ
На источники елень,
Такъ душа моя пылаетъ
Ко Творцу ея всякъ день;
Къ Богу крѣпкому, живому,
Ко лицу его святому,
Коль прійду я и явлюсь,
Слезны рѣки осушатся,
Раны сердца облегчатся,
Я спасенъ возвеселюсь.

2.

Твердый духъ мой сокрушали,
Я едва сносити могъ,
Какъ злодѣи вопрошали
У меня: гдѣ есть твой Богъ?
Вспомянувъ сіе, рыдаю,
Рвуся, мучуся, страдаю,
Весь отмщеніемъ горя;
Но безсиленъ унываю,
Съ плачемъ духъ мой изливаю,
Наказанья имъ не зря.

3.

Отъ земли той, что собою
Напояетъ Іорданъ,
Я усердною мольбою
Вознесусь до горнихъ странъ,
Гдѣ твое жилище, Боже,
Гдѣ твое святое ложе
И обители святыхъ,
Гдѣ твой свѣтъ осіяваетъ,
Бездна бездну призываетъ
Въ гласѣ хлябіи твоихъ.

4.

Но въ селеніе святое,
Боже, только я вступилъ,
Въ немъ веселіе прямое
И спокойство ощутилъ;
Ощутилъ сердечну радость

И вкусилъ небесну сладость:
Се моихъ желаній плодъ!
Тамо пѣснь тебѣ поется,
Гласъ торжественъ раздается,
Яко шумъ собранья водъ.

5.

Вскую духъ мой оскорбленный
Унываеши стеня,
Вскую чувства утомленны
Возмущаешь у меня?
Есть къ спасенію дорога:
Уповай всегда на Бога,
Симъ обрящешь твой покой;
Онъ есть Богъ твой и Создатель,
Онъ есть твари Обладатель
И Спаситель купно твой!

IV. Подражаніе псалму 71.

1.

Боже, судъ твой даждь царю,
Правду сыну даждь цареву,
Да людей разсудитъ прю,
Не склоняя мыслей къ гнѣву.

2.

Да воспріимутъ горы миръ,
Холмы въ правду облекутся,
Да исчезнетъ мзды кумиръ,
Лжа съ хулою пресѣкутся.

3.

Будетъ съ солнцемъ равенъ онъ,
Превзойдетъ луну во свѣтѣ,
И его обымутъ тронъ
Мужи здравые въ совѣтѣ.

4.

Какъ на землю сходитъ дождь
И творитъ во оной влагу,
Тако правда будетъ вождь,
Правя мысль его ко благу.

5.

От конецъ земли до рѣкъ
И отъ моря онъ до моря
Будетъ царствовать во вѣкъ;
Въ дни его не будетъ горя.

6.

Всѣ враги предъ нимъ падутъ,
Ногъ стопы его лобзая,
И цари да принесутъ
Да̀ры, миръ съ нимъ укрѣпляя.

7.

Да помолятся ему
Еѳіопія и Сава,
И послѣдуетъ сему
По вселенной громка слава.

8.

Да не будетъ отъ враговъ
Онъ имѣть себѣ досады,
И въ подобіе луговъ
Процвѣтутъ его всѣ грады.

9.

Земледѣльческимъ трудомъ
Горъ верхи отяготятся,
И трудящися плодомъ
Съ нивъ своихъ обогатятся.

10.

Будетъ царствіе его
Отъ языкъ благословенно,
Дни онъ вѣка своего
Всѣ прейдетъ безпреткновенно.

11.

Всѣ его да ублажатъ,
Онъ о всѣхъ да попечется,
И ему подвластныхъ чадъ
Онъ отцемъ да наречется.

12.

Да отыдутъ плачъ и стонъ
Отъ его на вѣкъ державы,
Да живетъ всечасно онъ
Посреди гремящей славы.

13.
О, Творецъ и Богъ всего,
Ты мольбы сей не забуди,
И желанія сего
Исполнитель буди, буди!

V. Подражаніе псалму 81.

1.
Богъ ста въ сонмѣ всѣхъ боговъ,
Посреди же ихъ разсудитъ,
Обличитъ своихъ враговъ
И исправиться принудитъ.

2.
Долго-ль будете судить,
Судіи, не помня Бога,
И доколѣ не щадить
Вамъ смиренна и убога?

3.
Не оставьте до конца
Въ злыхъ рукахъ страдати нища,
Да не будетъ онъ льстеца
Толь препагубнаго пища.

4.
Не взирайте на людей,
Одаренныхъ счастьемъ многимъ,
Долгъ есть праведныхъ судей —
Всѣхъ судить закономъ строгимъ.

5.
Прежде должно всей земли
Основанію упасти,
Нежель вы бъ когда могли
Поработать вашей страсти.

6.
Азъ вамъ рекъ, что боги вы
И сыны Творца вселенны,
И желалъ, чтобъ таковы
Были вы пресовершенны.

7.

Вы-жь по образу людей
Иго смертное несете
И, въ подобіе князей,
Во пороки злы падете.

8.

Боже, ты сіе внемли,
Сколь неправды въ насъ велики;
Воскресни, суди земли
И наслѣдуй межъ языки!

VI. Подражаніе псалму 111.

1.

Блаженъ, кто Господа боится,
Храня святый его законъ,
Тотъ въ жизнь свою не постыдится,
Ему помощникъ будетъ онъ;
Его и сѣмя будетъ сильно
По всей землѣ цвѣсти обильно.

2.

Богатствомъ, честію и славой
Его наполнится весь домъ,
И путь его—путь будетъ правой
Во житіи его святомъ;
Онъ будетъ правымъ въ тьмѣ свѣтило,
Обуреваемымъ — кормило.

3.

Онъ благъ и милостивъ убогимъ,
Въ даяньи щедрый человѣкъ;
Предъ судіею, въ правдѣ строгимъ,
Не поколеблется во вѣкъ;
Онъ въ память вѣчную вселится,
Отъ слуха зла не убоится.

4.

Онъ сердцемъ уповать на Бога
И утверждатися готовъ,
Не страшенъ полкъ, ни сила многа
Къ нему стремящихся враговъ;

От нихъ онъ правдою спасется,
И рогъ его превознесется.

5.

Сіе зря, грѣшный вострепещетъ
И гнѣвъ по сердцу разольетъ,
Зубами, зляся, поскрежещетъ
И весь растаетъ, яко ледъ;
Господь свой правый гнѣвъ воздвигнетъ,
Желанья грѣшникъ не достигнетъ.

VII. Подражаніе псалму 136.

1.

На рѣкахъ мы вавилонскихъ
Проливали слезный токъ,
Поминая стѣнъ сіонскихъ
Красоты конецъ жестокъ.

2.

Безпомощны, бѣдны, сиры,
Утомивъ свои сердца,
На древахъ повѣся лиры,
Мы рыдали безъ конца.

3.

Насъ ведущи въ плѣнъ хотѣли,
Понуждая строго насъ,
Чтобъ предъ ними мы воспѣли
Пѣснь сіонску въ злой намъ часъ.

4.

Како пѣснь мы, пѣснь Господню,
Воспоемъ въ земли чуждей?
Да не снидутъ въ преисподню
Гласы Божіихъ людей!

5.

Если я тебя забуду,
Славный Іерусалимъ,
Да забвенъ я вѣчно буду
Передъ Господемъ моимъ!

6.

Да прильпнетъ языкъ гортани,
Коль тебя не вспомяну,

Какъ начало всѣхъ желаній
И веселія вину.

7.

О, Творецъ, ты не забуди
Чадъ едомскихъ въ оный часъ,
Какъ тобой спасенны люди
Вознесутъ въ семъ градѣ гласъ.

8.

Сихъ твоихъ злодѣевъ сущихъ,
Поразившихъ въ насъ сердца,
Истощайте, вопіющихъ,
Градъ Господень до конца.

9.

Вавилонска дщи проклята,
Дщи грѣха и суеты,
Тотъ блаженъ, кѣмъ безъ возврата
Опустѣешь вѣчно ты.

10.

Тотъ блаженъ, кто алчный пламень
Въ тя съ войною принесетъ,
И кто, взявъ, твоихъ о камень
Всѣхъ младенцевъ разбіетъ.

VIII. Подражаніе псалму:

Внегда единоборствовалъ Давидъ на Голіафа.

1.

Малъ бѣхъ въ братіи моей,
Юншій во дому отцовомъ,
Пасъ овецъ среди полей,
Убѣжденъ его бывъ словомъ.

2.

Сотворилъ рукой органъ,
Персты я псалтирь составилъ
И царя небесныхъ странъ
Непрестанно пѣсньми славилъ.

3.

Кто внушитъ ему мой гласъ?
Но владыка горня града,

Внявъ меня во оный часъ,
Воспріялъ отъ отча стада.

4.

Онъ елеемъ повелѣлъ
Освятить мя херувиму.
Сей на тронъ меня возвелъ,
Далъ мнѣ царску діадиму.

5.

Я предъ братіею малъ,
Тѣ природой украшенны:
И Господь не ихъ избралъ,
Но меня въ сей санъ священный.

6.

Я во срѣтенье изшелъ
Ко врагу иноплеменну,
Кой противъ меня имѣлъ
Мысль гордынею надменну.

7.

И едва меня узрѣлъ,
Взнесся паче мысльми злыми,
Адскимъ гнѣвомъ весь горѣлъ,
Клялъ мя идолы своими.

8.

Я-жь его исторгнулъ мечъ
И злодѣя обезглавилъ,
Отъ Израиля злу рѣчь
Самъ отъявъ, его прославилъ.

IX. О страшномъ судѣ.

1.

Ужасный слухъ мой умъ мятетъ,
Престрашны громы загремѣли,
Моря и рѣки закипѣли,
Смутился весь пространный свѣтъ.
Лицо прекрасна солнца тьмится,
Луны погибла красота,
Земля пожарами дымится,
Объялъ всѣ пламень вдругъ мѣста.

2.

Разверзъ свой зѣвъ несытый адъ,
По сферѣ грозны молній блещутъ,
Сердца претвердыхъ горъ трепещутъ,
Лѣса, поля, луга горятъ;
Изъ высочайшаго эѳира
Горящи звѣзды внизъ падутъ.
Приходитъ часъ кончины міра,
Послѣдній день и страшный судъ.

3.

И се ужь гласъ трубы шумитъ,
Взывая всѣхъ изъ хлябей темныхъ,
Изъ водъ, изъ пропастей подземныхъ:
«Пріймите, смертны, прежній видъ,
«Изсохши кости, возставайте,
«И, пепелъ, тѣломъ, облекись,
«Отвѣтъ въ дѣлахъ своихъ давайте,
«Предъ судъ, весь смертныхъ родъ, стекись!»

4.

По трубномъ гласѣ вопль возсталъ,
Разверзлась дверь земной утробы;
Уже вскрываются и гробы,
Пространный воздухъ возстеналъ;
Оковы грѣшники ломаютъ,
Спѣша предстать на страшный судъ;
Мытарства тѣни изрыгаютъ,
И хляби дòбычъ отдаютъ.

5.

Тревогу вижу я костей
Изъ ставшаго изъ пепла тѣла;
Со дѣйствомъ Вышняго предѣла
Облекся плотью всякъ своей;
Стенанье тяжко испуская,
Судьбы со трепетомъ ждетъ всякъ;
Трепéщутъ, рвутся, воздыхая;
Блѣднѣетъ каждаго тамъ зракъ.

6.

Колеблется неробкій духъ,
Сердца отважны встрепетали,
Когда во равенствѣ предстали
И царь, и воинъ, и пастухъ;

Гордящись силою премногой
Безсильны зрятся на судѣ;
Богатый вкупѣ и убогой
Въ единой страждутъ тамъ бѣдѣ.

7.

Едва приняли видъ иной,
На свѣтъ взглянули смертны очи,
Уже имъ жаль глубокой ночи,
Котора крыла ихъ собой;
Имъ сноснѣй та была минута,
Въ которую теряли свѣтъ,
Когда ссѣкала смерть прелюта
Число желанно ими лѣтъ.

8.

Но здѣсь лютѣйшій страхъ объялъ;
Стеная рвутся въ горькомъ плачѣ,
Страшатся новой жизни паче,
Какъ часъ ихъ смертный ни терзалъ.
Они бъ съ охотою желали
Стократно паки умереть,
И если бъ мертвы пребывали,
Не стали бъ сей напасти зрѣть.

9.

Блистаютъ небеса огнемъ,
И въ само то мгновенье ока
Врата отверзлися востока,
Грядетъ Судья правдивый всѣмъ;
Земля свой ужасъ изъявляетъ,
Тряхнувшись, мещетъ огнь изъ нѣдръ;
Потомъ предъ Богомъ умолкаетъ
Земля и море, огнь и вѣтръ.

10.

Во славѣ страшенъ Богъ своей,
Престолъ его—пространство міра,
Корона—свѣтъ, заря — порфира,
И скиптръ—послушность твари всей;
Одной чертой изобличаетъ
Народовъ многихъ житіе,
Единымъ словомъ совершаетъ
Изъ праха смертныхъ бытіе.

11.

И се отмщенья часъ насталъ,
Воззрѣлъ Богъ къ грѣшнымъ грознымъ окомъ
И, въ гнѣвѣ яромъ и жестокомъ,
Несчастнымъ тако провѣщалъ:
«Во огнь вы отыдите вѣчны,
«Ожесточенныя сердца,
«Губители безчеловѣчны,
«И тамъ страдайте безъ конца,

12.

«Гдѣ огнь и жупелъ, дымъ и смрадъ,
«Безсмертный червь не усыпаетъ,
«Ужаснымъ пламенемъ рыгаетъ,
«Разверши зѣвъ, свирѣпый адъ,
«Гдѣ нѣтъ малѣйшія отрады,
«Откуда смерть бѣжитъ и сонъ,
«И въ мукѣ вѣчной безъ пощады
«Всегдашній испускайте стонъ!»

13.

Когда свершился Божій гнѣвъ,
Отверглись грѣшники отъ трона,
И чтобъ не слышати ихъ стона,
Богъ печатлѣетъ адскій зѣвъ.
И, обратясь кротчайшимъ взоромъ
Ко праведнымъ, сіе изрекъ:
«Со ангельскимъ пресвѣтлымъ хоромъ
«Въ раю вы обитайте въ вѣкъ,

14.

«Гдѣ озаритъ васъ всѣхъ мой свѣтъ,
«И гдѣ печали въ вѣкъ не знаютъ,
«Не сѣтуютъ и не стенаютъ,
«Но радость вѣчная живетъ —
«Я васъ, о, чада, тамъ спокою,
«Среди обителей святыхъ;
«Моихъ васъ таинъ удостою,
«Открывъ вамъ часть судебъ моихъ!

15.

«Познаете составъ вы свой,
«Познаете составъ вы свѣта,
«И въ нескончаемыя лѣта
«Довольны будете собой.

«Се вамъ за подвиги награда,
«Се мзда за тяжкіе труды.
«Среди небесна вертограда
«Забудьте всѣ свои бѣды!»

16.

Сіяетъ вся небесна твердь,
Лучами свѣта озаренна;
Навѣки въ адѣ затворенна,
Лежитъ въ оковахъ тяжкихъ смерть.
Земля гнѣвъ Божій ощущаетъ,
Себя лишенну твари зритъ,
Изъ нѣдръ престрашный огнь бросаетъ
И, тлѣнна будучи, горитъ.

X. Исходъ, глава 15.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Вкупѣ погрузивъ Фараона, Моисей глаголетъ:

Поемъ мы Господу Творцу и всѣхъ Владыкѣ.
Прославимъ власть его въ огромномъ нашемъ ликѣ;
Гонящаго во слѣдъ по насъ со тьмою силъ,
Коня и всадника онъ въ море погрузилъ.
Въ спасеніи моемъ онъ бысть мнѣ покровитель,
Помощникъ мнѣ, Господь, онъ Богъ мой и спаситель,
Защитникъ мой и Богъ отца онъ моего;
Поя, превознесу, прославлю я его.
Господь неправые совѣты разрушаетъ,
Разитъ противниковъ и брани сокрушаетъ;
Онъ фараоново все воинство на днѣ
Избранныхъ всадниковъ, съ оружіемъ тристаты,
Покрылъ пучиною, погибли сопостаты
И, яко камень, всѣ погрязли въ глубинѣ.
Всесильный Господи, рука твоя во вѣки
Прославилася днесь межъ всѣми человѣки;
Гордящихся враговъ ты крѣпости лишилъ,
Десницею твоей ихъ стерлъ и сокрушилъ;
Послалъ еси на нихъ ты гнѣвъ твой справедливый,
И гнѣвъ ихъ пояде, какъ огнь созрѣлы нивы,
Отъ духа ярости морская глубина

Разверзлась на-двое и стала, какъ стѣна.
Тогда нашъ врагъ рече: «Пойду во слѣдъ за ними,
«Постигну, изсѣку ихъ всѣхъ моимъ мечемъ,
«Не избѣгутъ они руки моей ни чѣмъ
«И буду вѣчно я владычествовать ими.»
Но ты, Владыко нашъ, всѣхъ тварей сущихъ Богъ,
Послалъ еси твой духъ и стерлъ гордыни рогъ,
Покрылъ пучиною бѣгущаго за нами;
Онъ, яко олово, погрязъ между волнами.
Могущество твое вѣщаютъ небеса.
Ты долготерпѣливъ, ты праведенъ, незлобенъ,
И кто въ богахъ тебѣ, о Боже нашъ, подобенъ?
Ты дивныя творишь во свѣтѣ чудеса:
Ты руку распростеръ и насъ отъ бѣдъ избавилъ,
И правдою на путь насъ истинный наставилъ,
Утѣшилъ въ скорби насъ, закономъ просвѣтилъ
И во обители святыя насъ вмѣстилъ.
Когда-же все сіе услышали языки,
Прогнѣвалися всѣ живущи въ нихъ владыки,
Уже насъ истребить, уже плѣнити мнятъ,
Во Филистимѣ всѣ къ намъ злобою горятъ,
Едомскіе цари вдругъ гнѣвомъ закипѣли,
И Моавитяне попрати насъ хотѣли;
Но страхъ внезапно ихъ душами обладалъ
И ихъ стремленіе болѣзнью обуздалъ,
Ихъ боль подобилась неизцѣлимой ранѣ.
Растаяли сердца живущихъ въ Ханаанѣ.
Да нападетъ на нихъ еще тяжчайшій страхъ,
И мышца ихъ твоя развѣетъ, яко прахъ,
Да всѣ окаменѣвъ, они не двигнутъ груди,
Донелѣ-же пройдутъ тобой спасенны люди.
Сіи, которыхъ ты въ покровъ твой восприялъ,
Которыхъ ты всегда хранилъ и соблюдалъ,
И нынѣ, проведя ты ихъ черезъ пустыни,
Введи и насади въ горѣ твоей святыни,
Въ жилищѣ, еже ты десницею твоей
Содѣлалъ, Господи, для праведныхъ людей.
Богъ царствуетъ во вѣкъ, и нѣсть ему закона;
Онъ въ море погрузилъ съ полками Фараона,
Невредныхъ сохраня Исраильскихъ сыновъ,
Провелъ ихъ сушею среди морскихъ валовъ.

XI. Второзаконія, глава 32.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Вонмите, небеса, къ вамъ гласъ мой вознесется,
Да слышитъ вся земля глаголы устъ моихъ,
Вѣщаніе мое, какъ сильный дождь, польется
И снидетъ, какъ роса, глаголовъ разумъ сихъ,
Какъ туча на тростникъ, какъ иней на дубравы.
Великъ Создатель нашъ, пути его всѣ правы.
Да будетъ изо устъ моихъ ему хвала;
Богъ вѣренъ, истиненъ, и нѣсть неправды въ ономъ,
Онъ святъ, и истинна суть всѣ его дѣла,
Да просвѣтятся всѣ святымъ его закономъ.
Извѣрги лютые, строптивыя сердца,
Преогорчившіе пороками Творца,
Сіе-ли Господу вы нынѣ воздаете?
По правдѣ имя вы несмысленныхъ несете.
Не сей-ли вамъ Отецъ всю милость источилъ,
Не онъ-ли отъ другихъ васъ тварей отличилъ?
Воспомяните дни свои и лѣта вѣчны,
Уразумѣйте родъ и вѣкъ вашъ скоротечный;
Спросите вы отцовъ, они васъ просвѣтятъ;
Спросите старцевъ вы—и то-же возвѣстятъ:
Егда Всевышній Царь, языки раздѣляя,
Предѣлы по числу ихъ ангелъ положилъ.
И тако Богъ, сыновъ Адамлихъ разселяя,
Благоволилъ, чтобъ родъ ихъ вѣчно въ свѣтѣ жилъ,
И бысть Господня часть Іаковле владѣнье,
Наслѣдіе его Исраиля селенье;
Онъ сквозь пустыни ихъ безводныя провелъ,
Изъ камени водамъ пролиться повелѣлъ,
Онъ удоволилъ ихъ водой во время жажды,
Во время глада ихъ насытилъ не однажды,
Какъ ока зѣницу, такъ онъ ихъ сохранялъ,
И какъ орелъ птенцы крылами осѣнялъ;
Единъ имъ Богъ былъ вождь во дни пути ихъ злаго
И не было при нихъ тамъ Господа чуждаго;
Сей вывелъ въ землю ихъ, гдѣ вѣчна благодать,
И далъ имъ оною спокойно обладать;
Вселилъ ихъ на поляхъ, довольствомъ безпредѣльныхъ,

Насытилъ скоро ихъ отъ всѣхъ растеній сельныхъ.
Тамъ все желанье ихъ довольство превзошло:
Изъ камня твердаго млеко для нихъ текло,
Снѣдали тельчій тукъ и медъ сладчайшій пили,
И изъ гроздовъ вино, какъ агнчу кровь, точили.
Когда-же насыщенъ Іаковъ былъ всего,
Тогда оставилъ онъ сотворшаго его
И, отступивъ того, кого онъ исповѣдалъ,
Пожралъ чуждымъ богамъ, которыхъ вѣкъ не вѣдалъ.
Узря Господь сіе неистовство людей,
Прогнѣвался и рекъ имъ въ ярости своей:
«Что будетъ вамъ отъ днесь? о, роде, развращенный?
«Смятетеся вы всѣ, сердца ожесточенны,
«Егда отъ васъ мое лицо я отвращу
«И раззорити васъ языкомъ попущу;
«Огнь гнѣва моего ужь вскорѣ разожжется,
«И рвеніе его до ада распрострется:
«Онъ землю всю поястъ и жита попалитъ
«И основанье горъ во пепелъ обратитъ;
«Вся злая соберу на ваши я предѣлы
«И всѣ скончаю въ васъ пущѐнны мною стрѣлы,
«Отъ глада многаго растаете и впредь
«Вы будете звѣрямъ и птицамъ хищнымъ снѣдь;
«Пошлю на васъ еще я всѣ ползущи гады,
«Да повредятъ и васъ, и ваши винограды.
«Отъ внѣ постигнетъ васъ неукротимый врагъ
«И внутрь вселятся къ вамъ смятеніе и страхъ;
«Со дѣвой юноша, съ младенцемъ совершенный,
«Всѣ будете мечемъ злодѣйскимъ посѣченны;
«Разсѣю, яко прахъ, и всѣхъ васъ погублю,
«И память отъ земли живущихъ истреблю.
«Вы узрите, моей лишившись благодати,
«Возможете-ль одни врага одолѣвати?
«Начнетъ-ли бѣгати отъ васъ, какъ бѣгалъ онъ;
«Погонитъ-ли изъ васъ единъ ихъ милліонъ;
«Подвигните-ли вы полки неодолимы,
«И будете-ли вы всегда непобѣдимы
«Безъ подкрѣпленія во бранѣхъ моего?»
Се тако Богъ изрекъ прогнѣвавшимъ его.
Но зря, что ихъ слаба противъ сего природа,
Онъ, милосердуя о гибели народа,

Вѣщалъ Исраилю: «Гдѣ нынѣ твой Ваа́лъ,
«На коего, меня оставя, уповалъ,
«И гдѣ суть чтимые тобою ложны боги,
«Которымъ ты принесъ толико жертвы многи?
«Пускай возстанетъ сонмъ неправедныхъ боговъ,
«И будетъ онъ тебѣ защита и покровъ,
«Пускай они тебя на правый путь наставятъ
«И пусть отъ лютой сей бѣды тебя избавятъ.
«Сіе вѣщая, мнитъ, да врагъ ихъ не речетъ:
«Не Богъ людей своихъ мнѣ въ руки предаетъ,
«То боги все мои, то боги сотворили,
«Они Исраильтянъ мнѣ славно покорили.»
«Но боги ихъ не суть, и нѣсть имъ власти той,
«Да покорятъ себѣ народъ, избра̀нный мной,
«Враги-жь моихъ людей суть мерзости всѣ чада,
«И виноградъ ихъ плодъ содомска винограда,
«Растущіе на нихъ обильные грозды
«И розги тучныя Гоморры суть плоды,
«Вино ихъ съ желчію грѣховною смѣшенно,
«Зміиной яростью и ядомъ растворенно.
«Познайте, людіе, что я вамъ есмь Творецъ,
«Что нѣтъ другихъ боговъ, я Богъ вамъ и отецъ:
«Я создалъ небеса, я создалъ море, землю,
«Я жизнь всему даю, и я ее отъемлю;
«Я Богъ всего, что есть, инаго Бога нѣтъ,
«И кто васъ изъ руки моей теперь изметъ?
«Я руку вознесу въ небесные предѣлы
«И брошу на моихъ враговъ громовы стрѣлы,
«Блеснетъ, какъ молнія, на нихъ мой острый мечь,
«И будетъ вражья кровь рѣками всюду течь,
«Тѣла ихъ язвенны предамъ звѣрямъ на пищу.
«Раскайтеся, я гнѣвъ на милость преложу,
«Поправшихъ васъ враговъ жестоко поражу
«И землю, данну вамъ, на вѣкъ отъ ихъ очищу.»

XII. Даніилъ, глава 3.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Молитва тріехъ отроковъ.

Благословенъ Господь, Творецъ непостижимый
И нашихъ Богъ отцевъ, хвалой превозносимый,
Благословенъ еси, живущій въ небесахъ
И препрославленный во многихъ чудесахъ!
Ты праведно творишь, намъ казни налагая,
И всѣ твои дѣла суть истина святая.
Ты, Боже, праведно надъ нами сотворилъ,
Достойно градъ отцевъ ты нашихъ разорилъ.
Достойно по грѣхамъ мы нашимъ воспріяли,
Которыми твою мы милость потеряли.
Ты предалъ въ руки насъ, отступниковъ твоихъ,
Царю неправедну, рабу пороковъ злыхъ.
И нѣсть пощады намъ, въ плѣненіи живущимъ,
Мы поношеніе тебя, Владыко, чтущимъ;
Но ты намъ, Господи, днесь милость сотвори,
Завѣта, даннаго тобой, не разори;
Избави, Боже, насъ руганія и срама,
Возлюбленнаго для тобою Авраама,
Для Исаака, кой тя выше чтилъ всего,
И для Исраиля святаго твоего,
Которымъ ты вѣщалъ: «Умножу васъ во время,
«И будетъ, какъ песокъ при морѣ, ваше племя,
«Небесныхъ звѣздъ числу его я соравню
«И по лицу всея земли распространю.»
Но, Господи, сіе не тако сотворилось,
Умалилось число людей и покорилось
Невѣдущимъ тебя языкомъ никогда,
Гдѣ лютая тягчитъ въ неволѣ ихъ бѣда;
Ихъ нравъ исполнился лютѣйшаго порока,
И нѣтъ межъ ими днесь вождя, нижѐ пророка;
Нѣтъ мѣста, гдѣ-бъ тебѣ, всесильный неба царь,
Могли создати мы молитвенный олтарь,
И благовонное принесть тебѣ кадило.
Уныла въ насъ душа, и сердце въ насъ уныло!
Услыши, Господи, теперь стенящихъ насъ,

Да будетъ предъ тобой пріятенъ кроткій гласъ!
Прими моленія и духъ нашъ сокрушенный,
Какъ всесожженія и жертвы совершенны.
Да знаетъ полчище тѣснящихъ насъ враговъ,
Что ты насъ, Господи, пріялъ во свой покровъ,
И тотъ, кто на тебя всечасно уповаетъ,
Во вѣкъ ни отъ кого посрамленъ не бываетъ;
Тебѣ мы слѣдуемъ, тебя боимся мы,
Тобой наполнены всѣ наши днесь умы,
Тебя мы, Боже нашъ, и чтимъ, и прославляемъ,
Тебя на мысли мы всечасно представляемъ.
Избавь насъ и пошли конецъ ты злу сему,
Содѣлай имени ты славу своему;
Да посрамятся всѣ, являющи намъ злая,
Да облекутся въ студъ, намъ пагубы желая,
И да познаютъ всѣ, что ты единъ есть Богъ,
Когда сотрется ихъ гордыни твердый рогъ.
Се тако отроки согласно вопіяли,
Когда предъ судъ царя свирѣпаго предстали;
Не содрагаяся тиранскаго лица,
Прославили предъ нимъ могущество Творца.
Ужь царскіе слуги пещь страшну разжигаютъ,
Изгреби съ наѳѳою и смолу повергаютъ;
Уже составы всѣ со хврастіемъ горятъ,
Ужаснѣйшая пещь является, какъ адъ,
До облакъ яростный свой пламень изрыгаетъ,
И все вокругъ себя мгновенно пожигаетъ.
Тогда три отрока, поверженны въ пещи,
Которыхъ повелѣлъ царь лютый сожещи,
Не бывши строгими прещеньми побѣжденны,
Осталися и въ ней огнемъ неповрежденны,
Ананія и съ нимъ Азарій, Мисаилъ,
Которыхъ ангелъ, сшедъ, крылами осѣнилъ,
Небесныя росы наполнивъ пещь халдейску,
Преобратилъ въ ничто тирана мысль злодѣйску
И ярый гнѣвъ его во образъ суеты.
Тогда три отрока едиными усты
Воспѣли Господа, бывъ въ пещи невредимы:

«Благословенъ Господь и нашихъ Богъ отцевъ,
Податель праведнымъ за подвиги вѣнцевъ,

Всѣ, Боже, праведны дѣла, тобой творимы,
Препѣтый Господи и въ вѣкъ превозносимый!

«Благословенъ Господь, всей твари судія,
Во храмѣ вѣчныя святыни твоея,
Отколѣ бѣдны всѣ тобою, Боже, зримы,
Препѣтый Господи и въ вѣкъ превозносимый!

«Благословенъ Господь, сѣдяй на небесахъ
И препрославленный во многихъ чудесахъ;
Престолъ твой выше звѣздъ, престолъ твой херувимы,
Препѣтый Господи и въ вѣкъ превозносимый!»

XIII. Даніилъ, глава та-же.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

Господа пойте дѣла и превозносите во вся вѣки.

Благословите вы всѣ Господа дѣла
И купно ангели Господни;
Всѣ силы, всяка тварь, всѣ движущись тѣла,
Превыспренни и преисподни;
Всѣ воды, яже сверхъ небесъ,
Всякъ образъ всѣхъ его чудесъ
И съ ними купно, человѣки,
Превозносите во вся вѣки.

Благословите вы, и солнце, и луна;
Благословите, сонмы звѣздны;
Всѣ души, духи, огнь, растеній всѣхъ вина,
Роса и дождь, и вы, глубоки бездны;
Ледъ, иней, варъ и всякій зной,
Мразъ, стужа, Господа хвалой,
И съ ними купно, человѣки,
Превозносите во вся вѣки.

Благословите, снѣгъ, слота, ночная тѣнь,
Свѣтъ, молнія, всегдашни мраки;
Благослови его и ты, прекрасный день,

Парящи облака̀, земля, растущи злаки;
Вы, горы, холмы и лѣса,
Плоды творящи древеса,
И съ ними купно, человѣки,
Превозносите во вся вѣки.

Благословите вы, источники, моря̀,
Озера, рѣки, рыбы, киты,
Все, что живетъ въ водахъ и въ воздухѣ паря,
И чѣмъ вершины горъ покрыты;
Число всѣхъ птицъ, звѣрей, гадо̀въ,
Живущихъ множество родовъ,
И съ ними купно, человѣки,
Превозносите во вся вѣки.

Благослови Творца, Израильскій народъ
И всѣ священники Господни;
Благослови его, весь смертныхъ въ свѣтѣ родъ,
Раби, владыки и свободни,
Духъ правыхъ, кроткія сердца,
Блажите Го̀спода Творца,
И съ ними купно, человѣки,
Превозносите во вся вѣки.

Благословимъ и мы Владыку горнихъ силъ,
Превознося его хвалами,
Спасенны отроки, Ананій, Мисаилъ,
Азарій, совокупно съ нами;
Сей намъ Владыка есть и Спасъ,
Избавивый отъ пещи насъ,
Того, живущи человѣки,
Превозносите съ нами въ вѣки.

ОДЫ ТОРЖЕСТВЕННЫЯ

И

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

I. Ода по восшествіи ея величества на всероссійскій престолъ, на день тезоименитства ея 1762 года.

1.

Спѣши, спѣши, о, духъ мой, смѣло,
Спѣши, взносися на Парнассъ,
Воспѣть великое толь дѣло!
Возвысь, о, лира, громкій гласъ,
Послѣдуй радостному звуку,
Воспой Петрову нынѣ внуку,
Восшедшую на россійскій тронъ,
И повторяй веселы клики,
Колико чудеса велики
Содѣлалъ Богъ, прервавъ нашъ стонъ.

2.

Ликуй, Россія, въ вѣкъ отнынѣ,
Въ тебѣ нестройства больше нѣтъ;
Ты зришь Петра въ Екатеринѣ,
И въ ней ты зришь Елисаветъ.
Она судъ съ милостью спрягаетъ,
Повинныхъ кротко исправляетъ,
Заслугамъ мзду она даетъ;
Рукой науки покрываетъ,
Другою милость проливаетъ,
Какъ солнце лучъ въ пространный свѣтъ.

3.

Когда Господь хотѣлъ избавить
Народъ любезный свой отъ бѣдъ
И тѣмъ могущество прославить
Свое во весь пространный свѣтъ,—
Воззрѣлъ къ намъ кроткими очами

И облеченную лучами
Послалъ свою премудрость къ намъ,
Воспосадилъ ее на тронѣ
Страны сея ко оборонѣ,
Въ отраду вѣрнымъ, въ страхъ врагамъ.

4.

О, коль блаженна ты, Россія
Въ Екатеринѣ кроткій духъ.
Лети во всѣ концы земныя
Внушити, слава, громкій слухъ,
Что здѣсь премудрость на престолѣ,
И не страшитъ Россію болѣ
Суровость дмящихся враговъ.
Ея императрицѣ новы
Сплетаются вѣнцы лавровы
Отъ вѣрнѣйшихъ ея сыновъ,

5.

Которыхъ славныя побѣды
Въ концахъ вселенныя гремятъ,
И коихъ окрестны сосѣды
Дѣла геройски съ страхомъ чтятъ,
Которыхъ при Елисаветѣ
И при Петрѣ въ пространномъ свѣтѣ
Всегда гремѣли имена;
То знаютъ Франкфуртъ и Полтава.
Но, ахъ, толика громка слава
Едва была уже слышна!

6.

Уже сіи побѣдоносцы,
Которы удивляли свѣтъ,
Преславные дѣлами Россы,
По тьмѣ преславнѣйшихъ побѣдъ,
Безгласны въ ономъ оставались
И побѣжденнымъ предавались
Въ неволю вѣчную. О, срамъ,
Когда-бъ вамъ, Россы, жить въ свободѣ,
Тогда къ противничей угодѣ
Позорно запертъ Яновъ храмъ!

7.

Сіе позорище ужасно
И толь великую напасть

Россія зрѣла повсечасно,
Что лавръ ея готовъ былъ пасть, —
Всегда удара ожидала,
Всегда на гробъ Петровъ взирала,
Со тяжкимъ стономъ вопія:
«Возстани, Петръ, избавь мя нынѣ,
«Я гибну въ грозной бѣдъ пучинѣ
«И жду защиты твоея.

8.

«Къ тому-ль ты расширялъ границы
«Во мнѣ и бунты усмирялъ,
«Къ тому-ль ты мощь моей десницы
«Противныхъ силамъ показалъ,
«Къ тому-ль себя ты безпокоилъ,
«Когда ты флотъ и грады строилъ,
«Къ тому-ль науки насаждалъ,
«Чтобъ послѣ та гремяща слава,
«И купно съ ней моя держава
«И Вышняго законъ упалъ?

9.

«Къ тому-ль меня Елисавета
«Избавила отъ лютыхъ бѣдъ?»
Се тако во предѣлы свѣта
Россія съ стономъ вопіетъ;
И съ ней гласятъ ея всѣ чада:
«Возстань, о Петръ, всѣхъ насъ отрада,
«Возстань, монархъ, любезный намъ,
«Возстань, яви лицо геройско,
«Да паки ободренно войско
«Главу подъиметъ къ небесамъ!»

10.

На гласъ стенящаго народа
Возникъ монархъ изъ земныхъ нѣдръ,
Предъ нимъ содрогнулась природа,
Остановилъ дыханье вѣтръ.
Герой, воззрѣвъ лицомъ смущеннымъ,
И рекъ печалью отягченнымъ:
«Прервите вашъ, о, чада, стонъ,
«И тягость устъ сихъ отложите,
«Екатерину возведите
«На утвержденный мною тронъ.

11.

«Она отверзетъ къ славѣ двери,
«Къ тому въ ней кровь воспалена.
«Она моей подобна дщери,
«Ей Богомъ кротость та-жъ дана;
«Моя въ ней мудрость обитаетъ,
«Она симъ скиптромъ править знаетъ,
«Она правдивый дастъ вамъ судъ,
«Она мои дополнитъ правы,
«Она исправитъ грубы нравы,
«Предъ ней враги ея падутъ.»

12.

Монархъ, вѣщавъ сіе, сокрылся.
Ужасны вѣтры вновь ревутъ,
Геройскій духъ во всѣхъ вселился,
Екатеринѣ вопіютъ:
«Избавь, богиня, насъ отъ смерти,
«Потщись враговъ своихъ ты стерти,
«Исхити насъ изъ сильныхъ рукъ;
«Воззри: мы всѣ днесь погибаемъ,
«Къ твоей защитѣ прибѣгаемъ;
«Избавь, избавь ты насъ отъ мукъ.»

13.

Екатерина преклонилась
На слезы вѣрнѣйшихъ рабовъ,
Но какъ душа ея смутилась
Отъ преужаснѣйшихъ толь словъ:
Стократно просьбою смягчалась,
Стократно паки отрекалась
Отъ императорска вѣнца;
Рекла: «Сыны, престолъ есть бремя,
«Всевышній утолитъ зло время,
«Съ терпѣньемъ ждите бѣдъ конца.»

14.

О, мудрость, съ кротостью спряженна,
О, всѣхъ желаніе сердецъ,
О, ты, въ женахъ благословенна,
Тебя прославилъ самъ Творецъ!
Хоть ты гонима съ Павломъ страждешь,
Но власти таковой не жаждешь,
Котору кровью доставать.

Извѣстно, сколько ты терпѣла,
Однако подданныхъ жалѣла,
Подобно какъ рожденныхъ мать.

15.

Но Богъ, вселенныя Создатель,
Твою печаль, нашъ рокъ смягчилъ;
Войны и мира Обладатель
Безкровно тронъ тебѣ вручилъ;
Лишь ты ко трону приступила,
Ты мечъ противныхъ притупила
И духъ ихъ гордый сотрясла.
Уже внутри престольна града
Возвеселились вѣрны чада,
Которыхъ ты собой спасла.

16.

О, мать спасеннаго народа,
Богиня множества градовъ,
Тебя пустила въ свѣтъ природа,
Чтобъ ты была намъ всѣмъ покровъ!
Владѣй, владѣй счастливо нами
И купно нашими сердцами;
Уста мои отъ всѣхъ гласятъ,
Съ тобой мы про̀йдемъ огнь и воду,
Преодолѣемъ всю природу,
Сотремъ кичливыхъ сопостатъ!

17.

Достойно сѣла ты на тронѣ,
Достойно скипетръ приняла,
Тебя къ порфирѣ и коронѣ
Твоя премудрость привела;
Москва красуется тобою,
Какъ небо солнца красотою,
Избавившись отъ грозныхъ тучъ;
И таковой же ждутъ отрады
Твоей державы многи грады,
Да къ нимъ блеснетъ твой ясный лучъ.

18.

Петровъ градъ дни годами числитъ,
Тебя въ себѣ тепѐрь не зря,
И о тебѣ всечасно мыслитъ,
Къ тебѣ усердіемъ горя;

Нева, стремяся въ бурно море,
Со шумомъ волнъ въ взаимномъ спорѣ
Несетъ ко окрестнымъ брегамъ.
Сколь ты премудра и прекрасна,
Толико въ гнѣвѣ ты ужасна
Твоимъ, монархиня, врагамъ!

19.

Россія взоръ свой простираетъ
Ко трону вѣчнаго Царя,
Мольбу усердну возсылаетъ,
Съ восторгомъ тако говоря:
«Коль я избавлена тобою,
«Смягчись, Творецъ, моей мольбою,
«Продли Екатеринѣ лѣтъ,
«Распространи ея державу,
«Умножъ, умножъ гремящу славу
«О ней во весь пространный свѣтъ!»

II. Ода на новый 1763 годъ.

1.

По всходѣ свѣтлыя зарницы
Уже приходитъ солнце въ міръ,
Отъ златозарной колесницы
Блистаетъ ясный лучъ въ эфиръ;
Луна блѣднѣетъ, звѣзды скрылись,
И взору нашему явились
Луга, бугры, лѣса, моря,
И кони бурными ногами
Несутъ небесными полями
Планетъ прекраснаго царя.

2.

О, ты, прекрасный повелитель,
Тебѣ подвластныхъ всѣхъ планетъ,
Въ пути имъ мудрый предводитель,
Сугубя днесь въ Россіи свѣтъ,
Сугубь ты съ нимъ и счастье наше,
Являйся намъ съ эфира краше,
Предвозвѣщая тѣмъ весну,
Плѣнясь Екатерины славой,

Подъ тихою ея державой
Согрѣй полночную страну.

3.

Содѣтель бурь намъ преужасныхъ,
Бѣги прочь, дерзкій Аквилонъ;
Здѣсь Флора, мать цвѣтовъ прекрасныхъ,
Готова свой поставить тронъ;
Въ моряхъ кипѣть престали волны,
Брега веселія всѣ полны,
Не чувствуютъ волненья водъ
И видя, тишину едину,
Ужь флотомъ мирнымъ всю пучину
Покрыть хотятъ на новый годъ.

4.

Лишь слухъ достигъ въ концы земныя,
Какъ напряженная стрѣла,
Что здѣсь отъ высоты святыя
Екатерина скиптръ взяла, —
Враги оружье оставляютъ
И паки миръ возстановляютъ,
Разрушенный въ Европѣ всей.
О, коль вы, музы, днесь блаженны,
О, коль вы много одолженны
За то богинѣ мудрой сей!

5.

Она вамъ двери отверзаетъ
Петромъ въ сооруженный храмъ,
Она вамъ милость изливаетъ,
Грядите паки, музы, къ намъ
И, подъ великимъ толь покровомъ,
Въ Москвѣ и въ городѣ Петровомъ
Воспойте вы ея дѣла!
Ты, Калліопа, въ свѣтъ трубою
Гласи, какъ сильною рукою
Она отъ бѣдства всѣхъ спасла!

6.

О, Марсъ, рушитель сладка мира,
Оставь кровавый нынѣ мечъ!
Се къ пѣнію готова лира....
Внемли ея правдиву рѣчь,
Внемли, коль силенъ Богъ Содѣтель,

И что возможетъ добродѣтель —
Примѣръ Екатерина въ томъ —
Какъ на престолъ она вступила,
И какъ рогъ гордости сломила,
Спасла и насъ, и Божій домъ.

7.

Какъ вѣтръ изъ мрачной тучи дуетъ
И преужасный громъ разитъ,
Пространно море какъ бунтуетъ
И гибелью пловцу грозитъ,
Такъ намъ грозило бѣдъ ненастье,
Такъ гибло обще наше счастье
И зрилось быть ужъ при концѣ;
Но вдругъ то все перемѣнилось,
И бѣдство въ счастье претворилось
Какъ ты блеснула намъ въ вѣнцѣ!

8.

Земля и грады торжествуютъ
Въ обширной области твоей,
Моря и рѣки ликовствуютъ,
Красясь монархиней своей;
Всѣ чувствуютъ златое время,
Ниспало то ужасно бремя,
Подъ коимъ всѣ стенали мы.
Слышна всемірна радость въ мірѣ;
Екатерина днесь въ порфирѣ,
Гласятъ народовъ многи тьмы.

9.

Представь, о муза, ты мнѣ нынѣ
Ужасны оны времена,
Когда въ глубокой бѣдъ пучинѣ
Тонула россская страна:
Она томилась и страдала,
Лишась владыкъ своихъ, рыдала,
Не зрѣла бѣдствію конца
И безнадежна обмирала,
Съ негодованіемъ взирала
На похитителей вѣнца.

10.

Къ претяжкому Россіи стону
И къ скорби всѣхъ ея сыновъ,

Дерзнулъ тогда коснутся трону
Убійца царскій Годуновъ,
Потомъ, злодѣй и рабъ безбожный,
Низвергъ его Димитрій ложный
И началъ Россовъ угнетать.
О, страхъ, о, скорбь, о, тяжки раны,
Владѣютъ Россами тираны,
И имъ противъ не могутъ стать.

11.

И такъ, когда отягощала
Россію власть руки чужой,
И злоба силы истощала
Разрушить въ вѣкъ ея покой,
Тогда московски падши стѣны,
Ея же кровью обагренны,
Принявши скипетръ, Михаилъ
Изъ пепла паки возвышаетъ
И паки Россовъ оживляетъ,
Которыхъ лютый рокъ сразилъ.

12.

По немъ прехрабрый побѣдитель
Герой россійскій Алексѣй,
Несчастія ея рушитель,
Великой храбростью своей
Межъ многихъ кроволитныхъ боевъ
Возвысилъ рогъ россійскихъ воевъ
И выше чаянья вознесъ:
Литва и Крымъ его трепещетъ,
Когда онъ громъ и пламень мещетъ,
Подобно какъ изъ тучъ Зевесъ.

13.

Но мужъ, отъ высоты святыя
Ниспосланный Россіи въ даръ,
Сей вѣки обновилъ златые,
Посѣя въ Россовъ славы жаръ,
Извелъ изъ тьмы на свѣтъ ихъ вскорѣ,
Враговъ на сушѣ и на морѣ
Разнесъ, какъ плевы сильный вѣтръ.
О ты, россійскій благодѣтель
И счастія ея содѣтель,
Почувствуй въ вѣчности то, Петръ!

14.

Почувствуй, какъ къ тебѣ Россія
По днесь любовію горитъ,
Почувствуй, какъ въ концы земные
Всѣхъ слава дѣлъ твоихъ гремитъ;
Почувствуй и возвеселися,
Что вѣки тѣ же къ намъ снеслися,
Которы были здѣсь съ тобой!
Они настали намъ и нынѣ,
Мы тѣмъ должны Екатеринѣ:
Она намъ радость и покой.

15.

Блаженны ею мы, какъ прежде
Елисаветой были мы,
И веселимся, зря въ надеждѣ,
Что Павелъ всѣхъ плѣнитъ умы:
Въ его младенческомъ ужъ взглядѣ,
Россіянъ къ общей всѣхъ отрадѣ,
Премудрость матерня цвѣтетъ;
Сего осталось намъ желати,
Чтобъ могъ онъ свѣту показати,
Каковъ отца его былъ дѣдъ (*).

16.

Сіе желаніе, о, Боже,
Сердецъ всѣхъ радостныхъ внемли,
Продли ихъ вѣкъ, кой намъ дороже
Всѣхъ благъ, которы на земли;
Россія все тобой имѣетъ:
Екатерина ей владѣетъ.
Гласи, о, слава, громко въ свѣтъ,
А ты, пространная вселенна,
Внемли, коль та страна блаженна,
Котору самъ Господь блюдетъ!

*) Петръ Великій.

III. Ода на прибытіе ея величества изъ Москвы въ Ярославль 1763 года.

1.

Прекрасное свѣтило міра,
Согнавъ съ земли ночную тѣнь,
Сіяя, какъ твоя порфира,
Ліетъ сугубой Россамъ день;
Сугубы день и здѣсь открылся,
Когда твой зракъ у насъ явился,
Ликуетъ весь счастливый градъ,
Дождавшись таковой судьбины,
Что зритъ лицо Екатерины,
Исполнь веселій и отрадъ.

2.

Главу подъемлетъ онъ высоко
И обращаетъ всюду взоръ,
Куда ни простираетъ око,
Чудесъ единыхъ зритъ соборъ,
Объятъ бывъ ужасомъ, вѣщаетъ:
«Не сонъ ли сладкій мя прельщаетъ?
«Я зрю въ объятіяхъ моихъ
«Монархиню, отъ всѣхъ любезну,
«Прервавшу жизнь Россіянъ слезну,
«Отъ бѣдъ избавившую ихъ.»

3.

Въ сомнѣніи бывъ, сіе вѣщаетъ,
Но трепетъ рѣчь его пресѣкъ;
Свой Волга бѣгъ остановляетъ
И хочетъ обратиться въ верхъ,
Но по естественному чину
Бѣжитъ въ Каспійскую пучину
И негодуя вопіетъ:
«Почто мнѣ не дано судьбою
«Свой бѣгъ сдержать и быть съ тобою,
«Монархиня, россійскій свѣтъ?»

4.

Повѣрь, повѣрь и не смущайся,
О, Ярославль, судьбою сей!
Прямымъ весельемъ наслаждайся,
И въ честь монархинѣ своей
Воздвигни изъ сердецъ сложенный

Алтарь, усердіемъ возженный,
Составь торжественный ей ликъ:
Такою жертвой угождаютъ
Народы, кои почитаютъ
Спасительми своихъ владыкъ.

5.

Таковъ ты былъ въ прошедши годы
Благополученъ, какъ и днесь,
Какъ, на цѣлебныя шедъ воды,
Великій Петръ почивулъ здѣсь.
Блаженъ и нынѣ ты, какъ прежде,
Блаженъ и будь въ такой надеждѣ,
Что не мечтою ты прельщенъ:
Ты зришь твою императрицу,
Какъ зришь всходящую денницу,
Которой нынѣ озаренъ.

6.

Не тако послѣ бурной ночи
Пловецъ ждетъ солнечныхъ лучей,
Какъ мы желали видѣть очи
Давно монархини своей;
Давно усердіемъ пылали,
Давно на тронъ тебя желали,
Всѣ вѣрные твои рабы;
Давно колѣна преклоняли,
Давно на небо возсылали
О семъ къ Творцу свои мольбы.

7.

И се надежда совершилась,
Которою питались мы:
Екатерина воцарилась,
Насталъ день свѣтлый послѣ тьмы,
Настало время намъ златое,
Мы всѣ въ возлюбленномъ покоѣ,
Исчезла мгла грозящихъ тучъ.
Екатеринины молитвы
Спасли отъ лютой насъ ловитвы,
Сіяетъ въ небѣ ясный лучъ.

8.

Блаженна та страна святая,
Блаженъ тотъ скиптръ, блаженъ тотъ тронъ,

Гдѣ самъ царь, церкви подражая,
Хранитъ божественный законъ.
Россія, такъ и ты блаженна,
Въ твоей монархинѣ возженна
Любовь къ безсмертному царю:
Мѣста святыя посѣщаетъ,
Его угодниковъ лобзаетъ,
Приноситъ жертвы алтарю!

9.

Еще мой духъ стремится нынѣ
Еще на волгски берега,
Я зрю: спѣшатъ Екатеринѣ
Взрастить тамъ тьму цвѣтовъ луга.
Куда ни простираю взоры,
Вездѣ богатство вижу Флоры,
Вездѣ ликующихъ людей:
Тамъ пѣсни, тамо караводы,
А тамъ въ себѣ прозрачны воды
Изображаютъ тьмы лодей.

10.

Тамъ всѣ усердіемъ пылаютъ
И всѣ во срѣтенье текутъ,
Екатеринѣ подстилаютъ
Свои одежды и рекутъ:
«Гряди по нихъ, о, счастье наше,
«Ты намъ всего на свѣтѣ краше!
«Ты, лира, гласу подражай,
«Греми предъ нею велегласно,
«Греми съ народами согласно
«И пѣснь усердну продолжай!»

11.

Но ты какихъ похвалъ достойна,
Того не можетъ стихъ вмѣстить,
Моя не такъ и лира стройна,
Чтобъ предъ тобой могла гласить.
Къ тебѣ, монархиня, взываю,
Прости мнѣ, что принесть дерзаю
Величеству нестройный стихъ.
Твою къ отечеству заслугу
Чтобъ возгласить земному кругу,
Не мнѣ, но славѣ дѣлъ твоихъ.

12.

А я желалъ бы днесь и болѣ
Принесть хвалу, тебѣ поя,
Но мысль моей противна волѣ,
Слабѣетъ лира въ томъ моя.
Мой умъ въ сей безднѣ утопаетъ,
Когда проникнути желаетъ,
Твоей премудрости во храмъ.
Я пѣснь усердьемъ скончеваю,
Себя и лиру повергаю
Къ твоимъ, монархиня, стопамъ!

IV. Ода на случай избранія депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенія 1767 года.

1.

Не лесть, монархиня, сплетая,
Пріемлю лиру я мою;
Къ тебѣ сердечнымъ жаромъ тая,
Едину истину пою,
Не музу въ помощь призываю,
Твои дѣла воспоминаю
И славѣ поспѣшаю въ слѣдъ:
Восходъ твой на престолъ преславенъ —
Кто можетъ быть съ тобою равенъ!—
Тому свидѣтель цѣлый свѣтъ.

2.

Всемощной Вышняго рукою
На оный ты возведена,
Для счастія всѣхъ и для покою
Тебѣ монарша власть дана:
Россію вознести, прославить,
Нелицемѣрный судъ возставить,
Дѣла Петровы окончать.
Сей мужъ отъятъ отъ насъ судьбою,
Судьба хотѣла здѣсь тобою
Его намѣренье вѣнчать.

3.

Петромъ насѣянны науки
Тобою множатся, растутъ,

Тебѣ днесь лирны стройны звуки
Хвалу безсмертную поютъ,
Ихъ гласы, яко быстры воды,
Польются въ дальніе народы,
Колико ихъ вмѣщаетъ свѣтъ;
Твои дѣла въ Россіи громки,
Узнаютъ поздны ихъ потомки
И слава славѣ пойдетъ въ слѣдъ.

4.

Надеждой ободренно войско
Въ поляхъ присутствіемъ твоимъ,
Когда лицо твое геройско
Явила въ видѣ Марса имъ:
Чело бронею украшенно,
Лице все потомъ орошенно,
Рука съ блестящимся мечемъ
Являли зракъ императрицы,
Какъ всходъ пресвѣтлыя зарницы,
Сіяющей златымъ лучемъ.

5.

Одѣтая жена героемъ
Геройскій заключаетъ духъ,
Стремится передъ храбрымъ строемъ
Разить и побѣждати вдругъ;
Гордяся конь, какъ вихрь, крутится,
Отъ ногъ его песокъ мутится,
Восходитъ къ верху пыль столпомъ.
Таковъ былъ Петръ великъ во славѣ,
Когда на брани при Полтавѣ
Бросалъ на дерзкихъ Шведовъ громъ.

6.

Для будущей готовясь славы,
Ты флотомъ на морскихъ зыбяхъ
Являла посредѣ забавы,
Что будетъ онъ противнымъ страхъ.
Ужь Бельтъ суда твои подъемлетъ
И громы радостные внемлетъ,
Съ веселіемъ стремя къ нимъ валъ;
Речетъ: «Се тако Петръ Великій,
«Имѣя флотъ на мнѣ толикій,
«Преславно имъ повелѣвалъ.»

7.

Куда я взоръ ни обращаю,
Вездѣ я вижу чудеса
И въ восхищеніи вѣщаю:
О, вы, всесильны небеса,
Россія нынѣ возблистала,
Ея судьба теперь настала
Въ концахъ вселенныя гремѣть!
Вы всѣмъ добромъ ея снабдили,
Что ей сію опредѣлили
Въ себѣ монархиню имѣть.

8.

Хвалите, Россы, Бога нынѣ,
Что вамъ Екатерину далъ,
Воздайте вы Екатеринѣ
Усердныхъ тысящи похвалъ;
Въ ней купно мудрость, храбрость, вѣра;
Екатеринѣ нѣтъ примѣра
На свѣтѣ изъ земныхъ владыкъ.
Въ ней Богъ свой образъ вамъ являетъ
И ею всѣхъ васъ удивляетъ,
Каковъ премудръ онъ и великъ.

9.

Владѣтель славенъ тишиною,
Но подданныхъ слабѣйшій щитъ,
Другой кровавою войною
Свою державу пустошитъ
И славѣ жертвуетъ народы.
Его владѣніе, какъ воды,
Которы, съ горъ ліясь, ревутъ,
Большіе камни съ мѣстъ ихъ гонятъ,
Древа матеры съ корня клонятъ,
Терзаютъ берегъ свой и рвутъ.

10.

Въ твоемъ владѣньи польза выше
Текущихъ изъ Едема рѣкъ,
Твоя душа зефира тише,
Дающа намъ спокойный вѣкъ.
Услыша кротость сей природы,
Текутъ отъ дальныхъ странъ народы
Къ обширной области твоей:

Но что языкъ мой здѣсь вѣщаетъ,
То Волга дѣломъ ощущаетъ
Въ пространствіи своихъ степей.

11.

Тамъ класы на поляхъ желтѣютъ,
Гдѣ прежде тернія расли,
Тамъ люди о трудахъ радѣютъ,
Туда художества внесли;
Гдѣ прежде звѣри обитали,
И птицы хищныя летали,
Гдѣ дикая была земля,—
Теперь народы тамъ селятся,
И нимфы въ рощахъ веселятся,
Узрѣвъ прекрасныя поля.

12.

Престолъ твой купно окружаютъ
Надежда, вѣра и любовь,
Твою премудрость обожаютъ
Законъ пріемля люди вновь;
Законъ, изображенный ясно,
Зловредный ябедникъ напрасно
Стараться будетъ толковать:
Изъ словъ божественныхъ и внятныхъ
Не можетъ мыслей сплесть превратныхъ
И ими правду затмѣвать.

13.

Судьи возмогутъ безъ препоны
Святую истину хранить,
Не могутъ ужъ одни законы
И править купно, и винить;
Твоя премудрость въ нихъ возблещетъ,
Порокъ сокрывшись затрепещетъ,
И добродѣтель процвѣтетъ.
Увидимъ правду, какъ денницу,
Господь съ высотъ свою десницу
Благословить сіе простретъ.

V. Ода на всерадостный день коронованія ея величества.

1.

Блаженства нашего причина,
Источникъ истины святой,
Великая Екатерина,
Отрада наша и покой,
О, мать отечества драгаго,
Начало вѣка золотаго,
Начало дней счастливыхъ намъ,
Ты Богомъ на престолъ избранна,
Его рукою увѣнчанна,
Покровъ союзнымъ, страхъ врагамъ!

2.

Богъ, неба и земли Содѣтель,
Предѣлъ поставилъ искони,
Дабы святую добродѣтель
Прославить въ поздны наши дни;
Всемощной властію своею
Тебя владѣть страною сею
На тронъ торжественно возвелъ,
Взложилъ вѣнецъ, облекъ въ порфиру,
Чтобъ тѣмъ явить пространну міру
Число твоихъ великихъ дѣлъ.

3,

Ликуй, Россія, вознесенна
На верхъ блаженства твоего!
Тебѣ дивится вся вселенна,
Ты въ ней прекраснѣе всего,
Тебя Господь блюдетъ, покоитъ,
Екатерина пользу строитъ:
Законъ божественный даетъ,
Въ которомъ твердо, живо, ясно,
Вездѣ всѣхъ съ пользою согласно
Сама природа вопіетъ;

4.

Божественными словесами
Изображаетъ кроткій нравъ,
Вліянный свыше небесами
Являетъ разумъ въ силѣ правъ;

Любовью къ подданнымъ пылаетъ,
Дожить до дней тѣхъ не желаетъ,
Чтобъ былъ кто счастливѣе насъ.
Чей нравъ толь миловать способенъ,
Чьему сей кроткій гласъ подобенъ?
Подобенъ Божію сей гласъ.

5.

О вы, владѣтели земные,
Вамъ титло громкое дано,
И вамъ отъ высоты святыя
Народно счастье вручено.
О нихъ довлѣетъ вамъ радѣти,
Они вамъ должны быть какъ дѣти.
Вы должны пользѣ ихъ внимать;
На наше счастіе воззрите
И то-жъ въ державахъ сотворите,
Что здѣсь творитъ россійска мать.

6.

Какъ послѣ бурныя погоды
Подуетъ сладостный зефиръ,
Умолкнутъ вдругъ шумящи воды,
Освѣтитъ солнца лучъ эфиръ,
Пріятны дни потомъ начнутся,
Луга и горы разсмѣются,
Увеселяя смертныхъ взоръ;
Польется радость повсемѣстно,
Въ лѣсахъ услышится прелестно
Поющихъ птицъ пріятный хоръ; —

7.

Подобну Россы радость внемлютъ
Въ обширной области ея,
Пространство коея объемлютъ
Собой великія моря;
Ихъ разны нравы и языки,
Но всѣ дѣла ея велики
Единымъ сердцемъ говорятъ,
Веселы лики составляютъ,
Ее въ нихъ хвалятъ, прославляютъ,
И къ ней любовію горятъ.

8.

Науки нынѣ въ совершенствѣ
Ея раченіемъ цвѣтутъ,
Мы стали жить во благоденствѣ;
Коварство съ завистью падутъ,
Вражда, насильство усмирились,
Разсудку страсти покорились,
Не смѣютъ больше волновать;
Науки юношъ просвѣтили,
Они наукъ обогатили
И стали ими обладать.

9.

Но кое зрѣлище прекрасно
Теперь представилося мнѣ?
Не солнце-ли сіяетъ ясно,
Или я зрю сіе во снѣ?
Не сонъ, восторгъ мой умъ объемлетъ!
Се очи зрятъ, и слухъ мой внемлетъ
Россію въ торжествѣ ея;
На адамантовомъ престолѣ
Сидитъ въ пространномъ свѣта полѣ.
О, коль мила мечта сія!

10.

Екатериной просвѣщенна
Предѣловъ счастію не зритъ,
Науками обогащенна,
Возставъ, и тако говоритъ:
«Премудрая Екатерина!
«Тобой я краше райска крина,
«Мой тверже мрамора престолъ;
«Тебя я матерью считаю,
«Тебѣ младенцевъ я питаю,
«И мужескій, и женскій полъ.

11.

«Я только ихъ питаю тѣло,
«А ты питаешь души ихъ;
«Тебѣ сіе довлѣетъ дѣло,
«Оно достойно рукъ твоихъ.
«Оно одной тебя достойно,
«Тебѣ пещись о нихъ пристойно,
«Ты счастье ихъ, ты ихъ покой;

«Они среди сего блаженства
«Взрастутъ и образъ совершенства
«Покажутъ, данный имъ тобой.»

12.

Сіе Россія просвѣщенна
Тебѣ, монархиня, речетъ,
Но мысль, тобою восхищенна,
Еще воспѣть тебя течетъ.
Но мнѣ-ль дѣла твои исчислить?
Что больше я стараюсь мыслить,
То больше гибнетъ разумъ въ нихъ
Я пѣніемъ тебѣ скучаю:
Я пѣснь усердіемъ скончаю,
Оно украситъ слабый стихъ.

13.

Гремящу лиру днесь оставлю,
Оставлю съ нею Геликонъ,
Труды къ желанію прибавлю,
Да твой божественный законъ
Разсудкомъ разума постигну,
Я силы къ силамъ всѣ подвигну
И къ нимъ искусство приложу,
И счастливъ буду я неложно,
Когда усердіе возможно
Тебѣ чрезъ трудъ мой покажу.

VI. Стихи на возвратное прибытіе ея величества, изъ Казани въ престольный градъ Москву въ 1767 году.

Хотя отъ насъ пошло прочь днéвное свѣтило,
И ночи мрачная прибавилася тѣнь,
Пришествіе твое весь городъ оживило,
Ты намъ, монархиня, даешь прекрасный день.
По стогнамъ шумъ вездѣ пріятный раздается:
«Пришла обратно къ намъ монархиня, нашъ свѣтъ!»
Никто изъ жителей въ домахъ не остается,

Всякъ, шествуя тебѣ во срѣтенье, речетъ:
Отшествіе твое намъ было тѣмъ полезно,
Что ты для пользы всѣхъ пошла Россію зрѣть:
Пришествіе твое, о, коль намъ всѣмъ любезно!
Возможно-ли къ тебѣ сердцами не горѣть?
Ты благо общее покою предпочтила
И пользу нашу чтишь превыше своея,
Ты жизнь свою трудамъ полезнымъ посвятила
Со дня, какъ ты взошла на тронъ страны сея.
Что было здѣсь Петромъ Великимъ насажденно,
Тобой взращенное уже то видимъ мы,
Тобой владычество твое обогащенно,
Тобою зримъ вездѣ своихъ довольствій тьмы;
Здѣсь видимъ во твоемъ объятіи науки,
Тамъ видимъ сиротамъ прибѣжище, покровъ;
Вездѣ полезное твои намъ зиждутъ руки,
Что зрятъ теперь въ себѣ Москва и градъ Петровъ.
Воспитываяся тамъ юноши тобою,
Для пользы общія съ млекомъ науки пьютъ.
Возрастши, за тебя во время жарка бою,
Одни съ усердіемъ кипящу кровь прольютъ;
Другіе чрезъ моря незнаемы дороги,
Тобой поощренны, безъ робости пройдутъ,
Презрѣвъ въ пути и страхъ, и всѣ напасти строги,
Въ твое владычество богатство принесутъ,
Индію съединятъ съ россійскою страною
И Хину во твое подданство приведутъ —
Не будетъ защищенъ пространною стѣною
Продерзостной Манжуръ, что гордостью надутъ.
Лишь только тамъ твое оружіе возблещетъ,
И грозна молнія въ предѣлахъ ихъ сверкнетъ,
Сокрывшися злодѣй отъ грома затрепещетъ
И скипетръ въ знакъ тебѣ подданства принесетъ.
Иной, съ младенчества наукой просвѣщенный,
Правдивый будетъ мужъ и здравый на судѣ,
Храня написанный законъ тобой священный,
Не поколеблется пристрастіемъ нигдѣ.
Полъ нѣжный, просвѣтясь наукою полезной,
Душевны красоты при возрастѣ явитъ,
Благодаря тебѣ, какъ матери любезной,
Домостроительство въ домахъ возстановитъ.

Усердіемъ мой духъ, внезапно восхищенны!
Я зрю передъ собой прекрасные луга;
Тамъ вижу грады я, какъ кедры возвышенны,
Обременяющи крутые берега,
Въ которыхъ Волга льясь въ восторгѣ удивилась,
Увидя по себѣ Екатерининъ ходъ,
Стремленіе свое сдержавъ, остановилась
И тѣмъ умножила быстротекущихъ водъ,
Которыми покрывъ каменья всѣ и мели,
Творя владычицѣ своей свободный путь.
Еолъ ко вѣтрамъ рекъ, чтобъ дуть они не смѣли:
Единому теперь зефиру должно дуть.
При всходѣ тихія на небеса Авроры
По рощамъ и лѣсамъ тамъ свищутъ соловьи,
Тамъ гласа нѣжнаго наполнилися горы,
Тамъ нимфы веселясь дѣла поютъ твои.
Въ присутствіе твое во селахъ и во градѣхъ
Любовь твоя къ рабамъ, къ тебѣ усердье ихъ;
Мать веселящуся тамъ видѣли о чадѣхъ,
Тамъ зрѣли счастіе велико обоихъ.
Не льзя того назвать владѣтеля великимъ,
Кто множество земель имѣетъ подъ рукой
И, обладаючи пространствіемъ толикимъ,
Несовершенъ еще имѣетъ онъ покой,—
Когда единая ихъ строгость обуздаетъ,
И съ принужденіемъ рабы владыку чтутъ.
Тотъ счастливъ, кто, какъ ты, народомъ обладаетъ:
Ты милосердіе являешь намъ и судъ.
Тобой возведены на верхъ мы совершенства,
Тобой мы счастливы, тобой вознесены;
Причина нашего ты самаго блаженства,
Которымъ мы отъ всѣхъ сторонъ ограждены.
Въ отсутствіе твое желаніемъ горѣли,
Чтобъ твой увидѣти, монархиня, возвратъ;
Во Павловомъ лицѣ твое лицо мы зрѣли,
Имъ точно безъ тебя питался здѣшній градъ:
Премудрость во очахъ его твоя блистаетъ,
И милосердіе твое сіяетъ въ нихъ;
Великая душа во Павлѣ обитаетъ,
Заемлетъ онъ сіе отъ склонностей твоихъ.
Толикою теперь отвагой восхищенны,

Къ тебѣ, монархиня, усердіемъ горя,
Прости, что пѣсни пѣть дерзаю я священны,
Едину истину нелестно говоря,
И если нестройна̀ моя звеняща лира,
Оставь, монархиня, то слабости моей.
Тебя я воспѣвалъ, о мать россійска міра,
Но что сравняется со славою твоей?

VII. Ода на всерадостный день восшествія на всероссійскій престолъ ея величества.

1.

Возста̀нь, покоящася лира,
Возстань, оставь свой сладкій сонъ,
Простри ты взоръ къ предѣламъ міра,
Взнесись со мной на Геликонъ,
Отверзи разума богатство,
Умножъ ты пѣнія пріятство,
Яви тѣмъ новыя красы!
Какъ стебли масличны живятся,
Когда по зноѣ упоятся
Прохладой влажныя росы, —

2.

Подобно я тебя покоилъ,
Дабы твой гласъ не ослабѣлъ,
Гремящихъ струнъ твоихъ не строилъ,
Тебя оставилъ и не пѣлъ.
Но днемъ симъ духъ мой восхищенный
Дерзаетъ пѣсни пѣть священны,
Стремится, жаждетъ и горитъ;
Желанье жаръ во мнѣ рождаетъ,
Усердье умъ мой возбуждаетъ
И мысли къ пѣнію бодритъ.

3.

Но кто мнѣ можетъ ихъ направить,
Кто дастъ богатство мнѣ рѣчей?
Богиню росскую прославить
Возможно-ль пѣснію моей?

О, ты, пѣвецъ преславный Россовъ,
О, несравненный Ломоносовъ,
Твой слогъ отмѣнной красоты,
Твоя огромна пѣснь и стройна
Была монархини достойна,
Достоинъ пѣть ея былъ ты!

4.

Я хладный прахъ твой уважаю,
Онъ въ градѣ ономъ положенъ,
Тебѣ въ которомъ подражаю,
Твоимъ бывъ пламенемъ возженъ;
Приди, настрой мнѣ слабу лиру,
Дабы я могъ пространну міру
Твоимъ восторгомъ возгремѣть;
Да блещутъ страшные перуны,
Когда ея согласны струны
Начнутъ Екатерину пѣть.

5.

Прошедши дни воображая,
Смущаюсь, ужасомъ объятъ,
Пучины бѣдъ не вижу края,
Я зрю разверстъ свирѣпый адъ.
Тамъ злоба рветъ свои оковы,
Пороки вырваться готовы,
И се они стремятся къ намъ:
Законъ падетъ, и вѣра страждетъ,
Невѣжество растетъ и жаждетъ
Разсыпать музъ священный храмъ.

6.

Но я, богиня, не дерзаю
Взводить на мысль печали тѣнь,
Твои стопы я лобызаю,
Поя торжественный сей день.
О день россійскія отрады!
Ликуйте вы, спасенны грады
Екатерининой рукой;
Забудьте дни прошедши грозны,
Отнынѣ всѣ потомки поздны
Почувствуютъ драгій покой.

7.

А ты, о, градъ, изъ всѣхъ блаженный,
О, градъ счастливый на земли,
Ты, градъ Петровъ благословенный,
Блаженству днешнему внемли,
Благослови свою судьбину,
Ты прежде всѣхъ Екатерину
Узрѣлъ монархиней своей;
Я мню, что всѣ россійски грады,
Среди великія отрады,
Судьбѣ завидуютъ твоей.

8.

Въ тебѣ богиня созидаетъ
Покоя общаго столпы,
На коихъ правда утверждаетъ
Свои пресвѣтлыя стопы;
Въ объятье свѣтъ ея сберется,
Столповъ огромность не сотрется,
Они крѣпчае пирамидъ,
Что нильскій брегъ отягощали,
Главами неба досязали,
Имѣя гордый только видъ.

9.

Здѣсь гордость вида не имѣетъ,
Смиреніе блистаетъ вкругъ,
Какъ злато, истина яснѣетъ
И милость, какъ драгій жемчугъ.
Надежда, судъ и защищенье,
Столпамъ прямое украшенье,
Изводятъ свѣтлые лучи,
Какъ послѣ бури въ тихомъ понтѣ
Восшедъ, звѣзда на оризонтѣ
Сугубитъ блескъ свой тѣмъ въ ночи.

10.

Ликуйте, рѣки странъ россійскихъ,
Ручьи, разлейтесь по лугамъ,
Шумящи волны водъ балтійскихъ,
Несите къ нашимъ берегамъ
Суда, богатствомъ отягченны;
Судьи, храните даръ священный,
Что зиждутъ намъ ея труды.

Разсыпанно богатство Флоры,
Увеселяй всѣхъ смертныхъ взоры,
И дай, Помона, намъ плоды.

11.

Трудолюбивою рукою,
Церера, нивы собери,
И, миръ, для общаго покою
Дверь храма браней затвори,—
Да не дерзаетъ Марсъ кровавый
Коснуться росскія державы
И возмутить златые дни;
Во области Екатерины
Растите всюду, райски крины,
Ея рукой насаждены.

12.

Науки смыслу покоряйте,
Которы вамъ отворены,
На вѣкъ свой будущій взирайте,
Младые росскіе сыны!
Крѣпитеся и возрастайте,
Къ монархинѣ любовью тайте
И проникайте знаньемъ въ свѣтъ;
За милость ону въ воздаянье
Исполньте только то желанье,
Чего она отъ васъ всѣхъ ждетъ.

13.

Отверзто вамъ блаженства поле,
И течь въ него препятства нѣтъ,
Екатерина на престолѣ,
Любезный сынъ ея растетъ
И то во младости являетъ,
Чѣмъ мужъ средь вѣка удивляетъ:
Осанка, бодрость, свѣтлый взглядъ
И кроткій нравъ, и сердце нѣжно,
Къ наукамъ тщаніе прилежно
Сердца и души въ насъ плѣнятъ.

14.

Но что мой взоръ теперь встрѣчаетъ,
И что за гласъ мнѣ въ слухъ притекъ?
Екатеринѣ Богъ вѣщаетъ:
«Живи во счастіи твой вѣкъ,

«Живи и царствуй невредима,
«Моей рукою ты хранима,
«Живи, живи до поздныхъ лѣтъ;
«Тебѣ я ввѣрилъ часть вселенной,
«Паси сей миръ благословенной
«И удивляй дѣлами свѣтъ.

15.

«Ты мной на тронъ сей возведенна,
«Тебя помазалъ миромъ я,
«И ты какъ злато искушенна
«Чистѣйшее среди огня;
«На то ты бѣдствія сносила,
«Дабы твоя душевна сила
«Умножила дражайшій вѣсъ;
«Чтобъ знала всѣхъ ты состоянье,
«За трудъ давала воздаянье,
«Смягчалася отъ бѣдныхъ слезъ.

16.

«Когда Россію я прославить
«Уже упадшую хотѣлъ,
«Петра я долженъ былъ возставить,
«Чтобъ онъ съ собой ее возвелъ;
«Тебя для славы и покою
«Возвелъ на тронъ моей рукою,
«Дабы Россія процвѣла.
«Она цвѣтетъ и успѣваетъ,
«Твоя десница содѣваетъ
«Мои божественны дѣла.»

17.

Сіе изрекъ Содѣтель міра.
Былъ слышенъ силъ небесныхъ гласъ,
Молніевидная порфира
Сокрылася отъ бренныхъ глазъ.
Какій громъ въ слухъ мой ударяетъ?
Се днешню радость повторяетъ
Тобой избавленный народъ;
Сей плескъ на небеса стремится,
И слуху шумъ его разится,
Какъ шумъ отъ сонма многихъ водъ.

VIII. Сонетъ ко дню празднованія о благополучномъ выздоровленіи отъ прививныя оспы ея императорскаго величества и его императорскаго высочества, придворнаго россійскаго театра актерами.

Растайте, снѣги, днесь, умолкни, непогода,
Преобратись, зима, въ весенне существо,
Раскиньтесь на поляхъ, цвѣточки разна рода,
И премѣнися, ледъ, въ водное вещество.

Внимая нашему веселію, природа,
Соедини свое ты съ нашимъ торжество,
Почти Минерву тѣмъ россійскаго народа,
Спасительницу всѣхъ и наше божество.

Настала ею дней ужасныхъ перемѣна;
Два раза ею вся Россія спасена;
Порокъ и гидру въ адъ низринула она.

Здѣсь ею смертные отъ пагубы спаслись,
Науки и законъ высоко вознеслись:
Се Талія гласитъ и съ нею Мельпомена.

IX. Стихи примеръ-маіору Юрью Богдановичу г. Бибикову.

Тобою, Бибиковъ, намъ вѣсть привезена,
Что сила Агарянъ россійской попрана,
Что наша молнія въ странахъ противныхъ блещетъ,
И что нашъ сопостатъ, бѣжа ея, трепещетъ.
О, вѣстникъ радостный прехрабрыхъ Россіянъ!
Ты самъ участникъ былъ разбитья Агарянъ;
Хотя ты малой войскъ былъ части предводитель,
Надъ многимъ ты числомъ остался побѣдитель.
Твой врагъ передъ тобой бѣжати принужденъ.
Я храбрость симъ твою прославити пылаю,
И вотъ чего тебѣ, еще тебѣ желаю:
Подобенъ будь тому, кѣмъ Вернеръ побѣжденъ.

X. Письмо Александру Андреевичу Беклешову о смерти брата его подполковника Арсенія Андреевича, убитаго при одержанной россійскимъ войскомъ надъ Турками побѣдѣ у Хотина августа 29 дня 1769 года.

Велика, Беклешовъ, сія тебѣ утрата,
Лишился своего любезнаго ты брата,
Лишился купно въ немъ ты друга своего.
Оплачъ, мой другъ, оплачъ умѣренно его!
Пролей о немъ изъ глазъ источники ты слезны,
Скажи въ послѣднія: «Прости, мой братъ любезный!»
И болѣе сего ты слезъ своихъ не лей.
Ты сердце мужеско въ напасти сей имѣй,
Давай съ разсудкомъ ты сію природѣ плату
И буди мужествомъ своимъ подобенъ брату.
Хотя его судьба жизнь кратку отняла,
Но прежде показавъ въ немъ храбрыя дѣла.
Пускай бы онъ еще на свѣтѣ семъ остался,
Пускай бы въ старости глубокой онъ скончался:
На что желати намъ, на что должайшій вѣкъ?
Не лѣтами великъ, дѣлами человѣкъ.
Коль бѣдствія тѣснятъ, волнуютъ духъ нашъ страсти,
И всякій часъ грозятъ намъ разныя напасти,
И коль необоримъ на свѣтѣ рокъ ничѣмъ,
Не лучше-ль кончить жизнь, какъ кончилъ онъ, съ мечемъ?
Представь передъ собой ты брата и героя,
Сражавшагось среди ужаснѣйшаго боя;
Представь, какъ онъ враговъ смертельно поражалъ;
Представь, какъ врагъ предъ нимъ въ смятеніи бѣжалъ;
Имѣючи въ себѣ онъ душу толь геройску,
Оставилъ славу тѣмъ и честь россійску войску,
Оставилъ память онъ безсмертну по себѣ,
Оставилъ купно честь и роду, и тебѣ.

XI. Ода государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Второй и самодержицѣ всероссійской, на побѣду, одержанную надъ Турками при Днѣстрѣ войсками ея императорскаго величества, подъ предводительствомъ генерала князя Голицына, и на взятіе Хотина.

1.

Гремите вы, согласны струны,
Ликуйте, невскіе брега;
Уже россійскіе перуны
Низвергли гордаго врага,
Врага, который мысль надменну
Имѣлъ — подвигнуть всю вселенну,
И мнилъ къ ногамъ ее попрать.
Увидя смертныхъ родъ въ покоѣ,
Пріявъ намѣреніе злое,
Воздвигъ неистовую рать.

2.

Воззрѣвъ въ нашъ край завистнымъ окомъ,
Прегордый Мустафа изрекъ:
«Я Сѣверъ съединю съ Востокомъ,
«Смущу златый въ Россіи вѣкъ,
«Не дамъ ея гремѣти славѣ
«Не дамъ взнестися сей державѣ,
«Не дамъ я ей торжествовать.
Надмѣнъ бывъ яростью, гордился,
Вѣщалъ: «На то я въ свѣтъ родился,
«Дабы мнѣ имъ повелѣвать.»

3.

Онъ мнилъ: «Достигъ я той судьбины,
«Чтобъ царства въ пепелъ обращать.»
Но участь есть Екатерины
Его карати и прощать.
О, Мустафа, ты въ злой напасти
Спѣши къ ногамъ ея упасти,
Она готова все простить:
Герой тогда врага терзаетъ,
Коль тотъ противиться дерзаетъ,
Но падшему не хощетъ мстить.

4.

Тебя гнѣвъ Божій постигаетъ,
Не силенъ ковъ твой никакой;
Тебѣ ничто не помогаетъ,
Когда гонимъ его рукой;
И вѣтры въ помощь нашу дуютъ,
Противъ тебя они бунтуютъ,
Самъ Днѣстръ противъ тебя потекъ;
Ты долженъ ратовати, споря
Противу бурь, противу моря,
Противу горъ, противу рѣкъ.

5.

Исчисль свои кровавы раны,
Исчисль людей своихъ уронъ,
Познай льстецовъ своихъ обманы,
Они, они твой зыблютъ тронъ.
Молдавія опустошенна,
Твоею кровью орошенна,
И твой Хотинъ у насъ въ рукахъ;
Бендерски стѣны распадутся,
Во плѣнъ Россіи предадутся
Евксинскій понтъ, Архипелагъ.

6.

Византія увидитъ вскорѣ
Въ себѣ Екатерины власть,
Тебѣ на сушѣ и на морѣ
Уже готовится напасть;
Дунай, Евфратъ и Нилъ со Савой
Ея наполнилися славой,
Готовы ей себя предать;
Она рожденна въ міръ судьбою,
Чтобъ царствіемъ твоимъ, тобою
И всѣмъ на свѣтѣ обладать.

7.

Ея и имя устрашаетъ
Твоихъ янычаровъ въ ночи,
Когда въ сраженьи возглашаетъ
Летящъ нашъ воинъ на мечи;
Онъ саму гибель презираетъ,
Врага разитъ и попираетъ
Въ геройскихъ дѣйствіяхъ своихъ;

И только въ мысль его приводитъ, —
Безстрашно въ кровныхъ токахъ ходитъ
Сраженныхъ воиновъ твоихъ.

8.

Ясону нѣкогда Медея
Дала чудесный свой составъ,
Съ которымъ онъ ужасна змѣя
Сразилъ, къ ногамъ своимъ поправъ.
Но съ именемъ Екатерины
Не только что главы змѣины,
Сотрется всяка въ свѣтѣ злость.
Съ нимъ Россы все преодолѣютъ,
Враговъ, какъ легкій прахъ, развѣютъ,
Мечи ихъ сломятъ, яко трость.

9.

О вы, прехрабрые герои,
Любезны росскіе сыны,
Вожди, начальники и вои,
Успѣхомъ бывъ ободрены,
Побѣды далѣ простирайте,
Съ трофея на трофей ступайте,
Да видитъ то пространный свѣтъ,
Что для россійскія короны
Не страшны войска милліоны,
И ей нигдѣ препоны нѣтъ!

10.

Екатерина въ ней владѣетъ,
Восшедъ преславно на престолъ,
О пользѣ общей всѣхъ радѣетъ,
Храня людей своихъ отъ золъ;
Рукой науки насаждаетъ,
Другой противныхъ побѣждаетъ,
Разитъ ихъ, гонитъ и страшитъ;
Чего желать намъ, Россы, болѣ,
Премудрость видя на престолѣ?
Она намъ мечъ, и шлемъ, и щитъ.

11.

Счастливый вѣкъ къ намъ возвратился,
Каковъ въ дни Августовы текъ,
Нашъ вѣкъ наукой просвѣтился,
Блаженъ, монархиня, нашъ вѣкъ!

Тамъ Меценатъ, наукъ любитель,
Мужей достойныхъ покровитель,
Въ нелестныхъ чтется похвалахъ;
Но мы счастливѣе трикраты,
Когда столь многи Меценаты
Являются въ твоихъ странахъ.

12.

О если бъ гласъ мой соравнился,
Монархиня, съ хвалой твоей!
Тогда бъ и свѣтъ весь удивился,
Плѣняясь пѣснію моей;
Твоихъ мнѣ дѣлъ тьма въ мысль вбѣгаетъ,
Усердье мѣръ не полагаетъ,
Но слабъ мой даръ ихъ изъяснить;
И чья толико лира стройна,
Котора бъ пѣть была достойна
Дѣла, что свѣту не вмѣстить?

XII. Стихи ко празднеству императорской Академіи Художествъ.

Россія, зря свое сугубое блаженство,
Вѣнчанную главу до облакъ вознесла.
Речетъ: «Внутри меня есть счастья совершенство,
«Художества во мнѣ цвѣтутъ и ремесла,
«И размножаются свободныя науки
«Тогда, какъ внѣ меня гремятъ военны звуки;
«Когда я силою моихъ вѣрнѣйшихъ чадъ
«Ражу, страшу, гоню кичливыхъ сопостатъ
«И становлю вездѣ побѣдъ моихъ трофеи,
«А здѣсь рождаются Апеллы и Орфеи,
«Невтоны, Лейбницы, достойные хвалы;
«Колумбъ мой тамъ летитъ чрезъ грозные валы
«Не для сысканія новѣйшей свѣта части,—
«Для избавленія несчастныхъ отъ напасти
«И чтобъ прегордаго тирана наказать,
«И тамо мочъ моей десницы показать.
«Когда же взоръ простру во внутренни предѣлы,
«Въ безмолвіи вездѣ я грады зрю и селы,

«Ликуютъ жители, не чувствуя войны.
«Народъ мой образъ есть морскія тишины,
«Которо, укротясь послѣ жестокой бури,
«Поверхность кажетъ намъ подобною лазури,
«Изобразивъ въ себѣ небесъ пресвѣтлый сводъ,—
«Подобно такъ и мой возлюбленный народъ
«Монархиню свою внутри сердецъ вмѣщаетъ,
«Которая его закономъ просвѣщаетъ.
«Такія отъ небесъ имѣвъ щедроты я,
«Петромъ воздвигнута, взнеслась глава моя.
«Я подвиги сего героя воспрославлю,
«На каменной горѣ я видъ его поставлю;
«Но чѣмъ я днесь мою монархиню почту
«И чѣмъ души ея прославлю красоту?
«Хотя бы я Кавказъ сюда предвигла нынѣ,
«Я мало заплачу и тѣмъ Екатеринѣ.

XIII. Надпись ко мраморамъ россійскимъ.

Чѣмъ Мемфисъ нѣкогда и Вавилонъ гордился,
Чему во Греціи пространный свѣтъ чудился,
И чѣмъ превосходилъ надъ ними древній Римъ,—
То все въ единой мы теперь Россіи зримъ:
Трудамъ симъ положилъ Великій Петръ начало,
Екатеринино раченье ихъ вѣнчало.

XIV. Стихи на отшествіе россійскаго флота изъ Ревеля въ Средиземное море.

Побѣдоносный флотъ, въ желанный путь гряди,
Соединившися со сѣвернымъ Ясономъ,
И, тронутъ будучи несчастныхъ Грековъ стономъ,
Прегордыхъ ихъ враговъ преславно побѣди.

И, возвратясь оттоль, побѣдою вѣнчанный,
Не златорунную намъ добычъ принеси:

Екатериною исполнь успѣхъ желаяный,
Невинныхъ христіанъ отъ лютыхъ бѣдъ спаси.

Она не ту себѣ имѣти хощетъ славу,
Дабы востокъ войной кровавой возмущать
И чтобъ противу насъ бунтующу державу
Оружіемъ подъ власть свою порабощать.

Ея великія дѣла во свѣтѣ громки
Останутся на вѣкъ безъ грозныя войны,
И будутъ нѣкогда чудиться имъ потомки,
Узря блаженство сей счастливыя страны.

А вы, преславные россійскіе герои,
Поверхъ морскихъ зыбей свой скорый ходъ стремя,
Умножте храбростью исполненные строи,
Блистая молніей и громами гремя;

Вѣщайте, что у насъ зефиръ пріятный вѣетъ,
Науки множатся, художества цвѣтутъ,
Екатерина здѣсь о пользѣ всѣхъ радѣетъ,
Изъ устъ ея текутъ и милость къ намъ, и судъ.

И если хочетъ быть кто въ счастливой судьбинѣ
И жизнь спокойную во весь свой вѣкъ вести,
Тотъ долженъ покорить себя Екатеринѣ
И сердце чистое ей въ жертву принести.

XV. Ода ея величеству на преславную побѣду надъ турецкимъ флотомъ въ заливѣ Лаборно при городѣ Чесмѣ, одержанную флотомъ россійскимъ, подъ предводительствомъ генерала графа Алексѣя Орлова 1770 года 24 и 25 мѣсяца іюня.

1.

Гласи, о, муза, пѣсни новы
Во всѣ вселенныя концы,
Готовьте, древеса лавровы,
Для побѣдителей вѣнцы,

Стремитесь, мысленные взоры,
Чрезъ степи, чрезъ моря, чрезъ горы,
Гдѣ Россъ и мечъ, и огнь несетъ,
Гдѣ онъ враговъ своихъ караетъ,
Великость силъ ихъ презираетъ,
Смущаетъ, движетъ и трясетъ.

2.

Побѣдамъ слѣдуютъ побѣды,
За славой слава къ намъ летитъ,
Внимаютъ окрестны сосѣды,
И свѣтъ оружье наше чтитъ;
Нептунъ главу свою подъемлетъ
И свисту ядръ летящихъ внемлетъ
Поверхъ хребтовъсредь земныхъ водъ,
Предъ тронъ тритона призываетъ,
Уже ему повелѣваетъ,
Да свой направитъ скорый ходъ.

3.

Златымъ трезубцемъ показуетъ
Ему идущія суда:
«Се зри: ихъ путь изобразуетъ
«Кипяща пѣною вода;
«Не паки ль славные герои
«Грядутъ на раззоренье Трои?
«Или отважный то Ясонъ
«Руно златое похищаетъ?»
Но паки самъ въ себѣ вѣщаетъ:
«Прешла ихъ слава, яко сонъ!»

4.

«Спѣши и скоро возвратися,
«Исполнь велѣніе мое,
«О сихъ герояхъ извѣстися...
«Но кое зрѣлище сіе?
«Я зрю: поверхъ морскія влаги
«Борей взвѣваетъ росски флаги,
«Онъ ихъ взвѣваетъ знамена;
«Неложны знаки мною зрятся,
«Устами воиновъ гласятся
«Преславны въ свѣтѣ имена.

5.

«И се наполнилась пучина,
«И весь пространный воздухъ полнъ:
«Гласится тамъ Екатерина,
«Гласится Павелъ между волнъ!»
Изрекъ и тронъ свой оставляетъ,
Коней свирѣпыхъ направляетъ,
Ко флоту россекому грядетъ;
Предъ нимъ поверхъ сѣдыя пѣны
Спѣшатъ согласныя сирены,
Тритонъ за ними йдетъ въ слѣдъ.

6.

Межъ тѣмъ, пучину разсѣкая,
Побѣдоносный флотъ течетъ.
Со удивленіемъ взирая,
Владыка водъ и такъ речетъ:
«О, Петръ, когда бы вѣкъ твой длился,
«Ты самъ бы днесь возвеселился,
«Узря на сихъ зыбяхъ свой флагъ;
«Но се его увидятъ вскорѣ
«Босфоръ и Мраморное море,
«Евксинъ и съ нимъ Архипелагъ!

7.

«Гдѣ всходъ пресвѣтлыя денницы,
«И гдѣ она кончаетъ бѣгъ,
«Тамъ флота росскаго границы,
«Гдѣ жаръ, и гдѣ всегдашній снѣгъ.
«Но кто бы въ мысль тогда представилъ,
«Когда ты ботикъ свой поставилъ
«На малой области моей,
«Что будутъ для Екатерины
«Отверсты дальныя пучины,
«И я послушенъ буду ей!»

8.

Сіе изрекъ владѣтель моря,
Обратно шествуетъ въ свой домъ.
Противу бурныхъ вѣтровъ споря,
Былъ слышенъ гласъ его, какъ громъ;
Сирены гласу отвѣчали
И пѣснью рѣчь его скончали;

Побѣдоносный флотъ спѣшитъ,
Орловыхъ на себѣ имѣя,
Летитъ и ищетъ самъ злодѣя,
Уже находитъ и страшитъ.

9.

Исполнь сомнѣнія, выходитъ
Патронъ (*), зря флотъ нашъ предъ собой,
Ужъ смѣльства въ сердцѣ не находитъ,
Едва вступить дерзаетъ въ бой;
То бодрствуетъ, то вдругъ робѣетъ.
Вся крѣпость силъ его слабѣетъ,
Сразиться хощетъ и бѣжать.
Сіе ли есть твое геройство?
Сіе ли душъ великихъ свойство —
Грозить, хвалиться и дрожать?

10.

Уже я, духомъ восхищаясь,
Сердечнымъ пламенемъ горю
И, мысльми тамо обращаясь,
Сраженіе межъ флотовъ зрю;
Какъ тучи, вихрями стѣсненны
И жупеломъ обремененны,
Летятъ на вѣтренныхъ крылахъ,
Уже взаимною борьбою
Жмутъ, давятъ воздухъ подъ собою,
И имъ предъидутъ смерть и страхъ!

11.

Такъ флотъ пошелъ противу флота,
Сжимая гордые валы,
И сила вѣющаго Нота
Разгнать межъ ихъ не можетъ мглы;
Восходитъ облакъ воспаленный,
Летаютъ ядра раскаленны
И воздухъ огустѣвшій рвутъ.
Тамъ грома громъ предускоряетъ,
Тамъ бездна звукъ ихъ повторяетъ,
И бреги ближніе ревутъ.

*) Начальствующій надъ турецкимъ флотомъ.

12.

Повѣждь мнѣ, муза, ратоборство
Евстафія (*) со Мустафой,
Представь мнѣ силу и проворство,
Представь мнѣ ихъ ужасный бой.
Еще я духомъ обмираю,
Когда на бывшій бой взираю.
Я вижу тамъ разверстый адъ,
Тамъ все свирѣпый огнь объемлетъ;
Еще мой слухъ удары внемлетъ
Летящихъ въ воздухъ двухъ громадъ!

13.

Представя въ мысленные взоры
Вокругъ объятыя огнемъ,
Въ пучину двигнувшіясь горы,
При разрушеніи своемъ,
Сражавшись предъ пловущимъ строемъ—
Герой нашъ съ варварскимъ героемъ
Симъ можетъ быть изображенъ;
Онъ страшною своей борьбою,
Какъ Курцій, жертвовалъ собою,
Къ своимъ любовью бывъ возженъ.

14.

Рѣшилась наша симъ судьбина,
Склонилася побѣда къ намъ,
Приходитъ въ мысль Екатерина
Ея усерднѣйшимъ сынамъ;
Весь воздухъ ею наполняютъ,
Разятъ врага и прогоняютъ,
Ужъ онъ мятется, прочь течетъ.
О часъ, о, радостна премѣна,
Бѣжитъ нашъ врагъ, и только пѣна
Его кровавый кажетъ слѣдъ.

15.

Корою всюду покровенный,
Ужасный африканскій змѣй

*) Имя корабля, на которомъ были господинъ Спиридовъ и графъ Θеодоръ Орловъ. Сей корабль, единоборствуя съ главнымъ турецкимъ кораблемъ, называемымъ Императорскимъ Мустафою, побѣдилъ его, зажегъ и подорвалъ.

Стремится, копіемъ пронзенный,
Влеча кровавый хвостъ землей;
Къ пещерѣ мрачной прибѣгаетъ,
И ядъ, и духъ свой извергаетъ,
Поверженъ, какъ гора, лежитъ.
Такъ флотъ противный намъ стремился,
Побѣгъ въ заливъ и тамо скрылся
И, запертъ, въ ужасѣ дрожитъ.

16.

Усердьемъ, славою возженны
И зря успѣхи таковы,
Текутъ ко флоту раздраженны
Герои наши, яко львы;
Не держатъ ихъ нигдѣ преграды,
Летятъ на воздухъ всѣ снаряды
И купно вражески суда:
Исчезла гордость ихъ и сила,
Однихъ пучина поглотила,
Другихъ постигнула бѣда.

17.

Лишенъ нашъ врагъ сталъ флота нами,
Лишенъ оружія и стрѣлъ,
И надъ восточными странами
Летаетъ сѣверный орелъ:
Подъ властію Екатерины
По всѣмъ брегамъ прекрасны крины
И горды лавры возрастутъ,
Польются съ горъ ручьи прозрачны,
И рощи, и долины злачны
Сторичный плодъ ей принесутъ.

18.

Подателей вселенной свѣта
Екатерина просвѣтитъ,
Изгонитъ чтущихъ Магомета
И паки Грековъ утвердитъ,
Науки падши тамъ возстанутъ,
Невѣжды гордые увянутъ,
Какъ листвія въ осенни дни;
Не будетъ Греціи примѣра:
Одна съ Россіею въ ней вѣра,
Законы будутъ съ ней одни.

19.

Тамъ всѣ едиными устами
Хвалы немолчны вопіютъ,
Тамъ нимфы, ходя межъ кустами,
Побѣды россія поютъ;
Парнассъ подобно имъ взываетъ,
На помощь Россовъ призываетъ,
Да придутъ и его спасутъ,
И се я вижу: чрезъ пучины
Со именемъ Екатерины
Герои свѣтъ туда несутъ.

20.

Весь свѣтъ о ней наполненъ слухомъ,
Ея дѣла вездѣ гремятъ,
Монархи, восхищаясь духомъ,
И ей подобны быть хотятъ;
Но участь ихъ съ ея несходна,
Иному бодрость не природна,
Въ томъ къ жалости затворенъ слухъ!
Когда же къ ней мы взоръ возводимъ,
Мы въ ней единой все находимъ,
И милость, и великій духъ.

21.

Усердна лира, гласъ направи,
Спѣши Екатеринѣ въ слѣдъ
И всѣ дѣла ея прослави,
Прослави множество побѣдъ...
Но можешь-ли успѣть толико?
Преславныхъ дѣлъ число велико,
Какъ звѣздъ, блистающихъ въ ночи,
И прежде гласъ твой ослабѣетъ,
Чѣмъ все дѣла воспѣть успѣетъ.
О, лира громкая, молчи!

XVI. Ода побѣдоносному россійскому оружію

1.

Какая буря наступаетъ
И тьмитъ всходяща солнца лучъ?
Какая молнія блистаетъ
И съ сѣрою надменныхъ тучъ?
Какія сердце движутъ волны?
Смущенны мысли, страха полны,
Внимаютъ преужасный громъ,
Не паки ль Богъ во гнѣвѣ яромъ
Летящей молніи ударомъ
Сражаетъ пагубный Содомъ?

2.

Я зрю: тамъ хляби растворенны
Готовы грѣшниковъ пожрать,
Шары, селитрой раскаленны,
Разятъ тьмочисленную рать.
То Россы Порту угнетаютъ
И сильный полкъ ихъ возметаютъ,
Какъ вихрями сгущенный прахъ;
Слабѣютъ ихъ щиты и стрѣлы,
Уже въ расторженны предѣлы
Вступаютъ гибель, смерть и страхъ.

3.

Ограды твердыя трясутся,
Махины росскія ревутъ,
Крутые вихри въ нихъ несутся,
Валы и зданія падутъ;
Надъ всѣмъ симъ мрачный воздухъ воетъ,
Срацыновъ духъ и сердце ноетъ,
Россійски воинства летятъ
На стѣны, всюду укрѣпленны:
Не мыслятъ быть преодолѣнны,
Хотя бы самъ подвигся адъ.

4.

Исполненъ гордости, упорства,
Еще крѣпится Оттоманъ,
И изобильными притворства,
Носящими въ устахъ обманъ,

Прельщенъ коварными друзьями,
Но, зря свой рокъ передъ глазами,
Еще старается сдержать,
Еще становитъ вновь преграды,
Еще громадами громады
Стремится тщетно отражать.

5.

Какъ гордый волъ, направленъ къ бою,
Опершись на свои рога,
Увидя льва передъ собою,
Мнитъ быть въ немъ слабаго врага
И ростъ его пренебрегаетъ,
Реветъ, ярится, прибѣгаетъ,
Куда лишь жаръ его влечетъ,
Но только въ бой вступить дерзаетъ,
Ужъ сильный левъ его терзаетъ —
И съ паромъ кровь его течетъ,—

6.

Такъ Порта, гордостью надменна,
Хотѣла Россовъ низложить,
Забывъ о томъ, что вся вселенна
Оружье ихъ со страхомъ чтитъ;
Забывъ, когда владѣла Анна,
Была тогда еще попранна
И падала къ ея ногамъ,
Не помня, что Екатеринѣ
Подвластная Россія нынѣ
Стократъ ужаснѣе врагамъ.

7.

Тогда тебя разили въ члены,
А нынѣ въ грудь тебя разятъ,
Хотински и бендерски стѣны,
Дунай и Днѣстръ сіе гласятъ;
Гдѣ всходъ пресвѣтлыя денницы,
Тамъ нынѣ росскія границы,
Вездѣ намъ путь къ тебѣ отверстъ.
Лишенъ ты царства многой части:
Морея стала въ нашей власти,
За нами Яссы, Бухарестъ.

8.

Теките, мысли восхищенны,
Премудрости въ огромный храмъ,
И зрите путь тамъ, посвященный
Екатерининымъ стопамъ;
Сія богиня въ оный входитъ,
Съ собой мужей достойныхъ вводитъ
И съ ними купно предсѣдитъ,
Полезнымъ ихъ совѣтамъ внемлетъ,
Россію мыслями объемлетъ,
О благѣ общества радитъ

9.

И взоромъ быстрыя орлицы
Предвидитъ пользу Россіянъ,
Взирая на свои границы,
Взираетъ въ бурный океанъ,
О всѣхъ своихъ герояхъ мыслитъ,
Вездѣ побѣды оныхъ числитъ,
И прежде грозныя войны,
Предъ тѣмъ какъ въ бой вступаютъ войски,
Предвидитъ качества геройски,
Которымъ силы вручены.

10.

Устроятся къ побѣдамъ вѣчнымъ
Сіи герои ею, днесь
Пылая пламенемъ сердечнымъ,
Пренебрегаютъ ужасъ весь;
Румянцевъ войски побѣждаетъ,
Тамъ Панинъ грады осаждаетъ,
Орловы вражески страны
Оружьемъ храбро покоряютъ,
Вездѣ враги успѣхъ теряютъ,
Вездѣ и всѣ побѣждены!

11.

И се я гласу славы внемлю,
Летящія съ восточныхъ странъ;
Сей гласъ, наполнивши всю землю,
Наполнилъ грозный океанъ,
Вѣщаетъ такъ: «Внемли, вселенна,
«Срацынска гордость низложенна

«Россійской сильною рукой,
«Съ которою земны владыки,
«Хоть были сильны и велики,
«Едва вступать дерзали въ бой.

12.

«На избавленіе Салима
«Подвигся славный Годефредъ,
«Но сила толь неисчислима
«Всегда свой чувствовала вредъ;
«Я зрѣла тамъ владыкъ плѣненныхъ,
«Въ оковы тяжки заключенныхъ,
«Взводящихъ къ небу томный взоръ,
«Герои въ кровныхъ токахъ тонутъ,
«Другіе въ тяжкихъ узахъ стонутъ.
«О, срамъ, о, страшный всѣмъ позоръ!

13.

«А днесь россійская держава
«Разитъ сихъ варваровъ одна.»
Сіе гласитъ трубою слава,
Къ восторгу бывъ приведена;
Пространный свѣтъ тому чудится,
Екатериной Россъ гордится,
Дерзаетъ далѣ успѣвать.
О, Августъ, власть твоя скончалась:
Екатерина увѣнчалась
Вселенной всей повелѣвать.

XVII. Ода ея императорскому величеству Екатеринѣ Второй, императрицѣ и самодержицѣ всероссійской, на взятіе Бендеръ, войсками ея императорскаго величества подъ предводительствомъ генерала графа Панина, 1770 года, сентября дня.

1.

Еще дымится та пучина,
Еще стенаютъ берега,
Гдѣ мудрая Екатерина
Разила гордаго врага,

И гдѣ, вія вѣнцы лавровы,
Сожгли турецкій флотъ Орловы;
Еще тотъ пламень не погасъ,
Весь Понтъ кровавой полонъ пѣны,
И смирнскія трепещутъ стѣны,—
Здѣсь слышимъ новой славы гласъ!

2.

Вѣщаетъ громкою трубою:
«О, ты, Петрополь весь, внемли:
«Поверглись паки предъ тобою
«Твои злодѣи на земли;
«Гордящіяся паче мѣры,
«Уже разсыпались Бендеры,
«Уже казненъ за-днѣпрскій тать;
«Твои повергли ихъ махины,
«И кто противъ Екатерины
«Возможетъ въ свѣтѣ постоять?

3.

«Великой гордостью надменный,
«Не преклонявшійся ничѣмъ,
«Искусствомъ Панинъ одаренный,
«Огнемъ, громами и мечемъ,
«Отверзъ градъ горда Магомета
«И брани нынѣшняго лѣта
«Побѣдой сею заключилъ;
«Чѣмъ больше врагъ стоялъ въ упорствѣ,
«Тѣмъ больше славу въ ратоборствѣ
«Искусный Панинъ получилъ.

4.

«Крѣпящимся врагамъ во градѣ,
«Онъ силы ставилъ противъ силъ
«И во устроенной осадѣ
«Минерву съ Марсомъ съединилъ;
«И наконецъ, пылая гнѣвомъ,
«Махинъ огромныхъ страшнымъ ревомъ
«Валы высокіе повергъ,
«Не представляя въ мысли страха,
«Велѣлъ полкамъ летѣть съ размаха
«И тѣмъ пріялъ побѣды верхъ.

Bayerische
Staats-
Bibliothek
München

5.

«Тамъ, гдѣ зари багряны персты
«Восточну отверзаютъ дверь,
«Пути претрудные отверсты,
«О, Россы, стали вамъ теперь;
«Не могутъ ходъ сдержать вашъ скорый
«Ни степи, ни лѣса, ни горы,
«Ни вязкость зыблющихся блатъ.
«Когда-жъ Стамбулъ сіе узнаетъ,
«Какъ воскъ отъ пламени растаетъ,
«И будетъ вамъ отверстъ сей градъ!»

6.

Но кая радость духъ объемлетъ,
Какой я вижу ясный свѣтъ,
Какому гласу слухъ мой внемлетъ?
Се тако Божій сынъ речетъ:
«Я создалъ воздухъ, море, сушу,
«Я царства возвожу и рушу,
«И я рѣшу межъ вѣтровъ при;
«Мной всяка плоть живетъ и дышетъ,
«Мной мудрый въ свѣтѣ судъ мой пишетъ,
«И мною царствуютъ цари.

7.

«Познайте, земнородны, нынѣ
«И, вся подсолнечна, внемли:
«Вручаю громъ Екатеринѣ,
«Да правитъ онымъ на земли;
«Сердца кичливы и упорны
«Отнынѣ будутъ ей покорны;
«Она возвыситъ вѣрныхъ рогъ,
«Она не чтущихъ мя накажетъ
«И свѣту цѣлому покажетъ,
«Что я единъ во ономъ Богъ.»

8.

Изрекъ, и ангельскіе хоры
Его воспѣли чудеса;
Подвиглись жупельныя горы,
Ревутъ и долы, и лѣса;
Отъ грознаго лица Господня
Дрожитъ земля и преисподня,

И всѣхъ объемлетъ смертный страхъ;
Востокъ пожаромъ весь дымится;
Единъ упорствуя, гордится
Уже стѣсненный нами врагъ.

9.

Зря бѣдствія не изреченны
И зря конечную напасть,
Познай, Срацынъ ожесточенный,
Познай руки Господней власть!
Уже на сушѣ и на морѣ
Твоя судьба рѣшится вскорѣ,
Не жди льстецовъ твоихъ защитъ;
Отвергни гордость и упорство,
Яви монархинѣ покорство,
Оно единый есть твой щитъ.

10.

Огромны храмы и палаты,
Оружіе и весь снарядъ,
Прегорды башни и раскаты,
Твои на воздухъ полетятъ;
Не сильны всѣ твои укрѣпы,
Разверзетъ адъ свои заклепы,
Имъ гордость будетъ пожрана;
Рога луны твоей затьмяться,
На всѣхъ валахъ твоихъ явятся
Полковъ орлиныхъ знамена.

11.

О, Боже всѣхъ, Создатель міра,
Мольбу рабовъ твоихъ внуши,
Со высочайшаго эфира
Противныхъ мышцы сокруши,
И во обширны ихъ предѣлы
Пошли твои громовы стрѣлы,
Разсыпь бунтующихъ враговъ,
Которы брани начинаютъ,
Да вскорѣ всѣ они познаютъ,
Что ты Творецъ и Богъ боговъ.

12.

А ты, россійская денница,
Несчетны дни на насъ сіяй;
Великая императрица,

Надъ всѣхъ сердцами обладай!
Твои дѣла, во свѣтѣ громки,
Чудяся будутъ честь потомки,
Когда бъ ихъ льзя имъ всѣ предать.
Ты наша мудра героиня,
Законодавица, богиня,
Монархиня и купно мать!

XVIII. Письмо Василью Ильичу Бибикову о смерти князя Ѳедора Алексѣевича Козловскаго, который скончалъ жизнь свою при истребленіи турецкаго флота россійскимъ, бывъ на кораблѣ «Евстафіи».

Когда хочу писать къ тебѣ сіи я строки,
Въ то время изъ очей моихъ льютъ слезны токи,
И изъ трепещущей руки перо падетъ.
О, Бибиковъ, мой другъ, Козловскаго ужъ нѣтъ!
Онъ кончилъ жизнь, и намъ не зрѣть его во вѣки.
Пролей и ты о немъ со мною слезны рѣки;
Я знаю, что тебя встревожитъ вѣсть сія:
Ты, Бибиковъ, его любилъ равно, какъ я.
Я знаю, что о немъ и ты стенати будешь,
И знаю, что его ты вѣчно не забудешь.
Уже престала насъ сія надежда льстить,
Что время намъ его возможетъ возвратить;
Но время, какъ рѣка, въ понтъ вѣчности стремится,
А другъ нашъ никогда ужъ къ намъ не возвратится.
Не возвратится онъ....Льзя ль было вобразить,
Что рокъ готовился насъ вѣстью сей сразить?
О, вѣсть ужасная, ты умъ мой устрашила:
Жестокая судьба, ты друга насъ лишила!
Хоть больше свойственно рыданіе женамъ—
Но можно ль, Бибиковъ, о немъ не плакать намъ?
Кто самъ чувствителенъ и дружбы цѣну знаетъ,
Тотъ самъ, увидя насъ, и съ нами возстенаетъ.
Онъ болѣе другихъ тобою знаемъ былъ;
Ты знаешь, сколько онъ отечество любилъ;
Художествъ и наукъ Козловскій былъ любитель,
А честь была ему во всемъ путеводитель:

Не шествуя ль за ней, онъ жизнь свою скончалъ
И храброй смертію дѣла свои вѣнчалъ?
Я мысленными зрю его теперь очами,
Неустрашеннаго межъ острыми мечами,
Когда Россіяне стремились на враговъ,
Чему, я думаю, свидѣтель былъ Орловъ,
Свидѣтель дѣлъ его и былъ свидѣтель чести.
Преславный сей герой увѣритъ насъ безъ лести,
Когда его судьба во градъ сей возвратитъ,
Тогда онъ намъ о немъ подробно возвѣститъ.
Не сомнѣвайся въ томъ и будь о семъ извѣстенъ:
Кто могъ намъ другомъ быть, тотъ долженъ быть и честенъ.
Сіе одно меня въ печали веселитъ,
Что онъ окончилъ жизнь, какъ долгъ и честь велитъ,
Имѣя во умѣ отечество драгое.
Такъ будемъ, Бибиковъ, съ тобою мы въ покоѣ,
Не станемъ болѣе крушиться и стенать,
Но будемъ иногда его воспоминать.
Когда о храбрыхъ кто дѣлахъ вѣщати станетъ,
Козловскій первый къ намъ во умъ тогда предстанетъ;
Хвалу ли будетъ кто нелестнымъ плесть друзьямъ,
Онъ долженъ и тогда представиться глазамъ;
Иль съ нами раздѣлять кто будетъ время скучно,
Онъ паки въ памяти пребудетъ неотлучно;
Всечасно тѣнь его встрѣчать нашъ будетъ взоръ,
Наполненъ будетъ имъ всегда нашъ разговоръ.
Итакъ хоть жизнь его судьбина прекратила,
А тѣло злачная пучина поглотила,
Онъ именемъ своимъ пребудетъ между насъ,
Мы будемъ вспоминать его на всякій часъ.

XIX. Письмо графу Захару Григорьевичу Чернышеву.

О ты, случаями испытанный герой,
Котораго видалъ вождемъ россійскій строй
И знаетъ какова душа твоя велика,
Когда ты дѣйствовалъ противу Фридерика!
Потомъ, когда монархъ сей намъ союзникъ сталъ,

Онъ храбрость самъ твою и разумъ испыталъ.
Не сѣтуй, что и днесь ты вновь не побѣждаешь,
Довольно, что ты строй къ побѣдамъ учреждаешь;
Раченіе твое и неусыпный трудъ
Участіе во всѣхъ побѣдахъ тѣхъ берутъ,
Которыя творятъ россійскіе Алкиды
Подъ покровительствомъ Минервиной эгиды.
Уже ты славенъ былъ на Марсовыхъ поляхъ —
Потребно славиться въ другихъ тебѣ дѣлахъ.
Неутомимая твоя прилежность нынѣ
Не менѣе побѣдъ нужна Екатеринѣ:
Она тебя въ сей трудъ преславный избрала,
Ей должны быть твои извѣстны и дѣла,
Дѣла твои и трудъ, и то ей все извѣстно,
Что духъ имѣешь ты геройскій, сердце честно.
Ты, отъ премудрости ея заемля свѣтъ,
Преподаешь его для будущихъ побѣдъ
И не завидуешь другихъ счастливой долѣ, —
Лишь, можетъ быть, скорбишь, что ты не въ ратномъ полѣ,
Гдѣ побѣдители віютъ себѣ вѣнцы,
И слава ихъ дѣла гласитъ въ земны концы...
Но слава не должна сія тебя тревожить,
Она еще должна твою собою множить;
Когда угодно то монархинѣ твоей,
Чтобъ ты при ней въ числѣ избранныхъ былъ мужей,—
Ты долженъ сей судьбѣ быть съ радостью послушенъ.
Я вѣдаю, что ты премудръ, великодушенъ,
И можно ль, чтобъ того чѣмъ духъ былъ побѣжденъ,
Когда на свѣтъ къ дѣламъ великимъ кто рожденъ?
Не спорю я о томъ, что лестно побѣждати:
Не меньше лестно есть съ богиней разсуждати,
Изъ устъ ея слова божественны внимать
И видѣть купно въ ней монархиню и мать.
Пускай тамъ визирей Румянцевъ побѣждаетъ,
Пусть Панинъ твердые вновь грады осаждаетъ,
Пускай Орловы тамъ Стамбулъ къ ногамъ попрутъ
И лавры новые съ побѣдъ своихъ сберутъ:
Заслуги и твои не меньше ихъ почтутся,
Когда они отъ насъ въ потомство предадутся.
Екатерина всѣмъ надежда вамъ и свѣтъ
И милостей лучи на всѣхъ васъ проліетъ!

XX. Стихи на прибытіе графа Алексѣя Григорьевича Орлова послѣ Чесменскаго боя въ Санктпетербургъ.

На сушѣ, на рѣкахъ, среди морскихъ валовъ,
Ты мужествомъ своимъ прославился, Орловъ!
Морея, Чесмь и вся въ томъ Греція свидѣтель,
Что въ нихъ ты былъ герой и купно благодѣтель.
Дѣла твои вездѣ восходятъ до небесъ.
Орловъ, ты нынѣ сталъ россійскій Геркулесъ!
Какъ гидру тотъ сразилъ, дышащу смертнымъ ядомъ,
Подобно ты врага, зіяющаго адомъ,
Тьмочисленны уста жерлъ страшныхъ заградилъ,
Узрѣлъ его, постигъ и славно побѣдилъ.
Ликуя днесь, тебя Петрополь весь встрѣчаетъ
И лаврами главу твою увѣнчеваетъ!

XXI. Надпись ко столпу, поставленному при гробѣ Петра Перваго и украшенному побѣдами какъ его, такъ и побѣдами жъ, учиненными россійскимъ флотомъ во владѣніе Екатерины Вторыя.

Побѣды Перваго Петра изображенны,
Коль кратъ его враги имъ были пораженны;
Но прочія его преславныя дѣла
Россія намъ собой вседневно показуетъ;
Она имъ, яко кринъ эдемскій, процвѣла
И тѣмъ величество его изобразуетъ!

НА СТОРОНѢ:

При Чесмѣ Агарянъ, среди морскихъ зыбей,
Екатерина тьму огромныхъ кораблей
Оружіемъ своимъ во пепелъ обратила
И знакъ своихъ побѣдъ герою посвятила,
Который основалъ и городъ сей, и флотъ.
Проснися, Петръ, и зри трудовъ своихъ ты плодъ;
А плодъ сей намъ твоя днесь внука возрастила!

НА ДРУГОЙ:

Россійскіе орлы изъ сѣвера достигли
Съ палящей молніей и съ громомъ на востокъ
И тамъ трофеи всѣхъ побѣдъ своихъ воздвигли,
Какія произвесть судилъ имъ щедрый рокъ!

XXII. Письмо его сіятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову, на отбытіе его изъ Санктпетербурга въ Москву во время заразительной въ ней болѣзни для истребленія оныя.

Внимая жаръ моихъ къ тебѣ усердныхъ словъ,
Прими не лестную ты пѣснь мою, Орловъ!
Что чувствую душой, что сердцемъ ощущаю,
То нынѣ предъ тобой я искренно вѣщаю.
Не мни, чтобъ лесть къ тому подвигла мой языкъ,
Вѣщаю истину, что прямо ты великъ!
Не въ санѣ я твоемъ великость быть мечтаю,
Дѣла твои пою и, пѣвъ, ихъ почитаю;
Когда на славный сей ты подвигъ побужденъ,
Ты выше смертнаго мнѣ кажешься рожденъ;
И мню, когда сіе до поздныхъ дней достигнетъ,
Потомство наше въ честь тебѣ трофей воздвигнетъ...
Какого жъ дара днесь достоинъ ты отъ насъ?
Сіе да воспоетъ божественный Парнассъ.
Не тѣмъ ты есть великъ, что ты вельможа первый —
Достойно симъ почтенъ отъ россной ты Минервы
За множество твоихъ къ отечеству заслугъ,—
Но тѣмъ, что обществу всегда ты вѣрный другъ:
Не самую ль къ нему ты дружбу тѣмъ являешь,
Когда ты спасть Москву отъ бѣдствія желаешь?
Неложно просвѣтилъ тебя Минервы лучъ,
Что шествуеши ты въ средину страшныхъ тучъ,
Которыя другихъ однимъ смутили видомъ,
Но ты грядешь, покрытъ Минервинымъ эгидомъ.
Какой могу примѣръ сыскать душѣ твоей?
Едва ли кажется мнѣ равнымъ быть и сей,
Чѣмъ Курцій въ древности навѣкъ себя прославилъ,
Скочивъ въ палящу хлябь, и Римъ отъ бѣдъ избавилъ.

Не болѣе ль сего въ тебѣ мы нынѣ зримъ:
Москва въ опасности днесь больше, нежель Римъ.
Не баснословнаго тамъ гнѣвъ возженъ Плутона:
Она исполнена рыданія и стона.
Но ты летишь ее отъ бѣдствія спасти,
Пресѣчь въ ней смертный страхъ, спокойство принести,
Народъ отъ страшнаго унынія избавить,
Чудовище сразить и вѣкъ златый возставить.
Дерзай, прехрабрый мужъ, дерзай на подвигъ сей,
Возстанови покой межъ страждущихъ людей!
Да всѣ они, сему послѣдуя примѣру,
Изъ мыслей изженутъ ужасну ту химеру,
Которая, смутивъ собой престольный градъ,
Вліяла во умы народа лютый ядъ
И въ слабыя сердца болѣзнь и неустройство.
Извлечь ихъ изъ сего души твоей есть свойство.
Достойно, чтобъ твоей геройскою рукой
Введенъ опять въ Москву желанный былъ покой,
Чтобъ вмѣсто мрачныхъ дней тамъ дни сіяли ясны,
Съ намѣреньемъ ея владычицы согласны.
Гряди и дай сію Москвѣ пріятну дань
И паки передъ тронъ монархини предстань,
Которая свое блаженство въ ономъ ставитъ,
Что славою своей свою державу славитъ,
Что въ области ея народъ ея цвѣтетъ,
И что она его избавила отъ бѣдъ.
Когда жъ потщишься ты Москву отъ бѣдъ избавить,
Ей должно образъ твой среди себя поставить,
И вырѣзать сіи на камени слова:
«Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва.»

XXIII. Ода на выздоровленіе его высочества, государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича, наслѣдника престола россійскаго.

1.

Возвеселися днесь, Россія,
И новымъ свѣтомъ облекись,
Текутъ часы въ тебѣ златые,
Ты раемъ паки нарекись:

Изсякла слезъ твоихъ пучина,
Возликовствуй, Екатерина,
Яви намъ свѣтлое лице,
Воззри веселыми очами,
Согрѣй насъ милости лучами,
Сіяй въ порфирѣ и вѣнцѣ.

2.

Се Павелъ здравъ передъ тобою,
Се твой священный намъ залогъ;
Его всесильною рукою
Воздвигъ съ одра всемощный Богъ;
Се отрасль корени Петрова.
Къ побѣдамъ паки будь готова
И паки радостямъ внемли,
Се Павелъ твой, се счастье наше;
Вы намъ всего на свѣтѣ краше,
Всего дороже на земли!

3.

О, ужасъ бывшія печали,
О, страшныхъ дѣйствъ ея слѣды,
Съ тобою купно мы страдали,
Мечтавъ въ умахъ своихъ бѣды!
Когда ты пасмурно взирала,
Тогда Россія обмирала,
И возмущались всѣхъ умы;
Весельи были намъ невнятны,
Побѣды громки—непріятны,
Въ объятій счастья гибли мы.

4.

Когда враговъ мы побѣждали
Въ поляхъ геройскою рукой,
Среди трофеевъ ожидали,
Что насъ оставитъ нашъ покой;
Когда ихъ стѣны разрушали,
Тогда мы слезъ не осушали,
Зря страшну бездну подъ собой;
Лучи прекрасна солнца тьмились,
Сердца и души въ насъ томились,
Сражались съ гнѣвной мы судьбой.

5.

Подобно такъ зима по лѣтѣ
Природу узами тягчитъ,
Бываетъ все премѣнно въ свѣтѣ,
И вся природа въ немъ молчитъ;
Угрюмы тучи солнце кроютъ,
Въ пещерахъ страшны вѣтры воютъ,
И львы рыкаютъ по лѣсамъ;
Въ нихъ вянутъ розы и нарцисы,
Одни печальны кипарисы
Верхи подъемлютъ къ небесамъ.

6.

Восхода тихія Авроры
Не возглашаетъ соловей,
Богатство у прекрасной Флоры
Отъемлетъ яростный Борей;
Онъ древъ верхи на землю клонитъ,
Пастушекъ съ пастухами гонитъ
Съ луговъ во мрачны шалаши;
Въ брегахъ источникъ устрашится,
Теченья быстраго лишится,
Лишиться все своей души!

7.

Сему подобно вся Россія
Лишалась живности своей,
Когда мечтанія презлыя
Грозили гибелію ей.
А ты, усердный попечитель,
Наставникъ Павловъ и рачитель,
Ты больше страха всѣхъ терпѣлъ;
Грозна твоя была судьбина,
Душа съ питомцемъ въ васъ едина,
Едину часть ты съ нимъ имѣлъ.

8.

Въ твоемъ лицѣ мы познавали
Надъ Павломъ злой болѣзни власть,
Съ тобой крушились, унывали,
Ввергаясь въ лютую напасть.
Какую жъ радость ощущали,
Когда уста твои вѣщали,
Что Павелъ въ бодрость приходилъ,

Потомъ, что онъ своимъ геройствомъ
Души и разума спокойствомъ
Болѣзнь, какъ гидру, побѣдилъ!

9.

Тогда природа оживилась,
Исчезла блѣдность нашихъ лицъ,
Весна прекрасна здѣсь явилась,
Воспѣли хоры разныхъ птицъ,
Пустились съ горъ кристальны воды,
Ликуютъ разные народы,
Отвергши прочь изъ мысли страхъ,
Вездѣ веселье вновь родится,
Стократно Павелъ тамъ твердится
Во всѣхъ прерадостныхъ устахъ.

10.

О, сынъ премудрой героини,
Прещедрый неба россамъ даръ!
Любови нашей не отрини,
Внемли къ себѣ нашъ чистый жаръ;
Великъ своимъ ты въ свѣтѣ родомъ,
Но больше тѣмъ, что чтимъ народомъ:
Сіе души твоей есть плодъ.
Такіе въ свѣтѣ всѣ владыки
Счастливы, славны и велики,
Которымъ преданъ ихъ народъ.

11.

Надежда росскаго народа,
Воззри на искренность сердецъ;
Тебя пустила въ свѣтъ природа,
Дабы ты россамъ былъ отецъ.
Сея божественной науки
Навыкнувъ отъ Петровой внуки,
Во слѣдъ ей бодрственно гряди;
Твой разумъ въ томъ успѣхъ получитъ,
Она владѣть тебя научитъ,
А ты въ храмъ славы насъ веди!

XXIV. Ода Война.

1.

Какой ужасный вѣтръ навѣялъ
Тебя, кровавая война?
Раздоръ тебя межъ смертныхъ всѣялъ,
И ты Алектой рождена.
Когда исходишь ты изъ ада,
Побѣгнетъ прочь отъ всѣхъ отрада,
И сквозь сгущенныхъ сѣрой тучъ
Не свѣтитъ солнца ясный лучъ.

2.

Ты ядъ на землю изливаешь,
Плоды ужасные родишь,
Межъ царствъ союзы разрываешь,
Народы мучишь и вредишь;
Твои совѣты всѣ суть вредны,
Дѣла и пагубны, и бѣдны;
Твой гласъ колеблетъ цѣлу твердь,
Твой взоръ изводитъ люту смерть.

3.

Ты гонишь ратаевъ прилежныхъ
Къ оружію съ обильныхъ нивъ,
Лишаешь мыслей безмятежныхъ,
Сердца ихъ гнѣвомъ вспламенивъ;
Наполня умъ вражды и злобы,
Ведешь изъ храминъ ихъ во гробы
И изъ объятій нѣжныхъ рукъ
На тысящи несносныхъ мукъ.

4.

Ты женъ съ мужьями разлучаешь,
Отцовъ лишаешь ихъ дѣтей,
Любовницъ вѣрныхъ огорчаешь,
Друзей отъемлешь у друзей;
Ты всѣмъ несносны скорби дѣешь,
Младенцевъ сущихъ не жалѣешь,
Ниже́ прекраснѣйшихъ дѣвицъ;
Ты циновъ не щадишь, ни лицъ.

5.

Когда ты бранною трубою
Сзываешь войски на поля,

Предъидетъ смерть передъ тобою,
Багрится кровію земля,
Тлетворны вѣтры въ слѣдъ тя дуютъ,
И всѣ стихіи вдругъ бунтуютъ,
Разверстъ тамъ ада зрится зѣвъ,
Тамъ все являетъ Божій гнѣвъ.

6.

Гдѣ ступишь ты, тамъ все сгораетъ
И превращается во прахъ,
Тамъ тьма безвинныхъ умираетъ,
Вездѣ отчаянье и страхъ,
Вездѣ рыданіе и слезы,
На плѣнныхъ тяжкія желѣзы,
На побѣдителяхъ ихъ кровь;
Тамъ страждутъ дружба и любовь.

7.

Несчастныя тамъ жены стонутъ,
Лишась мужей своихъ на вѣкъ,
Мужья, за нихъ сражаясь, тонутъ
Среди своихъ кровавыхъ рѣкъ.
Сама природа тамо страждетъ,
Убивствомъ всякій воинъ жаждетъ,
Изъ коихъ весь составленъ строй,
Убійца каждый тамъ герой:

8.

Представь, о. древность, мнѣ предъ очи,
Вселенныя спокойный вѣкъ!
Тамъ въ сладкомъ мирѣ дни и ночи
Препровождаетъ человѣкъ;
Земля тамъ въ части не дѣлится,
Тамъ вся природа веселится,
Бѣгутъ оттоль вражда и гнѣвъ,
Тамъ съ агнцомъ почиваетъ левъ.

9.

Пастухъ безъ робости выходитъ
Со стадомъ въ тучные луга,
Ни въ чемъ онъ страха не находитъ,
Ни въ комъ не зритъ себѣ врага;
Никто плодовъ не насаждаетъ,
Плоды сама земля рождаетъ,

Рождаетъ тучное пшено,
Для всѣхъ обильно и равно,

10.

Тамъ жители земнаго круга
Едина, кажется, семья,
Вѣрна супругу тамъ супруга,
Нелицемѣрны тамъ друзья;
Тамъ нѣтъ ни зависти, ни лести;
Сердца, исполненныя чести,
Устами правду говорятъ;
Всѣ право мыслятъ и творятъ.

11.

Въ такомъ-то были совершенствѣ
Живущи твари на земли,
Въ свободѣ, братствѣ и равенствѣ
Счастливу жизнь свою вели.
О, жизнь, которой нѣтъ примѣра,
Межъ всѣхъ была едина вѣра,
Межъ всѣхъ единый былъ законъ,
И царствовалъ надъ всѣми онъ.

12.

Но, тщетною плѣняясь славой,
Неблагодарный человѣкъ
И сею лютою отравой
Разрушилъ самъ златый свой вѣкъ:
Уже его счастливы годы,
Подобно какъ въ пучину воды,
Въ разверсту вѣчность протекли
И все спокойство увлекли.

13.

Тогда исторглись злы пороки
Изъ адскія утробы въ свѣтъ,
Уже вездѣ кровавы токи
Родъ смертныхъ злобствуя ліетъ,
Любовь и дружба исчезаетъ,
Тамъ сильный слабаго терзаетъ,
Тамъ давитъ бѣднаго богачъ:
Тиранъ, не тронутъ, внемлетъ плачъ.

14.

О страхъ, о лютая премѣна,
Земля злодѣйствами полна,

Вездѣ кровавыя знамена
Несетъ съ побѣдами война,
Спокойство смертныхъ возмущаетъ,
Прекрасны зданья обращаетъ,
Труды премножества людей,
Во обиталища звѣрей.

15.

Тамъ многа сила облегаетъ
Отвсюду укрѣпленный градъ,
Уже подземна изрыгаетъ
На воздухъ преужасный адъ,
Претемный облакъ къ небу всходитъ:
Не дождь на землю производитъ
Сія ужаснѣйшая мгла,
Но мертвыхъ воиновъ тѣла.

16.

Лежатъ растерзанные члены,
Тамъ трупъ, а тамъ съ главой рука,
И сквозь разрушенныя стѣны
Течетъ кровавая рѣка;
Несчастныхъ смертныхъ родъ въ ней тонетъ,
Земля подъ тяжестію стонетъ
Возвышенныхъ изъ труповъ горъ,
Речетъ, взводя на небо взоръ:

17.

«На то ли, Боже, извлеченны
«Тобою смертные изъ тьмы,
«Чтобъ были такъ ожесточенны
«У нихъ всѣ чувства и умы,
«Чтобъ кровь свою рѣками лили
«И чтобъ звѣрямъ подобны были?
«Не съ тѣмъ ты, Боже, создалъ свѣтъ,
«Дабы онъ былъ исполненъ бѣдъ!

18.

«Ты святъ, ты праведенъ, незлобенъ,
«Ты щедръ, ты царствуешь во вѣкъ,
«Тебѣ, во всемъ тебѣ подобенъ
«Быть долженъ всякій человѣкъ.
«Простри свои святыя длани,
«Смири неправедныя брани,

«Мятѐжи скоро утиши
«И гордыхъ мышцы сокруши.

19.

«Кто ближе всѣхъ къ тебѣ душею,
«Тому во власть меня вручи,
«Да онъ десницею своею
«Сотретъ враждующихъ мечи.
«Премудрая Екатерина
«Сего достойна лишь едина,
«Изъ смертныхъ равнаго ей нѣтъ,
«Вручи во власть ея весь свѣтъ!»

XXV. Ода на сраженіе флотовъ россійскаго съ турецкимъ, бывшее во время перемирія при устіи Лепанскаго залива, когда вѣроломный начальникъ турецкій хотѣлъ, внезапно напавъ на россійскій флотъ, сожещи его, но дальновидный онаго предводитель графъ Орловъ, уразумѣвъ сіе злоумышленіе, пошедъ на него самъ, весь противничій флотъ разбилъ и большую часть его сожегъ и потопилъ.

1.

Багряну ризу распустила
По небу тихая заря
И тѣмъ прекрасныхъ дней царя
Приходъ вселенной возвѣстила.
Прохладой полный утра часъ
Взываетъ духъ мой на Парнассъ;
Уже я лиру воспріемлю,
Хочу воспѣть, на ней глася,
Пріятну пѣснь произнося,
Что паки миръ грядетъ на землю.

2.

Внезапно прахъ военный всходитъ
И солнцу лучъ простерть претитъ,
Но слава паки къ намъ летитъ,
Срациновъ въ страхъ, насъ въ радость вводитъ,

Трубу пріявъ въ свои уста,
Гласитъ сіе во всѣ мѣста:
«Внемлите, Россы, радость нову,
«Побѣда въ вашихъ днесь рукахъ,
«Враговъ всѣхъ паки обнялъ страхъ,
«Тѣ паки терпятъ часть сурову!»

3.

Минерва паки торжествуетъ,
Рыдаетъ паки днесь Агарь,
Глася: «Перунъ, мнѣ въ грудь ударь,
«Да слухъ мой вопля не почуетъ
«Моихъ сраженныхъ нынѣ чадъ,
«Которыхъ взялъ свирѣпый адъ,
«Исторгнувъ изъ объятій нѣжныхъ.
«Коль силъ моихъ попрана мочь,
«Сокрой мой стыдъ ты, вѣчна ночь,
«Дабы не зрѣть мнѣ дней мятежныхъ.

4.

«На толь я чадъ моихъ питала
«Покоя въ мирной тишинѣ?
«На толь, чтобъ горести однѣ
«Я паки чувствовати стала?
«На толь я тщилась ихъ беречь,
«Дабы поялъ всѣхъ россій мечъ?
«Рука ихъ тѣмъ разитъ цѣльнѣе,
«Чѣмъ есть предъ нею крѣпче врагъ,
«У росса каждый страшенъ шагъ,
«Гдѣ есть упоръ ему сильнѣе.

5.

«Изъ нихъ подобенъ всякъ Борею:
«Чѣмъ больше путь его стѣсненъ,
«Противу горъ, противу стѣнъ,
«Летитъ онъ съ наглостію всею,
«И тамъ его ярчае ревъ,
«Гдѣ множество матерыхъ древъ;
«Но онъ же тихими крылами
«По тучнымъ пажитямъ летитъ,
«Траву колеблетъ, не вредитъ,
«Сражаясь съ гордыми дубами.

6.

«Мои, упившись водъ Секваны,
«Являли въ шумствѣ бодрый духъ;
«Но лишь достигъ къ нимъ бранный слухъ,
«Разверзлись всѣ ихъ прежни раны,
«Которы россъ имъ налагалъ,
«Когда ихъ силы повергалъ,
«Наполнивъ землю ихъ тѣлами;
«Но ихъ покой имъ излѣчилъ,
«Когда орелъ отъ дѣйствъ почилъ
«И не разилъ въ ихъ грудь стрѣлами.

7.

«Однако Мустафа надменный,
«Велитъ къ оружію имъ течь,
«Велитъ имъ флотъ россійскій сжечь,
«Наруша миръ постановленный;
«Но ихъ изнѣжилъ всѣхъ харемъ,
«Всякъ мечъ считаетъ за яремъ,
«Броню свою за тяжко рало;
«Уже ихъ храбрый духъ простылъ,
«Уже врагамъ свой кажутъ тылъ,
«Хоть сердце бодростью пылало.

8.

«Напрасно въ мысляхъ я мечтала,
«Ко славѣ россамъ путь пресѣчь:
«Се ихъ я паки острый мечъ
«Чрезъ дѣйства бранны испытала.
«Я въ миръ оружье подняла,
«Сразить чтобъ росскаго орла,
«Хотя бъ сей бой мнѣ былъ поносенъ;
«Но такъ же бодрствуетъ орелъ,
«Полетъ его быстряе стрѣлъ,
«Перунъ его мнѣ смертоносенъ.

9.

«Уже отъ невскихъ струй взвѣваетъ,
«Прешедъ моря, россійскій флагъ,
«Евксинъ и весь Архипелагъ
«Пловущимъ строемъ покрываетъ,
«Вездѣ себѣ взимаетъ дань,
«Вездѣ — мои лишь вступятъ въ брань—

«Вездѣ уронъ и неудача,
«И днесь въ началы битвы вновь
«Течетъ моихъ ручьями кровь,
«Исполненъ воздухъ вдовья плача!

10.

«Стамбулъ въ отчаяньи трепещетъ;
«Исполненъ глада, тяжкихъ думъ,
«Онъ мнитъ оружій слышать шумъ,
«Когда валъ въ брегъ его заплещетъ.
«Россъ близкій мысль его трясетъ,
«Онъ мнитъ, что каждый валъ несетъ
«Къ нему съ побѣдою оковы;
«И, ту предчувствуя напасть,
«Раскаты всѣ готовы пасть,
«И стѣны пасть его готовы.

10.

«Сему подобно исчезаютъ
«Снѣга отъ солнечныхъ лучей;
«Такъ воды быстрыя ключей
«Отъ вѣтровъ хладныхъ замерзаютъ.
«Какъ солнце таетъ, стынетъ кровь,
»Отъ россовъ страхъ, къ своимъ любовь
«Родятъ въ немъ дѣйства несогласны
«То мнитъ вести начатый бой,
«То мнитъ чрезъ миръ найтить покой;
«Но всѣ намѣренья напрасны!»

11.

Престань рыдати неутѣшно,
Агарь, о чадѣхъ ты своихъ,
Принудь покорствовати ихъ,
Вели искати мира спѣшно!
Екатерина, россовъ мать,
Скора пощаду виннымъ дать;
Но если кто не сдержитъ слова,
Забывъ союзовъ мирныхъ честь,
Въ рукѣ ея готова месть—
Карать измѣнника такова!

XXVI. Стихи его сіятельству князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, при наложеніи на него ордена святаго апостола Андрея, 1773 года генваря 6 дня.

Любовь во подданныхъ монархи тѣмъ рождаютъ,
Когда они людей достойныхъ награждаютъ,
И если кто степень не лестью получилъ,
Но тѣмъ, что онъ себя заслугой отличилъ,
Тотъ только лишь того завистникомъ имѣетъ,
Кто въ лѣности живетъ, о пользѣ не радѣетъ;
А кто со тщаніемъ о должности радитъ,
Тотъ, радуясь, другихъ на счастіе глядитъ.
Ты, Вяземскій, мой духъ подвигъ своей судьбиной,
Прославленъ нынѣ ты, и кѣмъ? — Екатериной.
Она тебя за всѣ похвальныя дѣла
Андреевскимъ крестомъ и грамотой почла,
Которая въ себѣ твой трудъ изображаетъ
И данный знакъ тебѣ собою уважаетъ.
Живи во счастіи, по правдѣ поборай,
Люби твоихъ друзей и зависть презирай.

XXVII. Стихи его превосходительству господину генералу-маіору и кавалеру Александру Васильевичу Суворову.

Кто храбрость на войнѣ съ искусствомъ съединяетъ,
Тотъ правильно число героевъ наполняетъ.
Суворовъ, ты въ себѣ тѣ качества явилъ,
Когда съ немногимъ ты числомъ россійскихъ силъ,
На превосходнаго напавъ тебя злодѣя,
Разбилъ его и, такъ какъ вихремъ прахъ развѣя,
Къ дунайскимъ гналъ брегамъ упорный сей народъ,
Пригналъ и потопилъ въ струяхъ кровавыхъ водъ.
Я зрю: крутитъ волна поганску кровь съ тѣлами,
Рѣка, прославленна Румянцова дѣлами,
Въ пучину черную съ водою кровь ліетъ
И, ударяясь въ брегъ срацинскій, вопіетъ:
«Внемлите, Агарянъ неистовые строи,
«Какіе въ воинствѣ россійскомъ есть герои:

«Румянцевъ лишь кому захочетъ повелѣть,
«То всякой васъ изъ нихъ возможетъ одолѣть!»

XXVIII. Ода на день брачнаго сочетанія ихъ императорскихъ высочествъ, государя цесаревича великаго князя Павла Петровича и государыни великія княгини Наталіи Алексѣевны.

1.

Вознесись со мною, лира,
Торжествуя на Парнассъ,
Да концы пространна міра
Внемлютъ твой пріятный гласъ;
Перестань, война крова,
Нѣжны мысли возмущать,
Се меня взываетъ слава
Россамъ радость возвѣщать.
Музы, гласъ мой повторяйте,
Миръ въ сердца людей вперяйте!

2.

Непостижными судьбами
Царь небесный положилъ,
Чтобы, Россы, между вами
Петръ въ своихъ потомкахъ жилъ,
Чтобъ художества, науки
И торги у васъ цвѣли,
Чтобъ оружій вашихъ звуки
Разносились по земли,
Чтобъ васъ други почитали,
И злодѣи трепетали,

3.

Чтобъ цвѣла Россія нынѣ
И вкушала вѣкъ златой,
Скиптръ вручилъ Екатеринѣ
Онъ десницею святой;
Облачилъ ее въ порфиру,
На главу взложилъ вѣнецъ,
Тѣмъ явилъ пространну міру

Что Россіи онъ отецъ.
Что же впредь онъ обѣщаетъ—
То намъ Павелъ предвѣщаетъ.

4.

Подъ Минервиной рукою,
Яко лавръ, онъ возрасталъ
И, исполнясь красотою,
Намъ героемъ возблисталъ;
Днесь вступая въ брачны узы,
Проливаетъ радость намъ.
Отверзайте, чисты Музы,
Мнѣ Гимена свѣтлый храмъ,
Да увижу тамо ясно
Сколь сіяетъ онъ прекрасно!

5.

Надъ цвѣтущими лугами
Вознесенъ ко облакамъ,
Почитаемый богами,
Вижу я огромный храмъ;
Стѣны яспись составляетъ,
И помостъ его янтарь,
Межъ златыхъ столповъ сіяетъ
Адамантовый олтарь;
Вкругъ стоятъ надежда, младость,
Дружба, вѣрность, честь и радость.

6.

Счастье тамъ неперемѣнно
Въ власти сильна Божества,
Время въ узахъ заключенно,
Разрушитель вещества.
Нимфы разными цвѣтами
Устилаютъ къ храму путь,
И Зефиръ на нихъ устами
Тщится съ тихостію дуть.
Тамъ забавы всѣ тѣснятся,
Игры, смѣхи веселятся.

7.

Се, подобна солнцу ясну,
Матерь росскихъ странъ грядетъ,
И съ собой чету прекрасну
Во святилище ведетъ.

Имъ любовь во храмъ предходитъ—
Нѣжныхъ душъ всесильный царь -
И младыхъ супруговъ вводитъ
Предъ блистающій олтарь;
Красоту ихъ зря, дивится,
Самъ ихъ плѣнникъ становится.

8.

Храма царь чету срѣтаетъ,—
Множа пламень ихъ —Гименъ.
Мысль въ восторгѣ, сердце таетъ,
Зря грядущихъ кругъ временъ,
Въ кои будутъ наши чада
Во спокойствѣ обитать;
Павелъ имъ отецъ, отрада,
И Наталія имъ мать.
О, чета, отъ всѣхъ почтенна,
Буди въ вѣкъ благословенна!

9.

Возносите гласы громки,
Россовъ множество племенъ!
Сочетаются потомки
Въ свѣтѣ сильныхъ двухъ колѣнъ;
Карлъ *) германовъ покровитель
И преславный былъ монархъ,
Игорь — грековъ побѣдитель
И всего Востока страхъ;
Но россійскіе владыки
Многи славны и велики.

10.

Съ кѣмъ же Петръ сравнится нынѣ?
Кто быть можетъ столь великъ?
Зримъ его въ Екатеринѣ
Всѣхъ добротъ пресвѣтлый ликъ:
Въ ней премудрость, бодрость, вѣра
Обитаютъ навсегда.
Ни Петру, ни ей примѣра
Не бывало никогда.

*) Карлъ Великій, императоръ Германіи, отъ котораго происходитъ родъ дармштадтскихъ владѣтелей.

Павелъ можетъ быть имъ равенъ:
Онъ премудръ, онъ будетъ славенъ.

11.

Представляется предъ очи
Мнѣ судьба грядущихъ лѣтъ:
Посреди глубокой ночи
Вижу дѣлъ геройскихъ свѣтъ;
Павелъ Хину побѣждаетъ,
Огражденную стѣной,
И законъ свой учреждаетъ
Надъ полдневною страной;
И за льдистыми волнами
Побѣждать онъ будетъ съ нами.

12.

Если-жъ хощетъ онъ спокойно
Въ мирѣ царствомъ обладать.
Упражненіе достойно
Можетъ въ зракъ его предстать:
Заведенныя науки
Въ совершенство приводить,
Что рука Петровой внуки
Тщится нынѣ насадить.
Вѣнценосцу на престолѣ
Дѣлъ — всегда пространно поле.

13.

Мысль плѣненна прелетаетъ
На восточные края,
Гдѣ Россія угнетаетъ
Сопротивника ея;
Вижу тамъ полки орлины,
Вижу ихъ оружій блескъ,
Съ именемъ Екатерины
Слышу ихъ веселый плескъ;
Радость всюду ихъ несется
Врагъ отъ ужаса трясется.

14.

Россъ противниковъ караетъ,
Гдѣ есть солнца только свѣтъ,
Силъ число ихъ презираетъ,
Поражаетъ, гонитъ, жметъ;
Посреди морской пучины

И во всѣхъ частяхъ земныхъ,
Гдѣ сражаются Срацины,
Тамъ вездѣ погибель ихъ.
Еслибъ въ воздухѣ тѣ жили,
Ихъ и тамъ бы низложили.

15.

Слава громкою трубою
Радость воинству гласитъ
И лютѣйшею судьбою
Сопротивникамъ грозитъ;
Велегласно возвѣщаетъ:
«Совершился Павловъ бракъ!»
Россовъ радость восхищаетъ,
У враговъ мутится зракъ,
Зависть ихъ сердца терзаетъ,
Кровь отъ страха замерзаетъ.

16.

Мыслятъ: если Павелъ вступитъ
Праотцевъ своихъ въ степень,
Злобѣ жало онъ притупитъ,
Намъ послѣдній будетъ день,
День, въ который ополчится
Сей герой противу насъ,
Солнце наше помрачится,
Лунный свѣтъ уже погасъ:
И земля, и хладны волны
Крови нашей нынѣ полны.

17.

Тако врагъ нашъ, ужасаясь,
Въ смутныхъ мысляхъ вопіетъ
И, погибели касаясь,
Ядъ свой съ кровію ліетъ;
Но Россія восхищенна,
Зря прекрасную чету,
Къ нимъ любовію возженна,
Чтитъ ихъ родъ и красоту,
Перстомъ въ небо указуетъ
И въ восторгѣ предсказуетъ:

18.

«Солнце землю освѣщаетъ,
«Свой въ Вѣсахъ имѣя зракъ,

«Много счастья предвѣщаетъ
«Черезъ твой мнѣ, Павелъ, бракъ.
«Какъ во осень изобильныхъ
«Земледѣлецъ ждетъ плодовъ,
«Такъ героевъ я пресильныхъ
«Отъ тебя жду въ домъ Петровъ,
«Править скипетромъ способныхъ,
«Жду владыкъ, Петру подобныхъ!»

19.

Восхищенію Россіи
Подражаютъ небеса:
Укротилися стихіи,
Зеленѣютъ древеса.
И во дни, когда морозы
Ниспускаетъ къ намъ эѳиръ,
Здѣсь цвѣтутъ прекрасны розы,
И цѣлуетъ ихъ зефиръ.
Вся природа торжествуетъ
И со Павломъ ликовствуетъ.

20.

Но внезапно растворились
Предо мной небесъ врата,
Мысли свѣтомъ озарились,
Блещетъ всюду красота;
Жаромъ духъ мой воспаленный
Продолжати пѣснь горитъ...
Но кого?.. Творца вселенны
На престолѣ славы зритъ.
Мысль видѣніе плѣняетъ,
Богъ верхи вебесъ склоняетъ.

21.

Онъ предвѣчными устами
Ко младымъ супругамъ рекъ:
«Благодать да будетъ съ вами;
«Продолжайте въ счастьи вѣкъ;
«Расцвѣтайте, яко крины,
«И во время дайте плодъ;
«Подъ рукой Екатерины
«Ублажитъ васъ смертныхъ родъ.
«Вы-жъ взаимнымъ жаромъ тайте,
«Россовъ матерь почитайте!

22.

«Вознесу тебя, поставлю
«Во геройскій свѣтлый ликъ,
«Павелъ, я тебя прославлю
«Между всѣхъ земныхъ владыкъ;
«Ты-жъ, по правдѣ поборая,
«Буди въ помощь ей скора,
«Будь Наталія вторая
«И роди во свѣтъ Петра —
«Рождшей Павла къ утѣшенью
«И вѣнца ко украшенью!»

23.

Совершилась всѣхъ судьбина,
Торжествуютъ Павловъ бракъ.
Обрати, Екатерина,
На Россію свѣтлый зракъ:
Отъ страны, гдѣ льдисты воды,
До страны, гдѣ вѣчный зной,
Веселятся всѣ народы,
Коихъ скиптръ покоитъ твой.
Всѣ они тобой пылаютъ
И на небо такъ взываютъ:

24.

«О Творецъ, всѣхъ благъ Содѣтель!
«Гласу нашему внемли,
«Ты на тронѣ добродѣтель
«Прославляешь на земли!
«Нашихъ радостей причина,
«Душъ царица, райскій свѣтъ,
«Россовъ мать, Екатерина,
«Да владѣетъ столько лѣтъ,
«Сколько къ ней сердецъ пылаетъ:
«Весь народъ того желаетъ.»

XXIX. Сонетъ на тотъ же случай.

Еще сихъ память лѣтъ отъ насъ не удаленна,
Какъ въ свѣтъ Наталія Петра произвела;
Екатерина, бывъ Петру совокупленна,
Въ Елисаветѣ мать Россіи всей дала.

Елисаветою на тронъ усыновленна,
Екатерина здѣсь въ дому ея цвѣла,
И видитъ то теперь пространная вселенна,
Какой, монархиня, ты плодъ намъ принесла!

Премудростью свою державу упрявляетъ
И мужествомъ въ войнѣ вселенну удивляетъ;
Но падшихъ предъ тобой ты миловать скора.

Ты въ Павлѣ совершишь желанія людскія;
Со Павломъ нынѣ зритъ Наталію Россія,
А отъ нея узрѣть надѣется Петра!

XXX. Стихи

умершему Академіи художествъ господину профессору и директору Антону Павловичу Лосенкову.

Всеобщимъ ты путемъ ко вѣчности отшелъ,
Лосенковъ, и свое блаженство тамъ нашелъ,
Гдѣ здѣшня суета тебя уже не тронетъ.
Твой духъ покоится и ни о чемъ не стонетъ;
Но сколько намъ твой рокъ здѣсь скорби приключилъ!
Съ науками тебя и съ нами разлучилъ.
Искусство намъ твое собою то являетъ,
Какой ты въ свѣтѣ былъ великій человѣкъ,
И правильно о томъ жалѣти заставляетъ,
Что мы уже тебя лишилися на вѣкъ.
Рогнѣда, на холстѣ тобой изображенна,
Съ Владиміромъ, въ своей прежалостной судьбѣ,
Не столько смертію отцовой пораженна,
Какъ сколько, кажется, стенаетъ о тебѣ!
Прощаясь съ Гекторомъ несчастна Андромаха,
Не конченна тобой, ужъ зрится такова,
Какою должно быть смущенной ей отъ страха —
Печаль ея тобой представлена жива.
Все живо, что твоя рука изобразила,
И будетъ живо все, доколь продлится свѣтъ.
Единаго тебя смерть въ младости сразила,
Единаго тебя, Лосенковъ, съ нами нѣтъ!

XXXI. Ода ея императорскому величеству великой государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, императрицѣ и самодержицѣ всероссійской, на заключеніе вѣчнаго мира между Россійскою имперіею и Оттоманскою портою іюля дня 1774 года.

1.

Престали пламенны громады
Вселенной страхомъ угрожать,
Престали смертны безъ пощады,
Стремясь, другъ друга поражать;
Носяща въ нѣдрахъ смерть всечастно —
Война, чудовище ужасно,
Потупя свой кровавый зракъ,
Коней свирѣпыхъ направляетъ,
Бѣжитъ, вселенну оставляетъ
И кроется во вѣчный мракъ.

2.

Густыя тучи удалились,
Исполненъ свѣта сталъ эѳиръ,
Врата небесны растворились,
Нисходитъ всѣмъ желанный миръ;
Чело его являетъ радость,
Изъ устъ ліетъ небесну сладость,
Держа оливну вѣтвь рукой.
Преславный вождь полковъ россійскихъ
Потрясъ сердца градовъ асійскихъ
И паки имъ даетъ покой.

3.

Въ полкахъ россійскихъ бранны звуки,
Въ срацинскихъ смолкли вопль и стонъ;
Торги, художества, науки
Минервинъ окружаютъ тронъ.
Лицо изсохшее имѣя,
Блѣднѣетъ зависть, какъ лилея,
Россійскіе успѣхи зря;
Ярясь, сама себя терзаетъ,
Змiинымъ жаломъ грудь пронзаетъ,
Геенскимъ пламенемъ горя.

4.

Едва главу свою подъемлетъ,
Едва возводитъ тусклый взоръ,
Тамъ гласы радостные внемлетъ,
Гдѣ прежде царствовалъ раздоръ;
Гдѣ прежде воздухъ ядра рвали
И трупы землю покрывали,
Тамъ зритъ ликующихъ людей;
Мятется, стонетъ и трепещетъ,
Зубами ржавыми скрежещетъ,
Въ жестокой ярости своей.

5.

Подобно какъ пространно море,
По бурѣ укротяся вдругъ,
На мѣсто волнъ кипящихъ вскорѣ
Являетъ струйки, какъ жемчугъ;
Борей ужъ болѣ въ нихъ не свищетъ,
Зефиръ рѣзвясь сокрыться ищетъ,
На мелки части ихъ дѣля;
Пловецъ безъ страха ихъ преходитъ,
Корабль въ пристанище приводитъ,
Спокойствомъ духъ свой веселя.

6.

Се тако жители земные
По бурѣ лютыя войны,
И старцы, купно и младые,
Покоемъ бывъ ограждены,
Сердечну радость ощущаютъ
И съ восхищеніемъ вѣщаютъ:
«О, коль блаженны мы теперь!
«Никто межъ нами не возстонетъ,
«Никая скорбь въ насъ душъ не тронетъ,
«Отверста намъ ко счастью дверь!»

7.

Но вѣстница драгаго мира
Летитъ во весь пространный свѣтъ;
За ней въ пространствіи эѳира
Не успѣваютъ вѣтры въ слѣдъ;
Къ державамъ мирнымъ поспѣшаетъ
И имъ трубою возглашаетъ
Россіи славныя дѣла:

«Внемлите, окрестны сосѣды,
«Судьба сыновъ ея побѣды
«На вышній степень возвела.

8.

«Петромъ великимъ былъ возставленъ
«Народъ ея и прерожденъ,
«Екатериной днесь прославленъ
«И въ вѣчномъ счастьи утвержденъ;
«Владыки росскіе дотолѣ,
«Сидя на княжескомъ престолѣ,
«Ордамъ давали въ немъ отчетъ.
«Теперь превратна та судьбина:
«Великая Екатерина
«Ордамъ владѣтелей даетъ.

9.

«Завистники россійской славы,
«Престаньте свѣтомъ вы мутить:
«Екатерина злобны нравы
«Возможетъ ваши укротить.
»Уже погибель вамъ настала,
«Она днесь свѣтомъ возблистала,
«Прогнавъ коварства вредну мглу;
«Не страшно ваше пререканье,
«Какъ льва свирѣпаго рыканье
«Парящу въ солнцевъ домъ орлу.

10.

«Гдѣ крыться предъ богиней сею?
«Вездѣ ей новый путь отверстъ:
«Пойдетъ все воинство предъ нею,
«Куда ея укажетъ перстъ;
«Лѣса и горы превысоки,
«Разверсты пропасти глубоки
«Несильны ходъ его сдержать:
«Оно, покрытое зарями,
«Пойдетъ и сушей, и морями
«Гордыню вашу поражать.

11.

«А ты, о, Бѣлая Россія,
«Великія Россіи дщерь,
«Пришедъ изъ области чуждыя
«Въ объятьи матерни, и вѣрь,

«Что ты не рабскія оковы,
«Но съ нею удовольства новы
«Отнынѣ будешь ощущать:
«Не мнимой волей величаться,
«Прямою ею наслаждаться
«И благо вѣчное вкушать.

12.

«Вражда, раздоръ и неустройство,
«Источники твоихъ всѣхъ бѣдствъ,
«Преобратятся во спокойство
«И въ разны образы торжествъ;
«Мѣста, войной опустошенны
«И всѣхъ красотъ своихъ лишенны,
«Торжественный воспримутъ видъ;
«Екатерина все спокоитъ,
«Блаженство жителей устроитъ
«И духомъ мирнымъ оживитъ.

13.

«По зноѣ тако оживляетъ
«Аврора томные цвѣты,
«Когда росою окропляетъ
«Почти увядши ихъ листы;
«Какъ ты щедротъ ея росою,
«Наполнясь новою красою,
«Россія, будешь процвѣтать,
«Во всемъ подобясь райску крину.
«Я всѣхъ враговъ твоихъ низрину,»
«Речетъ тебѣ всѣхъ Россовъ мать.»

14.

Дерзай, о, лира восхищенна,
Превысить тономъ днесь Парнассъ;
Внемли, пространная вселенна,
Внемли ея гремящій гласъ.
Но что я зрю передъ собою?
Се слава, двигнута судьбою,
Разверзла свой пресвѣтлый храмъ;
Внутри его сіяетъ злато,
Стоятъ, украшены богато,
Престолы праведнымъ царямъ.

15.

Среди всѣхъ троновъ тронъ возвышенъ,
Объятъ сіяніемъ вокругъ,
Во храмѣ гласъ пріятный слышенъ:
«Сей тронъ за множество заслугъ
«Россійской матери поставленъ;
«Здѣсь будетъ вѣкъ ея прославленъ
«По тьмѣ великихъ въ свѣтѣ дѣлъ.
«Она до поздныхъ дней достигнетъ,
«До звѣздъ россійскій рогъ воздвигнетъ:
«Таковъ есть Вышняго предѣлъ.

16.

«Наслѣдникъ росскія державы,
«Надежда радостныхъ сердецъ,
«Внимая гласъ гремящей славы,
«Владыка буди и отецъ,
«Мужайся, бодрствуй и крѣпися,
«Владѣть у матери учися
«И шествуй по ея стопамъ;
«Великъ во свѣтѣ семъ и славенъ,
«Съ Петромъ и съ нею будешь равенъ
«И прійдешь славы въ вѣчный храмъ.

17.

«А ты, великая княгиня,
«Со Павломъ бывъ сопряжена,
«Россійска буди героиня,
«Ея герою ставъ жена;
«Красуйся въ вѣкъ своей судьбою,
«Когда украшенъ сталъ тобою
«Младаго Павла днесь чертогъ;
«Благословенна вѣчно буди,
«Да узрятъ вамъ подвластны люди
«Любови вашея залогъ!»

18.

Позволь достойною хвалою,
О, матерь Россовъ, мнѣ вознесть
Героевъ, кои предъ тобою
Являли храбрость, разумъ, честь.
Ты, муза, мысль мою направи,
Прійди ко мнѣ, меня настави
И лиру мнѣ устрой мою;

И се я гласъ ея ужъ внемлю,
Гремящу лиру воспріемлю,
И съ жаромъ искреннимъ пою:

19.

О, вождь россійскія Минервы,
Кто храмъ войны намъ отворилъ
И кто, къ врагамъ стремяся первый,
Хотинъ Россіи покорилъ?
Твою зря честь и добродѣтель,
Небесъ и твари всей Содѣтель
Противныхъ стрѣлы притупилъ;
А ты ихъ злобы жаркій пламень
И тяжку силу, яко камень,
Въ струяхъ Днѣстровыхъ потопилъ.

20.

Поправшіе прегорды строи
Въ бояхъ отважныхъ Агарянъ,
Презнаменитые герои,
Хвала и честь полночныхъ странъ,
Сыны отечества и други,
За всѣ свои къ нему услуги,
Вѣнчались вы побѣдъ вѣнцемъ—
И онъ дотолѣ не увянетъ,
Доколь сіяти солнце станетъ
Въ великолѣпіи своемъ.

21.

Кагулъ со Чесмою вѣщаетъ
Число геройскихъ вашихъ дѣлъ;
Но славы громкой не вмѣщаетъ
Всея вселенныя предѣлъ;
Для ней концы земные тѣсны,
Въ которыхъ оба вы извѣстны;
Она въ грядущи времена,
Чтобъ знали поздные потомки,
Вмѣститъ межъ звѣздъ побѣды громки
И съ ними ваши имена.

22.

Едину узрятъ тамъ планету,
Румяна всходитъ гдѣ заря:
Сіе являти будетъ свѣту
Погибель рода визиря.

Другая будетъ надъ волнами
Пылать подобными огнями,
Какими турскій флотъ горѣлъ;
Уже я зрю надъ глубиною,
Луну, объяту вѣчной мглою,
Терзаетъ сѣверный орелъ.

23.

Искусный Россовъ предводитель,
Героямъ будущимъ примѣръ,
Ты сталъ прехрабрый побѣдитель
Упорныхъ до тебя Бендеръ;
Чрезъ крѣпость ихъ необориму
Ты Россамъ путь отверзъ ко Крыму
Великимъ мужествомъ своимъ,
И, множа славы россской звуки,
Преемникъ твой лишь мечъ взялъ въ руки,
Упалъ предъ нимъ повергшись Крымъ.

24.

Всегдашнею гремяща славой
Монархинѣ усердна рать,
Обыкша подъ ея державой
Противны силы поборать,
Соединенная сердцами,
Побѣдоносными вѣнцами
Украсясь, стань и не греми,
Гряди въ отечество драгое
И здѣсь, въ возлюбленномъ покоѣ,
Достойну почесть воспріими.

25.

Но если кто изъ смертныхъ рода
Дерзнетъ покой твой возмутить,
Тогда потщится вся природа
Сему злодѣю отомстить;
Онъ узритъ купно всѣ стихіи
Для защищенія Россіи,
Къ нему въ себѣ несущи страхъ:
Злодѣй содрогнувшись возстонетъ,
Въ ручьяхъ крови своей потонетъ,
И возмятется, яко прахъ.

26.

А вы, которы составляли
Во храмѣ мудрости совѣтъ
И здравымъ разумомъ являли
Пути для сбывшихся побѣдъ,
Васъ время въ615 мракѣ не оставитъ
И тѣхъ не менѣе прославитъ,
Кто въ полѣ ратномъ пребывалъ:
Заслуги ваши всѣхъ суть разны,
Тѣ были тамъ, вы здѣсь непразны,
И всѣ достойны вы похвалъ.

27.

Восторгъ мнѣ паки мысль объемлетъ,
Разверсты вижу небеса.
Какіе громы слухъ мой внемлетъ!
Шумятъ дубровы и лѣса;
Но то не громовъ страшны споры:
Воспѣли ангельскіе хоры
Святыя пѣсни всѣхъ Царю.
Исполненъ воздухъ весь лучами,
Уже душевными очами
Преславное видѣнье зрю!

28.

Имѣя тронъ свой надъ звѣздами,
Подножьемъ солнце и луну,
Творецъ, непостижимый нами,
Воззрѣвъ въ полночную страну,
Вѣщалъ: «Внемлите, смертныхъ роды,
«Внемли, земля, внемлите, воды,
«Внемли, огнь, воздухъ и эѳиръ:
«Россію вѣчно я прославлю
«И съ нею сей завѣтъ поставлю:
«Да будетъ тронъ ея — весь міръ.»

XXXII. Его высокопревосходительству Григорію Александровичу Потемкину.

Любитель чистыхъ музъ, наперсникъ Аполлона,
Кому былъ спутникъ Марсъ, наперсница Беллона,

Участникъ подвиговъ военныхъ и побѣдъ,
Которыхъ на брегахъ дунайскихъ видѣнъ слѣдъ,
Потемкинъ, моея внимая лирѣ гласа,
Къ Екатеринѣ будь предстателемъ Парнасса,
Да лиры всѣхъ пѣвцевъ достойныхъ возгремятъ,
Что ты есть истинный россійскій Меценатъ.

XXXIII. Описаніе увеселительныхъ огней, которые представлены въ продолженіи мирнаго торжества, заключеннаго между Россійскою имперіею и Оттоманскою портою, въ высочайшемъ присутствіи ея императорскаго величества, всеавгустѣйшей и непобѣдимой монархини Екатерины II и ихъ императорскихъ высочествъ, при многочисленномъ народномъ собраніи, близь Москвы на Ходынкѣ, 1775 года іюля 16 дня.

Отъ самаго того времени, когда ея императорское величество, всеавгустѣйшая наша монархиня, божіимъ промысломъ возведена на всероссійскій императорскій престолъ, ея вѣрноподданные народы въ радостномъ восхищеніи ощущали, сколь ея величество, какъ милосердая и человѣколюбивая мать, прилагала неусыпное попеченіе о приведеніи Всероссійскія имперіи въ благоцвѣтущее состояніе; тому явные примѣры—неусыпные ея величества труды и попеченія, которые единственно стремились къ возвышенію славы государства и къ нашему благоденствію.

Ея величество по продолжающейся прусской войнѣ къ спокойствію подданныхъ съ сосѣдственными державами миръ и тишину утвердить благоволила.

Ея мужество военную, какъ сухопутную, такъ и морскую силу, привело въ совершенной порядокъ, которая нарушителямъ вождѣленнаго покоя къ сопротивленію всегда была готова.

Ея попеченіемъ видимъ обширной ея имперіи необитаемыя мѣста населенныя множествомъ чужестранцевъ.

Ея страннопріимство отверзаетъ въ области ея надежное убѣжище всѣмъ, гонимымъ судьбою во своемъ отечествѣ.

Ея милосердіе учредило къ приличному воспитанію обоего пола благороднаго юношества выгодныя и полезныя училища, а человѣколюбіе для бѣдныхъ и никакія помощи не имущихъ сиротъ, кои до того лишались не только призрѣнія и пропитанія, но и бѣдственно въ началѣ жизни своей погибали, устроило для пристанища домы,

для призрѣнія и обученія опредѣлило надзирателей и учителей и воспитывая дѣлаетъ ихъ полезными сынами отечества.

Подъ ея покровительствомъ процвѣтали науки и художества, возрастала коммерція и мореплаваніе.

Ея прозорливость и правосудіе искореняли зловредное лихоимство.

Ея неутомимость, найдя, что различность гражданскихъ законовъ въ судѣ и расправѣ, слѣдовательно и въ правосудіи, дѣлаетъ великое затрудненіе, за благо изобрѣла сочинить новые и полезные законы, которые бъ одна ея самодержавная власть по своему монаршему благоизобрѣтенію учредить могла; но какъ ея величества безпримѣрная къ своимъ подданнымъ любовь не благоволила къ тому приступить, чтобъ прежде милостиво не услышать нуждъ ихъ, — то и повелѣла оныя представить чрезъ избранныхъ отъ нихъ для сего важнаго дѣла нарочныхъ депутатовъ и потомъ приступить къ сочиненію новаго уложенія.

Ея величество, пренебрегши свой покой, къ пользѣ ея вѣрноподданныхъ, не оставила и того, чтобъ своимъ монаршимъ окомъ необозрѣть находящіяся въ ея обширной области губерніи, которыя и удостоены были ея монаршей милости и благоволенія.

Единственно заключить, что ежедневно видѣли умножающееся наше благоденствіе отъ безпредѣльной ея къ намъ матерней щедроты и любви, слѣдовательно Россійская имперія восходила на вышшую степень своего блаженства.

Всѣхъ же ея императорскаго величества вѣрноподданныхъ рабовъ желаніе и прошеніе стремилось на тотъ конецъ, чтобъ Всевышній своею крѣпкою десницею, для общаго нашего благоденствія и славы имперіи, сохранилъ дражайшее ея здравіе въ должайшія времена. И мы твердо уповали, что подъ ея матернимъ покровительствомъ будемъ наслаждаться спокойствіемъ и изобиліемъ.

Тогда зависть и злоба, не терпя нашего блаженства, предпріявъ разрушить благоденствіе Россіи, воздвигнули жестокую брань; Оттоманская порта чаяла своимъ вѣроломствомъ и наглостію наше спокойствіе опровергнуть.

Но мудрая ея величества, нашея покровительницы, прозорливость и учрежденіе, все то для Россіи пагубное намѣреніе предупредя, опровергнула, и не токмо чтобъ завистникамъ и врагамъ нашимъ торжествовать, но и ко удивленію всего свѣта, гдѣ ея величества непобѣдимыя войски съ врагами, какъ на землѣ, такъ и на морѣ, ни повстрѣчались, вездѣ ихъ поражали, крѣпкіе города и замки брали, Валахію, Молдавію и Крымскій полуостровъ покорили, въ Архипелагѣ при Чесмѣ великій флотъ истребили и, обремеия себя побѣдоносными трофеями, перешли за Дунай и приближались уже къ самой срединѣ жительствъ нарушителей покоя. Наконецъ Оттоманская порта, вострепетавъ, принуждена для своего спасенія у своей побѣдительницы искать мира, который единственно снихожде-

ніемъ непобѣдимыя и миролюбивыя монархини на весьма для Россіи полезныхъ выгодахъ прошлаго 1774 года іюля въ 10 день и заключенъ.

По утвержденіи жъ сего славнаго и полезнаго мира, природная ея величества матерняя щедрота восхотѣла обрадовать своихъ вѣрноподданныхъ несказанными милостями и облегченіемъ, какъ изъ выданныхъ манифестовъ всякъ съ восхищеніемъ и порадованіемъ усмотрѣть можетъ.

Сообразя всѣ прошедшія обстоятельства, мы заключить долженствуемъ, что защита, побѣда враговъ, милосердіе, благодѣяніе и наконецъ все наше спокойствіе и блаженство изливаются отъ престола всещедрыя и премудрыя монархини нашея. И потому сильное чувствованіе глубочайшаго раболѣпствія и усердія къ милосерднѣйшей матери отечества должно обладать нашими сердцами.

Мы же, ея императорскаго величества вѣрноподданные рабы, пріемлемъ съ горячностію всѣ къ тому случаи. И такъ сіе ко всеобщей нашей радости мирное торжество побуждаетъ насъ къ открытію нашихъ чувствій и, для принесенія всеподданнѣйшихъ нашихъ поздравленій непобѣдимой и великой основательницѣ и сохранительницѣ нашего благополучія, ко оказанію пріятныхъ нашихъ мыслей увеселительными огнями въ четырехъ дѣйствіяхъ изобразить слѣдующее:

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ фительномъ огнѣ.

СПОКОЙНАЯ РОССІЯ.

Россія, имѣя при себѣ помощниками усердіе, вѣрность и благодарность, въ спокойномъ видѣ, въ честь и незабвенную память своей монархинѣ и обладательницѣ сооружаетъ великолѣпный монументъ, означая одно за другимъ до начатія войны оказанныя ея величествомъ къ ней матернія милости и благодѣянія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ОБЕЗПОКОЕННАЯ РОССІЯ.

Въ семъ ея упражненіи слышенъ шумъ, и съ одной стороны оказывается ужасная каменная разсѣлина, изъ коей выходитъ семиглавная гидра, испущающаяизъ челюстей своихъ огненное пламя, имѣя на себѣ всадниками содружившихся зависть и злобу, стремящихся нарушить спокойствіе и лагоденствіе Россіи.

Но представшая съ другой стороны побѣда, имѣющая щитъ съ вензеловымъ именемъ ея императорскаго величества, поразитъ оную и съ ея всадниками.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ РОССІЯ.

Все бывшее представленіе перемѣнится въ другой видъ, а именно: монументъ дѣлъ ея величества окажется совершенно доконченнымъ, а сверхъ того изобильно украшенъ побѣдоносными лавровыми вѣнцами, окруженный обширнымъ амфиѳеатромъ, гдѣ по приличнымъ мѣстамъ поставлены побѣдоносные трофеи и статуи, изъявляющія высокія ея императорскаго величества добродѣтели, то-есть: премудрость, прозорливость, мужество, правосудіе, миролюбіе, милосердіе, страннопріимство и человѣколюбіе. По обѣ жъ стороны всходовъ амфиѳеатра окажутся двѣ побѣдоносныя колонны, предъявляющія одержанныя побѣды: первая на землѣ, а другая на морѣ. Россія же, на все сіе взирая въ радостномъ восторгѣ, показываетъ на находящуюся на монументѣ надпись слѣдующаго содержанія: «*Отъ усердія, вѣрности и благодарности сооружено сіе зданіе въ честь всеавгустѣйшей, непобѣдимой монархинѣ Екатеринѣ II.*»

При семъ представленіи, вокругъ всего фейерверочнаго мѣстоположенія произведется троекратно бѣглый огонь и изъ поставленныхъ пушекъ салютація; и затѣмъ продолжатся разные увеселительные какъ въ воздухѣ, такъ и на землѣ огни. А за симъ,

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Изъ свѣтлыхъ огней.

УТѢШЕННАЯ РОССІЯ.

Оказывается возвышенное вензеловое имя ея императорскаго величества, нашей всеавгустѣйшей обладательницы, съ слѣдующею надписью: «*радость и благополучіе общее*». Изливающее свои матернія щедроты на всю обширную Россійскую имперію, которая изображена въ видѣ великолѣпныхъ зданій, посвященныхъ Марсу и Минервѣ, и четырехъ царствъ, то-есть: Московскаго, Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго; а по срединѣ отъ всѣхъ вѣрноподданныхъ воздвигнутъ жертвенникъ во оказаніе вѣрноподданническаго усердія, вѣрности и благодарности за оказанныя къ нимъ матернія милости, щедроты и благодѣянія, со слѣдующею надписью: «*Се тако милосердыхъ обыкли почитать Россіяне владыкъ.*»

Наконецъ окончаніе увеселительныхъ огней произведетъ великолѣпный и разновидный павиліонъ, составленный изъ сорока двухъ тысячъ ракетъ, и тѣмъ зрителямъ сдѣлаетъ большое удовольствіе.

1. Стихи къ фейерверку на торжество вѣчнаго мира между Россійскою имперіею и Оттоманскою портою.

Не всякій тотъ монархъ—отечества отецъ,
Кто носитъ на главѣ блистающій вѣнецъ;
Но тотъ, кто о своемъ отечествѣ печется,
Отечества отцемъ достойно наречется.
Екатерина, ты примѣръ такихъ царей,
Достойна храмовъ ты, достойна алтарей;
Тебя произвела къ тому на свѣтъ природа,
Чтобъ матерію быть россійскаго народа,
И царствовать тебѣ судилъ всевышній Богъ,
Да гордыхъ ты враговъ сотрешь взнесенный рогъ:
Покрыта лаврами главы твоей корона,
Твой скипетръ—страхъ врагамъ, союзнымъ—оборона;
Отъ трона твоего нисходитъ правый судъ,
Достойный ты себя на немъ имѣешь трудъ:
Премудростію ты все въ царствѣ учреждаешь
И прозорливостью нашъ вредъ предупреждаешь.
Когда Россію всю покоилъ мирный сонъ,
Тогда ты строила полезный ей законъ;
Мы мужествомъ твоимъ на страсти ополчались
И трудолюбіемъ къ трудамъ пріобучались,
Страннопріимствомъ же твоимъ привольскій край,
На мѣсто всѣхъ степей безплодныхъ, зрится рай;
Ты милосердьемъ въ нихъ народы привлекаешь,
И, яко солнце міръ, Россію обтекаешь,
Дабы пространную свою державу знать;
Мы зрѣли всѣ въ тебѣ младенцамъ сирымъ мать,
Которымъ люта смерть въ рожденье ихъ грозила,—
Ты ихъ смертельный рокъ имъ въ жизнь преобразила.
Се тако подъ твоимъ покровомъ мы цвѣли
И жизнь безбѣдную во счастіи вели.
Но зависть, съ злобою внезапно содружася,
Возстали, на златый нашъ вѣкъ вооружася:
Пресѣкся сладкій миръ, отверзся Яновъ домъ,
И вмѣсто тишины насталъ оружій громъ;
Россія пламенемъ военнымъ бывъ разженна,
Премудрость паки ей вождемъ была твоя:
Ты всѣхъ враговъ къ ногамъ повергнула ея
Вооруженною перунами рукою

И паки ей врата отверзла ко покою,
Въ которомъ при тебѣ сперва она была.
Россія, яко кринъ эдемскій, процвѣла;
Веселья своего внутрь сердца не вмѣщаетъ
И храмъ своихъ торжествъ тебѣ днесь посвящаетъ,
Поставя во внутри его твой свѣтлый ликъ
На сдѣланный алтарь изъ мраморовъ претвердыхъ,
Со надписаніемъ: «*Се тако милосердыхъ*
Обыкли почитать Россіяне владыкъ.»

2. Ода ея императорскому величеству, на торжество заключеннаго мира, между Россійскою имперіею и Оттоманскою портою.

1.

Взнесись, моя гремяща лира,
Со мной на свѣтлый Геликонъ
И въ дни возлюбленнаго мира
Возвыси твой пріятный тонъ;
Забудь войны часы гнѣвливы,
Воззри на лавры и оливы
Въ побѣдоносцевыхъ рукахъ;
Не грома стукъ, не молній блески,
Внимай торжественные плески
Въ Екатерининыхъ полкахъ.

2.

Се ею гидра низложенна
И злоба въ адъ заключена,
Сугубымъ свѣтомъ озаренна
Пространна Росская страна;
Престала быть природа въ спорѣ,
Уже на сушѣ и на морѣ
Простерся миръ и Россовъ власть.
Героевъ часть, чтобъ міръ смущати,
Но миръ вселенной возвращати —
Твоя, Екатерина, часть!

3.

Твоя душа героевъ выше,
Когда война смущаетъ свѣтъ;
Твоя душа зефира тише,

Когда сраженнымъ миръ даетъ;
Противнымъ страхъ, своимъ отрада,
Союзнымъ твердая ограда,
Гонимымъ счастіемъ покровъ;
Минерва ты среди совѣта,
Щедротою Елисавета,
Имѣя духъ въ себѣ Петровъ.

4.

Въ очахъ твоихъ премудрость блещетъ,
Изъ устъ исходитъ правый судъ,
Передъ тобою злость трепещетъ,
Враги къ ногамъ твоимъ падутъ,
И предъ твоимъ пресвѣтлымъ трономъ
Стоитъ Ѳемида со закономъ;
Законъ сей—кротость устъ твоихъ:
Тамъ милость истину срѣтаетъ,
И миръ тамъ правду лобызаетъ,
Держа въ объятіяхъ своихъ.

5.

О вы, вселенныя владыки,
Услышите сей правды гласъ:
Не тѣмъ вы должны быть велики,
Что знаки царскіе на васъ;
Не красила во вѣкъ корона
Калигулу, нижѐ Нерона,
Такихъ главы тягчитъ вѣнецъ.
И Титъ не тѣмъ прославленъ въ мірѣ,
Что былъ во царской онъ порфирѣ,
Но тѣмъ, что Риму былъ отецъ.

6.

Екатерину не порфира
Межъ васъ великою творитъ;
Екатерина—ангелъ мира,
Она вселенной миръ даритъ;
Она не тамо ищетъ славы,
Гдѣ мечъ ліетъ ручьи кровавы;
Но ищетъ той въ спокойныхъ дняхъ:
Россіи всей покой устроя,
Себя той вмѣсто безпокоя,
Препровождаетъ дни въ трудахъ.

Когда багряная Аврора,
Оставя плосковидный понтъ,
Отъемля мракъ отъ смертныхъ взора,
Румянитъ синій оризонтъ,—
Монархиня всѣхъ пользѣ внемлетъ,
Храня людей своихъ, не дремлетъ,
Гоня отъ нихъ печалій тѣнь;
Когда жъ прекрасный Фебъ восходитъ,
Уже въ трудахъ ея находитъ,
И въ нихъ она кончаетъ день.

7.

Я зрю душевными очами
Въ подвластный ей привольскій край:
Уже, щедротъ ея лучами
Согрѣтъ, онъ паки зрится рай;
Уже неплодоносны лозы
Являютъ на вершинахъ розы,
Тамъ нивы кажутъ свой восходъ,
Тамъ ратай ждетъ за трудъ награды,
А тамъ зелены винограды
Сторичный обѣщаютъ плодъ.

8.

По долгомъ тако наводненьѣ
Въ Египтѣ благотворный Нилъ,
Снеся съ полей воды стремленье,
Оставитъ межъ браздами илъ;
Но только солнце тотъ согрѣетъ,
Земля вся жатвой зажелтѣетъ,
Взростя ей данны сѣмена.
Твоихъ щедротъ лучемъ нагрѣта,
Явится жатвою одѣта
Опустошенная страна.

9.

Тамъ грады, злобой раззоренны,
Подобясь кедровымъ лѣсамъ,
Твоей щедротой ободренны,
Главы возносятъ къ небесамъ;
Казань, изъ пепла возвышаясь
И, какъ невѣста украшаясь,
Тебѣ, монархиня, речетъ:
«Ты днесь меня возобновила,

«И, бывши мертву, оживила.
«Се вѣкъ мой снова потечетъ!»

10.

Россія, на свои трофеи
Возлегши, зритъ повсюду миръ,
И внемлетъ, что ея Орфеи,
Устроя гласъ гремящихъ лиръ,
Не брани страшны воспѣваютъ,
Гдѣ кровны токи проливаютъ;
Но хоръ пѣвцевъ свой умъ вперилъ
Твою воспѣть гремящу славу
И веселящуся державу
Подъ сѣнію монаршихъ крылъ.

11.

Москва, вѣнчанная стѣнами,
Возставъ отъ смертнаго ей сна,
Горитъ торжествъ своихъ огнями
И яко нѣжная весна;
Поправъ лютѣйшіе морозы,
Держа въ рукахъ прекрасны розы,
Тебѣ плететъ изъ нихъ вѣнецъ.
Но ты сего ль вѣнца достойна—
Что вся Россія днесь спокойна?
Сплетенъ изъ нашихъ онъ сердецъ.

XXXIV. Описаніе разныхъ увеселительныхъ зрѣлищъ, представленныхъ во время мирнаго торжества, заключеннаго между Россійскою имперіею и Оттоманскою портою, въ высочайшемъ присутствіи ея императорскаго величества, всеавгустѣйшей и непобѣдимой монархини, матери отечества, Екатерины II и ихъ императорскихъ высочествъ, при многочисленномъ собраніи народа, близь Москвы на Ходынкѣ, 1775 года іюля 16 дня.

1. Описаніе торжественныхъ зданій на Ходынкѣ, представляющихъ пользу мира.

Огромныя врата въ храмъ Яновъ затворились,
Угрюмыя мѣста въ веселы претворились,
Кровопролитная пресѣклася война,
И царствуетъ вездѣ любезна тишина,
Источникъ общаго спокойства и богатства.
Пловецъ не зритъ себѣ во плаваньи препятства,
Не зритъ себѣ въ моряхъ онъ болѣе врага,
И съединяются торгами берега;
Рукою мудрыя въ царяхъ Екатерины
Отверзты Россамъ днесь врата во всѣ пучины;
Пастухъ безъ робости идетъ со стадомъ въ лугъ,
И ратай веселясь влачитъ по нивѣ плугъ,
Зеленый лавръ главы героевъ украшаетъ,
И слава ихъ дѣла вселенной возглашаетъ.
При самомъ устіи, сверхъ влажныхъ береговъ,
Гдѣ тихій Донъ, лія свои въ пучину воды,
Россіи напоялъ подвластные народы,
И гдѣ ея рука воздвигнула Азовъ,
Возобновя свою до Черныхъ волнъ державу,
Неутомимый Марсъ (*), оставя брань кроваву,
Оставя острый мечъ, броню и тяжкій щитъ,
На мягкой муравѣ въ спокойствіи лежитъ;
Тамъ духи мирные во отроческомъ видѣ,
Рѣзвяся, во его скрываются хламидѣ:

*) Марсъ изобразуетъ покоящееся нынѣ россійское войнство, но всегда готовое на отраженіе враговъ.

Единъ, пріявъ его мечъ острый, тяжкій щитъ,
Клеврета своего играючи страшитъ;
Тотъ страшную броню на рамо возлагаетъ
И самъ подъ тяжестью ея изнемогаетъ;
Иной, на нѣжное чело пернатый шлемъ
Надѣвъ, со ужасомъ играетъ копіемъ,
Отъ коего лились во бранѣхъ токи крови.
Се тако иногда рѣзвяся, богъ любови
Игралъ его мечемъ, оставя дѣйство стрѣлъ,
Когда сей бранный богъ огнемъ его горѣлъ.
И се желанный миръ съ Олимпа низлетаетъ,
Покоящагося Арея обрѣтаетъ:
«О, воинъ,—такъ ему со тихостью речетъ, —
«Да вѣкъ златый въ мѣстахъ сихъ паки потечетъ,
«Да не колеблетъ ихъ рука твоя отъ нынѣ,
«Угодно тако днесь россійскихъ странъ богинѣ;
«Румянцовъ заградилъ махинъ твоихъ уста,
«Да не тревожитъ брань отъ днесь сіи мѣста,
«Да флаги мирные на сей пучинѣ вѣютъ,
«И вихри пламенны смущати ихъ не смѣютъ;
«Да Донъ (а) свои струи въ спокойствіи ліетъ
«И изобиліе мѣстамъ симъ подаетъ,
«Мѣстамъ, гдѣ прежде лилъ ты смертныхъ кровны токи,
«И гдѣ свирѣпствовалъ съ тобою рокъ жестокій;
«Да не дерзнетъ никто покоя здѣсь пресѣчь.
«Азовъ (б) и Таганрогъ, Еникаль, Кинбурнъ, Керчь (в),
«Ставъ частію теперь Россійскія державы,
«Участники ея гремящей будутъ славы;
«Да Днѣпръ (г) между крутыхъ бреговъ шумя течетъ
«И съ шумомъ въ Черный понтъ безмолвіе несетъ;
«Тамъ малая Берда (д), но пользою велика,
«Пребудетъ навсегда для Росскаго языка;
«Азовъ, внутри себя обильный пиръ дая (е),

а) Донъ течетъ въ Черное море и поспѣшествуетъ коммерціи во ономъ.

б) Азовъ на устьи Дона, охраняющій проходъ въ Черное море.

в) Мѣста, присоединенныя къ Россіи.

г) Днѣпръ рѣка, текущая чрезъ великіе пороги въ Черное море.

д) Берда небольшая рѣка, по которой находится линія укрѣпленій.

е) Азовъ, гдѣ зала для кушанья изображаетъ изобиліе, проистекающее отъ мира.

«Являетъ, сколько сталъ полезенъ Россамъ я,
«Да градъ сей чрезъ торги прославится отнынѣ,
«И слава будетъ въ вѣкъ сія Екатеринѣ.
«Таганрогъ (ж) здѣсь тебѣ являетъ то теперь,
«Что въ Черный Понтъ судамъ отверста стала дверь;
«Тамъ жители степей Ногайскихъ пиршествуютъ (з):
«Они довольствіе свое изобразуютъ.
«Дающіе судамъ свободный въ Понтъ проходъ,
«Еникаль съ Керчію (и), вмѣщая могъ народъ,
«Являютъ чрезъ его различное убранство
«Россійской области великое пространство,
«Что внутрь себя сія обширная сторона
«Вмѣщаетъ разныя народовъ племена:
«Хотя и разны ихъ и образы и нравы,
«Но чада всѣ они Россійскія державы;
«Различно думаютъ, различно говорятъ
«И всѣ однимъ огнемъ къ монархинѣ горятъ.
«Тамъ Кинбурнъ (і), кончится гдѣ Росская держава,
«Хранитель на водахъ торговли общей права;
«Но здѣсь въ немъ слышатся гремящихъ гласы лиръ,
«Поющихъ, сколько есть царямъ полезенъ миръ.
«Простри и за Дунай (к) свои, о Марсъ, ты очи,
«Гдѣ шумный югъ стоитъ противу тихой ночи,
«И гдѣ поставилъ Россъ побѣдъ своихъ трофей,
«Тамъ блещетъ множество торжественныхъ огней,
«Размахи пламенны всю сферу освѣщаютъ,
«Рекутъ: Подсолнечна, въ молчаніи внемли,
«Колико вознеслась Россія на земли,
«И сколько счастлива россійская судьбина:
«Ея отецъ былъ Петръ, днесь мать — Екатерина!»

ж) Таганрогъ, гдѣ ярмарка, изображающая свободный торгъ по Черному морю.

з) Быки и фонтаны, представляющіе Ногайскія орды, живущія въ удовольствіи.

и) Керчь и Еникаль, залы и галлереи для маскараду, изобразуютъ удовольствіе разныхъ народовъ, подвластныхъ Россіи.

і) Ѳеатръ, изобразующій собою Кинбурнъ, крѣпость на Черномъ морѣ.

к) Фейерверкъ, представляющій торжество Россіянъ за Дунаемъ.

II. НАДПИСИ.

1. Ко плану народныхъ зрѣлищъ, представленныхъ во время мирнаго торжества Россійской Имперіи со Оттоманскою Портою, близъ Москвы на Ходынкѣ.

Мѣста, гдѣ пролилъ Марсъ людей ручьи кровавы,
Когда свирѣпствовалъ во бранѣхъ острый мечъ,
Азовъ и Таганрогъ, Еникаль, Кинбурнъ, Керчъ,
Ликуютъ, частью ставъ Россійскія державы;
Екатерининой покрыты днесь рукой,
Вкушаютъ тишину, довольство и покой:
То рѣки, Черный Понтъ и флотъ собой являетъ,
Какую та чрезъ миръ намъ пользу доставляетъ.

2. Ко иллюминаціи, изобразующей покой Россіи.

Россія, на свои трофеи
Возлегши, зритъ по всюду миръ
И внемлетъ, что ея Орфеи,
Устроя гласъ гремящихъ лиръ,
Не брани страшны воспѣваютъ,
Гдѣ кровны токи проливаютъ,
Но хоръ пѣвцевъ свой умъ вперилъ
Воспѣть Екатерины славу
И веселящуся державу
Подъ сѣнію монаршихъ крилъ.

3. Ко иллюминаціи, изображающей Имперіи Россійскую и Турецкую въ видѣ разговаривающихъ.

ПОРТА.

Чрезъ наложенныя тобою тяжки раны
Познала я моихъ ласкателей обманы;
А нынѣ, вѣчный миръ съ тобою я храня,
Не вижу въ свѣтѣ семъ счастливѣе меня.

РОССІЯ.

Сокрыта наша днесь вражда во мрачномъ гробѣ,
Мы будемъ счастливы съ тобою въ свѣтѣ обѣ;
Когда не будетъ въ вѣкъ война межъ насъ горѣть,
Мы будемъ общую отъ мира пользу зрѣть.

XXXV. Письмо его сіятельству графу Петру Александровичу Румянцеву.

Дивяся твоему числу великихъ дѣлъ,
Румянцевъ, я тебя особенно не пѣлъ—
И разумомъ твоимъ, и мужествомъ прельщался;
Но чтожъ?.... Въ молчаніи я только восхищался
И мнилъ всегда сіе: писателя хвала
Для мужа славнаго, таковъ какъ ты, мала,
И можетъ ли тебя моя прославить лира,
Когда прославленъ ты въ концахъ пространна міра,
О имени твоемъ гремитъ оружій громъ,
И воздухъ, и земля наполнены Петромъ,
Твоею славою шумятъ лѣса и рѣки,
И разглагольствуютъ въ бесѣдахъ человѣки:
Едины рѣчь ведутъ о славной той горѣ,
Подъ коею рыдалъ Кагулъ о визирѣ
И, кровію своихъ защитниковъ багрѣя,
Стеналъ о участи несчастнаго Гирея,
Котораго предъ тѣмъ при Ларгскихъ ты струяхъ
Развѣялъ всю орду, какъ вихрь легчайшій прахъ;
Другіе за Дунай походъ твой прославляютъ
И тотъ не менѣе побѣдъ постановляютъ;
Но миръ, преславный миръ, всего превыше чтутъ
И честь Румянцеву повсюду отдаютъ,
Тебя передъ тобой самимъ превозвышаютъ
И часто о тебѣ въ восторгѣ возглашаютъ:
«Не хитрый ль Мазаринъ, не храбрый ль Мальборухъ,
«Воскресли въ мужѣ семъ плѣнить нашъ славой слухъ?»
Итакъ, кто въ разумъ твой тончайшій проницаетъ,
Тотъ Мазариномъ тя, Румянцевъ, нарицаетъ,
А кто всѣ дѣйствія войны твоей проникъ,
Тому, какъ Мальборухъ, ты кажешься великъ!..
Не лучше ли сказать: въ Румянцевѣ единомъ
Сіяютъ Мальборухъ и купно съ Мазариномъ?
 Но слава о дѣлахъ великихъ сихъ мужей
Едва ли бы дошла до нашихъ днесь ушей,
Когда бъ исторія о нихъ не возвѣщала;
Ихъ смерть бы всѣ дѣла въ ничто преобращала;
Не зналъ бы храбраго Ахилла нынѣ міръ,
Когда бы не воспѣлъ намъ дѣлъ его Омиръ;

Мароновыхъ стиховъ на свѣтѣ не имѣя,
Не вѣдали бы мы троянскаго Енея;
Всѣ, коимъ память мы героямъ днесь творимъ,
Какихъ рождали въ свѣтъ и Грецiя, и Римъ,
Ко сожалѣнiю пространныя вселенны,
Современемъ отъ насъ всѣ были бы забвенны;
Подобно яко день вчерашнiй въ вѣкъ погибъ,
Такъ славныя дѣла погибнуть ихъ могли бъ.
То ради славныхъ дѣлъ отъ времени защиты
Рождаются во свѣтъ съ героями пiиты,
Дабы на оное оковы наложить
И силу ѣдкости его уничижить.
Итакъ, когда пѣвцы героевъ воспѣвали,
Съ героями они жить вѣчно уповали.
Прости, великiй мужъ, ты слабости моей,
Я вѣчно жить хочу со славою твоей;
Когда сiи стихи читать потомки станутъ,
Конечно, и меня съ тобою воспомянутъ.
Но что я говорю? Тебя ль какой пiитъ
Въ восторгѣ пѣснiю своею не почтитъ,
Иль будешь ты у насъ въ исторiи гремѣти,
И будутъ Марсовы по ней учиться дѣти?
На что имъ Ѳемистоклъ, Периклъ, Филипеменъ,
На что имъ знать войны героевъ тѣхъ временъ!
Когда Румянцева прочтутъ дѣла военны,
Довольно хитрости той будутъ изученны.
Они покажутъ имъ, какъ грады осаждать,
Они покажутъ имъ, какъ въ полѣ побѣждать;
Покажетъ Колбергъ имъ своею то судьбою,
Колико крѣпости суть слабы предъ тобою;
Кагулъ со Ларгою, доколѣ будутъ течь,
Рекутъ, колико твой ужасенъ въ полѣ мечъ;
Дунай, лiя свои въ пучины быстры воды,
Явитъ твои чрезъ нихъ искусные походы;
Тотъ край, отколѣ въ мiръ является заря,
Покажетъ, какъ стѣснялъ ты горда визиря,
Гдѣ Вейсманъ мертвъ упалъ, на томъ кровавомъ полѣ,
Держа срацынскiя ты воинства въ неволѣ,
Со малымъ войскъ числомъ ихъ тьмѣ отважныхъ силъ
Отчаянiе, страхъ и гибель наносилъ;
И въ день, въ который мужъ, бывъ выше смертныхъ рода,

Со новымъ воинствомъ россійскаго народа,
Едва противился опаснымъ симъ врагамъ,
Въ тотъ день ихъ гордый вождь упалъ къ твоимъ ногамъ,
Просящій и себѣ, и воинству пощады,—
Ты, внемля кротости россійскія Паллады,
Пріявъ оливну вѣтвь геройскою рукой,
И Портѣ даровалъ желаемый покой.
Но мнѣ ль дѣла твои, Румянцевъ, исчисляти,
Которыми весь свѣтъ ты можешь удивляти?
Ты прямо долженъ въ немъ гласитися великъ
И долженъ быть включенъ героевъ въ свѣтлый ликъ.
Я мню, что тѣмъ себя природа услаждаетъ,
Когда она такихъ людей во свѣтъ рождаетъ,
Какихъ желается ей свѣту даровать,
Лишь только бы умѣлъ монархъ ихъ познавать;
А ежели на чью способность онъ не взглянетъ,
Способность съ лѣтами безъ пользы въ немъ увянетъ.
И ты, Румянцевъ, самъ, съ способностью своей,
Едва ли бы достичь возмогъ до славы сей:
Екатерина путь тебѣ къ тому открыла;
Она, предвидя то, писаньемъ предварила,
При начинаніи прошедшія войны,
Что будутъ варвары тобой побѣждены.
И се монаршее предвѣстіе свершилось:
Срацынско воинство всей бодрости лишилось;
Ты только съ Россами пришелъ на ихъ поля,
Уже покрылася ихъ кровію земля,
Не множествомъ полковъ, не тяжкими громады
Разилъ противниковъ и рушилъ тверды грады,
Но болѣ разумомъ ты ихъ одолѣвалъ,
Когда съ искусствомъ въ ихъ предѣлахъ воевалъ.
Теперь, оставя лавръ, взложи на шлемъ оливы,
Вложи въ влагалище свой мечъ, и въ дни счастливы,
Въ которые твое отечество цвѣтетъ,
И коего судьбѣ завидуетъ весь свѣтъ,
Ты, ставъ содѣтелемъ ихъ мирнаго покоя,
Преобразися намъ во брата изъ героя,
И, бывъ отечества всегда любезный сынъ,
Ты былъ въ поляхъ герой, здѣсь буди гражданинъ;
Спокойство нашихъ душъ на нашихъ лицахъ види
И въ радость твоея монархини днесь вниди.

Ликуетъ нынѣ ей подвластная страна,
Ликуетъ о ея спокойствѣ и она:
Такіе, какъ она, полезны намъ владыки,
Такіе, какъ и ты, герои суть велики.
Не лесть тебѣ сію хвалу теперь плететъ:
Извѣстенъ о тебѣ, Румянцевъ, цѣлый свѣтъ;
Тебѣ жъ за подвиги пріятна та награда,
Что знаетъ цѣну имъ россійская Паллада.
А ты, великій мужъ, за всѣ твои труды
Вкушай спокойствія пріятные плоды.

XXXVI. Ода о суетѣ міра, писанная къ Александру Петровичу Сумарокову.

1.

Все на свѣтѣ семъ превратно,
Все на свѣтѣ суета;
Исчезаетъ невозвратно
Всякой вещи красота:
Младость и лица пріятство,
Сила, здравіе, богатство,
И порфира, и виссонъ,
Что въ очахъ намъ ни блистаетъ,
Все то, яко воскъ, растаетъ
И минется, яко сонъ.

2.

Всякой вещи въ свѣтѣ время,
Всякой мысли есть конецъ:
Старость — наше тяжко бремя
И мученіе сердецъ:
Только старость овладѣетъ,
Кровь изсякнувъ охладѣетъ,
Нѣжны чувствія замрутъ;
Что насъ прежде услаждало,
Что веселіе рождало,
То родитъ болѣзнь и трудъ.

3.

Помѣстятся мысли скучны
Вмѣсто всѣхъ веселыхъ думъ,
И печали неотлучно

Будутъ отягчати умъ;
Умъ во скукѣ злой потонетъ,
Сердце томное застонетъ
И утѣхъ не ощутитъ;
Все затмиться предъ очами,
Дни покажутся ночами:
Что увижу, все смутитъ.

4.

Ахъ, о, время дней кратчайшихъ,
Время, лютый нашъ тиранъ,
Воды струй твоихъ сладчайшихъ
Льются въ вѣчный океанъ.
Мы тобой себя прельщаемъ,
Только рѣдко ощущаемъ,
Сколь ты скоро протечешь,
И что въ жизни намъ пріятно,
Ты съ собою невозвратно
Все во вѣчность увлечешь.

5.

Время все отъ насъ похититъ
И со онымъ насъ самихъ,
Хоть оно и не насытитъ
Алчныхъ челюстей своихъ.
Все исчезнетъ то росою;
Время острою косою
Все ссѣчетъ въ единый часъ...
И меня... когда? — не знаю,
Только гласъ его внимаю,
Сей его внимая гласъ:

6.

«Все, что зрится намъ прекрасно,
«Все съ собою унесу;
«Все на свѣтѣ я всечасно
«Возмущаю и трясу;
«Возведите только взоры:
«Гдѣ высоки были горы,
«Тамо пропасти земны;
«И гдѣ киты обитали,
«Острова тамъ нынѣ стали
«Изъ морскія глубины.

7.

«Гдѣ вселялись рыбы, гады,
«Тамъ жилища днесь людей;
«Превращаю я и грады
«Въ обиталище звѣрей,
«Горы съ мѣста предвигаю
«Во пространныя моря;
«Солнце, звѣзды со луною
«Протекутъ на вѣкъ со мною,
«И престанетъ быть заря.»

8.

Всякій шагъ намъ — шагъ ко смерти,
Всякій мигъ влечетъ насъ къ ней,
Всякій гласъ грозитъ претерти
Вервь кратчайшихъ нашихъ дней!
Что мы думаемъ иль пишемъ,
Говоримъ иль просто дышемъ, —
Время между тѣмъ течетъ:
Какъ сіе изрекъ я слово,
Наступило время ново,
И того ужъ больше нѣтъ.

9.

Свѣтъ исполненъ злыхъ пороковъ
И исполненъ суеты...
Музъ любимецъ, Сумароковъ,
Возвѣсти о семъ мнѣ ты,
Коль во свѣтѣ все премѣнно,
Все нетвердо, ломко, тлѣнно,
Санъ, богатство, жизнь — мечта...
Чѣмъ же свѣтъ намъ толь прелестенъ,
Коль всему конецъ извѣстенъ?
Что же въ немъ не суета?

XXXVII. Ода о вкусѣ Александру Петровичу Сумарокову.

1.

О, ты, при токахъ Ипокрены,
Парнасскій сладостный пѣвецъ,
Другъ Таліи и Мелпомены,

Театра русскаго отецъ,
Изобличитель злыхъ пороковъ,
Расинъ полночный, Сумароковъ!

2.

Твоей прелестной гласъ свирѣли,
Твоей пріятной лиры гласъ
Моею мыслью овладѣли,
Пути являя на Парнассъ:
Твоимъ согласіемъ плѣняясь,
Пою и я, воспламеняясь.

3.

И се твоимъ пріятнымъ тономъ
И жаромъ собственнымъ влекомъ,
Спознался я со Аполлономъ
И музамъ сдѣлался знакомъ;
Къ Парнассу путь уже мнѣ свѣдомъ:
Твоимъ къ нему иду я слѣдомъ.

4.

И такъ, какъ тихому зефиру,
Тебѣ во слѣдъ всегда лечу,
Тобой настроенную лиру
Я худо строить не хочу;
Всегда мнѣ вкусъ одинъ пріятенъ,
Который важенъ, чистъ и внятенъ.

5.

Но вкусы всѣхъ воспѣть не можно;
Они различны у людей:
Прадонъ предпочитаемъ ложно
Расину «Федрой» былъ своей;
Но что? Прадоновъ вкусъ скончался:
Расинъ побѣдой увѣнчался.

6.

Не пышность — во стихахъ пріятство;
Пріятство въ оныхъ—чистота,
Не громъ, но разума богатство
И важны рѣчи—красота.
Слогъ долженъ быть и чистъ, и ясенъ:
Сей вкусъ съ природою согласенъ.

7.

Я стану слогъ распоряжати
Всегда по вкусу одному

И тѣмъ природѣ подражати,
Тебѣ и здравому уму.
Случайны вкусы всѣ суть ломки
И не дойдутъ они въ потомки.

XXXVIII. Сонетъ къ Михаилу Никитичу Муравьеву.

Когда ты, Муравьевъ, плѣненъ той гласомъ лиры,
Съ которою свою учился соглашать,
Послѣдуй ей и пой: мѣста не будутъ сиры,
Которыя по мнѣ ты будешь утѣшать.

Москва подъ сѣнію монаршія порфиры
Здѣсь будетъ пѣніе сугубое внушать,
Когда, віясь надъ ней, прохладные зефиры
Со нашимъ тономъ тонъ твой будетъ соглашать.

И богъ Невы хоть насъ, какъ мню, не позабудетъ,
Но болѣе скорбѣть о пѣніи не будетъ,
Когда ты тщаніе свое употребишь,

Чтобъ былъ подобенъ слогъ пѣвцевъ пріятныхъ слогу,
Какъ Сумароковъ всѣмъ къ тому явилъ дорогу,
То пѣніемъ своимъ, повѣрь, не согрубишь.

XXXIX. Надпись къ больницѣ.

Екатерининой всещедрою рукой
Сей домъ для страждущихъ болѣзньми сооруженъ;
Вмѣщаетъ внутрь себя мужей, дѣвицъ и женъ,
Лишенныхъ здравія, ведя ихъ жизнь къ покою.

Обуреваемъ всякъ болѣзньми лютыхъ волнъ,
Теки въ пристанище сіе, надежды полнъ,
И пользу получа себѣ, будь здравъ отнынѣ:
Благодари за жизнь свою Екатеринѣ.

XL. Надгробная надпись Александру Петровичу Сумарокову.

Піитъ и русскія трагедіи отецъ,
Прекраснѣйшихъ стиховъ разумнѣйшій творецъ,
Онъ первый чистоты во оныхъ былъ примѣромъ.
Расинъ, де-Лафонтенъ, Кино со Моліеромъ
Блистали, во его душѣ съединены.
Онъ былъ Волтеру другъ, честь Росскія страны,
Поборникъ истины, гонитель злыхъ пороковъ,—
Подъ камнемъ симъ сокрытъ мужъ славный Сумароковъ.

XLI. Ода на рожденіе его императорскаго высочества великаго князя Александра Павловича, 1777, декабря 2 дня.

1.

Восторгъ священный мысль объемлетъ,
Парнасскимъ жаромъ я дышу,
Усердну пѣснь гласить спѣшу,
Да вся вселенна гласъ мой внемлетъ.
Ликуй, преславный Россовъ родъ,
Тебя срѣтаетъ радость нова:
Се вѣтвь отъ корени Петрова,
Се Павла и Маріи плодъ,
Съ возвратомъ солнца въ сѣверъ, нынѣ
Ниспосланъ въ даръ Екатеринѣ.

2.

Ликуй, въ живыхъ благословенна,
Ликуй, премудрая въ царяхъ,
Имѣя на твоихъ рукахъ
Тобою внука вожделѣнна!
Съ тобою градъ твой и чертогъ

И вся Россія ликовствуетъ
И свѣтлый день сей торжествуетъ,
Въ который, милости въ залогъ,
Россіи благъ своихъ податель —
Далъ Александра всѣхъ Создатель.

3.

Ужъ слава съ громкою трубою
Летитъ и воздухъ слѣдомъ вьетъ,
Гласяя, что Россамъ солнца свѣтъ
Принесъ героя въ міръ съ собою,
Что новый Александръ рожденъ.
Но сей, для нашего покоя,
Превзойдетъ невскаго героя,
Которымъ Готѳъ былъ побѣжденъ;
Воспріиметъ верхъ и надъ восточнымъ,
Героемъ будетъ слыть полночнымъ.

4.

Намъ небо счастье предвѣстило,
Когда свершался Павловъ бракъ:
Вѣсовъ вступало солнце въ знакъ,
Отколѣ къ намъ тогда свѣтило.
Теперь, во радостны часы,
Когда младенецъ въ свѣтъ рождался,
Луна текла черезъ вѣсы
Во знакъ, что росскіе герои
Низложатъ лунноносны строи,

5.

Что правосудія законы
Не будутъ колебимы въ вѣкъ,
Что счастливъ будетъ человѣкъ,
Какъ днесь, во времена и оны;
Когда сей отрокъ возрастетъ
Подъ Павла крѣпкою рукою, —
Онъ нашихъ чадъ съ собой къ покою
И ко блаженству приведетъ:
Россія будетъ цвѣсть, какъ нынѣ,
Подвластна бывъ Екатеринѣ.

6.

Но что мой взоръ еще срѣтаетъ?
Какая новая краса?
Разверзты вижу небеса.

Въ восторгѣ мысль и сердце таетъ!
Престалъ шумѣть свирѣпый вѣтръ
Весь край полночный оживился.
Во сѣверѣ эдемъ явился;
Изъ неба къ намъ взираетъ Петръ,
Екатеринѣ помогая,
Ей тако въ радости взывая:

7.

«Ты славу Россовъ умножаешь,
«Котору имъ воздвигнулъ я,
«Любезна духомъ дщи моя!
«Ты все, какъ я, распоряжаешь;
«Въ Россіи зрю соборъ наукъ;
«Суды съ торгами процвѣтаютъ;
«Враги, какъ ледъ отъ солнца, таютъ;
«Твоей летаетъ славы звукъ;
«Ты всѣмъ украсила Россію,
«Ты Павлу сопрягла Марію.

8.

«Во Павлѣ кровь моя ліется,
«Въ тебѣ мой обитаетъ духъ.
«Чрезъ васъ, чрезъ васъ Россія двухъ,
«Какъ кедръ ливанскій, вознесется
«И, осѣнивъ полночный край,
«Подъ вѣтвія его пространны,
«Сберутся люди преизбранны,
«Россія есть и будетъ рай,
«И ты, и всѣ твои потомки
«Дѣлами въ свѣтѣ будутъ громки.

9.

«Они число моихъ съ тобою
«Умножатъ въ свѣтѣ славныхъ дѣлъ.
«Я такъ въ небесной книгѣ челъ,
«Написанной самой судьбою:
«Ты мудростью со мной равна,
«Геройствомъ Павелъ будетъ равенъ,
«И будетъ онъ во свѣтѣ славенъ,
«Какъ я, или какъ ты славна;
«Твой внукъ умножитъ славу ону,
«Коль будетъ онъ носить корону.

10.

«Храни, рачи о немъ прилежно,
«Вселяй душевны красоты;
«Учи его, какъ Павла, ты:
«Наукъ сокровище надежно.
«Посѣй въ него ты сѣмена,
«Чтобъ плодъ отъ нихъ былъ всѣмъ полезный,
«Чтобъ отрокъ сей пріялъ любезный
«Съ тобою наши имена,
«Снабди его умомъ толикимъ,
«Чтобъ былъ онъ мудрымъ и великимъ.»

11.

Сіе вѣщая, Петръ сокрылся,
Гдѣ души праведныхъ царей;
И ѳиміямъ отъ алтарей
За нимъ на небо возносился.
О, ты, возлюбленная тѣнь,
Герой, что дать могла природа,
Внемли усердіе народа:
Онъ нынѣ торжествуетъ день
Рожденнаго отъ Павла сына;
Онъ нашей радости причина.

12.

А вы, дражайшіе супруги,
Ликуйте, съ нами веселясь,
Рожденный вами нынѣ князь
Явитъ отечеству заслуги:
Онъ бодрость отчую вмѣститъ,
Красу онъ матерню покажетъ,
Предвѣстіе небесъ развяжетъ;
Ставъ мужемъ, свѣту возвѣститъ,
Что посланъ Россамъ онъ судьбою,
И что рожденъ онъ, князь, тобою.

13.

О Павелъ, Павелъ, вѣтвь Петрова,
Надежда наша, радость, свѣтъ,
Живи во счастьи много лѣтъ
Подъ сѣнью матерня покрова;
Живи и разумомъ блистай,
Люби усердную Россію,

Какъ нынѣ любишь ты Марію,
И Александра воспитай,
Чтобъ былъ онъ щедръ, великодушенъ,
Тебѣ и мудрости послушенъ.

XLII. Ода преосвященному Платону, архіепископу Московскому и Калужскому, архимандриту Святотроицкія Лавры и Святѣйшаго Синода члену, о безсмертіи души въ разсужденіи безконечныхъ нашихъ желаній.

1.

О вы, которыхъ мысли лживы
Развратный омрачаютъ свѣтъ,
Невольники мірскихъ суетъ,
Раби страстей, доколѣ живы,
Имѣя къ тлѣнности любовь,
Вы мнѣ безумствуя рѣчете,
Что жизнь чрезъ то свою влечете,
Доколѣ въ васъ ліется кровь;
Когда жъ она престанетъ литься,
Престанетъ съ нею вѣкъ вашъ длиться;

2.

Что купно съ жизнію тѣлесной
Престанетъ быти и душа.
Сего помыслить, не грѣша,
Не льзя о вещи неизвѣстной.
Но я склонюсь на вашу рѣчь:
Съ теченьемъ крови жить престану,
И бренными тѣломъ я увяну,
Въ гробъ я долженъ буду лечь;
Но гдѣ жъ душа моя вселится,
Когда отъ тѣла отдѣлится?

3.

Что движетъ мыслію моею
Въ составѣ тлѣнна естества?
Душа—то искра божества!
Желаю вѣчности я ею;
На страсти ею возстаю,
И мышлю я, и разсуждаю,

Пороки ею побѣждаю,
И краткость жизни познаю.
Почто жъ во дни мнѣ скоротечны
Даны желанья безконечны?

4.

Когда я мысльми возлетаю
Отъ сихъ бѣдами полныхъ мѣстъ
Превыше самыхъ дальнихъ звѣздъ
И Бога въ нихъ познать желаю....
Но что? Я, смертенъ бывши весь,
Коль жизни нѣтъ для насъ иныя....
Увы, желанья таковыя
Возможно ль мнѣ исполнить здѣсь,
Коль въ предпріятіи толь смѣломъ
Душа моя погибнетъ съ тѣломъ?

5.

Создатель ли міровъ несчетныхъ,
Создатель, Богъ мой и Отецъ,
На тотъ внушилъ мнѣ ихъ конецъ,
Чтобъ только я въ желаньяхъ тщетныхъ
Мой краткій вѣкъ препроводилъ
И въ жизни сей границахъ тѣсныхъ
Несчастнѣй тварей безсловесныхъ
Желаньями моими былъ?
Или Творецъ, меня карая,
Желаньямъ не поставилъ края?

6.

Иль Существо сіе предвѣчно,
Сложивъ мой стройный столь органъ,
Хотѣло быти мой тиранъ,
Желать позволя безконечно,
Чтобъ Богъ, податель всѣхъ мнѣ благъ,
Источникъ всѣхъ существъ согласныхъ,
Мнѣ далъ желаньевъ тьму напрасныхъ,
Дабы развѣять ихъ, какъ прахъ;
И чтобы духъ мой по кончинѣ
Исчезъ, какъ искра водъ, въ пучинѣ?

7.

Когда же мыслями я вѣчно
Желаю и по смерти жить:
Почто Творцу въ меня вложить
Сіе движеніе сердечно?
Коль смерть была бъ всему конецъ,
Нещастны бъ были человѣки.
Но Богъ нашъ царствуетъ во вѣки,
Его мы дѣти, Онъ—отецъ;
Онъ любитъ, милуетъ, покоитъ,
Онъ жизнь мнѣ вѣчную устроитъ.

8.

А ты, что здраво разсуждаешь,
Платонъ, хвалы достойный мужъ,
Безсмертіе ты нашихъ душъ
Твоимъ ученьемъ утверждаешь:
Мнѣ бурю мыслей утиши;
Вниманія достойнымъ словомъ
Представь во бытіи мнѣ новомъ
Безсмертіе моей души,
Чтобъ я сомнѣнія избѣгнулъ
И лживы мысли опровергнулъ.

XLIII Ода ищущимъ мудрости.

1.

О вы, которыхъ озаряетъ
Премудрости трoякій лучъ,
Которыхъ разумъ презираетъ
Грозу невѣжства мрачныхъ тучъ!
О, чада утренняго свѣта,
Въ собраньи нашего совѣта
Сія дщерь неба предсѣдитъ,
Вѣщаетъ тако, намъ глаголя:
«Се зрите вы: пространство поля
«Предъ вашимъ взоромъ предлежитъ.

2.

«Храня священные законы,
«Направьте вы въ него свой путь;

«Прейдете путь сей безъ препоны:
«Я вашу защищаю грудь.
«Подъ симъ божественнымъ эгидомъ
«Не можетъ злоба дерзкимъ видомъ
«У насъ сердецъ поколебать;
«Грядите въ путь и научайтесь,
«Противу злобы ополчайтесь,
«Спѣшите вы торжествовать!

3.

«Пусть злоба ядовиты очи,
«На васъ свирѣпствуя, прострετъ:
«Она есть отрасль адской ночи,
«А вамъ родитель—дневный свѣтъ.
«Не льзя, чтобъ дневное свѣтило,
«Своихъ лучей не обратило,
«Куда сіяло искони;
«Хоть часто мгла его скрываетъ,
«Оно туманы разрываетъ,
«Пуская въ міръ свои огни.

4.

«Пускай злорѣчивы зоилы
«На насъ свою сплетаютъ лжу,
«Я вами ихъ повергну силы,
«Я вами свѣтъ ихъ покажу;
«Ихъ нравы вами укротятся,
«Когда ко свѣту обратятся,
«Пріявъ чрезъ васъ мои лучи.
«Когда жъ ихъ духъ не воспылаетъ
«И жить во мракѣ возжелаетъ,
«Пусть ходятъ въ темной сей ночи,

5.

«Въ которой низки души дремлютъ
«И ропщутъ на Творца во вѣкъ;
«Пускай развратнымъ мыслямъ внемлютъ,
«Что въ тваряхъ бѣденъ человѣкъ,
«И, таинъ не понявъ священныхъ,
«Въ своихъ бесѣдахъ развращенныхъ
«Износятъ на меня хулы;
«Но ихъ совѣтъ самимъ имъ вреденъ,
«Строптивъ и пагубенъ, и бѣденъ:
«Ихъ мысли полны вѣчной мглы.

6.

«Ихъ утра свѣтъ не прикоснется
«Дремотою объятыхъ вѣждъ.
«Но пусть хотя и не проснется
«Во вѣки грубыхъ сонмъ невѣждъ,—
«Сердца, исполненныя чести,
«Не будутъ имъ творити мести;
«О нихъ лишь будутъ сожалѣть,
«Что ихъ глубокой тьмою ночи
«Останутся покрыты очи.
«Но льзя ль быть мудрымъ повелѣть?

7.

«Тому зрѣть свѣта невозможно,
«Кто зрѣнія на вѣкъ лишенъ;
«Тотъ мысли простираетъ ложно,
«Чей умъ еще несовершенъ;
«Имѣющій крылѣ Икара
«Не стерпитъ солнечнаго жара;
«Когда жъ къ нему онъ возлетитъ,
«Лучи свѣтила воскъ согрѣютъ,
«Крылѣ отъ перья оскудѣютъ,
«Онъ жизнь съ полетомъ прекратитъ.

8.

«Свѣтильникъ правды нарицаюсь;
«Небесъ прещедрыхъ я есмь дщерь;
«Всѣмъ ищущимъ меня являюсь;
«Толкущимъ отверзаю дверь;
«Открывъ божественну науку,
«Просящимъ простирая руку,
«Во храмъ пресвѣтлый мой веду.
«Сей путь весь терніемъ усѣянъ;
«Но храмъ мой лаврами одѣянъ,
«Въ которомъ получаютъ мзду.

9.

«Сія премудрымъ сколь пріятна
«И сколько духъ ихъ веселитъ
«Толико онымъ непонятна,
«У коихъ мглою умъ покрытъ.
«Дерзайте, отроки, со мною
«Мои я тайны вамъ открою,
«Взнесу васъ выше, нежель громъ.

«Кто хощетъ, смертный, мя познати,
«Тотъ долженъ въ естествѣ искати
«Меня или въ себѣ самомъ.»

10.

Сіе премудрость вамъ вѣщаетъ,
Предвѣчнаго любезна дщи;
Васъ вышнихъ таинъ пріобщаетъ, —
Дерзайте въ слѣдъ ея тещи,
Грядите, путь свой окончайте,
Побѣдой подвигъ увѣнчайте
И мнѣ пролейте свѣта лучъ!
Меня не ночь страшитъ глубока:
Я стану ждати отъ востока
Конца мой взоръ мрачившихъ тучъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Почто писать умѣть?
Писцы хорошіе не въ модѣ, —
Вить такъ не ходитъ мѣдь,
Какъ золото въ народѣ;
А розница лишь тутъ,
Что злата золотникъ, а мѣди цѣлый пудъ.

2.

НА БОЛТУНА.

Довольно изъ твоихъ мы грома слышимъ устъ:
Шумишь какъ барабанъ, но также ты и пусть.

3.

Коль сила велика Россійскаго языка!
Петровъ лишь захотѣлъ—Виргилій сталъ заика.

ЗАГАДКИ.

1.

(дымъ).

Я ни воздухъ, ни вода,
Быть землею мнѣ не можно:
И не огнь я, то неложно.
Но я въ воздухѣ всегда
И по немъ всегда летаю,
И всегда желаньемъ таю
Устремиться въ небеса;
Но препятство обрѣтаю.

Жизни нѣтъ моей часа:
Я по вѣтру разношуся,
Человѣка не страшуся.
А его я иногда
И вредить собой умѣю,
Только тѣла не имѣю,
Ни души отъ Божества,
А рожусь изъ вещества;
Жизнь моя дотолѣ длится,
Какъ престану я родиться.

2.

(рцы, т. е. буква р).

Я въ трехъ частяхъ земли; меня въ четвертой нѣтъ;
Меня жъ имѣть въ себѣ не можетъ цѣлый свѣтъ;
Но міръ меня въ себѣ имѣетъ, и комаръ;
Не можетъ безъ меня земной стояти шаръ.
Въ пещерахъ и въ моряхъ всегда меня срѣтаютъ,
Во вихряхъ и въ громáхъ не ложно обрѣтаютъ;
И такъ меня жъ въ себѣ имѣютъ всѣ борцы.
Тотъ назвалъ ужъ меня, кто назвалъ огурцы.
Еще ли ты меня не знаешь? Я есмь....

БАСНИ И СКАЗКИ.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ

БАСНИ И СКАЗКИ.

1. КОЗЕЛЪ И ЖЕМЧУЖНАЯ РАКОВИНА.

Козелъ шатаяся увидѣлъ мать жемчужну—
Такъ раковину всѣ жемчужную зовутъ —
И, почитая ту за вещь для всѣхъ ненужну,
Сказалъ съ насмѣшкою: «Ты, лежа вѣкъ свой тутъ,
«Какую сдѣлала, скажи ты мнѣ, услугу
«Земному кругу?
«А я всегда встаю съ зарею по утрамъ,
«Хожу пасти въ луга и лажу по горамъ
«День цѣлый.»
Отвѣтъ дала козлу и раковина смѣлый,
Сказавши такъ:
«Козелъ, дуракъ,
«Когда ты по горамъ, тварь глупая, бродила,
«Въ то время перло я жемчужное родила.»

2. ДВОЕ ПРОХОЖИХЪ И КЛАДЪ.

Прохожихъ двое шло дорогою одною;
Оставили пути ужъ много за спиною,
А впереди рѣка,
Мелка иль глубока,—
Не знаютъ прямо,
Лишь видятъ, что рѣка
Быстра и широка;
А за рѣкою зрятъ они статую тамо,
У коей ноги, станъ, грудь, ру̀ки, голова.
Подъ ней насѣчены на мраморѣ слова̀.

Но если скажетъ кто: рѣка течетъ широко,
И надписи едва ль возможетъ видѣть око,—
На то въ отвѣтъ:
Мой свѣтъ,
Иль мнишь, что у моихъ прохожихъ трубки нѣтъ?
Не думай такъ: они ее имѣли,
Такъ надпись разсмотрѣли;
А надпись такъ гласитъ: «Кто перейдетъ ко мнѣ,
«Тому не снилось и во снѣ,
«Колико подо мной онъ золота получитъ.»
Обоихъ жадность къ злату мучитъ.
Но одного изъ нихъ такъ разумъ учитъ:
«Рѣка мутна,
«Не видно дна;
«Такъ я, не зная броду,
«И кинусь въ воду;
«А если потону,
«Оставлю я дѣтей, оставлю я жену,
«Оставлю сиротами.
«Не йду къ тебѣ я, кладъ, такими воротами,
«Гдѣ много бѣдъ;
«Такъ ты не для меня и положенъ, мой свѣтъ!
«Зрю множество богатства,
«Да много и препятства;
«Хоть былъ бы милліонъ,
«Я больше жизнь люблю.» Такъ думалъ стоя онъ.
Другой, не разсуждая много,
Сказалъ: «Чѣмъ жить убого,
«Я лучше поплыву:
«Умру или богато поживу.»
Сказавъ сіи слова, пошелъ онъ въ воду прямо;
Такъ счастье не было отважному упрямо:
Рѣку онъ перешелъ и злато взялъ.
Другой, на берегу задумавшись, сказалъ:
«Я зрю, что счастіе о насъ не разсуждаетъ;
«Равно и дураковъ, какъ умныхъ, награждаетъ.»

3. ВОРЪ.

Мужикъ былъ плутъ,
Укралъ у палача
Ременный кнутъ.
Его поймали;
Не волоча,
То дѣло окончали;
Но какъ онъ былъ введенъ въ приказъ,
Такъ множество нашлось его тогда проказъ:
Онъ деньги у людей,
Въ церквахъ онъ кралъ иконы,
А нынѣ таковы законы:
Такихъ людей
Выводятъ, будто змѣй.
Сей кнутъ, что̀ воръ укралъ, ему же пригодился:
Онъ пытанъ тѣмъ кнутомъ,
Потомъ
И жизни воръ лишился.

Но сила басни въ томъ:
Когда по истинѣ дѣла вершиться станутъ,
Такъ воровать на вѣкъ злодѣи перестанутъ.

4. ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ О ЦАРѢ.

Лягушки нѣкогда Юпитера просили,
Чтобъ далъ онъ имъ царя;
А просьбу вотъ онѣ какую приносили
Правителю небесъ, со плачемъ говоря:
«Живемъ мы своевольно;
«Неправдъ у насъ довольно:
«У насъ
«На всякій часъ
«Другъ дружку ненавидятъ;
«Безсильныхъ сильные обидятъ;
«А сильный сильнаго считаетъ за врага,
«И кто кого смога̀,
«Такъ тотъ того въ рога;
«И словомъ, все у насъ наполнилось симъ ядомъ;

«Мы стали фуріи, болото стало адомъ.»
Зевесъ
Услышалъ просьбу ихъ съ небесъ
И ко просящему народу
Отрубокъ древа бросилъ въ воду,
Сказавъ: «Вотъ, бѣдна тварь,
«Вамъ дался царь.»
Чурбанъ отъ высоты упалъ и сдѣлалъ волны;
Лягушки, радости и страха полны,
Съ почтеньемъ на владыку зрятъ
И тако говорятъ:
«Теперь дадутся намъ полезные законы,
«Возстановятся здѣсь правдивые суды,
«И не останутся вдовы безъ обороны;
«Всѣ, словомъ, кончатся у насъ теперь бѣды.»
И, въ ожиданіи сего повсеминутномъ,
Лягушки много дней сидѣли въ блатѣ мутномъ,
Не выходя на свѣтъ.
Но все у нихъ равно: царя какъ будто нѣтъ.
Потомъ лягушекъ милліоны
Возстали и царю всѣ дѣлали поклоны.
Передъ царемъ тварь бѣдная дрожитъ,
А царь лежитъ,
Поклоновъ ихъ не примѣчаетъ
И ни словечушка на рѣчь не отвѣчаетъ,
Которую ему лягушки говорятъ.
Лягушки это зрятъ
И думаютъ, что ихъ владѣтель гордъ безмѣрно;
Однакожъ служатъ всѣ царю нелицемѣрно;
Притомъ,
Жалѣютъ лишь о томъ—
Угодна ли царю лягушечья услуга,
И вопрошаютъ всѣ другъ друга,
Ко уху говоря:
«Знать, царь не вѣдаетъ лягушечья языка;
«Повеселимъ царя,
«У насъ изрядная вокальная музыка.»
Запѣли всѣ; одна кричитъ,
Другая тутъ ворчитъ,
А третія хлехочетъ,

Четвертая хохочетъ,
Иная дребезжитъ.
Но царь лежитъ,
Музыки ихъ не внемлетъ
И головы, какъ мертвый, не подъемлетъ.
Лягушки цѣлый день кричали: «Кракъ, кракъ, кракъ!
«Конечно, царь нашъ почиваетъ.»
А царь и не дышитъ, и не зѣваетъ.
Сказали наконецъ: «Владѣтель нашъ дуракъ
«И ничего не знаетъ;
«Къ себѣ насъ не зоветъ и прочь не отгоняетъ.
«Приступимъ мы къ нему—
«Учить его уму.»
Но что за чудеса! Лишь ближе подошли,
Чурбанъ, а не царя въ царѣ своемъ нашли;
Въ противность всей природѣ,
Опять другъ дружку бьютъ.
Возсталъ опять мятежъ въ лягушечьемъ народѣ,
Опять безсильныя на небо вопіютъ:
«Умилосердися, Юпитеръ, надъ рабами!
«Смягчися нашими мольбами!
«Воззри на бѣдну тварь!
«Какой тобою данъ намъ царь?
«Онъ нашихъ бѣдъ не ощущаетъ,
«Обидимыхъ не защищаетъ.
«Пошли ты намъ царя,
«Который бы, на бѣдства наши зря,
«И царство управлялъ, какъ кормщикъ правитъ судно.»
Юпитеру не трудно
Спокоить тварь:
Послалъ аиста къ нимъ, и сталъ аистъ ихъ царь.
Принявъ престолъ, аистъ лягушекъ всѣхъ считаетъ,
Обидчиковъ хватаетъ
И ихъ глотаетъ.
Аисту царску честь
Даютъ безсильныя лягушки,
Что имъ истреблены обидчиковъ всѣхъ душки;
А царь ихъ всякій день не можетъ, чтобъ не ѣсть.
Такъ не осталося въ болотѣ ни лягушки.

5. РЫБАКЪ И ЩУКА.

Для птицъ силки становятъ,
Звѣрей въ тенета ловятъ,
Мышамъ становятъ пасть,
Чтобъ имъ въ нее попасть.
Подъячіе крючки имѣютъ,
Которыми ловить людей умѣютъ
И деньги съ нихъ берутъ;
Объ этомъ всѣ согласно врутъ.
А уду червякомъ прикроя,
Поймаешь лучшаго изъ рыбъ героя.
Рѣка
Мелка
Иль глубока—
Равно для рыбака:
Онъ можетъ поимать повсюду.
Рыбакъ лишь кинулъ въ омутъ уду,
Тутъ щука приплыла и уду тряхъ.
О, щука, для тебя не пища, смертный страхъ!
Ты хочешь червяка сорвать съ крючка и скушать,
Тварь бѣдну погубя;
Но если хочешь ты меня послушать,—
Побереги себя.

6. НАКАЗАНІЕ ВОРОЖЕѢ.

Несется вѣсть,
Что будто колдуны, конечно, въ свѣтѣ есть,
И если должно вѣрить,
Такъ долженъ я и самъ сіе за правду мѣрить;
А ежели за ложь пріемлютъ вѣсть сію,
Такъ я за что купилъ, за то и продаю.
Село стояло,
Велико или мало—
Того не знаю я,
Лишь знаю, что въ селѣ жила ворожея,
Котора дьяволамъ на жертву приносила
Прокляты ворожбы,
И черезъ то ей дьявольская сила

Покорна такъ была, какъ барынѣ рабы.
Она могла луну лишати свѣта,
Деревья изсушать средь лѣта,
Чрезъ дьявольскую мочь
Изъ дня творила ночь,
А по зимамъ цвѣты произрастала
И ворожбой своей блистала.
Въ ея послушности былъ Стиксъ и Ахеронъ,
И самъ Харонъ
По повелѣнію ея людей изъ свѣта
Перевозилъ во адъ въ цвѣтущія ихъ лѣта,
Погибнувшихъ различными смертьми;
И словомъ, баба эта
Была царица надъ чертьми.
У сей ворожеи пропала вещь бездѣльна —
Любимая ея собачка вдругъ постельна.
Несносная печаль!
Собачки жаль.
Съ печали баба чуть зѣваетъ,
Наводитъ ночь,
Діаволовъ къ себѣ изъ ада призываетъ
И имъ повелѣваетъ
Себѣ помочь
Чрезъ дьявольскую мочь.
Земныя нѣдры отворились,
И вѣтры въ воздухъ устремились,
Нагнали грозны облака;
Ліется молнія, какъ огненна рѣка,
Предѣлы свѣта попалить готова,
И только ждетъ колдуньина лишь слова,
Что скажетъ ей она.
Прибѣгли духи всѣ и самъ къ ней сатана
И въ трепетѣ сіе вѣщаетъ:
«Вселенну гибель устрашаетъ;
«Ты можешь все сожечь.»
Ворожея не только внемлетъ рѣчь,
Не дѣлаетъ и къ сожалѣнью знака;
Ворчитъ: «Мнѣ нужды нѣтъ,
«Пускай погибнетъ свѣтъ,
«Лишь только мнѣ сыщись любезная собака.»
Но что потомъ?

Блеснула молнія, и грянулъ громъ,
Убилъ ворожею и сжегъ ея весь домъ;
Вселенна въ цѣлости осталась;
Собака вѣчно не сыскалась.
Разбѣглись дьяволы, какъ лестные друзья,
Погибла изо всѣхъ одна ворожея.

Читатель, воленъ ты, тебѣ и думать вольно,
Что въ свѣтѣ есть довольно
Сей
Подобныхъ ворожей,
Которыя рачатъ о пользѣ не чужей,
А только о своей.

7. ПОВАРЪ И ПОРТНОЙ.

Удобнѣй повару и жарить, и варить,
Какъ о поваренномъ портному говорить.

Не знаю было гдѣ, въ Литвѣ ли, или въ Польшѣ,
Тотъ вѣдаетъ про то, кто вѣдаетъ побольше;
Я знаю только то, что ѣхалъ панъ,
А ѣхалъ изъ гостей, такъ ѣхалъ пьянъ.
На встрѣчу вдругъ прохожей,
И сшелся съ паномъ — рожа съ рожей.
Панъ спѣсью и виномъ надутъ.
Подъ паномъ двое слугъ коня его ведутъ.
Конь гордо выступаетъ,
Панъ въ спѣси утопаетъ,
Подобно какъ пѣтухъ.
За паномъ много ѣдетъ слугъ.
А встрѣтившійся съ нимъ въ одеждѣ йдетъ скудной.
Панъ спрашивалъ его, какъ человѣкъ разсудной:
«Какое ремесло имѣешь за собой?»
«Приспѣшникъ, государь, стоитъ передъ тобой.»
«Коль такъ, отвѣтствуй мнѣ, доколь не плюну въ рожу:
«Когда приспѣшникъ ты, такъ знаешь ли ты вкусъ,
«Что почитаешь ты за лучшій вкусъ?»
«У жаренаго поросенка кожу»,
Отвѣтствовалъ приспѣшникъ такъ.
«Ты—поваръ не дуракъ»,
Панъ говорилъ ему,—«и далъ отвѣтъ мнѣ смѣло;
«Поэтому свое ты прямо знаешь дѣло.»

И по словахъ его панъ щедро наградилъ,
Подобно какъ отецъ, хотя и не родилъ.
Приспѣшникъ съ радости мой, поднимая ноги,
Помчался вдоль дороги.
На встрѣчу повару дорогой шелъ одной —
А кто? Портной.
Знакомцы оба,
Притомъ же и друзья, хотя и не до гроба,
Однакоже друзья.
«Куда ты, братъ Илья,
«Бѣжишь поспѣшно?»
Другой отвѣтствуетъ: «Теперь ужъ я
«Скажу смѣленько, братъ, что мастерство приспѣшно
«Получше твоего;
«Не знаешь ничего
«Ты, пьяница Петрушка,
«Что будетъ у Ильи великая пирушка!
«Взгляни на мой карманъ.
«Довольны мы съ женою оба,
«И не прожить намъ съ ней до гроба,
«Что далъ намъ панъ,
«Который лишь теперь проѣхалъ пьянъ.»
И вытянулъ мѣшокъ со златомъ онъ съ лисенка.
«Вотъ что отъ пана я досталъ за поросенка!»
И денежки въ мѣшечкѣ показалъ,
Притомъ все бытіе пріятелю сказалъ.
Портной, на деньги глядя, таетъ,
Изъ зависти онъ много ихъ считаетъ
И помышляетъ такъ:
«Конечно, панъ—дуракъ,
«Что далъ за поросенка
«Мѣшокъ онъ золота съ лисенка;
«И самъ я побѣгу
«И господина настигу;
«И если мудрость вся лишь въ кожѣ поросячей,
«Такъ я его обрѣю, какъ подъячей.»
Сказавъ сіи слова,
Пустилась въ путь безумна голова.
Панъ ѣхалъ тихо,
Портной бѣжалъ мой лихо

Общество Народного Просвещения

И въ мигъ
Боярина настигъ.
Кричитъ: «Постой, бояринъ!
«Я не Татаринъ
«И не срублю;
«Я не имѣю сабли,
«Не погублю.
«Всѣ члены у меня въ бѣжаніи ослабли.
«Приспѣшникъ я, не воръ.»
Панъ слышалъ разговоръ
И, видя за спиною
Бѣгущаго не вора съ дубиною,
Коня сдержалъ.
Портняжка прибѣжалъ,
Пыхтитъ и, какъ собака, рьяетъ,
И чуть зѣваетъ,
Лишася бѣгомъ силъ.
Тогда его бояринъ вопросилъ:
«Зачѣмъ ты, скотъ, за мною
«Безъ памяти бѣжалъ?
«Лишь только ты меня, безумецъ, испужалъ;
«Я думалъ, что бѣжитъ разбойникъ съ дубиною.»
Портняжка говоритъ: «Не воръ я, государь!»
А панъ ему на то: «Какая же ты тварь?»
«Я мастерство, сказалъ, — приспѣшное имѣю
«И хорошо варить и жарить я умѣю.»
Панъ тотчасъ вопросилъ: «Что слаще у быка?»
Сказалъ безумецъ: «Кожа.»
Тотчасъ раздулися у повара бока и рожа,
И брюхо, и спина,
Плетьми ободрана.
Пошелъ портняжка прочь неспѣшно
И плачетъ неутѣшно —
Клянетъ боярина и мастерство приспѣшно.

8. КОНЬ ЗНАТНОЙ ПОРОДЫ.

Два проданы коня,
Какіе—лишь о томъ не спрашивай меня.
Одинъ былъ въ нихъ хорошъ, другой похуже;

Такъ за худого дать неможно цѣну ту же,
Какая за коня хорошаго дана;
Коль хуже былъ собой, такъ меньше и цѣна.
Хорошаго коня поставили на стойло,
Всегда довольный кормъ даютъ ему и пойло.
Конемъ любуется всечасно господинъ.
Конь, будто дворянинъ,
Пьетъ, ѣстъ, гуляетъ въ полѣ,
И поднимаетъ носъ.
Другой, всегда въ неволѣ,
Таскаетъ на себѣ грязь, воду и навозъ.
Коню то стало скучно,
Что онъ съ трудами неразлучно;
Наскучила навозна вонь;
Хозяину пѣняетъ конь:
«Конечно, моего не вѣдаешь ты роду,
«Что возишь ты на мнѣ навозъ всегда и воду;
«А если бы моихъ ты праотцевъ узналъ,
«Конечно бъ, предъ конемъ ты первенство мнѣ далъ,
«Котораго купилъ со мною ты недавно;
«Рожденіе мое, конечно, съ нимъ не равно.
Меня
«Такого у себя имѣешь ты коня,
«Которому Пегасъ и Буцефалъ родня;
«Такъ можетъ ли тотъ конь въ равѐнствѣ быть со мною?»
Хозяинъ вдругъ пресѣкъ рѣчь конску дубинòю;
Ударивъ по спинѣ,
Сказалъ: «Нѣтъ нужды мнѣ
«До знàтнѣйшаго роду;
«Цѣна твоя велитъ, чтобъ ты таскалъ вѣкъ воду.»

9. МЕДВѢДЬ, ВОЛКЪ И ЛИСИЦА.

Съ богатымъ не сварись,
А съ сильнымъ не борись —
Стариное еще сіе нравоученье.
Читатель, примѣчай въ сей баснѣ приключенье.

Медвѣдь, лисица, волкъ
Пошли на промыселъ иль лучше на ловитву;

Да только во звѣряхъ не тотъ, что въ людяхъ толкъ,
Мы ходимъ со двора, всегда творя молитву.
Молитвы утренни судья въ дому прочтя,
Ужъ смѣло дѣлаетъ неправду, лобъ крестя;
Хотя виновнаго за деньги и оправитъ,
Но за молитву то Господь ему оставитъ.
«Судья вѣдь человѣкъ;
«Коль съ правдой жить ему, такъ жить безъ хлѣба вѣкъ,»
Такъ часто говорятъ бездушники и плуты,
И деньгами чрезъ то карманы ихъ надуты;
Но у звѣрей не такъ,
Да вотъ, скажу я, какъ:
У насъ уставъ —
Богатый правъ;
У нихъ уставъ:
Кто силенъ — правъ.
Но разсужденіе теперь сіе оставимъ,
Да сказку къ этому старинную приставимъ.
Какъ только въ океанъ сокрыло солнце свѣтъ,
Медвѣдь, лисица, волкъ пошли искать обѣдъ,
Но счастья нѣтъ:
Не йдетъ обѣдъ;
А попадались имъ все волки жъ да медвѣди,
Которые себѣ такой же ищутъ снѣди.
Ужъ близокъ свѣтъ:
Обѣда нѣтъ.
Товарищи въ печалѣ,
Пошли подалѣ
Искать ѣды;
Нашли слѣды
Ни заячьи и ни овечьи
Слѣды, да человѣчьи,
А именно мужикъ,
Который ѣхалъ на телегѣ
И полоть ветчины съ телѣги потерялъ,
Когда въ лѣсу стоялъ
Онъ на ночлегѣ.
Лишь только что медвѣдь приникъ,
Какое счастье вдругъ явилось....
Но не во снѣ ль то снилось?

Увидѣлъ: полоть ветчины
Лежитъ
Среди дороги;
Бѣжитъ
Медвѣдь, поднявши ноги;
За нимъ лиса и волкъ. Но голодъ утолить
Не льзя: какъ на-трое дѣлить?
И ежели сказать нескрытно —
Какъ одному, такъ сытно.
«Такъ станемъ разбирать мы лѣта, не чины, —
Лиса сказала,—
«И кто постарѣ въ семъ чину,
«Тотъ ѣшь и ветчину.»
Люба рѣчь волку стала;
Но старшинство по лѣтамъ чтобъ имѣть,
Молчитъ одинъ медвѣдь.
Межъ тѣмъ сказала имъ лиса словами сими:
«Не льзя считаться вамъ со лѣтами моими;
«Женился какъ Адамъ, и Евва замужъ шла,
«Я не послѣднею на свадьбѣ ихъ была:
«Была вторая дама.»
А волкъ сказалъ въ отвѣтъ:
«Я старѣе тебя и твоего Адама:
«Какъ зачался лишь свѣтъ,
«А я былъ сѣдъ.»
Медвѣдь то видитъ,
Что старшинствомъ ихъ не обидитъ,
Онъ полоть въ лапу взялъ,
А самъ имъ такъ сказалъ:
«Любезная лиса и ты, дружечекъ мой,
«Хотя я васъ моложе,
«И нѣту у меня волосъ сѣдыхъ на кожѣ,
«Подите отъ меня безспорно вы домой,
«А полоть мой.»

10. ВОРЪ И ПОДЪЯЧІЙ.

Пойманъ воръ въ разбоѣ,
Имѣлъ поличное, колечко золотое,
Которое предъ тѣмъ съ подъячаго склевалъ

Въ ту ночь, какъ воръ сего воришка разбивалъ;
Хотя подъячаго такъ звать неосторожно,
Однакожъ взятки ихъ почесть разбоемъ можно:
Затѣмъ я назвалъ такъ.
Подъячій не дуракъ,
Да только что бездѣльникъ;
Онъ вора обличалъ,
Что точно у него кольцо свое узналъ,
И съ тѣмъ еще другихъ пожитковъ онъ искалъ.
На то въ отвѣтъ сказалъ подъячему мошенникъ:
«Когда меня за то достоитъ бить кнутомъ,
«Такъ должно и тебя пытать, подъячій, въ томъ:
«Когда родитель твой жилъ очень небогато,
«Откуда жъ у тебя сіе взялося злато?
«Разбойникъ я ночной,
«А ты дневной;
«Скажу я и безъ пытки,
«Что я пожитки
«У вора кралъ,
«Который всѣхъ людей безвинныхъ обиралъ.
«Съ тобою мы равны, хоть на вѣсахъ насъ взвѣсить;
«И если должно насъ, такъ обоихъ повѣсить.»

11. СКУПОЙ.

Живалъ-бывалъ старикъ, а въ немъ была душа,
Котора издержать жалѣла и гроша;
Чрезъ что скопилъ себѣ онъ денегъ много
И столько строго,
Какъ стоикъ, жилъ,
Ѣлъ хлѣбъ и воду пилъ,
И только мой старикъ лишь денежки копилъ
И ихъ любилъ,
Любилъ онъ страстно;
И держитъ ихъ—ему казалося—напрасно;
Но пользы нѣтъ,
Хотя бъ во области имѣлъ онъ цѣлый свѣтъ,
И злата бъ множество въ дому его лежало:

Скупому прибыли въ богатствѣ нѣтъ ни мало.
Онъ —
Какъ Моліеровъ Гарпагонъ,
Или каковъ у Федра есть драконъ,
Который на своемъ богатствѣ почиваетъ,
А Сумароковъ называетъ
Такого дуракомъ
И стражемъ своего имѣнья,
Которому въ немъ нѣтъ увеселенья.
Дѣтина съ старикомъ
Былъ свой или знакомъ -
За подлинно я васъ не увѣряю,
А только прежнее я слово повторяю:
Дѣтина съ старикомъ въ единомъ домѣ жилъ
И спалъ съ нимъ на одной постелѣ,
А пилъ и ѣлъ ту жъ воду, тотъ же хлѣбъ,
Чрезъ что душа едва держалась въ тѣлѣ;
Но взять дѣтинѣ гдѣ бъ
Послаще съѣсть кусокъ? Ужъ скучилъ той онъ пищей.
Скупой живетъ, какъ нищій;
Всѣ деньги заключилъ
Въ неволѣ у себя, безъ прибыли народу,
Безъ пользы и себѣ, ѣстъ хлѣбъ, и пьетъ онъ воду.
Дѣтина ту тюрьму хотѣлъ освободить
И бѣдныхъ плѣнниковъ на волю испустить,
Старается о томъ и денно онъ, и нощно,
Влюбился въ денежки дѣтина и заочно;
Желаетъ страстно онъ мѣшки пересчитать,
И сталъ онъ наконецъ любовникъ, а не тать,
Имѣя сердце нѣжно,
Старается прилежно.
Дѣтина былъ удалъ;
Онъ, время улуча, желанье исполняетъ:
Взялъ деньги, а мѣшки пескомъ всѣ наполняетъ,
А деньгамъ волю далъ;
Старикъ еще сего несчастія не знаетъ,
Мѣшки свои съ пескомъ за деньги почитаетъ.
Но нѣкогда онъ класть проценты вскрылъ сундукъ,
Поворотя мѣшокъ, не тотъ услышалъ стукъ,
Кой прежде въ немъ бывалъ. Старикъ тутъ удивился,
Вскричалъ: «Ахти, пропалъ я, денежекъ лишился!»

Въ безпамятствѣ упалъ.
Опомнясь и въ тоскѣ, у петли ужъ стоялъ:
Онъ съ деньгами хотѣлъ и живота лишиться.
Дѣтина тутъ сказалъ: «Доколь тебѣ крушиться?
«Невозвратимо что̀,
«Жалѣть о томъ почто?
«Престань, одумайся, прерви рыданье слезно,
«Вѣдь деньги у тебя лежали безполезно.
«Богатства для тебя довольно въ сундукѣ,
«И надобность одна—что въ деньгахъ, что въ пескѣ.»

12. ЕЗОПЪ ТОЛКУЕТЪ ДУХОВНУЮ.

У Федра басню я читалъ подобну этой,
Которую писать намѣренъ я теперь.
Сказать вамъ не могу отца того примѣтой,
Который у себя имѣлъ едину дщерь;
И наконецъ
При старости отецъ
Впалъ въ тяжкую болѣзнь и, жизнь отъ ней кончая,
Душеприкащику онъ дочь свою вручая,
Завѣщаваетъ такъ:
«Когда ты дочь мою, пріятель, воспитаешь,
«То дружбы въ знакъ
«Отдай ей только то, что самъ ты пожелаешь,
«А прочее мое
«Имѣніе—твое.»
И въ силѣ таковой духовную сложили,
И руки оба къ ней безспорно приложили.
Пришелъ конецъ:
Преставился у дѣвушки отецъ,
А дочь, богатство и супруга
Осталися въ рукахъ у истиннаго друга,
Который мнитъ:
Пріятель спитъ,
И спитъ онъ вѣчно.
Такъ я жену и дочь немножко поучу,
Богатство ухвачу,
И съ нимъ куда хочу,
Туда и полечу

И буду жить безпечно.
Намѣреніе толь его безчеловѣчно
Услышала оставшая жена;
Напастью сражена,
Печали не стерпя, скончалась и она
И спитъ ужъ также вѣчно.
Минуло много дней, а, можетъ быть, и лѣтъ:
Пора исполнити пріятельскій завѣтъ.
Душеприкащикъ мой явить духовну хочетъ
И дочь умершаго на волю отпустить,
А дружнее себѣ имѣнье ухватить;
Но дочь хлопочетъ,
Имѣнія всего отдать ему не хочетъ,
А проситъ, чтобъ онъ ей хоть половину далъ.
Но онъ на взятки былъ удалъ
И не послѣдній въ оныхъ родѣ.
Пришло ему явить духовную въ народѣ.
Онъ съ ней
Пришелъ передъ судей
И говоритъ: «Отецъ ея мнѣ далъ на волю:
«Какую я хочу, такую ей оставлю долю,
«А прочее имѣніе — мое.»
Судьи, потолковавъ писаніе сіе,
Спросили: «Много ли ты хочешь ей оставить?
«Чтобъ жадностью себя мнѣ вѣчно не ославить
«И не явить къ имѣнью страсть,
«Даю я ей десяту часть.»
Судьи къ духовной приступили
И умъ свой о сію духовну притупили,
И наконецъ ее руками закрѣпили,
Дабы владѣлъ всякъ долею своей.
Не нравенъ приговоръ казался дѣвкѣ сей;
Не перекочкавши ни истца, ни судей,
Заплакавъ слезно,
Пошла и жалобы творила безполезно.
Сердца вѣдь у судей
Не такъ какъ у людей:
Они на слезы не взираютъ
И всѣ дѣла безстрастно разбираютъ.
Привычка дѣлаетъ искуснѣйшихъ судей,
Привычка дѣлаетъ безсовѣстныхъ людей.

Пошла бѣдняжка вонъ, на злобу плачась Богу.
Пошелъ бездѣльникъ вонъ, творя себѣ дорогу,
И грудь несетъ такъ гордо, будто зобъ.
На встрѣчу имъ Езопъ;
Увѣдавъ бѣдныя несчастія причину:
«Постойте, я сниму съ сей хитрости личину
«И разрушу̀ твою, дѣвица, всю кручину.
«Духовная гласитъ твоя не то;
«Пойдемъ назадъ къ судьямъ, такъ я скажу вамъ, что̀
«Она въ себѣ имѣетъ,
«Лишь разсудить ее не всякій разумѣетъ.»
Вернулась дѣвушка, Езопъ и весь народъ,
Стучатся у воротъ
Той камеры, судьи гдѣ засѣдаютъ
И важныя дѣла рѣшатъ и разсуждаютъ;
Отверзлись наконецъ судейскія врата,
Вступила ко судья̀мъ пришедшая чета.
«Зачѣмъ ты, дѣвушка, пришла сюда обратно?
«Не станемъ для тебя рѣшить мы то стократно;
«Что̀ всѣмъ собраніемъ однажды суждено,
«То будетъ и дано,
«А больше нѣтъ.»
Езоповъ на сіе такой имъ былъ отвѣтъ:
«Послушайте, судьѝ, что́ вамъ Езопъ разскажетъ,
«И узелъ вамъ духовныя развяжетъ,
«И изъяснитъ ея вамъ толкъ.»
Соборъ судей замолкъ,
А имъ Езопъ рѣчь тако начинаетъ:
«Кто точную сея духовной силу знаетъ?
«Она гласитъ, чтобъ то наслѣдницѣ отдать,
«Чего захочетъ тотъ себѣ безбожный тать.
«Исполните жъ теперь, судьи отцову волю:
«Ему имѣнія десяту дайте долю,
«А прочее добро,
«Помѣстье, злато и сребро,
«Отдайте дочери несчастной.»
Сей толкъ былъ ненапрасной:
Бездушника того вернули предъ судей
И приговоромъ всѣхъ людей
Имѣніе отца дѣвицѣ возвратили,
А душевредника въ темницу посадили.

13. ДѢТИНА И КОНЬ.

Дѣтина на конѣ, имѣя умъ незрѣлый,
Скакалъ день цѣлый
Во всю коневью мочь.
Приходитъ ночь,
Лошадушка устала,
Скакать потише стала
И шла шагòмъ.
Внезапно съ стороны набѣгли воры.
Дѣтина—трусъ сражаться со врагомъ;
Даетъ лошадкѣ шпоры
И плетью бьетъ.
Лошадушка не йдетъ
И говоритъ дѣтинѣ:
«Моей ужъ мочи нѣтъ,
«Хоть бей, хоть нѣтъ меня по спинѣ;
«Когда бъ ты давича умѣлъ меня беречь
«И не давалъ мнѣ муки,
«Не отдала бъ теперь тебя вòрамъ я въ руки.»

Читатель, примѣчай, къ чему моя здѣсь рѣчь:
Кто въ юности свои пороки побѣждаетъ,
Тотъ въ старости свой вѣкъ покойно провождаетъ.

14. НЕРОНУ ОСТРЫЙ ОТВѢТЪ ДВОРЯНИНА, ПРІѢХАВШАГО ВЪ РИМЪ.

Насмѣшка вредная бываетъ иногда
Причиной самому насмѣшнику вреда.
Ко Нèрону одинъ представленъ былъ дѣтина,
Похожій на него и ростомъ, и лицомъ;
А Нèронъ всѣмъ была извѣстная скотина,
Онъ матерью своей ругался и отцомъ.
Съ насмѣшкой сей тиранъ дѣтину вопрошаетъ:
«Скажи пожалуй мнѣ всю правду, молодецъ,
«Бывала ль въ Римѣ мать твоя, какъ мой отецъ
«Владѣлъ престоломъ симъ?» Дѣтина отвѣчаетъ:
«Какъ Клàвдіи носилъ порфиру и вѣнецъ,
«Тогда въ Римъ мать моя не ѣздила ни разу,
«А только мнòгажды по цесарску указу
«Пріѣзживалъ сюда покойный мой отецъ.»

15. СОРОКА, ГАЛКА И СОЯ.

Сорока съ галкою нашли кусокъ добра,
Мѣшечекъ серебра,
И сидючи щекочутъ,
Другъ другу уступить не хочутъ.
Такъ йдетъ споръ у обойхъ.
Летѣла соя мимо ихъ,
Спустилася проворно.
«О чемъ, сестрицы, такъ вы спорите задорно?»
Сорока съ галкою сказали ей въ отвѣтъ:
«Сестрица, ты нашъ свѣтъ,
«Дружечекъ,
«Нашли мы сей мѣшечекъ,
«И намъ принадлежитъ онъ обоймъ,
«А раздѣлить мы не умѣемъ —
«Затѣмъ и споръ имѣемъ.»
Сказала соя имъ:
«Голубушки сестрицы,
«Разумныя вы птицы,
«Обѣихъ васъ люблю,
«Позвольте мнѣ, я васъ обѣихъ раздѣлю;
«Скажите правду мнѣ и не утайте дѣла:
«Которая сперва къ мѣшечку прилетѣла?»
Тутъ обѣ говорятъ предъ соей: «Я сперва
«Къ находкѣ прилетѣла.»
«Такъ мнѣ не разобрать, сестры̀, межъ вами дѣла.
«Вспорхните жъ вы отсель и сядьте на древа,
«И коя прилетитъ при мнѣ къ находкѣ прежде,
«Той будетъ серебро.» Вспорхнули въ той надеждѣ.
Но соя къ серебру полакомѣе ихъ,
Схватя мѣшокъ и сестръ оставя обойхъ,
Внезапно улетѣла,
А дѣло ихъ рѣшить по времени хотѣла.
Съ того часа̀ между людей несется рѣчь,
Что должно серебро отъ этихъ птицъ беречь,
Которыя по всѣмъ домамъ теперь летаютъ,
И если деньги гдѣ на окнахъ обрѣтаютъ,
Себѣ хватаютъ,
Затѣмъ что ихъ онѣ своими почитаютъ.

16. ГОЛОВА И НОГИ.

Средь склизкія дороги
Разспорилися ноги
И упрекались, такъ другъ другу говоря:
«Ты бъ, свѣтъ мой, безъ меня ни разу не ступила,
«Когда бы я себя къ землѣ не прилѣпила.»
И тако йдетъ пря,
Но какъ они главу имѣли за царя,
То споръ свой разрѣшить судомъ ея хотѣли
И тотчасъ ихъ слова во уши прилетѣли.
Сей умный царь ихъ споръ симъ словомъ развязалъ
И повелительно обѣимъ имъ сказалъ:
«Вы такъ сотворены премудрою судьбою,
«Чтобъ жить въ согласіи вамъ вѣкъ между собою.
«То если кончится согласіе межъ васъ,
«Мнѣ будетъ вредъ и вамъ.» Онѣ, сей слыша гласъ,
Пошли, дорогою другъ друга сберегая,
И такъ дошли онѣ дороги склизкой края.

Баснь учитъ быть судьбѣ послушнымъ намъ всегда,
И тако мы свой вѣкъ пробудемъ безъ вреда.

17. ЛЕСТНЫЕ ДРУЗЬЯ.

Подите вы сюда, о, лестные друзья,
И баснѣ сей внимайте,
Которую теперь сказать намѣренъ я;
Оставьте вы меня и вѣчно не замайте.
Примѣра вамъ искалъ, но лучше нѣтъ,
Какъ вешній ледъ,
Которымъ ѣхать мнѣ случилось ненарокомъ
Черезъ рѣку,
А именно Оку,
И въ самомъ мѣстѣ преширокомъ
Ледъ толстъ и зрился быть надеженъ;
Но вешній ледъ хотя и толстъ, да нѣженъ;
И такъ его я тверда быти мнилъ,
Сей льстецъ меня собой проѣхать заманилъ;
Ужъ ѣхалъ я рѣки на половинѣ —
О, небо, страшно мнѣ подумать то и нынѣ —

Разрушился сей ледъ внезапно подо мной,
И я, конечно бы, покрылся глубиной,
Когда бъ съ младенчества я плавать не учился.
Мой рокъ черезъ мое проворство умягчился;
Я выплылъ, и опять я выбился на ледъ.
О, Боже, сохрани отъ сихъ меня двухъ бѣдъ!

18. РОЗА И ЗМѢЯ.

Какъ нѣкогда змѣя такъ розѣ говорила:
«Натура насъ съ тобой подобныхъ сотворила:
«Ты жалишься, какъ я.»
Тогда въ отвѣтѣ рѣчь была змѣѣ сія:
«Злохитрая змѣя,
«Напрасно ты себя ко мнѣ приткнула бокомъ
«И хочешь замарать меня своимъ порокомъ:
«Я жалю только тѣхъ,
«Которые меня съ невѣжествомъ ломаютъ,
«А ты, хотя тебя и вѣчно не замаютъ,
«Ты жалишь всѣхъ.»

Читатель мой, внемли, что пѣла лира:
Змѣя—преподлая, а роза—умная сатира.

19. СОВА.

Въ пространный лѣсъ
Занесъ сову лукавый бѣсъ,
Въ которомъ до того ужъ пташечки бывали
И пѣсни сладкія пѣвали.
Взгордясь, сова
Такія говоритъ слова:
«Хотя я нотъ не разумѣю,
«А пѣть не хуже я кого умѣю.»
Совѣ не надобенъ совѣтъ,
Всѣхъ пташечекъ зоветъ
Послушать гласа,
Какъ будто бы она спустилася съ Парнасса.
Слетѣлись птицы всѣ по зву
Услышати сову;

Но только что сова лишь ротъ свой растворила,
Какую кашу заварила.
Всѣ птицы въ оный часъ
Бранили совушку и мерзкій ѐя гласъ,
И всѣ взнегодовали.
«Зачѣмъ насъ, говорятъ,—зачѣмъ насъ созывали?
«Когда бъ, безумна, ты чрезъ зовъ не собрала,
«Тогда бъ врала
«Ты что̀ хотѣла;
«Намъ не было бы дѣла;
«Или ты удивить тѣхъ птичекъ прилетѣла,
«Которыя слыхали соловья?»

А къ этому примолвлю я:
Кто дѣло силъ своихъ превыше затѣваетъ,
Тотъ такъ же посрамленъ, какъ совушка, бываетъ.

20. КОРАБЛЬ И ЛОДКА.

Невдалекѣ
Корабль да лодочка стояли на рѣкѣ,
И, вздернувъ носъ,
Сей лодка кораблю содѣлала вопросъ:
«Не думаешь ли ты, что я тебя похуже?
«Хоть я тебя собой поменьше и поуже,
«Но храбрость я въ себѣ имѣю ту же,
«Какую, великанъ, въ себѣ имѣешь ты:
«Я также плаваю, какъ ты, въ пространномъ морѣ,
«И ежели со мной ты хочешь стать въ семъ спорѣ,
«Пойдемъ, отвѣдаемъ своихъ мы тамо силъ,
«И какъ бы вѣтръ меня по понту ни носилъ,
«То вѣрь, дружечекъ мой, что я не ослабѣю
«И предъ величествомъ твоимъ не оробѣю.»
Окончивъ разговоръ,
Пошли окончить споръ
И вышли въ море;
А на морѣ возстала буря вскорѣ:
Ужасный вѣтръ реветъ,
И гладкій водъ хребетъ
Перемѣнился въ горы,

Пловцевъ покрылись мракомъ взоры,
И парусы всѣ буря рветъ.
Трещитъ корабль, и рвутся всѣ веревки,
Пришло не до издѣвки.
Но лодкѣ съ кораблемъ силъ равныхъ не дано,
И окончаніе ихъ было не одно:
Корабль по бурѣ цѣлъ, а лодочка на дно.

Великая душа въ напастяхъ познается,
Какая отъ небесъ не всякому дается.

21. ЛЕВЪ, ЗВАНЫЙ КЪ МАРТЫШКѢ НА ОБѢДЪ.

Мартышкѣ вздумалось льва кушать попросить,—
А левъ кого съ собой захочетъ пригласить,
Мартышка будетъ рада.
Межъ прочими звѣрьми левъ звалъ быка изъ стада,
Чтобъ онъ со львомъ
Пошелъ къ мартышкѣ въ домъ
Откушать.
Быкъ долженъ льва послушать,
Сбирается мартышку посѣтить
И мнитъ: «Мнѣ надобно рога позолотить;
«Мой родъ на свѣтѣ знатенъ;
«Такъ должно, чтобы я мартышкѣ былъ пріятенъ.»
Въ безмѣрной гордости слова сіи вѣщалъ
И удовольствіе заранѣ ощущалъ,
Какъ будетъ передъ нимъ мартышка уклоняться
И золотымъ рогамъ въ восторгѣ удивляться.
Итако быкъ,
Который завсегда дурачиться обыкъ,
Пошелъ къ мартышкѣ львовъ приходъ предупредить,
Чтобъ тѣмъ въ мартышечьемъ страхъ сердцѣ возбудить;
Пришелъ и говоритъ:
«Мартышка, я тебя счастливой сотворилъ
«Моимъ приходомъ.»
Потомъ быкъ началъ хвастать родомъ,
Кто прадѣдъ, дѣдъ и кто его отецъ,
И наконецъ
Каковъ и самъ онъ славенъ,

И что онъ льву едва ли что не равенъ.
На всѣ слова его
Мартышка говоритъ: «Не знаю ничего
«О родѣ я твоемъ; я и тебя не знаю,
«А только одного я льва лишь почитаю.
«Издревле знаменитъ здѣсь въ родѣ онъ своемъ,
«А храбростью своей гремитъ во свѣтѣ всемъ.
«Пристойно ли тебѣ, о, быкъ, со львомъ сравниться?
«Его весь свѣтъ боится,
«Тебя ни кто,
«И роги ты свои, скажи, златилъ на что?»

Читатели мои, я вамъ напоминаю,
Что этакихъ быковъ довольно въ свѣтѣ знаю,
Которы мнятъ, что свѣтъ тряхнутъ своей рукой,
А ихъ въ одномъ селѣ не знаютъ за рѣкой.

22. О ХУЛИТЕЛѢ ЧУЖИХЪ ДѢЛЪ.

О, вы, охотники другихъ дѣла судить,
Внемлите, я хочу васъ басней наградить.
Какъ сами хочете вы, такъ ее толкуйте
И по привычкѣ злой меня покритикуйте.
Хвалъ вашихъ не хочу,
Доволенъ только тѣмъ, что я васъ поучу.
Въ великолѣпномъ домѣ
Жилъ нѣкакій старикъ,
Который завсегда къ работѣ пріобыкъ,
А спалъ онъ на соломѣ.
У стараго была старуха и жена.
Старухѣ въ голову вложилъ самъ сатана
Завидовать боярской нѣгѣ,
И говоритъ: «Мы спимъ въ худомъ наслегѣ,
«Бояринъ нашъ всегда лежитъ въ пуховикѣ,
«И съ барыней, какъ мышь, зарылся онъ въ мукѣ.
«Онъ насыщается всегда хорошимъ вкусомъ,
«А мы питаемся негоднымъ самымъ кусомъ.»
Старикъ на то въ отвѣтъ: «Я барину не братъ.»
Старуха сѣтуетъ: «Адамъ въ томъ виноватъ,
«Что мы съ боярами живемъ не въ равной долѣ.»

«Неправда, отвѣчалъ старикъ,—но Ева болѣ
Виновна нашей долѣ:
Когда бъ она его заказаннымъ плодомъ
Въ раю не искусила,
Такъ былъ бы рай нашъ домъ:
Я дровъ бы не рубилъ, а ты бы не носила,
И жилъ бы я въ раю, какъ знатный дворянинъ.»
Подслушавъ ихъ слова тихонько, господинъ
Велѣлъ тотчасъ давать имъ честь съ собой едину:
Старухѣ не гнетутъ дрова горбату спину,
Старикъ не рубитъ дровъ,
Она ихъ не таскаетъ;
Имъ столъ всегда готовъ,
И мягко старичокъ съ старушкой почиваетъ.
На дюжинѣ имъ блюдъ
Пирожнаго съ жаркимъ и соусомъ даютъ.
Но только промежъ тѣмъ становливалась чаша,
Закрытая всегда. «Такъ то ѣда не ваша»,
Бояринъ имъ сказалъ
И раскрывать ее имъ крѣпко заказалъ.
Довольны старички сей пищей близъ недѣли.
Старуха говоритъ: «Изъ чашки мы не ѣли;
Знать пища въ ней другихъ послаще вложена;
Отвѣдаемъ ее. Старикъ на то: «Жена,
«Вить баринъ заказалъ вскрывать намъ это блюдо;
«А ежели его мы вскроемъ, будетъ худо.»
«И, батька, старичокъ, худой въ тебѣ проворъ;
«Кто вынесетъ сей соръ изъ горницы на дворъ,
«Что въ чашу мы глядѣли?
«Вить мы еще ее глазами не поѣли,
«Мы прежде поглядимъ,
«И ежели намъ льзя, такъ мы и поядимъ,
«А ежели не льзя, такъ мы закроемъ,
«Глазами ничего мы въ ней не перероемъ.»
И такъ старуха тутъ упѣла старика.
Надъ крышку накнеслась продерзкая рука;
Уже вскрывается заказанная миса...
Увы, изъ мисы вдругъ вонъ выскочила крыса
И въ щель ушла.
Бѣда пришла!
Трясутся у сего Адама съ Евой ножки,

Они не кошки,
И мышки не поймать.
Не лучше ли бы вамъ вѣкъ чашки не замать?
Могли бы и безъ сей вы пищи быть довольны;
Теперь вы утаить сего уже не вольны.
Бояринъ всякій разъ
Смотрѣлъ послѣ стола, исполненъ ли приказъ.
Но тутъ—лишь вскрылъ онъ мису,
Увидѣлъ изъ нея ужъ выпущенну крысу,
Пришелъ и старика съ старухою спросилъ:
«Почто вы, старые, приказъ мой не хранили?
«Напрасно, глупые, вы праотцевъ бранили,
«Когда въ васъ не было самихъ къ терпѣнью силъ;
«Вы то же сдѣлали, что Ева со Адамомъ.
«Подите вонъ отсель и будьте въ томъ же самомъ,
«Въ чемъ были вы сперва:
«Ты, старой хрѣнъ, руби, а ты таскай дрова.»

23. СУЕВѢРІЕ.

Когда кокушечки кокуютъ,
То къ худу и къ добру толкуютъ.
Старухи говорятъ: кому вскричитъ сто разъ,
Тому сто лѣтъ и жить на свѣтѣ;
А если для кого однажды пуститъ гласъ,
Тому и умереть въ томъ лѣтѣ.
А къ этому теперь я басенку сварю,
И васъ, читатели, я ею подарю.
Ходила дѣвка въ лѣсъ, услышала кокушку,
И стала дѣвушка о жизни ворожить:
«Скажи, кокушечка, долгонько ли мнѣ жить?
«Не выпущу ли я сего же лѣта душку?»
Кокушка послѣ словъ сихъ стала коковать,
А дѣвушка моя, разиня ротъ, зѣвать.
Подкралася змія и дѣвку укусила,
Подобно какъ цвѣтокъ средь лѣта подкосила;
Хотя кукушка ей лѣтъ со сто наврала,
Но дѣвка отъ змѣи въ то-жъ лѣто умерла.

24. СУДЪ КАРТИНѢ.

Одинъ то такъ, другой то инако толкуетъ,
И всякій по своей все мысли крикикуетъ.
Льву вздумалось себѣ Венеру написать,
А дѣло разсудилъ мартышкѣ приказать.
Призвавъ ее къ себѣ, и тако ей вѣщаетъ:
«Мартышка, знаю я, что звѣрь искусный ты;
«Примись и сдѣлай мнѣ богиню красоты,
«Изобрази ея всѣхъ прелестей черты.»
Мартышка дѣло все исполнить обѣщаетъ,
Пошла домой исполнить львовъ приказъ.
Ей дочь была своя красавица для глазъ;
«Довольно, говоритъ,—мнѣ будетъ для примѣру
«Намалевать съ нее прекрасную Венеру.»
И написала въ-точь
Свою мартышка дочь.
«Вотъ, съ радости кричитъ,—для удовольства львова
«Красавица готова!»
И тако своего мартышка ремесла
Картину принесла.
Левъ, зря картину живу:
«Но только, говоритъ,—прибавить должно гриву,
«Которая-бъ во всемъ подобилась моей;
«Тогда-то должно честь отдать картинѣ сей.»
Мартышка говоритъ: «То было бы безбожно,
«Когда Венеринъ ликъ похулить здѣсь возможно;
«Она точь-въ-точь
«Похожа на мою большую дочь,
«Которая, скажу, красавица, я прямо.»
Но левъ стоитъ упрямо.
«Пожалуй, говоритъ, — сей мысли не порочь,
«Которой никогда не думаю оставить;
«Конечно, надобно, чтобъ гриву къ ней приставить.»
И тако идетъ споръ.
Но левъ рѣшити тѣмъ сей вздумалъ разговоръ:
Собрать звѣрей и всю скотину
Судить картину.
Мартышка идетъ въ судъ
И мнитъ, что честь ея картинѣ отдадутъ;
Такъ думала мартышка.

Пришла всѣхъ прежде мышка:
«Прекрасно, говоритъ,—лице ея и ростъ,
«Да только надлежитъ прибавить ей мой хвостъ,
«Тогда совсѣмъ она красавица явится.»
Пришелъ тутъ слонъ и зря дивится:
«Куда, онъ говоритъ,—развратенъ нынѣ свѣтъ!
«У сей красавицы и хобота ужъ нѣтъ.»
Верблюдъ сказалъ: «Когда бъ моя спина и ноги,
То прямо бы она красавица была.»
Оленю рѣчь была верблюжья не мила:
«Когда бы, говоритъ,—мои ей только роги;
Да можно-ль, чтобъ когда безъ рогъ могли быть боги?»
Тутъ быкъ сказалъ: «Тогда-бъ хорошей льзя назвать,
«Когда бы роги ей мои прималевать.»
И въ томъ стоялъ упрямо.
Но вепрь заговорилъ: «Не знаете вы прямо
Прямаго хорошства, и такъ вы дураки;
Ей надобно мои клыки.»
Потомъ пришелъ оселъ къ написанной картинѣ:
Не полюбилася и сей она скотинѣ;
Онъ прочихъ мнѣнье опровергъ,
И говоритъ: «Поверхъ
Сея прекрасной туши
Когда бы написать мои большія уши,
Тогда-бъ сказалъ и я,
Что прямо хороша красавица сія.»
Козелъ возсталъ противъ звѣрей и всей скотины,
Когда пришла ему промолвить череда:
«Ко украшенію прекрасной сей картины
Конечно, надобна, сказалъ онъ,—борода.»
Кротъ выползъ изъ норы, сказавъ: «Хоть я не вижу,
Однакожъ думаю, что я васъ не обижу,
Когда скажу теперь полезное для васъ:
По мнѣнью моему, быть дожно ей безъ глазъ.»
Противу сихъ рѣчей тутъ всѣ взнегодовали,
Невѣжею крота и глупымъ называли;
Однакоже крота хотя всякъ глупымъ звалъ,
Но мнѣнья своего никто не отставалъ.
Тогда мартышка льву и всѣмъ звѣрямъ пеняла,
А мнѣнья и она того не отмѣняла,

Что точно ею львовъ исполненъ былъ приказъ,
И что она должна всѣмъ нравиться для глазъ:
«А если вашего держаться мнѣ примѣру,
Такъ должно написать прегнусную химеру,
«А не Венеру.»

25. СОБАКА НА СѢНѢ.

Ни самому не брать,
И людямъ не давать—
У всѣхъ завистливыхъ такіе странны нравы,
И тѣ уставы
У нихъ затверждены;
Такіе нравы
Отъ злаго сатаны
Симъ ядомъ зависти живутъ повреждены;
И если онъ себя не пользуетъ благимъ,
Однакоже отнюдь не хочетъ дать другимъ.
А къ этому скажу старинную я сказку.
Но гдѣ, о, муза, гдѣ возьму такую краску,
Дабы живѣе могъ я зависть описать?
Одинъ хозяинъ былъ, смиренъ иль забіяка,
Того не льзя сказать —
Чего не знаю:
Лишь то напоминаю:
Хозяинъ былъ, а у него собака,
Которая свою жизнь счастливо вела:
Одинъ съ нимъ ѣла кусъ, а на́ сѣнѣ спала,
Спала, его не ѣла,
Да только лишь того собака не терпѣла,
Чтобы хозяйская скотина сѣно ѣла:
Корова ли придетъ, иль лошадь сѣно ѣсть,
Собака все на нихъ отъ зависти ворчала
И тѣмъ скотинѣ всей безмѣрно докучала;
Хотя скотина вся просила сѣна въ честь,
Собака не внимала
И къ сѣну не пускала,
А и сама не ѣстъ.
Хозяинъ то примѣтилъ

И дѣломъ смѣтилъ,
Что въ псѣ велика злость.
Онъ, взявши трость,
Которая была потолще и полѣна,
А именно онъ, взявши пестъ,
Погналъ собаку съ сѣна,
Притомъ ей говорилъ: «Подит-ко, другъ мой гость,
Подъ лавку лягъ и тамъ гложи вчерашню кость,
Которая тебѣ осталась отъ обѣда,
Коль честь тебѣ не въ честь;
Травы тебѣ не ѣсть,
А ѣшь-ко то, что ѣстъ собака у сосѣда,
А это дай другимъ, кто можетъ это ѣсть.»
Пошла собака съ сѣна,
Боль чувствуя въ боку.
О, чудная премѣна!
Собаки той кровать досталась съѣсть быку.

26. ЛИСИЦА И БОБРЪ

Лисица нѣкогда къ Юпитеру ходила
И, идучи оттоль, сошлася со бобромъ.
«Куда, спросилъ лису бобръ, — кумушка, бродила?»
«Ходила я туда, отколь къ намъ мещутъ громъ,
«И множество съ собой я вѣсточекъ имѣю,
Лисица въ гордости разсказывала такъ,—
«То вѣдаетъ не всякъ,
«Что нынѣ я, сошедъ съ Олимпа, разумѣю.
«Теперь
«Не всякій по земли скитаться будетъ звѣрь:
«Тамъ вышло повелѣнье,
«И такъ угодно небесамъ,
«А то опредѣленье
«Скрѣпилъ Юпитеръ самъ:
«Волкъ съ зайцемъ будутъ въ полѣ,
«Баранъ, конь, быкъ и песъ
«Останутся въ неволѣ:
«Медвѣдямъ, тиграмъ, львамъ дремучій отданъ лѣсъ;
«Въ степяхъ отнынѣ жить слонамъ дано великимъ;
«Стремнины, горы, рвы козамъ, баранамъ дикимъ;

«Болота отданы въ домъ вѣчно кабанамъ;
«Бобрамъ въ рѣкахъ со выдрами вселиться,
«А прочее во власть оставлено все намъ.»
«Но человѣку чѣмъ осталось веселиться?»
Лисицу бобръ спросилъ.
«Сію Юпитеръ тварь всего того лишилъ
«И не далъ нашего проворства ей, ни силъ;
«Единое ему въ утѣху онъ оставилъ,
«Чтобъ больше нашего умомъ своимъ онъ правилъ,
«И только, кумъ,
«Для человѣка лишь одинъ оставленъ умъ.
«Какая для него оставлена бездѣлка!»
Но бобръ лисѣ въ отвѣтъ:
«Ахъ, кумушка, мой свѣтъ,
«Худая будетъ намъ со человѣкомъ сдѣлка,
«И даръ сей кончится, конечно, не добромъ.
«Не осердись, что я слова промололвлю грубы:
«Онъ будетъ лисьи шубы
«Опушивать бобромъ.»

Читатели, и вы, мню, скажете здѣсь то же,
Что качество души тѣлесныхъ силъ дороже.

27. ОБЩЕСТВО.

Не знаю, какъ
Сошлися четверо въ кабакъ:
Портной, кузнецъ, сапожникъ
Да хлѣбопашества художникъ;
И всѣ за стойкою сидятъ,
Пьютъ пиво и вино, подовые ядятъ.
Когда до пьяна напилися,
Тогда они разоврались,
И ремесло хвалить тутъ началъ всякъ свое.
Портняжка прежде всѣхъ сказалъ другихъ сіе:
«Когда бы не было портныхъ на бѣломъ свѣтѣ,
«Такъ вы бы въ осени, въ веснѣ и жаркомъ лѣтѣ,
«И зиму къ нимъ еще прибавить барышомъ,
«Ходили нагишомъ.»
Сапожникъ при задорѣ
Не уступилъ портному въ спорѣ

И говоритъ: «Портняжка, врешь!
«Ты только платье шьешь
«И одѣваешь тѣло:
«Мое нужняе дѣло;
«Я въ свѣтѣ твоего поболѣе знакомъ;
«А безъ меня вы, хо́дя бъ босикомъ
«Въ толь дальнія дороги,
«Попортили бы ноги;
«А вздѣнь-ко сапоги,
«Куда ты хочешь—побѣги
«И ногъ не береги,
«Хоть были бы въ пути каменья и пороги.»
Крестьянинъ имъ на то: «Все ваше ремесло
«Давно бъ крапивой заросло,
«Когда бы не пахалъ я пашенку святую.»
«Оставьте мысль пустую,
Кузнецъ сказалъ имъ всѣмъ,—
«Поболѣ нуждицы вамъ въ ремеслѣ моемъ,
«Одинъ на свѣтѣ семъ прямой лишь я художникъ;
«Вы чѣмъ бы стали шить, портной, и ты, сапожникъ?
«А ты бъ, крестьянинъ, чѣмъ сталъ пашенку пахать,
«Когда бы пересталъ я молотомъ махать?»
Тутъ виночерпій имъ сказалъ, за стойкой сидя:
«Не можно спорить вамъ, другъ друга не обидя;
«На свѣтѣ положенъ порядокъ таковой:
«Крестьянинъ, князь, солдатъ, купецъ, мастеровой
«Во званіи своемъ для общества полезны,
«А для монарха ихъ, какъ дѣти, всѣ любезны.»

28. ОСЕЛЪ, ПРИШЕДШІЙ НА ПИРЪ КЪ МЕДВѢДЮ ВО ЛЬВИНОЙ КОЖѢ.

Медвѣдь
Поймалъ быка себѣ на снѣдь,
Сзываетъ хищныхъ всѣхъ звѣрей къ себѣ обѣдать:
«Пожалуйте ко мнѣ говядины отвѣдать;
«Теперь вѣдь не весна,
«Говядина вкусна.»
На зовъ медвѣжій

Пришли во вкусѣ не невѣжи,
А именно пришли тутъ волки да лисы,
Да рыси съ барсами, раздувъ свои усы,
А только не было лишь льва при этомъ сборѣ;
Однако вскорѣ
Пришелъ оселъ въ его уборѣ.
Не знаю, гдѣ-то онъ нашелъ умерша льва.
Понравилась ослу находка такова;
Онъ содралъ львову кожу,
Покрылъ ей станъ и рожу
И въ видѣ таковомъ
Хотѣлъ къ звѣрямъ явиться львомъ.
Пришелъ къ дверямъ берлоги.
Узрѣли звѣри львовы ноги;
Со трепетомъ тотчасъ,
Всѣ купно согласясь,
Пошли для встрѣчи,
Чтобъ льву почтеніе достойное отдать,
И слышать львовы рѣчи;
Однакожъ не могли сначала отгадать,
Что то не левъ пришелъ къ нимъ въ гости,
И говорятъ ему: «О ты, великій левъ,
«Смягчись и не приди въ жарчайшій гнѣвъ,
«Что только отъ быка одни остались кости.»
Тогда оселъ,
Вошедъ, въ большое мѣсто сѣлъ
И разговорами хотѣлъ ихъ удостоить.
«Напрасно вамъ себя такъ, братцы, безпокоить,
«Уже не хочется обѣдать льву,
«Затѣмъ, что ѣлъ сегодня я траву.»
Услышали тогда рѣчь звѣри такову,
Пошли межъ ими толки,
Заговорили барсы, рыси, волки:
«Львы
«Не кушаютъ травы.»
Когда же съ нимъ лиса вступила въ разговоры,
Примѣтила тотчасъ не львову рѣчь и взоры,
И наконецъ изъ многаго числа
Никто въ собраніи не челъ ужъ львомъ осла,
Всѣ гнѣвомъ закипѣли
И болѣе осла съ собою не терпѣли:

Погнали гостя вонъ, сказавши то ему:
«Здѣсь вашу братью
«Встрѣчаютъ лишь по платью:
«Проводятъ по уму.»

29. ГОСПОДИНЪ СЪ СЛУГАМИ ВЪ ОПАСНОСТИ ЖИЗНИ.

Корабль, свирѣпыми носимъ волнами въ морѣ,
Лишася всѣхъ снастей, ужъ мнитъ погибнуть вскорѣ.
Въ немъ ѣдетъ господинъ, при коемъ много слугъ;
А этотъ господинъ имѣлъ великій духъ,
Спросилъ бумаги въ горѣ
И, взявъ ее, слугамъ отпускную писалъ,
А написавъ ее, сказалъ:
«Рабы мои, прощайте,
«Бѣды не ощущайте,
«Оплакивайте вы лишь только смерть мою,
«А вамъ я всѣмъ отпускную даю.»
Одинъ изъ нихъ сказалъ боярину въ отвѣтъ:
«Великъ намъ даръ такой, да время грозно;
«Пожаловалъ ты намъ свободу, только поздно,
«Съ которой въ скорости мы всѣ оставимъ свѣтъ.»

Въ наградѣ таковой не много барыша,
Когда она дается
Въ то время, какъ душа
Ужъ съ тѣломъ разстается.

30. ИГОЛКА И НИТКА.

Иголка нѣкогда сказала ниткѣ такъ:
«Кто въ свѣтѣ не дуракъ,
«Тотъ вѣдаетъ ужъ всякъ,
«Что я твой повелитель
«И предводитель;
«Куда велю тебѣ, ты слѣдуешь за мной;
«Дивится иногда и самъ тому портной,
«Что такъ ты мнѣ послушна.»
«Когда бъ ты не была, иглишка, малодушна,

«Не поступала бы со мною грубо такъ.
«Кто въ свѣтѣ не дуракъ,
«Тотъ вѣдаетъ ужъ всякъ,
«Что ты сама въ себѣ движенья не имѣешь
«И безъ портнаго рукъ тронуться не умѣешь.
«Внимай, а я тебя наставлю въ томъ уму:
«Послушны обѣ мы портному одному.»

Сей басни та дорога,
Что всяка власть отъ Бога.

31. ПЧЕЛА И ЗМІЯ.

Передъ пришествіемъ прохладныя Авроры
Зефиръ свой ароматъ на воздухъ разольетъ
И оросить власы возлюбленныя Флоры;
Тогда пчела съ цвѣтовъ сладчайши соки пьетъ;
Тогда же и змія цвѣточки посѣщаетъ
И соки, какъ пчела, на жало истощаетъ,
Которы станутъ медъ на жалѣ у пчелы,
А у зміи они жъ вредительны и злы.

Баснь эта коротка, читателямъ не скучитъ;
Я въ ней сказалъ, что насъ писанье разно учитъ:
Съ которыхъ книгъ одинъ полезное сберетъ,
Другой съ того жъ письма сбираетъ только вредъ,
Которымъ послѣ онъ себя и прочихъ мучитъ.

32. МЕДВѢДЬ И ВОЛКИ.

Случилось, что зимой въ лѣсу бродилъ медвѣдь.
Внезапно на него напали волки,
А зубы у волковъ подобно какъ иголки.
Не льзя со множествомъ войну ему имѣть,
Медвѣдь мой лыжи направляетъ
И отъ волковъ животъ свой бѣгомъ избавляетъ;
Однакожъ, и они
Попрытче, чѣмъ кони.
Медвѣдю бы нельзя спастися бѣгомъ,
По счастью сѣна стогъ стоитъ, завѣянъ снѣгомъ;

Хоть онъ поставленъ былъ высокъ,
Однакоже медвѣдь съ разбѣгу вскокъ
И съ стогомъ жизнь свою спасетъ.
Но что потомъ? Медвѣдь, сердяся на волковъ,
Рветъ множество изъ стога вонъ клоковъ
И ими во звѣрей бросаетъ;
Хотя ихъ перебить,
Не престаетъ онъ сѣно теребить,
Доколь изъ-подъ себя высокій стогъ весь розно
Въ волковъ не разметалъ
И жертвой ихъ на ровномъ мѣстѣ сталъ;
Тогда медвѣдь жалѣлъ о сѣнѣ, только поздно,
Какъ волки, подхватя его, тянули розно.
Читатель, примѣчай, къ чему моя здѣсь рѣчь:
Кто, не радя, свое имѣнье расточаетъ,
Тотъ жизнь свою въ скорбяхъ и бѣдности кончаетъ;
Такъ должно денежку на нуждицу беречь.

33. СЛУЧАЙ.

Случилось одному прохожему въ пути,
Который столь не могъ въ сумѣ своей нести,
Чтобъ могъ пробавиться во всю дорогу пищей:
Запасъ весь кончился, прохожій сталъ какъ нищей;
Сума съ припасами пуста;
Черезъ пустыя шелъ прохожій мой мѣста,
А хлѣба взялъ съ собой весьма неосторожно;
Проголодался такъ, что бресть ему не можно,
Однакоже еще поѣлъ оставшихъ крохъ.
Легъ спать; во снѣ ему привидѣлся горохъ
Въ горшечкѣ;
Къ несчастью, позабылъ онъ ложечку въ мѣшечкѣ,
И нѣчѣмъ изъ горшка ему достать,
За тѣмъ онъ принужденъ опять голодный встать
Взявъ ложку въ пазуху, и спать опять валится:
«Авось-либо мнѣ сонъ еще такой приснится;
«Тогда не буду я дуракъ,
«Не встану такъ,

«Какъ всталъ, безъ ложки:
«Я выѣмъ весь горохъ до крошки.»
Безумецъ, хоть съ собой сто ложекъ наклади,
Уже такого сна не будетъ впереди.

Толкъ басни этой въ томъ: кто случай упущаетъ,
Тотъ послѣ никогда его не возвращаетъ.

34. КОШКА И СОЛОВЕЙ.

Читатели мои, внимайте баснѣ сей.
Она совѣтуетъ не слушаться рѣчей,
Которыя льстецы влагаютъ въ уши,
Плѣняя лестію своей невинны души,
Подъ медомъ кроя ядъ,
Обманчивымъ своимъ совѣтомъ тѣхъ вредятъ,
Которы лестнымъ ихъ словамъ имѣютъ вѣру.
А къ этому я басню приставлю для примѣру:

Не знаю, гдѣ и чей
Былъ въ клѣткѣ соловей
И дѣлалъ голосомъ хозяину забаву.
Хотѣлось кошечкѣ соловушка достать,
Пришла и стала такъ ему болтать:
«Хозяинъ хочетъ дать тебѣ, мой свѣтъ, отраву,
«Отъ коей, бѣдненькій, ты выпустишь свой духъ.
«Увѣрься, птичка, что тебѣ я вѣрный другъ,
«И согласись со мной; я клѣтку разломаю,
«Я птичекъ не замаю
«И ихъ не ѣмъ;
«Извѣстно здѣсь мое смиренье въ домѣ всемъ;
«Я волю дамъ тебѣ златую.»
Склонился соловей на рѣчь ея пустую,
Благодаря свою злодѣйку такъ какъ мать,
Потомъ дозволилъ ей и клѣтку разломать;
Но только что его на волю вышли ножки,
Анъ — очутился онъ въ зубахъ у льстивой кошки.

35. РОЗА И АНАНАСЪ.

Въ какой-то здорный часъ
Разспоровалися со розой ананасъ:
Но роза онаго была начало спору,
А споръ ихъ былъ въ такую пору,
Когда ужъ роза всѣ раскинула листы
И, возгордясь своимъ пригожствомъ красоты,
Сказала: «Ананасъ, возможешь ли и ты
«Равнятися съ моею красотою?
«Какой цѣны я стою,
«Того не смыслишь ты;
«Всѣхъ зрѣніе къ себѣ я привлекаю
«И ароматъ драгой на воздухъ испускаю;
«Во мнѣ-то видитъ свѣтъ
«Прекрасный самой цвѣтъ;
«А ты скуднёшенько листки свои изводишь,
«И столько на меня ты красотой походишь,
«Какъ свѣтъ на тьму.
«Я красота всему
«На свѣтѣ.»
На то ей ананасъ сказалъ въ своемъ отвѣтѣ:
«Ты, роза, хороша въ единомъ только лѣтѣ,
«А мой
«Пріятенъ вкусъ и лѣтомъ, и зимой.»

Читатель, баснь моя сіе тебѣ вѣщаетъ:
Краса хотя прельщаетъ,
Она прельщаетъ насъ
На малый только часъ;
Когда жъ краса минется,
Тогда единый умъ при насъ лишь остается.

36. ДУБЪ И МЫШЬ.

На холмѣ превысокомъ
Матерый дубъ стоялъ,
Едва его кто окомъ
Вершины доставалъ.
Борей вкругъ толста древа

Летаетъ и реветъ,
Но наглостію зѣва
Ни вѣтки не сорветъ.
Дубъ гордъ, великъ, надеженъ,
Толстъ, крѣпокъ и широкъ...
Но къ сильнымъ такъ же смеженъ,
Какъ и ко слабымъ рокъ.
На верхъ холма высока вскарабкалася мышь
И корни подгладала.
Гдѣ дубъ твоя краса? Она уже увяла,
И ты, скатясь на низъ, поверженный лежишь.

Вы, гордостью надуты
Имѣвъ свои сердца,
Помыслите минуты
Толь лютаго конца,
Которымъ сверженъ дубъ;
Такъ время острый зубъ
Подобно вашу жизнь, какъ мышка, подъѣдаетъ,
А рокъ на свѣтѣ всемъ и вами обладаетъ.

37. ЗЕМЛЯ И ОБЛАКО.

Лишь только изъ земли родилось облачко
И не обсохло съ губъ ребячьихъ молочко,
И не успѣвъ почти родиться,
Ужъ матерью своей дитя сіе гордится.
«Жить въ низкихъ, говоритъ,—предѣлахъ не хочу,
«Вздымусь и полечу
«Во вышніе предѣлы,
«Отколѣ пламенны Юпитеръ мещетъ стрѣлы.»
Но мать, его радя,
Жалѣла о дитяти,
Совѣтуетъ, твердя:
«Летѣть тебѣ не кстати
«Въ небесны высоты,
«Еще младенецъ ты.
«И сердце о тебѣ мое болитъ и ноетъ;
«Тамъ вѣтръ ужасный воетъ,
«И онъ тебя въ клочки, о, сынъ мой, разорветъ.
«Поберегись, мой свѣтъ,

«Послушай моего ты матерняго слова;
«А ежели не такъ — напасть тебѣ готова.»
Но сынъ, не слушаясь ея, и власть беретъ,
Вѣщаетъ такъ въ себѣ: «Старуха эта вретъ,
«Она страшится
«Меня лишиться.
«А если буду я по воздуху летать,
«То съ радостью меня сама увидитъ мать,
«Несущася высоко.
«Но можетъ ли меня ея увидѣть око?
«Я чувствую то самъ,
«Что улечу я къ небесамъ.»
И, больше ничего не мысля, вверхъ взлетаетъ,
А тамъ его Борей хватаетъ
И разъярясь на части рветъ;
Летѣвши облачко небесный видѣть свѣтъ,
Пропало, и его теперь ужъ больше нѣтъ.

Тотъ въ басенкѣ моей себя увидитъ,
Кто мудрыхъ стариковъ совѣта ненавидитъ
И мысльми забредетъ, не слѣдуя уму:
Онъ будетъ облаку подобенъ моему.

38. НЕОСНОВАТЕЛЬНАЯ БОЯЗНЬ.

Извѣстно, что когда гремѣти станетъ громъ,
Робѣющи его не выдутъ изъ хоромъ,
Страшася смерти,
Хоть отъ него еще прямой защиты нѣтъ;
Громъ такъ же и въ дому, какъ на полѣ убьетъ;
А только прячутся одни отъ грому черти,
Да и старухи говорятъ,
Что будто отъ того и храмины горятъ,
Когда въ нихъ прячется отъ грому дьяволъ злобный;
Инъ будь всѣ мнящи такъ, старухамъ симъ подобны,
А отъ судьбы никто не спрячется нигдѣ,
Ни въ домѣ, ни въ лѣсу, ни въ полѣ, ни въ водѣ.
На этотъ случай я хочу сказать вамъ сказку,
Въ которой господинъ велитъ впрягать коляску
И хочетъ къ одному онъ другу побывать;
А, можетъ быть, чтобъ тамъ онъ сталъ и ночевать,

Объ этомъ я не знаю;
Да только баснь мою я снова начинаю.

Былъ баринъ отъ двора еще не далечко,
Анъ — вдругъ надвинулось съ грозою облачко,
Надвинулося съ тыла;
Ударовъ громныхъ трескъ
И частыхъ молній блескъ
Произвели, что кровь въ бояринѣ застыла;
Кричитъ онъ на людей:
«Обороти, ребята, лошадей,
«Скачи скорѣе къ дому!».
Такъ видно изъ сего, что онъ боялся грому.
«Скачи, онъ говоритъ,—скорѣе до двора.»
А предъ дворомъ его была крута гора ;
Бояринъ знаетъ гору,
Однакоже велитъ скакать онъ безъ разбору,
Чтобы скорѣй ему добраться до хоромъ
И, окны скрывъ, сидѣть въ избѣ безъ страху.
А между тѣмъ гремитъ ужасный громъ,
И лошади его несутъ къ горѣ съ размаху;
Но столько оная крута была гора,
Что малымъ чѣмъ ея и облако повыше.
Бояринъ, тише,
Не изломи ребра!
Однакоже бояринъ мчится,
За тѣмъ, что грому онъ боится,
Лишь не боится онъ погибели прямой,
Велитъ скакать домой.
Но кони, на горѣ ярясь, разсвирѣпѣли,
«Держи коней, держи!» Держать ужъ не успѣли,
Помчали барина во всю коневью скачь.
Поплачь, боярыня, о баринѣ поплачь,
Который поскакалъ домой, боясь грому,
Однакожъ доскакать не могъ живой до дому:
Не громъ его убилъ;
Онъ самъ себя безъ грому погубилъ:
Коляска съ прыткости на камень наскочила
И кровью барскою весь камень омочила.

39. ЛЕВЪ, БАРСЪ И КРОТЪ.

Въ народѣ носится понынѣ эта рѣчь:
Тогда какъ Титъ повергъ войною Іудеевъ
И, разоря ихъ градъ, смирилъ своихъ злодѣевъ,
Предъ тѣмъ являлася въ ночи звѣзда, какъ мечъ,
И Іудеевъ освѣщала,
А чрезъ сіе предвозвѣщала,
Что ихъ плѣнится градъ.
Жиды о томъ еще и нынѣ говорятъ.
А если бы они Римляновъ побѣдили,
Тогда бъ ихъ мудрецы, конечно, утвердили,
Что значила заидамъ побѣду та звѣзда,
А до звѣзды была неблизкая ѣзда;
«За тѣмъ и должно,
«Вѣщаютъ всѣ Жиды,—звѣзда была для насъ.»
А подлинной узнать причины невозможно,
Отколь и для чего комета та взялась.

Подобно какъ въ лѣсу со львомъ сошелся барсъ,
Сошлись они въ тотъ день, какъ солнушко затьмилось.
«Увы, не знаешь левъ, что барсу приключилось;
«Не можно мнѣ того промолвить не стеня;
«Ты видѣшь, для меня
«И дневное свѣтило
«Померкло, лишь мою злу горесть ощутило.
«Ахъ, нынѣшняго дня
«Скончалась у меня ближайшая родня!»
«Голубчикъ мой ты, барсъ, конечно, это враки,
«И мысль сія тебѣ пришла отъ сатаны.
«Померкло солнушко, что я лишенъ жены.»
Заспорилъ съ барсомъ левъ, потомъ дошло до драки:
Схватились лапами, и пѣнятся ихъ рты,
Вздымаются усы, тресутся гнѣвны губы,
Сверкаютъ пламенны глаза и остры зубы,
И вьются, какъ зміи, ужасные хвосты.
За что сражаются, за честь иль за имѣнье?
Сражаются они за солнечно затменье,
Которое тогда случилось не для нихъ.
Герои билися, доколѣ силы ихъ
Ослабли, и они валялися безгласны,
Изцапалися въ кровь и стали неопасны.

Тогда изъ-подъ земли къ нимъ выкрабкался кротъ,
Дивится на звѣрей, стоитъ, разинувъ ротъ.
Когда же онъ узналъ, за что сраженье было,
Онъ поднялъ къ верху рыло
И такъ героямъ рекъ:
«Вы оба дураки осталися на вѣкъ,
«Что такъ другъ друга изглодали
«И за мои грѣхи безвинно пострадали.
«Вы знаете иль нѣтъ?
«Померкнулъ свѣтъ,
«И сдѣлалось затменье
«За тѣмъ, что все мое покрадено имѣнье,
«Которое себѣ я къ зимѣ собиралъ.»
Услышали бойцы, что кротъ такъ дерзко вралъ,
Дрожали съ гнѣва жилы,
Однако не было у нихъ отмстить ужъ силы.

40. ОТЕЦЪ И ДѢТИ.

Коснувшись жизни края,
Родитель сыновьямъ твердилъ такъ, умирая:
«Изъ свѣта я гляжу
«И къ мертвымъ отхожу;
«А вы, оставшися возлюбленныя дѣти,
«Когда не хочете вы, спустя рукъ сидѣти,
«Наставлю васъ на ладъ:
«Я въ полѣ у себя зарылъ великій кладъ,
«Зарылъ, не помню гдѣ, такъ поле вы вскопайте
«И, ежели его вы сыщете, владайте.»
Сихъ словъ и житія послѣдній былъ конецъ.
Преставился отецъ,
А дѣти, должное отдавъ почтенье тѣлу,
Придвинулися къ дѣлу—
Искати кладъ,
Но дѣло ихъ не йдетъ на ладъ.
Не зная подлиннаго мѣста,
Взрываютъ поле мягче тѣста;
Но знать, ребята, кладъ въ семъ полѣ не лежитъ;
Насѣемъ житъ
Потомъ посѣяли, и житы ихъ родились;

Труды ихъ имъ самимъ сгодились:
Они снимаютъ хлѣбъ и продаютъ;
Имъ цѣну за него хорошую даютъ.
Сторично сѣмена къ нимъ съ поля возвратились,
И такъ, искавши кладъ, они обогатились.

Кто въ хлѣбопашествѣ хорошій знаетъ ладъ,
Тотъ подлинно себѣ находитъ въ полѣ кладъ.

41. СОЛНЦЕ И ЛУНА.

Такъ солнце нѣкогда разспорилось съ луною:
«Не можешь, говоритъ,—равняться ты со мною:
«Я только что съ одра Ѳетидина вскочу,
«Всѣ звѣзды омрачу,
«И ты передо мной блѣднѣешь,
«Сіянію моему противиться не смѣешь;
«Одинъ останусь я
«На цѣломъ свѣтѣ.»
На то рѣчь отъ луны сія
Была въ отвѣтѣ:
«Великій господинъ,
«Иль въ томъ ты своему блаженству быти чаешь,
«Что ты меня собой и звѣзды помрачаешь,
«И свѣтишься одинъ?
«А я хожу въ странахъ небесныхъ,
«Ни мало не мрача
«Сіянья звѣздъ прелестныхъ,
«Сама межъ ихъ блещу, какъ ясная свѣча.»

О, вы, которые имѣете умъ здравый,
Внемлите баснѣ сей!
Возможно-ль тиху жизнь равнять съ блестящей славой,
Въ которой никогда не льзя имѣть друзей?

42. КРЕСТЬЯНИНЪ, МЕДВѢДЬ, СОРОКА И СЛѢПЕНЬ.

Мужикъ пахалъ въ лѣсу на пѣгомъ на конѣ;
Случился близко быть берлогъ на сторонѣ.

Въ берлогѣ томъ медвѣдь лежалъ въ часы тогдашни,
Увидѣлъ мужика, трудящася вкругъ пашни;
Покиня звѣрь берлогъ,
Хотя и не легокъ,
Да изъ берлога скокъ.
Мужикъ, зря звѣря, стонетъ,
Въ поту отъ страха тонетъ,
А иногда его составы всѣ дрожатъ;
Хотѣлъ бы тягу дать, да ноги не бѣжатъ,
Что дѣлать, самъ не знаетъ,
И пашню, и коня съ собою проклинаетъ.
Межъ тѣмъ медвѣдь на пашню шасть.
Пришла напасть;
Мужикъ хлопочетъ:
«Медвѣдь знать, скушать, хочетъ
«Меня
«И моего коня;
«Ужъ о конѣ ни слова,
«Была бы лишь моя головушка здорова.»
Анъ—нѣтъ:
Медвѣдь былъ сытъ, не надобенъ обѣдъ,
Медвѣдю пѣжины крестьянскія кобылы
Понравились и стали милы;
Медвѣдь
Желаетъ на себѣ такую жъ шерсть имѣть.
За тѣмъ крестьянину онъ дѣлаетъ поклоны
И говоритъ: «Мужикъ,
«Не устрашись, услыша мой медвѣжій крикъ;
«Не драться я иду, не дѣлай обороны,
«А я пришелъ просить,
«Чтобъ могъ такую жъ шерсть носить,
«Какая у твоей кобылы;
«Мнѣ пятна черныя по бѣлой шерсти милы.»
Крестьянинъ, слыша тѣ слова,
Сказалъ: «Теперь цѣлъ конь, цѣла и голова,
«Полезны эти вѣсти,
«Медвѣдю нуждица пришла, знать, въ пѣгой шерсти.»
Вѣщаетъ съ радости: «Медвѣдь,
«Коль хочешь на себѣ шерсть пѣгую имѣть,
«Такъ долженъ ты теперь немножко потерпѣть;

«Не будь лишь злобенъ,
«Связаться дай и стань коню подобенъ,
«А именно ты будешь пѣгъ, какъ конь.»
Медвѣдь связаться далъ, мужикъ расклалъ огонь
И, головеньку взявъ, ей сталъ медвѣдя жарить,
Подобно какъ палачъ въ застѣнкѣ вора парить,
И наконецъ лишь головенькой гдѣ прижметъ,
Тутъ шерсти нѣтъ,
И пѣжина явилась.
Медвѣдю пѣгая ужъ шерсть не полюбилась;
Онъ, вырвавшись изъ рукъ мужичьихъ, побѣжалъ
И, рынувшись въ берлогъ, подъ деревомъ лежалъ,
Лижа дымящи раны.
«Охти, онъ говорилъ,—крестьяне всѣ тираны
«И хуже всѣхъ людей,
«Когда они такъ жгутъ всѣхъ пѣгихъ лошадей;
«Когда бъ я зналъ то прежде,
«Не думалъ бы во вѣкъ о пѣгой я одеждѣ.»
Лишь рѣчь медвѣдь скончалъ,
Сороку бѣсъ къ крестьянину примчалъ,
А эти птицы
Охочи до пшеницы,
И только что она на пашню прыгъ,
Поймалъ ее мужикъ,
Поймалъ, какъ вора.
Худая съ мужикомъ у бѣдной птицы ссора:
Онъ скоро воровство сорокѣ отомстилъ,
Ей ноги изломавъ, на волю отпустилъ
Сорока полетѣла
И кое-какъ на то же древо сѣла,
Подлѣ котораго медвѣдь берлогъ имѣлъ.
Потомъ ко мужику слѣпнишка прилетѣлъ
И сѣлъ лошадушкѣ на спину;
Не стоитъ мужику для мухъ искать дубину,
Рукой слѣпня поймалъ
И ногъ ужъ не ломалъ,
Но наказаніе другое обрѣтаетъ:
Въ слѣпня соломинку втыкаетъ
И съ нею онъ его на волю жъ отпускаетъ.
Слѣпень взвился и полетѣлъ,
Съ сорокой вмѣстѣ сѣлъ.

Межъ тѣмъ ужъ солнушко катилося не низко,
Обѣдъ былъ близко,
Конецъ былъ ремесла;
Хозяйка къ мужичку обѣдать принесла,
Такъ оба сѣли
На травкѣ да поѣли.
Тогда въ крестьянинѣ отъ сладкой пищи кровь
Почувствовала—что? Къ хозяюшкѣ любовь;
«Мы время, говоритъ,—свободное имѣемъ,
«Мы ляжемъ почивать;
«Трава для насъ—кровать.»
Тогда—и гдѣ взялись?—Амуръ со Гименеемъ,
Летали вкругъ,
Гдѣ отдыхалъ тогда съ супругою супругъ.
О, нѣжна простота, о, милыя утѣхи!
Взираютъ изъ-за древъ таясь игры и смѣхи
И тщатся нѣжныя ихъ рѣчи всѣ внимать.
Была тутъ и сама любви прекрасна мать,
Свидѣтель ихъ утѣхъ, которыя вкушали;
Зефиры сладкіе тихохонько дышали
И слышать всѣ слова богинѣ не мѣшали....
Медвѣдь подъ деревомъ въ болѣзни злой лежалъ,
Увидя дѣйствіе, отъ страха весь дрожалъ,
И говоритъ: «Мужикъ не даромъ такъ трудится:
«Знать, баба пѣгою желаетъ нарядиться.»
Сорока вопіетъ:
«Нѣтъ,
«Онъ ноги ей ломаетъ.»
Слѣпень съ соломиной бурчитъ и имъ пеняетъ:
«Никто, кричитъ,—изъ васъ о дѣлѣ семъ не знаетъ,
«Я точно вѣдаю сей женщины бѣду:
«Она, какъ я, умчить соломину въ заду.»

Читатель, баснь сія ту мысль тебѣ рождаетъ,
Что всякій по себѣ о прочихъ разсуждаетъ.

ЭКЛОГИ И ПОЭМЫ.

I. ЦИТЕМЕЛЬ.

(эклога).

Лишь солнце бросило лучи въ луга и горы,
И птички стали пѣть пришествіе Авроры,
Согнало солнце тьму съ земнаго круга прочь,
Вступалъ на небо день, и исчезала ночь:
Влюбленный Цитемель минутъ тѣхъ не теряетъ,
Всѣхъ ранѣе въ луга онъ стадо выгоняетъ;
Всѣ спали пастухи еще по шалашамъ,
А Цитемель ходилъ съ овцами по горамъ.
Единственно тому ни день, ни ночь не спится,
Когда кто вольности нечаянно лишится:
Такъ сей пастухъ вчерась съ пастушками гулялъ
И Филоменою онъ сердце ковалъ,
Которая ему прекраснѣй всѣхъ казалась;
Тутъ Цитемелева кровь жарко загоралась,
А ночью возрасла неутолима страсть,
И еслибъ ночь длинна, такъ могъ бы онъ пропасть,
И счастіемъ его ночь лѣтня не велика;
Хотя она мала, но скорбь его толика
Въ часы тѣ возрасла, что въ горести пастухъ
Ни на единый мигъ не могъ спокоить духъ.
Ужъ солнце высоко на небесахъ сіяетъ,
И утрення роса отъ жару высыхаетъ;
Но въ наступающи полдневные часы
Не зритъ пастухъ его плѣнившія красы;
Въ недоумѣніи тутъ Цитемель бываетъ,
Во всѣ страны глядитъ, отвсюду ожидаетъ:
Не йдетъ ли изъ кустовъ или съ высокихъ горъ
Плѣнившій мысль его пастушкинъ милый взоръ;
Но сколько бѣдный тотъ пастухъ ни зритъ повсюду,

Не видитъ онъ своей любезной ниоткуду;
И такъ ужъ наконецъ, въ задумчивости сей,
Кусточки и древа ему казались ей:
То вдругъ передъ глаза она къ нему предстанетъ,
То въ тотъ же мигъ его мечта сія обманетъ.
Не знаетъ, что творить несчастливый пастухъ:
Обманывалъ его и взоръ его, и слухъ.
То эхо нанесетъ тутъ голосъ Филомены,
И, ожидающій сей радостной премѣны,
Бѣжитъ онъ къ той странѣ, гдѣ былъ услышанъ гласъ,
Бѣжитъ, и голосу не слышитъ въ тотъ же часъ.
То вдругъ позадь себя онъ быть ей уповаетъ —
Не зритъ ея нигдѣ, куда онъ ни взираетъ.
«Ужъ въ тѣхъ ли я теперь, вѣщаетъ онъ,—мѣстахъ?
«Иль стадо я мое въ другихъ пасу кустахъ?
«Нѣтъ, въ тѣхъ мѣстахъ и тѣ кустарники и рѣчки,
«Въ которыхъ былъ вчерась ... паслися здѣсь овечки.»
Ужъ долго мучился въ семъ жданіи пастухъ,
Какъ вдругъ вблизи его пронзилъ гласъ громко слухъ,
Которымъ былъ пастухъ безмѣрно востревоженъ,
Но страхъ видѣніемъ и больше былъ умноженъ.
Онъ зритъ любезную бѣгущу изъ кустовъ,
Гдѣ онъ не чаялъ быть ни стадъ, ни пастуховъ.
За нею звѣрь гнался: былъ волкъ то преужасной,
И ужъ касается почти одеждъ прекрасной.
Въ случаѣ таковомъ пастушкѣ близокъ страхъ:
Увидѣвши пастухъ несчастье то въ глазахъ,
Бросается чрезъ ровъ, который былъ межъ ими
И волка сталъ травить собаками своими;
И способомъ такимъ минулся общій страхъ:
Пастушка у него осталася въ рукахъ.
Тутъ краска вся съ лица постушкина сбѣжала,
Когда она безъ чувствъ въ рукахъ его лежала;
По блѣдности грудей разметанны власы
Сугубили еще пастушкины красы.
Пастухъ отъ радости и страха самъ блѣднѣетъ,
Въ восторгѣ ничего начать онъ не умѣетъ,
Зря нѣжную въ своемъ объятьи красоту,
Благополучной чтетъ себѣ минуту ту,
Которая его съ любезной съединила,
И что спасти ея отъ смерти допустила.

И подлинно, пастухъ былъ счастливъ въ этотъ часъ,
Пастушку отъ бѣды, себя отъ муки спасъ.
Къ отрадѣ подаетъ онъ способы сугубы,
Цѣлуетъ руки онъ, цѣлуетъ нѣжны губы
И за труды свои пріемлетъ наконецъ
Отъ Филомены онъ и сердце, и вѣнецъ.

II. АРКАСЪ.

(*эклога*).

Только явилась на небо заря,
Только простерла свой взоръ на моря,
Горы приходомъ ея озлатились,
Мраки ночные съ небесъ возвратились;
Полны долины прохладной росой
Стали одѣты дневною красой;
Влагою всѣ напоенны цвѣточки
Бисеровидны имѣли листочки;
Роза алѣетъ, пестрѣетъ тюльпанъ;
Пляску заводитъ со Нимфами Панъ,
Страстны кидая свои на нихъ взоры;
Нимфы, краснѣясь, уходятъ на горы:
Знать, съ нимъ не хочетъ шутить ни одна.
Блѣдная съ неба нисходитъ луна,
Бывъ пастухомъ во всю ночь упражненна,
Съ свѣтомъ оставить его принужденна;
Ставъ недовольна судьбою своей,
Гнѣвъ обращаетъ на робкихъ звѣрей,
Ловлею ихъ веселится съ Дріяды.
Мыться на рѣчки приходятъ Наяды,
Чешутъ зеленые гребнемъ власы;
Солнцу коней запрягаютъ часы;
Звѣри въ пещерахъ убѣжища ищутъ;
Птички по рощамъ о вольности свищутъ;
Пѣснь скончаваетъ со днемъ соловей;
Трудъ начинаютъ пчела, муравей;
Овцы на пажить пастися приходятъ;
Пѣсни и игры пастушки заводятъ,
Съ ними въ свирѣлки и въ зычны рожки

Складно играютъ, приставъ, пастушки,
Тирсисъ съ Клименой любовь прославляетъ,
Дафнисъ Кларису любить наставляетъ,
Ниса съ Дамономъ о страсти поетъ,
Атисъ Дельфирѣ цвѣтки подаетъ;
Та, ихъ принявши, себя украшаетъ,
Атисъ сто кратъ ей: «прекрасна!» вѣщаетъ.
Всякъ веселяся овецъ своихъ пасъ,
Только не веселъ одинъ былъ Аркасъ:
Стадо Аркасу казалось немило,
Ходитъ въ печали по рощамъ уныло;
Птицъ не стрѣляетъ, овецъ не пасетъ,
Рыбы не удитъ, цвѣточковъ не рветъ;
Смолкла свирѣлка его громогласна,
Только видна въ немъ лишь грусть преужасна.
«Что ты задумчивъ и смутенъ у насъ?
«Будто ты нѣчто утратилъ, Аркасъ?
«Псы ли отъ стада твои отбѣжали,
«Волки ль овечекъ безъ нихъ распужали,
«Голосъ ли нѣжный свирѣлки заглохъ,
«Иль огородъ твой отъ жара засохъ?»
Такъ вопрошала Аркаса Инета.
Что жъ на вопросъ свой не слышитъ отвѣта?
Сталъ передъ нею, какъ камень, Аркасъ,
Только ліются лишь слезы изъ глазъ.
Слезы, хотя вы и словъ не речете,
Часто вы тайну изъ сердца влечете.
Слезы Инетѣ давали отвѣтъ,
Что у Аркаса скорбь въ сердцѣ живетъ.
«Что же, скажи мнѣ, тебя сокрушаетъ?»
Паки Инета его вопрошаетъ.
«Цѣло, сказалъ онъ,—все въ домѣ моемъ,
«Цѣло, и нѣтъ мнѣ ущерба ни въ чемъ:
«Розы, тюльпаны цвѣтутъ межъ грядами,
«Груши и вишни обильны плодами,
«Овцы здоровы, и жучко со мной.
«Ты лишь едина мой рушишь покой!
«Цѣлое лѣто тобою я тлѣю,
«Цѣлое лѣто открыться не смѣю,
«Что я, несчастный, Инету люблю.
«Ты въ моихъ мысляхъ, хоть сплю, хоть не сплю;

«Стражду тобою всечасно и ною.
«Сжалься, Инета, теперь надо мною,
«Сжалься, здоровье мое возврати,
«Иль мнѣ и муки, и жизнь прекрати.»
Такъ изъясняетъ пастухъ ей свой пламень;
Стала пастушка сама будто камень,
Бывъ со Аркасомъ въ единой судьбѣ.
«Чѣмъ досадилъ я, Инета, тебѣ?
«Тѣмъ ли, что столько тобою я страстенъ,
«Или что вѣчно тебѣ я подвластенъ?
«Если жъ не вѣришь ты страсти моей,
«Будешь ли вѣрить хоть клятвѣ ты сей:
«Пусть огородъ мой отъ жара засохнетъ,
«Пусть мое стадо и жучко издохнетъ,
«Пусть провождаю я вѣкъ мой стеня,
«Пусть не полюбишь, Инета, меня!»
Клятвы Аркаса Инету смягчили,
Слезы надъ сердцемъ успѣхъ получили:
Руку Инета Аркасу даетъ,
Слезы Инета съ Аркасомъ лiетъ,
Таетъ пастушка любовью безмѣрной,
Таетъ и также клянется быть вѣрной.
Птички престали на вѣтвiяхъ пѣть,
Вѣтви престали отъ вѣтра шумѣть,
Тихiй зефиръ кругъ влюбленныхъ летаетъ,
Эхо по рощамъ ихъ вздохи считаетъ,
Игры и смѣхи въ кусточкахъ сидятъ,
Всѣ межъ собою ихъ рѣчи твердятъ.
Матерь любови, цитерска богиня,
Все попеченье о свѣтѣ покиня
И не имѣя его ни о комъ,
Съ рѣзвымъ своимъ прилетѣла сынкомъ,
Въ тѣхъ же кусточкахъ отъ нихъ сокрывалась,
Зря на пастушiй восторгъ, любовалась.
Вдругъ премѣнился печальный пастухъ:
Знать, успокоилъ онъ сердце и духъ.

ИГРОКЪ ЛОМБЕРА.

(*поэма въ 3-хъ пѣсняхъ*).

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Стремится духъ воспѣть картежнаго героя,
Который для игры лишилъ себя покоя,
Безсонницы, труда, и голоду, и слезъ,
И брани, и побой довольно перенесъ;
Отъ самой младости въ игрѣ что обращался,
И, въ знакъ достоинства, вѣнцемъ отъ картъ вѣнчался,
Сплетеннымъ изо всѣхъ украшенныхъ мастей,
Изъ винъ и изъ жлудей, изъ бубенъ и червей.
Ужъ три дни игроки за ломберомъ сидѣли;
Ужъ три дни, какъ они не пили и не ѣли;
Три раза солнца лучъ въ игрѣ ихъ освѣщалъ,
И три раза ихъ мракъ вечерній покрывалъ;
И, утомленные веселою работой,
Три раза спорили со гладомъ и съ дремотой;
Ужъ счастье, надъ игрой держащее вѣсы,
Три краты ихъ ко всѣмъ склоняло въ тѣ часы;
Но наконецъ, когда къ Леандру ихъ склонило,
Искусство счастью верхъ побѣды уступило.
Спѣшатъ къ Леандру всѣ на помощь короли,
Манильи и тузы за ними жъ въ слѣдъ текли.
И се ужъ зрятъ его дремотой полны взоры
Грядущіе къ нему три главны матедоры.
Въ началѣ баста, ей послѣдуетъ маниль,
Потомъ предстала къ нимъ великая шпадиль.
Леандръ, пріявши ихъ, проситъ ужъ воли мыслитъ
И плату съ игроковъ за нихъ заранѣ числитъ.
Три матедора взять утѣха не мала,
Затѣмъ, что винна масть въ игрѣ у нихъ была
Почтеннѣе другихъ, которыя тутъ были,
А вины преферансъ у игроковъ сихъ слыли.
Хотѣлъ ужъ покупать на винныхъ козыряхъ,
Какъ понту съ королемъ увидѣлъ на рукахъ,
Которымъ слѣдуя, манилія бубнова
Причиной сдѣлалась несчастья игрокова.

Онъ мнитъ, что на червяхъ санпрандеръ пребогатъ
(Затѣмъ, что былъ Леандръ дремотою объятъ).
Бубновую маниль червонною считаетъ,
И съ гордостію въ нихъ санпрандеръ возглашаетъ,
Онъ былъ передъ рукой... но, о лютѣйшій часъ...
Лишь только испустилъ онъ въ гордости сей гласъ,
Какое вдругъ его несчастіе постигло!
То привидѣніе изъ глазъ его погибло.
Онъ зритъ уже тогда бубновую маниль,
Съ которой проиграть не льзя, чтобъ не кодиль.
Такъ точно кто почтенъ фортуною бываетъ,
Онъ часто истиной мечты однѣ считаетъ.
О истина, ты всѣхъ добротъ прямая мать,
Не должно никогда тебя пренебрегать.
Ты нашей совѣсти правдивое зерцало;
Тебя намъ оставлять не надобно ни мало;
Ты въ злополучьи щитъ и въ счастіи краса;
Съ тобою сносно ждать и смертнаго часа;
Ты въ малыхъ и въ большихъ вещахъ равно сіяешь
И ты отъ бѣдствія и пагубы спасаешь.
Уже Леандръ узрѣлъ, что гибнетъ онъ съ игрой:
Манилья у него, но масти лишь не той,
Въ которой онъ вскричалъ «санпрандеръ» толь спѣсиво.
Ужъ поздно узнаетъ, колико счастье лживо!
Онъ, къ пущей горести, межъ картъ своихъ узрѣлъ,
Что и король къ нему винновый въ нихъ пришелъ,
Съ которымъ могъ бы быть санпрандеръ и винновой.
Леандръ тутъ въ горести себя находитъ новой.
Грызенье совѣсти, отчаянье, боязнь
О, коль великую ему наносятъ казнь!
Трепещетъ, прогнѣвя винновую манилью;
Трепещетъ проиграть съ санпрандеромъ кодилью.
Не столько и Орестъ въ тотъ часъ терзаемъ былъ,
Въ который мать свою онъ злобно умертвилъ,
Какъ здѣсь Леандръ груститъ, мятется и стенаетъ
И вздохи тяжкіе въ отчаяньи пускаетъ.
Но ужъ не льзя ему свой рокъ перемѣнить;
Повиненъ къ игрокамъ онъ картой подходить,

Тогда изъ рукъ его Давидъ [1] на столъ вступаетъ,
Котораго злой хлапъ червонный поражаетъ
Влечетъ его во плѣнъ, копье въ его вонзя.
Леандръ то зритъ, но что? помочь уже не льзя.
Потомъ и Цесарь [2] самъ свой важный видъ являетъ
И въ гордости маниль бубнову похищаетъ,
Влечетъ съ собою въ плѣнъ, надобно какъ Плутонъ
Цереры красну дщерь влекъ въ адъ безъ оборонъ.
И се Юдиѳу [3] въ брань, какъ бурный вѣтръ, выноситъ;
Единоборца та себѣ, гордяся, проситъ.
«О есть ли, вопіетъ,—межъ картъ такой герой
«Да выступитъ, со мной отважась въ смертный бой.
«Не устрашусь его я въ полѣ семъ широкомъ.»
Тутъ Карлъ, [4] воздвигнутъ бывъ своимъ несчастнымъ
Онъ храбро не нее напалъ и поразилъ рокомъ,
И казнь достойную Юдиѳѣ учинилъ,
Которая до толь разила Олоферна;
Сама побѣждена, но рана несмертельна
Была, хоть храбрый Карлъ весь мечъ въ нее вонзилъ,
На что и самъ Леандръ, въ восторгѣ бывъ, смотрилъ,
Любуясь своего побѣдою героя.
Но тутъ другой игрокъ, ему ковъ хитрый строя,
Онъ руку своего чела превыше взнесъ,
Подобно какъ взносилъ прехрабрый Ахиллесъ
Побѣдоносную съ мечемъ свою десницу,
Багря въ крови враговъ и мечъ, и колесницу,
Въ которой на Троянъ яряся нападалъ
И смерть въ противничьи полки съ нея бросалъ:
Такъ зрѣлъ тогда Леандръ манилью игрокову,
Которая, спустясь съ руки, творитъ брань нову.
Но, утомленный бывъ своей побѣдой, Карлъ
Сраженъ манильею червонной, мертвъ упалъ.
И се ужъ Александръ [5] спѣшитъ на помощь къ войску;
Златой обременялъ щитъ длань его геройску,
На коемъ начертанъ былъ льва ужасный видъ.

1) Король винновый.
2) Король бубновый.
3) Краля червонная.
4) Король червонный.
5) Король жлудовый или крестовый.

Отъ скораго его прихода столъ дрожитъ;
И карты, и свѣщи, и деньги встрепетали
И съ ужасомъ съ стола на землю всѣ ниспали.
Видъ бѣлыя брады и свѣтъ его вѣнца
Блеснулъ въ четыре всѣ столовые конца,
Повергся съ высоты ручной на столъ съ размаху.
Сама шпадилія содрогнулась отъ страху,
И баста потряслась, и понта на рукахъ;
Леандра жъ самого сугубый обнялъ страхъ.
Старается укрыть Аргину [1] онъ напрасно,
Котору Александръ изъ рукъ исторгнулъ властно;
Побѣдою своей и добычью гордясь
Три раза бѣлыми кудрями онъ потрясъ,
На раменахъ своихъ съ веселіемъ уноситъ.
Леандръ едва-едва печаль такую сноситъ,
Во слѣдъ Аргинѣ зря, потѣетъ и дрожитъ
И слѣдующія слова онъ говоритъ:
«Увы, избавиться нѣтъ средства никакова;
«Прогнѣвалъ я тебя, манилія виннова!
«Прогнѣвалъ я тебя», еще онъ повторялъ.
И только лишь сію онъ рѣчь оканчивалъ,
Какъ вдругъ и Огіеръ [2] съ ужаснѣйшимъ Церберомъ
Стремится, ободренъ толь храбрѣйшимъ примѣромъ,
Который Александръ предъ нимъ лишь оказалъ.
Сей двойку винную тотчасъ изъ рукъ отъялъ,
Ведетъ окованну во плѣнъ съ собой стенящу,
Леандру вслѣдъ ее съ прискорбностію зрящу.
Не могутъ помощи и сами дать тузы
Среди такой бѣды, среди такой грозы;
Леандру лишь одна надежда остается,
Что тотъ лабетъ съ стола кодильей не берется;
Но сдѣланъ былъ ремизъ въ игрѣ у нихъ тройной.
Леандръ оставшися въ надеждѣ таковой,
Что будущей игрой лабетъ свой поворотитъ
И игроковъ самихъ и съ деньгами поглотитъ;
Но онъ обманутъ былъ надеждою такой:
Хотя игралъ игру, и на лабетъ двойной,
Однакожъ, проигравъ кодилей десять сряду,

1) Краля жлудовая.
2) Хлапъ винновый.

Лишился денегъ всѣхъ, лишился и наряду.
Уже онъ ни на что дерзаетъ покупать,
Проигрываетъ все, лишь съ чѣмъ начнетъ играть.
И тако проигравъ онъ все свое имѣнье,
Повергся и заснулъ, и въ сладкомъ томъ забвеньѣ
Лишился чувствъ и всѣ напасти позабылъ,
Колико онъ въ игрѣ несчастливъ много былъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

О вы, всѣ игроки, на пѣснь мою спѣшите,
И гласу лирному въ молчаніи внемлите;
Внемлите, что игра возможетъ произвесть;
Игра нерѣдко насъ и въ бѣдство можетъ ввесть.
Судьбу Леандрову изъ дѣйства примѣчайте
И счастью лестному себя не поручайте.
Въ комъ нѣтъ умѣнья, тотъ страсть къ картамъ утиши;
Игра безъ мастерства, какъ тѣло безъ души,
Иль безъ кормила какъ корабль, носимъ въ пучинѣ.
Внемлите игроки, внемлите всѣ вы нынѣ!
 Когда Леандръ игру несчастьемъ окончалъ,
Повергся въ одръ и въ немъ, отчаянъ бывъ, лежалъ,
Воображая въ мысль свое несчастье злое.
«О время! говорилъ, — о время дорогое,
«Въ которое имѣлъ я деньги въ кошелькѣ!
«О деньги, онъ твердилъ сто разъ въ своей тоскѣ, —
«О деньги, вы всего на свѣтѣ семъ дороже;
«Кто не имѣетъ васъ, тотъ всѣхъ, тотъ всѣхъ убоже.
«Вы всѣ таланты въ насъ рождаете собой,
«И кто имѣетъ васъ, имѣетъ и покой.»
 Такъ горестно Леандръ о деньгахъ вспоминая
И карты, и игру нещадно проклиная,
Страдалъ, стеналъ, вздыхалъ, грустилъ и унывалъ;
Хотѣлъ заснуть, но сонъ отъ глазъ его бѣжалъ.
Мутилась кровь его и сердце трепетало,
И ко отыгрышу Леандра побуждало.
Тогда симъ сжалился мученіемъ Морфей,
Влетѣлъ и легкою одеждою своей
Покрылъ Леандровы томящіяся очи,
Которыя безъ сна уже три были ночи.
Какъ море, премѣнясь по бурѣ въ тишину,

Подобную стеклу являетъ глубину,
И звѣзды, и луну въ себѣ изображаетъ,
И взоръ пловущаго тогда увеселяетъ,—
Подобно и Леандръ по проигрышѣ вдругъ
Заснулъ и ужъ имѣлъ въ себѣ спокойный духъ;
Но мысль блудящая сонъ сладкій всколебала
И странное ему видѣнье представляла.
Внезапу у одра раскрылись завѣса,
И растворилися надъ спящимъ небеса.
Но если смѣю я сказать ужасно дѣло:
Се матедоры три, пріявши духъ и тѣло,
Грядутъ ко игроку на свѣтлыхъ облакахъ.
О чудо странное, случившись въ нашихъ дняхъ!
Онъ зритъ подобно такъ, какъ зрѣлъ Парисъ въ пу-
стыни,
Пришедшія къ себѣ три красныя богини,
Отдавшіяся въ судъ, подобно какъ царю,
Дабы онъ разрѣшилъ межъ ихъ ужасну прю.
Но здѣсь не для суда предстали матедоры.
Гласите вы со мной, моря, лѣса и горы,
Внемли съ молчаніемъ, пространный воздухъ весь!
Се баста и маниль спускаются съ небесъ,
Межъ коими шпадиль, сіяюща лучами,
Подобна какъ луна въ ночи между звѣздами,
Представилися вдругъ Леандровымъ глазамъ.
Леандръ со ужасомъ повергся къ ихъ ногамъ
И въ трепетѣ своемъ едва сіе вѣщаетъ:
«Не сонъ ли мя теперь, несчастнаго, прельщаетъ?
«Я зрю предъ собой прекраснѣйшихъ свѣтилъ,
«Трехъ повелительницъ картежныхъ храбрыхъ силъ.»
Но тутъ шпадилія свою простерла руку,
Леандру подая: «Прерви, сказала, муку,
«Которою теперь ты строго такъ томимъ,
«И вѣрь, Леандръ, ты вѣрь словамъ неложнымъ симъ,
«Что не прельщаются твои мечтою взоры:
«Стоятъ передъ тобой три главны матедоры
«И тѣ, которыхъ ты имѣлъ вчера въ рукахъ.
«Отвергни отъ себя смятеніе и страхъ!
«Мы тѣ, которые всѣмъ ломберомъ владѣемъ
«И силой въ немъ себѣ подобныхъ не имѣемъ.
«Мы тѣ, что игроковъ побѣдою даримъ,

«И мы, что выигрышъ и проигрышъ чинимъ.
«Не будь въ отчаяньѣ прошедшею игрою:
«Утѣшу я тебѣ, и обѣ сіи со мною.»
Притомъ, къ маниліи и къ бастѣ обратясь,
Рекла имъ тѣ жъ слова, всѣмъ ломберомъ клянясь:
«Мы наградимъ тебѣ, Леандръ, твое несчастье;
«Посыплетъ на тебя сребро, какъ дождь въ ненастье.
«Пребудь въ надеждѣ сей, несчастливый игрокъ!
«Ужъ минулъ твоея судьбы жестокой рокъ.»
Шпадилія сіе съ величествомъ вѣщала
И руку игроку съ усмѣшкой подавала:
«Возстани, о, Леандръ, возстани, ободрись,
«И намъ себя вручить нимало не страшись.
«Мы поведемъ тебя въ храмъ ломбера преславно,
«Гдѣ ты увидишь всю судьбу игравшихъ явно.»
Леандръ, симъ ободренъ, возсталъ и къ нимъ спѣшитъ,
Уже на облакахъ съ богинями летитъ.
Но что тогда его представилося взору?
Онъ видитъ предъ собой превысочайшу гору,
Котора взнесена за облака главой,
И вкругъ ея со всѣхъ сторонъ былъ лѣсъ густой,
На коемъ онъ не зрѣлъ нигдѣ плода инова,
Какъ только масть была червонна и бубнова;
А вмѣсто, чтобы зрѣть на вѣтвіяхъ листы,
Висѣли всѣ на нихъ и вины, и кресты.
Леандръ, въ восторгѣ бывъ, дивится нову чуду,
Что зритъ на древесахъ сей странный плодъ повсюду.
Осмѣлясь, вопросилъ соспутниковъ своихъ:
«Вы ль обитаете, богини, въ рощахъ сихъ,
«Иль ино божество симъ мѣстомъ обладаетъ?
«И кто отъ сихъ древесъ плоды сіи вкушаетъ?
«О если бъ я возмогъ отъ васъ сіе узнать!
«И какъ могу сіе я мѣсто называть?»
На то ему маниль и баста отвѣчали:
«Названія сихъ мѣстъ — веселье и печали;
«А плодъ сей названъ такъ: и счастье, и напасть.
«Вкусивъ, узнаешь ихъ и горесть ты, и сласть.»
Леандръ, сорвавъ плодовъ, въ уста свои влагаетъ
И прежде горести онъ сладость ощущаетъ.
Но только лишь его въ гортань онъ пропустилъ,
По сладости тогда онъ горесть ощутилъ,

Котора ни къ чему казалась не примѣрна,
Лишь горесть то была, и горесть пребезмѣрна.
Но чтобъ мнѣ ломберный яснѣй представить храмъ,
О муза, ты придай красы моимъ стихамъ.
Какъ снѣжная гора предъ тучею бѣлѣетъ
И бѣлизнѣ своей примѣра не имѣетъ,
Такъ храмъ позадь лѣсовъ священнѣйшихъ стоялъ,
Украшенъ разными металлами блисталъ.
Отъ трехъ сторонъ его три стѣны окружали
И трои ворота входъ разный подавали.
Единыя врата изъ злата зрились быть,
Пятью степенями къ нимъ должно приходить;
Вторыя ворота всѣ сребряныя были
И приходящихъ взоръ не столько веселили,
Какъ первыя, гдѣ все лишь злато и пиропъ,
И къ симъ уже вратамъ не столько было стопъ,
Но по четыремъ къ нимъ всходити было должно,
И безъ вожатаго войти почти не можно.
На третьихъ воротахъ была едина мѣдь,
И должно къ нимъ по тремъ степенямъ входъ имѣть,
Которыя хотя казалися и низки,
Но столь углажены и столько были слизки,
Что всѣ, кто шелъ по нихъ, катилися назадъ,
А многіе, ниспавъ, свергалися во адъ.
Леандръ, узрѣвъ сіе чудесное мечтанье,
Богинь о томъ спросить пришло ему желанье:
Въ которыя врата войти имъ должно въ храмъ?
Шпадилія его отвѣтъ дала словамъ:
«О, смертный, счастливь ты предъ всѣми многократно.
«Откроется тебѣ вся тайна; слушай внятно:
«Лѣса сіи и храмъ, толь красно вещество,
«Превосходящее все въ свѣтѣ естество;
«Не смертною оно рукой сооруженно,
«И обиталище для тѣхъ опредѣленно,
«Кто можетъ въ ломберѣ съ воздержностью играть,
«И если такъ себя кто можетъ воздержать,
«Что безъ четырехъ игръ и картъ не покупаетъ,
«А безъ пяти въ свой вѣкъ санпрандеръ не играетъ.
«Вторыя хоть врата и въ тотъ же храмъ ведутъ,
«Но многіе, желавъ войти въ нихъ, внизъ падутъ.
«А третія врата для тѣхъ сооруженны,

«Кто ломберной игрой, какъ страстью, зараженны,
«Не тужатъ, проигравъ имѣніе свое.
«И если ты, Леандръ, послушенъ будешь мнѣ,
«Не приходи во храмъ вратами ты иными;
«Входи въ него всегда ты больше золотыми.
«Старайся мой совѣтъ полезный не забыть.
«Ты можешь, о Леандръ, всегда счастливымъ быть.»
По сихъ рѣчахъ, они ко храму ужъ приспѣли;
На первыхъ воротахъ такую надпись зрѣли:
«*Не сквозь сіи врата кто хочетъ въ храмъ войти*,
«*Тотъ тщетною себя надеждою не льсти*,
«*Дабы возмогъ узрѣть толь зданіе прекрасно.*
«*Во храмъ лишь симъ путемъ приходятъ безопасно.*»
Леандръ, прочтя сіе, и началъ разсуждать,
Что если станетъ впредь воздержнѣе играть,
То можетъ быть въ игрѣ счастливѣй, нежель прежде:
И входитъ онъ во храмъ, оставшись въ сей надеждѣ.
 И се открылася завѣса вдалекѣ,
Услышался и шумъ, подобный быть рѣкѣ,
Которая съ горы въ стремнину упадаетъ,
Бесѣдующихъ рѣчь что шумомъ заглушаетъ.
Сей шумъ происходилъ отъ спору игроковъ,
Которые, сидя вкругъ множества столовъ,
О ломберной игрѣ законы составляли
И вшедшихъ игроковъ къ нимъ споры разбирали.
 Одинъ предъ нихъ предсталъ съ санпрандерной игрой:
«Рѣшите, возопилъ,—рѣшите споръ вы мой!
«Се не несчастіе мнѣ очи ослѣпило,
«Но можно ль не играть санпрандера мнѣ было?
«Имѣлъ въ моихъ рукахъ я восемь козырей,
«Безъ матедоровъ лишь, притомъ безъ королей.
«Но восемь козырей...чего желати болѣ?
«И я жъ притомъ игралъ санпрадеръ по неволѣ.
«Кто былъ передъ рукой, тотъ воли попросилъ,
«А я санпрандеромъ ту волю перебилъ,
«Но, о несчастіе,—мой духъ еще бунтуетъ,
«Тотъ съ матедорами четыремя пашуетъ.
«Я въ тѣхъ же сталъ играть, въ которыхъ онъ хотѣлъ;
«Въ покупкѣ, ахъ, къ нему и тотъ король пришелъ,
«Котора у меня не козырь быть случилась!
«Игра моя чрезъ то худою учинилась.

«Четыре раза я хотя и козырялъ,
«Но тщетно было все: кодилью проигралъ.»
Тогда всѣ, сжавъ плечьми, главами покивали
И въ утѣшеніе сіе ему сказали:
«Хотя ты съ сей игрой кодиль и проигралъ;
«Однакожъ правильно санпрандеръ ты сказалъ.»
Потомъ игрокъ предсталъ съ отмѣнною игрою,
Который выигралъ санпрандеръ предъ рукою,
И кою онъ еще держалъ въ своихъ рукахъ.
Три было короля тамъ съ тройкою въ винахъ,
Которая была и козырь лишь едина,
И съ ней случилася жлудовая Аргина.
Всѣ удивилися отважной толь игрѣ
И чтобъ ту выиграть, въ ужасной были прѣ.
Но онъ отвѣтствовалъ: «Повѣрьте мнѣ неложно,
«Что выиграть съ такой игрой не невозможно.
«Но чтобъ вы вѣрили, порядокъ весь скажу
«И выигрышъ ея на дѣлѣ покажу.
«Я былъ передъ рукой, идти мнѣ надлежало.
«Пошелъ я королемъ — вотъ сей игры начало!
«И такъ я отобралъ три масти корольми,
«Но кралю лишь мою убили козырьми.
«Потомъ кто взялъ игру, пошелъ съ туза бубнова,
«Та масть у игрока случилась и другова,
«Но не было ея лишь болѣ у меня.
«Четверту получилъ игру чрезъ то и я;
«А послѣ игроки дѣлилися играми,
«За тѣмъ, что ужъ они остались съ козырями.
«Въ одной рукѣ король, и баста, и маниль,
«Въ другой — семерка, хлапъ, и краля, и шпадиль.
«И такъ я выигралъ игру, какъ битву воинъ.
«Скажите жъ мнѣ: какихъ я почестей достоинъ?»
Сказали всѣ ему: «Коль счастье сберегло,
«Ты выигралъ ни съ чѣмъ, и правъ ты, какъ стекло. [1]
«А кто и впредь играть съ играми будетъ сими,
«Такіе по міру находятся нагими.»
Подобныхъ симъ Леандръ судовъ тутъ много зрилъ:
Иной былъ обвиненъ, что онъ не такъ ходилъ,

1) «И правъ ты какъ стекло» — присловица, которая межъ многими въ употребленіи.

Съ которой подходить ему бы надлежало;
Иной, что козырялъ не такъ, иль очень мало.
И если бъ описать мнѣ всѣхъ здѣсь игроковъ,
О коль бы стоило великихъ то трудовъ;
Но пѣснь мою теперь я симъ лишь скончеваю
И музу къ будущей на помощь призываю,
И ежели она устроитъ лирный гласъ,
Потщусь еще, потщусь взойти я на Парнассъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Се муза днесь сама мнѣ лиру настрояетъ
И возгласити пѣснь сію повелѣваетъ.
Но если грубо что кому возмнится быть,
Тотъ долженъ на нее и пени приносить.
«Ужель, Леандръ, твои насытилися взоры?
«Ужель ты видѣлъ храмъ,» вѣщали матедоры,—
«Тотъ храмъ, гдѣ игроки себѣ награды ждутъ?
«Но, ахъ, Леандръ, еще не все ты видѣлъ тутъ.
«Не устрашись еще послѣдовать за нами.
«Пойдемъ отсель, пойдемъ мы мѣдными вратами,
«Которы въ царство насъ подземное сведутъ,
«Гдѣ добродѣтели—награда, злобѣ—судъ.»
По сихъ словахъ они къ вратамъ тѣмъ приступили,
Которы игроковъ къ Плутону низводили.
По тремъ степѐнямъ внизъ ихъ лѣствица вела,
Неплодоносная долина гдѣ была,
Засохши древеса вокругъ ея стояли
И скуку вѣчную собою представляли;
Гдѣ зрилась пропасть быть, сводящая во адъ,
Изъ коей исходилъ огнь, пепелъ, дымъ и смрадъ.
Вкругъ пропасти совы и Гарпіи [1] летали,
Имѣнье игроковъ и кости поядали.
Леандръ, увидя то, ужасся и робѣлъ
И къ устью той идти пещеры не хотѣлъ;
Но матедоры духъ Леандровъ ободряли
И къ сходу адскому идти повелѣвали.
Но только лишь Леандръ въ жилище тьмы вошелъ,
Онъ множество духовъ и тѣней тамъ узрѣлъ.
Тамъ множество ему санпрандеровъ встрѣчалось,

1) Адскія хищныя птицы.

И касокъ, поляковъ и воль ему мечталось.
Мутился тамо Стиксъ, и Флегетонъ [1] пылалъ;
Слезами игроковъ Коцитъ тамъ протекалъ.
Когда жъ они къ брегамъ стигійскимъ приближались,
На мрачныхъ берегахъ тьмы тѣней имъ казались,
Которыя, сидя, къ себѣ Харона ждутъ.
Узналъ онъ множество себѣ знакомыхъ тутъ.
Они Леандра, такъ какъ онъ ихъ, всѣ узнали
И, обступивъ его толпами, вопрошали:
«Давно ли ты, Леандръ, изшелъ отъ житія,
«И какъ вселилася во адъ къ намъ тѣнь твоя?»
Но не успѣлъ Леандръ отвѣтствовать ни слова,
Ужъ ладія была Харонова готова,
Гдѣ, съ матедорами Леандръ вошедши, сѣлъ
И къ царствію царя подземнаго пошелъ.
Тамъ зритъ онъ во вратахъ треглавнаго Цербера, [2]
Потомъ къ нимъ въ ярости стремилась и Химера, [3]
Рыкая, растворивъ свою ужасну пасть;
И еслибъ не шпадиль, тобъ могъ Леандръ пропасть.
Потомъ они едва коснулись только суши,
Увидѣли тутъ всѣхъ игравшихъ въ ломберъ души,
Которыя идутъ со ужасомъ предъ тронъ,
Гдѣ председательство имѣетъ Радамонъ
И судитъ всѣхъ дѣла съ Миноемъ и Еакомъ, [4]
Смущая всѣхъ сердца единымъ только зракомъ.
Тамъ зрѣлъ онъ игроковъ, пришедшихъ къ симъ судьямъ,
Которые, отвѣтъ дая своимъ дѣламъ,
Нелицемѣрное рѣшенье получали,
Иные въ радости, другіе шли въ печали.
И се съ десной страны предсталъ предъ тронъ игрокъ,

1) Три адскія рѣки, изъ коихъ Флегетонъ—огненная.

2) При выходѣ изъ Хароновой лодки, а при входѣ въ адъ встрѣчался адской песъ треглавной и вмѣсто шерсти покрытъ змѣями; сей песъ называется Церберъ, и, по баснословію, караулилъ онъ адскія врата, куда онъ всѣхъ пропускалъ, а назадъ никого.

3) Химера, изрыгающая пламень, имѣетъ голову львиную, утробу козью, а хвостъ змѣинъ, которую Беллерофонтъ убилъ.

4) По баснословію, когда души войдутъ во адъ, то надлежало имъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ тремъ адскимъ судьямъ: Миною, Радамонту и Еаку, у которыхъ въ рукахъ смертоносная урна; и по ихъ опредѣленію опредѣляются души въ поля Елисейскія или на муки.

Котораго низвергъ въ то царство злобный рокъ.
Онъ, житіе свое вѣщая все подробно,
«О есть-ли, возопилъ,—гдѣ зло сему подобно,
«Которо возвѣстить я вамъ теперь пришелъ?
«На свѣтѣ въ ломберну игру ввели расколъ,
«И вмѣсто каски тотъ въ игрѣ употребляютъ,
«А ересь полякомъ безстудно называютъ.»
На что тутъ Радомонтъ, Миной рекъ и Еакъ:
«Ты смѣешь называть расколомъ тотъ полякъ,
«Полякъ, что въ ломберѣ прямое совершенство?
«Кто выдумалъ его, тотъ приметъ здѣсь блаженство;
«А ты пострадешь такъ, какъ страждетъ Иксіонъ, [2]
«Поди и испускай во адѣ вѣчный стонъ.»
По сихъ словахъ къ нему три фурій прилетѣли,
Змѣи на ихъ главахъ ужасно зашипѣли;
Уже несчастнаго на злую казнь влекутъ.
Леандръ содрóгнулся, увидя строгій судъ.
　Потомъ тѣнь старыя жены тутъ къ нимъ приспѣла.
«Я вѣкъ свой, вопіетъ,—за ломберомъ сидѣла,
«Я часто по три дни не ѣла, не пила,
«Не вставывала я для нуждъ и не спала;
«Но въ жизнь мою всегда надъ сей игрой трудилась,
«По самой злой тотъ часъ, какъ къ вамъ переселилась,
«Но думаю, что вы, о адскіе судьи,
«За толь несносные въ игрѣ труды мои
«Здѣсь не осудите меня на муки строги.»
На тѣ ея слова возстали сами боги;
Возставъ, и начали тѣнь стару обнимать:
«Прими возмездіе, прими, о наша мать.»
Такимъ ея судьи названіемъ почтили
И въ Елисейскія поля потомъ вселили.
　Еще идетъ, игрокъ въ цѣпяхъ окованъ весь.
«Отколѣ ты пришелъ и къ намъ явился здѣсь?»
Такъ адскіе судьи въ свирѣпствѣ закричали
И—что онъ дѣлалъ въ жизнь, сказать повелѣвали.
«Какъ, въ карты ты игралъ, несчастный, говори?»
«О правосудные, безсмертные цари,

1) Иксіонъ, привязанный къ колéсу змѣями, которое непрестанно вертится; онъ осужденъ за то, что хотѣлъ изнасильствовать Юнону.

Сказалъ несчастливый, свои потупя очи,
«За ломберомъ я дни просиживалъ и ночи,
«А въ ломберъ на землѣ я сорокъ лѣтъ игралъ,
«Но счастливъ никогда до тѣхъ поръ не бывалъ,
«Доколѣ подбирать я картъ не научился.
«Но кто бы мастерствомъ толь легкимъ не прельстился,
«И чѣмъ возможно такъ добра кому достать,
«Какъ если карты кто умѣетъ подбирать?
«Подборъ—не воровство, подборъ—одно умѣнье,
«Чтобъ можно доставать у ближняго имѣнье.
«Иль могутъ быть дѣла безбожны и мои?
«Коль многи за сукномъ сидящіе судьи
«Приличные къ дѣламъ указы подбираютъ,
«И много ли они тѣмъ дѣломъ погрѣшаютъ?
«Не черезъ толь слыветъ искусный всякъ судья?
«Иль виненъ я одинъ, что такъ искусенъ я?»
Но грозные судьи воззрѣли грознымъ взглядомъ.
«Поди, злодѣй, и тай, какъ Танталъ, [1] тѣмъ же гладомъ;
«И лакомы судьи такую жъ примутъ часть,
«Когда и въ нихъ съ тобой была едина страсть.»
 Но только съ игрокомъ судъ строгій совершился,
Какъ предъ судьями вновь игрокъ еще явился,
Котораго была еще подлѣе страсть.
Какъ карты онъ умѣлъ, и деньги такъ же красть;
И если съ кѣмъ имѣлъ казну въ игрѣ едину,
Изъ выигранныхъ кралъ онъ денегъ половину.
«О страсть негодная, о всѣмъ негодствамъ мать,
«О хищникъ о злодѣй, о ты, преподлый тать!»
Такъ адскіе судьи во гнѣвѣ закричали
И въ Тартаръ мучиться на вѣкъ его послали.
Леандръ со трепетомъ на всѣ тѣ казни зря,
Какъ вдругъ всѣ на него воззрѣли три царя:
«О юноша, вѣщай отколѣ ты явился,
«И какъ въ подземное мы царство преселился?
«Не сходитъ къ намъ ни кто, съ душей не разлучасъ,
«Единъ лишь Геркулесъ мѣста сіи потрясъ,
«Отъ коего страшась, содрогнулась Химера,

1) Танталъ мучится гладомъ и жаждою при изобиліи всего.

«И Тизифона вдругъ, Алекта и Мегера, [1]
«Почувствовавъ его приходъ, воздвигли стонъ:
«Въ опасности тогда былъ адъ и самъ Плутонъ. [2]
«Но ты, о смертный, какъ дерзнулъ вступить къ намъ нынѣ?
«Погибнешь, какъ челнокъ, ты въ грозной сей пучинѣ;
«Спѣши отсель, скорѣй спѣши, Леандръ, спѣши!
«Но прежде житіе свое намъ разскажи.
«Давно ли ты живешь межъ смертными на свѣтѣ,
«И отъ рожденія на коемъ началъ лѣтѣ
«Ты картами играть, и днесь играешь какъ?»
Леандръ, тутъ воздохнувъ, и повѣсть началъ такъ:
«О правосудные цари, безсмертны боги,
«Хоть лѣта я живу на свѣтѣ и немноги,
«Но только много я Фортуною гонимъ,
«И нѣтъ премѣны, ахъ, всѣмъ бѣдствіямъ моимъ.
«Я въ ломберъ ужъ играть лѣтъ десять научился,
«А на восьмомъ году игралъ, какъ я родился.
«Но мой родитель былъ ко мнѣ безмѣрно строгъ,
«За тѣмъ я никогда играть нигдѣ не могъ,
«Какъ только развѣ что съ вѣрнѣйшими рабами
«Я въ карты игрывалъ украдкою ночами.
«Но послѣ, какъ отецъ мой къ вамъ сюда сошелъ,
«Въ имѣньи и въ себя я власть ужъ возъимѣлъ;
«Имѣніе его мое быть послѣ стало,
«Играть желанье мнѣ великое припало.
«Не хаживалъ я въ тѣ бесѣды и пиры,
«Которые живутъ безъ карточной игры;
«Гдѣ нѣтъ ея, мнѣ тамъ всегда бываетъ скучно.
«И съ тѣхъ поръ съ картами всегда я неразлучно.
«Но, ахъ, безсмертные, мнѣ счастья въ картахъ нѣтъ!»
Леандру таковой безсмертныхъ былъ отвѣтъ:
«Отнынѣ будешь ты играть, Леандръ, счастливо;
«Поди, ужъ счастіе тебѣ не будетъ лживо.
«Поди и только лишь воздержнѣе играй,
«Но поляка отнюдь расколомъ не считай.»
Межъ тѣмъ уже заря румяная сіяла

1) Три фуріи, они жъ называются и Евмениды, которыхъ должность — мучить злыхъ людей.

2) Плутонъ — богъ подземнаго царства.

И солнца скорый въ міръ приходъ предвозвѣщала,
Предъ коей Люциферъ всѣ звѣзды съ неба гналъ.
Зефиръ, любуяся, листочки лобызалъ,
Какъ вдругъ Леандрово окончилось видѣнье:
Воспрянувъ онъ отъ сна и съ часъ былъ въ изумленьѣ;
Потомъ опомнясь, мнѣ видѣнье все сказалъ,
А я что слышалъ, то на лирѣ заигралъ.

ВОЕННАЯ НАУКА.

(*изъ книги «Безпечный Философъ» сочиненія Е. В. короля прусскаго*).

Письмо

АЛЕКСАНДРУ ИЛЬИЧУ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ БИБИКОВУ, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГЕНЕРАЛУ-ПОРУТЧИКУ, ЛЕЙБГВАРДІИ ИЗМАЙЛОВСКАГО ПОЛКУ СЕКУНДЪ-МАІОРУ И КАВАЛЕРУ.

Умножа, Бибиковъ, къ себѣ мое почтенье,
Приняти малой сей мой трудъ тебя прошу.
Онъ въ свѣтѣ знатнаго героя сочиненье;
Я, преложа въ стихи, усердно приношу;
Но если слабости найдутся въ немъ какія,
Въ томъ дару моему ты малому прости;
Велико чтобъ сносить погрѣшности людскія:
Потщися и мою погрѣшность ты снести;
Меня понудило не мнѣніе такое,
Чтобъ думалъ о своихъ стихахъ высоко я,
Понудило меня усердіе прямое
И къ пользѣ общества стремится мысль моя.
Пускай меня за то зоилы хулить станутъ,
Когда погрѣшности въ трудѣ моемъ найдутъ;
Они, какъ слабый листъ отъ зимнихъ дней, завянутъ
За то, что ближнему хулу всегда плетутъ;
Но я единымъ симъ въ вѣкъ стану веселиться,
Что будутъ юноши россійски трудъ мой честь,
И, чтя его, пускай искусство въ нихъ вселится,
Которымъ впредь себя возмогутъ превознесть.
Для юношъ всякое полезно есть ученье:

Оно ихъ обществу способными творитъ.
Богиня нашихъ странъ имѣетъ въ томъ раченье
И къ прилежанію щедротою бодритъ.
Въ тебѣ я, Бибиковъ, такого вижу крина,
Какихъ Россіи въ вѣкъ судилося рождать;
Такихъ и мудрая въ женахъ Екатерина
Чрезъ просвѣщеніе желаетъ насаждать.
Ты милости ея содѣлался достоинъ
И впредь стараешься всегда достойнымъ быть.
О ты, монархини премудрѣйшія воинъ,
Ты тщился на войнѣ всю кровь свою пролить;
Хотя и не въ ея владычество сражался,
Но кроткая тогда была Елисаветъ —
Однако въ мудрой ты сей памяти остался:
Она заслугѣ мзду достойную даетъ;
Предъ ею Вернеръ въ мысль предсталъ, тобой сраженный,
Который храбростью твоею побѣжденъ,
Разбитъ и, силъ своихъ лишась, военноплѣнный,
Отдатися тебѣ тогда былъ принужденъ.
А ты, о храбрыхъ силъ искусный предводитель,
Не сѣтуй, что твоя есть участь такова,
Что силъ россійскихъ вождь могъ быть твой побѣдитель,—
Внимай къ тебѣ мои правдивыя слова:
Россія множество такихъ сыновъ имѣетъ,
Которыми весь свѣтъ быть можетъ удивленъ,
Лишь только слово что сказать кому поспѣетъ
Монархиня, то всякъ быть можетъ побѣжденъ.
Къ тебѣ я рѣчь теперь, о Бибиковъ, склоняю:
Не думай, чтобы твой я былъ преподлый льстецъ,
Я должность честности и дружбы исполняю,
Какая только есть межъ искреннихъ сердецъ;
Лукавства подлыхъ душъ въ себѣ я не питаю,
Не чинъ твой, но тебя единственно я чту,
А прочее я все на свѣтѣ почитаю
За скоротечную и тщетную мечту.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Благосклонный читатель! напрасно сталъ бы я тебя просить о принятіи стиховъ моихъ; когда они того недостойны, тогда и просьба моя не поможетъ.

Желаніе мое состояло въ томъ, чтобы услужить свѣту сею дидактическою поэмою, а болѣе тѣмъ, которые не могутъ ее читать на французскомъ языкѣ. Въ ней воспѣваются военныя дѣйствія, хитрыя дѣла достопамятныхъ героевъ, осады и обороны городовъ, движеніе и сраженіе войскъ, постановленіе становъ и укрѣпленіе ихъ.

Я не старался точно слѣдовать сочинителю, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отступалъ, и такъ болѣе могу ее назвать подражаніемъ, нежели переводомъ. Во многихъ мѣстахъ наполнилъ я именемъ любезнаго нашего монарха, славнаго героя, возстановителя и просвѣтителя Россіи, великаго Петра, который, по справедливости, болѣе всѣхъ воспѣтыхъ здѣсь героевъ. И если мое описаніе не можетъ сравняться съ моимъ желаніемъ, то долженъ я жаловаться не на малость моего дара.

Ежели жъ кому трудъ мой не понравится, тотъ можетъ никогда его не читать, и тѣмъ я избавлюся осужденія, а отъ скуки.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

О, ты рожденный, въ свѣтъ державой предковъ править,
Ихъ правдой и мечемъ на вѣкъ себя прославить,
Героевъ славныхъ кровь, надежда всѣхъ рабовъ,
Защита общества, отрада и покровъ!
Внемли ученію ты воина такова,
Который взросъ въ станахъ, гдѣ брань кипитъ сурова.
Онъ къ славѣ тя зоветъ, внемли, о князь, внемли,
Да въ вѣкъ прославишься оружьемъ на земли:
Не мни, чтобъ воинство и огненны громады
Могли собой хранить и разрушати грады,
Враговъ среди полей кровавыхъ побѣждать
И славу областей великихъ утверждать;
Но научайся какъ ты ими управляти,
Познай уставы тѣ, какъ можно хитрымъ стати,
И коимъ способомъ возносится герой.
То муза здѣсь воспѣвъ, представитъ предъ тобой
Видъ добродѣтелей, которыя героевъ
Чинятъ великими среди смертельныхъ боевъ;
Ихъ бѣдствованіе, ихъ бодрствующій духъ,
Ихъ храбрость съ разумомъ да твой проникнутъ слухъ;

Научитъ наконецъ, какимъ искусствомъ воинъ
Великой похвалы бываетъ въ вѣкъ достоинъ,
Распространя сея предѣлъ науки самъ
И имя тѣмъ свое возноситъ къ небесамъ.
Не думай, чтобъ огнемъ піитовъ я горѣлъ
И въ восхищеніи звукъ битвъ вознесть хотѣлъ,
Не думай и того, чтобъ, славой ослѣпившись
Иль заблужденіемъ неистовства упившись,
Хотѣлъ стремленіе въ твою я младость влить,
И тѣмъ твое въ тебѣ спокойство возмутить.
Не представляю я Атилла предъ тобою
До тѣхъ, кто храбростью прославились прямою,—
Каковъ Аврелій былъ и Титусъ, и Троянъ,
Во удивленіе приведши дальность странъ,
Которыхъ слава въ свѣтъ величество вѣщала,
И добродѣтель ихъ дѣла оканчавала.
Но лучше пусть съ главы геройской лавръ спадетъ,
Какъ злость затмитъ о нихъ гремящу славу въ свѣтъ.
А ты, о ангелъ дней, намъ миромъ всѣхъ прелестныхъ,
Ты, бодрствуя всегда въ селеніяхъ небесныхъ,
Отъ нашихъ прочь градовъ убивство отврати,
И села, и поля старайся соблюсти,
Чтобъ въ мирномъ навсегда безмолвьи пребывали
И кроволитнаго позорища не знали.
Избавь отъ ярости насъ жаждущихъ враговъ,
Да будетъ тишина намъ, смертнымъ, за покровъ!
О ежели мое желанье, толь спокойно,
Во храмѣ Вышняго быть слышимо достойно,
Отколѣ смертнымъ всѣмъ судьбы его текутъ,
Гдѣ съ милостью его нелицемѣрный судъ,—
Благоволи, чтобъ сей цвѣтущей въ вѣкъ державѣ
Пребыть въ спокойствіи и въ непремѣнной славѣ,
Да въ хижину свою оратай нелѣнивъ
Сберетъ созрѣлые плоды съ богатыхъ нивъ;
Да Ѳемисъ, на своемъ сѣдящая престолѣ
Невинность защитя, изгонитъ злость оттолѣ,
Гдѣ святость нарушать неправда не дерзнетъ,
И оныя бѣжитъ, какъ тма увидя свѣтъ;
Да наши малые средь понта корабли,
Отставши отъ своей спокойныя земли,
Не будутъ ничего иного опасаться,

Какъ развѣ что на нихъ лишь вѣтры устремятся,
Взбунтуютъ страшную подъ ними глубину,
Пусть будутъ лишь имѣть опасность ту одну,
И при собраніи для нашего совѣта
Минерва предсѣдитъ, броней своей одѣта,
Эгидинымъ щитомъ покроетъ насъ отъ зла,
И маслична чтобъ вѣтвь въ рукѣ ея была.
А ежели дерзнетъ гдѣ зависть горделива
Расторгнуть чрезъ врага союзъ несправедлива,
И вашихъ государствъ спокойство потрясетъ,
Войну кровавую въ нихъ нагло понесетъ,—
Тогда-то, о цари, ко брани ополчайтесь
И отъ враговъ себя защитить научайтесь;
Тогда среди того горчайшаго часа
Да подкрѣпятъ дѣла всѣ ваши небеса,
Невинность вашу самъ отмститъ тогда богъ брани,
Одѣетъ шлемами главы, оружьемъ брани.
Открой мнѣ оный путь, о браней страшный богъ,
И согласи ты свой съ пермейскимъ тономъ рогъ.
О музы, жители священнаго Парнасса,
Устройте моего вы дикость нынѣ гласа
И сдѣлайте сію вы пѣснь пріятну всѣмъ,
Пѣснь воина того, который вѣкъ съ мечемъ
Проходитъ на поляхъ съ военною трубою,
Состарѣлся въ бояхъ, не чувствуя покою—
Да лира днесь моя согласно воспоетъ
Съ военною трубой число земныхъ побѣдъ.
Се духъ, счастливою отвагой восхищенный,
Дерзаетъ Марса взвесть на верхъ горы священной
И хочетъ васъ теперь, о музы, воружить,
На нѣжныя чела шлемъ страшный наложить.
Рука не вобразитъ моя любовной страсти,
Ни мукъ любовничьихъ, ни вздоховъ, ни напасти,
Ни удовольствія, ласкательствъ наконецъ,
Ни страстныхъ слабостей геройскихъ здѣсь сердецъ.
Понтинскій пусть пѣвецъ во сладкомъ заблужденьи
Вспѣваетъ нѣжнаго онъ бога въ восхищеньи,
Который приключилъ ему тьмы страстныхъ бѣдъ;
Пусть граціевъ своимъ онъ тономъ привлечетъ;
Пусть восхищаются писатели тѣмъ нѣжны;
Но я представлю страхъ и дѣйствія мятежны,

Изображу теперь въ стихахъ моихъ вездѣ
Вулкана въ огненномъ подъ Этною трудѣ,
Что, звучные свои удары повторяя,
Героямъ молнію куетъ уготовляя,
Которая, когда въ искуснѣйшихъ рукахъ,
Наноситъ на враговъ отчаянье и страхъ,
Изъ войска цѣлые составы вырываетъ
И стѣны твердыя собой опровергаетъ,
Рветъ воздухъ, движетъ слухъ, колеблетъ силу царствъ
И жребій всѣхъ въ себѣ содержитъ государствъ.
Представлю дѣйствіе оружія толь злаго
Въ Байоннѣ, [1] новое стремленье что сыскало,
Что, звукъ соединя железа со огнемъ,
Воображаетъ смерть сугубо страшну тѣмъ.
Среди оружія и кроволитна боя
Усмотришь съ бодрстью спокойнаго героя,
Какъ исправляетъ онъ нестройность силъ своихъ:
Становитъ и крѣпитъ въ порядкѣ прежнемъ въ мигъ,
Въ намѣреніи скоръ, распоряжая войски,
Свой рокъ остановить суть подвиги геройски.
Но прежде, нежели о дѣйствахъ сихъ воспѣть,
Ты долженъ здѣсь свое терпѣніе имѣть,
При самыхъ правилахъ начала чтобъ остаться,
Которымъ долженъ ты внимая научаться.
Подобно какъ орелъ птенцовъ своихъ младыхъ
Выноситъ на крылахъ, пускаетъ въ сѣверъ ихъ,
Которые, еще отъ младости робѣя,
Не могутъ крылъ простерть по наглости Борея,
Онъ нѣжность ихъ своей отвагою бодритъ,
И учитъ наконецъ себѣ подобнымъ быть, —
Младые воины, что храбростью горите
И въ полѣ Марсовомъ прославиться хотите,
Недавно вырвались изъ матернихъ что рукъ,
Не льститеся постичь военныхъ вдругъ наукъ;
Хоть храбрый духъ къ тому стремится въ вашемъ тѣлѣ,
Но вы еще теперь пришельцы въ ратномъ дѣлѣ,
Не можно вдругъ вамъ дѣлъ великихъ произвесть,
Которыми себя хотите превознесть

1) Французскій городъ въ Гвіенской провинціи, гдѣ выдуманъ штыкъ.

Вы должны, не краснѣвъ, съ начала сей науки
Пріобучать къ трудамъ военнымъ ваши руки,
Подъ тягостью ружья страшащаго ходить
И удовольствіе во ономъ находить;
Во поворотахъ быть проворнымъ всякъ да знаетъ,
Чему дѣтей своихъ богъ брани научаетъ,
Сомкнувшись съ тихостью во взводахъ чтобъ стоять,
И, очи устремя, къ начальнику взирать,
Послушнымъ быть его велительному слову,
Внимая гласъ его, и быть къ всему готову,
Когда онъ что велитъ, тогда то исполнять,
Къ движенью скорому себя пріобучать;
Какъ смертоносный стволъ проворно набивати,
Неробкими впередъ шагами наступати,
И идучи своей линеи не скривить,
Не разрывать ее притомъ и не тѣснить,
Составами полковъ стрѣлять въ поспѣшно время,
Чтобъ смертоносное къ дыму летѣло сѣмя;
Неустрашимымъ быть, весь страхъ свой истребя,
На мѣстѣ, коего защита отъ тебя
Зависитъ, и твоей слухъ собственныя славы,—
Такія суть въ дѣлахъ воинскихъ строги правы.
Кто не навыкъ другихъ велѣнье исполнять,
Не будетъ тотъ и самъ умѣть повелѣвать:
Такъ Финкъ [1] подъ Лудвига Бадѐйскаго рукою
Воинскимъ подвигамъ навыкъ, не знавъ покою.
Въ ужасномъ воинствѣ, въ махинѣ страшной сей,
Составленной частьми изъ множества людей,
Гдѣ воины ея пружинами бываютъ,
Всеобщимъ дѣйствіемъ своимъ всю оживляютъ:
Подобно такъ Версаль въ окружности своей
Содержитъ множество фонтанъ, послушныхъ ей,
Возвышенная же во Марлѣ тамъ махина,
Для примѣчанія достойна быть едина,
Владѣетъ воздухомъ, господствуетъ рѣкой, [2]
Въ Парижѣ коя бѣгъ имѣетъ быстрой свой;
Гдѣ пумповъ множество чрезъ дѣйствія колесны
Валы послушные въ каналы гонятъ тѣсны;

1) Финкъ, фельдмаршалъ; умеръ въ 1736 году.
2) Опая рѣка называется Сеною.

Тамъ изо множества великаго пружинъ
Имѣетъ каждая порядокъ свой и чинъ,
И ежели одна изъ оныхъ повредится,
Тогда и дѣйствія махина вся лишится.
Велики войски такъ, что́ слава провождаетъ,
Искусство съ смѣлостью живитъ и побуждаетъ,
А заблуждающихъ въ незнаніи отвагъ—
Опасенъ обществу бываетъ каждый шагъ.
Чрезъ мѣру жъ скорое и тихое движенье
Чинятъ великое для войска поврежденье:
Тотъ лавръ, что вождь сбиралъ чрезъ потъ военныхъ мукъ,
Невѣжество его исторгнетъ вонъ изъ рукъ.
 Люби же и не скучь подробностьми ни мало,
Они къ побѣдамъ суть первѣйшее начало;
Не будешь старъ еще, взойдя на ту степень,
Гдѣ тотчасъ озаритъ твой разумъ свѣтлый день,
И будешь черезъ то искусный самый воинъ,
Другимъ повелѣвать бывъ воиномъ достоинъ,
И, ставъ начальникомъ безстрашнаго полка,
Взойдешь на ту степень, что зрится высока,
Куда судьба взведетъ своимъ опредѣленьемъ
И будешь подъ своимъ полкъ видѣть повелѣньемъ.
Управь его походъ, стрѣльбу его устрой
И покажи чрезъ то врагу ужасный строй;
Дай знать, какимъ ему порядкомъ вооружаться,
И къ непріятелю неробко приближаться,
Чтобъ равнымъ шагомъ шелъ къ нему твой полкъ впередъ,
И адскій страшный громъ употреблялъ во вредъ,
Представь колючій фронтъ врагу къ сопротивленью,
Всели въ него тѣмъ страхъ, принудь ко отступленью.
 Какъ многихъ воиновъ похититъ алчна смерть,
Въ то время какъ врага ты хочешь съ мѣста стерть,
То будешь принужденъ твой полкъ тогда исправить
И вмѣсто тѣхъ другихъ мужей отважныхъ ставить,—
Ты долженъ твоего честь войска наблюдать,
Съ прилежностью людей надежныхъ набирать.
Марсъ требуетъ того, чтобъ люди тверды были,
Во взводахъ, не отставъ знаменъ, ружье носили.
Но люди слабые, проливъ однажды потъ,
Не могутъ вытерпѣть труднѣйшій имъ походъ

И, слабостію бывъ своею побѣжденны,
Врагамъ своимъ тогда быть жертвой принужденны.
Подобно какъ въ лѣсу дубъ въ твердости своей
Стоитъ, когда свиститъ порывистый Борей
И ели слабыя изъ корня вырываетъ,
Дубъ силы онаго тогда одолѣваетъ,—
И люди къ намъ въ полки потребны таковы,
Великодушные и твердые, какъ львы.
Коль хочешь славу ты безсмертную сыскати
И жаждешь воиномъ великимъ въ свѣтѣ стати—
Навыкни всякимъ ты оружьемъ управлять,
Познай съ Лапитскою войной соединять
И тотъ военный бой, Кентавры что̀ сыскали,
Укрощевай коней, какъ тѣ укрощевали;
Пусть Плювинель [1] тебѣ искусства таковы
Покажетъ, какъ скакать черезъ глубоки рвы,
И чтобъ по твоему желанію и волѣ
Стремился подъ тобой твой конь въ пространномъ полѣ.
Повадь твои плеча ко тягости кирасъ,
Не скучь и шлемомъ ты, что̀ брани въ страшный часъ
Надавитъ на твоемъ челѣ морщины грубы.
Искусство съ храбростью, то качества сугубы;
А храбрая хотя, но безъ искусства, грудь
Обманутою быть должна когда нибудь.
Десницу обучай владѣть искусно шпагой;
Искусство первенство имѣетъ предъ отвагой;
Къ сему проворному и нужному ружью
Со тщаньемъ пріуча десницу ты свою,
Повергнешь въ скорости врага передъ ногами:
Марсъ чтитъ ее и самъ своими похвалами;
Онъ требуетъ, чтобъ та, подъятая на месть,
Могла смертельные удары произвесть.
Коль бьешься на конѣ, стрѣльба тогда напрасна
И непріятелю ни мало не опасна.
Сей будетъ стукъ пустой оружія тогда,
Не наносящъ врагу ни малаго вреда.
Но если ты себя искусствомъ хощешь славить,
Познай, какъ конницу по нуждѣ легку ставить—
По обстоятельствамъ въ долу иль на горахъ,

1) Плювинель — славный берейторъ.

Чтобъ непріятелю нанесть тѣмъ вредъ и страхъ.
Сомкнутыхъ кирасиръ противничьему взору
Поставь линеею ты первымъ же въ подпору,
Дабы остатокъ сихъ одѣтыхъ въ шлемы силъ
Линею саму тужъ и сзади ихъ хранилъ.
 Простри еще твой умъ къ ученію и взоры,
Познай, чѣмъ силы тѣ живутъ въ движеньи скоры,
Какъ поворотами съ ужасной быстротой
Перемѣняютъ вдругъ мѣста свои и строй;
Съ скоропостижностью ихъ паки оставляютъ,
И прежнія мѣста съ успѣхомъ занимаютъ,
Устроясь съ легкостью почти въ единый мигъ
И, слушая слова начальниковъ своихъ,
Какъ вихремъ на враговъ несутся въ гнѣвѣ яромъ,
Опровергаютъ вдругъ сомкнутымъ ихъ ударомъ;
Разбивъ и одолѣвъ, преслѣдуютъ въ поляхъ,
Разносятъ вражій полкъ, какъ сильнымъ вѣтромъ прахъ.
Сначала Греція намъ лавры насадила,
А Спарта всѣмъ войны училищемъ служила;
Какъ въ колыбель дитя безмолвный положенъ,
Такъ прежде всѣхъ и въ ней порядокъ сей рожденъ;
Фаланги же, не бывъ въ употребленьи маломъ,
И Ѳебамъ сдѣлались должны своимъ началомъ.
 О Кимонъ, Милтіадъ и ты, Епаминондъ,
Которыхъ славою гремятъ земля и понтъ!
Наукой вашею у васъ послѣдній воинъ
Назватися всегда героемъ былъ достоинъ,
У васъ то множеству искусство замѣня,
Отвага хвальная военнаго огня!
Она васъ противъ силъ несчетныхъ ополчила,
Чѣмъ Греція свою избаву получила,
Несытой гордости персидской отомстивъ:
Достойные плоды отечественныхъ нивъ!
 О саламинскій день, день маратонской славы!
Гдѣ храбрыхъ воиновъ текли ручьи кровавы,
Гдѣ Греки, обратя въ бѣгъ персски знамена,
Прославили свои на вѣки имена.
 Воззри и на сего прехрабраго героя:
Се македонскій царь, безсмертну славу строя,
Вознесся чрезъ число желаемыхъ побѣдъ,
Друьзямъ своимъ свое имѣніе даетъ

И, бывъ обогащенъ надеждою толикой,
Уготовляется еще къ войнѣ великой.
Достоинствомъ надменъ и славою горя,
Стремится въ Персію, сражаетъ тамъ царя,
Всю силу Азія фаланги ощущаетъ—
Граникъ, Евфратъ, Гангесъ себѣ порабощаетъ.
Потомъ съ восточныхъ странъ войны ужасный богъ
Знамена въ Римъ принесъ и храбрость въ немъ зажогъ.
Народъ сихъ воиновъ шумъ бранный возлюбляетъ,
Искусство съ мужествомъ въ войнѣ совокупляетъ,
Брань долговременну съ сосѣдами чинилъ
И къ милости судьбу оружьемъ преклонилъ;
Тогда ихъ мужеству Гетруски уступили,
Сабины на себя то жъ иго наложили,
Подверглись римскому закону безъ препонъ.
Тогда взгордясь орелъ симъ римскихъ легіонъ
Въ другія области полетъ свой обращаетъ
И тамо Римъ своихъ враговъ порабощаетъ,
Бывъ подражателемъ соперниковъ своихъ,
Ихъ хитрость собственну поставилъ противъ ихъ,
Чрезъ что содѣлался надъ ними побѣдитель,
Монархъ вселенныя и свѣта повелитель;
Потомъ его станы изъ множества шатровъ
Преобращаются въ пространство городовъ,
Изъ коихъ всякъ стѣной претвердой оградился.
Дунай, то зря, съ бреговъ трепещущихъ чудился.
Такъ Римъ торжествовалъ въ Иберьи и Германьи
И надъ народами, что жили во Британьи;
Онъ сталъ надъ греческимъ искусствомъ вознесенъ,
Имъ покоряется и хитрый Карѳагенъ.
Сіи народы, что надъ моремъ обладали,
Въ искусствѣ первенство и въ славѣ Риму дали,
Онъ и надъ Галлами побѣды верхъ пріялъ
И всѣми областьми по свѣту обладалъ.
Но плодоносна толь побѣдами наука
Лишалася уже гремящей славы звука;
Ея взнесенная чрезъ подвиги глава
При позднихъ цесаряхъ была нетакова.
Тогда-то Готѳы ей, и Гунны, и Гепиды
Грабительствомъ своимъ содѣлали обиды,
Во многолюдствіи отважно сообщась

И съ алчной дерзостъю свирѣпо ополчась,
Которы воинамъ казались неподобны,
Но, какъ разбойники, въ своемъ буянствѣ злобны.
Чрезъ сихъ бродягъ сія толь славная страна
Была разграблена и вся разорена.
Ужъ тщетно Римляне защитниковъ искали
И тщетно ко своей отвагѣ прибѣгали:
Уже во Римлянахъ сихъ не было сердецъ,
И славы громкія ихъ ближился конецъ,
Ихъ область сильная свое паденье зрѣла
И поздно о своихъ ударахъ сожалѣла.
Искусство нужнаго ученія сего,
По долгомъ времени паденья своего,
При Карлѣ Пятомъ вдругъ изъ гроба воскресаетъ,
Который храбростью то оживотворяетъ.
Прославившися сей великій толь герой
Ученіе на свѣтъ выводитъ за собой,
При немъ Кастилія, военныя охоты
Исполнясь, и своей ужъ храбростью пѣхоты
Заставила себя сосѣдей почитать
И сильнаго ея оружья трепетать.
Порядокъ далъ объ ней въ семъ мнѣніе такое,
Но слава и ея исчезла при Рокроѣ.
Батавія съ себя поносный плѣнъ тотчасъ
Низвергла, Морицомъ искусству изучась,
Какъ биться и служить всѣ способы узнала,
И изучась сему, она свободна стала.
Примѣръ сей славнаго вождя отважныхъ силъ
И дарованія Тюрена намъ открылъ.
Французовъ онъ училъ геройской сей науки,
А Лудвикъ подкрѣплялъ его къ трудамъ симъ руки.
Тогда и въ воинствѣ порядокъ знаемъ сталъ.
Но въ нѣдрахъ Лудовикъ своихъ еще не зналъ
Младаго воина, столпа цесарска трона,
Евгенія, что чли Марсъ сыномъ и Беллона.
Подъ предводительствомъ сего героя рукъ,
Дессау въ младости до ратныхъ вдругъ наукъ
Достигнулъ, чрезъ труды и подвиги премноги,
И защитители становъ австрійскихъ боги,
По множествѣ тогда подъятыхъ имъ трудовъ,
Защитниками въ немъ быть стали прусаковъ.

Смотри жъ, какъ плодъ сего полезнаго ученья
Служилъ подпорою царей и ихъ владѣнья.
Коль основаніемъ военный въ томъ уставъ,
И крѣпость онаго содержитъ силу правъ,
То разсуждай о семъ съ опасностью толикой,
Чтобъ могъ о сей постичь ты важности великой.
А научиться въ томъ иного средства нѣтъ,
Какъ только собственный кто трудъ лишь понесетъ.
Но горе таковымъ, что въ мысляхъ восхищенныхъ
Хотятъ, не научась, постичь сихъ тайнъ священныхъ!
Таковъ былъ Фаэтонъ, что дерзостью своей
Принудилъ дать отца ему своихъ коней,
Желая дѣломъ симъ во свѣтъ себя прославить,
Не разсмотря того, что не учился править,
Притомъ не зналъ того небеснаго пути,
Которымъ долженъ былъ до запада дойти;
Восшелъ на огненну отважно колесницу
И возжи лишь пріялъ во слабую десницу,
Помчался наглостью коней того жъ часа
И воспалилъ собой и землю, и лѣса,
Но молніей сраженъ за дерзость ону вскорѣ,
Изъ воздуха упавъ, погрязъ въ кипящемъ морѣ,
Оставивъ по себѣ примѣръ отважнымъ всѣмъ,
Чтобъ быть умѣреннымъ въ намѣреньи своемъ.
 Страшитесь такъ и вы, кто дерзостью надуты,
Для васъ ужасной толь и пагубной минуты;
Пресвѣтлаго отца отважногордый сынъ
Упалъ — и только что погибнулъ онъ одинъ;
А ежели и вы, бывъ въ мысляхъ безпокойныхъ,
Возмните рано быть къ тому себя достойныхъ,
Чтобъ колесницею вамъ Марсовой владѣть,
То должны напередъ вы мысль сію имѣть:
Чтобъ соблюсти могли безвредну цѣлость царства;
А гибель ваша есть погибель государства.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Когда свирѣпа власть погибельной преки,
Вселяющаяся близъ адскія рѣки,
Исторгнувшись оттоль, выходитъ въ свѣтъ со гнѣвомъ,
Испуститъ злыхъ зміевъ своимъ ужаснымъ ревомъ
И адскую свѣщу на воздухъ отряхнетъ,

От дыма оныя померкнет дневный свѣтъ,
И искры полетятъ на царскихъ жительствъ кровы,—
Въ то время воскипитъ въ сердцахъ ихъ гнѣвъ суровый,
Тщета со завистью разрушатъ всѣхъ покой,
И злоба дерзкою погонитъ миръ рукой.
Тутъ справедливости въ совѣтахъ не бываетъ,
И мщеніе свою имъ пищу представляетъ,
На сладость коея со алчностью спѣшатъ
И всѣ свои вражды насиліемъ рѣшатъ;
И, такъ удачнымъ симъ началомъ ободренно,
Чудовище въ крови рыкаетъ обагренно,
Со воплемъ демона войны къ себѣ зоветъ
И съ нимъ свирѣпства всѣ, что раззоряютъ свѣтъ.
Тогда отверзутся запасны Марса домы,
Поставятъ на валы метальны звучны громы,
На наковальнѣ млатъ желѣзо тяжко бьетъ,
И сѣра заразя съ селитрой воздухъ вьетъ,
Пространны города, гдѣ жители безъ скуки
Вкушали съ счастіемъ веселье, миръ, науки,
Наполнятся ружьемъ и войскомъ въ оный часъ,
Трубы военныя испустятъ громкій гласъ.
Собраніе сихъ войскъ ужъ кровію дыхаетъ
И только что конца зимы лишь ожидаетъ,
Дабы движенія военны произвесть,
Куда зоветъ ихъ долгъ и собственная честь.
Въ пріятное изъ всѣхъ временъ четырехъ года,
Когда чрезъ божество цитерское природа
Пріиметъ на себя совсѣмъ премѣнный видъ,
Какъ сей любовью богъ всю землю оживитъ,
Которой торжества во всѣхъ мѣстахъ начнутся,
И смертны въ тишинѣ огню ея вдадутся,—
Единымъ лишь сердцамъ отважнымъ только страхъ
Представится тогда на Марсовыхъ поляхъ,
Но слава грозный видъ собою уменьшаетъ
И почесть въ обоихъ героямъ обѣщаетъ.
Лишь только теплота морозы умягчитъ
И воздухъ вешнюю прохладу получитъ,
Растаявшихъ снѣговъ серебряныя волны
Польются съ горъ въ луга, весенней нѣги полны,
Гдѣ разные цвѣты въ подобіе ковровъ
Прострутъ по муравамъ пестрѣющій покровъ,

Стадамъ имѣти кормъ покажутъ тѣмъ надежду,
Въ поляхъ разстелетъ хлѣбъ зеленую одежду,
И только Флора лишь весну предвозвѣститъ,
Зефиръ любезную лобзати прилетитъ,—
Такъ скоро воины, наполненные гнѣва,
Ужасные слуги отмщенія царева,
Пренебрегая весь отвагой смерти страхъ,
Летятъ прославиться побѣдой на поляхъ.
Имѣвшіе сердца, наполненныя славой,
Что храбрость оказать хотятъ къ войнѣ кровавой,
Мѣняютъ съ радостью домовъ своихъ покровъ
На полотняные покровы ихъ шатровъ.
Тогда сосѣды ихъ трепещутъ грозной брани,
И хлѣбъ посѣянный пожнутъ чуждыя длани.
 Когда же войско все сберется съ разныхъ странъ,
И учредятъ прямой линеею свой станъ,
А мѣсто какъ подъ станъ лишь скоро избираютъ,
Мѣста подъ площади и домы размѣряютъ,
Увидишь въ скорости ты тотъ пространный градъ
Изъ множества домовъ огромныхъ и палатъ,
Безъ извести, безъ древъ, безъ камней соруженныхъ,
А жителей его всѣхъ узришь воруженныхъ.
Тамъ царствуютъ труды и всякій житель тамъ
Кузнецъ и каменьщикъ, столяръ и плотникъ самъ.
Сей хитрый архитектъ, построя градъ, снимаетъ,
Преноситъ и потомъ вновь паки поставляетъ.
 Къ избранію же мѣстъ чтобъ станъ постановить,
Велики опыты съ искусствомъ должны быть,
Сію полезную науку отмѣняютъ
И въ полѣ оную отмѣнно почитаютъ.
 Коль хощешь войскамъ ты полезно мѣсто дать,
О положеньи мѣстъ навыкни разсуждать,
Дабы по знакамъ всѣхъ твоихъ изображеній
Умѣть употреблять мѣстъ разныхъ положеній;
Увидишь предъ собой мѣста различны ты:
Заразы и поля, крутыя высоты,
Тамъ рощи, тамъ лѣса и тѣсные проходы,
Сквозь тучные луга текущи быстры воды;
Они при случаѣ полезны могутъ быть
И стана твоего къ защитѣ послужить,

От ъ нихъ твой лавръ побѣдъ взрастетъ или увянетъ,
Когда сраженіе кровавое настанетъ.
Всѣхъ предводителей есть участь такова,
Что тѣло—воинство, а вождь—его глава;
Ты долженъ завсегда имѣти попеченье;
Чтобъ войско дѣлало живымъ твое раченье.
Въ то время дѣйствуй ты, когда оно стоитъ,
И бодрствуй ты, когда оно покойно спитъ.
Въ тебѣ всѣ воины надежду полагаютъ,
А жребій твоему разсудку повѣряютъ;
Исполнь желанье ихъ способностью твоей:
Всякъ воинъ отъ тебя защиты ждетъ своей.
Но если счастіе манитъ тебя прелестно,
Которое для всѣхъ ни мало неизвѣстно,
И жаждешь ты его во битвахъ искусить,
На равныхъ станъ мѣстахъ ты долженъ становить.
И такъ удобности мѣстъ равныхъ положенье
Не можетъ помѣшать отнюдь въ твоемъ движеньѣ.
Для безопасности ставь войско предъ собой,
Съ которымъ врагъ сперва вступити долженъ въ бой,
И прежде, какъ тебѣ возможетъ онъ вредити,
Ты можешь чрезъ сіе о немъ извѣстенъ быти
Предъ нападеніемъ за нѣсколько часовъ.
Не удаляй твой станъ отъ рѣкъ и отъ лѣсовъ,
Прикрой тѣмъ мѣсто то, содержишься отколѣ,
Стоя противъ своихъ враговъ на ратномъ полѣ.
Въ двѣ линіи твои ты войска поставляй,
Съ искусствомъ и мѣста подъ станъ свой занимай:
Въ срединѣ ставь всегда пѣхотны батальоны,
А по краямъ драгунъ, для лучшей обороны;
Тѣ, что плутоножнымъ огнемъ разятъ враговъ,
Суть тѣло, изъ твоихъ составлено полковъ,
Которо пламенны изводитъ яры звуки,
А конница того твердѣйша тѣла руки,
Которая должна съ обѣихъ странъ стоять
И оборонѣ ихъ всѣмъ способомъ внимать.
Со свойствомъ назначай ты войска мѣсто сходно,
Дабы оборонять могло себя свободно,
А неудобность мѣстъ отъемлетъ крѣпость силъ
У войска, съ коимъ бы легко ты побѣдилъ.

Кентавры храбрые, своимъ что легкимъ скокомъ
Бьютъ прахъ копытами на мѣстѣ томъ широкомъ,
Гдѣ составляютъ въ мигъ изъ пыли облака,
И слѣдомъ ихъ течетъ кровавая рѣка,
Но если горы въ тѣхъ мѣстахъ стоятъ крутыя,
Стремнины, блата, рвы или лѣса густые,
Или подобныя тому препятства есть,
Не могутъ онаго удара произвесть.
Пѣхотѣ же твоей мѣстъ разныхъ положенье
Не могутъ учинить препятствія въ движеньѣ,
Хотя бы горы, рвы, долины и поля,
Заразы, блата, лѣсъ, песчаная земля,
Текущіе ручьи пространными лугами,
Пѣхота все прейдетъ отважными шагами,
Удобно можетъ взлѣзть на тѣ вершины горъ,
Которыхъ досягать едва возможетъ взоръ,
Подобно и на всѣ градскія тверды стѣны,
Хотя бы какъ они ни были укрѣпленны,
Со равной выгодой атаку поведетъ,
Гдѣ только супостатъ съ оружьемъ нападетъ.
Какъ грозна туча вдругъ день свѣтлый помрачаетъ
Изъ темныхъ челюстей громъ съ молніей бросаетъ,
Рветъ класы съ тучныхъ нивъ и, умножая страхъ,
Преобращаетъ ихъ въ сгорѣвшій пеплъ и прахъ;
Такъ храбры воины во вражески предѣлы
Бросаютъ молнію и огненныя стрѣлы,
Изъ мѣдныхъ страшныхъ жерлъ летитъ смертельный градъ
И поражаетъ въ бой вступившихъ сопостатъ.
Когда въ искусствѣ семъ учился ты прилежно,
То будешь знать для войскъ прибѣжище надежно,
Деревни, рѣки, лѣсъ и неприступность блатъ
Приступъ съ великою къ нимъ трудностью чинятъ.
Хотя бъ твой врагъ пришелъ въ воинскомъ всемъ снарядъ,
Но приступить легко не можетъ къ той оградѣ.
Какъ волъ, опершися на крѣпкіе рога,
Когда стремится въ бой противу онъ врага,
Медвѣдей, тигровъ, львовъ ввергаетъ со размаху,
Которые хотятъ сразиться съ нимъ безъ страху,
Храня свои бока, главу становитъ имъ;
Внимай и ты его здѣсь выгодамъ такимъ

И въ разумъ впечатлѣй ты правило такое,
Что слабость скрыть—должно искусство быть въ героѣ.
Герой, что баснями при Троѣ вознесенъ,
Ахиллъ, кромѣ пяты не могъ быть уязвленъ.
Тебя отъ флангъ твоихъ постигнетъ та жъ судьбина,
Что и Ѳетидина тогда постигла сына.
Судьбина иногда враговъ возможетъ взнесть,
Когда въ томъ случаи тебѣ противны есть.
Коль силы помощью ихъ знатной подкрѣпленны,
Оставь тогда поля, мѣста ты откровенны
И силамъ многимъ толь противныхъ уступи;
На выгодныхъ мѣстахъ ты станъ твой укрѣпи,
Среди лѣсовъ густыхъ иль надъ горой крутою
Поставь твои полки, и помощію тою
Избѣгнешь сильныя противничьей руки,
Поставя станъ позадь какой ни есть рѣки.
Сего еще тебѣ однако не довольно,
Чтобъ мѣсто избирать подъ станъ ты могъ привольно,
Но чтобъ незнаемымъ путемъ ты могъ ходить
И отъ врага свое отшествіе таить;
И такъ движеній ставъ своихъ ты повелитель,
Надъ случаемъ всегда быть можешь побѣдитель;
Такимъ искусствомъ ставъ недвижимъ, сопостатъ
Безплодно на тебя кидать свой будетъ взглядъ;
Не могши твоего сдержать въ походѣ шагу,
Напрасно будетъ всю терять свою отвагу.
Еще тебя теперь я долженъ въ томъ наставить,
По прàвамъ Марсовымъ, въ стану какъ войска ставить,
Чтобы твою огнемъ линею подкрѣпить
И разстояніе полковъ соединить
Громами мѣдными, что страшными удары
Вселяютъ страхъ въ сердца враговъ, смягча гнѣвъ яры,
Позадь вулкановъ сихъ, отколѣ громъ и градъ
Стремятся и разятъ смертельно сопостатъ;
Поставь ты кирасиръ, оружіемъ блестящихъ,
Когда совмѣстники всѣхъ дѣлъ твоихъ гремящихъ,
Бывъ честью собственной къ тому побуждены,
Прорвутся, одолѣвъ оплотъ твоей стѣны;
Тутъ вдвигни кирасиръ, и чтобъ мечи сверкая
Багрилися въ крови, противниковъ сражая.

Искусство такъ вождя черезъ удобность мѣстъ
Въ опасностяхъ всегда намъ помочь подаетъ,
Такъ знанье счастіе всегда собой исправитъ,
Но разумъ рѣдкость та, что насъ собою славитъ;
Отвага жъ обща всѣмъ кидаться только въ бой;
Варронъ тѣмъ воинъ былъ, а Фабіи герой.
Какъ столбъ, простерши верхъ свой гордый до небесъ,
Зритъ понтъ бунтующій и вкругъ шумящій лѣсъ,
Тогда какъ облака Борей сбираетъ яры,
Онъ слышитъ подъ собой громовые удары,
Но въ твердости лицемъ стоя противу тучъ,
Изъ коихъ на него стремится грозный лучъ,
И сильный грома трескъ, и молньи презираетъ,
И вѣтры на себя бѣгущи раздираетъ—
Таковъ въ своемъ стану герой живетъ высокъ,
Уничтожаючи ему противный рокъ,
Спокоенъ, своего зря гордаго злодѣя,
Который съ яростью, силъ равныхъ не имѣя,
Стремится съ наглою отвагой на него,
Но тотъ нетрепетенъ бываетъ отъ всего.
Когда же брани богъ къ тебѣ толь благъ явится,
Что огнь сей склонности въ крови твоей родится,
То крѣпости вездѣ ты на́йдешь предъ собой,
Которы строены не смертною рукой,
Ни пòтомъ, прòлитымъ отъ множества народа,
Но разныя мѣста, что самая природа,
Построивши, отъ всѣхъ невѣждовъ скрыла глазъ.
Разумный же себѣ займетъ ихъ всѣ тотчасъ,
Ихъ пользу ко своей странѣ употребляя,
И въ семъ-то состоитъ ухватка мастерская.
Въ прикрытомъ мѣстѣ такъ отважный Леонидъ
Съ малѣйшимъ воиновъ числомъ сидѣлъ прикрытъ,
Противъ тьмочисленныхъ полковъ оборонялся
И, бывъ противу ихъ онъ слабъ, не убоялся;
Надменныхъ Персіянъ тогда у Термопилъ,
Хотящихъ силою пройти, не допустилъ.
Искусствомъ Греки симъ средь Ксерсова успѣху
Въ стремленіи его содѣлали помѣху.
Такъ, о побѣдѣ прясь со Юліемъ Помпей,
Что обладатель быть хотѣлъ имперьи всей
Онъ счастье отъ Авзонъ къ Епиру переноситъ,

Гдѣ предпріимчивый досаду Юлій сноситъ,
Взирая на сего героя изумленъ,
Что жребіи его имъ былъ остановленъ.
Вы, дирахимскіе хребты превозвышенны,
Гдѣ цѣлый Римъ стоялъ въ стану, неустрашенный,
Чрезъ васъ былъ принужденъ Помпея Юлій чтить,
Какъ не хотѣлъ онъ съ нимъ въ отважный бой вступить,
Но только вашими вершинами владѣя,
Пренебрегалъ всегда ужаснаго злодѣя
И побѣдителемъ дотолѣ быть возмогъ,
Доколѣ духа въ немъ жаръ младости не сжогъ;
Дотолѣ былъ Помпей великъ и равнодушенъ,
Какъ не былъ младости своей еще послушенъ,
Но утомленный бывъ трудами, духъ младой....
О храбрость тщетная, о дерзостный герой!
Лишь только выгодны мѣста успѣлъ оставить,
Въ которыхъ бы себя онъ, стоя, могъ прославить,
Какъ Марсъ далъ чувствовать его жестоку часть
Въ бою, гдѣ Юлій взялъ самодержавну власть.
Въ сей день рѣшительный что небо сотворило?
Помпея Цесарю и съ Римомъ покорило.
 Ты, Монтикукули, съ симъ Римляниномъ равный,
О сынъ отечества, герой и вождь преславный;
Ты со премудростью станы распоряжалъ,
Чѣмъ въ равновѣсіи ты счастіе держалъ
Межъ самого себя и храбраго Тюрена
О ты, защититель имперіи и Рена,
Могу ли я забыть въ стихахъ моихъ сіи
Безсмертные въ войнѣ всѣ подвиги твои?
Самъ Марсъ потщится здѣсь мой слабый гласъ направить,
Чтобъ по достоинству я могъ тебя прославить.
Младые воины, спѣшите вы ко мнѣ,
Чудитеся его походамъ и войнѣ,
Какъ всѣ его станы Германью избавляли
И надъ Французами высоко поставляли,
Когда онъ ставилъ ихъ на выгодныхъ мѣстахъ,
Преобращая всѣ труды противныхъ въ прахъ,
Удерживалъ всегда ихъ наглое стремленье,
Чиня имъ сильное къ тому сопротивленье.
Но не возмни того, чтобъ сей великій мужъ,
Имѣвъ въ себѣ войнство героевъ славныхъ душъ,

Въ стану своемъ всегда недвижимъ оставался.
Хотя бы станъ тебѣ и городомъ казался,
Но ты врага вездѣ во всемъ предупреждай
И дѣйства по его ты дѣйствамъ учреждай,
Всѣ примѣчай его съ прилежностью походы,
Съ скоропостижностью займи его проходы,
Всѣмъ выгодамъ такимъ съ раченіемъ внимай
И, упредя его, ты ими овладай,—
Чѣмъ можешь у него отняти оборону,
Иль войско прочь отвесть безъ всякаго урону,
А иногда впередь податься можешь ты;
Не упускай его движеній ни черты,
И новыми всегда намѣреньями сими
Тягчи его ты мысль поступками такими.
 По повелѣнію начальнаго вождя
Станъ съ прежнихъ мѣстъ его снимаютъ иногда,
И должно преносить на ино мѣсто оный;
Тогда всѣ части войскъ построятся въ колонны,
Что были межъ собой предъ тѣмъ раздѣлены,
Четырьмя корпусы пойдутъ учреждены:
Пѣхота посреди, а конница боками,
Отъ ногъ ихъ встанетъ пыль на воздухъ облаками,
Отъ коей таковой бываетъ въ томъ успѣхъ,
Что взвившися она собой ихъ скроетъ всѣхъ.
А непріятель, тѣ узрѣвъ столпы военны,
Которыми поля обширны покровенны—
Во африканскихъ такъ предѣлахъ страшный змѣй,
Покрытъ и воруженъ блестящей чешуей,
Стремится извившись на добычь со размаху—
Симъ видомъ твой злодѣй содрогнется и съ страху
Возмнитъ, что ты его стремишься съ мѣста стерть,
И что къ нему несешь съ собой ужасну смерть.
 Когда въ порядкѣ ты идешь, готовъ ко брани,
То требуетъ съ тебя и сей Беллона дани,
Чтобъ сильный авангардъ[1] предъ войскомъ шелъ впередъ,
Который отвращать отъ войска будетъ вредъ,
Что можетъ врагъ тебѣ внезапно приключати.
Но долженъ ты его собою подкрѣпляти,
А инако то твой скоропостижный врагъ

1) Передовое войско.

За всякій будетъ тя наказывати шагъ.
Подобно какъ и столпъ, что предходилъ Мойсею,
Сій войски бодростью всегда тебя своею
Отъ нападенія внезапныхъ сохранятъ
И будутъ предъ тобой, какъ нѣкій крѣпкій градъ.
Различны образы, какъ станъ снимать свой можно,
Когда въ которую страну трóнуться должно,
И если вправо мнишь или куды пойтить,
То должны межъ собой въ равенствѣ линій быть.
Судьбина иногда и толь строга бываетъ,
Что побѣдителей, какъ прочихъ, унижаетъ.
Непобѣдимъ никто изъ смертныхъ не рожденъ:
Тюренъ несчастливъ былъ, и Конде побѣжденъ.
Тутъ должно уступать всегда судьбѣ противной,
Гдѣ хочется тобой играть фортунѣ льстивной,
Но льзя и отходя противныхъ обмануть,
Скрываючи отъ ихъ всегда прямой свой путь.
Искусство главнаго велико тутъ бываетъ,
Когда онъ отъ враговъ походъ свой укрываетъ,
Безъ замѣшательства въ порядкѣ отходя,
Обозъ свóй напередъ полками проводя,
А войско главное, другимъ позади войскомъ
Прикрыто, идетъ прочь, и въ мужествѣ геройскомъ
Доколѣ высоты та войска часть блюдетъ,
Другая безъ помѣхъ долины перейдетъ.
И тако тотъ герой, оставя брань кроваву,
Не подвергаючи свою въ опасность славу,
На выгодны мѣста лишь войска приведетъ,
Отдохновеніе на óныхъ имъ даетъ.
Такъ, проходя лѣса германскіе и гòры,
Непопечительны имѣя Варрусъ взоры,
О Римлянахъ своихъ раченья не имѣлъ,
Забывъ искусства весь спасительный предѣлъ,
Станы своихъ всѣхъ войскъ имѣлъ постановленны,
Безъ опасенія движенья дерзновенны.
И такъ, когда ужъ онъ въ ущельи съ войскомъ сталъ,
Гдѣ храбро на него Арменій нападалъ,
Разбитый Варрусъ тутъ едва животъ спасаетъ,
А войска въ добычь все Арменью оставляетъ.
Симъ жребіемъ сраженъ, лишась толикихъ силъ,
Миролюбивый самъ такъ Августъ возгласилъ:

«О Варрусъ, возврасти мои мнѣ легіоны!»
Такъ цесарь испускалъ съ стенаньемъ голосъ оный.
Но если бъ видѣлъ онъ весь Варрусовъ походъ,
Которымъ потерялъ толь храбрѣйшій народъ,
Конечно бъ такъ сказалъ: «О вождь, ума лишенный!
«Займи ты войсками мѣста тѣ возвышенны,
«Съ которыхъ на тебя Арменій нападалъ
«И славу у тебя, и воинство отъялъ.»
Вотъ правила въ войнѣ извѣстны здѣсь какія:
Съ порядкомъ преводить съ мѣстъ воинства большія
И выгодны мѣста подъ станъ свой избирать,
Умѣть хорошія движенья учреждать,
Разумно ко врагу коль должно приближаться,
И, приближаясь, съ нимъ безъ выгодъ не сражаться.
Такія правила науки хитрой сей
Рѣшатъ судьбины царствъ и купно ихъ царей.
А вы, о воины, герои знамениты,
Отважныхъ силъ вожди, отъ коихъ ждемъ защиты,
Зерцало юношей и странъ сихъ красота!
Коль хощете войти въ торжественны врата,
Вы правъ тактическихъ изъ строкъ сихъ навыкайте,
И по наукѣ сей вы къ дѣлу приступайте,
Въ стану вы стойте такъ, какъ Фабіи стоялъ,
А войска двигайте, какъ двигалъ Аннибалъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Уже ты Марсова прошелъ оружья домы,
Изъ коихъ устремясь разятъ ужасны громы,
Бросая тысящи молніевидныхъ стрѣлъ;
Но мало онаго, что ты сіе узрѣлъ,
Чтобъ избранъ подъ его былъ гордыя знамена;
Мала еще и та во воинѣ премѣна,
Когда онъ мужествомъ пространный свѣтъ дивитъ,
Но, бывъ начальникомъ, о войскѣ не радитъ.
Послѣдуй ты за мной во храмъ его священный,
Смотри и проникай въ немъ тайны сокровенны,
Что множеству людей живущихъ на земли
Извѣстны быть еще донынѣ не могли.
Тропинокъ тѣхъ бѣги, что подлость третъ ногами,
Ступай въ святыню ту премудрыми шагами;

Гористый зришь ли путь, что рвами окруженъ
И кровью знатнѣйшихъ героевъ обоженъ,
Сей камень видно ли тебѣ окровавленный,
На коемъ въ облакахъ воздвигнутъ храмъ священный,
Котораго глава Олимпа достаетъ,
Гдѣ собираются безсмертные въ совѣтъ,
И, солнце превзошедъ, сіе огромно зданье
До тартара свое простерло основанье?
Сихъ стражи страшныхъ мѣстъ, Алекто, смерть, раздоръ
Бросати на тебя свой тщетно будутъ взоръ.
Въ нихъ слава тя зоветъ, бодритъ и подкрѣпляетъ
И храма дверь тебѣ священну отворяетъ,
Ступай, не устрашась, за славою въ него,
Опасности тебѣ тамъ нѣтъ ни отъ чего.
Я вижу чистыхъ сестръ, гласъ слышу ихъ прелестный;
Полезные труды и тамъ не неизвѣстны.
Се Уранію тамъ я вижу предъ собой,
Держащу хартію со циркулемъ рукой,
Видъ измѣряющу земли плоскообразной
И въ сокращеніи своею тростью ясной
Изображающу различье государствъ,
Колико свѣтъ въ себѣ содержитъ много царствъ;
Гдѣ точка каждая имѣетъ на земли
Порядокъ свой, лишь ты со тщаніемъ внемли:
Тамъ ею всѣ слѣды назначены по свѣту
И упущенія ни малаго въ нихъ нѣту.
Санзонъ со Вобаномъ, ея любимцы, тутъ,
Въ томъ наставленіе всѣмъ юношамъ даютъ.
Она на картахъ имъ военныхъ открываетъ,
Гдѣ земли, города, рѣка ль гдѣ протекаетъ,
Гдѣ крѣпости стоятъ, которы должно брать,
Иль тѣ, которыя имъ должно оставлять;
Пути извѣстные, гдѣ войску проходити,
И кои миновать, чтобъ сихъ не утомити.
Тамъ Калліопа, зри, стоитъ передъ тобой,
Царей и воиновъ глася своей трубой,
Въ веселомъ образѣ ликуя, торжествуетъ,
Героевъ подвиги военны почествуетъ,
Расказывая ихъ преславны бытія.
Младые юноши внимаютъ гласъ ея,

Всѣ услаждаются пріятнѣйшимъ симъ тономъ
И поощряются въ повѣствованьи ономъ;
А муза, имъ глася высокія дѣла,
Научитъ, въ чемъ порокъ, въ чемъ слава ихъ была,
Чтобъ дѣйствія они прехвальны избирали
И въ пользу ихъ потомъ свою употребляли.
Зри, Благонравіе съ величествомъ лица,
Изъ храма гонитъ вонъ кичливыя сердца
И научаетъ всѣхъ героевъ гласомъ твердымъ
Быть добродѣтельнымъ, притомъ и милосердымъ.
Корыстолюбіе, свирѣпство и грабежъ,
Рождающіе злость, убивство и мятежъ,
Не обинуяся, во оныхъ охуляетъ,
А человѣчество и правду прославляетъ
И дланьми мощными, во твердости своей
Сжимая, давитъ всѣхъ завистливѣйшихъ змѣй;
Желая мирныхъ дней и искренней любови,
Щадя напрасно всѣхъ ліющіяся крови,
Которую должны и сами мы щадить;
А если лить ея, такъ должно только лить
Лишь за единое отечество любезно:
Такое крови есть пролитіе полезно.
Приступимъ ближе мы: Беллона здѣсь съ мечемъ
Неустрашаема является ничѣмъ,
На петляхъ мѣдные ворота обращаетъ
И воинамъ простымъ входъ въ оны запрещаетъ,
Чтобы тайны, что хотѣлъ богъ въ святости сей скрыть,
Извѣстны тѣмъ могли единымъ только быть,
Которыхъ онъ себѣ любимцами считаетъ
И сонма своего достойныхъ быть вмѣняетъ.
Во внутренности зри священнѣйшихъ сихъ стѣнъ
Престолъ, сіяніемъ и славой окруженъ,
На коемъ страшный богъ, военными дѣлами,
Держащій въ воздухѣ духовъ своихъ крылами,
Вокругъ его смотри: се Мужество стоитъ,
Имѣя свой всегда неустрашимый видъ,
И Равнодушіе тамъ видится спокойно,
Тамъ Трудолюбіе, вниманія достойно,
Которое въ твоихъ является очахъ,
Во упражненіи, заботѣ и трудахъ;
Здѣсь Хитрость предстоитъ, свои потупя взоры,

Обманами ея всѣ полны разговоры,
И въ нужномъ случаѣ пріявъ притворный видъ,
Подобно какъ второй Протей, себя творитъ,
Скрывается отъ всѣхъ и паки всѣмъ явится
И въ разныхъ видахъ въ мигъ единый становится.
Воображеніе со пламеннымъ лицемъ,
Сгорающе всегда божественнымъ лучемъ,
Который во груди своей оно питаетъ,
И понимаючи свободно учреждаетъ
Тьмы предложенныхъ вкругъ блистательныхъ вещей,
Паллада ихъ рѣшитъ премудростью своей.
Тамъ Скромность видима, спокойнымъ зряща окомъ
И пребывающа въ молчаніи глубокомъ;
Перстъ на устахъ ея покояся лежитъ
И тайны Марсовы, извѣстны ей, хранитъ;
Престолъ его вокругъ объемлетъ лавръ зеленый,
Гдѣ листвія свой цвѣтъ хранятъ безъ перемѣны,
Которые онъ самъ героямъ раздаетъ,
И коихъ весь гласитъ полубогами свѣтъ,
Кто славы своея достойны пребывали
И духа силою въ побѣдѣ обладали.
Прелестные вѣнцы героевъ преизбранныхъ,
Вы привлекаете насъ быть во битвахъ бранныхъ,
Для васъ безъ робости великая душа
Летитъ на смерть, свои всѣ страсти утиша!
Въ семъ храмѣ божества, лучами освѣщенномъ
И множествомъ трофей военныхъ украшенномъ,
Гдѣ учреждаетъ Марсъ всѣхъ жребіи людей
По волѣ, кою богъ въ войнѣ имѣетъ сей,
Межъ мѣдными двумя столпами изваянны
Стоятъ поставленны тамъ многи истуканы
Любимѣйшихъ войны владѣтеля сыновъ,
И при ногахъ лежатъ сихъ множество враговъ,
Которыхъ мышца сихъ героевъ покорила
И имена ихъ тѣмъ безсмертны сотворила.
Тутъ два героя, зри, великіе стоятъ,
Которыхъ имена концы земны гласятъ
Неумолкаемой военною трубою,
Соравнивая ихъ дѣла между собою,
Которыми они всѣхъ смертныхъ превзошли,
Хоть разными путьми къ достоинству пришли:

Сей—македонскихъ силъ прехрабрый предводитель,
И сей—отважнаго Помпея побѣдитель.
Является тебѣ здѣсь славный Милтіадъ,
Се Кимонъ и потомъ стоитъ Алкивіадъ,
Эмилій, Павелъ-Квинтъ и Фабій съ Сципіономъ,
И далѣе еще во сомнѣ видны ономъ
Великій Генрихъ тутъ, и Конде, и Тюренъ,
Котораго дѣла гласитъ великій Ренъ.
Здѣсь Монтикукули, Баденъ, Ангальтъ, Евгеній,
Тамъ счастливый Густавъ-Адольфъ превознесенный;
Изъ ва̀ятелевыхъ исшедшій только рукъ,
Тутъ виденъ истуканъ, одѣянъ пальмой вкругъ:
Саксонца славнаго сіе изображенье,
Который жизнь свою скончалъ не на сраженьѣ;
Но въ тѣ уже часы, когда имѣлъ покой,
Смерть алчною его похитила рукой.
Придите вы сюда, о воины младые!
Здѣсь видимы труды и подвиги прямые,
Чрезъ кои зракъ сего героя удрученъ,
И коими сей знакъ безсмертья полученъ:
Чело изъ-подъ сѣдинъ являетъ нрава благость,
Составы чувствуютъ согбенны лѣтню тягость,
Исполненное все глубокихъ тѣло ранъ
Сопротивляется жестокости времянъ;
Что всяко вещество собою разрушаетъ,
Его единаго крѣпитъ и украшаетъ.
Покажетъ во войнѣ пунической вамъ онъ,
Какъ Римъ во Африкѣ защѝтилъ Сципіонъ,
Содѣлавъ хитростью своею перемѣну,
Ко устрашенному привлекши Карѳагену
Того, кто былъ тогда искуснѣйшій герой, [1]
Принудилъ во своемъ отечествѣ дать бой.
Другой бы вождь, не столь великъ бывъ въ разсужденьѣ,
Доволенъ былъ, въ поляхъ авзойскихъ давъ сраженье,
И только бы свою тѣмъ землю защитилъ,
Однакожъ бы врагу ни мало не отмстилъ.
Когда вражда во̀ дни, войною возмущенны,
Владычицею всей содѣлалась вселенны,

1) Аннибалъ.

Тогда героями обиленъ былъ весь свѣтъ;
Смотри, какъ здѣсь войну Серторіусъ ведетъ:
Во время на враговъ со выгодой стремится,
Въ другое уступить онъ имъ разумно тщится
То мѣсто, кое онъ побѣдой одержалъ,
Когда смятенный врагъ отъ стрѣлъ его бѣжалъ.
Иберіянскими камнистыми холмами
Бывъ тако защищенъ, какъ твердыми стѣнами,
Между которыхъ онъ себя со войскомъ скрылъ,
Остановляетъ тѣмъ стремленье римскихъ силъ.
Такъ знаетъ бодрый духъ, искусствомъ обладая,
Въ чемъ храбрость состоитъ военная прямая,
Когда отъ случаевъ внезапныхъ отступить,
И гдѣ отважному герою должно быть.
Незнающій здѣсь вождь себя бы не прославилъ,
Онъ безопасное толь мѣсто бы оставилъ,
И въ запальчивости сошелъ бы онъ съ холмовъ
Сильнѣйшихъ поискать противъ себя враговъ,
Которые, въ своемъ стану тогда имѣя
И счастіе съ собой, и храбраго Помпея,
Давно Серторью бой готовы были дать,
Въ которомъ бы могли побѣды ожидать.
 Великій Конде здѣсь, любезный сынъ Беллоны,
Герой, защититель французскія короны.
Тутъ должно бъ дѣйствія велики предпріять,
Чтобъ непріятелей счастливымъ удержать;
Въ сей день, рѣшительный для Франціи и Гишпаньи,
Герой отважностью имѣлъ успѣхъ во брани.
Но осторожнѣе сего бы вождь другой,
Отважиться бъ не могъ на толь преважный бой,
И, чрезъ унынье бы Француза ободренный,
Гишпанецъ счастьемъ гналъ его въ парижски стѣны.
 Смотри и примѣчай, какъ изъ полночныхъ нѣдръ,
Гдѣ вѣчная зима, гдѣ хладный дышетъ вѣтръ,
Поверхъ сѣдыхъ валовъ стремятся, бездну роя,
Чуждые корабли, нося въ себѣ героя,
Котораго былъ въ сей имперьи страшенъ взоръ.
Его привлекъ туда Германіи раздоръ.
Премудрость въ семъ пути его предупреждаетъ,
И Марсъ, послѣдуя ему, препровождаетъ.
Защита страшная стѣсненныхъ городовъ

И преужаснѣйшій для жителей покровъ,
Великимъ воинствомъ и славой окруженъ,
Противъ тиранства онъ приходитъ вооруженъ,
Которымъ Вѣна всю Германію страшила:
Густавова рука сомнѣнье все рѣшила;
Онъ на брегу морскомъ свой станъ постановилъ,
Гдѣ и Стральзундъ ему пристанище открылъ,
И бывъ увѣреннымъ о помощи толикой,
Союзниковъ своихъ, что силою великой
Возмогутъ отъ него злость рока отвратить,
Въ несчастьи жъ за него конечно будутъ мстить.
Какъ побѣдитель сей идетъ и торжествуетъ,
Тамъ счастіе ему вездѣ споспѣшествуетъ:
Германію пробѣгъ, избавилъ, покорилъ
И сто поруганныхъ князей возстановилъ;
Намѣреньямъ его всѣмъ слава послужила,
И если бъ Парка лѣтъ его не прекратила,
Имперія бъ должна была вострепетать
И внутрь себя двоихъ владѣтелей питать.
 Зри на Евгенія: князь славной толь породы,
Какіе дѣлаетъ онъ смѣлые походы
Надъ Лонгобардіей; какъ царство трехъ линей
Владычествовало, онъ велъ тогда людей
Чрезъ верхъ Альпійскихъ горъ, которыя герою
Уготовляютъ путь осеннею порою;
По неудобному и трудному пути
Превозмогаетъ ихъ, летитъ Туринъ спасти,
Спасаючи Марсель чрезъ подвиги геройски,
Зритъ обращенныя свои всѣ въ бѣгство войски;
Но черезъ дѣйствіе, искусство и поспѣхъ
Побѣдоносецъ сей, избѣгнувъ бѣдствій всѣхъ,
Печальную опять Италью утѣшаетъ
И ужъ ослабшему владыкѣ возвращаетъ.
 Послѣдуй на поля венгерскія за мной.
Тамъ идетъ по брегамъ дунайскимъ сей герой:
Онъ держитъ мусульманъ осадой въ Бѣломъ градѣ
И видитъ, напротивъ, себя отъ нихъ въ осадѣ;
Однако градъ тѣснитъ, работы вкругъ творя,
Пренебрегаючи всю наглость визиря,
И ближе подступить къ себѣ не воспрещаетъ,
Но и рѣку ему прейти онъ допущаетъ.

Тогда сей Марсовъ сынъ, не медля ни часа,
Стремится; латники вьютъ пыль подъ небеса,
Молніевидныя блистаютъ ихъ одежды,
Летятъ безъ робости, исполнены надежды.
Бѣжитъ разсыпанный, оставя поле, врагъ,
За нимъ стремятся смерть, отчаянье и страхъ;
Тутъ Турокъ, устрашась, отвагу всю теряетъ
И побѣдителю градъ въ добычь оставляетъ.
 Се здѣсь передъ тобой великодушный князь,
Котораго я въ семъ восторгѣ зрю чудясь:
Народъ его вездѣ отъ дѣлъ его прославленъ,
И славы сей предѣлъ въ концахъ земли поставленъ;
Его чувствительнымъ онъ воплемъ тронутъ сталъ,
Который во своемъ несчастьи испускалъ,
И къ Эльбѣ, ко своимъ на помощь прилетаетъ.
Тогда въ ужаснѣйшей бѣдѣ несносной сей
Вся область стала быть добычею звѣрей:
Гдѣ горделивые счастливыхъ Готѳовъ чады
Сжигали преданны на расхищенье грады,
Тамъ Врангель, счастливой побѣдой ослѣпленъ,
Покоился въ ея объятьи усыпленъ;
Но громъ его уже край бездны пробуждаетъ,
И богъ отмщенья имъ, намъ милостивъ бываетъ.
Не чудо ли? Придти, увидѣть, побѣдить,
Единаго чтобъ дня могло то дѣло быть?
Скоропостижностью такою устрашенный,
Шведъ видитъ, что тогда дѣла его военны
Пріяли на себя совсѣмъ премѣнный видъ,
Какъ новый сей напалъ на станъ его Алкидъ.
О Ѳербалинскія поля окровавленны!
Вы зрѣли, какъ они разбиты и плѣненны;
Такъ прежде мщенье богъ хотѣвый показать,
Чтобъ дерзость гордаго народа наказать,
Исполнить ангелу свой гнѣвъ повелѣваетъ,
Который Филистинъ въ стану ихъ побиваетъ.
 Таковъ Вильгельмъ, или еще и болѣ былъ
Въ тотъ день, когда своихъ противниковъ разбилъ.
Среди побѣдъ свои щедроты истощаетъ,
И неразсудный жаръ онъ Гомбургу прощаетъ,
Который, храбростью прельщенъ, вступилъ съ нимъ въ бой.
Бываетъ милосердъ и къ плѣннымъ сей герой,

Къ симъ буйнымъ толпищамъ сердецъ окамененныхъ
И сожигателямъ градовъ опустошенныхъ;
Хотя и зналъ онъ, какъ тѣмъ милости казать,
Которыхъ бы возмогъ правдиво наказать,—
Однако предпріялъ онъ мысли тутъ геройски
Изгнати съ тѣхъ бреговъ разбитыя имъ войски,
На кои съ наглостью предъ тѣмъ они пришли
И хищною рукой всю область грабя, жгли.
Онъ прогоняетъ ихъ на тѣ обратно волны,
Которыми пришли, сразить надежды полны.
По сихъ послѣдуютъ новѣйшія дѣла.
Лишь Пруссія его на помощь призвала,
Жестокость зимняя и льдомъ покрыто море
Отважности его вспомоществуютъ вскорѣ.
Ѳетида отъ сего приходитъ въ хладный страхъ,
Увидя на своихъ замерзлыхъ вдругъ волнахъ
Переносимые станы сего героя.
Онъ йдетъ, и его ужаснѣйшаго строя
Продерзкій сопостатъ въ смятеніи дрожитъ
И, ужасомъ объятъ, лица его бѣжитъ,
Бѣжитъ предъ нимъ, куда онъ взоръ свой обращаетъ.
Безъ битвъ герой своимъ противникамъ отмщаетъ.
Оставь божественныхъ полей всегдашній день,
О ты, пресвѣтлая возлюбленная тѣнь!
Оставь для насъ небесъ отечество драгое,
Гдѣ пребываешь ты во сладостномъ покоѣ.
Воззри родительскимъ ты окомъ на станы,
Что были отъ небесъ тебѣ поручены,
И научи твоихъ дѣтей искусство знати,
Которымъ ты умѣлъ противныхъ побѣждати.
А вы, о юноши, внимайте пѣснь мою;
Не древныхъ здѣсь въ примѣръ я воиновъ пою,
Которыми взята великолѣпна Троя,
Но собственнаго вамъ представлю здѣсь героя,
Котораго за всѣ великія дѣла
Великимъ именемъ вселенная почла.
Онъ падшее свое отечество возставилъ
И славою своей во вѣкъ его прославилъ,
Побѣдоносныя въ немъ войски учредилъ,
Невѣжество изгналъ, науки насадилъ,
Понесъ труды, царямъ неслыханны отъ вѣка,

Премудростію бывъ превыше человѣка,
Пороки побѣдилъ, какъ гидру Геркулесъ,
И храбростью своей вознесся до небесъ;
Внутри бунтующи полки искореняетъ,
И внѣ противные разитъ и прогоняетъ;
Разноситъ обоихъ, какъ сильнымъ вѣтромъ прахъ,
И вкореняетъ тѣмъ почтеніе и страхъ,
Оружіемъ гремитъ и все превозмогаетъ,
Возводитъ королей и оныхъ низлагаетъ,
Усилилъ Фридрика, а Карла побѣдилъ
И Августа возведъ, на тронѣ утвердилъ.
 Нептунъ отъ бездны водъ воздвигъ свой взоръ суровый,
Четыре флота зрѣлъ подъ властію Петровой,
Содрогся и потомъ слова сіи вѣщалъ:
«Я радости сея тогда не ощущалъ,
«Какъ баснословные сбиралися герои
«На разореніе противныя мнѣ Трои.
«Се не Атреевъ сынъ здѣсь властвуетъ, но Петръ;
«Престаньте, волны, бить, умолкни, бурный вѣтръ,
«И наглость вы свою на тихость согласите,
«Героя въ торжествѣ въ желанный путь несите.
«Я не хочу вражды имѣти со Петромъ.»
Слова его скончалъ съ четырехъ флотовъ громъ,
Которые Петру послушность тѣмъ являли
И повелителя по Бельту прославляли.
 Таковъ былъ Петръ великъ на сушѣ и моряхъ,
Союзникамъ покровъ, врагамъ кичливымъ страхъ;
Величество его и громкія побѣды
Гласятъ по всей земли Сарматы, Персы, Шведы.
 Герой сей, что снискалъ безсмертія вѣнецъ,
Да будетъ, Марсовъ сынъ, тебѣ во образецъ;
Навыкни, какъ и онъ, земель пространство знати,
Въ которыя тебя честь будетъ провождати.
О предпріятіяхъ ты прежде разсуждай,
Потомъ желаннаго конца имъ ожидай.
Безъ разсужденія жъ вступати въ дѣйство—трудно,
А вображеніе живетъ и безразсудно.
Отнюдь собою самъ одинъ ты не считай,
Но то всегда себѣ предъ очи представляй,
Что можетъ сопостатъ впреки тебѣ поставить,
А инако себя не льзя тебѣ прославить.

Въ намѣреньяхъ не льзя успѣха ожидать,
Когда твой разумъ ихъ не будетъ учреждать.
Король, что мнилъ свою распространить державу,
Возмогъ бы, можетъ быть, себѣ содѣлать славу
И девяти въ войнѣ счастливѣйшихъ годовъ
Не погубилъ бы всѣхъ въ единый день плодовъ,
Когда бы онъ умомъ рѣшилъ воображенье,
Не шелъ бы съ войсками такими на сраженье,
Которыя предъ тѣмъ онъ гладомъ утомилъ,
Гдѣ храбрый царь его и съ войсками разбилъ.
Тогда сгустившійся весь Днѣпръ отъ кровна тока
Далъ Карлу знать его жестокость злаго рока,
Далъ знать, что счастіе предъ мудростію—тѣнь.
О ты, Россіи всей благополучный день,
Ты, поле, готѳскими покрытое тѣлами,
О поле, славное Петровыми дѣлами!
Ты будешь всѣмъ сію побѣду возвѣщать,
Доколѣ солнца лучъ свѣтъ будетъ освѣщать.
Пускай во воздухѣ громъ, тайно затворенный,
Изрыгнетъ на тебя удары раскаленны,
При нападеніи нечаянныхъ враговъ
Не будь ты дерзновенъ, но будь всегда готовъ
И вѣрь, что дѣло то совсѣмъ не окончалось,
Когда еще тебѣ додѣлать что̀ осталось.
Не будь и счастіемъ доволенъ ты такимъ,
Которо разнится съ намѣреньемъ твоимъ.
Такъ Богъ премудростью своей, намъ неизвѣстной,
Изъ темной бездны свѣтъ исторгнулъ сей прелестной,
Согласное съ своимъ намѣреньемъ узрѣлъ,
Которое еще онъ прежде изобрѣлъ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ желѣзный вѣкъ, когда порокъ во свѣтъ родился
И вмѣсто истины межъ смертныхъ утвердился,
Вражда, убивство, злость и зависть началась,
И наглость сильнаго геройствомъ назвалась.
Ужъ стали лишь тогда родившіеся грады
Взводить вокругъ себя ужасныя ограды,
Чтобъ ими отъ враговъ животъ свой защитить,
Которы ихъ возмнятъ себѣ поработить;
Потомъ, цари дабы спокойнѣе владѣли,

Воздвигнула ихъ власть высоки цитадели,
Которыми бъ могли мѣщанство обуздать;
И тако стали вновь ограды созидать,
На самыхъ горъ верхахъ и на рѣчномъ стеченьѣ
Явились крѣпости; чрезъ жителей раченье
Сталъ всякаго предѣлъ строеньемъ укрѣпленъ.
Какъ левъ рыкающій, отъ гнѣва распаленъ,
Ужасный рядъ зубовъ оскаливъ, обращаетъ
И тѣмъ пужливаго Арапа устрашаетъ,
Такъ укрѣпленнаго владычества предѣлъ
Во безопасности стоитъ отъ вражьихъ стрѣлъ,
Въ зломыслящихъ ему сосѣдяхъ страхъ рождаетъ
И жаръ ихъ наглости стѣнами прохлаждаетъ.
 Война и въ древности, во всяки времена,
Между науками была предпочтена;
Успѣхи въ ней свое младенчество имѣли
И со искусствомъ въ свѣтъ явить себя не смѣли.
Авзонья съ Греціей, чтобъ сохранить себя,
Едину толстоту валовъ употребя,
И башни гордыя на оныхъ возвышали,
Съ которыхъ стѣнные проломы защищали,
Употребляя пращъ метаніе и стрѣлъ,
Чтобъ приступающъ врагъ во градъ ихъ не вошелъ.
Когда жъ защитниковъ толь храбрыхъ утѣсняли
И стѣны страшными тараны разбивали,
Тогда внизъ сѣряный составъ со стѣнъ спадалъ
И осаждающихъ махины поядалъ,
Убивственныя въ прахъ орудіи сжигая
И храбрыхъ воиновъ во бѣгство обращая.
Тутъ часто со стыдомъ отважные вожды
Принуждены свои оставить всѣ труды.
 Не поминаю я о славной той осадѣ,
Что̀ при Пріямовѣ была въ вѣкъ древній градѣ;
Владѣтеля сего съ несчетными дѣтьми
Сразила, погубя различными смертьми.
Я стихотворческій чту пепелъ Иліона
И брани бывшія, которыя Юнона
Во гнѣвѣ при берегахъ Скамандры не вела
И множество кровей геройскихъ пролила.
Но, чрезъ Виргилія описанный прекрасно,
Сей случай повторять я буду здѣсь напрасно

И, не придавъ красы, ни важности ему,
Тѣмъ важность собственну стиховъ сихъ отъиму.
 Смотри, какъ Римляне старанье прилагаютъ,
Во взятьи Сиракузъ весь трудъ превозмогаютъ.
Метеллiи, себя хотя симъ превознесть,
Употребляетъ всю и храбрость онъ, и лесть;
А воины его, любезны Марса дѣти,
Хотятъ черезъ труды стѣнами овладѣти;
Но тамъ усмотришь ты, какъ хитрый Архимедъ
Уничтожаетъ всѣхъ его приступовъ вредъ;
Онъ въ башняхъ и стѣнахъ проломы защищаетъ
И Римлянъ удержавъ, махины ихъ сжигаетъ.
 Марселья, до того непобѣдимый градъ,
Чинимыхъ Цесаремъ ей терпитъ тьму осадъ,
Но онъ, хоть утружденъ, приступы повторяетъ
И градъ способствiемъ Нептуна покоряетъ.
 Толь продолжительны во древности времянъ,
Кровопролитыя осады всѣхъ Римлянъ
Премножество мужей отважныхъ погубляли
И жребiй храбрѣйшихъ ихъ войскъ остановляли.
 Но демонъ брани лѣтъ ужъ нѣсколько потомъ
Исторгнулъ изъ руки Юпитеровой громъ;
Тогда въ искусствѣ семъ вдругъ все премѣнно стало,
Все войско вооружась сей молнiей блистало,
Металлъ ужаснѣйшимъ сталъ пламенемъ рыгать
И адскiе шары на воздухъ поднимать,
Которые на верхъ обширной кривизною
Восходятъ къ небесамъ и къ низу съ тяготою
Сугубою падутъ въ назначенный предѣлъ,
Пробивши толстоту твердѣйшихъ самыхъ тѣлъ
И, разорвавшися на части, огнь рождаютъ
И съ нимъ изъ темныхъ чреслъ смерть страшну свобождаютъ.
 Потомъ со стѣнъ градскихъ изъ мѣдяныхъ громадъ
Со страшнымъ ревомъ вдругъ пущонъ желѣзный градъ,
Въ мигъ съ молнiей своей на мѣсто долетаетъ
И непрiятеля ударомъ постигаетъ,
И напротивъ въ стѣнахъ ужасный этотъ громъ
Возможетъ силой ядръ содѣлати проломъ.
 Науки оныя толь важны чудеса,
Что̀ предоставили днямъ нашимъ небеса,

11**

И богъ войны почелъ за вымыселъ прехитрый,
Приготовляются изъ сѣры и селитры.
Какъ таинства сего премудраго успѣхъ
Извѣстенъ сдѣлался во свѣтѣ между всѣхъ,
То вымыслъ, знаніемъ началъ обогащаться,
Далъ знать, какъ городамъ безъ башенъ защищаться;
И чрезъ искусство тожъ могли еще понять,
Какъ и отъ дѣйствъ себя громовыхъ охранять.
Ты, Вобанъ славнѣйшій, любимецъ бога брани,
Ты многихъ превзошелъ искусствомъ въ хитромъ знаньи.
Творецъ изящнѣйшій порядочныхъ валовъ,
О ты, великій мужъ, внимая жаръ сихъ словъ,
Да не умедлитъ тѣнь твоя предъ насъ предстати
И нашихъ воиновъ младыхъ научитъ знати,
Какою хитростью ты грады ополчалъ
И отъ руки враговъ надменныхъ защищалъ,
Какъ знаніе твое французской для короны
Умножить возмогло толики обороны.
Сихъ новыхъ крѣпостей искусствомъ всѣ страны
Отъ поврежденія громовъ сохранены,
И всѣ строенія такъ нижнія закрыты,
Что издали никакъ не могутъ быть разбиты.
А укрѣпленія отвсюду таковы
Объемлютъ ото всѣхъ сторонъ глубоки рвы,
Раскаты же собой всю крѣпость защищаютъ
И сами въ близости другъ друга очищаютъ,
Ко горламъ обратясь въ подобіе ушей;
Въ срединѣ рва я зрю передъ стѣною всей,
Для защищенія пространныя куртины,
Стоятъ наполнены тамъ пушекъ равелины.
Сіи строенія отъ главныя стѣны
Ученою рукой совсѣмъ отдѣлены;
Вокругъ строеній сихъ въ обширномъ положеньѣ
Воздвигнутъ анвелопъ, который, укрѣпленье
Собою все закрывъ, свою являетъ грудь;
Предъ нимъ содѣланъ ровъ, а тамъ покрытый путь:
Тамъ палисады вкругъ строй гордый показуютъ,
Тамъ гласисъ, коль на немъ со храбростью воюютъ,
Позоромъ страшнымъ битвъ бываетъ иногда,
Кровопролитья войскъ, упадка и вреда.
Колико помощи, свой вредъ предускоряя,

Взялъ смертный изъ наукъ, ихъ знанью покоряя!
Кто бъ зря не возгласилъ французскихъ твердость стѣнъ,
Что къ оборонѣ въ нихъ весь разумъ истощенъ!
 Не мни жъ, чтобъ хитрости всѣ были здѣсь явленны.
Смотри еще теперь на пропасти подземны,
Гдѣ весь въ свирѣпости соединился адъ,
Что подъ твоей ногой зеленый кроетъ скатъ:
Селитра тутъ и огнь ждутъ въ добычь повсечасно,
Когда на нихъ взойдетъ вождь съ войскомъ безопасно,
Тогда къ погибели несчастныхъ тѣхъ людей
У смертоносныхъ сихъ надменныхъ челюстей
Свирѣпые огни заклепы разрываютъ
И трупами валы градскіе покрываютъ.
Представя предъ глаза ужасный смерти видъ,
Тамъ воинъ опаленъ растерзанный лежитъ.
 Во укрѣпленьяхъ сихъ хоть страхи нестерпимы,
Но крѣпости въ нашъ вѣкъ не суть непобѣдимы;
Сіе разумное искусство градъ блюдетъ
И осаждающимъ тожъ средство подаетъ
Ко облеженію и нападенью града;
Но правила свои имѣетъ здѣсь осада.
Разумный вождь, притомъ имѣя храбру грудь,
Творитъ въ срединѣ бѣдствъ себѣ свободный путь;
Онъ укрѣпленія всѣ войскомъ окружаетъ,
И ежели ему врагъ дерзкій угрожаетъ,
Который станъ его мнитъ силой разорвать
И осажденному народу помочь дать,
Тогда вокругъ себя всю землю вырываютъ
И укрѣпленіе сіе устроеваютъ,
Чтобъ смѣлые бойцы, закрывшись въ оныхъ рвахъ,
Пренебрегать могли ударовъ смертныхъ страхъ.
 Но тѣ, которые отъ Марса одаренны
Прямыми качествы и въ дѣлѣ семъ отмѣнны,
Умѣютъ въ узкости линеи потѣснить
И потѣсняючи ихъ рвами съединить.
Но знай, что рвы бреговъ безъ войскъ не защищаютъ;
Когда противники на оны нападаютъ,
То должно, чтобъ врагу ты силы противъ силъ
Всегда готовыя къ отпору становилъ;
Притомъ запасныя имѣй съ собою войски,
Безъ коихъ тщетны суть всѣ замыслы геройски,

И чтобы врагъ тебя во слабость не привелъ,
Потребно, чтобъ припасъ довольный ты имѣлъ;
Въ то время можешь ты успѣха ожидати
И нападающихъ усилье побѣждати.
Старайся знаніе свое употреблять,
Чтобъ силу въ крѣпостяхъ и слабость узнавать.
Но на отвагу здѣсь свою не полагайся
И къ крѣпости всегда помалу подвигайся;
Имѣючи отвѣсъ со циркулемъ въ рукахъ
И воиновъ своихъ сокрывъ въ глубокихъ рвахъ,
Дойдешь обходами подъ самы цитадели,
А въ полѣ вырывай ты длинны параллели,
Съ искусствомъ всѣ свои работы учреждай
И городскому ихъ огню не открывай.
Металлъ твой молнію ужасну тутъ изрыгнетъ
И основаніе раскатовъ всѣхъ подвигнетъ,
А громъ, что на тебя стремился съ градскихъ стѣнъ,
Замолкнетъ, ставъ твоимъ ударомъ покоренъ,
Въ покрытомъ врагъ пути убѣжища лишенный
Откроетъ твоему огню градскія стѣны.
Теперь ужъ ты взошелъ на тотъ обманный скатъ,
Въ которомъ пропасти сокрытыя грозятъ,
Въ обманныхъ сихъ мѣстахъ ты, щупъ съ собой имѣя,
Познай и уничтожъ подземнаго злодѣя.
Однако здѣсь свою горячность утиши,
Сберегай людей и медленно спѣши;
И тако, брань скончавъ съ злодѣемъ мѣстъ подземныхъ,
Который сокровенъ лежалъ въ подкопахъ темныхъ,
Вели идти своимъ подъ самый палисадъ
И въ городъ ударяй изъ мѣдяныхъ громадъ.
Ударомъ будутъ ихъ всѣ стѣны осыпаться,
А чрезъ подкопщиковъ раскаты подрываться,
И рвы наполнятся упадшею землей.
Тогда-то ты своихъ людей не пожалѣй,
Тутъ должны сильные приступы повторяться
Дотолѣ, какъ враги во градѣ покорятся.
Исполнясь воины отвагой въ битвахъ сихъ,
Преслѣдуя врага, бѣгущаго отъ нихъ,
Успѣхи часто въ томъ великіе имѣли
И крѣпостьми чрезъ то удачно овладѣли.
Такъ сила, правящась искусною рукой,

Французская, стремясь, вступя во жаркій бой,
Валенціену взявъ, приступомъ покорила
И славу Лудвика безсмертну сотворила.
За воиномъ простымъ прилежно наблюдай
И жаръ его своей ты властью обуздай.
Не такъ свирѣпы львы и тигры злы бываютъ
Во время то, когда дѣтей ихъ побиваютъ,—
Какъ воинъ, во взятьѣ градскомъ неумолимъ,
Преслѣдуетъ врага, бѣгущаго предъ нимъ.
Коль власть твоя его свирѣпствовать оставитъ,
Убивствомъ онъ тебя и войско обезславитъ.
Немилосердый вождь—кто воинамъ своимъ
Не запрещаетъ быть свирѣпымъ, наглымъ, злымъ.
Хотя бы побѣдилъ онъ всей земли пространство,
Но лавръ въ его рукѣ завянетъ чрезъ тиранство,
И гласъ вселенныя, забывъ число побѣдъ,
Единое его злодѣйство проклянетъ.
Такъ Тиллій за орла цесарскаго сражался.
Отъ славныхъ дѣлъ его свѣтъ блескомъ наполнялся;
Но варварство потомъ затьмило тьму побѣдъ,
И имя въ вѣкъ его въ храмъ славы не войдетъ.
Гласъ магдебургскаго стенящаго народа
Творитъ, что имъ теперь гнушается природа.
Смотрите, воины, на страшный образъ сей
И начертайте то на памяти своей,
Какимъ неистовствомъ свирѣпый Тиллій дышетъ.
И если злость его рука моя опищетъ,
То только для того, чтобъ вы имѣли страхъ
Подобиться ему въ неистовыхъ дѣлахъ.
Се представляются ужъ мирны договоры,
Гражданъ удобно симъ прельщаютъ слухъ и взоры,
Стремятся съ радостью на лестный толь предметъ,
Замолкнулъ громъ ружья, сраженья болѣ нѣтъ.
Сдаются на слова коварнаго героя,
Онъ усыпляетъ ихъ въ объятіи покоя;
Морфей пріятнѣйшій леталъ ужъ на стѣнахъ;
Гдѣ прежде зрѣлися оружіе и страхъ,
Ужъ стража по травѣ во лѣности валялась,
И ночь пріятная во градѣ начиналась.
Но, ахъ, сія мечта, съ претемныхъ береговъ
Пришедъ, велѣла всѣмъ сойти съ градскихъ валовъ,

Едину только стебль оливы имъ явила
И симъ обманчивымъ всѣхъ видомъ уловила.
 Все спитъ. Но Тилліи ужъ войски учреждаетъ,
Пришествіемъ во градъ Авро́ру упреждаетъ.
На стѣны гордыя, лишенны оборонъ,
Свирѣпый Австріякъ взошелъ со всѣхъ сторонъ.
Несчастливый народъ, не думая измѣны,
Бѣжитъ оборонять уже взятыя стѣны.
О жалостнѣйшій вопль, о ты, ужасна ночь,
Се паки брань горитъ и миръ уходитъ прочь.
Смерть алчна въ темнотѣ свой паки зракъ явила
И градъ плачевными крылами весь покрыла.
Кровава ярость тутъ со тусклыми очьми
Побѣдоносцевъ злыхъ всѣхъ адскими мечьми
На погубленіе народа вооружаетъ,
Убивство всѣхъ гражданъ средь ночи пробуждаетъ,
Которыхъ сонъ тогда скончался вѣчнымъ сномъ.
Тутъ тщетно небеса бросаютъ въ воздухъ громъ
Для устрашенія свирѣпаго народа,
Которыхъ злобу зря, содрогнулась природа.
 Не держитъ Тиллія ничто уже нигдѣ,
И воинство его, разсыпавшись вездѣ,
Мѣста священныя насильно отверзаютъ,
Вездѣ свирѣпствуютъ, бьютъ, грабятъ и терзаютъ,
Насилуютъ по всѣмъ домамъ дѣвицъ и женъ.
Но Тилліи, своимъ успѣхомъ злымъ разженъ,
Злодѣйство оное злодѣйствомъ провождаетъ
И лютое своихъ тиранство подтверждаетъ.
Но если кто изъ нихъ не толь казался лютъ,
Тотъ слѣдуетъ другимъ; всѣ кровь нещадно льютъ;
Противился ли кто, или бѣжавъ скрывался,
Желѣзомъ лютыхъ сихъ разбойниковъ скончался.
 Младенецъ, во слезахъ у матернихъ грудей
Сраженъ въ объятіяхъ, скончался вмѣстѣ съ ней,
И сына своего родитель защищая,
Лежитъ поверженъ съ нимъ, духъ съ кровью испущая,
Не отомстя врагу за сына своего.
Тутъ кромѣ жалости не видно ничего.
Чудовища сіи, не внемля токовъ слезныхъ,
Въ убѣжищахъ святыхъ, но тутъ ужъ безполезныхъ—
И кто не тронется отъ сихъ ужасныхъ словъ?—

Побили множество трясущихъ стариковъ.
 И сказываютъ что насильствомъ побѣжденны
Младыя красоты, искати принужденны
Среди убивствъ себѣ спасенья отъ стыда,
Но помощи и той лишившися тогда,
Объятыя тоской, въ отчаяньи, въ печали,
Въ кровавой Эльбѣ стыдъ и дни свои скончали.
 Но что за страшный мнѣ позоръ еще предсталъ?
Куда бѣжите вы и кто, ахъ, васъ послалъ?
Какое вы еще вновь бѣшенство начнете?
Чудовища, почто свѣщи съ собой несете,
Которыми вы всѣ въ крови освѣщены?
Не суть вы воины, вы—демоны войны.
 Ужъ пламя по домамъ вѣтръ вьясь распространяетъ.
Несчастный Магдебургъ, какъ Троя, погибаетъ.
Объемлетъ все пожаръ, нигдѣ спасенья нѣтъ,
По всѣмъ мѣстамъ, вездѣ стонъ страшный востаетъ
Отъ погибающа во пламени народа.
О злость, которою гнушается природа!
 Таковъ въ писаніи страхъ адскаго огня,
Ужасный тамъ позоръ, и хляби, чужды дня,
Гдѣ всѣ источники надежды изсушенны,
И фурьи, жалости ко страждущимъ лишенны,
Нещадно преданныхъ на муки имъ біютъ,
И мучимы отъ нихъ безъ пользы вопіютъ;
Тамъ человѣчество страдати осужденно,
Огнемъ, мучительми и страхомъ окруженно.
 Таковъ казался твой или страшнѣе видъ,
О Магдебургъ, огнемъ и кровію покрытъ.
По страшной ночи той и дневное свѣтило,
Возшедъ на небеса, лучи въ куреньи скрыло,
Страшася на твои развалины воззрѣть,
Которыя еще, не престая горѣть,
Во мракѣ пламенемъ злодѣевъ освѣщали
И купно тѣмъ свою погибель возвѣщали.
 Сей градъ, что до того художествами цвѣлъ,
По зломъ несчастіи, которо претерпѣлъ,
Отъ зданьевъ, коими себя онъ столько славилъ,
Едины страшныя пустыни лишь оставилъ,
Гдѣ воинъ, ставъ своимъ злодѣйствомъ утомленъ,
Хвалился грабежемъ и разореньемъ стѣнъ,

И Эльба, страшныхъ мѣстъ убѣгнуть поспѣшая,
Пустилась по тѣламъ, токъ съ кровію мѣшая.
Счастливъ ли Тиллій былъ побѣдой сею? Нѣтъ.
Противу варварства его возсталъ весь свѣтъ
И, позабывъ успѣхъ войны, злодѣйству внемлетъ
И славу у него побѣды сей отъемлетъ.
Прекрасный Магдебургъ ужасный сталъ предметъ,
Который о его свирѣпствѣ вопіетъ,
Плачевныхъ множество признаковъ всѣмъ являетъ
И мщеніемъ небесъ тирану угрожаетъ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Паллада на поля побѣдъ тебя зоветъ
И къ чести разными дорогами ведетъ,
Героемъ дѣлаетъ всегда чрезъ просвѣщенье,
Гласитъ тебѣ чрезъ пѣснь премудрое ученье,
Дабы и при концѣ твоихъ военныхъ дѣлъ
Ты славу сохранить оружія умѣлъ.
Когда студеная зима войну скончаетъ,
И вѣтры всѣ Эолъ въ пещеры заключаетъ,
Единъ Зефира врагъ, порывистый Борей
Испустится во свѣтъ и наглостью своей
Богатство красныя Помоны похищаетъ
И древеса плодовъ и листвіевъ лишаетъ;
Покрыты рѣки льдомъ недвижимы стоятъ,
Луга безплодные не узрятъ больше стадъ.
И наконецъ тогда, какъ храбрѣйшія войски
Не могутъ продолжать дѣла свои геройски,
Суровствомъ бурнаго Борея стѣснены,
Принуждены свои оставити станы,
И наслаждаются возлюбленнымъ покоемъ,
Хотя несносно то обоихъ войскъ героямъ,
Однакожъ воинамъ убѣжище даютъ
И, въ части раздѣля, во грады ихъ ведутъ.
Тутъ воинъ, ко трудамъ несноснымъ посвященный,
Зимой отъ дѣйствіевъ военныхъ воспященный,
Вкушаетъ въ тихости веселье и покой,
И въ роскошь приведенъ онъ праздностью такой,
Ослабнувъ, наконецъ въ безсильи изнеможетъ,
Искусство лишь твое его защитить можетъ.
Отъ нападенія нечаянной войны

Готовыя всегда быть воинства должны.
Для удержанія свирѣпаго злодѣя
Пребудь всегда готовъ, о воинахъ радѣя.
Неусыпающей ты стражею прикрой
Покоящейся твой зимою храбрый строй,
Проходы узкіе и важныя дороги
Должны быть блюдены вездѣ чрезъ стражи строги.
Подъ предводительствомъ начальнаго вождя,
Разумный воиновъ начальникъ завсегда
Чрезъ неусыпныя своихъ очей зеницы
Хранитъ объемлющу всю цѣпь его границы.
Драгуны страшные, проворны козаки
И легкіе еще гусарскіе полки
Движенія твоихъ враговъ да примѣчаютъ
И нападенья ихъ нечаянны встрѣчаютъ,
Безперестанно ихъ тревожатъ, гонятъ, бьютъ
И о движеньяхъ всѣхъ извѣстіе даютъ.
 Коль въ обстоятельствахъ ты сихъ имѣлъ раченье,
Которыхъ требуетъ толь нужно защищенье,
Когда толь тяжкихъ дѣлъ ты зрѣлъ уже плоды,
Изъ коихъ новые взрастутъ тебѣ труды;
Тогда какъ Оріонъ чрезъ хладно вдохновенье
На кратко время дастъ полкамъ отдохновенье,
Тутъ остроумный вождь, хотя и утомленъ,
Отъ праздности всегда быть долженъ удаленъ
И во объятіи любезнаго покоя
Являетъ изъ себя разумнаго героя.
Но недовольно, чтобъ врага ты упреждалъ,
Людей своихъ хранилъ и къ славѣ побуждалъ:
По окончаніи кровопролитной рати
Ты долженъ вновь мужей отважныхъ набирати,
Для заступленія сраженныхъ въ жаркій бой,
Которыхъ алчна смерть, стремясь изъ строя въ строй,
Чрезъ повтореніе своихъ ударовъ косныхъ
Отторгла отъ твоихъ знаменъ побѣдоносныхъ.
 Побѣда, храбростью одержанна твоей,
Утраты стоила такихъ тебѣ людей,
Которы мужества взошли на верхъ степени.
Сіи безсмертныя покоящися тѣни
Желаютъ на свои мѣста такихъ мужей,
Чтобъ храбростію имъ подобились своей.

Старайся воиновъ ты вновь такихъ сыскати,
Съ которыми бъ ты могъ противъ врага стояти.
Подлѣйшій весь народъ, не разсуждая бѣдъ,
За цѣну малую животъ свой продаетъ.
Какъ рыба, пищей льстясь, на уду попадаетъ,
Такъ злато подлыми сердцами обладаетъ.
И пахарь, лестнымъ симъ металломъ духъ плѣнивъ,
Отторженъ отъ своихъ плодами полныхъ нивъ,
Обиды точныя царя того не знаетъ,
Къ которому за мзду во службу онъ вступаетъ;
Но строгость, премѣня тотчасъ въ немъ грубый видъ,
И изъ крестьянина героя сотворитъ.
Побѣда иногда и черезъ то приходитъ,
Когда твое число противныхъ превосходитъ,
Тѣмъ можешь храбрость ихъ въ унынье привести
И силой многою сердца ихъ потрясти.
И въ выборѣ коней быть должно попеченье,
Какое ты имѣлъ о воинахъ раченье.
Старайся также тѣ сокровища имѣть,
Которы подаетъ тебѣ Церера въ снѣдь.
Искусство жъ, чтобъ умѣть противныхъ побѣждати—
Ничто, когда себя не можешь содержати.
Сей станъ и въ немъ народъ, повѣренный тебѣ,
Вседневно мучится съ болѣзнями въ борьбѣ,
Которы наконецъ смертельными бываютъ,
Коль нужду воины въ ѣдѣ претерпѣваютъ;
И Галіеновы сыны тогда вотще
Трудъ будутъ прилагать съ искусствомъ вообще.
Для излѣченія жъ, чтобъ смерти избѣжати,
Во изобиліи ихъ должно содержати.
Когда жъ упустишь ты потребности сіи,
Увидишь въ скорости во всѣ шатры твои
Идущаго изъ горъ ихъ мрачныя утробы,
Чудовища всего сухого, полна злобы:
Видъ блѣднаго его лица являетъ гладъ,
Въ утробѣ носитъ онъ заразы тусклой ядъ,
Унынье, трепетъ, страхъ, вопль, слабость, возмущенье,
Ужасну нищету и смертное прещенье.
Въ опустошенномъ томъ отъ голода стану,
Возможешь ли уже съ врагомъ вести войну?
Предупреждая злу, заранѣ запайся

И изобиліе въ свой станъ привесть старайся
И такъ пріуготовь въ объятіяхъ зимы
Для будущихъ твоихъ побѣдъ довольствій тьмы.
Межъ тѣмъ какъ вождь полковъ для будущаго года
Распредѣлитъ судьбу подвластнаго народа,
Великодушнѣйшій начальникъ рядовыхъ,
Среди геройческихъ стараній таковыхъ,
Желанія свои свободно исполняетъ
И лавръ со миртою въ восторгѣ съединяетъ.
Въ объятіяхъ его любезная жена,
Взаимною къ нему любовью возжена,
Въ покоѣ со своимъ любезнымъ почиваетъ
И бывшія свои напасти забываетъ,
Что ей несносная разлука навела,
Когда въ отсутствіи съ возлюбленнымъ жила.
О дни, любезны дни, сладчайшія минуты,
Что куплены чрезъ страхъ и чрезъ мученья люты.
По вздохамъ таковымъ, которые любовь
Изъ сердца вонъ влекла, какая радость вновь
Супруга видѣти, избавльшагося смерти
И возвратившагось токъ слезъ ея отерти,
Которыя по немъ въ разлукѣ пролила,
Услышать отъ него военныя дѣла,
Снимать оружіе съ раменъ побѣдоносныхъ
И быть участницей трудовъ его несносныхъ,
Веселье общее съ супругомъ ощущать
И сердце храброе любовію смягчать,
Любезно цѣловать уста тѣ по печали,
Которы воиновъ къ сраженью поощряли
И гордымъ голосомъ средь страха такова,
Произносили смерть носящія слова!
Межъ тѣмъ, какъ сей герой по толь разлукѣ слезной
Склоняетъ голову на грудь къ своей любезной,
Вокругъ его стоятъ любови ихъ плоды,
Благословя его прошедшіе труды;
Тотъ руку мстящую цѣлуетъ въ восхищеньи
И о родительскомъ ликуетъ возвращеньи,
Горитъ желаніемъ свершить ему пути,
Которыми бы могъ къ безсмертію придти;
Другая отчески колѣна обнимаетъ
И изо устъ его со тщаніемъ внимаетъ

О слѣдствіяхъ войны ужаснѣйшую рѣчь;
Иной, играючи, подъемлетъ острый мечъ,
По коемъ иногда текли ручьи кровавы
Для расширенія царя его державы;
Тотъ держитъ съ тягостью въ объятіи своемъ
Родителевъ кирасъ и страшный его шлемъ,
Являя во своей невиннѣйшей забавѣ,
Что нѣкогда они пойдутъ въ слѣдъ той же славѣ.
Богъ брака нѣжнымъ симъ супругамъ подаетъ
То благо, коего пріятнѣй смертнымъ нѣтъ,
Тѣ восхищенія, тѣ сладости прелестны,
Которыя въ любви порочной неизвѣстны.
Великодушный сей невольникъ нѣжныхъ узъ
Хранитъ ненарушимъ священный тотъ союзъ,
Которымъ страстныя сердца ихъ съединенны.
Блаженны вы сто кратъ, любовники, блаженны!
У васъ ласкательства, у васъ обмановъ нѣтъ,
Въ которыхъ плаваетъ пороковъ полный свѣтъ,
Гдѣ мнимы роскоши всегда съ бѣдами смежны,
У васъ безъ слабости сердца геройски нѣжны,
И если должность васъ другъ съ другомъ разлучитъ,
Она разлуки той и горесть умягчитъ.
Въ забавахъ чистыхъ толь герой собой владѣетъ,
И тѣло здравое его не ослабѣетъ,
Хотя въ крови любовь жарчайшая горитъ,
Но та его любовь питаетъ и бодритъ,
Ни мало умъ его къ себѣ не прилѣпляетъ,
Лишь добродѣтель въ немъ раститъ и укрѣпляетъ.
А если долгъ ему разлукою грозитъ,
Величества его души не поразитъ,
Онъ съ новой ревностью готовъ въ войнѣ кровавой
Послѣдовать съ мечемъ въ поля за громкой славой.
Предъ тѣмъ, когда зимы суровость протечетъ,
И Флора всѣ луга цвѣтами облечетъ,
Ужъ предводители къ мѣстамъ своимъ стремятся
И силы разсмотрѣть другъ друга прямо тщатся;
Евклидовы сыны, мѣста избравъ подъ станъ,
Приводятъ воинство во оный съ разныхъ странъ,
Начальникъ смотритъ ихъ работы бодрымъ окомъ,
Располагая планъ на полѣ томъ широкомъ,
Гдѣ дѣйства будущей войны производить,

Дабы соперника во всемъ предупредить.
Мать счастія всего, геройска осторожность
Влагаетъ въ мысль ему обмановъ всѣхъ возможность;
Она его во всѣхъ трудахъ его крѣпитъ,
Тревожитъ мысль его и въ часъ, когда онъ спитъ,
На чувствія его вновь силы истощаетъ,
И часто такъ ему во снѣ его вѣщаетъ:
«Будь остороженъ ты и счастію не вѣрь,
«Поступки вражіи всегда со тщаньемъ мѣрь,
«Имѣй въ его полкахъ на морѣ и на суши
«Вокругъ начальниковъ глаза твои и уши,
«Которые бъ вездѣ старались примѣчать,
«Какое дѣйствіе онъ хочетъ предначать;
«И для извѣстій сихъ сыпь злато не жалѣя,
«Лишь только бъ упредить ты могъ во всемъ злодѣя;
«На быстрый разумъ свой отнюдь не уповай
«И собственны дѣла, какъ всѣхъ, разсмотрѣвай.
«Хоть безопаснымъ ты себя и почитаешь
«И на горахъ свою надежду полагаешь,
«Которыя твои ужъ заняли полки,
«Иль войско, что̀ лежитъ по брегу сей рѣки,
«Довольно всю твою границу защищаетъ
«И непріятельски набѣги отвращаетъ,—
«Не льсти себя своимъ успѣхомъ ты, не льсти.
«Тѣхъ преужасныхъ горъ труднѣйшіе пути,
«Та цѣпь, что̀ Римлянамъ защитою служила,
«На кою гордость ихъ надежду возложила,
«Содѣлать не могла препятствія ни въ чемъ,
«Когда къ нимъ Аннибалъ внезапно вшелъ съ мечемъ.
«Трудолюбивый вождь сіе превозмогаетъ
«И въ самыхъ трудностяхъ надежду полагаетъ.
«Герои дѣлаютъ отвагой чудеса.
«Взнесенны гордыхъ горъ верхи подъ небеса
«Отважный Аннибалъ, въ жару своемъ геройскомъ
«Прешедъ, торжествовалъ надъ римскимъ славнымъ вой-
скомъ.»
Вандомъ, французскихъ силъ отважный генералъ,
На крѣпость горъ свою надежду полагалъ,
Которыя поля ломбардскія объяли
И страшной крутизной пути къ себѣ отъяли,
Но тутъ Евгеніи незнаемы пути

Отважился чрезъ нихъ со трудностью прейти;
Сей неусыпный вождь Французовъ побѣждаетъ
И По отъ вѣчнаго тѣмъ ига свобождаетъ.
Смотри съ прилежностью на всякій здѣсь ручай
И съ разсужденіемъ внемли и примѣчай,
Когда зимой сожметъ ихъ стужа быстры токи
И превратитъ въ мосты ихъ тверды и широки,
Тогда твой гордый врагъ, отвагою надменъ,
Возможетъ въ семъ жару достичь твоихъ знаменъ
И силой многою на станъ твой ополчится;
Тогда твоя судьба ничѣмъ не умягчится;
Въ стыдѣ, въ отчаяньѣ, въ напасти таковой
Ты будешь поздно клясть въ тотъ часъ проступокъ твой.
Ничто уже тебя бѣгуща не защититъ,
Врагъ славу у тебя и счастіе похититъ.
Ни что не страшно такъ, какъ взятъ твой будетъ станъ,
Не для того, что ты врагомъ своимъ попранъ,
Но болѣ для того, что войско въ томъ смятеньѣ
Къ тебѣ повѣренность теряетъ и почтенье;
Ты во презрѣніи останешься у всѣхъ,
И малодушіе отъиметъ твой успѣхъ,
Вся храбрость воиновъ въ унынье премѣнится
И долго въ ихъ сердца потомъ не возвратится,
Съ которою бъ могли вступить въ отважный бой,
Когда твой будетъ врагъ гоняться за тобой.
Побитый Бурнонвиль, но войскомъ подкрѣпленный,
За гордый Рейнъ прешелъ, симъ счастьемъ ослѣпленный,
И позади сея великія рѣки,
Еще до зимнихъ дней разсыпавъ всѣ полки,
Несчастія себѣ однюдь не представляетъ,
Все войско въ Альзасѣ въ домахъ постановляетъ.
Межъ тѣмъ, какъ онъ себя надеждою ласкалъ,
И кесарей орелъ уже покоясь спалъ,—
Тюренъ, собравшися со войски многолюдны,
Преходитъ горъ верхи путями многотрудны,
Является въ поля, полками окруженъ,
Въ которыхъ Бурнонвиль стоялъ не воруженъ,
Плѣняетъ станъ его и воиновъ плѣняетъ,
И самого за Рейнъ съ остаткомъ прогоняетъ.
Зима тебѣ успѣхъ скорѣе можетъ дать,
Лишь только бъ счастіемъ умѣлъ ты обладать;

Пусть храброю полки отвагой съединенны
Приближатся къ полкамъ, которы раздѣленны,
И только что на нихъ внезапно нападутъ,
Смятутся и тебѣ побѣду отдадутъ.
Соединя свою ты скорость съ руководствомъ,
Ты будешь надъ врагомъ счастливъ со превосходствомъ.
Прочти исторію о древнихъ ты войнахъ:
Она научитъ, что во всякихъ временахъ,
Отваги полныя и разума герои
Всегда у ихъ враговъ выигрывали бои.
Такъ Августъ, прѐдавшись различнымъ похотямъ,
Поверженъ роскошью зловреднѣйшимъ страстямъ,
Не внемля правиламъ воздержныя Паллады,
Дѣлилъ съ возлюбленной Венерины прохлады
И, бывъ толь нѣжною утѣхой упоенъ,
Вѣнчался Гидерой, любовью утомленъ;
Забывъ монаршій долгъ и счастія дорогу,
Онъ станъ свой посвятилъ піянственному богу;
Но только Карлъ къ нему оружье обратилъ,
Всѣ таинства торжествъ роскошныхъ толь смутилъ; [1]
Вакханты, Купидонъ и воины наемны
Разсыпались, когда набѣгли тучи темны,
Изъ коихъ Александръ полночный [2] загремѣлъ,
Которому Саксонъ противиться не смѣлъ,
Оставя свой престолъ, съ стыдомъ во Дрезденъ входитъ,
А Карлъ взгордясь на тронъ Лещинскаго возводитъ;
Но Петръ толь наглую обиду отомстилъ
И паки Августа на тронъ его пустилъ.
Подобно какъ орелъ, прѐвыше тучъ летая,
Желанную себѣ похитить пищу тая,
Гулающія зритъ стада среди луговъ,
Спускается на нихъ отъ мрачныхъ облаковъ:
На агнца коего онъ острый взоръ своей броситъ,
Того въ кровавое гнѣздо свое уноситъ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Богъ брани и побѣдъ, чрезъ мой вѣщая гласъ,
Училъ, о юноши, военнымъ правамъ васъ.

1) Баталія при Пинчовѣ.
2) Карлъ XII.

Художества войны вы видѣли начало,
Искусство васъ сіе во всѣхъ стихахъ встрѣчало:
Избраніе становъ и укрѣпленье ихъ,
И привезеніе припасовъ въ ихъ съѣстныхъ;
Вы видѣли, каковъ искусный вождь бываетъ,
И какъ онъ крѣпкія ограды разбиваетъ,
Съ которыхъ смертными ударами разятъ,
И гдѣ въ свирѣпствѣ весь соединился адъ.
Теперь приступимъ мы къ великимъ дѣйствамъ смѣло
Предметы разными сіе окончимъ дѣло,
Изобразимъ мы здѣсь ужасный браней видъ,
Покажемъ, чѣмъ сія пучина намъ грозитъ;
И посреди тоя опасныя дороги
Сокрытые вездѣ каменья и пороги,
И то искусство, какъ отъ нихъ себя спасать,
Хочу вамъ все теперь подробно описать.
Поставлю я тебя на полѣ толь широкомъ,
Которое едва окинуть можешь окомъ;
Военны зри толпы изъ храбрѣйшихъ людей;
Се путь, гдѣ множество отважнѣйшихъ вождей
Къ злой горести своей, въ отчаяньи, въ печали,
Среди теченія животъ свой окончали.
Гиломъ преткнулся здѣсь, и здѣсь Марсинъ упалъ;
Тамъ низложенъ Помпей и славный Аннибалъ;
Здѣсь Пиррусъ побѣжденъ, Крассъ, Митридатъ побиты,
Поля плачевнымъ ихъ остаткомъ всѣ покрыты.
Погибели ихъ злой кровавые слѣды
Являютъ сихъ мужей несчастья и бѣды.
На самыхъ тѣхъ поляхъ среди войны кровавой
Тамъ видимы вожди, сіяющіе славой:
Великій Александръ, Іюліи и Петръ,
Который всѣхъ враговъ разнесъ, какъ плевы вѣтръ,
Конде и славнѣйшій Тюренъ въ своемъ умѣньи,
Густавъ и Люксенбургъ, Вилларсъ, Морицъ, Евгеній.
Младые воины, свидѣтели сего,
Восторговъ бойтеся вы жара своего,
Въ числѣ любовниковъ, что славою плѣненны,
Не много таковыхъ, которые отмѣнны;
Не много, говорю, иль мало наконецъ,
Которымъ отдала побѣда свой вѣнецъ.
Иной, великихъ дѣлъ хотя своихъ прибавить,

Погибъ и принужденъ ихъ всѣ тогда оставить,
Погребъ съ собою всѣ должайшихъ лѣтъ труды.
Се слава дѣлъ его и подвиговъ плоды!
Иные мстительми бывъ пагубныя Трои,
Противу ста царей воюющи герои,
Сражались десять лѣтъ за красоту жены,
Упали, греческимъ оружьемъ сражены,
И храбрый Діомедъ, и Греки низложенны;
Аяксъ на корабли бѣжитъ, но тѣ сожженны;
Вотще Патроклъ свою отвагу возбуждалъ,
Когда его Гекто̀ръ разилъ и побѣждалъ,
Сопротивленію и мужеству не внемлетъ,
Животъ, оружіе и щитъ его отъемлетъ,
Которымъ Ахиллесъ его вооружилъ.
Но сей великій мужъ потомъ не долго жилъ,
Во Ахиллесѣ онъ соперника находитъ
И храброю его рукой во адъ нисходитъ;
Влачится, обнаженъ оружія и ризъ;
Но и сего сразилъ нечаянно Парисъ.
Представь и разсмотри ты Карлову судьбину,
Что гордостію былъ подобенъ солнца сыну,
Отважностію бывъ и счастіемъ разженъ,
Пошелъ противъ Петра и—палъ, имъ пораженъ.
Когда жъ героевъ сихъ дѣла непостоянны,
Надежды, прелести и счастіе обманны,
Коль были и они должны сіе терпѣть,
То вы ль возможете въ семъ дѣлѣ преуспѣть?
Но, не взираючи на здравые совѣты,
Стремитеся въ жару, о дерзкіе атлеты!
Подобясь быстрому въ ристаніи коню,
Падете въ пропасти, отверстыя огню.
Страшитесь гордости, безуміемъ надутой,
И сластолюбія, заразы смертнымъ лютой,
Извѣдайте сперва вы дарованья силъ,
И какъ бы помыслъ вамъ собой ни наносилъ
Ко прославленію хотѣніевъ тщеславныхъ,
Страшитесь участи всегда вождей вы главныхъ.
Вотще владѣли бы вы силою борцовъ,
Какихъ во Лондонѣ премножество бойцовъ,
Что подъ литаврами и шумомъ трубъ великимъ
Сражаются, звѣрямъ собой подобясь дикимъ,

Соперниковъ разятъ ударами руки,
Дивится имъ народъ и хвалятъ дураки;
 Хотя бъ подобились земли вы страшнымъ чадомъ,
Которы, овладѣть хотя небеснымъ градомъ,
Спокойствіе боговъ всесилныхъ потрясли
И гору Пеліонъ на Оссу вознесли;
Хотя бъ вы мужество войны имѣли бога,—
Но похвалу мою имѣть не та дорога;
Дородство, красота и крѣпость сильныхъ рукъ
Не доведутъ собой до знанія наукъ.
 Минерва не такой отъ васъ желаетъ части,
Чтобъ вы въ жару своемъ стремилися въ напасти.
Она единаго взыскуетъ отъ вождя,
Чтобъ умъ его за ней послѣдовалъ всегда.
 Поворотливъ ты будь и скоръ колико можно,
И поступай притомъ во всемъ ты осторожно.
Надъ воинами будь твоими господинъ
И въ битвахъ наблюдай всегда ихъ стройный чинъ,
Въ разстройкѣ жъ скорое давай имъ исправленье
И дѣлай къ оному заранѣ наставленье,
Чтобъ не противились велѣніямъ твоимъ.
Будь способомъ богатъ и будь неутомимъ;
Поступокъ таковой враговъ твоихъ встревожитъ
И всѣхъ къ тебѣ людей почтеніе умножитъ.
Разумно обо всемъ и здраво разсуждай
И отъ тебя всего ты болѣ ожидай.
Въ совѣтахъ медленъ будь на всяко важно дѣло,
Но къ дѣлу приступай поспѣшно ты и смѣло;
Однакожъ разумъ твой въ томъ долженъ упредить,
Чтобъ безъ причины въ тѣ сраженья не входить,
Въ которыхъ смерть народъ ужасно пожинаетъ:
Искусный вождь сего отнюдь не начинаетъ,
Предвидя напередъ людей своихъ напасть.
 Коль силы царствія даны тебѣ во власть,
Ты долженъ храбрость ихъ на то употребити,
Гдѣ съ превосходностью врага мнишь побѣдити;
Они послушны суть велѣнью твоему,
Летятъ безъ робости къ сраженью своему,
На смерть друговъ своихъ взираючи безъ страху,—
Какъ левъ бросается на тигра со размаху,

Терзаетъ острыми ногтьми его хребетъ,
Разитъ о землю, злясь, и кровь его піетъ.
 На утріе въ поляхъ кроваваго сраженья,
О Боже, тамъ позоръ, достойный сожалѣнья:
Тамъ между токами кровавыми враговъ
Воззри на кровные ручьи твоихъ друговъ,
Зри тварь, подобную тебѣ, лежащу мертву,
Какъ славы твоея на пагубную жертву;
Тамъ вопль уязвленныхъ, пронзающій твой слухъ.
Не тронется ль, скажи, сей жалостью твой духъ?
Сіе жъ тебя еще не тронетъ ли иначе:
Родители по нихъ рыдаютъ въ горькомъ плачѣ;
И дѣти, и жены, объяты сиротствомъ,
Гнушаются твоей побѣды торжествомъ.
 Ахъ, лучше чѣмъ себя манить сей злою лестью,
Чѣмъ украшитися пребеззаконной честью,
Въ которой множество стенанія и бѣдъ,
Погибни ты на вѣкъ, побѣды громкой слѣдъ!
За храбрыя дѣла едино награжденье,
Являющее въ свѣтъ всѣхъ смертныхъ заблужденье.
О слава, сысканна кровавою войной,
Кто бъ похотѣлъ тебѣ купити сей цѣной?
 Будь воинамъ твоимъ, какъ добрый ихъ родитель
И буди ихъ вездѣ искусный предводитель;
Во всѣхъ ты воинахъ мни быть твоихъ дѣтей
И охраняй отъ всѣхъ ихъ вражескихъ сѣтей,
Которыя для ихъ противный вождь сокроетъ,
Иль ровъ на пагубу твою и ихъ изроетъ;
Предузнавай всегда заранѣе обманъ
И буди воинству ты пастырь, не тиранъ.
Ихъ государству жизнь потребна непремѣнно,
И благодѣйство ихъ съ твоимъ всегда сплетенно.
Будь скупъ на кровь тебѣ повѣренныхъ людей,
И жертвуй болѣе ты кровію своей;
Когда же Марсъ съ тебя потребуетъ сей дани,
И польза общая зоветъ тебя ко брани,
Тогда ты воинства ни мало не щади
И къ страху оному неробко поведи,
Рази и наступай, и тщись врага ты стерти,
Не представляя въ мысль ни пагубы, ни смерти.

Тамъ воины твои дадутъ тебѣ узнать,
Что могутъ за себя отважно погибать.
Разумный вождь, кому Беллона есть подпора,
Проникнетъ разумомъ и остротою взора,
Тогда какъ воинство въ стану еще лежитъ,
Когда ему и гдѣ сряжаться надлежитъ.
Такой великій мужъ хвалы моей достоинъ,
Кто мыслитъ такъ, какъ вождь, сражается, какъ воинъ,
Являя воинству примѣръ всегда собой,
Не ждавъ врага къ себѣ, вступаетъ самъ съ нимъ въ бой.
Всѣхъ наступающихъ есть участь столь избрана,
Какъ сила гордаго въ біеніи тирана:
Онъ рушитъ толстоту стѣнъ твердыхъ и воротъ,
Гдѣ въ осажденіи робѣющій народъ
При оборонѣ страхъ и ужасъ ощущаетъ
И дни свои, едва трепеща, защищаетъ.
Стѣна, когда ее надолго станешь бить,
Должна безчисленнымъ ударамъ уступить.
Будь мужественъ въ бою—Беллона такъ вѣщаетъ
И многую тебѣ удачу обѣщаетъ,—
Въ то время, какъ наступъ чинятъ твои полки.
Но если рокъ тебя возстанетъ вопреки,
И легкомысленна фортуна въ семъ измѣнитъ,
Прейдя въ чужды полки, всю битву перемѣнитъ,—
Тогда-то мужество являй въ твоихъ очахъ,
Исправь твою судьбу, отбей отъ войска страхъ,
Унылыхъ возбуди ты паки къ жарку бою
И покажи примѣръ всѣмъ храбрости собою.
Подобно какъ и ночь по мрачности своей
Сугубитъ въ тверди свѣтъ блистающихъ огней,
Такъ и несчастіе героя содѣваетъ,
Когда онъ съ твердостью его одолѣваетъ.
Надѣйся, наступай и будь увѣренъ въ семъ,
Что мудрость торжество получитъ надо всѣмъ:
Вилларсъ хоть принужденъ былъ биться и отступно,
Но съ побѣдительми онъ честь пріемлетъ купно;
Сей вождь несчастіе дотоль одолѣвалъ,
Доколѣ Манѳакетъ его не перервалъ:
Тогда минута все несчастье исправляетъ
И побѣдителемъ Вилларса оставляетъ.
Не можно битвамъ всѣмъ одинъ имѣть предѣлъ,

Но битвы вѣдомы подъ знакомъ храбрыхъ дѣлъ,
Гдѣ войска чрезъ своихъ вождевъ установленье
Со обоихъ сторонъ чинятъ сопротивленье,
Мѣста окопанны, ручьи, вершины горъ
Подробныхъ дѣлъ войны кровавый суть позоръ,
Когда ихъ во свою кто пользу обращаетъ,
Чрезъ что противныя онъ силы истощаетъ.
Воззри, на сихъ поляхъ, готовыя на бой,
Два воинства идутъ сразиться межъ собой;
Ихъ фрунты тянутся и строй свой расширяютъ
И во мгновенье другъ на друга ударяютъ.
Стѣснившись, латники сугубятъ быстрый скокъ,
И отъ ударовъ ихъ лiется кровный токъ.
Во мрачномъ вихрѣ мчась, пыль, воздухъ разсѣкаютъ;
Смертельные мечи, какъ молнiя, сверкаютъ;
Тѣснятъ ударами разсыпанныхъ враговъ;
Предшествуетъ имъ смерть, и слѣдомъ льется кровь.
Пѣхота здѣсь стоитъ, лишась военна жара,
Страшится и дрожитъ жестокаго удара,
Которымъ вражески полки уже грозятъ.
Тьмы пушечныхъ громовъ повсюду ихъ разятъ,
Разверзши челюсти свои, огнемъ зiяютъ,
Желѣзные стволы въ густомъ дыму сiяютъ.
Дрожащей смерти врагъ старается уйти,
Но всюду конница, отъявъ его пути,
Съ стремленiемъ на строй разбитый нападаетъ,
Какъ класы лютый огнь въ день знойный поядаетъ.
Бѣжитъ противникъ прочь, но ужъ спасенья нѣтъ;
Земля подъ нимъ его кипящу кровь пiетъ;
Погибъ порядокъ весь, и воинства смущенны
Бросаютъ тягости, и пушки, и знамены.
Отнюдь не умаляй ты страха побѣжденнымъ,
И пользуйся своимъ ты воинствомъ ражженнымъ,
Доколѣ чувствуетъ сей огнь твой храбрый строй,
И чрезъ сiе врагу ты моста не устрой.
Не утишай полковъ, когда стремятся смѣло,
И въ тотъ же самый день окончи ратно дѣло.
Евгенiи тебѣ примѣръ довольный далъ,
Когда на славную деревню *) нападалъ.

*) Гогстетъ.

Гдѣ Талардъ и Марсень въ оплошности стояли
И о несчастіи своемъ не представляли.
Онъ силой общею напалъ со всѣхъ сторонъ,
Отсѣкъ отъ войска ихъ, лишенныхъ оборонъ:
Тогда Блангеймъ узрѣлъ Французовъ побѣжденныхъ.
Какое множество ведутъ военноплѣнныхъ,
Цесарскаго орла опаснѣйшихъ враговъ,
Оставшіе жъ бѣгутъ до рейнскихъ береговъ!
Такъ и при Альмацѣ лилеи храбры были,
Гдѣ львы бретонскіе ихъ силѣ уступили,
Разбиты, прогнаны за дальнѣйшій предѣлъ
И храбростію всѣхъ своихъ военныхъ дѣлъ
Владѣтелемъ вѣнца кастильскаго и трона
Барвикъ постановилъ счастливаго Бурбона.
Се видъ другой войны: на холмъ сей взоръ простри
И съ прилежаніемъ на верхъ его смотри;
Тамъ войско шествуетъ, какъ сонмъ водъ многихъ льется,
Отъ шествія его пыль въ воздухѣ віется;
Ужъ врагъ равняется, пріемля строя видъ,
Во фрунтѣ сильную фалангу становитъ
И тѣмъ готовиться къ сраженью начинаетъ.
Подъ тягостью людей земля дрожа, стонаетъ.
Начальникъ тамъ одинъ изъ строя ѣздитъ въ строй,
Желая знать о всемъ, и сей одинъ герой,
Который во своемъ господствующемъ взорѣ
Являетъ, что никто не можетъ встать съ нимъ въ спорѣ,
Когда онъ выборъ мѣстъ съ разсудкомъ учинитъ
И время со своимъ искусствомъ съединитъ.
Съ десной его страны пѣхота выступаетъ,
Оружій блескъ въ пыли сгущенной утопаетъ;
Се шествуетъ она пуститься въ жаркой бой,
Противничью стрѣльбу сбиваетъ съ горъ стрѣльбой,
Разбитый сопостатъ разсѣянъ убѣгаетъ,
А побѣдитель страхъ ко страху прилагаетъ;
Стоявши латники безъ дѣйства до того
Летятъ и въ бѣгствіи преслѣдуютъ его.
Таковъ во Фрибургѣ былъ Конде побѣдитель,
И Морицъ въ Лафельдѣ, сей храбрый предводитель,
При королѣ своемъ на жертву приносилъ
Плутону множество предъ нимъ бѣгущихъ силъ.

Се нашихъ каково есть битвъ расположенье.
Хотя со воинствомъ такимъ ты на сраженьи,
Которое въ поляхъ окопано стоитъ;
Но часто сей окопъ успѣха не чинитъ,
Сія ограда, что все воинство объемлетъ,
Часть многую бойцовъ стрещи себя отъемлетъ,
Которы при мѣстахъ безъ дѣйствія стоятъ,
Какъ полнымъ врагъ числомъ на сей стремится градъ
И, на свободѣ бывъ въ окровавленномъ полѣ,
Возможетъ управлять всѣмъ воинствомъ по волѣ
Препровожденный сей Беллоною герой:
Стремитъ безъ робости на все свой храбрый строй;
А если врагъ стѣсненъ дать бой ему страшится,
Остановясь въ поляхъ и рвами укрѣпится,
Содѣлавъ твердое убѣжище себѣ,
И не подверженъ сталъ махинъ его стрѣльбѣ,—
То сей герой его искусствомъ побуждаетъ
И дать кровавой бой съ собою принуждаетъ,
Отъ коего всегда онъ крылся и бѣжалъ
И нападенія вседневнаго дрожалъ.
Потомъ онъ шествуетъ градовъ большихъ къ осадѣ,
Причину подая противникамъ къ досадѣ,
Готовяся облечь полками ближній градъ,
И, видъ притворный давъ, идетъ потомъ назадъ,
Являя, что ко тремъ градамъ онъ взоръ свой мещетъ,
И всякій изъ троихъ, страшась его, трепещетъ;
Когда же чрезъ сіе онъ ужасъ въ нихъ родитъ,
Оборотясь, одинъ вдругъ городъ осадитъ:
Полками ото всѣхъ сторонъ его объемлетъ
И къ пропитанію пути ему отъемлетъ.
Тогда стѣсненный врагъ, чтобъ жизнь свою спасти,
Но устрашается на смерть ея нести
И во отчаяньи исходитъ въ ратно поле,
Гдѣ будетъ принужденъ сразиться по неволѣ,
И долженъ онъ тогда единое избрать,
Спасать себя или на мѣстѣ умирать.
Какъ матери своей елень не покидаетъ,
Которая его млекомъ своимъ питаетъ,—
Такъ вождь, зря войсками свой городъ окруженъ,
Стремится спасть его, отвагою разженъ.

Когда жъ противникъ твой стѣсненъ твоей рукою
Захочетъ удержать тебя какой рѣкою,
Тогда ты дѣлай тожъ, что дѣлалъ Аннибалъ,
Когда противу онъ силъ римскихъ воевалъ:
Они поставили полки по брегу Рона,
Возмнили, что она ихъ будетъ оборона;
Онъ притворясь пошелъ на низъ сея рѣки,
Гдѣ, отыскавъ преходъ, превелъ свои полки
И тамъ на консула напалъ въ жару геройскомъ,
Разбилъ его со всѣмъ ему подвластнымъ войскомъ:
Прими, о, Людовикъ, моей ты лиры дань,
Котора воспоетъ твою кроваву брань,
Какъ подъ Тулузомъ ты явилъ себя героемъ:
Разставленные тамъ Голландцы гордымъ строемъ,
По нападеніи на нихъ, побѣждены.
О видъ ужасныя и хитрыя войны!
Гдѣ воины твои весь страхъ одолѣваютъ,
Сражаясь, на другой брегъ Рейна преплываютъ;
Такія то дѣла достойными Марсъ чтитъ,
Которыя въ себѣ прямой имѣютъ видъ,
Чему военная Беллона научаетъ,
И гдѣ восторгъ одинъ успѣхи получаетъ.
Коль хочешь внѣшнею ты славой обладать,
Умѣй самихъ враговъ разумно побѣждать.
Но болѣе еще ты пользоваться сею
Умѣй счастливою побѣдою своею.
Сей мужъ, котораго Римъ свѣту даровалъ
Въ тотъ день, въ который онъ весь свѣтъ завоевалъ,
Средь славолюбія желанія несытыхъ,
Въ поляхъ Фарсальскихъ спасъ враговъ своихъ разбитыхъ
Чрезъ что склонилъ къ себѣ всѣхъ плѣнниковъ сердца,
Которые его признали за отца.
При Фонтеноѣ ты воззри на Людовика,
Сколь славой онъ великъ, душа въ немъ столь велика:
Онъ побѣжденныхъ все страданье облегчилъ
И раны, данны имъ, щедротой излѣчилъ.
Воззри теперь въ поля Полтавскія широки,
Гдѣ пролилъ Петръ своихъ враговъ кровавы токи.
О милосердіе, какого выше нѣтъ,
О чудо, коему дивиться долженъ свѣтъ!

Великій сей герой стенанье плѣнныхъ внемлетъ
И, какъ друзей своихъ, въ шатры свои пріемлетъ;
Великостью души онъ души ихъ прельстилъ,
Когда имъ зрѣть себя, какъ друга, допустилъ
И въ торжествѣ о толь побѣдѣ знаменитой
Сказалъ: «О други, жаль мнѣ крови днесь пролитой,
«Котору гордый Карлъ для прославленья льетъ,
«А я моихъ людей не промѣню на свѣтъ.»
Герой сей богу рѣчь приличную вѣщаетъ;
Великій сей монархъ, примѣръ земныхъ владыкъ,
Далъ знать, что не одной побѣдой онъ великъ,
Не болѣ побѣждать, какъ миловать способенъ
И свойствомъ таковымъ не смертному подобенъ.
Героямъ свойственно противныхъ побѣждать;
А побѣдивъ, чтобъ такъ прещедро награждать
И плѣнныхъ миловать, смягча судьбу ихъ строгу—
Сіе единому довлѣетъ только Богу.
Послѣдуй, Марсовъ сынъ, и ты его дѣламъ,
Старайся возлетѣть въ пресвѣтлый оный храмъ,
Гдѣ добродѣтельми сіяющи владыки
Не кроволитными побѣдами велики,
Но добродѣтель ихъ сіяетъ тамъ, какъ свѣтъ,
И красоту мужамъ симъ славнымъ придаетъ.
Когда жъ ты силою сихъ словъ моихъ нелестныхъ
Достигнешь наконецъ селеніевъ небесныхъ,
По крайней мѣрѣ ты въ торжественный тотъ часъ
Воспомни моея военной музы гласъ,
Котора предъ тобой дѣла ихъ воспѣвала
И до сего тебѣ достичь поспѣшствовала.

ЕЛИСЕЙ ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ ВАКХЪ.

(*Поэма въ 5-ти пѣсняхъ*).

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Благосклонный читатель, я хотѣлъ-было написать къ сей поэмѣ преогромное предисловіе, въ которомъ намѣренъ былъ подробно изъяснить побуждающую меня къ сочиненію ея причину; но разсудилъ, что какъ бы ни важна была причина, даже до того, что хотя бы я

наконецъ и поклепалъ *) какого-нибудь почтеннаго мужа, что онъ меня принудилъ къ сему сочиненію, сказавъ мнѣ: *«не смотри-де ты на всѣхъ критиковъ и пиши-де то, что тебѣ на умъ взбредетъ, ты-де пишешь хорошо»*, — однакожъ, все сіе ни мало не украсило бы моего сочиненія, буде бы оно само по себѣ не заслужило отъ благосклоннаго читателя похвалы. Я жъ знаю и то, что не только по совѣту какого-либо почтеннаго мужа, но ниже по самому строжайшему приказу, скаредный писецъ ничего хорошаго во вѣкъ свой не напишетъ, такъ какъ и лягушка, сколько ни станетъ надуваться, равна съ быкомъ не будетъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вакхъ, раздраженъ будучи гордостію откупщиковъ, гнѣвается на нихъ, что по причинѣ дороговизны вина, пива и меду стало число пьяныхъ менѣе; пріѣзжаетъ въ питейный домъ, гдѣ, увидя ямщика, именемъ Елисея, радуется, что онъ нашелъ такого человѣка, который по виду кажется ему, что можетъ служить орудіемъ ко отмщенію его. Между тѣмъ Елисей проситъ у чумака вина въ пивную чашу и выпиваетъ ее однимъ духомъ, чрезъ то Вакхъ и болѣе въ надеждѣ своей утверждается. А Елисей, выпивъ вино, ударилъ чумака въ лобъ чашею и сдѣлалъ въ кабакѣ драку, которую услышавъ, объѣздной капралъ зашелъ и, Елисея взявъ подъ караулъ, повелъ въ полицію, а Вакхъ поѣхалъ къ Зевесу просить, чтобъ онъ освободилъ Елисея изъ-подъ караула. Зевесъ ему сказываетъ, что на самого его дошла къ нему просьба отъ Цереры, будто бы отъ того, что всѣ крестьяне спилися, земледѣліе упадаетъ, и повелѣваетъ Ермію собрать всѣхъ боговъ на Олимпъ для разобранія ссоры между Вакхомъ и Церерою и послѣ идти въ полицію и оттоль освободить Елисея изъ-подъ караула.

—

Пою стакановъ звукъ, пою того героя,
Который, во хмѣлю бѣды ужасны строя,
Въ угодность Вакхову, средь многихъ кабаковъ,
Бивалъ и опивалъ ярыгъ и чумаковъ,
Ломалъ котлы, ковши, крючки, бутылки, плошки;
Терпѣли ту же часть кабацкія окошки;
Отъ крѣпости его ужасныя руки
Тряслись подносчики и всѣ откупщики,
Которы и тогда сихъ бѣдъ не ощущали,
Когда всѣхъ грабили, себя обогащали.

*) Клепать всякаго смѣло можно, знавши, что въ такомъ поклепѣ никого на очную ставку не позовутъ.

О муза, ты сего отнюдь не умолчи,
Повѣждь или хотя съ похмѣлья проворчи,
Коль попросту тебѣ сказати не возможно!
Повѣждь, ты вѣдаешь вину сего неложно,
За что піянства богъ, на всѣхъ откупщиковъ
Устроя таковый прехитростнѣйшій ковъ,
Наслалъ богатыря сего не очень кстати
Любимую свою столицу разоряти.
А ты, о душечка, возлюбленный Скарронъ,
Оставь роскошнаго Пріапа пышный тронъ,
Оставь писателей кощунствующихъ шайку,
Приди, настрой ты мнѣ гудокъ иль балалайку,
Чтобъ я возмогъ тебѣ подобно загудить,
Бурлаками моихъ героевъ нарядить;
Чтобъ Зевсъ мой былъ болтунъ, Ермій шальной дѣтина,
Нептунъ какъ самая преглупая скотина,
И словомъ, чтобъ мои богини и божки
Изнадорвали всѣхъ читателей кишки.
Противъ Семеновскихъ слободъ послѣдней роты
Стоялъ водвигнутъ домъ съ широкими вороты,
До коего съ Тычка *) не близкая ѣзда;
То былъ питейный домъ, названіемъ Звѣзда,
Въ которомъ Вакховъ ковчъ хранился съ колесницей;
Сей домъ былъ Вакховой назначенъ быть столицей;
Подъ особливымъ онъ его покровомъ цвѣлъ,
Въ немъ старый самъ Силенъ раскиснувши сидѣлъ;
Но злыхъ откупщиковъ противно Вакху племя
Смутило къ пьняству имъ назначенное время,
Когда они на хмѣль лишь цѣну наднесли;
Ужасны изъ того бѣды произрасли:
Вино со водкою содѣлались дороже,
И съ пивомъ пѣнистымъ случилось само то же;
Дороже продавать и сладкій стали медъ;
Тогда откупщики, взгордясь числомъ побѣдъ,
На Вакха въ гордости съ презрѣніемъ смотрѣли
И мнятъ, что долженъ онъ плясать по ихъ свирѣли.
Но Вакхъ противъ того иное размышлялъ:
«Иль мнѣ оставить то?» съ похмѣлья закричалъ,—

*) Кабакъ на Пеге рбургской сторонѣ

«Какія изъ сего впередъ я вижу слѣдства?
«Лишусь я моего дражайшаго наслѣдства;
«На водку, на вино цѣна ужъ прибыла;
«Для пьяницъ за алтынъ чарчоночка мала;
«А если бы въ такомъ случаѣ несчастливомъ
«Хотѣлъ бы пьяница какой напиться пивомъ,
«Къ несчастію его, дороже и оно;
«Не станетъ дѣйствовать ни пиво, ни вино.
«Не бо̀льшая ль теперь случилась мнѣ обида,
«Какъ нежели была Юнонѣ отъ Парида,
«Или я не могу повергнуть сихъ затѣй?...»
Уже онъ закричалъ: «Ребята, дай плетей!»
Но вздумалъ, что сіе безсмертнымъ непристойно;
Хоть дѣло по его плетей сіе достойно,
Но санъ ему его дурить не дозволялъ;
Онъ инако отмстить обиду помышлялъ
И рекъ: «Когда я могъ ругавшуюся мною
«Достойно наказать прегорду Алкиною;
«Презрѣвши нѣкогда мой праздникъ, самъ Пентей
«Отвѣдалъ и дубья, не только что плетей;
«Не эдакія я бездѣлки прежде строилъ
«Надъ тѣми, кто меня въ піянствѣ безпокоилъ.»
При сихъ рѣчахъ его смутился пьяный зракъ,
Онъ сѣлъ на роспуски, поѣхалъ на кабакъ;
Неукротиму месть имѣя въ мысляхъ рьяныхъ,
О стѣночкѣ лѣпясь, приходитъ въ шайку пьяныхъ.
Тогда былъ праздный день отъ всѣхъ мірскихъ суетъ.
По улицамъ народъ бродилъ—лишь чуть былъ свѣтъ;
Вертѣлися мозги во лбахъ у пьяныхъ съ хмѣля,
А именно была то сырная недѣля.
Какъ мыши на крупу ползутъ изъ темныхъ норъ,
Такъ чернь валила вся въ кабакъ съ высокихъ горъ,
Которы строило искусство, не природа,
Для утѣшенія рабочаго народа.
Тамъ шли сапожники, портные и ткачи,
И зараженные собою риѳмачи,
Которые, стихи писавши, въ носъ свой дуютъ
И сочиненьями, какъ лаптями, торгуютъ;
Тамъ много зрѣлося расквашенныхъ носовъ,
Одинъ былъ въ синякахъ, другой безъ волосовъ,
А третій оттиралъ свои замерзлы губы,

Четвертый исчислялъ, не всѣ ль пропали зубы
Отъ пораженія сторонних кулаковъ;
Тамъ множество сошлось различныхъ дураковъ.
Межъ прочими вошелъ въ кабакъ дѣтина взрачный,
Картежникъ, пьяница, буянъ, боецъ кулачный,
И словомъ, былъ краса тогда Ямской онъ всей,
Художествомъ ямщикъ, названьемъ Елисей;
Былъ смуръ на немъ кафтанъ, и шапка на бекренѣ,
Волжаный кнутъ его болтался на колѣнѣ,—
Который пьяный домъ лишь только посѣтилъ,
Какъ море, пьяныхъ шумъ мгновенно укротилъ,
Подъ воздухомъ простеръ свой ходъ веселый чистымъ,
Поѣхалъ, какъ Нептунъ, по водъ верхамъ пѣнистымъ.
Прости, о муза, мнѣ, что такъ я захотѣлъ
И два сіи стиха неистово воспѣлъ;
Тебѣ я признаюсь, хотя въ нихъ смысла мало,
Да естество себя въ нихъ хитро изломало;
Чрезъ нихъ-то, можетъ быть, хвалу я получу;
Отнынѣ такъ я пѣть стихи мои хочу;
Мнѣ кажется, что я тебя не обижаю,
Когда я школьному напѣву подражаю.
Но если ихъ перомъ ты дѣйствуешь сама,
Не спятила ль и ты на старости съ ума?
Ахъ, нѣтъ, я предъ тобой грѣшу, любезна муза,
Съ невѣждами отнюдь не ищешь ты союза,
Наперсники твои знакомы между насъ;
Единаго изъ нихъ вмѣщаетъ днесь Парнассъ,
Другіе и теперь на свѣтѣ обитаютъ,
Которыхъ жительми парнасскими считаютъ*).
И такъ полезнѣе, мнѣ мнится, самому
Послѣдовати ихъ разсудку и уму.
Уже напрягнувъ я мои малѣйши силы
И слѣдую пѣвцамъ, которые мнѣ милы;
Достигну ли конца, иль пусть хотя споткнусь,
Я онымъ буду правъ, что я люблю ихъ вкусъ.
Кто жъ будетъ хулить то, и тѣмъ я отпущаю,
И къ повѣсти своей я мысли обращаю.

*) Каковъ г. Сумароковъ и ему подобные.

Ужъ Вакхъ піянаго увидѣлъ ямщика;
Въ немъ радость разлилась по сердцу, какъ рѣка;
Ужъ мысленно себѣ успѣхъ свой предвѣщаетъ,
Къ Силену обратясь, и такъ ему вѣщаетъ:
«Не се ли вышнія судьбы теперь предѣлъ,
«Что я ужъ то нашелъ, чего искать хотѣлъ?
«Дѣтина оный дюжъ мнѣ кажется по взору,
«На немъ созижду я надежды всей подпору;
«Онъ, кажется, на то какъ будто и рожденъ;
«Что будетъ всякій имъ ярыга побѣжденъ.
«И онъ меня въ моей печали не покинетъ:
«Онъ все то выпьетъ, что̀ лишь глазомъ ни окинетъ.
«Я весь оставлю страхъ, чѣмъ былъ я возмущенъ;
«Уже я радуюсь, какъ будто отомщенъ.
«Не ясно ли моя мнѣ видится побѣда,
«Когда возлюбленникъ мой пьянъ и до обѣда?
«И ежели тебя еще смущаетъ страхъ,
«Воззри, то у него все видно на очахъ;
«Ланиты то его являютъ мнѣ зардѣлы,
«Что если попущу, превзо̀йдетъ онъ предѣлы
«И выпьетъ болѣе вина, чѣмъ выпьешь ты.»
Силенъ было сіе почелъ за пустоты,
Но сей піяница Силена въ томъ увѣрилъ,
Что онъ его проворъ своимъ аршиномъ мѣрилъ;
Онъ, за воротъ схватя за стойкой чумака,
Вскричалъ: «Подай вина, иль дамъ я тумака!
«Подай, иль я тебѣ носъ до крови раскващу!»
При семъ онъ указалъ рукой пивную чашу—
«Въ нее налей ты мнѣ анисной за алтынъ,
«Или я подопру тобой кабацкій тынъ.»
Чумакъ затрепеталъ при смерти очевидной,
А Вакхъ вскричалъ: «О, мой питомецъ непостыдной,
«Тобой я всѣ мои напасти прекращу,
«Тобой откупщикамъ я грозно отомщу,
«Противу прать меня весь родъ ихъ перестанетъ,
«Какъ купно воевать со мной кулакъ твой станетъ,
«Польются не ручьи здѣсь пива, но моря!»
Вѣщаетъ тако Вакхъ, отмщеніемъ горя.
Межъ тѣмъ ямщикъ свою ужъ чашу наливаетъ,
Единымъ духомъ всю до суха выпиваетъ
И, выпивъ, ею въ лобъ ударилъ чумака.

Ударъ сей раздался въ пространствѣ кабака;
Попадали съ полицъ ковши, бутылки, плошки,
Черепья чаши сей всѣ брызнули въ окошки.
Межъ стойкой и окномъ разрушился предѣлъ;
Какъ дождь и градъ смѣсясь изъ тучи полетѣлъ,
Такъ плошечны тогда съ стеклянными обломки
Летѣли возвѣстить его побѣды громки;
А бѣдненькій чумакъ за стойку прикорнулъ,
Опалоумленный, кричитъ тамъ: «Караулъ!
«Ай, братцы, грабятъ, бьютъ!» Самъ вверхъ лежитъ спиною.
Сіе досадою казалося герою;
Онъ руку въ ярости за стойку запустилъ
И ею чумака за порты ухватилъ,
Которыхъ если бы худой гайтанъ не лопнулъ,
Поднявши бы его, герой мой о полъ грохнулъ;
Но счастіемъ его иль дѣйствіемъ чудесъ,
Сей тягости гайтанъ тогда не перенесъ
И, перервавшися къ геройской неугодѣ,
Оставилъ чумака за стойкой на свободѣ,
Котораго ужъ онъ не могъ оттоль поднять.
Онъ тако сталъ его отечески щунять:
«Коль мой кулакъ не могъ вдохнуть въ тебя боязни,
«Грядущія впередъ ты жди, мошенникъ, казни.»
Когда сіи слава герой сей говорилъ,
Капралъ кабацку дверь внезапу отворилъ;
Надъ полицейскимъ сей начальникъ былъ объѣздомъ.
Услыша въ кабакѣ онъ шумъ тотъ мимоѣздомъ,
Хоть не былъ чумаку ни сватъ, ни братъ, ни кумъ,
Вступился за него, спросилъ: «Какой здѣсь шумъ?
«Не сдѣлалось ли здѣсь межъ кѣмъ какія драки?»
Тутъ всѣ попятились задами вонъ, какъ раки,
Никто отвѣтствовать на то ему не смѣлъ;
Но онъ, къ несчастію, знать острый взоръ имѣлъ,
Увидѣлъ ямщика, стояща очень смѣло.
«Я вижу, братъ», сказалъ, «твое, конечно, дѣло.
«Конечно, ты, соколъ, кабакъ развоевалъ?»
Тогда чумакъ ужъ ротъ смѣляе разѣвалъ,
Встаетъ и безъ портокъ приходитъ ко капралу.
«Отмсти,» кричитъ, «отмсти, честной капралъ, нахалу,
«Который здѣсь меня безвиннаго прибилъ!»
Капралъ сей былъ угрюмъ и шутокъ не любилъ.

«Кто билъ тебя, скажи?» нахмурясь вопрошаетъ.
Чумакъ ему на то съ слезами отвѣчаетъ:
«Сей пьяница мои всѣ ребра отломалъ.»
При семъ на ямщика онъ пальцемъ указалъ.
«Надѣлалъ и казнѣ, и мнѣ притомъ убытку,
«И коль запрется онъ, готовъ терпѣть я пытку.
«Пивною чашею онъ лобъ мнѣ раскололъ
«И изорвалъ на мнѣ всѣ пòрты и кàмзолъ.»
Тогда явился вдругъ капралъ самъ-другъ съ драгуномъ
И рѣзнулъ ямщика онъ плетью, какъ перуномъ;
Хотя на ней столбецъ не очень толстый былъ,
Однако изъ руки капральской ярко билъ.
Ямщикъ остолбенѣлъ, но съ ногъ не повалился,
За то служивый сей и болѣе озлился,
Что онъ не видывалъ такого мужика,
Котораго бъ его не сшибла съ ногъ рука;
Велѣлъ немедленно связать сего героя,
Который принужденъ отдаться былъ безъ боя.
Не храбрости ямщикъ иль силы не имѣлъ,
Но знать съ полиціей онъ ссориться не смѣлъ,
И, бывшимъ вервіемъ рукамъ его скрѣпленнымъ,
Ведется абіе въ тюрьму военноплѣннымъ.
Тогда у Вакха весь надежды лучъ погасъ,
И во отчаяньи, какъ въ морѣ, онъ погрязъ;
Выходитъ изъ сего піянаго жилища,
Подобно такъ какъ звѣрь, бывъ поднятъ съ логовища.
И болѣе онъ тутъ, не медля ни часа,
Поѣхалъ съ дядькою своимъ на небеса;
Летитъ попрытче онъ царицы амазонской,
Что вихри быстротой предупреждаетъ конской;
Летитъ на тиграхъ онъ крылатыхъ, такъ какъ вѣтръ,
Восходитъ пыль столпомъ изъ-подъ звѣриныхъ бедръ;
Хоть пыль не изъ-подъ бедръ восходитъ, всѣмъ извѣстно,
Но было оное не просто, но чудесно.
Онъ ѣхалъ въ небеса и тигровъ погонялъ;
Власы кудрявые вѣтръ тонкій возвѣвалъ,
Колѣни тучныя наружи были видны,
И ѷзломъ связаны воскрилія хламидны,
Багрянъ сафьянъ до икръ, черкесски чеботы
Превосходили всѣ убранства красоты;
Персидской былъ кушакъ, а шапочка соболья.

Изъ пѣсни взять уборъ, котору у приволья
Бурлаки волгскіе напившися поютъ,
А пѣсенку сію Камышенкой зовутъ:
Рѣка, что устьецомъ въ мать-Волгу протекаетъ.
Искусство красоты отвсюду извлекаетъ.
Уже пріѣхалъ Вакхъ къ мѣстамъ тѣмъ наконецъ,
Въ которыхъ пьянствуетъ всегда его отецъ,
И, бывъ внесенъ туда звѣрей своихъ услугой,
Увидѣлъ своего родителя съ супругой;
Юнона не въ вѣнцѣ была, но въ треухѣ,
А Зевсъ не на орлѣ сидѣлъ, на пѣтухѣ;
Сей голову свою, межъ ногъ его уставя,
Кричалъ: «Какореку!» Юнону тѣмъ забавя.
Владѣтель горнихъ мѣстъ межъ облачныхъ зыбей
Заснулъ и подпустилъ Юнонѣ голубей,
Отъ коихъ мать боговъ свой носъ отворотила
И рѣчью таковой надъ мужемъ подшутила,
Возведши на него сперва умильный взглядъ:
«Или и боги такъ, какъ смертные, шалятъ?
«Знать, слишкомъ, батька мой, нектарца ты искушалъ.»
Зевесъ ея рѣчей съ пріятностію слушалъ
И божескій отвѣтъ изрекъ ей на вопросъ:
«Знать не пришибенъ твой еще, Юнона, носъ?»
При сихъ словахъ ее рукою онъ погладилъ;
ТутъМомъ,приставъ къ рѣчамъ и къ шуткѣ ихъ подладилъ,
Съ насмѣшкою сказалъ: «О сильный нашъ Зевесъ,
«Я вижу, что и ты такой же Геркулесъ,
«Который у своей Омфаліи, съ недѣлю,
«Оставя важныя дѣла, и прялъ куделю.
«Но что я говорю? Таковъ весь нынѣ свѣтъ:
«Уже у модныхъ жонъ мужей какъ будто нѣтъ;
«Я вижу всякій день глазами то моими:
«Мужья всѣ простаки, владѣютъ жоны ими.»
Юнонѣ рѣчь сія казалася груба;
Сказала: «Слушай, Момъ, мнѣ шутка нелюба;
«Ты ею множество честныхъ людей обидишь.
«Какъ будто ты мужей разумныхъ ужъ не видишь?
«Послушай, бѣдный Момъ, ты слова моего:
«Мужья женамъ своимъ послушны для того.
«То правда иногда и жоны предъ мужьями...
«Но что!.. Не сыплется сей бисеръ предъ свиньями.

«На что мнѣ съ дуракомъ терять мои слова?
«Не можетъ ихъ понять пустая голова.»
Тутъ Момъ хотѣлъ-было насмѣшкой защищаться,
И видно, чтобы имъ безъ ссоры не разстаться
И быть бы согнанныхъ имъ съ неба обоимъ,
Но воспрепятствовалъ пріѣздомъ Вакхъ своимъ.
Имѣя очеса слезами окропленны,
Вѣщаетъ такъ: «О ты, правитель всей вселенны,
«Воззри ты на мои потоки горькихъ слезъ,
«Воззри и сжалься ты на скорбь мою, Зевесъ!
«Ты мощію своей всѣмъ свѣтомъ управляешь
«И ты въ напастяхъ насъ всегда не оставляешь.
«Какою мерзостью тебя я прогнѣвилъ,
«Что ты откупщиковъ на хмѣль возстановилъ
«И отдалъ въ руки ты вино такимъ тиранамъ?
«Ты не былъ столько строгъ во гнѣвѣ и Троянамъ,
«Колико лютъ теперь являешися мнѣ,
«Не согрѣшившему ни въ пьянствѣ, ни во снѣ.
«Я—кровь твоя, тобой я жизнь мою имѣю;
«Воспомни ты свою любезну Семелею,
«И ежели она еще тебѣ мила,
«Склонись и не входи ты въ пьяныя дѣла.
«На что тебѣ въ дѣла стороннія мѣшаться?
«Твой долгъ есть, отче мой, пить, ѣсть и утѣшаться
«Но ты теперь пути къ піянству заградилъ.
«По обѣщанію ль меня ты наградилъ?
«Ты клялся нѣкогда, что въ будущія лѣта
«Сопьются жители всего пространна свѣта,
«И что продлится то до позднѣйшихъ временъ.
«И какъ твой сталъ обѣтъ, мой отче, премѣненъ!»
Тогда отецъ боговъ сыновни рѣчи внемлетъ
И отягченные виномъ глаза подъемлетъ,
Такой съ усмѣшкою на Вакха взоръ возведъ,
Какой имѣлъ, какъ шелъ съ Юноной на подклѣтъ;
Облобызалъ его и такъ ему вѣщаетъ:
«Я вижу, что тебя печаль твоя смущаетъ,
«Но ты останься здѣсь и больше не тужи
«И просьбу такову до утра отложи,
«А утро вечера всегда помудренѣе;
«Ты жъ видишь, что я самъ тебя еще пьянѣе;
«Ты видишь подлинно, что я сіе не вру:

«Я завтра всѣхъ боговъ въ присутствіе сберу;
«О важныхъ я дѣлахъ одинъ не разсуждаю
«И пьяный никого ни въ чемъ не осуждаю;
«Коль надобенъ тебѣ, мой сынъ, правдивый судъ,
«Безсмертные твое все дѣло разберутъ.
«Я слышалъ нѣкогда: Церера здѣсь просила
«И вотъ прошенія ея какая сила,—
«Что весь почти спился на свѣтѣ смертныхъ родъ,
«И хлѣбу отъ того великій переводъ;
«Купцы, подъячіе, художники, крестьяне
«Спилися съ кругу всѣ и насъ забыли въ пьянѣ,
«А сверхъ того еще отъ сидки винной дымъ
«Восходитъ даже къ симъ селеніямъ моимъ
«И выкурилъ собой глаза мои до крошки,
«Которы были, самъ ты помнишь, будто плошки,
«А нынѣ, видишь ты, ужъ стали какъ сморчки,
«И для того-то я ношу теперь очки.
«Церера жъ во своемъ прошеньи пишетъ ясно,
«Что быть свободному вину небезопасно:
«Коль такъ оставить, то сопьется цѣлый свѣтъ,
«А земледѣліе на вѣки пропадетъ.»
Тогда Зевесу Вакхъ печально отвѣщаетъ:
«Коль земледѣлію піянство, рекъ, мѣшаетъ,
«Я болѣе теперь о томъ не говорю.
«Пусть боги разберутъ межъ насъ съ Церерой прю,
«Я это потерпѣть до завтрее умѣю,
«А нынѣ просьбу я по важнѣе имѣю:
«Ямщикъ на кабакѣ теперь лишь въ дракѣ взятъ,
«А онъ—возлюбленный наперстникъ мой и братъ,
«Его уже теперь въ полицію хмѣльнаго
«Ведутъ или свели, гдѣ цѣпь ему готова.
«Ты можешь, отче мой, сіе предупредить
«И друга моего отъ кошекъ свободить.
«Я знаю, на него тамъ всѣ вознегодуютъ
«И кошками ему всю рѣпицу отдуютъ.
«Полиція уже мнѣ стала дорога,
«И въ ней-то точнаго имѣю я врага;
«Она всѣхъ забіякъ и пьяницъ ненавидитъ
«И болѣе меня, чѣмъ ты, еще обидитъ:
«Отъ ней-то къ пьянству всѣ пресѣчены пути.
«Помилуй, отче мой, вступись и защити!»

Тогда Зевесъ къ себѣ Ермія призываетъ,
Призвавъ, и тако онъ ему повелѣваетъ:
«Послушайся меня, возлюбленный мой сынъ!
«Ты знаешь самъ, что мной рожденъ не ты одинъ;
«Сераль побольше я султанскаго имѣю,
«И ежели теперь похвастаться я смѣю,
«Отъ непрестанныя забавы въ прежни дни
«Побольше всѣхъ боговъ имѣю я родни.
«Итакъ, не долженъ ли о дѣтяхъ я печися?
«Сему-то у меня, Ерміюшка, учися.
«Не чудно, что я вамъ столь многимъ есмь отецъ,
«Хитро, что мой поднесь не баливалъ крестецъ.»
Се такъ разоврался отецъ безсмертныхъ оный,
И навралъ бы еще онъ словъ сихъ милліоны,
Когда бы тутъ его супруга не была;
Сія изъ-подъ бровей взоръ косо возвела
И тѣмъ перервала его пустыя рѣчи,
Какихъ бы онъ наклалъ Ермію полны плечи,
Отяготя сего разумнаго посла,
И сдѣлалъ бы его похожимъ на осла.
Но вдругъ, что заврался, онъ самъ то ощущаетъ
И, пустословіе оставя, такъ вѣщаетъ:
«Послушенъ будь, Ермій, приказу моему,
«Возможно все сіе проворству твоему.
«Услуги мнѣ твои давно уже извѣстны;
«Оставь ты сей же часъ селенія небесны
«И слову моему со тщаніемъ внемли.
«Ступай и на пути ни мало не дремли,
«Неси скорѣе всѣмъ безсмертнымъ повелѣнье,
«Скажи, что есть на то мое благоволенье:
«Едва покажется заря на небеса
«И станетъ озлащать, и горы и лѣса,
«Доколѣ Фебъ съ одра Ѳетидина не вспрянетъ,—
«Да на Олимпъ ко мнѣ безсмертныхъ сонмъ предстанетъ,
«А если кто изъ нихъ хоть мало укоснитъ,
«Тотъ будетъ обращенъ воронкою въ зенитъ,
«А попросту сказать, повѣшу вверхъ ногами,
«И будетъ онъ висѣть, какъ шутъ, между богами,
«Не сорвется во вѣкъ, кто бъ ни былъ какъ удалъ;
«Но я еще не весь приказъ тебѣ мой далъ:
«Коль будетъ все сіе исполнено тобою,

«Потщися ты потомъ помочь тому герою,
«О коемъ Вакхъ меня съ покорностью просилъ;
«Ступай и покажи своихъ ты опытъ силъ;
«А сей герой ямщикъ, который за буянство
«Сведенъ въ полицію и посаженъ за пьянство,
«И если ты его оттоль не свободишь,
«Такъ самъ ты у меня въ острогѣ посидишь.»
Тогда Ермій приказъ Зевесовъ строгій внемлетъ,
Онъ, крылья привязавъ, посольскій жезлъ пріемлетъ,
Спускается на низъ съ превыспреннихъ круговъ,
Летитъ и ищетъ всѣхъ, какъ гончій песъ боговъ,
Находитъ ихъ съ трудомъ въ странахъ вселенной разныхъ,
И всѣхъ находитъ онъ боговъ тогда непраздныхъ:
Плутонъ по мертвецѣ съ жрецами пировалъ,
Вулканъ на Устюжнѣ пивной котелъ ковалъ,
И знать, что помышлялъ онъ къ празднику о брагѣ;
Жена его была у женъ честныхъ въ ватагѣ,
Которыя собой прельщаютъ всѣхъ людей;
Купидо на часахъ стоялъ у лебедей,
Марсъ съ нею былъ тогда, а Геркулесъ отъ скуки
Игралъ съ ребятами клюкою длинной въ суки;
Цибела старая во многихъ тамъ избахъ
Загадывала всѣмъ о счастьѣ на бобахъ;
Минерва—можетъ быть, то было для игрушки,—
Точила дѣвушкамъ на кружево коклюшки;
Нептунъ съ предлинною своею бородой
Трезубцемъ иль, сказать яснѣе, острогой,
Хотя несвойственно угрюмому толь мужу,
Мутилъ отъ солнышка растаявшую лужу
И преужасныя въ ней волны воздымалъ
До тѣхъ поръ, что свой весь трезубецъ изломалъ,
Чему всѣ малые ребята хохотали,
Снѣжками въ старика безъ милости метали;
Сей богъ ребяческихъ игрушекъ не стерпѣлъ,
Озлобился на нихъ и гнѣвомъ закипѣлъ,
Хотѣлъ изъ нихъ тотчасъ повытаскать всѣ души,
Но ихъ отцы, вступясь, ему нагрѣли уши,
И въ зашей, и въ бока толкали водъ царя,
При всякомъ такъ ему ударѣ говоря:
«Не прогнѣвись, что такъ ты принятъ неучтиво,

«Ты встарь бывалъ въ чести, а нынѣ ты не въ диво:
«Мы благодатію господней крещены
«И больше пращуровъ своихъ просвѣщены,
«Не станемъ бога чтить въ такомъ, какъ ты, болванѣ.»
Такъ православные кричали всѣ крестьяне.
Ермій, примѣтя то, скорѣе прочь пошелъ,
Не много погодя другихъ боговъ нашелъ:
Гоняла кубари на льду бичомъ Беллона,
Не въ самой праздности нашелъ и Аполлона,
Во упражненіи и сей пречудномъ былъ,
Онъ у крестьянина дрова тогда рубилъ,
И высунувъ языкъ, какъ песъ, уставши, рѣя,
Удары повторялъ въ подобіе хорея,
А иногда и ямбъ и дактиль выходилъ;
Кругомъ его соборъ писачекъ разныхъ былъ;
Сіи не знаю что̀ между собой ворчали,
Такъ, знать, они его удары примѣчали
И, выслушавши всѣ удары топора,
Пошли въ свояси всѣ, какъ будто мастера;
По возвращеніи жъ своемъ они оттолѣ,
Гордились, будто бы учились въ Спасской школѣ.
Не зная, каковой въ какихъ стихахъ размѣръ,
Иной изъ нихъ возмнилъ, что русскій онъ Гомеръ,
Другой тогда себя съ Виргиліемъ равняетъ,
Когда еще почти онъ грамотѣ не знаетъ,
А третій прославлялъ толико всѣмъ свой даръ
И почиталъ себя не меньше, какъ Пиндаръ;
Но то немудрено, что такъ они болтали,
Лишь только мудрено, что ихъ стихи читали,
Стихи, которые не стоятъ ничего
У знающихъ, кромѣ презрѣнья одного,
Которые сердцамъ опаснѣе отравы.
Теперь я возглашу: о времена, о нравы!
О воспитаніе, пороковъ всѣхъ отецъ,
Когда явúтся твой когда у насъ конецъ,
И скоро ли уже такіе дни настанутъ,
Когда торжествовать невѣжды перестанутъ?
Нѣтъ, знать, скорѣй судьба мой краткій вѣкъ промчитъ,
Чѣмъ просвѣщеніе тѣ нравы излѣчитъ,
Которые вранья съ добромъ не различаютъ.
Иль воскресенія ужъ мертвыхъ быть не чаютъ

И не страшатся быть истязаны за то,
Что Ломоносова считаютъ ни за что?
Постраждутъ, какъ бы въ томъ себя ни извиняли,
Коль славнаго пѣвца съ плюгавцомъ соравняли;
Но мщенья, кажется, довольно имъ сего,
Что бредни въ свѣтѣ ихъ не стоятъ ничего.
У славнаго пѣвца тѣмъ славы не умалитъ,
Когда его какой невѣжда не похвалитъ;
Преобратится вся хула ему же въ смѣхъ;
Но и твердить о сихъ срамцахъ, мнѣ мнится, грѣхъ,
А славнѣйшихъ пѣвцовъ стихи пребудутъ громки,
Коль будутъ ихъ читать разумные потомки.
Постой, о муза, ты ужъ сшиблася съ пути,
И бредни таковы скорѣе прекрати,
Въ нравоученье ты не кстати залетѣла,
Довольно про тебя еще осталось дѣла.
Скажи мнѣ, что потомъ посланникъ учинилъ.
Боюсь я, чтобы онъ чего не проронилъ,
И не подверженъ былъ онъ гнѣву отъ Зевеса;
Болтлива ты весьма, а онъ прямой повѣса.
Тутъ болѣе Ермій промедлить не хотѣлъ,
Онъ встрепенувшися къ Церерѣ полетѣлъ,
Всю влагу воздуха крылами разсѣкаетъ
И наконецъ Ермій Цереру обрѣтаетъ.
Не въ праздности сія богиня дни вела,
Но изряднёхонько и домикомъ жила;
Она тогда, возставъ со дневнымъ вдругъ свѣтиломъ,
Трудилась на гумнѣ съ сосновымъ молотиломъ,
Подъ коимъ охали пшеничные снопы.
Посолъ узрѣвъ ее, направилъ къ ней стопы
И дѣло своего посольства отправляетъ;
Отвѣся ей поклонъ, то мѣсто оставляетъ
И прямо отъ нея къ полиціи летѣлъ,
Во врана превратясь, на кровлю тамо сѣлъ,
Не зная, какъ ему во оную забраться:
Десятскихъ множество, и если съ ними драться,
Они его дубьемъ конечно побѣдятъ
И, какъ озорника, туда же засадятъ.
Подобно какъ орелъ, когда отъ глада таетъ,
Надъ жареной вокругъ говядиной летаетъ,
Котора у Мордвы на угольяхъ лежитъ,—

Летая такъ, Ермій съ задору весь дрожитъ
И мнитъ, коль ямщика онъ въ добычь не получитъ,
Тогда его Зевесъ, какъ дьявола, размучитъ.
Онъ рекъ: «Готовъ я самъ въ полицію попасть,
«Чѣмъ отъ Зевесовыхъ мнѣ рукъ терпѣть напасть,
«И прямо говорю, каковъ ужъ я ни стану,
«Тебя я, душечка моя ямщикъ, достану.»
Пустыя онъ слова не долго продолжалъ,
Подобно какъ ядро изъ пушки завизжалъ,
Спустился онъ на низъ и трижды встрепенулся,
Уже по прежнему въ свой видъ перевернулся:
Онъ крылья подъ носомъ, какъ черный, ужъ кладетъ,
Одежду превратилъ въ капральскій онъ колетъ,
А жезлъ въ подобіе его предлинной шпаги,
И тако нашъ Ермій, исполненъ бывъ отваги,
Приходитъ съ смѣлостью на полицейскій дворъ,
Бывъ подлинно тогда посолъ, капралъ и воръ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Содержаніе.

Ермій приходитъ въ полицейскую тюрьму и, тамъ Елисея перерядя въ женское платье, переноситъ въ Калинкинскій домъ, гдѣ тогда сидѣли подъ карауломъ распутныя женщины. Елисей пробуждается, дивится, какъ онъ тамъ очутился, и думаетъ, что онъ въ мон . . . рѣ. Между тѣмъ начальница того дома, вставши, будитъ всѣхъ женщинъ и раздаетъ имъ дѣло; но, увидя Елисея, скоро его узнала, что онъ не женщина, ведетъ его въ особый покой, гдѣ онъ ей о себѣ открываетъ, что онъ есть ямщикъ; а потомъ разсказываетъ ей о побоищѣ, бывшемъ у Зимогорцевъ съ Валдайцами за сѣнокосъ.

—

Итакъ уже Ермій капралу сталъ подобенъ,
А обмануть всегда и всякаго способенъ;
Не только чтобъ Цыганъ или коварный Грекъ,
Не могъ бы и Французъ провесть его во вѣкъ.
Такія онъ имѣлъ проворства и затѣи,
Какихъ не вымыслятъ и сами Іудеи.
Когда утухнула вечерняя заря,
Покрылись темнотой и суша, и моря,
По улицамъ шумѣть буяны перестали,

И звѣзды частыя по небу возблистали,
Тогда посланникъ сей темничну дверь отверзъ
И вшелъ не яко тать, но яко воинъ влѣзъ;
Тутъ петли у дверей хотя и заскрипѣли,
Но караульные, разиня рты, храпѣли;
Ермій однако же, чтобъ ихъ не разбудить,
Въ темницы лѣстницей тихонько сталъ сходить
Иль красться, ежели то вымолвить по русски;
Къ несчастью, лѣстничны ступени были узки,
И тако сей тогда проворный самый богъ
Споткнулся, полетѣлъ, упалъ и сдѣлалъ жохъ,
А попросту сказать—на задницѣ скатился,
Чѣмъ сырной всей конецъ недѣлѣ учинился.
И еслибъ не Ермій, то былъ бы самъ капралъ,
Конечно, бы свою онъ спину изодралъ
И сдѣлалъ позвонкамъ не мало бы ущерба,
Не обойтися бы служивому безъ герба,
А попросту сказать—не быть бы безъ тавра,
И не дочесться бы девятаго ребра;
Но онъ, какъ божество, не чувствовалъ сей боли,
Скатился безъ вреда въ темничныя юдоли,
Гдѣ скука, распростря свою ужасну власть,
Предвозвѣщала всѣмъ колодникамъ напасть.
Тамъ зрѣлися вездѣ томленія и слезы,
И были тамъ на всѣхъ колодки и желѣзы;
Тамъ нужныхъ не было для жителей потребъ,
Вода ихъ питіе, а пища только хлѣбъ.
Не черновидныя стояли тамо ложи,
Висѣли по стѣнамъ цыновки и рогожи,
Раздранны рубища—всегдашній ихъ нарядъ,
И обоняніе—единый только смрадъ;
Среди ужаснаго и скучнаго толь дома
Не видно никого въ нихъ было эконома;
Покойно тамъ не спятъ и сладко не ѣдятъ,
Всѣ жители оттоль какъ будто вонъ глядятъ,
Лишенны вольности, напрасно стонъ теряютъ,
И своды страшные ихъ стонъ лишь повторяютъ,
Ихъ слезы, ихъ слова невнятны никому.
Сей видъ ужасенъ сталъ Ермію самому,
И се увидѣлъ онъ соборъ піяницъ разныхъ,
Но всѣхъ увидѣлъ онъ другъ другу сообразныхъ;

Однакожъ ямщика багровыя черты
Не скрылись и среди ночныя темноты;
Встревоженная кровь отъ хмѣля въ немъ бродила
И, будто клюква, вся наружу выходила.
По знакамъ симъ Ермій Елесю познаетъ,
Тихонько онъ къ нему на цыпочкахъ идетъ,
Уже приблизился къ безъ памяти лежащу
И видитъ подлѣ бокъ его молодку спящу,
Котора также любила сильно хмѣль,
И вѣдая, что ей не пить ужъ семь недѣль,
Она тотъ день въ себѣ червочка заморила
И тѣмъ великій постъ заранѣ предварила.
Сія тогда была безъ всякихъ оборонъ,
И былъ растегнутъ весь на ней ея робронъ
Иль, внятнѣе сказать, худая тѣлогрѣя.
Тогда Ермій, его пославша волю дѣя,
Старается оттоль исторгнуть ямщика,
Толкаетъ спящаго и въ зашей, и въ бока,
Но пьянаго поднять не могутъ и побои.
Елеська тако спитъ, какъ спали встарь герои,
Что инако не льзя ихъ было разбудить,
Какъ развѣ по бокамъ дубиной походить.
О вы, преславные творцы Венеціяна,
Петра Златыхъ Ключей, Бовы и Еруслана!
У васъ-то витязи всегда сыпали такъ,
Что ихъ прервати сна не могъ ничей кулакъ;
Они-то палицу, содѣланну изъ стали,
Пудъ слишкомъ въ пятьдесятъ, за облако метали.
Теперь повѣрю я, что вы не врали въ вѣкъ,
Когда сыскался здѣсь такой же человѣкъ,
Котораго Ермій возстати какъ ни нудитъ,
Толкаетъ, щиплетъ, бьетъ, однако не разбудитъ.
Когда Ермій не могъ Елесю разбудить,
Тогда онъ вздумалъ ихъ съ молодкой перрядить:
Со обоихъ тотчасъ онъ платье скидываетъ,
Молодку въ ямщиковъ кафтанъ передѣваетъ,
А ямщика одѣлъ въ молодушкинъ нарядъ.
Симъ вымысломъ Ермій доволенъ былъ и радъ,
Что онъ не разбудилъ, бія Елеську прежде.
Елеська на себя не схожъ ужъ въ сей одеждѣ,
И стали скрыты всѣ татьбы его слѣды;

Ямщикъ былъ безъ уса, ямщикъ безъ бороды,
И словомъ счесть сего не льзя за небылицу,
Чтобъ не былъ Елисей не схожъ на молодицу.
Тогда-то все Ермій искусство показалъ,
Елесѣ голову платочкомъ повязалъ
И посадилъ къ себѣ храпящаго на лоно;
Ужъ стала не нужна и дверь во время оно.
Ермій ужъ, какъ божокъ, то дѣлалъ, что хотѣлъ,
Въ минуту порхъ въ окно, взвился и полетѣлъ.
Не держатъ кандалы Ермія, ни запоры.
И можно ль удержать, гдѣ есть такіе воры,
Предъ коими ничто и стража, и замки?
Вѣдь боги—еллински не наши мужики!
 Гдѣ рѣчка Черная съ Фонтанкою свилися
И устьемъ въ устіе Невы рѣки влилися,
При устіи сихъ рѣкъ, на самомъ мѣстѣ томъ,
Гдѣ росъ калиновъ лѣсъ, стоялъ огромный домъ;
По лѣсу оному и домъ именовался,
А именно сей домъ Калинкинъ назывался;
Въ него-то были всѣ распутныя жены
За сластолюбіе свое посажены;
Тамъ комнаты въ себя икусство ихъ вмѣщали,
Единыя изъ нихъ ленъ въ нитки превращали,
Другія кружева изъ нитокъ тѣхъ плели,
Иныя кошельки съ перчатками вязли.
Трудились тако всѣ, дѣла къ рукамъ приближа,
И словомъ, былъ экстрактъ тутъ цѣлаго Парижа.
Тамъ каждая была, какъ ангелъ во плоти,
Затѣмъ, что домъ сей былъ всегда на заперти.
 Еще завѣсу ночь по небу простирала,
И Фебу въ міръ заря воротъ не отворяла,
И онъ, у своея любезной на рукѣ,
Еще покоился на мягкомъ тюфякѣ,
Когда Ермій съ своимъ подкидышемъ принесся;
Подкидышъ былъ сей лѣтъ осмнадцати Елеся,
А можетъ быть, ужъ онъ и больше въ свѣтѣ жилъ;
Принесъ и бережно его онъ положилъ
Въ обители дѣвицъ, по нуждѣ благочинныхъ,
А можетъ быть, не такъ, какъ думаютъ, и винныхъ:
Снаружи совѣсти трудненько постигать;
Вольно вѣдь напримѣръ подъячихъ облыгать,

Что будто всѣ они на деньги очень падки,
А это подлинно на нихъ одни нападки,
Не всѣ то деньгами подъячіе дерутъ,
Иные овсецомъ и сахарцомъ берутъ,
Иные платьецомъ, винцомъ и овощами,
И мягкой рухлядью, и разными вещами.
Но шашни мы сіи забвенью предадимъ
И повѣсть къ моему герою обратимъ.
Красавицы того не вѣдаютъ и сами,
Что между ихъ ямщикъ, какъ волкъ между овцами,
Лишь-только овчею онъ кожей покровенъ.
Голубки, не овца лежитъ межъ васъ—овенъ!
Тогда уже заря румяная всходила,
Когда начальница красавицъ разбудила,
Глася, чтобъ каждая оставила кровать,
И стала ремесло имъ въ руки раздавать.
Теперь красавицамъ пришло не до игрушки,
Изъ рукъ тамъ въ руки шли клубки, мотки, коклюшки;
Пріемлетъ каждая свое тутъ ремесло,
Работу вдругъ на нихъ, какъ бурей, нанесло.
Отъ шума онаго Елеся пробудился,
Но какъ онъ между сихъ красавицъ очутился,
Хоть ты его пытай, не вѣдаетъ онъ самъ.
«Не сонъ ли, думаетъ, является глазамъ»,
И съ мыслью вдругъ свои глаза онъ протираетъ,
Какъ бѣшеный, во всѣ углы ихъ простираетъ;
Вездѣ онъ чудеса, вездѣ онъ ужасъ зритъ
И тако самъ себѣ съ похмѣлья говоритъ:
«Какой меня, какой занесъ сюда лукавой?
«Или я напоенъ не водкой былъ, отравой,
«Что снятся мнѣ теперь такіе страшны сны;
«Конечно, дѣйствіе сіе отъ сатаны.»
Такъ съ-пьяна Елисей о дѣлѣ разсуждаетъ
И, виненъ бывши самъ, на дьявола пеняетъ.
Но наконецъ уже и самъ увидѣлъ онъ,
Что видитъ на-яву ужасный этотъ сонъ.
«Теперь, онъ думаетъ,—теперь я понимаю,
«Что я въ обители, но въ коей—я не знаю.»
Онъ красныхъ дѣвушекъ м.......ми чтетъ,
Начальницу въ умѣ и......ей зоветъ;
Но съ нею онъ вступить не смѣетъ въ разговоры,

Лишь только на нее возводитъ томны взоры,
Изъ коихъ онъ свой страхъ начальницѣ являлъ
И думать о себѣ иное заставлялъ.
Уже проникнула сія святая мати,
Что на дѣвицѣ сей не дѣвушкины стати,
И также взорами дала ему отвѣтъ,
Что страха для него ни малаго тутъ нѣтъ.
О чудо, гдѣ онъ мнилъ, что прямо погибаетъ,
Тутъ счастье передъ нимъ колѣна подгибаетъ
И прямо на хребетъ къ себѣ его тащитъ.
Начальница ему надежный стала щитъ,
Она ему стѣна, теперь скажу я смѣло,
Понеже Купидонъ вмѣшался въ это дѣло,
Онъ сердце у нея внезапно прострѣлилъ
И пламень внутрь ея неистовый вселилъ.
Она ужъ хочетъ знать о всей его судьбинѣ,
И хочетъ обо всемъ увѣдать наединѣ.
Рукою за руку его она взяла
И въ особливую комнáту повела.
Потомъ, когда она отъ всѣхъ съ нимъ отлучилась,
Рекла: «Я въ свѣтѣ семъ довольно научилась
«Прямыя вещи всѣ отъ ложныхъ отличать.
«Итакъ, не долженъ ты предъ мною умолчать,
«Скажи мнѣ истину, кто есть ты и отколѣ?»
Елеся тутъ уже не сталъ таиться болѣ.
«О мать, онъ возопилъ,—хоть я безъ бороды,
«Внемли, я житель есмь ямскія слободы;
«Пять лѣтъ, какъ я сію ужъ должность отправляю,
«Пять лѣтъ, какъ я кнутомъ лошадокъ погоняю;
«Ѣжжалъ на рѣзвыхъ я, ѣжжалъ на усталыхъ,
«Ѣжжалъ на смирныхъ я, ѣжжалъ на удалыхъ,
«И словомъ, для меня саврасая, гнѣдая,
«Булана, рыжая, игреня, вороная—
«На всѣхъ сихъ для меня равнехонька ѣзда,
«Лишь былъ бы только кнутъ, была бы лишь узда!
«Я въ Питерѣ живу безъ собственна подворья,
«А въ Питеръ перешелъ я жить изъ Зимогорья,
«Откуда выгнанъ я на станцію стоять,
«Затѣмъ, что за себя не могъ я тамъ нанять
«Другаго ямщика... Но ты услышишь вскорѣ
«О преужаснѣйшей и кроволитной ссорѣ,

«Которая была съ Валдайцами у насъ.
«Прости ты симъ слезамъ, ліющимся изъ глазъ,
«Я ими то тебѣ довольно возвѣщаю,
«Какую и теперь я жалость ощущаю,
«Когда несчастіе мое воспомяну:
«Я мать тутъ потерялъ, и брата, и жену.
«Уже мы подъ ячмень всю пашню запахали;
«По сихъ трудахъ весь скотъ и мы всѣ отдыхали,
«Ужъ хлѣбъ на полвершка посѣянный возросъ;
«Настало время намъ идти на сѣнокосъ.
«А наши пажити, какъ всѣмъ сіе извѣстно,
«Сошлись съ валдайскими задами очень тѣсно,
«Ихъ не кому развесть, опричь межевщика,
«Снимала съ нихъ траву сильнѣйшая рука.
«И такъ они у насъ всегда бывали въ спорѣ.
«Вотъ вся вина была къ ужасной нашей ссорѣ!
«Уже насталъ тотъ день; пошли мы на луга
«И взяли молока, яицъ и творога,
«Обременилися со квасомъ бураками,
«Блинами сытными, виномъ, крупениками;
«Съ нарядомъ таковымъ лишь мы явились въ лугъ,
«Узрѣли предъ собой напасть свою мы вдругъ:
«Стоятъ съ оружіемъ тамъ гордые Валдайцы.
«Мы дрогнули и всѣ побѣгли, яко зайцы,
«Бѣжимъ и ищемъ имъ подобнаго ружья,
«Жердей, тычинъ, шестовъ, осколковъ и дубья;
«Другъ друга тутъ мы взять шесты предускоряемъ,
«Другъ друга тутъ мы всѣ ко брани предваряемъ.
«Начальникъ нашея ямскія слободы,
«Предвидя изъ сего ужасныя бѣды,
«Садится на коня и насъ всѣхъ собираетъ;
«Лишь собралъ, взялъ перо, бумагу имъ мараетъ.
«Хоть не былъ онъ Французъ и не былъ также Грекъ,
«Онъ Русскій былъ, но былъ приказный человѣкъ,
«И былъ коричневымъ одѣянъ онъ мундиромъ.
«Не дай Богъ быть писцу военнымъ командиромъ!
«Онъ, вынувши перо, и пишетъ имена,
«Тогда какъ нашу боль ужъ чувствуетъ спина
«Отъ низпаденія къ намъ каменнаго града.
«И можно ль, чтобъ была при писарѣ Паллада?
«Онъпишетъ имена, а насъ Валдайцы бьютъ,

«Старухи по избамъ на небо вопіютъ,
«Ребята малые, всѣ дѣвки, бабы, куры
«Забились подъ печи и спрятались въ конуры.
«Мы видимъ, что не быть письму его конца,
«Не стали слушаться мы болѣе писца.
«Какъ вихри, ото всѣхъ сторонъ мы закрутились
«И, сжавшись кучею, ко брани устремились.
«Плетни ни отъ воды не могутъ насъ сдержать,
«Валдайцамъ лишь одно спасеніе—бѣжать,
«Однако противъ насъ стоятъ они упорно
«И дѣйствуютъ своимъ дреколіемъ проворно;
«Не можемъ разорвать мы ихъ порядка связь;
«Летятъ со обоихъ сторонъ каменья, грязь,
«Неистовыхъ людей военные снаряды;
«Мараемъ и разимъ другъ друга безъ пощады.
«Но наши такъ стоятъ, какъ твердая стѣна.
«Прости, что я теперь напомню имена,
«Которыя сюда вносить хотя бъ некстати,
«Однакъ безъ нихъ не льзя бъ побѣды одержати;
«Хотя бы нашъ писецъ еще мудрѣе былъ,
«Но онъ бы лбомъ своимъ стѣны той не разбилъ,
«Которую едва мы кольемъ раздробили.
«Ужъ мы каменьями другъ друга больно били,
«Какъ первый Стёпка нашъ, ужасный озорникъ—
«Хотя невзраченъ онъ, но сильный былъ мужикъ—
«Сей съ яростію въ бой ближайшій устремился
«И въ кучу толстую къ Валдайцамъ проломился,
«Біетъ уразиной; возсталъ межъ ими крикъ,
«А Стёпка дѣйствуетъ надъ ними, какъ мясникъ.
«Потомъ тотчасъ его племянникъ, взявъ дубину,
«Помчался, оробѣлъ и далъ имъ видѣть спину,
«Гдѣ рѣзвый на него Валдаецъ наскочилъ
«И верхъ надъ нашимъ сей героемъ получилъ,
«Въ срединѣ самыя кровопролитной сѣчи
«Вскочилъ ко нашему герою тотъ на плечи
«И превознесся тѣмъ надъ всею онъ ордой.
«Онъ началъ битвою, а кончилъ шахордой;
«Но шутка такова окончилась бѣдою:
«Валдаецъ не успѣлъ поздравить насъ съ ѣздою,
«Племянникъ Стёпкинъ, взявъ Валдайца за кушакъ,
«И тропнулъ о землю сего героя такъ,

«Что носъ его разбилъ и сдѣлалъ, какъ плющатку;
«Съ тѣхъ поръ онъ на носъ свой кладетъ всегда заплатку.
«И се увидѣли мы всѣ тогда въ дали:
«Несется человѣкъ замаранъ весь въ пыли;
«То былъ прегордый самъ Валдайцевъ предводитель;
«Сей скотъ былъ нашему подобный управитель;
«Свирѣпствуя на насъ во внутреннемъ огнѣ,
«Онъ скачетъ къ нашему герою на конѣ.
«Всѣ мнили, что они ужасною борьбою
«Окончатъ общій бой одни между собою;
«Всѣ смотримъ, всѣ стоимъ, и всѣхъ насъ обнялъ страхъ.
«Уже съѣзжаются герои на коняхъ;
«Но вдругъ тутъ мысли въ нихъ совсѣмъ перемѣнились:
«Они не билися, но только побранились,
«Оставя кончить бой единымъ только намъ;
«Ихъ кони развезли обоихъ по домамъ.
«Межъ тѣмъ ужъ солнушко, коль хочешь это вѣдать,
«Сіяло такъ, что намъ пора бы и обѣдать,
«И еслибы не бой проклятый захватилъ,
«Я, можетъ быть, куска бъ ужъ два-три проглотилъ;
«Но въ обстоятельствѣ, въ какомъ была жизнь наша,
«Не шли на умъ мнѣ щи, ниже крутая каша.
«Когда начальниковъ лошадки развезли,
«Тогда прямую мы войну произвели;
«Не стало между всѣхъ порядка никакого,
«И съ тѣмъ не стало вдругъ большаго, ни меньшаго,
«Смѣсилися мы всѣ и стали всѣ равны;
«Трещатъ на многихъ тамъ и порты, и штаны,
«Восходитъ пыль столпомъ, какъ облако, віется;
«Визгъ, топотъ, шумъ и крикъ повсюду раздается;
«Я множество побой различныхъ тамо зрѣлъ:
«Иной противника дубиною огрѣлъ,
«Другой повергъ врага, запявъ черезъ колѣно,
«И держитъ надъ спиной взнесенное полѣно,
«Но вдругъ, поверженъ бывъ дубиной, самъ лежитъ
«И побѣдителя по-матерны пушитъ;
«Иные за виски другъ друга лишь ухватятъ,
«Уже другъ друга жмутъ, ерошатъ и клокатятъ.
«Хотя бъ и бритый къ намъ татаринъ подскочилъ,
«И тотъ бы, думаю, ерошка получилъ.
«А, вы, о бороды, раскольничье убранство,

«Вы чувствовали тутъ всѣхъ большее тиранство:
«Лишь только подъ животъ кто дастъ кому тычка,
«Анъ вдругъ бородушки не станетъ ни клочка,
«И въ ней роспишется рука другаго вскорѣ.
«И такъ съ Валдайцами мы долго были въ спорѣ,
«Не переставаючи другъ друга поражать,
«Кому приличнѣе побѣду одержать.
«Но наконецъ мы ихъ проворству уступили,
«И тылъ соперникамъ неволей обратили,
«Побѣгли мы чрезъ долъ...О долъ, плачевный долъ!
«У каждой женщины въ зубахъ мы зримъ подолъ,
«Бѣгутъ и всѣ творятъ движеніе различно;
«Но мнѣ тебѣ сего вѣщати неприлично,
«Скажу лишь то, что мы ихъ зрѣли много тѣлъ.
«Вдругъ братъ мой въ помощь къ намъ, какъ ястребъ, налетѣлъ,
«Смутилъ побоище, какъ брагу онъ въ ушатѣ.
«Но не поставь мнѣ въ ложь, что я скажу о братѣ:
«Имѣя толстую уразину въ рукахъ,
«Наноситъ нашимъ всѣмъ врагамъ онъ ею страхъ;
«Гдѣ съ нею онъ пройдетъ, тамъ улица явится,
«А гдѣ повѐрнется, тамъ площадь становится.
«Уже онъ близь часа̀ Валдайцевъ поражалъ,
«И словомъ отъ него тамъ каждый прочь бѣжалъ,
«Какъ вдругъ противъ его соперникъ появился,
«Вдругъ подвигъ братнинъ тутъ совсѣмъ остановился;
«Валдаецъ сей къ нему на шею вдругъ повисъ
«И ухо правое у брата прочь отгрызъ.
«И тако братецъ мой возлюбленный Илюха
«Пришолъ на брань съ ушьми, а прочь пошолъ безъ уха;
«Тащится, какъ свинья, совсѣмъ окровавленъ,
«Изъѣденъ, оборванъ, а пуще осрамленъ.
«Какая же, суди, мнѣ сдѣлалась утрата,
«Лишился уха онъ, а я лишился брата!
«Съ тѣхъ поръ за брата я его не признаю.
«Не мни, что я сказалъ напрасно рѣчь сію:
«Когда онъ былъ еще съ обоими ушами,
«Тогда онъ трогался несчастливыхъ словами,
«А нынѣ эта дверь совсѣмъ затворена
«И слышитъ только онъ одно, кто молвитъ: *на*!
«А *дай*—сего словца онъ нынѣ ужъ не внемлетъ,

«И лѣвымъ ухомъ просьбъ ничьихъ онъ не пріемлетъ.
«Въ пустомъ колодезѣ не скоро найдешь кладъ,
«А мнѣ безъ этого не надобенъ и братъ.
«По потеряніи подвижника такого
«Не стало средства намъ къ побѣдѣ никакого;
«Валдайцы истинный надъ нами взяли верхъ,
«Разятъ насъ, бьютъ, тѣснятъ и гонятъ съ поля всѣхъ;
«Пришло было ужъ намъ совсѣмъ въ тотъ день пропасти,
«Но Стёпка насъ тогда избавилъ отъ напасти:
«Какъ молнія, онъ вдругъ къ намъ сзади забѣжалъ
«И насъ, уже совсѣмъ бѣгущихъ, удержалъ;
«Постойте, вопіетъ, ребятушка, постойте!
«Сберитесь въ кучу всѣ и нову рать устройте.
«Все премѣнилося. О, радостнѣйшій часъ!
«Сбираются толпы людей на Стёпкинъ гласъ,
«Сбираются, бѣгутъ, противныхъ низвергаютъ
«И бывшу въ ихъ рукахъ побѣду исторгаютъ;
«Сперлися, сшиблися, исправя свой разстрой,
«Жарчае прежняго опять былъ начатъ бой;
«Уже противниковъ къ селу ихъ прогоняемъ,
«Дреколія у нихъ и палки отнимаемъ,
«И былъ бы брани всей, конечно, тутъ конецъ,
«Когда бъ не выѣхалъ на помочь къ нимъ чернецъ.
«Сей новый Валаамъ скотину погоняетъ,
«За лѣнь ея своей дубиною пеняетъ,
«Но какъ онъ тутъ свою лошадушку ни бьетъ,
«Лошадушка его не суется впередъ;
«Онъ взъѣхалъ кое-какъ на холмъ и насъ стращаетъ
«И изо устъ святыхъ къ намъ клятву испущаетъ;
«Но насъ не токмо та, не держитъ и дубье,
«Летимъ мы на враговъ и дѣлаемъ свое.
«Сей благочинный мужъ, увидя въ насъ упорство,
«Сошелъ съ коня и ногъ явилъ своихъ проворство,
«Поспѣшнѣе того, какъ къ намъ онъ выѣжжалъ,
«Явилъ намъ задняя и къ дому побѣжалъ.
«Уже явилася завѣса темной ночи,
«И драться болѣе ни въ комъ не стало мочи;
«Пошли мы съ поля всѣ, Валдайцевъ побѣдивъ,
«А я пришелъ домой хоть голоденъ, да живъ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Окончаніе повѣствованія Елисеева. Любовь начальницы съ Елисеемъ. Собраніе боговъ на Олимпъ по повелѣнію Зевесову. Судъ у Вакха съ Церерою и рѣшеніе Зевесово. Между тѣмъ, когда Елисей готовился съ начальницею ночевать, начальникъ стражи пошелъ дозоромъ, увидѣлъ у начальницы Елисея въ женскомъ платьѣ и, думая, что онъ есть дѣвка, но пришлая, спрашиваетъ, откуда она, и для чего ея у него нѣтъ въ реестрѣ. Хотя начальница и оправдается, но сей строгій начальникъ, не пріемля оправданія, велитъ взять мнимую дѣвку подъ караулъ, откуда его паки освобождаетъ Ермій и даетъ ему шапку невидимку, въ которой Елисей опять забрался къ начальницѣ и пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но, наскуча ея любовію, уходитъ вонъ изъ дома. Начальница тоскуетъ о его уходѣ. Командиръ въ самое то время входитъ и видитъ оставшія послѣ Елисея вещи, гнѣвается на нее, хочетъ ее сѣчь, но скоро, проворомъ ея бывъ улещенъ, съ нею помирился.

—

Уже утихло все, и ночь свою завѣсу
«Простерла по всему ближайшему къ намъ лѣсу,
«Покрыла землю всю и съ нею купно насъ;
«Насталъ спокойствія желанный всѣми часъ;
«Покоилися мы, покоились Валдайцы,
«А на побоищѣ бродили только зайцы,
«И тамъ же на рожкахъ играли пастухи,
«А дома не спали лишь я да пѣтухи,
«Которы пѣснь свою предъ курами кричали,
«А куры имъ на то по-курьи отвѣчали.
«Лишь въ домъ я только вшелъ, нашелъ жену безъ косъ,
«А матушку прошибъ отъ ужаса поносъ,
«Она безъ памяти въ избушкѣ пребывала
«И съ печи въ дымовникъ, какъ галочка, зѣвала,
«Перебирая всѣхъ по памяти святыхъ,
«Всѣхъ пятницъ, семика, сочельниковъ честныхъ,
«Чтобы обоихъ насъ въ сраженьи сохранили
«И цѣлыхъ къ ней домой съ Илюхой возвратили;
«Однакожъ по ее не сталося сіе:
«Отгрызли ухо прочь у дитятка ее,
«А съ нею и сего рокъ пущій совершился.
«Лишь только вшелъ я въ домъ, безмѣрно устрашился,
«Увидя мать мою, лежащую въ кути;
«Она, увидѣвши меня, ворчитъ: «Прости,

«Прости, мое дитя, я съ свѣтомъ разстаюся!»
«Она сіе ворчитъ, а я слезами льюся;
«Приходитъ мой и братъ съ войны окровавленъ,
«Смерть матерня и вой обѣихъ нашихъ женъ
«Ко жалости сердца и наши преклонили;
«Крѣпились мы, но ахъ!... и мы, какъ бабы, взвыли.
«Ужъ тѣло старое оставила душа,
«А тѣло безъ души не стоитъ и гроша;
«Хотя бъ она была еще и не старуха!
«Я плачу, плачетъ братъ, но тотъ уже безъ уха.
«И трудно было всѣмъ узнать его печаль,
«Старухи ли ему, иль уха больше жаль.
«Потеря наша намъ казалась невозвратна,
«Притомъ и мертвая старуха непріятна.
«На завтрѣ отдали мы ей послѣдню честь:
«Велѣли изъ дому ее скорѣе несть,
«Закутавши сперва холстомъ въ сосновомъ гробѣ,
«Предати съ пѣніемъ ее земной утробѣ.
«Симъ кончилась моя послѣдняя бѣда,
«Потомъ я высланъ былъ на станцію сюда,
«О чемъ уже тебѣ я сказывалъ и прежде.
«Но какъ я зрю себя здѣсь въ дѣвичьей одеждѣ,
«Того не знаю самъ, и кѣмъ я занесенъ,
«Въ обитель оную въ число прекрасныхъ женъ,
«Не знаю, по Христѣ!...» Тутъ рѣчь перерываетъ
Начальница и такъ ему повелѣваетъ:
«Когда ты хочешь быть здѣсь веселъ и счастливъ,
«Такъ ты не долженъ быть, дѣтинушка, болтливъ;
«Молчаніе всего на свѣтѣ семъ дороже.
«Со мною у тебя едино будетъ ложе,
«А попросту сказать, единая кровать,
«На коей ты со мной здѣсь будешь ночевать;
«Но чтобъ сіе межъ насъ хранилось безъ промашки,
«Возьми иголочку, садись и шей рубашки.»
Въ отвѣтъ онъ ей: «О мать, я прямо говорю,
«Что шить не мастеръ я, а только я порю,
«Такъ если у тебя довольно сей работы,
«Отдай лишь только мнѣ и буди безъ заботы,
«Я это дѣло все, не мѣшкавъ, сотворю;
«Хоть дюжину рубахъ я мигомъ распорю!»
Она увидѣла, что есть проворъ въ дѣтинѣ,

Немножко побыла еще съ нимъ наединѣ,
Потомъ оставила въ комнаточкѣ его;
Пошла и заперла Елесю одного,
Не давши ни одной узнать о томъ дѣвицѣ,
И такъ уже онъ сталъ въ пріятнѣйшей темницѣ.
Межъ тѣмъ уже Зевесъ отъ хмѣля проспался,
И только чаю онъ съ Юноной напился,
Какъ вѣстникъ, вшедъ къ нему въ божественны чертоги,
Сказалъ, что всѣ уже сидятъ въ собраньи боги,
А онъ, дабы дѣла вершить не волоча,
Корону на лобъ бухъ, порфиру на плеча
И, взявши за руку великую Юнону,
Кладетъ и на нее такую же корону.
Уже вошелъ въ чертогъ, гдѣ боги собрались;
Они, узря его, всѣ съ мѣстъ приподнялись,
И тѣмъ почтеніе Зевесу оказали
Всѣ сѣли, говорить Церерѣ приказали.
Сія съ почтеніемъ къ Зевесу подошла
И тако передъ нимъ прошенье начала:
«О сильно божество, Зевесъ, всѣхъ благъ рачитель,
«Наставникъ мой, отецъ и мудрый мой учитель,
«Ты вѣдаешь, что я для нужнѣйшихъ потребъ
«Живущихъ на земли учила сѣять хлѣбъ.
«Сіе мнѣ удалось, я видѣла успѣхи,
«Когда пахали хлѣбъ безъ всякія помѣхи,
«А нынѣ Вакхъ надъ мной побѣду получилъ,
«Когда сидѣть вино изъ хлѣба научилъ;
«Всѣ смертные теперь ударились въ піянство,
«И вышло изъ того единое буянство.
«Земля уже почти вся терномъ поросла,
«Крестьяне въ города бѣгутъ отъ ремесла,
«И въ таковой они разстройкѣ превеликой:
«Какъ бабы, всѣ почти торгуютъ земляникой,
«А всякій бы изъ нихъ пахати землю могъ.
«Суди теперь о семъ ты самъ, великій богъ.»
Всѣ боги межъ собой тутъ начали ворчати,
Но Зевсъ имъ повелѣлъ всѣмъ тотчасъ замолчати,
А Вакху повелѣлъ, не медля, отвѣчать,
Когда онъ можетъ чѣмъ Цереру уличать.
Сей началъ говорить себѣ во оправданье:
«Такое ль нынѣ мнѣ, о боги, воздаянье,

«Что я съ Церерою стою на сей средѣ,
«И мнѣ ли молодцу быть съ бабою въ судѣ!
«Или вмѣняете и то вы мнѣ въ бездѣлье,
«Что свѣту я открылъ душевное веселье?
«Когда въ немъ человѣкъ несчастливо живетъ,
«Онъ счастливъ, ежели вино онъ только пьетъ;
«Когда печальный мужъ чарчонку выпиваетъ,
«Съ чарчонкой всю свою печаль онъ забываетъ;
«И воинъ, водочку имѣючи съ собой,
«Хлебнувши чарочку, смѣляе йдетъ въ бой;
«Невольникъ, на себѣ нося свои желѣзы,
«Напившися вина, льетъ радостныя слезы.
«Но что я говорю о малостяхъ такихъ!
«Спросите вы о томъ духовныхъ и мірскихъ,
«Спросите у дьяковъ, спросите у подъячихъ,
«Спросите у слѣпыхъ, спросите вы у зрячихъ;
«Я думаю, что вамъ отвѣтствуютъ одно,
«Что лучшій въ свѣтѣ даръ для смертныхъ есть вино.
«Вино сердца бодритъ, желудки укрѣпляетъ
«И, словомъ, всѣхъ оно людей увеселяетъ.
«Не веселы бы имъ всѣ были пиршества,
«Забавъ бы лишены всѣ стали торжества,
«Когда бы смертные сего не знали дара.
«Не пьютъ его одни лишъ Турки и Татары:
«Спросите же у нихъ: не скучно ли и имъ.»
Онъ кончилъ рѣчь свою послѣднимъ словомъ симъ,
Умолкнулъ и потомъ не хочетъ видѣть свѣта.
На то Зевесъ имъ рекъ: «Послушайте отвѣта,
«Какой я на сіе теперь вамъ изреку.»
И медоточную пустилъ изъ устъ рѣку,
Которой не было витійствію примѣра:
«Послушайте меня, ты, Вакхъ, и ты, Церера,
«Тебѣ противенъ хмѣль, ему—откупщики;
«Но судите вы такъ, какъ частные божки,
«А я сужу о всемъ и здраво, и правдиво.
«Я думаю, что вамъ и это будетъ въ диво,
«Почто къ женамъ своимъ ревнуетъ басурманъ,
«А Жидъ, Французъ и Грекъ способны на обманъ,
«Почто Ишпанецъ гордъ, почто убоги шведы,
«И для чего у нихъ Россіяне сосѣды,
«Почто Голландецъ грубъ, Британецъ вѣренъ, твердъ,

«Германецъ искрененъ, Индѣецъ милосердъ,
«Арабы дикіе сердца имѣютъ звѣрски,
«Италіянцы всѣ и хитры, и продерзки,
«Почто Полякъ своимъ словамъ не господинъ,
«И правды въ вѣкъ Цыганъ не молвитъ ни одинъ?
«Почто во всѣхъ вселилъ я нравы столько разны?
«Повѣрьте, что мои въ семъ вымыслы не праздны:
«Я Трою низложилъ, дабы воздвигнуть Римъ,
«И вамъ ли знать конецъ намѣреньямъ моимъ!
«Я сдѣлаю, что вы съ ней будете согласны,
«И будете отъ-днесь вы оба безопасны:
«Премудрость возведу я нѣкогда на тронъ,
«Она содѣлаетъ полезнѣйшій законъ,
«Которымъ пресѣчетъ во откупахъ коварство,
«И будетъ тѣмъ ея довольно государство;
«Не будетъ откупщикъ ратаю тамъ мѣшать,
«А ратай будетъ имъ себя обогащать,
«И будутъ счастливы своею всѣ судьбою.
«Не ссорьтесь же и вы теперь между собою.»
Симъ словомъ ихъ Зевесъ обоихъ усмирилъ
И сына своего съ Церерой помирилъ.
 Когда Зевесъ изрекъ богамъ, что надлежало,
А солнце между тѣмъ въ свой домъ уже въѣзжало,
И тамъ ему жена готовила кровать,
На коей по трудахъ ему опочивать,
И также женъ честныхъ начальница и мати
Готовилась идти съ Елесей ночевати,
Но чтобы малому товаръ продать лицомъ
Притерлася она настоеннымъ винцомъ,
Искусною рукой чрезъ разныя затѣи
Поставила чепецъ поверхъ своей тупеи,
А чтобы большія придать себѣ красы,
Пустила по плечамъ кудрявые власы,
Которы цвѣтъ въ себѣ имѣли померанцевъ,
Потратила бѣлилъ и столько же румянцевъ,
Дабы любовника къ забавамъ возбудить,
Потщилася себя получше снарядить
И думала пробыть всю ночь она въ покоѣ, —
Но вотъ случилось съ ней несчастіе какое:
 Внезапно тутошней всей стражи командиръ
Вздѣваетъ на себя и шпагу, и мундиръ;

Онъ хочетъ обойтить по комнатамъ дозоромъ
И хочетъ дѣвушекъ своимъ увидѣть взоромъ;
А въ этомъ дѣлѣ онъ не вѣрилъ никому—
Не только что бъ другимъ, сержанту самому.
Онъ былъ лѣтъ сорока или уже и болѣ,
Служилъ онъ двадцать лѣтъ, а все служилъ онъ въ полѣ
Морщливое чело, нахмуренная бровь
Являли въ немъ уже застылую любовь.
Хотя онъ нѣкогда въ сей школѣ и учился,
Но такъ уже онъ весь въ строяхъ изволочился,
Что всю любовную науку позабылъ,
И, словомъ, больше онъ солдатъ, чѣмъ щеголь былъ.
Но, стоючи у сихъ красавицъ на сторожѣ,
Почувствовалъ въ себѣ, почувствовалъ...и что же?
Въ какую старичокъ повергнулся напасть?
Сей мужъ почувствовалъ въ себѣ любовну страсть,
И то бы ничего, что онъ воспламенился,
Но кѣмъ?... О ужасъ, онъ начальницей плѣнился!
Внезапно на него блажной навѣялъ часъ,
Хоть совѣсть не одинъ ему твердила разъ:
«Мужчина въ двадцать лѣтъ красавицамъ любезенъ,
«И въ тридцать можетъ быть для нихъ еще полезенъ,
«А ежели кому пробило сорокъ лѣтъ,
«Тотъ, не званъ, никуда не ѣзди на обѣдъ,
«Домашнимъ буди сытъ, пей, ѣшь, живи, красуйся,
«А къ женщинамъ отнюдь съ амурами не суйся:
«Твоя уже чреда любиться протекла!»
Такъ совѣсть собственна ему тогда рекла,
Но онъ толь правильнымъ рѣчамъ ея не внемлетъ,
Къ начальницѣ въ покой вломиться предпріемлетъ.
Вѣщаетъ самъ себѣ: «Во что бъ ни стало мнѣ,
«А я пробуду съ ней всю ночь наединѣ;
«Неужели она въ семъ дарѣ мнѣ откажетъ,
«Что на кровать свою уснуть со мной не ляжетъ?
«Вѣдь я еще себя чрезъ то не погублю,
«Когда скажу я ей, что я ее люблю,
«И ежели она со мной не хочетъ вздорить,
«Такъ будетъ ли о сей бездѣлицѣ и спорить!»
Се тако командиръ съ собою разсуждалъ,
И тако онъ себѣ удачи ожидалъ;
Въ нечистомъ помыслѣ приходитъ къ той комнаткѣ,

Въ которой бабушка со внучкомъ на кроваткѣ.
Она за полчаса предъ нимъ туда пришла
И Елисея въ ней храпящаго нашла;
Дрожащею рукой его она толкаетъ
И тихимъ голосомъ Елесю расkликаетъ,
Касаяся ему, по имени зоветъ:
«Проснися, Елисей, проснися ты, мой свѣтъ!»
Елеся, пробудясь, узрѣлъ святую мати,
Подвинулся и далъ ей мѣсто на кровати.
Но только онъ на верхъ блаженства возлетѣлъ,
Какъ грозный командиръ во дверь идти хотѣлъ,
Толкаетъ тростію и настежъ отворяетъ.
Елеська на верху блаженства обмираетъ
И съ онаго тотчасъ, какъ бѣшеный, скочилъ.
Объ этомъ командиръ худое заключилъ
И сталъ допрашивать Елеську очень строго:
«Отколѣ ты пришла, одѣта столь убого,
«И для чего тебя въ моемъ реестрѣ нѣтъ,
«Скажи, голубушка, откуда ты, мой свѣтъ?»
Тогда не зналъ онъ—что̀ на это отвѣчати,
Хоть не было на рту замка и ни печати,
Однакожъ Елисей потупяся молчитъ,
А командиръ его штурмуетъ и кричитъ.
Начальница себя отъ бѣдства избавляетъ,
Съ учтивостью сему герою представляетъ,
Чтобъ онъ не гнѣвался напрасно на нее;
Что видитъ предъ собой племянницу ее,
Которая пришла сей день къ ней только въ гости,
Но, опасаяся людей лукавыхъ злости,
Не смѣла поздно такъ домой она отбыть,
Затѣмъ, чтобъ жертвою насильствія не быть,
И что зачѣмъ онъ самъ столь поздно къ ней приходитъ?
Такими петлями свой слѣдъ она отводитъ.
Но командиръ ея не внемлетъ льстивыхъ словъ;
За это онъ хотя въ удавку лѣзть готовъ,
Что рѣчь ея предъ нимъ—единые обманы;
Обыскиваетъ всѣ у дѣвушки карманы—
Не приличится ли виновною она;
Въ карманахъ не было у дѣвки ни рожна,
И не было того, чтобъ можно счесть за кражу;
Однакожъ онъ велѣлъ отвесть ее подъ стражу.

Возможно ли сіе постигнути уму:
Елеська черезъ день попалъ опять въ тюрьму,
И въ этой бы ему не быть уже безъ казни,
Когда бы Вакхъ къ нему не чувствовалъ пріязни.
Къ Зевесу онъ, Зевесъ Ермія нарядилъ,
Чтобъ паки онъ его отъ узъ освободилъ.
Сей тотчасъ прилетѣлъ къ нему, несомъ какъ вѣтромъ,
Но былъ уже Ермій одѣянъ петиметромъ:
Высокая тупе, подправленны виски,
Уже онъ снялъ съ себя капральскіе уски,
И также не былъ онъ одѣянъ и колетомъ;
Ермій со тросточкой, Ермій мой со лорнетомъ,
Въ который чваняся на дѣвушекъ глядѣлъ.
Тогда на ямщика онъ шапочку надѣлъ,
А даръ въ себѣ такой имѣла шапка эта:
На чью бы голову была она ни вздѣта,
И кто покроется покровомъ лишь такимъ,
Исчезнетъ абіе и будетъ невидимъ.
И тако, бывъ покрытъ покровомъ симъ, Елеся
Вторично въ комнату къ начальницѣ принесся
И съ нею цѣлу ночь въ забавахъ проводилъ.
Межъ тѣмъ ужъ утра часъ девятый приходилъ,
Когда разгнѣванный любовникъ пробудился
И арестованной колодницы хватился;
Тогда въ глазахъ его блистали гнѣвъ и месть,
Велитъ немедленно къ себѣ ее привесть;
Но караульные ея не обрѣтаютъ
И дѣвку мнимую ушедшею считаютъ.
Сержантъ ко своему начальнику бѣжитъ
И вѣсть ужасную сказать ему дрожитъ,
Однакожъ наконецъ побѣгъ ея доноситъ,
А строгій командиръ кафтанъ и шпагу проситъ,
Лишь только выбѣжалъ одѣвшися на дворъ,
Вскричалъ тотчасъ: «Къ ружью!» Велѣлъ ударить сборъ.
«Кто дѣвку упустилъ, на чьихъ часахъ то было?»
Кричитъ и всякаго толкаетъ въ усъ да въ рыло.
Однакожъ сколько онъ кого не истязалъ,
Служивый ни одинъ того ни показалъ,
Кто выпустилъ ее, и гдѣ она дѣвалась;
Хоть съ домомъ дѣвушка отнюдь не разставалась,
Но думаютъ, что самъ ее лукавый бѣсъ,

Укравши, на себѣ изъ дома вонъ унесъ.
И такъ, весь оный шумъ оконченъ сей войною.
Сержантъ отдулся тутъ за всѣхъ своей спиною,
Хотя и не былъ онъ ни мало виноватъ,
Лишь грѣшенъ развѣ тѣмъ однимъ, что онъ сержантъ.
Елеся между тѣмъ въ забавахъ пребываетъ
И шапки съ головы отнюдь не скидываетъ,
Невидимый никѣмъ подъ чуднымъ симъ шатромъ,
Выходитъ иногда онъ вонъ и изъ хоромъ,
Гуляетъ, пьетъ и ѣстъ въ томъ домѣ и ночуетъ,
А командиръ его не видитъ и не чуетъ.
Но наконецъ ужъ онъ наскучилъ симъ житьемъ;
Хотя доволенъ былъ онъ пищею и всѣмъ,
Но Вакхъ вселилъ въ него уйтить оттоль охоту
И дѣлать на него взложенную работу,
Дабы откупщиковъ немного пощунять:
А Елисей сіе былъ мастеръ исполнять.
Во время сна сея несчастныя старушки
Оставилъ Елисей постелю и подушки,
Оставилъ онъ свои и порты, и камзолъ,
Оставилъ и ее во снѣ, а самъ ушолъ.
Лишь только по утру начальница проснулась,
Зѣвнула и на ту сторонку обернулась,
На коей Елисей возлюбленный лежалъ—
Анъ слѣдъ уже простылъ, любовникъ убѣжалъ;
Подушку хвать рукой, нашла подушку хладну.
Подобно такъ Тезей оставилъ Аріадну,
И такъ же измѣнилъ любовницѣ Еней,
Какъ сдѣлалъ со своей старушкой Елисей.
Собравъ остатокъ силъ, собравъ всю крѣпость духа,
Сначала думала несчастная старуха,
Что съ нею Елисей нарочно пошутилъ,
И что изъ комнаты онъ вонъ не выходилъ;
Встаетъ и по угламъ, какъ бѣшеная, рыщетъ,
По стульямъ, по столамъ его руками ищетъ,
Но какъ ни суется, Елеси не найдетъ;
Упала на кровать, вскричала: «Ахъ, мой свѣтъ!
«Куда, Елесенька, куда ты отлучился?
«И гдѣ обманывать людей ты научился,
«Что ты и самоё меня тѣмъ превзошелъ?
«Куда, Елесенька, куда, мой свѣтъ, ушелъ,

«Гдѣ скрылся отъ меня, и гдѣ ты пребываешь?
«Или ты у какой негодной обитаешь,
«Которая, собой плѣнивъ твой нѣжный взоръ...»
Старухѣ между тѣмъ хотѣлося на дворъ;
Она трепещущей рукою тазъ достала
И только исполнять свою лишь нужду стала,
Узрѣла на полу и порты, и камзолъ.
«Теперь я чувствую, вскричала,— сколь ты золъ!
«Ты пуще мнѣ тоски и бѣдствія прибавилъ,
«На что ты порты здѣсь, на что камзолъ оставилъ?
«Или на то, чтобъ я была обличена?
«Не самъ ли въ томъ тебя наставилъ сатана!
«Ну, если командиръ зайдетъ сюда дозоромъ,
«Не скроешь этыя ты рухляди предъ взоромъ,
«Который ежели захочетъ примѣчать,—
«И что предъ нимъ тогда я буду отвѣчать?
«Не ясная ли мнѣ послѣдуетъ улика?
«Хоть какъ ни разсуждай, напасть моя велика!»
Когда она сіе въ печали вопіетъ,
Анъ—глядь ужъ командиръ къ ней въ комнату идетъ;
Она тутъ затряслась и вдругъ оторопѣла,
Портковъ схватить съ собой съ камзоломъ не успѣла,
Вскочила на кровать, а тотъ уже вошолъ;
Мерещутся ему и порты, и камзолъ,
Приблизился потомъ, какъ бѣшеный, къ постелѣ,
Увидѣлъ на полу камзолъ онъ въ самомъ дѣлѣ
И также видитъ онъ лежащіе портки.
«О небо, закричалъ,—здѣсь въ домѣ мужики!»
Приспичиваетъ онъ ее въ семъ дѣлѣ тѣсно,
Кричитъ: «Живутъ ли такъ, моя голубка, честно?
«Какой я у тебя увидѣлъ здѣсь мундиръ?
«На толь надъ вами здѣсь поставленъ командиръ,
«Чтобъ только вы его словами лишь ласкали,
«А ночью спать съ собой стороннихъ допускали?
«Позору я себѣ такого не хочу,
«Я первую тебя батожьемъ укрочу.»
Она туда-сюда хвостишкомъ помотала,
Подъѣхала къ нему и тотчасъ уласкала.
Уже мой командиръ предъ бабою погасъ,
Утихнулъ и закисъ, какъ будто ячный квасъ!
Хотя ей постегать онъ спину и ярился,

Однакожъ наконецъ съ старушкой помирился;
Тутъ не было межъ ихъ Гимена и любви
И также пламени въ застылой ихъ крови,
Но имъ и не было большія нужды въ этомъ,
Затѣмъ, что не зимой сіе ужъ было, лѣтомъ.
Они между собой спокойствія дѣлятъ,
Безъ жару старички другъ друга веселятъ.
Ужъ стала заживать ея любовна рана,
Когда ей командиръ сталъ другомъ изъ тирана.
Хотя прошло еще тому не много дней,
Какъ отбылъ отъ сея Дидоны прочь Еней,
Но оная не такъ, какъ прежняя, стенала
И съ меньшей жалостью Елесю вспоминала;
Она уже о немъ и слышать не могла,
Портки его, камзолъ въ печи своей сожгла,
Когда для пироговъ она у ней топилась
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Елисей, вышедши изъ Калинкинскаго дома, пошелъ въ городъ и, утомясь, легъ въ лѣсу спать. Но вдругъ проснулся отъ крика одной женщины, которую два вора хотѣли ограбить. Онъ ее отъ нихъ избавляетъ и находитъ въ ней жену свою. Она ему разсказываетъ свое похожденіе послѣ того, какъ съ нимъ разсталась. Онъ ее отпускаетъ въ городъ, а самъ остается въ лѣсу, гдѣ, ему явясь, Силенъ ведетъ его въ домъ одного богатаго откупщика, чтобъ онъ тутъ пилъ сколько хочетъ, а самъ отходитъ на небо къ Вакху. Елисей, искавъ погреба, взошелъ нечаянно въ баню, гдѣ тогда откупщикъ съ женою своею парился. Онъ ихъ оттуда выгоняетъ, а самъ, выпарясь, одѣлся въ откупщиково платье, приходитъ въ своей шапкѣ невидимкѣ въ палаты откупщиковы и, забившись подъ его кровать, лежалъ до тѣхъ поръ, какъ откупщикъ, бывши встревоженъ случившеюся тогда грозою, всталъ съ постели, а онъ, вышедъ изъ подъ оныя, легъ съ его женою спать. По окончаніи грозы, откупщикъ, примѣтя странное движеніе жены своей, думаетъ, что ее давитъ домовой, хочетъ на утро посылать по ворожею, которая бы выгнала вонъ изъ его покоя сего домоваго чорта. Ямщикъ, услыша то, убоялся прихода ворожеи, выходитъ вонъ изъ палатъ и ищетъ погреба, гдѣ думаетъ утолить виномъ свою жажду.

—

Ужъ Фебъ чрезъ зодіакъ Близнятокъ проѣзжалъ,
Когда мой Елисей отъ бабушки сбѣжалъ;
Хотя и рѣдкіе изъ низкой столь породы
Любуются красой пріятныя природы,
Но сей, какъ въ маломъ томъ Парижцѣ побывалъ,
Онъ мыслилъ инако и инакъ разсуждалъ.
Онъ зналъ ужъ напримѣръ, что въ свѣтѣ есть амуры,
Что постоянныя одни лишь только дуры,
Онъ зналъ, какъ надобно къ кокеткамъ подбѣгать,
Онъ зналъ, какъ надобно божиться имъ и лгать.
Когда жъ бы побывалъ въ великомъ онъ Парижѣ,
Конечно бъ былъ еще къ дурачеству поближе,
Но штука ль и въ прямомъ Парижѣ побывать,
Чтобъ только на одни бездѣлки позѣвать
И только высмотрѣть живущихъ въ ономъ моды,
Не тщася расмотрѣть ихъ права и доходы,
Узнать, чѣмъ Франція обильна, чѣмъ скудна,
И безъ другихъ державъ пробудетъ ли одна,
Какія ремесла, какія въ ней науки;
Но ѣздятъ щоголи туда не ради скуки,
А если весело тамъ время проводить,
Такъ должно по домамъ кофейнымъ походить,
Узнать въ какіе дни тамъ зрѣлища бываютъ,
Какіе и когда кафтаны надѣваютъ,
Какіе носятъ тамъ тупеи и виски,
Какія тросточки, какіе башмаки,
Какія стеклышки, чулки, манжеты, пряжки;
Чтобъ, выѣхавъ оттоль, одѣться безъ промашки
И тѣмъ подъ судъ себѣ подобнымъ не подпасть,
Умѣти изъяснить свою безстыдно страсть,
Вертѣться, вздоръ болтать по самой новой модѣ,
Какая только есть во вѣтренномъ народѣ.
Подобно и ямщикъ симъ умъ свой навострилъ:
Съ манерными онъ самъ манерно говорилъ;
Коль женщина бъ какимъ вертушкой ослѣпилась,
Елеся бы сказалъ: «Она имъ зацѣпилась.»
А если бы онъ самъ за кѣмъ таскаться сталъ,
Онъ множество бы словъ манерныхъ наболталъ,
Которыя когда бъ не очень тутъ приличны,
Такъ это оттого, что слишкомъ политичны.
И какъ объ немъ ужъ кто теперь ни полагай,

А онъ теперь совсѣмъ ученый попугай.
Уже плѣнилъ свой духъ ямщикъ весны красами,
Пошелъ ко Питеру не улицей, лѣсами,
Въ которыхъ множество расло тогда грибовъ,
И онъ бы набралъ ихъ хоть десять коробовъ,
Но не было при немъ и маленькой плетюшки,
За тѣмъ, что наскоро онъ отбылъ отъ старушки,
Оставя у нея и собственный уборъ.
Онъ идетъ, веселя природою свой взоръ,
А солнце ужъ тогда съ полудни своротило
И лучъ умѣренный на землю ниспустило.
И такъ, ужъ ямщика не очень больно жгло:
Тамъ воды ясныя, какъ чистое стекло,
Между зелеными кустами извиваясь,
То индѣ межъ собой въ единъ ручей сливаясь,
Какъ сонныя, въ брегахъ излучистыхъ текли
И образъ надъ собой стоящихъ древъ влекли;
И роза и нарцисъ себя въ нихъ также зрѣли;
Тамъ слышатся вездѣ пастушески свирѣли,
Которы стерегли овечекъ отъ звѣрей;
Тамъ также слышался пріятный соловей,
Который, плѣнникъ ставъ прекрасныя Венеры,
Высвистывалъ любовь чрезъ разныя манеры;
Тутъ стука не было отъ дятловыхъ носовъ,
И также не было тамъ филиновъ, ни совъ;
Казалось, что тутъ вся природа отдыхала;
Одна лишь горлица о миломъ воздыхала,
Котораго въ тотъ день лишилася она.
Елеся молвилъ тутъ: «Вотъ такъ моя жена,
«Я думаю, меня теперь воспоминаетъ,
«И, будто горлица, о мнѣ она стенаетъ;
«Хотя она безъ косъ, но мнѣ она мила.»
Такую мысль ему та птица родила.
Онъ легъ на бережокъ подъ вѣтвія зелены,
Желая тѣмъ свои спокоить томны члены,
Возлегъ, и скоро онъ на немъ тогда заснулъ,
Но, крикомъ женскимъ бывъ встревоженъ, воспрянулъ,
И се увидѣлъ онъ, сквозь связь кустовъ сплетенну,
Бѣгущу женщину къ нему окровавленну;
Она была собой изрядныя красы;
Разстеганная грудь, растрепанны власы

Довольно бѣдствіе ея предвозвѣщали
И долго размышлять его не допущали;
Потомъ ямщикъ узрѣлъ бѣгущихъ двухъ мужчинъ,
И ужъ касается одеждъ ея одинъ,
Другой кричитъ: «Постой, отъ насъ ты не избудешь
«И нашей жертвою сей день конечно будешь!»
Тогда Елеся, бывъ подвигнутый на гнѣвъ,
Сталъ легокъ, яко конь, а силенъ, яко левъ:
Встаетъ и, бывши самъ невидимъ, нападаетъ,
Подобно какъ орелъ на птицу налетаетъ,
И вдругъ озорнику такой влѣпилъ ударъ,
Что разомъ кинуло въ ознобъ его и въ жаръ;
Другому далъ тычка въ животъ своимъ колѣномъ,
Отъ коего онъ палъ, какъ будто битъ полѣномъ,
Потомъ ударовъ имъ десятокъ разсовалъ,
Хотя онъ не былъ врачъ и также коновалъ,
Но выпустилъ изъ нихъ не мало лишней крови,
Подбилъ имъ обоимъ глаза, скулы и брови.
Но какъ онъ ихъ щелкалъ, самъ бывъ имъ невидимъ,
Чрезъ то помстилося буянамъ обоимъ,
Что будто подрались они съ собою сами,
Схватилися, и ну—мѣняться волосами:
Другъ друга въ рыло бьютъ и тычутъ по носкамъ;
Досталося щекамъ, затылкамъ и вискамъ;
То вдругъ разскочатся, то вдругъ опять сопрутся,
Какъ будто пѣтухи задорные дерутся,—
Такъ бились межъ собой сіи озорники;
Трещатъ ихъ волосы, кафтаны, кушаки.
Я мню и о тебѣ, исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда.
Но наконецъ у нихъ дошло и до того,
Не знаю, не драли они бы тутъ чего:
Досталося всему, и такъ они избились,
Что будто пьяные безъ чувства повалились.
Тогда ямщикъ мой тутъ промедлить не хотѣлъ,
Онъ съ женщиной отъ нихъ проворно улетѣлъ.
О радостный восторгъ! Куда онъ духомъ всходитъ,
Ямщикъ въ сей женщинѣ жену свою находитъ.
Услуга днесь твоя, ямщикъ, награждена:
Ты спасъ молодушку, а въ ней твоя жена!

Невинность часто рокъ отъ бѣдствія спасаетъ,
А добродѣтель верхъ надъ злобой получаетъ.
И тако наконецъ ямщикъ жену узналъ;
Онъ, снявши шапочку, ее поцаловалъ;
Тогда весь плачь ея на радость обратился.
«Не съ неба ль, мнитъ она, мой мужъ ко мнѣ скатился.»
Но онъ ей бывшее съ собою разсказалъ
И повелительно ей тоже приказалъ,
Дабы она ему взаимно объявила,
Какая занесла ее въ тотъ случай сила,
И за собой какихъ воровъ она влекла.
Она заплакала, вздохнула и рекла:
«Какъ только отъ меня ты въ Питеръ отлучился,
«Тогда со мною весь несчастья верхъ случился;
«Твой братъ не сталъ меня въ дому своемъ держать,
«А я принуждена къ тебѣ сюда бѣжать.
«И наконецъ когда я въ Питеръ дотащилась,
«Тогда моя мошна совсѣмъ ужъ истощилась;
«Пришла въ Ямскую я, тебя въ Ямской ужъ нѣтъ,
«Всѣ мнили о тебѣ, что умеръ ты, мой свѣтъ,
«А я осталася вдовою горемычной.
«Пристанищемъ моимъ мнѣ сталъ заводъ кирпичной.
«У Нѣмца тамо я въ работницахъ жила,
«И можетъ быть, чтобъ тутъ я счастлива была,
«Когда бъ его жена не столь была брюзглива,
«А больше этого она была ревнива,
«Но баринъ былъ ко мнѣ, какъ къ ниточкѣ игла.
«Однажды вечеромъ, какъ спать ужъ я легла,
«А баринъ тихо всталъ со жениной кровати,
«Пришелъ ко мнѣ и сталъ по барски цаловати,—
«Проснулася жена, потомъ рукою хвать,
«Анъ стала бéзъ мужа пустёхонька кровать.
«Мы съ нимъ лежимъ, а та съ своей постели встала
«И насъ въ другой избѣ лежащихъ съ нимъ застала.
«Подумай, муженекъ, къ чему бы ревновать,
«Что мужъ ее пришелъ меня поцаловать?
«Вѣдь онъ еще чрезъ то нисколько сдѣлалъ худа,
«Что кушанья того жъ поѣлъ съ другаго блюда.
«Онъ началъ было тутъ жену свою ласкать,
«А та взбѣсилася и ну—меня таскать;
«Какъ бѣшеная, мнѣ глаза она подбила

«И въ полночь самую меня съ подворья сбила.
«Пошла я, а за мной пошла моя напасть;
«Боялась очень я въ полицію попасть,
«Однакоже сея бѣды не миновала,
«Попалася въ нее и тамо ночевала,
«Но случай вдругъ меня пречудный свободилъ;
«Не знаю, кто меня въ кафтанъ перерядилъ,
«И тако по утру, мнѣ выбивъ палкой спину,
«Пустили изъ нея на волю, какъ дѣтину. . .»
Елеся у нея тутъ рѣчи перебилъ:
«Ахъ, женушка, я самъ въ ту ночь въ полицьи былъ,
«Такъ выпущена ты въ моемъ оттоль кафтанѣ,
«Затѣмъ, что я и самъ вонъ вышелъ въ сарафанѣ;
«Но только кто меня одѣлъ въ твой сарафанъ,
«Не знаю для того, что былъ я очень пьянъ.
«Потомъ въ Калинкиномъ я домѣ очутился,
«Въ которомъ весь я постъ великій пропостился.»
На то ему опять рекла его жена:
«Когда я изъ тюрьмы была свобождена,
«Не знала, гдѣ въ мужскомъ дѣваться мнѣ кафтанѣ;
«Пошла и пробыла ту ночь въ торговой банѣ,
«Потомъ я перешла жить въ домъ къ секретарю,
«Котораго еще по-днесь благодарю:
«Приказнаго казна на всякій день копилась,
«А съ тѣмъ и жизнь моя по радостямъ катилась,
«Но вдругъ несчастіе навѣяло на насъ:
«Когда о взяткахъ въ свѣтъ лишь выпущенъ указъ,
«Которымъ разорять людей имъ запрещали,
«А казнь преступникамъ строжайшу обѣщали,
«Тогда къ поживкамъ онъ ужъ средства не нашелъ,
«Доволенъ прежнимъ бывъ, въ отставочку ушелъ,
«Съ хищеніемъ своимъ и съ Питеромъ разстался,
«За тѣмъ, что на себя не очень полагался;
«А я, сегодня вставъ почти съ зарею, вдругъ
«Попалася на сихъ мошенниковъ я двухъ.
«Они мнѣ давича на встрѣчу лишь попались,
«Взглянули на меня и тотчасъ приласкались,
«Хотѣли для житья мнѣ мѣсто показать. . .
«Но нечего тебѣ мнѣ болѣе сказать,
«Ты видѣлъ ихъ самихъ намѣренье безбожно,
«Отъ коего бы мнѣ избѣгнуть невозможно,

«Когда бы отъ него не ты избавилъ самъ.
«И тако я должна тебѣ и небесамъ.»
Когда бы Елисей не свѣтскій былъ дѣтина,
Такъ много бы труда имѣла тутъ дубина,
Которою бы онъ хозяйку пощунялъ;
Но онъ уже какъ весь поступокъ свѣтскій зналъ,
Словесный выговоръ онъ ей употребляетъ
И болѣе ничѣмъ ея не оскорбляетъ,
Спросилъ лишь у нея: имѣетъ ли пашпортъ,
А та его впреки: «Зачѣмъ, мой свѣтъ, безъ портъ?»
И оба какъ они другъ другу изъяснились,
Скорѣе, нежель бы кто думалъ, помирились.
Съ пашпортомъ онъ велѣлъ не медля ей идти
По прямо бывшему ко Питеру пути
И тамо ей велѣлъ въ Ямской хотя пристати, —
Дабы возмогъ ее со временемъ сыскати;
А самъ, простяся съ ней, остался въ томъ лѣску,
Гдѣ думалъ утолить и ревность, и тоску,
Которыя его тревожили безмѣрно,
Что сердце женино ему не очень вѣрно.
Хотя онъ самъ во вѣкъ не спускивалъ кумѣ,
Однакожъ у него все Нѣмецъ на умѣ.
Когда мой Елисей о Нѣмцѣ размышляетъ,
Въ то время Вакхъ къ нему Силена посылаетъ,
Дабы онъ утолилъ Елесину тоску,
Отведши прямо въ домъ его къ откупщику,
Который болѣе былъ всѣхъ ему досаденъ.
А Елисей и пить, и драться очень жаденъ;
Уже его Силенъ за рученьку беретъ
И прямо въ домъ къ купцу богатому ведетъ,
Который на уѣздъ какой-то водку ставилъ.
Привелъ и въ немъ его единаго оставилъ,
Сказавъ ему, чтобъ онъ то дѣлалъ, что хотѣлъ,
А самъ ко пьяному дитятѣ полетѣлъ.
Елеся мой стоитъ и о попойкѣ мыслитъ
И водку въ погребѣ своей купецку числитъ.
Сей былъ охвата въ три и ростомъ былъ высокъ,
Ѣдалъ во весь свой вѣкъ хрѣнъ, рѣдьку и чеснокъ,
А ежели ершей онъ купитъ за копѣйку,
Такъ думалъ, что проѣстъ тѣмъ женнню тѣлогрѣйку.
Годъ цѣлый у него бывалъ великій постъ,

Лишь только не былъ скупъ давати деньги въ ростъ,
И, упражняяся въ сей прибыльной ловитвѣ,
Простаивалъ насквозь всѣ ночи на молитвѣ,
Дабы Господь ему того не ставилъ въ грѣхъ;
Казался у церквей онъ набожнѣе всѣхъ;
А этакіе всѣ ханжи и лицемѣры
Вдругъ христіанскія и никакія вѣры.
Умолкните шумѣть, дубравы и лѣса,
Склони ко мнѣ свои, читатель, ушеса,
Внимая моея веселой лиры гласу,
Подвинься нѣсколько поближе ко Парнассу
И слушай, что тебѣ я въ пѣсни разскажу.
Уже на ямщика какъ будто я гляжу;
Солгалъ бы предъ тобой теперь я очевидно,
Когда бъ о ямщикѣ сказалъ я столь безстыдно,
Что будто задняя вся часть его видна;
По крайности его одѣта вся спина,
А только лишь одно сѣдалище наружѣ,
Но эта часть его была привычна къ стужѣ.
Когда одѣтъ ямщикъ былъ образомъ такимъ,
Онъ видитъ всѣхъ, никѣмъ самъ бывши не видимъ,
Восходитъ полунагъ въ купечески палаты,
Подобно какъ піитъ въ театръ безъ всякой платы.
Вошелъ, и въ домѣ онъ не видитъ никого,
Не только что рабовъ, хозяйна самого;
Лишь только на окнѣ онъ стклянку обрѣтаетъ;
Придвинулся и ту въ объятія хватаетъ:
Тутъ сткляница какъ мышь, а онъ какъ будто котъ,
Поймалъ и горлушко къ себѣ засунулъ въ ротъ,
И тутъ уже онъ съ ней, какъ съ дѣвкою, сосался:
Не медля, въ бывшей въ ней онъ водкѣ росписался.
То первая была удача ямщику,
Но онъ не для того пришелъ къ откупщику,
Чтобъ только эдакой бездѣлкой поживиться;
Онъ бродитъ тамъ вездѣ и самъ въ себѣ дивится,
Не обрѣтаючи въ покояхъ никого;
«Неужто, говоритъ,— пришелъ я для того,
«Чтобъ только стклянoчку мнѣ эту лишь похитить?
«Я цѣлый въ домѣ семъ могу и погребъ выпить.»
Сказалъ и изъ палатъ, какъ ястребъ, полетѣлъ,
Не найдетъ ли еще онъ въ домѣ жидкихъ тѣлъ;

Но онъ на задній дворъ зашелъ и обоняетъ,
Что тамо банею топлёною воняетъ.
Въ ней парился тогда съ женою откупщикъ,
Прямёхонько туда жъ забился и ямщикъ;
Но въ банѣ видитъ онъ ужъ дѣйствія другія,
А именно онъ зритъ два тѣла тамъ нагія,
Которы на себя взаимно льютъ водой.
То самъ былъ откупщикъ съ женою молодой.
Не знаю, отчего пришла имъ та охота;
Но я было забылъ: была тогда суббота,
А этотъ у купцовъ великъ въ недѣлѣ день.
Тогда ямщикъ вступилъ въ палаческу степень:
Онъ, взявши въ ковшъ воды, на каменку кидаетъ;
Тамъ стало, что ямщикъ обоихъ ихъ пытаетъ.
Перемѣняется пріятный въ банѣ паръ
На преужаснѣйшій и имъ несносный жаръ,
Который для купца немножечко наскучилъ;
Онъ думалъ, что его то самъ лукавый мучилъ
За многіе его при откупѣ грѣхи.
Уже оставили полочные верхи,
На нижнія они съ превыспреннихъ слетаютъ,
Но что?...И тамо жаръ подобный обрѣтаютъ;
Во всей вселенной ихъ единый сталъ климатъ,
Въ ней прежде былъ эдемъ, а нынѣ сталъ въ ней адъ.
Не льзя съ невидимой имъ властью стало драться,
Приходитъ обоимъ изъ бани убираться,
Забылъ мужикъ кафтанъ, а баба косники;
Онъ только на себя накинулъ лишь портки,
А жонка на себя накинула рубашку,
И оба черезъ дворъ побѣгли на опашку;
Альцеста тутъ жена, а мужъ сталъ Геркулесъ.
На ту бѣду у нихъ былъ въ домѣ дворный песъ,
Который, обоихъ хозяевъ не узная,
Вдругъ бросился на нихъ, какъ Церберъ адскій лая,
И прямо на купца онъ сзади тотчасъ скокъ,
Влѣпился къ новому сему Ираклу въ бокъ
И вырвалъ изъ боку кусокъ онъ, какъ изъ тѣста.
Укушенъ Геркулесъ, спаслася лишь Альцеста.
На крикъ откупщиковъ сбѣгается народъ.
О жалкій видъ очамъ, о странный оборотъ!
Узрѣли новаго тутъ люди Геркулеса

Таскаетъ по двору домашняя повѣса,
А древній адскаго дубиной отлущилъ
И, взявши за уши, изъ ада утащилъ;
Однакожъ кое-какъ героя свободили
И, въ домъ препроводя, на скáмью посадили.
Онъ стонетъ, иль сказать яснѣе, онъ кричитъ
И межъ стенаніемъ слова сіи ворчитъ:
«Ты, жонушка, меня сегодня соблазнила,
«Что баней мужика ты стараго вздразнила;
«Не самъ ли въ томъ тебя наставилъ сатана?
«Ахъ, нѣтъ не онъ, но ты виновна въ томъ одна!»
Такъ старый мужъ свою молодушку щуняетъ,
Виновенъ бывши самъ, напрасно ей пеняетъ.
Неужли ей искать чужаго мужика?
 Но мы оставимъ ихъ, посмотримъ ямщика.
Хозяевъ выживъ вонъ, ямщикъ помылся въ банѣ
И вышелъ изъ нея въ купеческомъ кафтанѣ.
Такъ сталъ Елеся мой совсѣмъ теперь одѣтъ,
Однакожъ въ шапочкѣ его какъ будто нѣтъ.
Купчина былъ великъ, ямщикъ былъ средня роста,
Такъ сталъ въ кафтанѣ онъ какъ, въ рясѣ попъ съ погоста.
Невидимый никѣмъ, выходитъ онъ на дворъ,
Бросаетъ онъ по всѣмъ мѣстамъ свой жадный взоръ;
Онъ только что о томъ намѣренъ былъ стараться,
Какимъ бы образомъ до погреба добраться;
Однакожъ въ этотъ день его онъ не нашелъ
И паки въ домъ купца, какъ въ свой, Елеся вшелъ.
Межъ тѣмъ уже покровъ свой ночь распростирала
И чистый весь лазурь, какъ сажей, замарала,
А тучи къ оному чинили большій мракъ.
Елеся въ домъ заползъ въ кафтанѣ, будто ракъ,
И прямо подъ кровать купецку завалился;
Купецъ тогда и самъ съ женою спать ложился,
Кладя раскольничьи кресты на жирный лобъ,
Читалъ: «Неужели мнѣ одръ сей будетъ гробъ?»
Жена за нимъ тогда то жъ самое читала
И мужу онаго съ усердіемъ желала.
Лишь только откупщикъ на одръ съ женою легъ,
Тогда ужасный вихрь со всѣхъ сторонъ набѣгъ;
Остановилася гроза надъ самымъ домомъ,
Наполнился весь домъ блистаніемъ и громомъ,

Надъ крышкою его во мракѣ страхъ повисъ,
Летятъ и дождь, и градъ, и молнія на низъ.
Премѣна такова живущихъ въ ужасъ вводитъ:
Не паки ли Зевесъ въ громахъ къ Данаѣ сходитъ?
Не паки ль на нее онъ золотомъ дождитъ,
Да новаго на свѣтъ Персея породитъ?
Не Зевсъ, но самъ ямщикъ встаетъ изъ-подъ кровати:
Идетъ съ купецкою женою ночевати.
Когда хозяина трескъ грома разбудилъ,
Онъ, вставши со одра, и свѣчку засвѣтилъ,
Отводитъ тучу прочь молитвами отъ дома;
Но громъ не слушаетъ такого иконома,
Который животы неправдою сбиралъ
И откупомъ казну и ближнихъ разорялъ.
Хозяйка между тѣмъ сама не почиваетъ,
Но только тянется въ одрѣ и позѣваетъ;
Елеся для себя удобный часъ обрѣлъ,
Онъ всталъ и на одрѣ хозяюшку узрѣлъ.
Межъ глазъ ея сидятъ усмѣшки и игорки,
Пониже шеи зритъ двѣ мраморныя горки,
На коихъ также зритъ два розовы куста.
Пріятное лице и алыя уста
Всю кровь во ямщикѣ къ веселью возбуждали
И къ ней вскарабкаться на ложе принуждали;
Не мысля болѣе, онъ прямо къ ней прибѣгъ
И вмѣстѣ на кровать съ молодушкою легъ.
Она не зритъ его, лишь только осязаетъ,
Въ ней кровь тогда кипитъ и купно замерзаетъ.
Въ единый часъ она и тлѣетъ, и дрожитъ,
И во объятіяхъ невидимыхъ лежитъ,
Что дѣлается съ ней, сама того не зная,
И тѣмъ-то точная она была Даная.
Межъ тѣмъ уже гроза ужасная прошла
И ночи прежнюю пріятность отдала.
Тогда пришелъ купецъ къ женѣ своей обратно,
Зоветъ по имени хозяйку многократно:
«Проснися, душенька, проснися ты, мой свѣтъ,
«Всѣ тучи прочь ушли, и страха больше нѣтъ.»
Жена ему на то съ запинкой отвѣчаетъ,
А старый мужъ ея движенье примѣчаетъ;
Толкнулъ ее рукой тихошенько онъ въ бокъ,

Елеся съ симъ толчкомъ тотчасъ съ кровати скокъ,
А баба будто бы въ то время лишь проснулась
И къ мужу на другой бочокъ перевернулась.
Тутъ мужъ спросилъ потомъ любезную жену:
«Конечно, видѣла во снѣ ты сатану,
«Что тѣло все твое отъ ужаса дрожало?»
Тогда ей говорить всю правду надлежало:
«Голубчикъ мужѣнекъ, я видѣла во снѣ
«Какъ будто что лежитъ тяжелое на мнѣ.»
А этотъ суевѣръ, не медля, заключаетъ,
Что будто домовой его съ ней разлучаетъ;
Ворчитъ ей: «Женушка, на свѣтѣ семъ всё есть.
«Я завтра же велю старушку въ домъ привесть,
«Котора сдѣлаться умѣетъ съ сатаною.
«Теперь не бойся ты и спи, мой свѣтъ, со мною.»
Ямщикъ, услыша то, и самъ какъ суевѣръ,
Не хочетъ надъ собой увидѣть сей примѣръ,
Чтобъ изъ дома его, какъ чорта, вонъ погнали;
Встаетъ и изъ палатъ выходитъ въ злой печали,
Что старый чортъ его съ хозяйкой разлучилъ:
«Конечно, самъ его въ томъ дьяволъ научилъ,
«Что хочетъ онъ послать на завтра по старушку,
«А эта бабушка сыграетъ ту игрушку,
«Она сюда сзоветъ чертей и цѣлый адъ,
«Которые меня изгонятъ изъ палатъ.
«Я лучше къ погребу его позаберуся,
«Войду и изнутри замкомъ я въ немъ запруся:
«Пускай же выживетъ оттоль меня она,
«Гдѣ много для меня и водки, и вина.»

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Елисей, забравшись въ откупщиковъ погребъ, обрѣтаетъ въ немъ много напитковъ и радуется. Тутъ къ нему явился Вакхъ съ своею свитою, и, сдѣлавъ погребу разгромъ, уходятъ. Вакхъ и Елисей опустошаютъ погреба у другихъ откупщиковъ. По утру же, когда откупщикъ проснулся, послалъ по ворожею. Она приходитъ, а въ самое то время прибѣгаетъ его ключникъ, сказываетъ о опустошеніи погреба. Откупщикъ съ печали обмираетъ, проситъ ворожею, чтобъ она чертей изъ дома его выгнала. Та обѣщается сіе сдѣлать; но, по многимъ разговорамъ, откупщикъ съ нею поссорился и выгналъ самъ ворожею отъ себя вонъ. Между тѣмъ Зевесъ видитъ, что Елисей многихъ откупщиковъ разоряетъ, призываетъ паки боговъ и дѣлаетъ надъ нимъ судъ. Наконецъ опредѣляетъ ему быть отдану въ солдаты, что съ нимъ и послѣдовало.

—

О муза, умились теперь ты надо мною;
Разстанься хоть на часъ съ превыспренней страною;
Накинь мантилію, насунь ты башмаки,
Возстани и ко мнѣ на помощь притеки.
Не школьникъ у тебя объ этомъ проситъ спасскій,
Но требуетъ ее себѣ пѣвецъ парнасскій,
Который завсегда съ тобой въ союзѣ жилъ
И со усердіемъ сестрамъ твоимъ служилъ.
И се я слышу гласъ съ ея высока трона:
«Послала я къ тебѣ давно уже Скаррона,
«Итакъ не льстись теперь на помощь ты мою,
«Я битву Чесмскую съ Херасковымъ пою;
«Онъ, мною воспріявъ настроенную лиру,
«Гласитъ преславную сію побѣду міру.
«Я нынѣ дѣйствую сама его перомъ,
«И изъ-подъ рукъ его исходитъ важный громъ;
«Но ежели и ты симъ жаромъ воспылаешь
«И пѣть оружіе Россіи пожелаешь,
«Тогда сама къ тебѣ на помощь притеку
«И всѣхъ подвижниковъ дѣянья изреку.»
О муза, лишь всели ты жаръ въ меня сердечный,
Прейдетъ черезъ меня то въ роды безконечны.
Приди и ободри охоту ты мою,
Тогда на лирѣ я пѣснь нову воспою.
А нынѣ паки я гудочекъ мой пріемлю
И паки голосу пѣвца Скаррона внемлю;

Уже онъ мысль мою во слѣдъ себѣ влечетъ,
Уже и слогъ его здѣсь паки потечетъ.
 Лишь только Елисей до погреба доскребся,
Уже онъ заживо въ могилѣ сей погребся.
Хотя и запертъ былъ онъ павловскимъ замкомъ,
Но онъ его сразилъ съ пробоевъ кулакомъ
И смѣлою рукой рѣшотку отворяетъ,
Нисходитъ въ хлябь сію и тамо озираетъ:
Разставлены вездѣ бочонки по стѣнамъ,
Тамъ стклянки видитъ онъ, бутылки видитъ тамъ,
Онъ видитъ бочки тамъ съ виномъ сороковыя,
Любуется, узря предметы таковые;
Летаетъ, какъ соколъ надъ стадомъ робкихъ птицъ,
Онъ видитъ лебедей и галокъ, и синицъ.
Лишь къ первой онъ тогда бутылкѣ прилетаетъ,
Ужъ первую ее въ объятія хватаетъ,
Какъ глазомъ мгнуть, такъ онъ затычку ототкнулъ
И въ три глотка сію онъ пташку проглонулъ;
Потомъ придвинулся къ большой онъ самой бочкѣ,
Откупорилъ и ротъ приставилъ къ средней точкѣ,
Изъ коея вино текло ему въ гортань.
Елесенька, уймись, опомнись, перестань;
Вить бочка не мала, тебя съ нее раздуетъ!
Но онъ сосетъ, рѣчей какъ будто и не чуетъ.
Онъ послѣ сказывалъ, и если онъ не лгалъ,
Что будто бы ему самъ Вакхъ въ томъ помогалъ,
Который со своей тутъ свитою явился
И обще съ нимъ надъ сей работою трудился;
Что будто самъ Силенъ бутылки оттыкалъ
И будто самъ изъ нихъ вино въ себя глоталъ;
Что духи Вакховы мертвецки были пьяни,
Кормилица и всѣ вино тянули няни.
Какой тогда всему былъ погребу разгромъ!
Клокочутъ сткляницы, бутылки всѣ въ верхъ дномъ,
Трещатъ всѣ обручи, вино изъ бочекъ льется,
И въ нихъ ни капельки его не остается.
Уже оконченъ былъ преславный этотъ трудъ,
Ушли изъ погреба, оставя винный прудъ.
А откупщикъ, сего не вѣдая разгрома,
Покоится среди разграбленнаго дома;
Но только лишь съ своей постели онъ возсталъ,

Работника, какъ пса, къ себѣ онъ присвисталъ
И тотчасъ онаго къ старухѣ посылаетъ,
Съ которой гнать чертей вонъ изъ дома желаетъ;
Такая то пришла ему на мысли пыль!
Уже сія идетъ, опершись на костыль,
Имѣя при себѣ бобы, коренья, травы
И многія при томъ волшебныя приправы:
Громовы стрѣлки тутъ, изсохлы пауки,
Тутъ пальцы чортовы, святошны угольки,
Которыхъ у нея въ мѣшкѣ съ собой не мало;
И въ семъ то знанье сей Медеи состояло.
Лишь только въ домъ она ступила чрезъ порогъ,
Повергла на скамьѣ чиненый свой пирогъ,
Въ которомъ были всѣ волшебные приборы,
Бобы и прочіе тому подобны вздоры,—
Уже мой откупщикъ на встрѣчу къ ней течетъ,
И съ благочиніемъ онъ бабушкѣ речетъ:
«Помилуй, бабушка, на нынѣшней недѣли
«Всѣмъ домомъ у меня здѣсь черти овладѣли;
«Вчера меня одинъ изъ бани выгналъ вонъ,
«Другой нанесъ женѣ ужасный самый сонъ;
«Сіе случилося прошедшей самой ночи.
«Помилуй ты меня, а мнѣ не стало мочи!»
Лишь онъ сіе изрекъ, анъ ключникъ прибѣжалъ,
Который былъ въ слезахъ и съ ужаса дрожалъ:
О бывшей въ погребѣ бѣдѣ ему доноситъ;
Купецъ, ряхнувшися, попа въ безумствѣ проситъ,
Дабы ему въ своихъ грѣхахъ не умереть
И вѣчно во огнѣ геенскомъ не горѣть.
О подлая душа, къ чему ты приступаешь
И сею ли цѣной ты небо покупаешь,
Когда обиженны тобою сироты
На оное гласятъ, чтобъ былъ во адѣ ты?
Такое ли тебѣ довлѣетъ покаянье?
Да будетъ адъ твой домъ, и мука воздаянье:
Сперва обиженнымъ ты щедро заплати,
И послѣ прямо въ рай на крыльяхъ тѣхъ лети,
Которыя туда честныхъ людей возносятъ;
А на тебя тобой обиженные просятъ.
Но наконецъ его оставилъ смертный страхъ;
Опомнился купецъ у бабушки въ рукахъ

И проситъ, чтобъ она ему поворожила,
Откуда истекла сихъ бѣдъ ужасна жила.
Старушка говоритъ на то ему отвѣтъ:
«О дитятко мое, лихихъ людей не нѣтъ;
«Я знаю, что тебѣ злодѣи то помстили
«И это на тебя по вѣтру напустили;
«Я все тебѣ сіе на дѣлѣ покажу,
«Бобами разведу и это отхожу,
«Не станутъ больше здѣсь водиться въ домѣ черти;
«Я выгоню ихъ вонъ иль всѣхъ побью до смерти.
«Третьева дни меня просилъ одинъ риѳмачъ,
«Дабы я испекла такой ему калачъ,
«Который бы отшибъ къ стихамъ ему охоту.
«И я съ успѣхомъ ту исполнила работу:
«Лишь только онъ рожокъ въ желудокъ пропустилъ,
«Съ рожкомъ свою къ стихамъ охоту проглотилъ
«И нынѣ больше симъ дурачествомъ не дышетъ,
«Хотя не щегольски жъ, да прозою ужъ пишетъ.
«О если бы сему подобны риѳмачи
«Почаще кушали такіе калачи,
«Конечно бъ пѣть стихи охоту потеряли
«И слуха нѣжнаго другихъ не оскорбляли.
«Другой меня просилъ, чтобъ былъ онъ стиходѣй,
«Онъ съѣлъ лишь корешокъ по милости моей,
«Съ тѣхъ поръ спознался онъ и съ небомъ вдругъ, и съ адомъ
«И пишетъ множество стиховъ, дурнымъ лишь складомъ,
«Однакожъ кажется хорошимъ для него.
«Мнѣ это сотворить не стоитъ ничего:
«Пропажа ли въ дому какая гдѣ случится,
«Иль старой вздумаетъ за дѣвкой волочиться,
«Не празденъ никогда бывалъ еще мой трудъ;
«Купцы, подъячіе со всѣхъ сторонъ бредутъ:
«Одни, что будутъ ли на ихъ товары падки,
«Другіе—выдетъ ли указъ, чтобъ брать имъ взятки,
«Я всѣмъ съ охотою бобами разворожу
«И никому изъ нихъ неправды не скажу.
«Вчерась лишь одному врачу я отгадала,
«Что скоро свѣтъ его почтетъ за коновала,
«То предвѣщаніе немедленно сбылось:
«Сегодня въ городѣ повсюду разнеслось,

«Что отъ лѣчбы его большая людямъ трата,
«И такъ онъ сдѣлался палачъ изъ Иппократа.
«А если пьяница хотя бы онъ какой,
«Я страсть съ него сію снимаю какъ рукой!»
Тутъ всю свою болѣзнь купецъ позабываетъ
И рѣчь старушкину своею прерываетъ:
«Помилуй, бабушка, не дѣлай ты сего,
«Чрезъ это есть ущербъ дохода моего,
«И этакъ откупы мнѣ будетъ брать несходно,
«А вотъ бы для меня что было лишь угодно:
«Чтобъ пьяницами весь содѣлался народъ,
«Чрезъ что ты сдѣлаешь великій мнѣ доходъ.»
Тутъ бабушка ему: «Я это разумѣю,
«Но дѣлать, дитятко, я худа не умѣю.»
На то ей откупщикъ: «Такъ слушай же, мой свѣтъ,
«Не надобенъ такой мнѣ вредный твой совѣтъ;
«Когда піяницъ ты отъ пьянства отвращаешь,
«Такъ симъ противъ меня ты чернь всю возмущаешь;
«А мнѣ лишь надобно, чтобъ больше шло вина,
«Такъ мнѣ твоя теперь и помощь не нужна.
«Не вѣрю какъ тебѣ я бахарю такому.
«Возьми свои бобы, и ну—скоряй изъ дому,
«Доколѣ я тебя батожьемъ не взварилъ.»
Се тако откупщикъ во гнѣвѣ говорилъ,
А та, какъ ласточка, изъ дому полетѣла
И множество чертей наслать къ нему хотѣла,
Которые къ нему, какъ галки, налетятъ
И весь его припасъ и выпьютъ, и съѣдятъ,
За что купецъ велѣлъ нагрѣть старухѣ уши.
Се такъ поссорились тогда двѣ подлы души!
 Когда уже ямщикъ сей домъ вина лишилъ,
Ушелъ и погреба другіе пустошилъ,
Тогда Зевесъ другимъ богамъ сіе вѣщаетъ:
«Вы зрите, какъ ямщикъ купцовъ опустошаетъ,
«И если я теперь имъ помощи не дамъ,
«Такъ сильнаго рукѣ безсильныхъ я предамъ.
«Вѣщайте вы, что мнѣ творить бы съ нимъ довлѣло?»
Тутъ все собраніе, какъ море, возшумѣло,
И шумъ сей былъ межъ ихъ поболѣе часа;
Потомъ ударились всѣ въ разны голоса;
Однакожъ всѣ они хоть разно разсуждали,

Но всѣ его за то согласно осуждали.
Тогда отецъ боговъ сію предпринялъ рѣчь:
«По вашему его, я вижу, должно сжечь;
«Но я не соглашусь казнить его толь строго,
«Понеже шалуновъ такихъ на свѣтѣ много,
«И если мнѣ теперь ихъ жизни всѣхъ лишить,
«Такъ долженъ я почти весь свѣтъ опустошить.
«Когда бъ и я, какъ вы, былъ мыслей столь нестрой-
ныхъ,
«Побилъ бы множество я тварей недостойныхъ,
«Которыя собой лишь землю тяготятъ;
«И первыхъ бы съ нея льстецовъ я свергнулъ въ адъ,
«Жестокосердыхъ всѣхъ и всѣхъ неблагодарныхъ,
«Неправедныхъ судей, воровъ, друзей коварныхъ;
«Потомъ не миновалъ и тѣхъ бы мой указъ,
«Которые ползутъ безъ спросу на Парнассъ.
«Помыслите же вы, чему я свѣтъ подвергну,
«Когда я тварей сихъ въ дно адово низвергну.
«Послушайте меня, оставимъ месть сію,
«Я время каждому исправиться даю.
«Не столько виноватъ ямщикъ, какъ вамъ онъ зрится,
«Такъ нынѣ инако онъ мною усмирится;
«Чрезъ два дни у Руки кулачный будетъ бой,
«Гдѣ будетъ воевать сей новый нашъ герой;
«Онъ многихъ тамъ бойцовъ ужасно завоюетъ,
«За братскую любовь носки имъ всѣмъ разсуетъ.
«И се какой ему предѣлъ я положилъ:
«Хочу, чтобъ онъ одинъ за нѣсколькихъ служилъ.
«Вы узрите, чего сей будетъ мужъ достоинъ:
«Онъ былъ худой ямщикъ, а будетъ добрый воинъ.»
Сіе Зевесъ богамъ со важностью сказалъ
И всѣмъ разъѣхаться имъ въ домы приказалъ.
Когда бы смертные всѣ тако помышляли,
Дабы по склонности къ дѣламъ опредѣляли,
Тогда бы, можетъ быть, негодный самый врачъ
Престалъ людей лѣчить и добрый былъ палачъ;
Судья, который дѣлъ совсѣмъ не понимаетъ
И только за сукномъ лишь мѣсто занимаетъ,
Онъ могъ бы лучше быть, когда бъ онъ былъ кузнецъ.
Пріемлютъ за сребро ошибкой и свинецъ.
Бываетъ мудрый мужъ—худой единоборецъ,

Порядочный дьячокъ—прескверный стихотворецъ.
И такъ, когда бы всякъ въ степень свою попалъ,
Давно бъ въ невѣжествѣ ужъ свѣтъ не утопалъ.
Уже насталъ тотъ день; сталъ слышенъ ревъ медвѣжей,
На ревъ сей собралось премножество невѣжей;
Стекается къ Рукѣ со всѣхъ сторонъ народъ,
Тамъ множество крестьянъ, приказныхъ и господъ;
Одни между собой идутъ туда сражаться,
Другіе травлею медвѣжей забавляться—
О утѣшеніе!—отъ скуки позѣвать,
Какъ псы невиннаго тамъ звѣря будутъ рвать,
Иль надъ подобными глумиться дураками,
Какъ рыцарствуютъ, бьясь взаимно кулаками.
Тамъ несогласіе стоитъ уже давно,
И злоба тамъ бойцамъ разноситъ всѣмъ вино;
Невѣжество надъ всѣмъ тамъ власть свою имѣетъ,
А мудрость въ сихъ мѣстахъ явиться не посмѣетъ.
Уже къ сраженію стояли двѣ стѣны,
И славные бойцы виномъ напоены,
Которые сію забаву составляли,
Вытягивалися и руки поправляли;
Одинъ снималъ съ себя и шапку, и кушакъ,
Другой навастривалъ на ближняго кулакъ,
Иной, до пояса спустя свою рубашку,
Примѣривался, какъ идти ему въ размашку
И какъ сопернику за братскую любовь
Спустити изъ носу его излишню кровь
Или на личикѣ фонарь кому поставить,
Чѣмъ могъ бы всѣхъ на то смотрящихъ позабавить.
Межъ тѣмъ Зевесъ окно въ зенитѣ отворилъ
И тако всѣмъ тогда безсмертнымъ говорилъ:
«Да будетъ, боги, вамъ сіе извѣстно нынѣ,
«Выглядывать отсель льзя богу и богинѣ,
«Какъ нѣкогда со мной вы зрѣли съ сихъ же странъ
«На битвы страшныя межъ Грековъ и Троянъ;
«Но вы меня тогда нерѣдко облыгали,
«Украдкой обоимъ народамъ помогали,
«А нынѣ ежели кто помочь дать дерзнетъ,
«Тотъ гнѣва моего никакъ не ускользнетъ,
«Помощникъ цѣлый годъ, какъ гладный песъ, порыщетъ,

«Ни въ баняхъ, ни въ тюрьмахъ убѣжища не сыщетъ;
«Хотя бы посреди онъ скрылся кабака,
«И тамъ велю ему натыкать я бока,
«Доколѣ не пройдетъ сіе урочно время.
«Какъ хочете, а вы не суйтесь въ это стремя.»
Тогда они свои потупили глаза
И ждали, какъ сія минуетъ ихъ гроза,
Смирнёхонько вокругъ Зевеса всѣ сидѣли
И только, какъ сычи, въ окошечко глядѣли.
 И се насталъ уже жестокой битвы часъ;
Сначала сталъ межъ ихъ ребячій слышенъ гласъ,
И въ воздухъ раздались нестройные ихъ крики,
А это было тутъ въ подобіе музыки.
Какъ туча, помрачивъ чистѣйшій горизонтъ,
Облегшись тягостью своей на тихій понтъ,
Ужасной бурею на влагу лишь подуетъ,
Престанетъ тишина, и море возбунтуетъ,
Потомъ ударитъ громъ изъ темныхъ облаковъ,—
Подобный оному сталъ стукъ отъ кулаковъ,
И съ пыли облака густыя вверхъ віются,
Удары громкіе по рожамъ раздаются,
Ліется изъ носовъ кровавая рѣка,
Побои чувствуютъ и спины, и бока,
И отъ ударовъ сихъ исходятъ разны звоны,
Разносятся вездѣ пощочинъ милліоны.
Одинъ соперника тамъ рѣзнулъ подъ животъ
И послѣ самъ лежитъ, поверженъ яко скотъ;
Другой сперва пошелъ на чистую размашку,
Нацѣлилъ прямо въ носъ, но, сдѣлавши промашку,
Отверзъ свободный путь другаго кулакамъ,
А тотъ какъ по торгу гуляетъ по щекамъ.
Иной тутъ подъ глаза очки другому ставитъ;
Иной соперника, схватя за горло, давитъ;
Иному сдѣлали лепешку изъ лица,
А онъ пошелъ въ кабакъ и, выпивъ тамъ винца,
Со прежней бодростью на битву устремился
И лучше прежняго сквозь стѣну проломился.
 Се тако билися безмозглы мужики,
Съ одной страны купцы, съ другія ямщики,
Какъ вдругъ съ купеческой страны герой выходитъ
И спорника себѣ межъ всѣми не находитъ.

Подобно яко левъ, расторгнувъ свой запоръ,
Рыкаетъ и бѣжитъ, бросая жадный взоръ,
Ко стаду робкому пасущейся скотины
Въ срединѣ мягкихъ травъ прохладныя долины,
Гдѣ бѣдненькій, его увидя, пастушокъ,
Изъ рукъ трепещущихъ повергнувъ посошокъ,
Единымъ бѣгствіемъ животъ свой избавляетъ,
А стада хищнику на добычь оставляетъ,—
Такъ новый сей Аяксъ иль паче Діомидъ,
Имѣя на челѣ своемъ геройскій видъ,
Вломился и дѣлитъ кулачные удары;
Побѣгли ямщики, какъ робкіе Татары,
Когда на ихъ поляхъ блеснулъ россійскій мечъ:
Такъ должны ямщики тогда всѣ были бѣчь...
Но слогъ сей кудреватъ и здѣсь не очень кстати,
Не по просту ль сказать: они должны бѣжати,
А грозный тотъ герой, какъ коршунъ, въ нихъ летитъ
И кулаками ихъ бѣгущихъ тяготитъ.
Смутились всѣ, какъ прахъ предъ тучи грозной зракомъ,
Одинъ падетъ стремглавъ, другой ползетъ тамъ ракомъ,
А третій, какъ медвѣдь пораненный, рычитъ,
Четвертый, яко быкъ ударенный, мычитъ.
О бой, ужасный бой! Безъ всякія корысти,
Ни силы конскія, ни мужескія лысти
Не могутъ быстроты геройскія сдержать...
Все хочется словамъ высокимъ подражать.
Уймися, мой гудокъ, вѣдь ды гудишь лишь вздоры,
Такъ надобно ль тебѣ высокихъ словъ наборы?
Посредственная рѣчь тебѣ теперь нужна,
И чтобы не была надута, ни нѣжна;
Ступай своимъ путемъ, послѣдуя Скаррону,
Скорѣе можетъ быть достанешь ту корону,
Которую пѣвцамъ парнасскій богъ даетъ.
 Герой купеческій ямскихъ героевъ бьетъ
И нумеритъ имъ всѣмъ на задницахъ пашпорты,
Трещатъ на ямщикахъ рубашки тамъ и порты.
Всѣ думали, что онъ въ рукахъ несетъ перунъ,
И что онъ дастъ бойцамъ послѣдній карачунъ;
Но вдругъ лишился бой сего ужасна вида,
Когда пришелъ герой подъ сѣнію эгида,
Сокрытый имъ отъ всѣхъ смотрителей очей·

То былъ подъ шапкою своею Елисей;
Невидимъ никому, онъ бой перемѣняетъ,
Смутилъ въ единый часъ купцовъ и прогоняетъ,
Трясется отъ него ихъ твердая стѣна,
А онъ на нихъ кладетъ кровавы знамена.
Отъ кулаковъ его всѣ на́-розно дѣлятся,
Не сотни передъ нимъ, но тысячи валятся!
Побѣда къ ямщикамъ пришла въ единый мигъ,
И Елисей уже бойца того достигъ,
Который воевалъ, какъ чортъ, межъ ямщиками,
Уже разитъ его Елеська кулаками
И множество ему тычковъ въ глаза влѣпилъ,
Которыми его разбилъ и заслѣпилъ:
Свалился, яко дубъ, сѣкирою подсѣченъ,
Лежитъ, Елесею разбитъ и изувѣченъ;
Трикраты онъ себя съ песку приподымалъ,
Трикраты на него онъ паки упадалъ,
И наконецъ на немъ лежитъ и чуть-чуть дышетъ
И Елесееву побѣду тамо пишетъ,
А попросту, песокъ онъ задницей чертилъ,
Но встать съ него въ себѣ онъ силъ не находилъ.
Движенья таковы всѣхъ къ жалости подвигли,
Товарищи его тотчасъ къ нему достигли,
Полмертваго бойца въ кабакъ перенесли
И тамъ ему вина на гривну поднесли,
Которымъ духъ его ослабшій ободрили
И паки тѣмъ ему дыханье возвратили.
 Исправился купецъ, идетъ изъ кабака,
Вторично онъ въ бою попалъ на ямщика,
Тутъ паки на него насунулся Елеся
И паки, разъ ему десятка два отвѣся,
Сильняе прежняго онъ далъ ему толчокъ;
Онъ паки задницей повергся на песокъ;
Но такъ уже ямщикъ купца туда запряталъ,
Что весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ,
И сказываютъ всѣ, кто ходитъ въ тотъ кабакъ,
Что будто и поднесь въ пескѣ тотъ видѣнъ знакъ.
Ямщикъ, сразя его, разить всѣхъ началъ стрѣчныхъ,
Умножа за собой побитыхъ и увѣчныхъ,
Загналъ въ трущобу всѣхъ купеческихъ повѣсъ,
И словомъ, онъ тогда былъ храбръ, какъ Ахиллесъ.

Но можно ли кому съ свирѣпымъ спорить рокомъ?
Не знаю, кто съ него сшибъ шапку ненарокомъ,
А онъ съ открытою главою сталъ какъ ракъ;
Хотѣлъ было бѣжать съ побоища въ кабакъ,
Но тутъ его свои бѣгущаго схватили,
Свели во свой приказъ и на цѣпь посадили.
Сбылася истина Зевесовыхъ рѣчей:
Елесенькѣ весь лобъ подбрили до ушей.
Какой бы это знакъ, куда Елесю рядятъ?
Неужели его и впрямъ во службу ладятъ?
Увы, то истина! Былъ сдѣланъ приговоръ:
«Елеська, какъ бѣглецъ, а можетъ быть и воръ,
«Который никакой не несъ мірскія платы,
«Сведенъ въ военную и отданъ тамъ въ солдаты.»

СУДЪ ПАРИДОВЪ.

ПѢСНЬ.

Премудрымъ безъ любви не можно въ свѣтѣ быть:
Премудрость бо велитъ другъ друга намъ любить,
И если въ комъ любовь съ премудростью спряженна,
Того пребудетъ жизнь счастлива и блаженна;
Но кто пристрастною любовью духъ прельститъ,
Тотъ счастіе свое въ бѣды преобратитъ.
Явитъ намъ то судьба Пріамова здѣсь сына,
Что безъ премудрости вредна любовь едина.
Стремится духъ воспѣть прю трехъ богинь небесныхъ,
Могуществомъ своимъ и славою извѣстныхъ,
Которую межъ ихъ Пріамовъ сынъ рѣшилъ,
Чѣмъ тронъ отеческій и Трою сокрушилъ.
Скажи, о муза, мнѣ вину сея досады,
Отъ коей гнѣвъ пылалъ Юноны и Паллады,
За что Паридъ не имъ побѣду дать судилъ
И въ знакъ той яблокомъ Венеру наградилъ.
А вы, о юноши, сей пѣсни гласъ внимайте
И мыслей тлѣнными вещьми не занимайте.
Когда плѣнять начнетъ вашъ разумъ красота,
Воспомните, что то есть свѣтска суета,
Котора, какъ магнитъ, сердца младыя тянетъ,

И коя съ временемъ, какъ сельный кринъ, увянетъ,
Лишится прелестей блестящихъ навсегда
И болѣ цвѣсть уже не будетъ никогда.
Не истребляю симъ я вашея любови,
Какая царствовать должна въ кипящей крови,—
Но если васъ она рабами ей творитъ:
Се страстный предстоитъ вамъ юноша Паридъ,
Который, ослѣпясь любовію безъ мѣры,
Невольникъ сдѣлался роскошныя Венеры.
Но васъ должна любовь къ премудрости влещи,
Сія бо свѣтлая небесъ прещедрыхъ дщи
Едина насъ собой отъ тварей отличаетъ,
Творитъ счастливыми, спокойствіемъ вѣнчаетъ,
Безъ коея пастухъ, вельможа, воинъ, царь
Не могутъ нарещись разумна въ свѣтѣ тварь.
Уже Пелеевъ бракъ съ Ѳетидою свершался,
Уже Зевесъ своей судьбы не устрашался,
Какую рокъ ему изъ вѣчности предрекъ,
Что въ свѣтъ Ѳетидою родится человѣкъ,
Который превзойдетъ родителя дѣлами.
Затѣмъ владѣющій громомыми стрѣлами,
Хотя къ Ѳетидѣ страсть въ груди своей питалъ,
Однакоже ея въ супругу не поялъ.
Уже безсмертные на бракѣ возлежали
И пѣсньми брачными супруговъ ублажали,
Какъ вдругъ Дискордія, не званая на бракъ,
Досадуя, сама себѣ глаголетъ такъ:
«Или должна я снесть мнѣ сдѣланну обиду?
«Или я буду зрѣть Пелея и Ѳетиду,
«Творящихъ торжество?... Я бракъ ихъ возмущу
«И все согласіе на ономъ прекращу.»
Рекла, и воздухъ гласъ ея нестройный внемлетъ;
Она же яблоко златое въ длань пріемлетъ,
И съ надписаніемъ: «да лучшая возметъ»,
Предъ трехъ богинь на столъ, невидима, кладетъ.
Вдругъ самолюбіе въ богиняхъ возблистало;
Мнитъ каждая, что ей имѣть его пристало.
Пиръ рушился и ихъ рѣшити должно прю
Угодно наконецъ Юпитеру царю,
Да шествутъ сіи красавицы на Иду
Рѣшити прю свою ко пастырю Париду.

Въ то время пастырь сей и купно сынъ царевъ
На сей горѣ игралъ въ свирѣль свою межъ древъ;
Овечки спали всѣ, и птички всѣ молчали,
Скамандрины струи со тихостью журчали,
Кудрявы древеса, внимая нѣжный гласъ,
Не колебалися отъ вѣтра въ оный часъ.
И сей горы хребетъ наполнился лучами.
Паридъ узрѣлъ богинь, стоящихъ предъ очами.
Юнона первая, Зевесова жена,
Была сіяніемъ небесъ окружена,
На раменахъ ея божественныхъ порфира
Была соплетена изъ чистаго эѳира,
И на главѣ вѣнецъ чистѣйшій былъ металлъ,
Какъ молнія, въ очахъ Паридовыхъ блисталъ;
Вторая же была премудрая Паллада,
И третія, сердецъ пылающихъ отрада,
Венера, тварей всѣхъ и всѣхъ растеній мать,
Благоизволила на судъ къ нему предстать.
Сей пастырь, сынъ царевъ, судья нелицемѣрный,
Дабы рѣшительный отвѣтъ имъ дать и вѣрный,
Речетъ, да каждая себя въ нихъ обнажитъ.
И первая предъ нимъ Юнона предстоитъ,
Вѣщая: «Юноша, внимай изъ устъ сихъ слово,
«И сердце смертное имѣй свое готово
«Къ пріятію рѣчей, дверь въ оно отворя.
«Представь во умъ себѣ величество царя;
«Представь сію изъ всѣхъ ты смертныхъ лучшу долю,
«Неограниченны могущество и волю,
«Неисчислимое богатство, славу, честь,
«И все, что можетъ санъ царевъ съ собой принесть.
«Тебя поставлю я царемъ самодержавнымъ,
«И учиню тебя и мощнымъ я, и славнымъ;
«Ты будеши тебя живущимъ окрестъ страхъ,
«И будетъ ихъ и жизнь, и смерть въ твоихъ рукахъ.
«Гдѣ всходъ со западомъ пресвѣтлыя денницы,
«Тамъ будетъ власть твоей могущія десницы.
«Престолъ твой будетъ всѣмъ державамъ прочимъ судъ,
«И царіи тебѣ въ дань дàры принесутъ.
«Тебя со страхомъ чтить всѣ будутъ человѣки;
«Речешь — и двигнутся къ своимъ вершинамъ рѣки.
«Прославитъ даже тя сама небесна твердь,

«И славы твоея ничто не можетъ стерть:
«Ты будешь оною во вѣчности гремѣти.
«Коль буду первенство судомъ твоимъ имѣти,
«Прославившаго мя сама прославлю я.
«И се, Паридъ, за судъ награда есть твоя!»
Сказавъ, умолкнула и станъ свой обнажаетъ.
Паридъ приступль къ ней зритъ, зря съ страхомъ обожаетъ,
Но зрѣніемъ не могъ насытить смертный умъ,
Отходитъ, погруженъ во тьму различныхъ думъ,
Въ которыхъ, ужасомъ объятъ бывъ, утопаетъ
И въ размышленіяхъ къ Палладѣ приступаетъ,
Котора, близъ себя его не допустя,
Воздвигла твердый гласъ, приближиться претя:
«Постой, ему рекла,—постой, непросвѣщенный!
«Сбери всю крѣпость силъ и разумъ расточенный,
«Очисти мысль свою отъ всѣхъ мірскихъ суетъ
«И приступай потомъ ко мнѣ увидѣть свѣтъ,
«Не напыщенны бо мой видятъ свѣтъ молвами,
«А ты прельщенъ моей соперницы словами,
«Величествомъ твое все сердце утомилъ
«И мысли буйныя къ престолу устремилъ.
«На слабость я твою, о пастырь, не пеняю
«И младостью тебя твоею извиняю;
«Я знаю, что не льзя противъ страстей стоять,
«Доколь кого моя не тронетъ благодать.
«Едина я могу лишь смертныхъ просвѣщати
«И слабости сердецъ уму порабощати.
«Расторгни убо ты завѣсу темноты,
«Расторгни и познай блестящи суеты;
«Воззри ты своего разсудка здравымъ взглядомъ
«И вижда, что упоенъ твой умъ сладчайшимъ ядомъ!
«Прибѣгни нынѣ ты къ премудрости, Паридъ,
«И се она сама въ очахъ твоихъ стоитъ;
«Потребуй моего ты только врачеванья,
«И всѣ разрушатся столь слабы чарованья,
«Я, иже восхощу, премудрыми творю.
«О пастырь, я тебѣ подати свѣтъ горю;
«Внимай, вѣщаю я нелестными устнами.
«Владѣть и управлять обширными странами,
«Безспорно—лучшая на свѣтѣ смертныхъ часть;
«Но съ тяжкимъ бременемъ сія спряжена власть.

«Что царскій санъ великъ, я вѣрю безъ препоны:
«Что устъ его слова суть странъ его законы,
«Что все падетъ, къ его повергшися ногамъ,
«Что властію своей подобенъ онъ богамъ,
«Что счастіе его вездѣ препровождаетъ
«И, всѣмъ его служа забавамъ, угождаетъ.
«Но пышность ты сію, о пастырь, разсмотри:
«Не стонутъ ли въ своихъ забавахъ и цари
«Желаньемъ умножать земель своихъ пространство?
«Преходитъ иногда и кротка власть въ тиранство;
«Изъ славолюбія творимыя войны
«Не разоряютъ ли ихъ собственны страны,
«Не изнуряютъ ли народы, имъ подвластны?
«Внимай, какъ и цари безъ мудрости несчастны.
«Но кто желаетъ зрѣть правленія плоды,
«Тотъ долженъ приложить къ правленію труды.
«Не отъ щедроты ли владыкъ зависитъ слава?
«Не кротостью ль царя цвѣтетъ его держава?
«Не спорю, иногда быть должно и войнѣ,
«Когда злодѣй грозитъ войной его странѣ,
«Когда и кроткій мужъ, носящій діадиму,
«Обязанъ предпріять войну необходиму.
«Но та ли слава въ свѣтъ должна о немъ гремѣть,
«Что только онъ враговъ возмогъ лишь одолѣть,
«Когда о собственномъ владѣньи не радѣетъ?
«Сей царь, и въ кротости, тиранствуя владѣетъ;
«Ему отъ лютости трофей сооруженъ
«И весь кровавыми тѣлами окруженъ.
«Пускай избѣгнешь ты, бывъ царь, сея напасти,
«Но можешь ли, не бывъ премудръ, бороти страсти,
«Отъ коихъ долженъ ты себя предохранять?
«Ты долженъ тѣхъ льстецовъ отъ трона отгонять,
«Которые царей порокамъ угождаютъ,
«А истинѣ пути къ ихъ слухамъ заграждаютъ.
«Отъ лести ихъ себя ты долженъ защищать,
«Злодѣевъ истреблять, насильства прекращать,
«Всѣхъ подданныхъ твоихъ любить, хранить, покоить,
«Полезное для нихъ не въ мысли только строить;
«Часы владычества щедротой замѣчать,
«Премудрыхъ отъ невѣждъ во царствѣ отличить,
«Сносить съ терпѣніемъ друзей своихъ досаду,

«Заслугамъ даровать достойную награду.
«Такіе то цари приходятъ славы въ храмъ,
«А симъ едина я способствую царямъ.
«Проникни, о Паридъ, ты мыслію твоею,
«Каковъ даемый даръ соперницей моею.
«Противу же того даемый мною даръ—
«Разсудка здраваго и сердца чистый жаръ.
«Мои веселія пороковъ не вкушаютъ,
«Но, душу упоя, къ безсмертнымъ возвышаютъ;
«Ихъ сладость только мнѣ извѣстна лишь одной
«И тѣмъ, кому даю я свѣтъ увидѣть мой;
«Тебѣ открою тьму вещей я неизвѣстныхъ
«И умъ твой погружу въ явленіяхъ прелестныхъ;
«Открою я тебѣ небесныя страны,
«Теченіе всѣхъ звѣздъ и солнца, и луны.
«Открытіемъ такимъ твой разумъ насладится,
«Познаешь, какъ и гдѣ дождь, снѣгъ и градъ родится;
«Чрезъ просвѣщеніе познаешь ты мое
«Рожденье молніи и грома бытіе,
«Отколѣ вѣтры къ вамъ свирѣпые дыхаютъ,
«Чрезъ что свирѣпствуютъ и паки утихаютъ.
«Проникнетъ наконецъ твой просвѣщенный взоръ
«Во глубину пещеръ, въ сердца высокихъ горъ,
«Земныя нѣдра въ твой разсудокъ помѣстятся,
«И златомъ всѣ твои страны обогатятся.
«Хотя межъ смертными ты будешь обитать,
«Но будешь ихъ себя превыше почитать—
«Не саномъ и нижѐ породы благородствомъ,
«Но самыя души великой превосходствомъ,
«Которую моимъ я свѣтомъ обновлю
«И выше жребія другихъ постановлю.
«Тогда пускай весь свѣтъ въ порокахъ злыхъ потонетъ,
«Но свѣтска суета души твоей не тронетъ:
«Блаженства твоего ничто не можетъ стерть.
«Тебя не устрашитъ и сама люта смерть:
«Ты будешь ждать сея ужасной всѣмъ царицы,
«Какъ свобожденія невольникъ изъ темницы.
«Когда же прідетъ сей тобой желанный часъ,
«Ты будешь помѣщенъ на небѣ между насъ.
«Тотъ счастливъ въ свѣтѣ семъ и счастливъ непремѣнно,
«Кто слѣдуетъ моимъ стопамъ безпреткновенно.

«Но мало таковыхъ на свѣтѣ смертныхъ есть,
«И рѣдкость имъ сія самимъ же служитъ въ честь.
«Внимай, о юноша, что въ мысль тебѣ вперяю,
«Внимай и разсуждай, еще я повторяю.»
Умолкла, рѣчь свою богиня окончавъ;
Париду предстоитъ, броню съ одеждой снявъ,
Закрывшись нѣсколько божественнымъ егидомъ.
Паридъ любуется ея почтеннымъ видомъ;
Зритъ перси, зритъ ея широки рамена;
Почтенья мысль его и ужаса полна,
Въ которыхъ погруженъ, онъ паки утопаетъ
И ко прекраснѣйшей Венерѣ приступаетъ.
Къ нему же взоръ возведъ, красавица сія,
Глаголетъ съ нѣжностью: «Прекрасный судія!
«Не таковы мои услышишь ты реченьи,
«Гдѣ были бъ строгія тебѣ нравоученьи;
«Совѣтовъ бо такихъ давати не хощу,
«Да ими нѣжну мысль твою отягощу:
«Твоя бо красота, твои младыя лѣта
«Не требуютъ еще толь строгаго совѣта.
«Не охуждаючи обѣщанныхъ даровъ,
«Соперницъ былъ моихъ совѣтъ тебѣ суровъ;
«Не приступаю я къ ихъ помысламъ пространству
«Скажу, что первая влечетъ тебя къ тиранству,
«Другая о своей премудрости речетъ
«И тѣмъ во скучну жизнь совсѣмъ тебя влечетъ,
«Совѣтуя тебѣ отъ свѣта удалиться
«И со дичайшими звѣрьми въ пустыни скрыться.
«Лишиться общества пріятнѣйшихъ оковъ,
«Летать и мыслями превыше облаковъ,
«Стараться постигать дѣла непостижимы,
«Богами въ вѣчной тьмѣ отъ смертныхъ содержимы,—
«Не толь же, что взносить на небо дерзку длань,
«И начинати вновь на часъ съ Гиганты брань.
«Не всѣ ль вы, смертные, къ согласію рожденны?
«Не всѣ ли вы любить другъ друга осужденны?
«Примѣть, найдется ли въ природѣ кто такой,
«Кто бъ вздумалъ разрушать желанный всѣмъ покой
«Опричь, которыхъ свѣтъ глашаетъ мудрецами?
«Сіи единые, себя противу сами
«Вседневно возстая, союзы дружбы рвутъ

«И мнѣнія свои премудростью зовутъ,
«Другаго мнѣнія всегда опровергая,
«Свои мечтанія за правду полагая,
«Что долженъ по его идти законамъ свѣтъ,
«Отъ коихъ обществу ни малой пользы нѣтъ.
«И наконецъ они, чего еще желаютъ?
«Да звѣзды всѣ по ихъ желанію пылаютъ,
«Да солнце и луна по тѣмъ путямъ текутъ,
«Какіе мудрецы сіи имъ предрекутъ;
«Чтобъ самая земля ихъ волѣ угождала
«И по законамъ ихъ плоды свои рождала,
«И словомъ заключить, что ихъ тебѣ совѣтъ
«Исполненъ суеты, тщеславія и бѣдъ.
«А мой противу ихъ совѣтъ совсѣмъ отмѣненъ,
«И признаюсь, что мой не столь, какъ ихъ, надмененъ.
«Кто, пользуяся имъ, на свѣтѣ семъ живетъ,
«Хотя величества онъ титла не несетъ,
«Хотя не оглашенъ онъ звучной въ свѣтѣ славой,
«Но, пользуясь всегда природы всей забавой,
«Безъ подозрѣнія, безъ страха весь свой вѣкъ
«Проводитъ, какъ вести обязанъ человѣкъ;
«Не тщится постигать онъ таинъ сокровенныхъ
«И не слыветъ въ числѣ безумцевъ дерзновенныхъ.
«Но вѣрь, противящись закону моему
«Всѣ позавидуютъ блаженству твоему.
«Внимай, о юноша, тщеславну мысль отриня:
«Я есмь природы мать, согласія богиня,
«Владычица любви и нѣжности есть я,
«Причина твоего и прочихъ бытія!
«Моею волею животныя родятся,
«И мановеніемъ растенія плодятся;
«Воззри на небеса, на землю ты воззри:
«Мои суть данники и боги, и цари;
«Въ величествѣ своемъ мои оковы носятъ
«И жертвы на алтарь мой въ дань свои приносятъ.
«Воззри ты мысленно въ окружность свѣта странъ:
«Герой и жаждущій разити всѣхъ тиранъ,
«Сіи чудовища, всѣхъ жаждущіе крови,
«Смягчаются однимъ посредствіемъ любови.
«Внемли, о юноша прекраснѣйшій, внемли,
«Нѣтъ рода такова, живуща на земли,

«Который не былъ бы къ забавамъ нѣжнымъ страстенъ:
«И самый лютый тигръ бываетъ мнѣ подвластенъ;
«Законъ бо мой родитъ не строгость и не судъ,
«Не возмущеніе, не зависть и не трудъ,
«Не злобу, не вражду, не тяжкія желѣзы,
«Не подозрѣніе, не стонъ, не горьки слезы,—
«Но сопряженіе пылающихъ сердецъ,
«Любовь и дружество есть онаго конецъ.
«Простри душевные свои, о пастырь, взоры
«И въ воздухъ, и въ моря, въ пустыни, въ дебри, въ горы:
«Не обладаю ли едина онымъ я?
«Не я ли есмь виной сихъ тварей бытія?
«Не силою ль любви вся тварь сія родится,
«Чѣмъ воздухъ и вода, и вся земля гордится?
«Но если пресѣку я всѣмъ животнымъ плодъ,
«Пустъ будетъ воздухъ весь, земля и бездна водъ.
«Опустошеніе жъ кого сіе не тронетъ?
«Сама вселенная о тратѣ сей возстонетъ.
«А днесь воззри въ Киѳеръ и въ Книду, Кипръ и Пафъ.
«Увидишь множество живущихъ въ нихъ забавъ;
«Тамъ горы гимнами въ хвалу мнѣ оглашенны,
«Въ лугахъ растутъ цвѣты, струями орошенны;
«Дремучіе лѣса, прекрасные сады
«Являютъ на себѣ различные плоды.
«Гдѣ земледѣлецъ, трудъ скончавъ себѣ полезно,
«Приходитъ по трудѣ покоиться къ любезной,—
«Тамъ не присутствуютъ уныніе и страхъ,
«И радость каждаго сіяетъ на очахъ.
«Тамъ нѣтъ ласкателей, тамъ вредныхъ нѣтъ тирановъ;
«Тамъ льстивыхъ нѣтъ друзей и гнусныхъ ихъ обмановъ;
«Тамъ вся веселіемъ кипитъ во всякомъ кровь;
«Тамъ игры, смѣхи тамъ, тамъ царствуетъ любовь;
«Тамъ все любовію и движется, и дышетъ:
«Одинъ на древесахъ любезной имя пишетъ;
«Другой любезную вѣнкомъ свою даритъ;
«Иной съ любезною о страсти говоритъ;
«Иной въ кристальный токъ съ возлюбленной глядится,
«И паче тѣмъ любовь въ сердцахъ у нихъ родится;
«Тамъ всѣхъ сердца равно любви питаетъ жаръ.
«И се каковъ мой есть тебѣ даемый даръ!
«Но ты, о нѣжнѣйшій и мыслями, и лѣты!

«Напечатлѣй мои на сердцѣ всѣ совѣты,
«Познай моихъ къ тебѣ глаголовъ сихъ вину.
«Я лучшую тебѣ изъ смертныхъ дамъ въ жену,
«И родомъ, и собой, и славою блестящу,
«Когда судомъ твоимъ я славу пріобрящу.»
Симъ сдѣлала конецъ бесѣды своея.
Тогда три Граціи предстали предъ нея:
Одна легчайшую одежду съ плечъ снимала,
Другая подъ стопы ей розы подстилала,
А третія, дабы умножить въ ней красы,
Располагаючи по персямъ ей власы,
Во безпорядокъ ихъ пріятнѣйшій приводитъ
И тѣмъ убранства всѣ на свѣтѣ превосходитъ.
Зефиръ, на воздухѣ вокругъ ее віясь,
Въ бѣлѣйшихъ льна власахъ Венериныхъ рѣзвясь,
Летаніемъ своимъ ихъ нѣжно раздуваетъ
И тѣмъ къ почтенью тварь богини призываетъ.
Потомъ, лишь члены всѣ открыла мать отрадъ,
Исполненъ воздухъ сталъ небесныхъ ароматъ.
И ты, каменьями обилующа Ида,
Лишилась своего нахмуреннаго вида,
И для Венериной небесной красоты
Явила на себѣ прекрасные цвѣты!
Лѣса вершинами другъ другу помавали
И вѣтвями себя взаимно обнимали.
Тутъ львы и тигры, свой оставя грозный видъ,
Пришли со кротостью, гдѣ стадо пасъ Паридъ,
И, не свирѣпствуя, овецъ его лизали,
Чрезъ что богинѣ знакъ покорности казали.
Всѣ нимфы горъ, лѣсовъ и нимфы ясныхъ водъ,
Собравшись межъ собой въ единый хороводъ,
Владычицу сердецъ ихъ пѣсньми прославляли
И пляску радостну играя составляли.
Огнеобразный Панъ въ толпѣ сатиръ идетъ,
Изобразя въ своей одеждѣ цѣлый свѣтъ.
Эолъ бурливаго Борея заключаетъ,
И болѣе Борей пловца не отягчаетъ.
Въ смятенной безднѣ всей простерся сладкій миръ,
И сверхъ смиренныхъ водъ летаетъ тихъ зефиръ.
Трясущійся Протей на влагу всплыть желаетъ
И къ Идѣ по водамъ приблизиться пылаетъ,

Но премѣнить себя въ какой не знаетъ видъ,
Изъ бездны выползши, поверхъ ее сидитъ,
Исполненъ будучи и въ старости любови,
Любуется, поднявъ свои густыя брови.
Нептунъ, почувствовавъ покой во глубинѣ,
Желаетъ знать о толь внезапной тишинѣ,
Тритона къ своему престолу призываетъ
И извѣститися ему повелѣваетъ,
Какое строитъ то могуще существо.
Сей, выплывъ и познавъ Венеры торжество,
Обратно передъ тронъ владыки поспѣшаетъ
И въ раковинный рогъ Нептуну возглашаетъ,
Что царствуетъ во всей вселенной тишина,
И что всему тому Венера есть вина,
Владычица сердецъ, мать нѣжныя любови,
Родившаясь въ твоихъ волнахъ отъ Кела крови.
И се владыка водъ съ престола возстаетъ
И съ Амфитритою изъ бездны водъ грядетъ
На черепаховой огромной колесницѣ.
Наяды съ пѣніемъ послѣдуютъ царицѣ,
Украшенны драгимъ растеньемъ грозныхъ водъ;
Тритонъ, предшествуя, гласитъ царевъ приходъ.
Уже является царь бездны надъ водою;
Волнопитаемой играетъ вѣтръ брадою,
Обмоклые власы крилами развѣвалъ,
Царя принесшій прочь побѣгъ надменный валъ.
Тогда угрюмый царь, оставя колесницу,
Появъ съ собою водъ прекрасную царицу,
Восходитъ на Олимпъ межъ синихъ облаковъ,
Откуда съ жительми небесъ отецъ боговъ,
Со восхищеньемъ зря на Иду, свѣтомъ ясну,
Тамъ видитъ въ торжествѣ онъ Кела дщерь прекрасну.
И грозный ада царь, ужасный всѣмъ Плутонъ,
Почувствовавъ въ своемъ пресѣкшись царствѣ стонъ,
Что стали фуріи его не столь свирѣпы,
Отъяти повелѣлъ отъ мрачныхъ вратъ заклепы,
Да шествуетъ во свѣтъ и самъ Венеру зритъ
(Позналъ бо, что она сей миръ вездѣ творитъ);
Заржавымъ скипертомъ подъ Этной ударяетъ
И въ чревѣ оной хлябь широку растворяетъ,
Въ которой жупелъ онъ съ одеждъ своихъ отрясъ;

Гора изрыгнула его во оный часъ,
Чѣмъ солнце надъ собой въ день ясный погасила,
И колесница въ свѣтъ Плутона возносила,
Везома четырьмя бывъ черными коньми.
Оставя по себѣ миръ въ адѣ межъ тѣньми,
Плутонъ съ безсмертными на Иду самъ взираетъ
И по Венерѣ самъ со Зевсомъ побораетъ.

Межъ тѣмъ младый пастухъ Венеру нагу зритъ
И, наслаждая взоръ, весь пламенемъ горитъ;
Вся кровь Паридова любовію пылаетъ;
Онъ зритъ ея красу и зрѣть еще желаетъ:
Изобразуетъ бо въ себѣ сія краса
При тихомъ солнечномъ сіяньи небеса.
Онъ, чувствуя въ себѣ необычайну радость,
Влечется въ нѣкую ему безвѣстну сладость.
Тогда Ермій ему то яблоко поднесъ,
Съ которымъ предпослалъ къ нему его Зевесъ.
Паридъ, пріявъ его во длань свою, вѣщаетъ:
«Богиня, коей умъ красы мой не вмѣщаетъ,
«На кою безъ того никто не можетъ зрѣть,
«Чтобъ пламенемъ ему любовнымъ не горѣть,
«Божественна краса, небесная Венера!
«Ни въ чемъ не можетъ быть красѣ твоей примѣра;
«Должна ты верхъ надъ всѣмъ въ подсолнечной имѣть;
«Тебѣ принадлежитъ симъ яблокомъ владѣть.»
Сказавъ, онъ болѣ силъ въ себѣ не ощущаетъ
И даръ, залогъ красы, во длань ей ниспущаетъ.

Соперницы, узря сей даръ въ ея рукахъ:
Юнона, въ пламенныхъ поднявшись облакахъ,
Отъ взора смертнаго на небо возлетала,
И молнія по ней на воздухѣ блистала;
Паллада, о конецъ оперщись копія,
На сѣрномъ облакѣ грядя во слѣдъ ея,
Во обиталище Олимпа восходила
И въ воздухѣ войнѣ подобный шумъ родила.
Венера въ облакѣ прозрачномъ завилась
И съ пѣніемъ на верхъ Олимпа поднялась,
Наполня гору всю благоуханнымъ миромъ,
Препровождаема любовью и зефиромъ.
Паридъ же, кой сію побѣду ей вручилъ,
По времени себѣ Елену получилъ,
Котора, ставъ его обѣщанной женою,
Содѣлалася всѣхъ троянскихъ бѣдъ виною.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

АГРІОПА.

ТРАГЕДІЯ.

(*Представлена въ первый разъ на придворномъ театрѣ 1769 года, Октября 13 дня, въ С.-Петербургѣ*).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Агріопа, царевна мизійская.
Телефъ, князь изъ Греціи.
Азоръ, вельможа мизійскій.
Альбина, наперсница Агріопы.
Аристонъ, наперсникъ Талефа.
Военачальникъ.
Воины греческіе и мизійскіе.

Дѣйствіе въ городѣ Теуфраніи, въ царскомъ домѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АГРІОПА И АЛЬБИНА.

АЛЬБИНА.

Уже плачевные обряды мы скончали,
И день, царевна, тотъ насталъ, чтобъ всѣ печали
Пріяли обществу желаемый конецъ.

АГРІОПА.

Альбина! Теуфранъ мнѣ царь былъ и отецъ.
И можетъ ли печаль та скоро быть забвенна,
Котора въ грудь мою толь твердо вкорененна?
Она по днесь еще во мнѣ тревожитъ кровь.

АЛЬБИНА.

Не исцѣлитъ ли скорбь твою сія любовь,
Которую всегда къ Телефу ты хранила?
Теперь желанная минута наступила,
Въ которую вамъ съ нимъ во брачный храмъ вступить
И руки и сердца на вѣкъ соединить.
Но что, царевна, ты смущаешься?

АГРІОПА.

Смущаюсь,
И какъ смущеніе прервать я ни стараюсь,
Оно всегда одно владычествуетъ мной.

АЛЬБИНА.

Иль вновь, царевна, чѣмъ смутился твой покой?

АГРІОПА.

Смущенья моего признакъ довольно ясный.
Альбина, можетъ ли снести любовникъ страстный
Четыре дни свою любовницу не зрѣть?
Четыре дни Телефъ возмогъ сіе терпѣть.
Ты знаешь, такъ ли онъ со мною обращался
Въ то время, какъ его мной взоръ еще прельщался;
Онъ всякій часъ меня въ печали посѣщалъ,
Онъ всякій часъ мои мученья облегчалъ.
Когда его любить я прямо начинала,
Я о родителѣ не такъ уже стенала,
И наконецъ, увы! въ плачевны оны дни,
Какъ должно воображать лишь бѣдствія одни,
Воображала я Телефа предъ собою,
Какъ спасъ онъ моего отца средь смертна бою,
И что должна ему я вольностію моей.
Вотъ чѣмъ гордится онъ. . . побѣдою своей.

АЛЬБИНА.

Повѣрь, что онъ на вѣкъ твоимъ плѣнился взоромъ.
Царевна, изъяснись о семъ ты со Азоромъ;
Онъ князя всякій день съ собою вмѣстѣ зритъ,
Князь часто о дѣлахъ съ Азоромъ говоритъ;
А сей вельможа былъ отцемъ твоимъ прославленъ
И покровителемъ твоимъ теперь оставленъ;
Онъ, можетъ быть, твое сомнѣніе прерветъ.

АГРІОПА.

Но княжеско меня отсутствіе мятетъ,
И паче то меня страшитъ и удивляетъ:
Онъ флотъ свой къ шествію отсель уготовляетъ;
Отсутствіе его и страшный сей нарядъ
Не ясно ль мнѣ его являютъ сердца хладъ?

АЛЬБИНА.

Онъ только что теперь лишь видѣлся со мною
И здѣсь хотѣлъ предстать, не медля, предъ тобою.
Но се!

ЯВЛЕНІЯ II.

ПРЕЖНІЯ И ТЕЛЕФЪ.

ТЕЛЕФЪ.

Царевна, я пришелъ тебѣ донесть
Для слуха твоего противнѣйшую вѣсть:
Противъ желанія я бракъ нашъ отлагаю

И съ вой̆сками отсель ко Троѣ поспѣшаю,
Гдѣ всѣхъ собраніе героевъ и царей,
Туда стремлюся я отъ брачныхъ алтарей.
Сіе по власти я безсмертныхъ начинаю
И только лишь о томъ тебѣ напоминаю,
Чтобъ ты позволила пріяти мнѣ вѣнецъ,
Который завѣщалъ отдать мнѣ твой отецъ.

АГРІОПА.

Коль Теуфраново ты помнишь завѣщанье,
Такъ долженъ и свое ты помнить обѣщанье.

ТЕЛЕФЪ.

Возможно ль исполнять тогда мнѣ свой обѣтъ,
Когда меня судьба въ опасности зоветъ.

АГРІОПА.

Скажи, мой князь, вину толь странныя премѣны;
Ты йдешь воевать троянски горды стѣны,
Ты йдешь подкрѣпить союзные полки,
Ты йдешь показать тамъ мочь своей руки,
И я желаю тамъ тебѣ себя прославить,
Но для чего меня ты мнишь теперь оставить?
Давно ли отъ тебя, давно ль слыхала я,
Что будетъ только мной счастлива жизнь твоя,
И что останешься ты въ вѣкъ благополученъ,
Когда лишь ты со мной пребудешь неразлученъ?
Гдѣ дѣлася теперь та искрення любовь?

ТЕЛЕФЪ.

Она волнуетъ всю во мнѣ текущу кровь.

АГРІОПА.

А если ты ко мнѣ любовію пылаешь,
Зачѣмъ ты данный мнѣ обѣтъ перемѣняешь?

ТЕЛЕФЪ.

О семъ, любезная, я много помышлялъ,
И пользу я и вредъ въ семъ дѣлѣ исчислялъ,
Всѣ исчисленія мои остались тщетны.
Встрѣчаются со мной препятства неисчетны.
Помышлю лишь о томъ, что къ брани я иду,
Ужасну для тебя я въ бракѣ зрю бѣду.
То небо во своей еще имѣетъ власти,
Достигну ли я тамъ желаемыя части,
Еще ль меня моя тамъ храбрость вознесетъ
Иль строгая война мой вѣкъ пересѣчетъ,

Ты будешь вдовствуя препровождать жизнь слезну.
Оставь, любезная, ты мысль толь безполезну,
Чтобъ нынѣ приступать предъ жертвенникъ со мной!
Еще я и тогда, царевна, буду твой,
Какъ слава загремитъ по всей земли трубою,
Что сила греческа повергла горду Трою.
Я, возвращаяся оттоль къ тебѣ назадъ,
Подъ лаврами введу вторично войски въ градъ
И въ храмѣ приступивъ предъ жертвенникъ съ тобою,
Спрягу мою судьбу на вѣкъ съ твоей судьбою.

АГРІОПА.

Чѣмъ ждать еще сего съ кровавыя войны:
Ты придешь въ городъ сей въ объятія жены.
Иль то забвенно днесь, любезный князь, тобою,
Что мы обязаны ужъ клятвою святою?
Хотя и не былъ ты предъ брачнымъ алтаремъ,
Но вспомни, о мой князь, ты клялся мнѣ предъ кѣмъ;
Се самые теперь ты видишь здѣсь чертоги,
Свидѣтели тому Ахиллъ и сами боги.
Посредникомъ межъ насъ былъ храбрый сей герой.
Ты клялся мнѣ, что ты на вѣки будешь мой;
Ты клялся, что со мной здѣсь сядешь на престолѣ;
И я тогда твоей была согласна волѣ.
Не принужденную отецъ меня вручалъ,
Съ желаніемъ моимъ меня онъ обручалъ;
Не храбраго тогда Ахилла я страшилась,
Тобою я самимъ, тобою я плѣнилась;
Хотя народъ и былъ нашъ вами побѣжденъ,
Но духъ мой, гордый духъ не симъ былъ принужденъ:
Когда бы твоего я взора не видала,
Я и въ плѣненіи бъ свободна пребывала.

ТЕЛЕФЪ.

Предстать ко алтарямъ желалъ бы я и самъ;
Но что, когда не такъ угодно небесамъ?

АГРІОПА.

А если ты со мной не хочешь сочетаться,
То какъ возможетъ тронъ во власть твою достаться?
Воспомни, что тебѣ родитель мой вѣщалъ,
Когда онъ при концѣ о царствѣ завѣщалъ!
Онъ рекъ тебѣ: «Телефъ, тобою я избавленъ,
«Тобою я еще на свѣтѣ былъ оставленъ;

«Когда меня Ахиллъ повергъ къ своимъ ногамъ,
«Я долженъ жизнью былъ Телефу и богамъ,
«Которую теперь въ спокойствіи кончаю,
«А дочь мою тебѣ со трономъ поручаю.»
Та рѣчь его теперь тверда въ умѣ моемъ.

ТЕЛЕФЪ.

Не спорю я съ тобой, дражайшая, о семъ,
Что къ трону приступить дорогою иною
Не льзя, какъ должно быть тебѣ моей женою;
Я брака бъ не бѣжалъ, но должность мнѣ велитъ,
Чтобъ я ко Троѣ шелъ...

АГРІОПА.

Не должность насъ дѣлитъ,
Но нѣчто тайное ты въ сердцѣ заключаешь. . .
Ты потупляешь взоръ и мнѣ не отвѣчаешь.
Се воздаяніе горячности моей!

ТЕЛЕФЪ.

Внемли, любезная, вину напасти сей:
Готовяся вступить въ союзъ съ тобой священный,
Имѣлъ тобой мои я мысли восхищенны
И прежде, нежель въ бракъ хотѣлъ съ тобой вступить,
Нептуна жертвами намѣренъ бытъ почтить;
Но вотъ свершилось что...О часть моя презлая!
Увѣнчанъ былъ алтарь и огнь, на немъ пылая,
Ко ужасу жрецовъ священный огнь погасъ.
Потомъ отъ алтаря былъ страшный сей мнѣ гласъ:
«Ты, въ роскоши ниспавъ, въ покоѣ пребываешь,
«А долгъ и честь свою совсѣмъ позабываешь.
«Гнѣвъ божескъ надъ тобой, туши его, туши,
«Пріявши скипетръ здѣсь, ко Троѣ ты спѣши.»
Симъ кончилось сіе вѣщаніе ужасно,
Преслушаться сихъ словъ ты знаешь сколь опасно;
Я повелѣнія сего не небрегу
И въ бракъ съ тобой вступить, царевна, не могу,
А ежели прейдетъ сіе несносно время,
Какъ съ плечъ моихъ сложу толь тягостное бремя,
Изъ-подъ троянскихъ стѣнъ съ побѣдой возвратясь,
Съ тобою сопрягусь, бывъ царь, герой...

АГРІОПА.

Ахъ, князь!
Внимай сіи слова божественныя прямо,

Докажетъ то тебѣ реченіе ихъ само;
Гремѣлъ во храмѣ гласъ, чтобъ взялъ ты скипетръ сей,
То слѣдственно чтобъ взялъ со мной отъ алтарей,
А инако тебѣ держава не вручится.

ТЕЛЕФЪ.

Объемлетъ сердце хладъ и духъ во мнѣ мутится,
Божественный отвѣтъ не смѣю толковать,
И только я его лишь долженъ исполнять.

АГРІОПА.

Забывъ мою къ себѣ любовь и сожалѣнье,
Стремися исполнять толь строго повелѣнье,
Не воображай себѣ моихъ горчайшихъ слезъ,
Не воображай себѣ ты гнѣва отъ небесъ,
Который на тебя днесь долженъ устремиться.

ТЕЛЕФЪ.

Ахъ, еслибъ я возмогъ безъ скорби удалиться
И еслибъ я возмогъ толико быти твердъ,
Колико строгій рокъ ко мнѣ немилосердъ,
Тогда бъ безъ жалости съ тобою я прощался
И только бы одной лишь славою прельщался!

АГРІОПА.

Ахъ, знать, что мысль она въ плѣненіе взяла,
И въ сердце вкралася, въ которомъ я жила...
Но ты отсель бѣжишь, рѣчей моихъ не внемлешь...
Ахъ, князь мой, что противъ меня ты предпріемлешь?

ТЕЛЕФЪ.

Иду исполнити велѣніе боговъ.

АГРІОПА.

Бѣги отъ глазъ моихъ, когда ты сталъ таковъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

АГРІОПА И АЛЬБИНА.

АГРІОПА.

Ты видишь ли сіе, любезная Альбина,
Въ какія горести ведетъ меня судьбина,
Какія вижу я вокругъ себя бѣды,
Какіе съ сей любви сбираю я плоды?
Внимала ль ты его со мною разговоры,
Внимала ль ты его движенія и взоры?

АЛЬБИНА.

Онъ можетъ быть смущенъ казался для того,
Что отлучается отъ взора твоего.

АГРІОПА.

Почтожъ не хочетъ онъ союзъ окончить брачной?

АЛЬБИНА.

Страшится, можетъ, быть войны онъ неудачной,
Къ которой взялъ теперь намѣренье идти.
На смертномъ будетъ тамъ стояти онъ пути,
Гдѣ всѣ свирѣпости природа изливаетъ,
Гдѣ царь и подданный равно сраженъ бываетъ,
Гдѣ ярость звѣрская между людьми горитъ
И смерть ни возраста, ни сана не щадитъ.
То, можетъ быть, его въ смущеніе приводитъ,
И для того онъ, бракъ оставя, прочь отводитъ.

АГРІОПА.

Альбина, можетъ быть, что мысль его не та,
И, можетъ быть, любовь его была мечта,
Котора страстные глаза мои прельщала,
Я сладости сіи лишь мысленно вкушала.
Онъ хочетъ, можетъ быть, вѣнчаться лишь вѣнцемъ,
Онъ только мнитъ о семъ, а болѣ ни о чемъ:
Лукавство, скрытое завѣсою обмана!
Но что я говорю? Иль въ томъ найду тирана,
Чья кровь ко мнѣ полна любовнаго огня,
Кто взоры страстные возводитъ на меня,
Кто всѣмъ вздыханіемъ моимъ соотвѣчаетъ?...
Увы, поступокъ мнѣ не то ужъ въ немъ являетъ!
Поди, любезная, потщись меня спасти;
Ты можешь разговоръ съ Азоромъ завести;
Онъ, можетъ быть, его поступокъ разумѣетъ,
Какой противъ меня сей князь теперь имѣетъ.
Но нѣтъ, когда бы онъ его коварство зналъ,
Онъ вѣрность мнѣ свою конечно бъ доказалъ.
О боги, зрящіе во всѣ концы вселенной,
Вы видите одни обманъ сей сокровенной!

ЯВЛЕНІЕ IV.

АГРІОПА, АЛЬБИНА И ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

По волѣ княжеской украшенъ брачный храмъ,
Въ которомъ съ нимъ предстать предъ жертвенники вамъ;
Народъ и воинство, весь градъ того желаетъ,
Да Гименей на тронъ отцевъ тебя вѣнчаетъ.

АГРІОПА.

Напрасно торжества, напрасно градъ сей ждетъ,
Когда и мнѣ къ тому надежды больше нѣтъ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Что долженъ я понять изъ словъ твоихъ, царевна?

АГРІОПА.

На васъ и на меня судьба стремится гнѣвна.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Какой еще ея ты намъ вѣщаешь гнѣвъ?

АГРІОПА.

Ахъ, еслибъ вѣдалъ ты, что мнитъ теперь Телефъ!

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Онъ мнитъ о бракѣ...

АГРІОПА.

Нѣтъ, онъ мнитъ лишь о престолѣ,
И я, и вы должны остаться здѣсь въ неволѣ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Ужасну изъ твоихъ я устъ внимаю вѣсть,
Иль ты примѣтила какую въ князѣ лесть?

АГРІОПА.

Я только говорю, что я и вы несчастны,
И, можетъ быть, ему мы будемъ всѣ подвластны.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Еще онъ не взошелъ на твой, царевна, тронъ,
Еще владѣетъ здѣсь народомъ симъ не онъ,
Твоей подвержено здѣсь все наслѣдной власти,
Ты можешь отвратить грозящи намъ напасти.

АГРІОПА.

Но чѣмъ мы отвратимъ сію опасность, чѣмъ?

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Твоею волею и воинства мечемъ.

АГРІОПА.

Еще въ народѣ страхъ по-днесь не истребился,
Какъ въ наше воинство Ахиллъ съ мечемъ стремился
И въ ярости своей, какъ левъ тьмы агнцовъ, гналъ,
Когда родитель мой предъ нимъ въ сраженьи палъ.
Изъявленный внесенъ ко мнѣ въ сіи чертоги —
Что зрѣла я тогда? О праведные боги!
Родителя въ крови лежаща предъ собой.
Воспоминаньемъ симъ мятется разумъ мой!
Но днесь хоть тотъ герой отсутствуетъ отселѣ,

Телефъ тогда былъ съ нимъ при томъ ужасномъ дѣлѣ.
И страшенъ такъ же мечь намъ князя и сего,
Каковъ въ десницѣ былъ Ахилла самого.
И что мы можемъ днесь начать съ ослабшимъ войскомъ?

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Умреть за истину во подвигѣ геройскомъ,
Иль лавръ передъ тебя побѣды принести.

АГРІОПА.

Возможетъ ли сіе душа моя снести!
Для пользы только той, чтобъ быть мнѣ здѣсь на тронѣ,
Вѣрнѣйшихъ чадъ моихъ въ ужасномъ слышать стонѣ
И зрѣть ихъ за меня ліющуюся кровь —
Сія ли, ахъ, моя къ отечеству любовь?
Пріятна ль будетъ мнѣ сея побѣды слава?
Какъ дороги вы мнѣ, мой скипетръ и держава!
Я къ вамъ должна теперь убивствомъ приступать
И кровію людей наслѣдство покупать.
Нѣтъ, пусть я здѣсь терплю одна несчастье злое,
О чада вѣрные, останьтесь вы въ покоѣ!

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Возможно ли кому въ покоѣ пребывать,
Когда ты будешь здѣсь бѣды претерпѣвать,
Едина нашего бывъ скипетра достойна.

АГРІОПА.

Я, можетъ быть, еще напрасно безпокойна,
И, можетъ быть, его единъ холодный видъ
Уже напраснымъ мнѣ мученіемъ грозитъ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Народъ, царевна, весь за честь твою возстанетъ
И къ пагубѣ его ужаснымъ громомъ грянетъ.

АГРІОПА.

Нетщетно, отче мой, народъ ты сей любилъ,
Нетщетно ты ему толико щедрымъ былъ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Устами говорю я цѣлаго народа,
Что должность и законъ, и самая природа
Велятъ тебя всему отечеству любить.
Ты нами можешь всѣ напасти отвратить.

АГРІОПА.

Предупреждаючи грозящему раздору,
Пойду еще предстать я княжескому взору,

И если бы возмогъ онъ мысли премѣнить,
Онъ могъ бы мой престолъ и сердце получить.
Всесильны небеса, вы насъ отъ бѣдъ спасите
И прежнее сюда спокойство возвратите!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТЕЛЕФЪ И АРИСТОНЪ.

ТЕЛЕФЪ.

Сказалъ ли, Аристонъ, Азору мой приказъ?

АРИСТОНЪ.

Предъ очи онъ твои хотѣлъ предстать сейчасъ,
Распорядя въ полкахъ, во храмѣ и во градѣ
Прилично торжество, въ которомъ ты, къ отрадѣ
Народа здѣшняго, воспріимешь сей вѣнецъ.

ТЕЛЕФЪ.

Желаніямъ моимъ не сей еще конецъ;
Не скипетръ сей страны мой страстный духъ прельщаетъ.
Онъ новыя въ себѣ напасти ощущаетъ.
И можетъ ли тогда сей скипетръ быть мнѣ милъ,
Когда лишуся той, съ кѣмъ сердце раздѣлилъ!

АРИСТОНЪ.

Ты съ тою къ здѣшнему престолу приступаешь,
Къ которой ты давно любовію пылаешь,
И та, котора тронъ и съ сердцемъ отдаетъ,
Ко брачнымъ алтарямъ съ тобой приступитъ...

ТЕЛЕФЪ.

Нѣтъ,

Не тѣмъ уже теперь я пламенемъ пылаю,
Я только лишь отвѣтъ исполнити желаю.
Внималъ ли водъ царя ты гласъ со алтарей?
Онъ только мнѣ велитъ пріяти скипертъ сей.

АРИСТОНЪ.

Но Агріопѣ ли отвѣтъ сей безполезенъ?

ТЕЛЕФЪ.

Не можетъ намъ онъ быть обоимъ съ ней любезенъ.

АРИСТОНЪ.

Едины мысли въ немъ и имъ единъ конецъ,
Съ царевною прими страны сея вѣнецъ.

ТЕТЕФЪ.

Любовь хотѣла такъ, къ лютѣйшей мнѣ напасти,
Дабы Нептуновъ внукъ въ ея былъ строгой власти.
О небо, для чего почтенъ я титломъ симъ,
Когда она и мной играетъ, какъ другимъ?

АРИСТОНЪ.

Но въ чемъ же, государь, тебѣ она премѣнна?

ТЕЛЕФЪ.

То чувствуетъ теперь лишь грудь моя стѣсненна.
Богъ моря мнѣ велитъ ко Троѣ поспѣшать,
А богъ любви претитъ съ царевной бракъ свершать.
Вини, коль я тебѣ кажуся малодушенъ,
А я обоимъ симъ владѣтелямъ послушенъ;
Единаго внималъ во храмѣ я отвѣтъ,
Другаго гласъ давно въ крови моей живетъ,
И сердце страстное, и душу наполняетъ
И мысли нѣжныя въ ужасны премѣняетъ.
Я долженъ днесь предстать съ царевной предъ алтарь,
А сердцемъ, и душей владѣетъ...

АРИСТОНЪ.

Государь!
Что долженъ изъ сего понять я разговора?
И сердцемъ и душей?

ТЕЛЕФЪ.

Владѣетъ Полидора.

АРИСТОНЪ.

Ты Агріопою по-днесь всегда пылалъ
И ты ее имѣть супругою желалъ.

ТЕЛЕФЪ.

Ахъ, если бы еще въ моей то было власти,
Не чувствовалъ бы я ужасной сей напасти!
Я скоро бы мои мученья прекратилъ,
Но ядъ, сей сладкій ядъ я въ грудь мою пустилъ;
Чѣмъ больше отъ нея мой разумъ убѣгаетъ,
Тѣмъ больше утомясь мой духъ изнемогаетъ:
Безъ Полидоры мнѣ противенъ и вѣнецъ.

АРИСТОНЪ.

Но знаетъ ли о семъ ея теперь отецъ?

ТЕЛЕФЪ.

Не знаю, знаетъ ли, но онъ мнѣ не опасенъ.
Я знаю то, что онъ мнѣ тронъ отдать согласенъ.

АРИСТОНЪ.

Измѣнникъ и Азоръ владычицѣ своей?

ТЕЛЕФЪ.

Онъ только власти тѣмъ покорствуетъ моей.

АРИСТОНЪ.

Какое же твое намѣренье?

ТЕЛЕФЪ.

Такое:
Царевнѣ я сказалъ, что я иду ко Троѣ.

АРИСТОНЪ.

Такъ ты ее совсѣмъ оставить предпріялъ?

ТЕЛЕФЪ.

Ахъ, знать не для нея сей огнь во мнѣ пылалъ!

АРИСТОНЪ.

Она къ тебѣ горитъ любовію безмѣрной
И—думаешь ли быть въ тебѣ ей лицемѣрной?

ТЕЛЕФЪ.

Не думалъ я и самъ сначала быть таковъ,
Но что, когда такой предѣлъ мнѣ отъ боговъ,
Чтобъ сердце нѣжное имѣлъ я къ Полидорѣ,
Чтобъ всѣ я прелести въ ея лишь видѣлъ взорѣ,
Которыхъ для меня милѣе въ свѣтѣ нѣтъ?

АРИСТОНЪ.

Представь, о государь, что скажетъ цѣлый свѣтъ?
Что скажутъ о тебѣ герои тѣ почтенны,
Которые теперь при Троѣ съединенны,
Которыхъ общій всѣхъ совѣтъ опредѣлилъ,
Дабы ты, государь, царемъ странѣ сей былъ?

ТЕЛЕФЪ.

Приказъ героевъ сихъ исполненъ будетъ мною,
Я буду царствовать надъ здѣшнею страною.

АРИСТОНЪ.

Ты долженъ на престолъ съ царевною вступить.

ТЕЛЕФЪ.

Сего-то, Аристонъ, нельзя совокупить.

АРИСТОНЪ.

Намѣренье твое, о князь мой, мнѣ ужасно!

ТЕЛЕФЪ.

Совѣты подавать тому уже напрасно,
Кому назначено жестокою судьбой
Лишиться крѣпости, не властвовать собой.

АРИСТОНЪ.

Бывала ль чѣмъ душа твоя преоборима?
Бывала ли тобой измѣна чья терпима?
Что сдѣлалось тебѣ, ты нравъ перемѣнилъ?

ТЕЛЕФЪ.

Я долгу и любви, и чести измѣнилъ,
Я чувствую и самъ то страшно преступленье,
Подай мнѣ помощь...Ахъ, къ чему сіе прошенье!
Во преступленіи лишь каяться начну
И, вспомня милый зракъ, раскаянье кляну.
Я каюсь, но могу ль то сдѣлать, что желаю?
Нѣтъ, преступленіе я снова утверждаю.

АРИСТОНЪ.

Я жалость чувствую...

ТЕЛЕФЪ.

И такъ я рвусь стеня;
Оставь, любезный другъ, оставь, не мучь меня,
Не обличай меня въ томъ, что я предпріемлю,
О Агріопѣ я ужъ болѣе не внемлю;
Не тронется мой слухъ отъ толь ужасныхъ словъ;
Намѣренье мое исполнить я готовъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ И АГРІОПА.

АГРІОПА.

Прости мнѣ, государь, что я въ моемъ смятеньѣ
Дерзаю возмутить твое уединенье,
И если раздражилъ тебя поступокъ сей,
Оставь ты, государь, то слабости моей,
Которой я теперь неволею вдаюся;
Я, можетъ быть, съ тобой на вѣки разстаюся;
Но не отшествіе твое меня страшитъ,
Страшитъ меня, увы, поступокъ твой и видъ!
Въ то время, какъ отсель ко брани ты отходишь,
Не таковой совсѣмъ ты взоръ ко мнѣ возводишь,
Въ которомъ быть должна видна твоя печаль.

Ахъ, видно, что тебѣ меня уже не жаль!
Предпринимая толь намѣренье сурово,
Скажи мнѣ, молвилъ ли о мнѣ хотя ты слово?
Иль ты меня совсѣмъ и въ мысли не имѣлъ?
Гдѣ дѣлась та любовь, которой ты горѣлъ?

ТЕЛЕФЪ.

Она въ груди моей...

АГРІОПА.

Возможно ли повѣрить?

ТЕЛЕФЪ.

Когда бы предъ тобой хотѣлъ я лицемѣрить,
Я сердце бы твое надеждой упоилъ,
Божественный отвѣтъ совсѣмъ бы утаилъ
И, сочетавшися съ тобою симъ обманомъ,
Боговъ бы прогнѣвилъ, тебѣ бы сталъ тираномъ.

АГРІОПА.

Ахъ, видно оное изъ дѣйствія сего,
Что ты не чувствуешь мученья моего,
Въ которомъ я теперь, несчастная, томима!
О небо, если бъ я была тобой любима!

ТЕЛЕФЪ.

Не сомнѣвайся въ томъ, царевна, никогда;
Почтеніемъ тебѣ я долженъ навсегда.

АГРІОПА.

Почтеньемъ, государь!...Того ли я желаю,
Когда тобою я, несчастная, пылаю?
Ты болѣе бы тѣмъ меня теперь почтилъ,
Когда бы обо мнѣ хоть вздохъ ты испустилъ...
И если бъ... ахъ, мой князь, ты мнѣ не отвѣчаешь!
Ты самъ въ холодности себя изобличаешь.
Какой враждебный богъ твой нравъ перемѣнилъ
И сердце нѣжное во власть свою плѣнилъ?

ТЕЛЕФЪ.

Я сердцемъ и собой ужъ больше не владѣю...
Изъидемъ, Аристонъ...

АГРІОПА.

О боги, я хладѣю.
Жестокій, вспомни ты...

ТЕЛЕФЪ.

О чемъ мнѣ вспоминать?
Я долженъ часть мою на вѣки проклинать.

О боги вѣчные, на скорбь мою воззрите
И мнѣ, несчастному, въ напасти помогите!

АГРІОПА.

Ахъ, если бы ты зрѣлъ...

ТЕЛЕФЪ.

Когда бы могъ я зрѣть,
Не сталъ бы я и самъ напасти сей терпѣть.
Тяжка моя напасть; когда бъ ее ты знала,
Неблагодарному ты больше бъ не вѣщала.

АГРІОПА.

Неблагодарному!... Ахъ! льзя ль тебѣ имъ быть?
И льзя ли, князь, тебѣ любовь мою забыть?
На что выводишь ты меня изъ заблужденья?
Пусть ложныя бъ меня питали воображенья,
Пускай бы я еще въ безумствѣ семъ была—
Я мнила бы, что я еще тебѣ мила.
За всю мою любовь, невѣрный, ты въ награду
Отъемлешь у меня послѣднюю отраду.
Ахъ, льсти, невѣрный мнѣ, еще теперь ты льсти,
Я лесть твою могу удобнѣе снести
И, бывъ сей сладкою отравой упоенна,
Не буду чувствовать, что я тобой презрѣнна!

ТЕЛЕФЪ.

Увы, прекрасная, мнѣ милъ еще твой взоръ.
Пойдемъ скорѣй отсель, скончаемъ разговоръ.

АГРІОПА.

Я вижу, что тебѣ я скуку только множу.
Останься; я тебя ужъ больше не встревожу.
Останься и забудь усердіе мое!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЕЛЕФЪ И АРИСТОНЪ.

АРИСТОНЪ.

Такъ предпріемлешь ты намѣренье сіе
И къ беззаконному толь дѣлу приступаешь!
Въ какой ты, государь, днесь безднѣ утопаешь!
Ты самъ смущаешься и испускаешь стонъ.

ТАЛЕФЪ.

Оставь меня, оставь, любезный Аристонъ,
И дай собрати мнѣ разсѣянныя мысли.

АРИСТОНЪ.

Исчисли, государь, ты бѣдствія исчисли,
Какимъ подвержены теперь мы будемъ здѣсь,
Когда противу насъ возстанетъ градъ сей весь,
Извѣстнымъ сдѣлавшись о лютой сей измѣнѣ.
Дѣла на свѣтѣ всѣ подвержены премѣнѣ:
Когда намѣренья твои не такъ пойдутъ,
Ласкатели твои далеко отбѣгутъ,
Которые теперь толпами окружаютъ
И—что ни скажешь ты, хвалами утверждаютъ.

ТЕЛЕФЪ.

Не таковыхъ себѣ имѣю я друзей,
Которы только льстятъ лишь слабости моей:
Они ко мнѣ всегда усердіе являютъ
И видѣти меня царемъ своимъ желаютъ.
Имѣвъ сей громъ въ рукѣ, иль грянуть не могу?
Случаи строгіе я всѣ превозмогу.

АРИСТОНЪ.

Кто скиптры у владыкъ злодѣйски исторгаетъ,
Того всевышній гнѣвъ ужасно постигаетъ.
Помысли, государь, что хочешь ты начать?
Ты хочешь здѣсь себя на тронѣ увѣнчать,
Лиша наслѣдницу ея законной власти.
Намѣренье сіе исполнено напасти!

ТЕЛЕФЪ.

Отвсюду предстоитъ мнѣ лютая напасть,
Меня взываетъ честь, меня смущаетъ страсть,
Равно и честію, и страстію влекуся
И, чтя любезну честь, о чести не пекуся.
О Полидора, твой плѣнилъ мя вѣчно взоръ!
Но, ахъ, скончаемъ рѣчь, приходитъ къ намъ Азоръ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЕЛЕФЪ, АЗОРЪ И АРИСТОНЪ *(который отдаляется)*.

ТЕЛЕФЪ.

Поди, любезный другъ, прерви мое мученье.

АЗОРЪ.

Доколѣ, государь, ты будешь въ семъ смущеньѣ?
Народа множество склонилося ко мнѣ:
Единыхъ златомъ я привлекъ къ твоей странѣ,
Другіе, зря, что къ намъ ужъ первые склонились,

За ними и они къ тому же устремились.
Я имъ истолковалъ, что ты достоинъ взять
Державу, и не бывъ царю мизійску зять.
Тобою, государь, дана ему пощада,
Избавитель царя и здѣшняго ты града,
Достоинъ, чтобъ тебѣ правленіе вручить,
На тронъ тебя взвести, порфирой облачить.
Иль столько мы къ тебѣ неблагодарны будемъ,
Что нашего въ тебѣ защитника забудемъ.
Ты отъ неволи насъ старался свободить,
А мы твой будемъ духъ неволею томить;
Всходи на здѣшній тронъ и будь владыка граду,
И избирай себѣ невѣсту ты въ награду.
Не можетъ въ томъ тебѣ царевна упрекать,
Чтобъ ты ея хотѣлъ наслѣдный тронъ отнять:
Ты кровью взялъ его и воинства урономъ.

ТЕЛЕФЪ.

Когда то будетъ такъ, ты будешь передъ трономъ
Великій мужъ, и вѣрь, что правду говорю,
Ты будешь первый другъ здѣсь новому царю.
Но вотъ какое я препятство зрю къ отрадѣ:
Царевна множество друзей имѣетъ въ градѣ,
И если скоростью ея не упредимъ,
Усилившуюся нескоро побѣдимъ.

АЗОРЪ.

Царевна, государь, намъ слабая препона,
Она отдалена и такъ уже отъ трона.
Ты можешь скипетръ взять, царевну истребя...

ТЕЛЕФЪ.

Чтобъ послѣ я, увы, гнушался самъ себя,
Чтобъ совѣсть грудь мою терзала повсечасно!
Намѣренье сіе безбожно и ужасно!

АЗОРЪ.

Такъ долженъ быть царемъ ты съ ней надъ сей страной.

ТЕЛЕФЪ.

Коль нѣтъ уже къ тому дороги мнѣ иной,
Я лучше скипетръ сей во власть ея оставлю,
А дѣломъ таковымъ себя не обезславлю.

АЗОРЪ.

Какія жъ мѣры мысль твоя предприняла?

ТЕЛЕФЪ.

Чтобъ я на тронѣ былъ, царевна бы жила
И не могла бы мнѣ препятствовать собою.

АЗОРЪ.

Послѣдній мой совѣтъ представлю предъ тобою,
Возмогутъ корабли твои намъ въ томъ помочь,
На нихъ ты повели отдать цареву дочь,
И, не вредя чрезъ то своей ни мало славы,
Вели ее отвезть на край сея державы,
А тамъ подъ стражею въ довольствіи хранить.

ТЕЛЕФЪ.

Что можетъ насъ, Азоръ, въ семъ дѣлѣ извинить?
Царевну безъ вины послати въ заточенье,
Поступокъ будетъ сей мнѣ вѣчное мученье.
Ахъ, нѣтъ, я на сіе никакъ не соглашусь.

АЗОРЪ.

Такія слабости безмѣрно я страшусь:
Народъ о нашемъ весь намѣреньи извѣстенъ;
Кто знаетъ, будетъ ли онъ весь толико честенъ,
Чтобъ кто изъ онаго не могъ намъ измѣнить?
Тогда уже насъ что возможетъ извинить,
И что предпримемъ мы?

ТЕЛЕФЪ.

Мой духъ изнемогаетъ.

АЗОРЪ.

Коль слабость такову страсть въ мысль тебѣ влагаетъ,
Отворенъ брачный храмъ, и жертвенникъ готовъ,
Спрягись съ царевною, не слушая боговъ.

ТЕЛЕФЪ.

Я власти ихъ всегда, любезный другъ, послушенъ.

АЗОРЪ.

Такъ буди, государь, теперь великодушенъ.
Еще тебѣ твой другъ нелестно говоритъ:
Доколь народъ къ тебѣ усердіемъ горитъ,
Всходи и утвердись сей день на семъ престолѣ.

ТЕЛЕФЪ.

Я и потомъ еще остануся въ неволѣ,
Которую моя мнѣ участь навела...
Я признаюсь тебѣ... мнѣ дочь твоя мила!

АЗОРЪ.

Когда ты, государь, здѣсь сядешь на престолѣ,

Тогда ты по своей сіе исполнишь волѣ.
И ежели сего моя достойна кровь...

ТЕЛЕФЪ.

То сдѣлали твои заслуги и любовь,
Они произвели сей случай намъ полезной;
Позволь мнѣ самому донесть моей любезной,
Что такъ ее теперь нарекъ мой страстный духъ:
Она супруга мнѣ, я буду ей супругъ.

АЗОРЪ.

Когда ты, государь, ее симъ удостоилъ,
Потребно, чтобъ свое ты сердце успокоилъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

АЗОРЪ.

Желаніе и цѣль моихъ геройскихъ думъ,
О честолюбіе, ты мой плѣняя умъ,
Не представляло мнѣ сея великой части,
Чтобъ я монаршія возмогъ достигнуть власти;
Хотя мой гордый духъ всегда прельщалъ сей тронъ,
Но чрезъ препятствія далекъ казался онъ.
Теперь я счастьемъ симъ моей сталъ долженъ дщери,
А хитрость ей моя отверзла къ счастью двери.
Царевнѣ мною путь ко трону пресѣченъ,
Она въ сію же ночь не узритъ здѣшнихъ стѣнъ,
Не узритъ болѣе и княжескаго взора.
Все счастіе сіе есть счастіе Азора!
Кому жъ принадлежитъ престолъ сей, какъ не мнѣ?
Телефъ всю мысль свою имѣетъ о войнѣ,
Устроенный мной гласъ зоветъ его подъ Трою,
Я хитростью моей тамъ ковъ ему устрою;
Для власти царскія, для счастія сего
Не долженъ я щадить на свѣтѣ ничего,
Не долженъ я внимать дочерня буду стона.
Мой жребій есть престолъ, и часть моя—корона!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Азоръ и Агріопа.

АГРІОПА.

Поди и упокой мой томный духъ, Азоръ.
Но что я зрю? И твой печаль являетъ взоръ.
Конечно, о моей ты вѣдаешь напасти?

АЗОРЪ.

Когда бы то въ моей, царевна, было власти,
Несчастья бы сего твой духъ не ощущалъ.
Кто истину всегда всѣмъ сердцемъ защищалъ,
Тотъ зритъ съ прискорбіемъ стѣсненну добродѣтель.
Едина грудь моя неложный въ томъ свидѣтель,
Какимъ я ужасомъ объятъ внезапно былъ,
Когда Телефъ сію мнѣ тайну объявилъ,
Что небо въ бракъ ему вступить не позволяетъ
И съ войсками отсель ко Троѣ посылаетъ.

АГРІОПА.

Когда такой предѣлъ судьбою положенъ,
Что городъ сей Телефъ оставить принужденъ,
Не спорю я, пускай ко Троѣ онъ отходитъ,
Лишь только то меня въ сомнѣніе приводитъ,
Почто онъ безъ меня на тронъ спѣшитъ вступить?
Онъ долженъ, ставъ моимъ супругомъ, царь здѣсь быть;
А инако ему царемъ здѣсь быть не можно.

АЗОРЪ.

Но, скиптръ ему не взявъ, идти не осторожно.
Хоть всѣ къ нему теперь усердіе хранятъ,
Но если выступитъ онъ съ войсками за градъ,
Не утвердя себѣ страны сея державы,
Ты знаешь подлости испорченные нравы,
И знаешь склонность сихъ бунтующихъ сердецъ.

АГРІОПА.

Ахъ, если бъ мысль его на сей была конецъ!

АЗОРЪ.

Чего жъ должна теперь, царевна, ты страшиться?

АГРІОПА.

Страшуся моего я скипетра лишиться.

АЗОРЪ.

Иль клятвы онъ свои захочетъ премѣнить?
Легко ль любви, богамъ и чести измѣнить!

АГРІОПА.

Когда ты клятвы столь святыми почитаешь,
Азоръ, ты по своей такъ чести разсуждаешь;
Но можно ль знать другихъ движеніе сердецъ?

АЗОРЪ.

Пускай онъ шествуетъ, пріявъ себѣ вѣнецъ,
А, возвратясь оттоль, побѣдою вѣнчанный,
Окончитъ бракъ съ тобой, толь много имъ желанный.

АГРІОПА.

Поступкомъ княжескимъ мятется духъ мой весь...

АЗОРЪ.

Но въ обстоятельствахъ, въ какихъ теперь мы днесь,
Какою сражены мы гнѣвною судьбою,
Народъ нашъ зритъ еще тотъ ужасъ предъ собою,
Когда родитель твой былъ смертно пораженъ,
Сколь много о мужахъ рыдало бѣдныхъ женъ,
И если бъ не Телеѳъ, то бъ всѣ отцы и дѣти,
И ты сама должна поносный плѣнъ терпѣти.
Народу льзя ль тому въ желаньи отрицать,
Кого защитникомъ онъ долженъ почитать?

АГРІОПА.

Но не довольно ли и такъ почтенъ онъ мною,
Когда сама хочу я быть его женою,
Хочу и скипетръ мой во власть ему отдать?
Онъ будетъ скипетромъ со мною обладать:
Чѣмъ должно жертвовать еще сему герою?
Иль должно, чтобъ и я была его рабою?
Но я, Азоръ, не такъ на свѣтъ произошла,
Чтобъ я въ его когда подданствѣ быть могла.
Что скажешь мнѣ и что начать велишь такое?
Иль хочешь, чтобы я отечество драгое
Телеѳу безъ себя повѣрила во власть?

АЗОРЪ.

О небо, отврати отъ насъ сію напасть!
Но ты не раздражай его, царевна, болѣ;
Онъ будетъ твой супругъ, коль будешь на престолѣ;
А нынѣ не влеки его упорствомъ къ гнѣвъ;
Ты знаешь, сколь теперь опасенъ намъ Телеѳъ.

Противу грома грудь поставить безразсудно,
Такъ намъ противу силъ его бороться трудно.

АГРІОПА.

А если мы его допустимъ до сего,
Тогда еще труднѣй возстать противъ его.

АЗОРЪ.

Что дѣлать намъ теперь, царевна, я не знаю.
Все слабо, что о семъ я мнить ни начинаю.
Онъ страшенъ былъ и есть, и будетъ навсегда,
И встать противъ его не можно никогда.

АГРІОПА.

На вѣрность я твою надежду всю имѣю.

АЗОРЪ.

Ты мнѣ владычица, тебѣ я долженъ ею;
Я долженъ жизнь мою за власть твою скончать;
Но что противъ его возможемъ мы начать?
Все предпріятіе въ томъ наше безполезно.

АГРІОПА.

О сколько бѣдно ты, отечество любезно!

АЗОРЪ.

Когда бы могъ сіе я силою пресѣчь,
Царевна, первый бы простеръ я острый мечъ,
И сею бы рукой я жизнь пресѣкъ злодѣю.

АГРІОПА.

Не то противъ его намѣренье имѣю,
Въ отвагѣ таковой еще мнѣ нужды нѣтъ;
Полезенъ мнѣ теперь не мечъ, но твой совѣтъ,
Усердіе твое и вѣрность мнѣ полезны.

АЗОРЪ.

Когда бъ я отвратить возмогъ минуты слезны,
Которыхъ я и самъ днесь долженъ трепетать!

АГРІОПА.

Ты долженъ, не косня, къ нему теперь предстать
И примѣчать его намѣренье прилежно:
Еще ль надежда есть, иль зло намъ неизбѣжно.
Поди къ нему теперь: что онъ тебѣ речетъ?

АЗОРЪ.

Усердіе мое на все меня влечетъ,
Мнѣ повелѣнія всегда твои священны.
Останься и спокой ты мысли возмущенны.

АГРІОПА.

Чѣмъ можно мнѣ твое усердье превознесть?

АЗОРЪ (*отходя*).

Спѣши, о сердце зло, все въ дѣйство произвесть!

ЯВЛЕНІЕ II.

АГРІОПА.

Еще я разными сомнѣньями мятуся
И межъ надеждою и страха остаюся.
Надежда слабую отраду подаетъ,
А страхъ стѣсненну мысль тревожитъ и мятетъ.
Надежды не видавъ въ его смущенномъ взорѣ,
Едину хладность я внимала въ разговорѣ,
И если не могла и я его склонить,
Возможетъ ли Азоръ въ немъ мысль перемѣнить?...
Но нѣтъ, по крайности онъ мысль его узнаетъ,
Почто онъ быть со мной толь хладнымъ начинаетъ,
Почто онъ безъ меня пріемлетъ мой вѣнецъ.
Онъ сдѣлаетъ моимъ сомнѣніямъ конецъ,
Какія предпріять противъ его мнѣ средства...

ЯВЛЕНІЕ III.

АГРІОПА И АЛЬБИНА.

АЛЬБИНА.

Царевна, приготовь себя на страшны бѣдства.

АГРІОПА.

Какую ты несешь ко мнѣ, Альбина, вѣсть?

АЛЬБИНА.

Все таинство и вся его проклята лесть
Открылися; уже завѣса та низпала,
Которая отъ насъ лукавство сокрывала.
Видна, царевна, ахъ, вся злость его видна!
О коль невѣренъ князь, и сколько ты бѣдна!

АГРІОПА.

Не вѣренъ мнѣ мой князь? О праведные боги!

АЛЬБИНА.

Предупреждай теперь свои напасти строги,
Превозмогай себя, опасность разсмотри

И въ крайности такой всю крѣпость собери,
Чтобъ пользуяся врагъ твоимъ безплоднымъ стономъ,
Не овладѣлъ тебѣ принадлежащимъ трономъ.

АГРІОПА.

Какимъ ужаснымъ ты пронзенъ ударомъ, слухъ!
Ахъ, дай, Альбина, мнѣ собрать послѣдній духъ.

АЛЬБИНА.

Коль не пріимешь мѣръ иныхъ противъ измѣны,
Оставишь ты на вѣкъ отеческія стѣны,
А ими обладать намѣренъ сей пришлецъ.
На то ли основалъ сей городъ твой отецъ,
Чтобъ греки гордые въ немъ нами обладали,
А ты взирала бы изъ дальныхъ странъ въ печали
На скипетръ свой, въ рукахъ держимый у враговъ,
Оставленный тебѣ въ наслѣдство отъ боговъ?

АГРІОПА.

Кто хищница его измѣнничьяго взора?

АЛЬБИНА.

Коварнымъ сердцемъ симъ владѣетъ Полидора.

АГРІОПА:

Альбина... небеса!...

АЛЬБИНА.

Не ты ему мила.
Она его и мысль, и сердце въ плѣнъ взяла;
Уже онъ не къ тебѣ возводитъ страстны взоры,
Я слышала его съ любезной разговоры:
Онъ клялся передъ ней до смерти вѣрнымъ быть,
Онъ клялся здѣсь ее на тронѣ посадить.

АГРІОПА.

Ужасной вѣстію ты мысль мою расшибла!
Альбина, такъ моя надежда вся погибла.
Куда прибѣгну я? Нѣтъ помощи нигдѣ;
Я вся въ несчастіи, я вся теперь въ бѣдѣ!
Корыстолюбіе и твердый умъ плѣняетъ.
Я зрю, что и Азоръ мнѣ злобно измѣняетъ;
Увы! сраженна я жестокою судьбой,
Ахъ, нѣтъ, сраженна я, невѣрный князь, тобой!
О боги мстители! онъ клятвы забываетъ.
Альбина, что начать? Мой духъ ослабѣваетъ...
И чѣмъ мнѣ отвратить сей страшный облакъ бѣдъ?

АЛЬБИНА.

Царевна, умолчи: Азоръ къ тебѣ идетъ.

АГРІОПА.

О боги! Ахъ, злодѣй...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ И АЗОРЪ.

АЗОРЪ.

Скрѣпи, царевна, грудь,
Внимай мои слова и мужественна будь,
И разсуждай, когда и самъ я унываю,
И самъ ужасную ту тайну открываю,
Которую, когда бъ и я сообщникъ былъ,
Для пользы своея конечно бъ утаилъ;
Къ безчестью моему и къ горести безмѣрной,
Телефъ, измѣнникъ злой, Телефъ, сей князь невѣрной,
Забывъ твою любовь, забывъ и долгъ и честь,
Онъ любитъ дочь мою, но я...

АГРІОПА.

О страшна вѣсть!...
Что слышу я?... Азоръ, ахъ, ты ли мнѣ вѣщаешь?
Великодушіемъ ты умъ мой восхищаешь...
Ты вѣренъ мнѣ, увы, измѣнникъ мнѣ Телефъ!

АЗОРЪ.

Да устремятъ ко мнѣ безсмертны весь свой гнѣвъ,
Когда противъ тебя я что помышлю злобно...
Повѣрь...

АГРІОПА.

Такъ дочь твоя?...

АЗОРЪ.

И дочь моя подобно
Не хочетъ измѣнить владычицѣ своей;
Она скрывается отъ княжескихъ очей
И, сохраняючи святую добродѣтель,
Рекла мнѣ такъ: «Ты будь, мой отче, мнѣ свидѣтель,
«Что не прельститъ меня толь знатная любовь.»
Я, зря достойную себя во дщери кровь,
Благодарилъ боговъ за даръ мнѣ ихъ толикой.

АГРІОПА.

О даръ божественный, о даръ души великой!

Усердіе, любовь и искренность твоя
Достойны всей, Азоръ, награды моея.

АЗОРЪ.

Я вѣрности моей во вѣкъ не потеряю.

АГРІОПА.

А я тебѣ сіе изслѣдовать ввѣряю;
Ты можешь лишь одинъ отъ бѣдъ меня спасти.

АЗОРЪ.

О если бъ въ дѣйство могъ я все произвести!

ЯВЛЕНІЕ V.

АГРІОПА И АЛЬБИНА.

АЛЬБИНА.

Я вѣрности его, царевна, удивляюсь.

АГРІОПА.

И новыхъ отъ нея я слѣдствій опасаюсь;
Мнѣ самая она сомнѣнье подаетъ.
Когда измѣнникъ дочь его на тронъ ведетъ,
Возможно ль, чтобъ ему то счастіе не льстило?
О ты, прекрасное небесное свѣтило!
Ты видишь таинства, сокрыты отъ людей,
Ты видишь, можетъ быть, что онъ ужъ мнѣ злодѣй!
Но я еще себя отъ зла сего избавлю,
Противу хитростей я хитрости поставлю.
Поди, Альбина, ты мнѣ воиновъ представь.
О небо, ты мнѣ силъ въ сей крайности прибавь,
Чтобъ я преодолѣть могла мое мученье!

АЛЬБИНА.

О, боги сдѣлайте симъ мукамъ облегченье!

ЯВЛЕНІЕ VI.

АГРІОПА.

Таковъ ли ты, мой князь, казался предо мной?
Тобой я думала возставить здѣсь покой,
И радость обновить и истребить печали,
Поступокъ твой и нравъ тому соотвѣчали!
Во счастіи весь вѣкъ я мнила провождать,
И такъ ли думала я царствомъ обладать?
Я мнила, что гражданъ жизнь будетъ безмятежна,

И ахъ, сколь суетно была я въ томъ надежна!
Рокъ мнѣніе мое совсѣмъ перемѣнилъ
И вмѣсто тишины раздоръ здѣсь вкоренилъ;
Но я еще въ себѣ имѣю силъ толико
Противиться любви, сколь пламя ни велико.
Иль слабости и мнѣ природны такъ, какъ всѣмъ
И могутъ дѣйствовать въ умѣ онѣ моемъ?
Нѣтъ, духъ хотя во мнѣ любовью и пылаетъ,
Но польза пламень сей гасить повелѣваетъ!
Онъ, можетъ быть, на то сей тронъ себѣ крѣпитъ,
Да Греціи его на вѣкъ поработитъ;
Я вижу ясно весь твой умыселъ коварный,
Постой, о хищникъ злой, о льстецъ неблагодарный,
Я мстить еще тебѣ въ сей крайности могу;
Ты пренебрегъ любовь, и я пренебрегу;
Когда нарушилась днесь истина тобою,
Ты гнусенъ небесамъ, ты гнусенъ предо мною.
А ты измѣнница, источникъ бѣдъ моихъ,
Не будешь зрѣть меня въ моихъ напастяхъ злыхъ,
Воздамъ тебѣ сіе не жалобой одною...
Но, ахъ, не ты, не ты виновна предо мною
И осуждаешься напрасно нынѣ мной;
Не ты измѣнница, Телефъ измѣнникъ мой!

ЯВЛЕНІЕ VII.

АГРІОПА, ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ И ВОИНЫ.

АГРІОПА.

На васъ единыхъ я надежду полагаю,
Избавьте, къ вѣрности я вашей прибѣгаю!
Невѣрность княжеска открылась мнѣ теперь.
Забывъ онъ клятвы долгъ, забывъ—и чья я дщерь,
Не хочетъ, чтобы я была его женою,
Но только хочетъ быть царемъ надъ сей страною,
Рабу мою на тронъ съ собою хочетъ взвесть.
О чада вѣрныя, спасайте жизнь и честь
Царевны вашея и общую свободу
И удержите здѣсь на тронѣ ту породу,
Котора множество владѣла вами лѣтъ,
И, ахъ, безъ помощи днесь вашея падетъ!

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Хотя къ тебѣ рабовъ усердныхъ и немного,
Которы отвратить желаютъ время строго,
Но за тебя они, царевна, всѣ пойдутъ,
И окончанія дневнаго только ждутъ;
Когда сокроетъ лучъ свой солнце за водами,
И небо мрачными покроетъ ночь крылами,
Всѣ града жители умолкнутъ въ тишинѣ,
Не ожидаючи тревоги въ сладкомъ снѣ,
Внезапно налетимъ съ оружіемъ на спящихъ;
Поястъ всѣхъ алчный мечъ противиться хотящихъ,
А вѣрныя сердца къ тебѣ соединитъ
И состояніе во градѣ премѣнитъ;
Тогда подвержено твоей все будетъ волѣ,
И солнце здѣсь тебя освѣтитъ на престолѣ.

АГРІОПА.

Усердіе сіе есть громъ въ моихъ рукахъ,
Но, ахъ! смѣшалась мысль! Отчаянье и страхъ,
И близкая напасть ко мщенью принуждаютъ,
А жалость и любовь еще остановляютъ . . .
Разите дерзкаго! Такъ рокъ опредѣлилъ,
Разите!... Небеса; разить того, кто милъ!
Невѣрный, милъ ты мнѣ, но милъ уже напрасно,
Щадить тебя теперь для общества ужасно.
Отечество! народъ! о ты, лютѣйша страсть!

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Пріемли, утверждай твою наслѣдну часть!

АГРІОПА.

О должность, о любовь!... о князь, ахъ, князь невѣрной!
Влечешь меня еще ты къ жалости безмѣрной!
О чада, если вы подвигнетесь на гнѣвъ,
Воспомните, что мной любимъ еще Телефъ,
И что я свой престолъ, не жизнь его отъемлю...
О небо, что теперь я въ крайности пріемлю?

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТЕЛЕФЪ И АРИСТОНЪ.

ТЕЛЕФЪ.

Смѣшался весь мой умъ; уныніе, тоска
Терзаютъ грудь мою, и смерть моя близка.
Любезный Аристонъ, гдѣ видѣлъ ты Азора?
Погибли мы теперь и я, и Полидора.

АРИСТОНЪ.

Смущенныя слова во мнѣ тревожатъ кровь.
Что сталось, государь?

ТЕЛЕФЪ.

Несчастная любовь!
Царевна вѣдаетъ, что я не ей пылаю...
Пойду...Но, ахъ, куда идти ужъ я желаю?
Вездѣ послѣдуютъ мнѣ горести и стонъ.
Бѣги скорѣй, бѣги, любезный Аристонъ!
Бѣги и собери мои во градѣ войски,
Еще произведемъ мы подвиги геройски.

АРИСТОНЪ.

Что хочешь, государь?

ТЕЛЕФЪ.

Умреть иль побѣдить,
Спасти любезную и васъ освободить.

АРИСТОНЪ.

Такъ о любви твоей царевна извѣстилась?

ТЕЛЕФЪ.

Черезъ Альбину вся ей истина открылась,
Она весь слышала межъ нами разговоръ,
Сей вѣстью поразилъ мой слухъ теперь Азоръ;
Со мною онъ найти мня дщерь свою едину,
Пошелъ къ намъ и узрѣлъ таящуюсь Альбину,
Познáлъ коварство онъ и вшелъ къ намъ поблѣднѣвъ,
Сказалъ: «Погибли мы, возлюбленный Телефъ!»
Альбина у дверей сей комнаты стояла,
И если тайну словъ твоихъ она познала,
Она не преминетъ царевнѣ донести.
Старайся ты себя и дочь мою спасти,
А я пойду отъ васъ царевнѣ самъ открою
И хитростью такой ей новый ковъ устрою;

Она не будетъ знать, что въ томъ участникъ я,
Чрезъ что я быть могу дѣлъ вашихъ судія.
И онъ мнѣ принесетъ всю мысль ея въ отвѣтѣ!

АРИСТОНЪ.

О беззаконіе, неслыханное въ свѣтѣ!
И ты намѣренъ въ томъ послѣдовать ему?
Прилично ли сіе, ахъ, сану твоему?
Позволь мнѣ, государь, позволь себѣ вѣщати:
Ты долженъ истину отъ лести защищати,
Ты долженъ самъ свои законы наблюдать,
И долженъ самъ своимъ ты сердцемъ обладать.
Гдѣ правосудіе межъ смертныхъ водворится,
Когда оно въ самихъ владыкахъ истребится?
Прости мнѣ, государь, что дерзко говорю...

ТЕЛЕФЪ.

Увы! любезный другъ, я самъ то ясно зрю,
Что истина уже мой умъ не просвѣщаетъ
И сердцу страстному тѣмъ гласомъ не вѣщаетъ,
Которымъ праведнымъ владыкамъ говоритъ.
Любовнымъ пламенемъ вся кровь моя горитъ.
Я самъ свою въ себѣ днесь слабость осуждаю,
И ахъ, я слабости сея не побѣждаю!
Вини меня, мой другъ, за слабость ты вини,
Вини поступокъ сей и злость мою кляни.
Правдивыя твои слова мой слухъ пронзаютъ,
А стыдъ съ раскаяньемъ всю грудь мою терзаютъ.

АРИСТОНЪ.

О если бъ былъ въ твоемъ раскаяньи успѣхъ,
Коликихъ бы ты бѣдъ избавилъ нынѣ всѣхъ!

ТЕЛЕФЪ *(вынимая мечъ свой)*.

Раскаянье мое лишь смерть моя едина,
Прерветъ напасти всѣ несчастнаго кончина,
Я кровь невѣрную рукой моей пролью...

АРИСТОНЪ *(удерживая)*.

Нѣтъ, кончи, государь, ты прежде жизнь мою,
Пронзи ты прежде грудь несчастну, Аристона!

ТЕЛЕФЪ.

Ахъ, дай избавиться мнѣ мукъ моихъ и стона!

АРИСТОНЪ.

Хотя бъ ты на меня теперь весь пролилъ гнѣвъ,
Не допущу, чтобъ жизнь скончалъ свою Телефъ.

ТЕЛЕФЪ *(падая въ креслы)*.

Не воспрещай мнѣ жизнь окончить безполезну!

АРИСТОНЪ *(ставъ на колѣни)*.

Иль ты захочешь насъ повергнуть въ страшну бездну,
Чтобъ мы осталися во областяхъ чужихъ...
Зри, государь, во мнѣ всѣхъ подданныхъ твоихъ.
Они къ тебѣ со мной въ тоскѣ своей взываютъ
И слезы предъ тобой со мною проливаютъ.
Забудь въ отчаяньи народъ свой ты, забудь,
Пронзай безъ жалости отеческую грудь,
Коль ты священныя тѣ узы разрываешь
И—что ты намъ отецъ, совсѣмъ позабываешь;
Ты долженъ, государь, и намъ, и небесамъ.

ТЕЛЕФЪ.

Когда я жизнію моей гнушаюсь самъ,
Иль хочешь, чтобы я терзался ею паче...

АРИСТОНЪ.

Умри, оставь своихъ родителей ты въ плачѣ,
Оставь и погрузи ихъ въ горесть житіе.

ТЕЛЕФЪ.

Къ чему мнѣ, Аристонъ, на свѣтѣ бытіе,
Коль я не буду имъ ужъ пользовать народу?

АРИСТОНЪ.

Яви въ себѣ свою великую породу,
Увѣрь весь свѣтъ, что родъ твой йдетъ отъ боговъ;
Ступай ко Троѣ ты противъ своихъ враговъ;
Лавровые вѣнцы тебѣ ужъ тамъ готовы;
Прерви любви своей поносныя оковы,
Поди къ царевнѣ ты, вину свою открой
И изъ любовника будь паки тотъ герой,
Который удивлялъ всю Грецію дѣлами.

ТЕЛЕФЪ.

Увы, знать не хотятъ того и боги сами!
Я о царевнѣ самъ, мой другъ, теперь скорблю,
А Полидору я, какъ жизнь мою, люблю.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ И АЗОРЪ.

АЗОРЪ.

Престань ты, государь, тревожиться напрасно,

Уже намъ мнимое несчастье не опасно:
Я предъ царевною теперь лишь только былъ
И самъ ей о твоей любови объявилъ,
Что страстенъ, государь, ты дочерью моею,
Что я и самъ о томъ несчастіи жалѣю,
И что на то моей нѣтъ воли никакой.
Она, довольна бывъ поступкою такой,
Внимала рѣчь сію, которой обольщалась,
И мнимой вѣрностью моею восхищалась,
Препоручила мнѣ спасеніе свое.

ТЕЛЕФЪ.

А если городъ весь возстанетъ за нее?

АЗОРЪ.

Напрасно, государь, тревожишься, напрасно:
Я въ Агріопѣ зрѣлъ отчаяніе ясно;
Она оставлена отъ всѣхъ своихъ друзей,
Все власти только здѣсь покорствуетъ твоей;
Опасности ни въ чемъ не видно никакія,
Всѣ преклонилися сердца къ тебѣ людскія,
Въ полкахъ и при дворѣ всѣ думаютъ одно,
Чтобъ было торжество сей день совершено;
Раздоръ противныхъ странъ чрезъ злато усмирился,
Хотятъ всѣ, государь, чтобъ ты лишь воцарился.

ТЕЛЕФЪ.

Боюсь, чтобъ умыслъ нашъ ей не былъ откровенъ.

АЗОРЪ.

Сей тщетный страхъ совсѣмъ быть долженъ истребленъ.
Что можетъ намъ вредить? Мы войски здѣсь имѣемъ,
Или и явно ей противиться не смѣемъ?
Ты знаешь, государь, что весь сей славный градъ
Вокругъ Нептуновымъ владычествомъ объятъ.
Лишь только возгласишь военною трубою,
Сей богъ, сей сродникъ твой, предъидетъ предъ тобою
И всѣхъ тебѣ твоихъ злодѣевъ покоритъ.

ТЕЛЕФЪ.

Еще смущенный умъ мой ужасомъ покрытъ,
Одна ужасна мысль другую мнѣ рождаетъ
И зыблющуюся надежду побѣждаетъ.
Согласно все съ моимъ желаніемъ теперь,
Одна меня крушитъ твоя прекрасна дщерь,
Одна она съ моимъ желаньемъ несогласна,

Иль будетъ жизнь моя лишь въ ней одной несчастна.
Скажи, мой другъ, скажи, открой мою напасть:
Не премѣнилась ли желанна мною часть?
Къ несчастью вѣчному и къ жизни мнѣ ужасной
Не тщетнымъ ли возженъ я пламенемъ къ прекрасной?

АЗОРЪ.

О небо, отврати отъ насъ несчастье то!

ТЕЛЕФЪ.

Но удаляется отъ глазъ моихъ почто?

АЗОРЪ.

Прости ей, государь, что мысль ея мятется;
Довольно, что она съ тобою сопряжется.
Супруги должность въ ней къ тебѣ возбудитъ кровь,
За должностію сей послѣдуетъ любовь.
Не сѣтуй, зря дѣвицъ въ ней гордости уставы;
Ты знаешь нѣжныхъ ихъ сердецъ жестоки нравы;
Всей будетъ оныя жестокости конецъ,
Когда надѣнешь ты порфиру и вѣнецъ.
Межъ тѣмъ вели полки на брань вооружати,
Намъ должно днесь сію побѣду одержати,
Дабы во области твоей былъ здѣшній тронъ.

ТЕЛЕФЪ *(Аристону)*.

Поди и исполняй, любезный Аристонъ,
Сбери мои полки и будь готовъ къ отпору,
А что вамъ исполнять, приказъ отдамъ Азору.

АРИСТОНЪ.

Приказъ твой, государь, исполнить я готовъ.

(Отходя, на сторону)

Но, ахъ противъ кого пойдемъ... противъ боговъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЕЛЕФЪ И АЗОРЪ.

АЗОРЪ.

Предосторожности всѣ мною предпріяты:
Однимъ велѣлъ стрещи я царскія палаты,
Другимъ мной, государь, сей данъ теперь приказъ:
Тогда какъ мрачныя наступитъ ночи часъ,
Царевну взявъ, вести подъ стражу отдаленну.
Во всѣхъ я видѣлъ кровь симъ жаромъ распаленну,
Въ предосторожность же кровавыя войны

Имъ знаки точные мной всѣмъ сіи даны:
(Указывая на знаки, которые у нихъ на рукахъ навязаны)
Когда бъ нечаянно могъ брани часъ случиться,
Могли тѣмъ отъ своихъ злодѣевъ отличиться.

ТЕЛЕФЪ.

Какихъ потомъ, Азоръ, могу я ждать отрадъ?
Застонетъ воздухъ весь, смутится весь сей градъ,
Кровавые ручьи по улицамъ польются,
Друзья друзьямъ на смерть ужасну предадутся!
Мятежны гласы мой уже пронзаютъ слухъ:
Прилично ли имѣть царямъ толь злобный духъ?
Не для смятенія, не для войны кровавой
Владычествуетъ царь пріятой имъ державой.
А я пріемлю здѣсь державу для того,
Чтобъ градъ лишился сей покоя своего,
Чтобъ здѣсь смятенія ужасныя настали,
Чтобъ послѣ на меня граждане возроптали,
Глася, что мною имъ всѣ бѣдствія пришли,
И чтобъ они меня своимъ тираномъ чли.

АЗОРЪ.

Еще не внемлемымъ тревожишься ты стономъ,
Но дочь сопряжена моя со здѣшнимъ трономъ,
И если, государь, его не хощешь взять;—
Не буди ей супругъ и мнѣ не буди зять.
Что хочешь избирай, во власть твою вручаю.

ТЕЛЕФЪ.

Вездѣ ужасныя я бѣдствія встрѣчаю,
Отвсюду на меня ужасный громъ гремитъ,
И, яко тучами, бѣдами я покрытъ,
Движенья разныя бьютъ въ сердцѣ такъ, какъ волны,
Различными страстьми смущенны мысли полны!
Коль здѣшняго вѣнца я взять не восхощу,
Противъ себя я всѣхъ героевъ возмущу,
Которые теперь предъ Троей въ ратномъ полѣ;
Они хотятъ, чтобъ я былъ царь на семъ престолѣ.
Законъ сей власть царей великихъ мнѣ дала,
А Полидора взоръ и сердце отняла.
О Агріопа, я и самъ тебя жалѣю...
И спасть уже тебя я власти не имѣю.

АЗОРЪ.

Не премѣнится мой тебѣ уже обѣтъ...
Но что я зрю?...Увы, царевна къ намъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЕ И АГРІОПА.

(Ведома на рукахъ двухъ женщинъ, которыя, посадя ее въ креслы, удаляются по данному имъ Агріопою знаку, и стража ея).

АГРІОПА *(Телефу).*

Ты новою меня напастью поражаешь,
Ты войски ввелъ во градъ и ихъ вооружаешь;
Скажи мнѣ, государь, скажи мнѣ, для чего?

АЗОРЪ *(смутившемуся Телефу).*

Крѣпися, государь!

ТЕЛЕФЪ *(царевнѣ).*

Для брака моего.

АГРІОПА.

Со мной?...Но ты молчишь и мнѣ не отвѣчаешь,
Ты только отъ меня лишь взоры отвращаешь.

ТЕЛЕФЪ.

Увы, ужъ не въ моей то власти состоитъ!
Я долженъ исполнять, что небо мнѣ велитъ.

АГРІОПА.

Когда бъ ты исполнялъ небесно повелѣнье,
Не впалъ бы предо мной въ сіе ты преступленье.
Измѣнникъ, коль забылъ ты данный мнѣ обѣтъ,
Ни истины въ тебѣ, ни чести больше нѣтъ.
Но что я говорю? ужъ должно ли герою,
Который съ вòйсками идетъ повергнуть Трою,
Подвластну клятвамъ быть обѣты исполнять
И объ отмщеніи всевышнемъ помышлять?
Прости мнѣ, государь, что въ мысляхъ безпокойныхъ
Не предузнала свойствъ, душѣ твоей пристойныхъ.
Вини меня, вини, достойна я тому,
Что слѣпо вѣрила я слову твоему.

ТЕЛЕФЪ.

Заслуживаю ли такіе я упреки,
Когда не преступалъ я клятвъ своихъ во вѣки?

АГРІОПА.

Другая можетъ быть счастливѣй будетъ въ семъ,
Котору хочешь ты вѣнчать моимъ вѣнцемъ,
Которая тебѣ меня достойнѣй зрится.
Но какъ передо мной дерзнулъ ты притвориться?
За искренность мою, за мой сердечный жаръ,
Невѣрный! ты мнѣ крылъ ужасный сей ударъ.
Скажи, преступникъ, чѣмъ тебѣ я досадила,
Что злоба мысль въ тебѣ толь гнусную родила?
Ты могъ бы отъ меня взоръ прежде отвращать,
Но, ахъ! почто меня старался ты прельщать?

ТЕЛЕФЪ.

Увы!

АГРІОПА.

Вздыхаешь ты, злодѣй, уже напрасно.

ТЕЛЕФЪ.

Когда бъ во власти я имѣть могъ сердце страсно,
Я клятвъ бы, данныхъ мной, во вѣкъ не премѣнилъ.

АГРІОПА.

Я вижу ужъ теперь, что ты мнѣ измѣнилъ,
И ежели моей не чувствуешь любови,
Щади по крайности народовъ бѣдныхъ крови.
Не мни, дабы легко ты тронъ мой получилъ:
Я силы всѣ мои поставлю противъ силъ.
Коль нѣжное еще имѣешь воображенье,
Представь себѣ, представь кровавое сраженье,
Представь растерзанны людей своихъ тѣла,
И если жизнь тебѣ ихъ нѣсколько мила,
Пребудь еще о нихъ ты въ сожалѣньи маломъ,
Пронзи мнѣ бѣдну грудь мучительскимъ кинжаломъ,
И пощади ты кровь несчастливыхъ людей!

ТЕЛЕФЪ.

О боги! если бъ могъ я быть ея злодѣй!

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ И АЛЬБИНА

(выбѣгающая на театръ въ крайнемъ смятеніи).
О боги мстители! о праведные боги!
Зачѣмъ злодѣямъ симъ, за чѣмъ еще не строги?..
Царевна!... Небеса, подайте помощь намъ!

Царевна! часъ насталъ лютѣйшимъ всѣ бѣдамъ.
О лютая напасть! ужасное мученье!
Готовься въ нощь сію, царевна, въ заточенье.
Измѣнники твои—Телефъ и съ нимъ Азоръ.
Взведи, царевна ты, взведи на знакъ сей взоръ.

(Указывая на знаки)

Злодѣйскій оный знакъ ихъ кажетъ преступленье,
Сей знакъ есть на твое, царевна, истребленье.

АЗОРЪ *(пораженный симъ словомъ).*

Бунтуетъ духъ во мнѣ!

ТЕЛЕФЪ *(тоже).*

Разгнѣванные боги!

АГРІОПА *(Телефу).*

Оставь, злодѣй, оставь скорѣй мои чертоги,
Когда ты истребилъ мнѣ данный съ клятвой жаръ.
За клятву небеса готовятъ свой ударъ;
Земля передъ тобой ужъ пропасть разверзаетъ
И адъ всѣхъ на тебя тирановъ вооружаетъ.
Польется предо мной твоя злодѣйска кровь,
Коль тако воздалъ ты за всю мою любовь.

(Азору)

А ты, о лютый ядъ, ужаснѣйшій мучитель!
На толь тебя почтилъ симъ саномъ мой родитель,
Чтобъ чувствовала я тобой бѣду сію?
О отче мой! питалъ не друга ты, змію!

АЗОРЪ.

Я помню милости, кто былъ мнѣ благодѣтель,
Сама мнѣ такъ гласитъ святая добродѣтель.
Я милость твоего отца теперь ношу,
А милостей твоихъ имѣть я не хощу.
Телефъ мнѣ государь, Телефъ наслѣдникъ трона,
Ему принадлежитъ по правамъ силъ корона,
А гнѣва твоего нимало не страшусь.

АГРІОПА.

Не мни злодѣй, что я престола днесь лишусь,
Не всѣ невѣрны мнѣ, не всѣ мнѣ измѣнили,
Не всѣ, какъ ты, злодѣй, сердца перемѣнили,
Пойду и соберу остатки я полковъ.
А если предана отъ всѣхъ моихъ рабовъ,
Природа за меня сама днесь ополчится;
Ударитъ ярый громъ, весь воздухъ возгорится,

И молнія отъ васъ меня освободитъ.
Мнѣ небо противъ васъ—и мечъ, и шлемъ, и щитъ.
(Уходитъ).

АЗОРЪ *(Телефу).*

Не медли, государь, не медли, вооружайся,
Ступай и съ лютою злодѣйкою сражайся.

ТЕЛЕФЪ *(въ крайнемъ смущеніи).*

О боги!

АЗОРЪ.

Государь, полки твои стоятъ,
Ступай и защищай себя и здѣшній градъ.
(Азоръ уводитъ Телефа противъ желанія его).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

АГРІОПА, ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ *и нѣсколько воиновъ.*

АГРІОПА.

Ужасный часъ насталъ ужъ дневное свѣтило
Спокойствіе мое съ собой въ пучину скрыло.
О вѣрные рабы! которыхъ случай злой
Соединилъ сердца геройскія со мной,
Коль вы за истину поборствовать возженны,
Вы ею будете высоко вознесенны;
А если злобный рокъ намъ гибель приключитъ
И въ славномъ подвигѣ со свѣтомъ разлучитъ,
Намъ слава житіе продлитъ межъ человѣки
И загремитъ о насъ хвалою въ поздны вѣки.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Ступай и отвращай скорѣй сію напасть;
Не можетъ нашихъ душъ ни что теперь потрясть;
Зависитъ отъ тебя, вели—и устремимся.
Хоть рокъ бы самъ возсталъ, и съ рокомъ мы сразимся!
Не медли, пользуйся ты жаромъ сихъ сердецъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ И АЛЬБИНА.

АЛЬБИНА.

Измѣнникъ воспріялъ, царевна, твой вѣнецъ,
Народъ ему теперь во вѣрности клянется.
Спѣши, доколѣ бракъ злодѣйскій не начнется,
Доколь соперница на тронъ твой не взойдетъ,
Спѣши и отвращай ужасну тучу бѣдъ.

АГРІОПА.

О боги!... о рабы! не медлите, ступайте
И въ крайности меня несчастную спасайте.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ *(воинамъ).*

Пойдемъ, иль все сіе злодѣйство отвратимъ,
Иль славно нашу жизнь на брани прекратимъ!

(Отходитъ съ поспѣшеніемъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

АГРІОПА И АЛЬБИНА.

АГРІОПА.

О рокъ! я вся теперь отъ страха каменѣю;
Пойдемъ и отомстимъ лютѣйшему злодѣю.
Я слышу страшный вопль!... насталъ ужасный часъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

АГРІОПА, АЛЬБИНА И ТЕЛЕФОВЫ ВОИНЫ *(которые на Агріопу хотятъ накладывать оковы).*

ОДИНЪ ВОИНЪ.

Мы должны данный намъ исполнити приказъ,
Останьтесь обѣ здѣсь въ чертогахъ неисходно.

АГРІОПА.

Злодѣямъ варварство всегда сіе природно!
Свирѣпые слуги тирана своего,
Берите, не страшусь я болѣ ничего.
Се правосудія и милостей начало!
О боги! иль и въ васъ ужъ истины не стало?

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ И ТЕЛЕФЪ.

ТЕЛЕФЪ *(Увидя что воины его хотять царевну ковать).*

Оставьте, дерзкіе, не прикасайтесь ей!

АГРІОПА.

О варваръ! о тиранъ! о лютый мой злодѣй!
Отнявши мой престолъ, боговъ не устрашайся,
Не діадимою, злодѣйствомъ украшайся,
Рази! вотъ грудь моя, когда въ сіе ты вникъ;
Губи, мучитель! ты къ злодѣйствію привыкъ!

ТЕЛЕФЪ.

О боги! вся моя днесь крѣпость безполезна!

АГРІОПА.

Да воспылаетъ адъ и преужасна бездна
Извергнетъ на тебя лютѣйшія бѣды;
Да кровь твоя твои покроетъ всѣ слѣды,
И самъ отъ своего злодѣйства да застонешь,
И жалобой боговъ и смертныхъ да не тронешь,
Да возгнушается вселенная тебя,
И наконецъ чтобъ самъ гнушался ты себя!
Чтобъ самъ себя, злодѣй, ты бѣгалъ и страшился...

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ АГРІОПИНЪ
(выходитъ на театръ съ немалымъ числомъ воиновъ, изъ которыхъ многіе съ зазженными свѣчами а всѣ съ обнаженными мечьми).

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ *(устремляется на Телефа).*

Уже конецъ твоей здѣсь власти совершился!

ТЕЛЕФЪ *(ему и воинамъ обнажа свой мечъ).*

Постойте!

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ *(воинамъ, которые и приближаются).*

Воины!

ТЕЛЕФЪ.

Кто первый лишь начнетъ,
Тотъ первый подъ моимъ ударомъ здѣсь падетъ.

АГРІОПА *(воинамъ же, которые и останавливаются).*

Остановитеся!

ТЕЛЕФЪ *(Агріопѣ).*

Не ихъ я ужасаюсь,
Тебя одну я чту, тебѣ и покоряюсь,

Едина ты могла къ сему меня привлечь,
Единой я тебѣ даю мой острый мечъ.
(Бросаетъ мечъ свой.)
Прими его и зри, каковъ я предъ тобою,
Теперь распоряжай несчастнаго судьбою,
И если хочешь ты меня спокойна зрѣть,
Вели, жестокая, сейчасъ мнѣ умереть,
Вели меня разить, забудь, что сей рукою
Отецъ твой былъ спасенъ среди кровава бою.

АГРІОПА.

Благодѣяніе ты злостью истребилъ,
Ты спасъ родителя, меня ты погубилъ.
Блаженству общества ты, варваръ злой, не внемля,
И тронъ ты у меня и сердце днесь отъемля,
Еще не чувствуешь ты дерзости своей...
О боги вѣчные! о лютый мой злодѣй!
Почувствуй скорбь мою, тронись моей тоскою,
Иль ты не тронешься ужъ просьбой никакою?
Примѣтишь ли, злодѣй, что̀ я тобой терплю
И, огорченна бывъ, еще тебя люблю?
Ахъ, если бъ я могла не чувствовать любови,
О варваръ! потекли бъ ручьи твоей здѣсь крови!

ТЕЛЕФЪ.

Когда меня лишишь возлюбленной моей,
Тогда несчастную и кровь мою пролей.

АГРІОПА.

Ты, варваръ, мнѣ сего сказать не устыдился!
Не отъ людей на свѣтъ, отъ тигровъ ты родился.
О небо, вырви страсть изъ сердца моего!

ТЕЛЕФЪ.

Карай меня, карай, не чувствуй ничего.

АГРІОПА.

Я инако моимъ злодѣямъ не отмщаю:
Поди, измѣнникъ, я тебя теперь прощаю!
Возьми, тиранъ, владѣй, кѣмъ взоръ твой сталъ прельщенъ!

ТЕЛЕФЪ.

Царевна!...небеса! куда я восхищенъ!
Царевна! ты мнѣ жизнь симъ словомъ возвращаешь.
Великодушіемъ ты смертныхъ превышаешь.
Я врагъ твой, я злодѣй, предатель и тиранъ,
Я строилъ ковъ тебѣ, я крылъ тебѣ обманъ,

Но ты не мщеніемъ противника караешь,
Великодушствуя ты гнѣвъ свой умѣряешь,
Въ которомъ бы меня могла ты наказать;
О небо! дай тебѣ во вѣки побѣждать.

АГРІОПА.

Поди изъ глазъ моихъ, рѣчей твоихъ не внемлю;
Оставь скорѣй мой градъ, оставь мою ты землю.

ЯВЛЕНІЯ ПОСЛѢДНЕЕ.

АГРІОПА, ТЕЛЕФЪ, АЛЬБИНА, АРИСТОНЪ, ВОИНЫ И ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Скрѣпися, государь!

ТЕЛЕФЪ.

Какая туча бѣдъ!

ВѢСТНИКЪ.

Ахъ, Полидора!...

ТЕЛЕФЪ.

Что?

ВѢСТНИКЪ.

Ее ужъ больше нѣтъ.

ТЕЛЕФЪ.

О боги!

ВѢСТНИКЪ.

Государь!

ТЕЛЕФЪ.

Разгнѣванные боги!

(Падаетъ въ руки воиновъ.)

АГРІОПА.

Что сдѣлалось, вѣщай?

ВѢСТНИКЪ.

Оставя сіи чертоги,
Азоръ велъ дочь свою во храмъ ко алтарю,
Гдѣ должно было ей супругой быть царю;
Но воины твои внезапно набѣжали,
Противящихся имъ всѣхъ смертно поражали.
И въ семъ смятеніи пущѐнная стрѣла
Возлюбленной его, ахъ! рокомъ тутъ была:
Пронзила нѣжну грудь, она безъ чувствъ упала,
Багряна кровь ручьемъ изъ раны побѣжала.
Несчастливый отецъ дать помощь ей хотѣлъ,

Но тщетно было все, языкъ ея нѣмѣлъ.
Онъ, зря, что рокъ его надежду всю отъемлетъ,
На небо въ ярости свирѣпый взоръ подъемлетъ,
И рекъ: «когда уже надежда вся прешла,
«Дабы страна сія подвластна мнѣ была.
«Я низости въ себѣ такія не имѣю,
«Дабы кто властвовать надъ жизнью могъ моею.»
Онъ многія хулы еще произносилъ
И во отчаяньи кинжаломъ грудь пронзилъ.
Мы всѣ нечаяннымъ ударомъ возмутились,
А къ ней послѣдн̂ія симъ чувства возвратились;
Казалось, будто сей губительный кинжалъ,
Отнявъ отцову жизнь, дочерню удержалъ.
Она, узря его бездушна предъ собою,
Поражена была и паче сей судьбою;
Полмертвыя уста чрезъ силу отворивъ,
Спросила у меня: «еще ли князь мой живъ?
«Жива ли, говоритъ, несчастная царевна?»
Сказалъ, что живы вы...

ТЕЛЕФЪ.

О часть моя плачевна!

ВѢСТНИКЪ.

Потомъ рекла: «поди и князю ты внуши,
«Чтобъ онъ, узрѣвъ меня лишенную души,
«Не рвался бъ, что я жизнь кончаю въ лучшемъ цвѣтѣ,
«Что зрѣть меня уже не будетъ онъ на свѣтѣ,
«Что долгъ я общій всѣмъ природѣ отдаю.
«Царевнѣ, чтобъ вину оставила мою,
«Что княжески глаза къ себѣ я обратила
«И тѣмъ ея и всѣхъ спокойство возмутила;
«Я смертію моей вину мою плачу,
«А блага ей всегда хотѣла и хочу.»
Послѣднее сіе лишь слово излетѣло,
Оставилъ духъ ея томящееся тѣло.

ТЕЛЕФЪ.

О рокъ, свирѣпый рокъ! чего меня лишилъ?
Ты все свое на мнѣ свирѣпство совершилъ!
Какою пораженъ я гнѣвною судьбою!
Увы, прекрасная, разстался я съ тобою!
О время, лютый день, мучительны часы!
Гдѣ дѣлися твои, любезная, красы?...

Я слышу голосъ твой, и ты мнѣ укоряешь:
Меня на свѣтѣ нѣтъ, а ты не умираешь.
Спѣши желанна смерть къ несчастному, спѣши,
И жаръ послѣдній мой собою потуши!
Мое мученіе ужъ больше нестерпимо.
Послѣдую тебѣ, умру необходимо!...
И се свирѣпый адъ разверзся предо мной.
Увы, прекрасная! я вижу образъ твой...
Постой, любезный зракъ, кого ты оставляешь,
Куда себя, куда изъ глазъ моихъ скрываешь?
Побудь, прекрасная, побудь еще на часъ,
Не вѣчно разлучилъ съ тобой рокъ злобный насъ...
Иду къ тебѣ, иду!...

АРИСТОНЪ.

Боговъ для сильной власти!

ТЕЛЕФЪ.

Я ими вверженъ сталъ въ толь лютыя напасти,
Я ими разлученъ съ возлюбленной моей...
Довольно ль, боги, мщенъ поступокъ вами сей
И если вы еще насытиться хотите,
Вотъ грудь злодѣйская, не медлите, разите!...

АГРІОПА.

Содѣлай ты своимъ мученіямъ конецъ!...

ТЕЛЕФЪ.

(Отдавая вѣнецъ.)

Возьми неправильно отъятый мной вѣнецъ;
Да будетъ царствіе твое благополучно,
Останься и пребудь со счастьемъ неразлучно...
О рокъ! я все тобой на свѣтѣ погубилъ.

АГРІОПА.

Коль ты уже ко мнѣ весь жаръ свой истребилъ
И ежели моей не чувствуешь напасти,
Ступай въ свою страну и смѣйся тамъ сей страсти,
И въ торжествѣ, когда входить въ свой будешь градъ,
Вмѣсти среди побѣдъ, что ты плѣнилъ мой взглядъ
И что ты за любовь мою столь воздалъ злобно.
О небо! есть ли зло гдѣ злу сему подобно?...
Но знать не трогаютъ слова мои твой слухъ,
Такъ зри, тиранъ, какъ мой изъ тѣла выдетъ духъ!

(Хочетъ заколоться, но ее удерживаютъ Телефъ и Альбина, такъ что Альбина за руку, а Телефъ за кинжалъ.)

ТЕЛЕФЪ.

Постой и порази мое имъ сердце прежде
И сотвори конецъ ты всей своей надеждѣ.

(Военачальникъ и воины упавъ на колѣни.)

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Царевна, для боговъ, для насъ себя щади!

АГРЮПА.

Оставь меня, тиранъ, оставь меня, поди!
А вы, мои рабы, возлюбленныя чада,
Вы будете теперь едина мнѣ отрада;
Я вами всѣ мои напасти прекращу
И весь мой вѣкъ для васъ на пользу посвящу.

(При семъ стихѣ Агріопа выпускаетъ кинжалъ и онъ остается у Телефа.)

ТЕЛЕФЪ.

Живи во счастіи, единъ я только бѣденъ,
Единъ я и себѣ и всѣмъ здѣсь въ градѣ вреденъ...

АРИСТОНЪ.

Воспомни, государь, ты славныя дѣла...

ТЕЛЕФЪ.

Судьба, ты всю мою надежду отняла!...
Мѣста, гдѣ я плѣненъ возлюбленнымъ мнѣ взглядомъ,
Вы были раемъ мнѣ, а днесь вы стали адомъ!

(При послѣднемъ полустихѣ заколается.)

АГРІОПА.

Ахъ, князь мой!

АРИСТОНЪ.

Государь!

АГРІОПА.

Возможно ли снести?

(Упадаетъ въ обморокъ.)

АЛЬБИНА.

О боги!

АРИСТОНЪ.

Государь, что сдѣлалъ ты?...

ТЕЛЕФЪ.

Прости...

(Умираетъ.)

ѲЕМИСТЪ И ІЕРОНИМА.

ТРАГЕДІЯ.

—

(Взята на придворный театръ 1773 г. для представленія и была ко оному готова; но за приключившеюся болѣзнію, а потомъ и смертію госпожи Троепольской, не представлена.)

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Магометъ Вторый, султанъ турецкій.
Іеронима, плѣнная княжна греческая, дочь Димитрія Палеолога.
Ѳемистъ, князь греческій, сынъ Ѳеодора Комнина, подъ именемъ Солимана, служащій визиремъ.
Клитъ, другъ Ѳемистовъ, подъ именемъ Мурата, начальникъ садовъ серальскихъ.
Османъ, наперсникъ Магометовъ.
Стража и начальникъ оныя.

Дѣйствіе въ Константинополѣ, въ султанскомъ сералѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ѲЕМИСТЪ И КЛИТЪ.

КЛИТЪ.

Во счастіи, въ какомъ ты нынѣ обитаешь,
Еще ль спокойствія въ себѣ не обрѣтаешь?
Благополучнаго, среди богатствъ, утѣхъ
И почитаема султаномъ выше всѣхъ,
Повѣренностію великаго толь сана,
Въ смущеньи предъ собой я вижу Солимана,
И если бы тебя поднесь я не видалъ,
Счастливымъ бы всегда на свѣтѣ почиталъ.

ѲЕМИСТЪ.

Когда ты таинство души моей познаешь,
Ты, можетъ быть, и самъ со мною возстенаешь.
Или уже и ты симъ саномъ ослѣпленъ,
Къ султану навсегда сталъ мысльми прилѣпленъ?...

КЛИТЪ.

Я таинства твоихъ рѣчей не постигаю.

ѲЕМИСТЪ.

А я въ тебѣ мою надежду полагаю;
Она тебѣ, она открыться мнѣ велитъ.
Скажи мнѣ искренно, возлюбленный мой Клитъ,
Участникъ будучи монарховъ прежнихъ славы,
Еще ли ты хранишь священны грековъ правы,
Еще ль живутъ въ твоей днесь мысли Константинъ,
Ѳеодоръ и Ѳемистъ, его несчастный сынъ?

КЛИТЪ.

Любовь къ героямъ симъ по гробъ мой въ сердцѣ скрыта
И во одеждѣ сей ты зришь того же Клита.
Рабамъ и память ихъ владыкъ всегда мила:
Хоть участь мнѣ судьба иную днесь дала,
Оплакиваю ихъ геройскую кончину.

ѲЕМИСТЪ.

Такъ другъ ты и поднесь Ѳеодорову сыну?

КЛИТЪ.

Возможно ли, чтобъ я его когда забылъ?
Сей князь еще меня съ младенчества любилъ,
И, ахъ! уже пять лѣтъ, какъ я его лишился.
Но что я зрю? ты весь отъ словъ моихъ смутился.

ѲЕМИСТЪ.

Или меня еще познать не можетъ Клитъ?
Се князь твой, се Ѳемистъ, се другъ твой предстоитъ.

КЛИТЪ (*съ восторгомъ*).

Что вижу?... государь! о кровь героевъ славныхъ!
Остатокъ Комниныхъ!

ѲЕМИСТЪ.

Съ тобой я въ бѣдствахъ равныхъ,
Ты видишь, Клитъ, меня въ противничьихъ полкахъ.

КЛИТЪ.

Скажи, о государь! скажи, умножь мой страхъ,
Ты, коего я самъ былъ храбрости свидѣтель,
Неужели, забывъ свой санъ и добродѣтель,
Пришелъ подпорой быть злодѣя своего,
Лишившаго тебя наслѣдія сего?

ѲЕМИСТЪ.

Внимай, услышишь ты, чего я днесь желаю:
Я мщеньемъ за мое отечество пылаю,

И во одеждѣ сей погибелью грожу
Тирану, коему въ семъ видѣ я служу.

КЛИТЪ.

Твой видъ совсѣмъ сія одежда премѣнила.

ѲЕМИСТЪ.

Она отъ всѣхъ мою породу здѣсь таила:
Служащаго меня въ полкахъ своихъ пять лѣтъ,
За турка и по-днесь пріемлетъ Магометъ.

КЛИТЪ.

Но какъ ты, государь, отъ смерти былъ избавленъ?

ѲЕМИСТЪ.

Мой вѣкъ еще на то судьбою мнѣ оставленъ,
Чтобъ мною Греція отъ лютыхъ бѣдъ спаслась.

КЛИТЪ.

Здѣсь вѣсть ужасная повсюду разнеслась,
Что всѣ наслѣдники престола умерщвленны,
И мы крушилися, бывъ помощи лишенны;
Надежду крыла всю отчаянія тѣнь.

ѲЕМИСТЪ.

Ты помнишь твердо, Клитъ, ужасный оный день,
Въ который молнія надъ градомъ симъ блистала
И смерть къ намъ страшная съ ударами летала,
И наконецъ когда былъ градъ сей утѣсненъ,
Разбита громами противныхъ твердость стѣнъ?
Великій Константинъ, отечества лишаясь,
Скончался, во вратахъ прехрабро защищаясь;
Родитель мой тогда, своихъ лишенный силъ,
Отъ ранъ въ глазахъ моихъ, сражаясь, смерть вкусилъ;
Я самъ израненъ былъ и, чувствъ моихъ лишенный,
Упалъ безъ памяти на трупы пораженны;
Но рокъ мою еще тутъ смерть остановилъ
И живость на лицѣ несчастнаго явилъ.
Тогда усердіемъ я вѣрнаго мнѣ друга
Сокрытъ и не сошелъ во гробъ съ земнаго круга.
Ты знаешь, Клитъ, что намъ всегда союзникъ Римъ;
Онъ былъ въ несчастіи убѣжищемъ моимъ,
И тайной помощью усердна Зустунея
Вооруженъ я днесь на лютаго злодѣя.
Сей храбрый князь сіе мнѣ средство предложилъ,
Чтобъ я межъ воинства султанскаго служилъ
И времени искалъ ко мщенію удобна.

О небо! есть ли жизнь гдѣ, жизни сей подобна?
Служу теперь въ полкахъ злодѣя моего,
И долженъ былъ всегда сражаться за него.
Противу Персовъ зрѣлъ меня онъ предъ собою,
Сражавшагось среди сомнительнаго бою;
Я крѣпкіе полки противныхъ разорвалъ,
И я ему сію побѣду даровалъ.
Сей гордый государь въ сраженіи жестокомъ
На подвигъ мой и самъ взиралъ завистнымъ окомъ;
Однакожъ, истину монаршую храня,
По брани сей возвелъ въ степень сію меня
И дружбою потомъ своею удостоилъ.
Но можно ли чтобъ я симъ мысли успокоилъ?
Лишь только я его свирѣпство вспомяну,
Кляну мою судьбу и власть его кляну!
Имъ всѣ несчастія здѣсь наши совершились,
Мы братіи, друзей и сродниковъ лишились,
Которые его рукою сражены;
А я несчастливый лишенъ моей княжны!
Какихъ мнѣ ожидать еще напастей болѣ?
Ея на свѣтѣ нѣтъ, мучитель на престолѣ.

КЛИТЪ.

Такъ хочешь ты надъ нимъ ударъ свой совершить?

ѲЕМИСТЪ.

Мнѣ мало, что могу я дней его лишить;
Другое мщеніе я нынѣ предпріемлю,
Которымъ спасть хочу сію отъ ига землю,
Рабовъ изъ узъ извлечь, престолъ возстановить
И славу праотцевъ моихъ возобновить.

КЛИТЪ.

Но храбрость, государь, совсѣмъ твоя безплодна;
Знать, вольность небесамъ ужъ наша не угодна;
Хотя къ великому ты дѣлу днесь возженъ,
Но силами тиранъ отвсюду окруженъ.

ѲЕМИСТЪ.

Я сими робкими душами обладаю;
Итакъ, опасности отъ нихъ не ожидаю.
Мой санъ почтенье въ нихъ и страхъ возмогъ вселить;
А славу съ вами я хочу сію дѣлить:
Пускай возстанутъ всѣ въ плѣну живущи Греки,
Падутъ, или со мной прославятся во вѣки;

Но ты увѣдоми меня о ихъ сердцахъ:
Стенаютъ ли они во варварскихъ цѣпяхъ,
Или въ терпѣніи то иго почитаютъ,
Подъ коимъ храбрыя сердца одни стенаютъ.

КЛИТЪ.

Тебѣ принадлежатъ всѣ права сихъ царей,
Они подпора суть и храбрости твоей,
И бѣдствіемъ своимъ стѣсненны храбры Греки,
Питающіе гнѣвъ къ симъ варварамъ во вѣки,
Вседневно ждутъ того счастливаго часа,
Когда благоволятъ имъ щедры небеса
Послати мстителя за бѣдства ихъ жестоки,
Прольются ихъ рукой невѣрныхъ кровны токи;
А нынѣ небо имъ послало, государь,
Тебя; не укосни и яростно ударь,
Отмсти ты плѣнъ людей и вѣру, здѣсь гониму,
Отмсти ты праотцевъ, себя, Іерониму!

ѲЕМИСТЪ.

Іерониму... ахъ! прекрасная княжна!
Уже тебѣ моя и помощь не нужна,
Не въ узы, но во гробъ ты вѣчно заключенна.
На то ли ты была со мною обрученна,
И съ тѣмъ ли мнѣ тебя вручалъ Палеологъ,
Чтобъ послѣ разлучить насъ варваръ сей возмогъ?
Минута сладкая, почто ты мнѣ польстила!
Жестокая судьба, ты умъ мой возмутила!

КЛИТЪ.

Здѣсь суетно тиранъ народъ нашъ обольщалъ
И суетно ему онъ милость истощалъ:
Нижѐ чины, нижѐ богатства расточенны
Смягчити не могли сердца ожесточенны.
Итакъ я, государь, вѣщаю не маня:
Сердца ихъ, полныя прехвальнаго огня,
Послѣдуютъ тебѣ и гнѣвомъ воспылаютъ.
Увѣрься, государь, что всѣ того желаютъ.
Единый страхъ теперь въ глазахъ ихъ предстоитъ
И, можетъ быть, сіе едино воспретитъ
Исполнить имъ свои намѣренья геройски:
Султанъ вблизи сихъ мѣстъ имѣетъ многи войски.

ѲЕМИСТЪ.

Дабы въ сердца сію множайшу храбрость влить,

Мог его отсель я съ войскомъ удалить.

КЛИТЪ.

Но кая отвлечи его возможетъ сила
Отъ мѣстъ сихъ, гдѣ любовь его остановила?
Гдѣ плѣнницей своей плѣненный Магометъ,
Скрываяся отъ всѣхъ, въ плѣну ея живетъ.
Тебѣ извѣстно то, что воинство волнуетъ
И на любовь сего тирана негодуетъ.

ѲЕМИСТЪ.

Не ради ли онъ сихъ ему опасныхъ дѣлъ
И мнѣ передъ себя предстати повелѣлъ?

КЛИТЪ.

По разглашеніи во градѣ сей тревоги,
Конечно, и тебя онъ звалъ въ сіи чертоги.

ѲЕМИСТЪ.

Я знаю глубину его строптивыхъ думъ:
Хотя и напоенъ его любовью умъ,
И сердце у сея невольницы подъ властью,
Но слава есть всегда его главнѣйшей страстью,
И если мысль его я ею оживлю,
Легко его въ мои я сѣти уловлю.
Сей засыпающій герой въ своей забавѣ
Проснется и пойдетъ во слѣдъ гремящей славѣ;
Увидимъ городъ сей отъ войскъ освобожденъ,
А я, пришедъ сюда и въ твердости сихъ стѣнъ,
О други! буду вамъ участникомъ въ напасти;
Умремъ иль свободимъ себя отъ гордой власти.
Ужъ храбрый Зустуней готовитъ корабли
Для помощи сея несчастныя земли,
Уже и Александръ (*) полки свои выводитъ.

КЛИТЪ.

Умолкни, государь, султанъ сюда приходитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

МАГОМЕТЪ, ѲЕМИСТЪ, КЛИТЪ И ОСМАНЪ.

МАГОМЕТЪ.

Какіе, Солиманъ, здѣсь гласы вопіютъ?
Невольники ль противъ владыки возстаютъ,

*) Скандеръ-бекъ.

Иль войски, отъ моихъ днесь взоровъ отдаленны,
Дерзаютъ бунтовать противъ царя вселенны?
О вѣрности твоей не сомнѣваюсь я,
Чтобъ брала подкрѣплять ихъ злость рука твоя.
Я знаю, что ты мнѣ усердіе являешь,
Желанія мои за свято поставляешь;
Ты знаешь все сіе, ты знаешь наконецъ,
Вошли ль начальники въ движенія сердецъ,
Бунтующихъ къ своей ужаснѣйшей напасти?

ѲЕМИСТЪ.

Я, повинуяся твоей монаршей власти,
Дерзаю искренно тебѣ теперь донесть,
Не мни, чтобъ мой языкъ вѣщати началъ лесть:
Все войско, государь, твое не воруженно,
Всегда въ спокойствіи и нѣгѣ погруженно,
Жалѣетъ, можетъ быть, о томъ и вопіетъ,
Что ихъ геройскихъ дѣлъ уже не видитъ свѣтъ.

МАГОМЕТЪ.

Не та ихъ, Солиманъ, причина неустройства;
Они рушители монаршаго спокойства;
Невольница моя ихъ дерзости виной.
Отвѣтствуй мнѣ теперь и дай совѣтъ мнѣ свой.

ѲЕМИСТЪ.

Когда ты, государь, вѣщать повелѣваешь,
Ты симъ молчаніе мое перерываешь;
Но прежде нежели я рѣчь мою начну,
Я войскъ твоихъ тебѣ заслуги вспомяну.
Воспомни, какъ сіи къ тебѣ усердны войски
Старались исполнять намѣренья геройски;
Усердіемъ къ тебѣ и славою горя,
Одолѣвали зной и степи и моря;
Не зрѣлъ ты слабости и тамъ сего народа,
Гдѣ трудности пренесть едва могла природа.
Ничто въ нихъ не могло роптанья возбудить,
Всѣ трудности могла ихъ ревность побѣдить;
Съ весельемъ къ бранямъ шли и рокъ свой презирали,
Когда они въ твоихъ очахъ лишь умирали;
И нынѣ воины числомъ имъ данныхъ ранъ
Счисляютъ, сколько разъ гдѣ врагъ твой былъ попранъ.
И если воинство съ роптаніемъ взываетъ,
Любовь его къ тебѣ толь виннымъ содѣваетъ:

Обыкшимъ подъ твоей сражатися рукой,
Несносны имъ твоя любовь и ихъ покой.

МАГОМЕТЪ.

Съ роптаньемъ жалобы сердечны произносятъ,
Невольники мои любовь мою поносятъ!
Рабамъ ли проникать во таинства владыкъ?
Велики мной они, не ими я великъ.
Или строптивые рабы мои забыли,
Что подвиги мои покой сей утвердили?
Владычество мое взнесенно мной самимъ
И утвержденное оружіемъ моимъ;
Плѣненна Грецiя и Персiя сраженна,
Трепещуща меня пространная вселенна
Свидѣтели моихъ во свѣтѣ славныхъ дѣлъ.
И послѣ бъ я сего совѣтовъ ихъ хотѣлъ...
Да наслаждаюся дней мирныхъ тишиною!

ѲЕМИСТЪ.

Желанія твои священны предо мною,
А ты, о государь, желаешь, чтобъ сей часъ
Всю истину тебѣ изнесъ мой робкій гласъ;
Языкъ мой воинства рѣчьми вѣщати станетъ:
Оно вѣщаетъ все, что лавръ твой нынѣ вянетъ,
Подъ тѣнью роскоши ты скрылъ ихъ всѣ труды
И заглаждаешь ихъ геройскихъ дѣлъ слѣды.
Но славы, государь, обширныя границы;
Простри ты въ нихъ свои монаршія зеницы:
Увидишь предъ собой пространный сей предѣлъ,
Гдѣ множество еще явишь великихъ дѣлъ.
Чѣмъ болѣе герой о славѣ разсуждаетъ,
Тѣмъ далѣе его она препровождаетъ;
Воззри ты, государь, на весь пространный свѣтъ,
Отверстый для твоихъ единственно побѣдъ;
Отстань отъ прелести невольницы несчастной
И буди Магометъ, ты паки днесь безстрастной.
Судьба тебѣ велитъ не въ страсти утопать,
Она тебѣ велитъ на троны наступать,
Монарховъ низлагать и быти ихъ судьею;
Ты долженъ вознестись надъ страстію своею.
Остави царствовать любви въ другихъ сердцахъ

И буди, государь, ты трепетъ всѣмъ и страхъ.
Се точныя твоей души великой правы.

МАГОМЕТЪ.

Я слышу, Солиманъ, и самъ гласъ громкій славы,
И если гласъ ея меня теперь зоветъ,
Я паки покажусь во свѣтѣ Магометъ;
Всѣ чувствія мои пойдутъ во слѣдъ за нею,
Но сходствовало бъ то лишь съ волею моею.
Сыщи, кто смѣлъ мнѣ сей законъ преднаписать,
Преступника сейчасъ мнѣ должно наказать.

ЯВЛЕНІЕ III.

МАГОМЕТЪ И ОСМАНЪ.

МАГОМЕТЪ.

Что онъ мнѣ ни вѣщалъ, мнѣ сердце тожъ вѣщаетъ
И слава у меня мысль нѣжну похищаетъ;
Я чувствую сіе движеніе въ крови,
Что я рожденъ на свѣтъ къ побѣдамъ, не къ любви.

ОСМАНЪ.

Великій государь, коль смѣю я представить,
Забудь красавицу, потщись ее оставить,
Вообрази себѣ несклонности ея.

МАГОМЕТЪ.

Поносной сей любви, Османъ, стыжусь и я,
Но нѣкая во мнѣ противна мыслямъ сила
Противъ желанія меня ей покорила;
Хочу несклонную оставить и забыть,
Но можно ли, Османъ, мнѣ столько тверду быть?
Вотще въ себѣ сераль красавицъ заключаетъ,
Мой взоръ пріятности въ ихъ взорахъ не встрѣчаетъ,
Безстрастно я на всѣ ихъ прелести гляжу,
Утѣхи болѣе ни въ чемъ не нахожу.
Іеронима, ты мой взоръ одна плѣнила,
Одна твоя краса мнѣ сердце воспламенила!
Тобою я одной, жестокая, горю...

(Отходитъ.)

Оставь меня! Османъ...Но се княжну я зрю.
Колико нѣжности въ очахъ ея блистаетъ,
Толико гордая душа въ ней обитаетъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАГОМЕТЪ И ІЕРОНИМА.

ІЕРОНИМА.

Великій государь, вопль слухъ мой поразилъ,
Роптанія твоихъ волнующихся силъ
Достигли наконецъ и къ намъ въ сіи чертоги,
И я причиною сей страшныя тревоги!
Все войско, полное военнаго огня,
Въ смятеніи своемъ возстало на меня,
Гласятъ, что я одна твои плѣнила взоры.
Дозволь мнѣ, государь, прервать сіи раздоры,
Дозволь мнѣ удалясь ихъ дерзость усмирить.

МАГОМЕТЪ.

Я долженъ бы, княжна, тебя благодарить,
Когда бъ тебя къ сему усердность возбуждала.
Но, ахъ! къ чему меня ты взоромъ побѣждала?
Къ тому ли, чтобъ мое лишь сердце вспламенить,
И послѣ—радости мнѣ въ бѣдство премѣнить?
Такою ль платишь мнѣ за искренность любовью?
Скорѣе я лицо земли покрою кровью,
Скорѣе паки свѣтъ войною возмущу,
Чѣмъ скрытися тебѣ отъ глазъ моихъ пущу.
Не разлучай меня, прекрасная, съ собою,
Не поражай меня толь лютою судьбою;
Когда мной побѣжденъ здѣсь былъ Палеологъ,
Побѣды оныя единый сей залогъ,
Едина по трудахъ награда мнѣ досталась,
Что дочь его теперь въ рукахъ моихъ осталась.
Иль мнѣ на то тебѣ свободу возвратить,
Чтобъ послѣ ты могла мнѣ плѣнъ свой отомстить?

ІЕРОНИМА.

Напрасно ты меня страшишься зрѣть свободну;
Ты видишь, государь, совсѣмъ меня безродну,
Лишенну вольности, лишенную вѣнца,
Лишенну матери, и брата, и отца,
Носящую пять лѣтъ невольничьи желѣзы.
Отри, о государь! отри мои ты слезы!
Позволь и согласись на мой теперь отъѣздъ,
Ахъ! дай мнѣ избѣжать изъ сихъ противныхъ мѣстъ.
Свидѣтели моей вседневныя печали,

Чертоги праотцевъ, вы мнѣ противны стали!
Вы мнѣ приводите на память завсегда,
Какая всѣхъ насъ здѣсь постигнула бѣда.
Мѣста сіи поднесь являютъ знаки слезны,
Димитрій здѣсь сраженъ, здѣсь Комнинъ мой любезный!

МАГОМЕТЪ.

О Комнинѣ ли ты должна теперь вѣщать?

ІЕРОНИМА.

Могу ли я тебя симъ именемъ смущать,
Когда уже онъ мертвъ?

МАГОМЕТЪ.

То все меня смущаетъ,
Когда что мысль твою опричь меня прельщаетъ;
И ежели еще онъ въ памяти твоей,
Такъ онъ и мертвый мнѣ останется злодѣй.

ІЕРОНИМА.

Когда уже тебѣ и мертвый онъ досаденъ,
Пролей ты кровь мою, коль крови нашей жаденъ,
Вонзи въ стѣсненну грудь, вонзи твой острый мечъ,
Ты можешь только имъ лишь плачъ мой пересѣчь!
(Плачетъ).

МАГОМЕТЪ.

Ты слезы льешь, княжна, мою смущая долю,
Умѣла ты отмстить на мнѣ свою неволю.
Се побѣдитель твой безгласенъ предъ тобой,
Смягчись, жестокая, смягчись моей судьбой!
Любовь твоя, княжна, мнѣ узы налагаетъ,
Тобою свѣтъ моихъ ударовъ избѣгаетъ;
Отмщая за себя, отмщаешь ты за свѣтъ;
Остановила ты число моихъ побѣдъ.
Но кто же за меня отмститъ тебѣ, не знаю,
О небо! если самъ я мстить не начинаю!

ІЕРОНИМА.

Уже ты, государь, довольно мнѣ отмстилъ,
Когда ты дни моей свободы прекратилъ
И премѣнилъ мои мнѣ радости въ мученья.

МАГОМЕТЪ.

Не я толикаго виновникъ огорченья,
Престань меня ты симъ напрасно упрекать,
Престань о Комнинѣ ты только воздыхать,
Мученіе прейдетъ и радость вновь настанетъ.

ІЕРОНИМА.

Увы, мой вѣкъ въ бѣдахъ и въ горести увянетъ!
Немилосердый! я уже то ясно зрю,
Что тщетныя тебѣ я жалобы творю.
Ни чье прошенье знать во слухъ къ тебѣ не входитъ
И жалость у тебя покрова не находитъ:
Ты страждущихъ привыкъ стенанья не внимать,
Тѣснить земныхъ владыкъ и троны отнимать,
И какъ ты смѣлъ, тиранъ, моей любовью льститься?
Не будешь мной любимъ, доколѣ вѣкъ мой длится.
Ужасенъ голосъ твой, ужасенъ мнѣ твой видъ,
Ты кровію моихъ родителей покрытъ!
Или меня ты мнишь найти толико низку,
Чтобъ жертвовала я тирану византійску?
Во тщетномъ пламени отнюдь ко мнѣ не тай
И честь мою и въ сихъ ты узахъ почитай!

(Отходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

МАГОМЕТЪ.

Жестокая бѣжитъ, рѣчей моихъ не внемлетъ
И вѣчно отъ меня сокрыться предпріемлетъ.
Не мни, суровая, къ сему меня склонить;
Когда могла мою ты кровь воспламенить
И изъ веселія содѣлати мнѣ скуку,
Должна и ты мою почувствовати муку,
Должна ты пламенемъ подобнымъ мнѣ горѣть,
Иль гнѣвъ мой чувствовать, томиться, и умреть!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАГОМЕТЪ И ОСМАНЪ.

МАГОМЕТЪ.

Что медленность его, Османъ, мнѣ предвѣщаетъ?

ОСМАНЪ.

Конечно, государь, онъ войски укрощаетъ,
Сомнѣнья не имѣй о вѣрности его,
Онъ все употребитъ для блага твоего;
Но воинъ, яростью внезапно восхищенный,

Презрѣвъ монаршу власть и права тѣ священны,
Которыя хранить законъ ему велитъ,
Не скоро воинъ сей свирѣпство утолитъ.
И если, государь, вѣщать теперь я смѣю?

МАГОМЕТЪ.

Вѣщай.

ОСМАНЪ.

Почти сіе ты ревностью моею.
Хоть свѣтъ могущество султановъ прежнихъ зрѣлъ,
Но ни единъ изъ нихъ сихъ правъ не пріобрѣлъ,
Какія получилъ ты храбростью своею.
Подсолнечна полна вся славою твоею,
Она вездѣ во слѣдъ стопамъ твоимъ летитъ
И свѣтъ оружіе твое со страхомъ чтитъ.
Намъ вѣра сей законъ хотя и предписуетъ,
Да руку ту мы чтимъ, котора наказуетъ;
Но если воинъ могъ попрати сей законъ,
Тогда уже и все попрати можетъ онъ;
Не крѣпки для него святыя узы вѣры.
Воспомни, государь, плачевные примѣры:
Подвигшій на себя янычаръ Баязетъ
Имъ братію свою на жертву предаетъ;
Оставленный Селимъ въ оковахъ жизнь влачити,
Не могъ въ нихъ ярости ужасной умягчити
И тѣмъ, что жертвовалъ любовницей своей;
Увѣнчанный отъ рукъ ихъ храбрый Амулей
Со властью принужденъ и жизнь свою оставить.
Примѣровъ множество возможно сихъ представить,
Ихъ наглость можетъ все сіе располагать,
На троны возводить и съ троновъ низвергать,
Кто былъ вчера монархъ на ихъ высокомъ тронѣ,
Сегодня въ узахъ тотъ и жизнь влачитъ во стонѣ.
Родитель твой хотя всю жизнь въ вѣнцѣ блисталъ,
Однакоже и онъ ихъ гордость испыталъ.
У страшнаго сего и гордаго народа
Достоинство на тронъ восходитъ, не порода;
Они, достоинство единое любя,
Взвели на сей престолъ монархомъ и тебя.
Храни, о государь! ты мысли въ нихъ рожденны,
Да не жестокостьми твоими возбужденны,

Возстанутъ, зря тебя утопшаго въ любви;
Возстань и наглое роптанье ихъ прерви.

МАГОМЕТЪ.

Не страшны мнѣ, Османъ, ихъ нравы толь суровы,
Мой образъ подкрѣпитъ ослабши тѣ оковы,
Которыя они прервати мыслятъ днесь;
Умолкнетъ предо мной народъ строптивый весь,
Когда меня въ моемъ величествѣ увидитъ;
Послушенъ будетъ мнѣ, мятежъ возненавидитъ;
Колико я могу, я то тебѣ явлю
И паки между ихъ покой возстановлю.

ЯВЛЕНІЕ II.

МАГОМЕТЪ, ОСМАНЪ И ѲЕМИСТЪ.

ѲЕМИСТЪ.

Явися, государь, смущенному народу,
Явися и прерви ужасну непогоду,
Грозящая толпа янычаръ вопіетъ:
Да взыдетъ на престолъ младый нашъ Баязетъ.
Сей юноша, тобой рожденный отъ Расимы,
Ихъ наглостью теперь на тронъ твой возносимый,
Возможетъ приключить ужасны намъ бѣды,
Лишимся мы тебя, а ты твоей чреды;
Уже не внемлются начальниковъ приказы
И слышатся межъ ихъ одни твои отказы.
Гласятъ: коль плѣнницу не выдастъ Магометъ,
Такъ болѣе ему надъ нами власти нѣтъ;
Нигдѣ отъ насъ ее онъ больше не сокроетъ,
Нашъ гнѣвъ въ крови ея престолъ его обмоетъ.

МАГОМЕТЪ.

Въ крови ея!

ѲЕМИСТЪ.

Мятежъ сей клятвой утвержденъ,
Я самъ, о государь! сокрыться принужденъ,
Едва спасеніемъ нашелъ сіи чертоги.

МАГОМЕТЪ.

Такъ плѣнница моя виною ихъ тревоги?

ѲЕМИСТЪ.

Сія едина есть ихъ наглости вина.
Поди скорѣй, твоя намъ помощь всѣмъ нужна;
Поди о государь! народъ не умолкаетъ.

МАГОМЕТЪ.

Онъ дерзостью меня ко гнѣву привлекаетъ,
Но чтобы усмирить волнующихся гласъ,
Поди и объяви симъ дерзкимъ мой указъ,
Скажи, что мнѣ мое ужъ пламя непріятно,
Что слава днесь меня восхититъ невозвратно,
Что я ихъ поведу къ ужаснѣйшимъ бѣдамъ,
И можетъ быть мою имъ плѣнницу предамъ,
Но собственной моей рукою пораженну.
Поди и успокой ихъ наглость разъяренну,
Ступай, бѣги, исполнь велѣнія мои!

ЯВЛЕНІЕ III.

МАГОМЕТЪ И ОСМАНЪ.

ОСМАНЪ.

Ты видишь, государь, опасности сіи:
Мятежи воинства всѣ мѣры превосходятъ
И дерзости своей предѣла не находятъ.
Коль подлинно ихъ гнѣвъ ты хочешь обуздать,
Такъ долженъ имъ свою любовницу предать.

МАГОМЕТЪ.

Ты думаешь, что я хочу ее оставить,
А я хочу ее отъ пагубы избавить;
Притворствомъ таковымъ я наглость ихъ смирю
И послѣ онаго не то я сотворю;
Я воинство еще мнѣ вѣрное имѣю;
Спѣши отсель скорѣй съ указомъ къ Амарбею;
Онъ вскорѣ можетъ къ намъ на помощь поспѣшить.
Тьмочисленны полки все могутъ утишить;
А мы, сей помощью усилившись, возстанемъ
И на преступниковъ внезапнымъ громомъ грянемъ!

ОСМАНЪ.

На то ли, государь, ты сталъ ее любить,
Чтобъ въ пламени своемъ народъ свой погубить?
Не съ тѣмъ ты, государь, возсѣлъ здѣсь на престолѣ.

МАГОМЕТЪ.

Однакожъ и не съ тѣмъ, чтобъ быть мнѣ здѣсь въ неволѣ.
Поди и плѣнницу представь ко мнѣ предъ взоръ;
Хочу еще ея внимати разговоръ,
И если прежніе услышу я отказы,
Покрою кровію всѣхъ прелестей заразы,

И войско и сію мнѣ вредную красу —
Все гнѣву моему на жертву принесу!

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАГОМЕТЪ.

Любовь, одна любовь испроситъ ей пощаду...
О мысль безплодная! ты множишь лишь досаду.
Возможно ли ея мнѣ склонность получить?
Возможно ли мое мнѣ бремя облегчить?
Напрасно иногда я гнѣвъ хотѣлъ насытить
И въ ярости моей мнилъ жизнь ея похитить;
Но тщетно предъ нея въ сей злобѣ прихожу:
Узря ее съ собой, смущаюсь и дрожу,
Рука моя и гнѣвъ въ то время ослабѣютъ.
Какую власть на мнѣ глаза ея имѣютъ!
Гони, о Магометъ! изъ мыслей вонъ мечту;
Пойдемъ, я болѣе заразъ ея не чту;
Остановила всѣ она мои побѣды;
Что мыслятъ обо мнѣ теперь мои сосѣды?
Уже Родосъ главу подъемлетъ къ небесамъ.
Увы, я слабости моей гнушаюсь самъ!
Пойдемъ, несклонную къ ногамъ своимъ повержемъ...
Ахъ, нѣтъ! отвержемъ гнѣвъ и гордость всю отвержемъ.
Пойдемъ и станемъ ей о бракѣ говорить.
Но можно ль хладъ ея во пламень претворить?
Несклонная, страшась, на образъ мой взираетъ
И титлы громкія со мною презираетъ;
Не такъ она своихъ страшится и оковъ,
Какъ взора моего, любви и нѣжныхъ словъ.
Противный мнѣ Ѳемистъ въ устахъ ея твердится.
О небо! дай въ моемъ мнѣ гнѣвѣ утвердиться
И вынь противную изъ сердца воли страсть!...

ЯВЛЕНІЕ V.

МАГОМЕТЪ И ІЕРОНИМА.

МАГОМЕТЪ.

Поди и упреждай, княжна, свою напасть,
Спасай свои красы отъ бури сей опасной,
Спасай себя, спасай отъ гибели ужасной;
Янычары хотятъ твою пролити кровь;
Спасти тебя теперь возможетъ лишь любовь.

ІЕРОНИМА.

Что медлишь? отдавай скорѣй сію имъ жертву,
Пускай они меня сей часъ повергнутъ мертву;
Лечи свою ты страсть сей жертвою, лечи;
Увидишь ты меня бѣгущу на мечи
И повергающусь на копья ихъ съ розмаху,
Летящую на смерть отъ глазъ твоихъ безъ страху!

МАГОМЕТЪ.

Отъ глазъ моихъ, княжна жестокая, отъ глазъ!
Неужели ты мнишь, что въ сей ужасный часъ
Исторгнуть не могу тебя изъ сей напасти?
Не допущу тебя подъ ихъ мечьми упасти,
Не допущу пролить твою дражайшу кровь.
Внемли мои слова, внемли мою любовь,
Внемли, прекрасная, монархъ тебѣ вѣщаетъ,
Онъ взвесть тебя съ собой на тронъ свой обѣщаетъ;
Пріими сей нѣжный даръ, пріими, не возгордись,
И именемъ моей супруги насладись,
Будь мнѣ участница, поди со мной ко трону,
Заставь народъ молчать, нося мою корону.

ІЕРОНИМА (*Со ужасомъ*).

Ты хочешь наконецъ супругомъ быть моимъ?

МАГОМЕТЪ.

Иль ты гнушаешься уже и титломъ симъ
И даръ, сей даръ тебѣ даемый, отметаешь?
Ты узы моему вѣнцу предпочитаешь,
Который на тебя любовь моя кладетъ;
Союзъ со мной твои оковы разорветъ
И превратитъ тебѣ ихъ въ скипетръ и державу.
Возобнови, княжна, свою ты падшу славу.

ІЕРОНИМА.

Уже ты всю ее мнѣ въ бѣдство претворилъ,
Когда оружіемъ сей городъ разорилъ.

МАГОМЕТЪ.

Что молнія моя сей градъ опустошила,
Тебя родителей и области лишила,
Не я виновенъ въ томъ, но должность всѣхъ царей
Ввела передъ тобой меня въ проступокъ сей;
Но если бы я зналъ, что должностью такою
Лишу свободы въ вѣкъ тебя, себя покою,
Побѣды бы я сей имѣти не желалъ,

Въ другихъ бы я странахъ другихъ побѣдъ искалъ.
Мнѣ жаль, что сражена рукою ты моею.
Жалѣй себя, княжна, какъ я тебя жалѣю.

ІЕРОНИМА.

Когда бы ты меня несчастную жалѣлъ,
Не то бы ты теперь намѣренье имѣлъ.
Напрасно должностью ты звѣрство покрываешь,
Геройскимъ именемъ тиранство называешь;
Тверди, что я тобой познала бѣдность, плѣнъ,
Тобою мой Ѳемистъ несчастный погубленъ.

МАГОМЕТЪ.

Ты мысли своея отнюдь не премѣняешь
И только одного Ѳемиста вспоминаешь.
Престань несносное названье мнѣ твердить,
Потщись, княжна, потщись мой гнѣвъ предупредить.

ІЕРОНИМА.

О ненавистное названіе во грекахъ!
Тиранъ въ твоей любви, тиранъ въ твоихъ утѣхахъ,
Ты тщишься всю мою свободу похищать...

МАГОМЕТЪ.

Доколѣ за себя не буду я отмщать?
Терпѣніе прейдетъ, и гнѣвъ мой воспылаетъ.

ІЕРОНИМА.

Отмщай, когда отмщать душа твоя желаетъ;
Ты тщетно мнѣ своимъ мучительствомъ грозишь,
Ни чѣмъ моей души, ни чѣмъ не поразишь.
Герои своея тѣмъ славы не теряютъ,
Когда они отъ рукъ злодѣйскихъ умираютъ.
Внимая склонности свирѣпыя души,
Сверши, злодѣй, на мнѣ ты ярость всю, сверши;
Ты властенъ здѣсь, а я безсильна предъ тобою;
Но помни ты предѣлъ, поставленный судьбою,
Когда она кому возвыситься велитъ,
То прежде одному упасть опредѣлитъ;
Такъ нынѣ нашимъ ты паденіемъ возвышенъ
И нашимъ бѣдствіемъ и славенъ сталъ и пышенъ,
Благополученъ ты, и бѣдны мы теперь,
Однако своему ты счастію не вѣрь;
Небесъ толикій гнѣвъ надъ нами примѣчая,
Страшися самъ сему подобнаго случая.

МАГОМЕТЪ.

Ученія сего я слышать не хочу,
А гордость я твою мгновенно укрочу.
Порокъ мой познаю и слабость ясно вижу,
Жестокая, тебя я больше ненавижу!
Насытишь въ скорости ты мой правдивый гнѣвъ;
Поди, ужъ на тебя разверзла смерть свой зѣвъ...
(Іеронима хочетъ идти, но онъ ее останавливая)
Ахъ нѣтъ, княжна, постой, еще тебя жалѣю!
Тронись, жестокая, поступкою моею;
По тьмѣ ужасныхъ клятвъ, чтобъ мнѣ тебѣ отмстить,
Я чувствую, что я могу тебя простить.
Не упускай сея послѣднія минуты!

ІЕРОНИМА.

Вонзай свой алчный мечъ, насыти гнѣвъ свой лютый!
Напрасно тратишь ты со мной свои слова,
Не мни меня склонить, доколѣ я жива;
Я гнѣвъ твой ставлю въ смѣхъ и муку въ утѣшенье.
Ступай, произноси на смерть мою рѣшенье,
Мнѣ сноснѣе она, какъ твой ужасный бракъ.
А ты летающій въ умѣ дражайшій зракъ,
Почувствуй, ежели почувствовати можно,
Что я и въ злой сей часъ люблю тебя неложно,
И во отмщеніе творимаго намъ зла
Тирана нашего спокойство потрясла.
Поди, мучитель злой, я зрѣть тебя гнушаюсь.

МАГОМЕТЪ.

О небо! я уже терпѣнія лишаюсь.
Возможно ли, чтобъ такъ былъ презрѣнъ Магометъ?
Ужъ воинство мое давно сей жертвы ждетъ,
Ужъ болѣе тебя мой взоръ не удостоитъ.
О пагубѣ твоей мой гнѣвъ отвѣтъ устроитъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ІЕРОНИМА.

Поди, тиранъ, поди и смерть мою готовь,
Пролей безъ жалости мою несчастну кровь,
За награжденіе ударъ я твой пріемлю
И съ радостью изъ устъ твоихъ отвѣтъ твой внемлю.
Спѣши, желанна смерть, изъемли духъ мой вонъ
И претворяй мнѣ жизнь горчайшу въ сладкій сонъ.

О жизнь несносная! на что ты мнѣ далася!
На что я въ матерней утробѣ зачалася!
На толь, чтобъ на меня пасть бѣдствію сему
И послѣ жертвой быть тирану моему?
О день, ужасный день! кровавое сраженье!...
Родители мои! плачевно вображенье...
Ѳемистъ!...не льзя мнѣ васъ воспомнить не стеня,
Познаете ли вы несчастную меня?
Могуль я съ вами быть? мнѣ съ вами быть прелестно,
Увы! единое сіе мнѣ не извѣстно.
О солнце! скрой свой лучъ изъ глазъ моихъ скорѣй
И дай мнѣ видѣти, кто жизни мнѣ милѣй!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ѲЕМИСТЪ И КЛИТЪ.

КЛИТЪ.

Ужели, государь, согласенъ Магометъ,
Ужели плѣнницу на жертву предаетъ
Ожесточенному его отказомъ войску,
Ужели мысль свою исполнилъ ты геройску?

ѲЕМИСТЪ.

Онъ войску мнѣ хотя сказать и повелѣлъ,
Что пламя онъ своей любви преодолѣлъ
И плѣнницу свою предастъ ихъ гнѣву въ жертву,
Но самъ ее хотѣлъ при нихъ повергнуть мертву.
Я таинство въ его намѣреньи позналъ,
Что онъ лишь усмирить симъ воиновъ желалъ.
Но тщетно онъ сію пріемлетъ осторожность,
Спасти ее вездѣ онъ узритъ невозможность;
Ни что янычарскихъ сердецъ не укротитъ,
Ни что ихъ ярости жестокой не смягчитъ.
Я вѣрное теперь извѣстіе имѣю,
Что онъ сейчасъ послалъ Османа къ Амарбею
И съ войскомъ повелѣлъ сюда ему спѣшить,
Которымъ думаетъ янычаръ устрашить
И тѣмъ спасти свою любовницу отъ бѣдства;
Но я противъ того другія принялъ средства,

Которымъ хитрость вся его низложена;
Любовница его сей день умреть должна,
Уже и вѣсть о семъ по войску разнеслася
И ею снова кровь въ янычарахъ зажглася,
Возстала новая въ мятежникахъ молва,
Гласятъ: да выдастся предъ насъ ея глава,
А безъ того ни кто не выступитъ отсюду;
Спасенія ему не видно ни откуду,
Неволею ее онъ долженъ имъ предать;
А впрочемъ долженъ самъ онъ будетъ пострадать.

КЛИТЪ.

Коль умыслы его тобой предупрежденны,
Такъ въ предпріятіи мы стали утвержденны
И мщенья твоего уже приходитъ часъ.

ѲЕМИСТЪ.

Далеко, кажется, еще онъ, Клитъ, отъ насъ;
Я горести моей ничѣмъ не умѣряю,
Мятуся и совсѣмъ терпѣніе теряю,
Теперь въ отчаяньи по граду я ходилъ,
Вездѣ я новые удары находилъ,
Вездѣ встрѣчалися со мной болѣзни люты.
Я мнилъ, что паки зрю тѣ страшныя минуты,
Въ которы насъ тиранъ во гнѣвѣ погублялъ
И тяжкія свои оковы налагалъ;
Я видѣлъ тѣ мѣста, гдѣ сила наша пала;
Вездѣ моя душа отъ гнѣва трепетала:
Тамъ кровь несчастливыхъ лилася христіанъ,
Тамъ, бывъ обхваченный вокругъ, Юстиніанъ
Безчисленнымъ своимъ врагамъ сопротивлялся;
А тамо Константинъ со славою кончался
И отомщалъ за свой въ-послѣднія вѣнецъ;
Димитрій, моея любезныя отецъ,
Враговъ остановлялъ въ мѣстахъ неукрѣпленныхъ,
И тамо скованныхъ вели всѣ грековъ плѣнныхъ.
Увы! я видѣлъ, Клитъ, тѣ самыя мѣста!...
Не могутъ вымолвить сихъ словъ мои уста,
Гдѣ я въ-послѣднія прощался со княжною
И гдѣ она на вѣкъ разсталася со мною.
Ужасное я то зрѣлъ мѣсто наконецъ,
Въ которомъ пораженъ несчастный мой отецъ;
Глаза мои сіе все мѣсто протекали

И крови моего отца на немъ искали;
Хотя уже ее и знаковъ больше нѣтъ,
Но ахъ! любезный Клитъ, она мнѣ вопіетъ
И ко отмщенію мой духъ воспламеняетъ,
Твой другъ отмщеніе днесь въ ярость премѣняетъ.
Пойду теперь отсель тирана накажу,
Пойду сей острый мечъ я въ грудь ему вонжу
И сердце извлеку его безчеловѣчно!

КЛИТЪ.

Чтобъ греки бѣдные потомъ стенали вѣчно,
Чтобъ помощи своей лишились навсегда,
Чтобъ пущая еще покрыла ихъ бѣда.
Страшися, государь, намѣренья такова
И не лишай друзей ты ихъ въ себѣ покрова!

ѲЕМИСТЪ

Скажи, готовы ли теперь мои друзья,
Хотятъ ли мстить они, иль мстить лишь буду я?

КЛИТЪ.

Отягощенные они вседневнымъ стономъ,
Во предпріятіи теперь остались ономъ,
Чтобъ храбро за свою свободу умереть,
И всѣ тебя они желали днесь узрѣть;
Но къ общей, государь, ихъ скорби и досадѣ,
Сказалъ я имъ, что нѣтъ тебя еще во градѣ,
А грамоту, тобой имъ писанну, вручилъ
И ею весь успѣхъ желанный получилъ;
Они сей грамотой весь страхъ свой побѣдили
И клятвами себя взаимно утвердили.
Теперь осталось намъ минуты оной ждать,
Въ котору намъ себя изъ плѣна свобождать
И видѣти тебя владыкою на тронѣ.

ѲЕМИСТЪ.

Поди и учреди всѣ мѣры къ оборонѣ,
Поди и принеси скорѣе мнѣ отвѣтъ,
Поди скорѣй, поди, се идетъ Магометъ.

(Клитъ отходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

ѲЕМИСТЪ И МАГОМЕТЪ.

МАГОМЕТЪ.

Минута моего отмщенія настала,
Любовь повелѣвать ужъ мною перестала;
Прими ты сей кинжалъ, отмсти мою любовь,
Пролей безъ жалости противную мнѣ кровь.
Теперь я признаюсь, о другъ мой! предъ тобою:
Я, бывъ подвластенъ ей, не властвовалъ собою;
А днесь я вредную мнѣ рану излѣчилъ
И прежнюю мою свободу получилъ;
Я больше прелестей ея не обожаю
И только лишь одинъ отказъ воображаю,
Порокъ передъ меня мой ясно предстаетъ.
А ты, преславный мой предтеча, Магометъ!
Внемли мои слова, я въ первый разъ взываю,
И въ первые тебя на помощь призываю,
Приди и утверди въ моемъ меня пути,
Которымъ я хочу за славою идти.

ѲЕМИСТЪ.

Приказъ твой, государь, исполненъ будетъ мною.

МАГОМЕТЪ.

Я паки, Солиманъ, пойду на свѣтъ войною
И паки въ ужасъ всѣхъ сосѣдей приведу,
И въ первыхъ на Родосъ съ оружіемъ пойду;
Въ осадѣ важной сей ударъ мой первый будетъ
И мщенья моего сей островъ не избудетъ.
Хотя онъ трудностью отвсюду облеченъ,
Но трудностью къ нему мой духъ и привлеченъ,
Пойдемъ и гордое чело его низложимъ
И трепетъ самыя Европы тѣмъ умножимъ,
Она передъ моимъ гордящаясь мечемъ,
Считаетъ твердость стѣнъ его своимъ ключемъ,
Весь юношества цвѣтъ въ немъ собранъ для защиты
И громы страшными валы его покрыты.
Родитель мой подъ ихъ ударами стеналъ
И крѣпость онаго собою испыталъ,
Умаливъ чрезъ сіе дѣла свои геройски.
Сберемъ и поведемъ тьмочисленныя войски;
Сберемъ и отомстимъ людей своихъ уронъ;

Пойдемъ и на него наложимъ свой законъ.
Всѣмъ должно слѣдовать за мною въ сей осадѣ,
Единъ съ полками ты останешься въ семъ градѣ,
Для удержанія подъ властію моей
Плѣненныхъ мною днесь опасныхъ мнѣ людей,
Которымъ тягостны по-днесь мои оковы;
Я зрю противъ меня сплетаемые ковы,
Противуборниковъ я зрю десницы сей,
И первый есть изъ нихъ злохитрый Зустуней;
Венеція, всегда усердствующа грекомъ,
Альбанія съ своимъ прегордымъ Скандербекомъ,
Тамъ Венгрія, а тамъ ужасный Караманъ,
Усилившійся днесь оружьемъ Персіанъ,
Остатки падшаго величествія Рима,—
Отъ всѣхъ злодѣевъ сихъ опасность мною зрима.
Но я, чтобъ низложить ихъ пагубный совѣтъ,
Явлюся нынѣ имъ я паки Магометъ,
Пойду и поражу сердца кичливы страхомъ;
Родосъ предамъ огню и весь покрою прахомъ.
Останься здѣсь и мнѣ ты вѣрность докажи,
Противницу мою за дерзость накажи,
А я сейчасъ къ тебѣ сію представлю жертву.

ѲЕМИСТЪ.

Сейчасъ ты, государь, ее увидишь мертву.

ЯВЛЕНІЕ III.

ѲЕМИСТЪ.

Ужъ время настаетъ отмщенья моего,
Не трать Ѳемистъ, не трать, ты времени сего,
Оно для твоего намѣренья полезно;
Спасай отъ варвара отечество любезно.
Уже я пламенемъ ко гнѣву распаленъ,
Стремящагось врага изъ сихъ я вижу стѣнъ
Отягощеннаго сомнительной войною;
А я останусь здѣсь; друзья мои со мною,
Готовы за свою свободу умирать,
Сберутся и со мной воздвигнутъ крѣпку рать
Противу моего ужаснаго злодѣя.
А если и сіи мы способы имѣя,
Не можемъ одолѣть несчастія ничѣмъ,
Не въ узахъ жизнь свою скончаемъ, но съ мечемъ!

Сразимъ невольницу, пускай злодѣй возстонетъ;
Неужели его и смерть ея не тронетъ?
Почувствуетъ тиранъ ужасную напасть
И будетъ самъ себя въ раскаяніи клясть.
Кляни мучитель злой, кляни! ее ты любишь;
Ты послѣ самъ себя въ отчаяньи погубишь.
Сей городъ кровію несчастныхъ орошенъ,
Тобою я моей возлюбленной лишенъ;
А ты лишишься мной сейчасъ твоей прекрасной;
Стремись, Ѳемистъ, стремись ты къ мести сей ужасной!
Но се она идетъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ѲЕМИСТЪ И ІЕРОНИМА.

ѲЕМИСТЪ *(бросается къ ней съ кинжаломъ)*.

Стремись, душа моя!...

(Останавливается).

ІЕРОНИМА *(въ концѣ театра)*.

Рази!...

ѲЕМИСТЪ *(съ трепещущимъ голосомъ)*.

О небо, взоръ, черты лица ея!...

ІЕРОНИМА *(не узнавая его, еще подходитъ ближе)*.

Рази тиранъ! Вотъ грудь несчастіемъ томима!
(Но подошедъ къ нему съ великимъ удивленіемъ)
Что вижу я! увы!... Ѳемистъ!...

ѲЕМИСТЪ *(также съ восторгомъ)*.

Іеронима!
Тебя ль, прекрасная, я вижу въ сихъ мѣстахъ?
Тебя, иль тѣнь твоя мечтается мнѣ...
(При названіи семъ она ослабѣваетъ, а онъ роняетъ кинжалъ и ея поддерживаетъ).

ІЕРОНИМА *(укрѣпясь)*.

Ахъ!
Познай несчастную, сраженную судьбою!

ѲЕМИСТЪ.

Увы! несчастливы мы оба днесь съ тобою!...
Въ какой ужасный часъ я зрю тебя, княжна!
Ты варваромъ теперь на смерть осуждена,
И я причиною сей строгія минуты!
Я врагъ твой, я злодѣй, и я тиранъ твой лютый!
О небо! чью я жизнь похитить испросилъ?

Я самъ бы за нее горчайшу смерть вкусилъ!

ІЕРОНИМА.

Въ какія насъ часы судьба соединила?

ѲЕМИСТЪ.

Она всю радость мнѣ во ужасъ премѣнила.
Какою мнѣ сію минуту почитать?
Я долженъ счастливъ быть, я долженъ трепетать.
Увидѣвши тебя я горесть забываю,
И вспомня ужасъ сей, недвижимъ пребываю.
Спасая Грецію, тебя я днесь гублю,
Тебя, которую какъ жизнь мою люблю!
Теперь ужасенъ сталъ ты мнѣ мучитель лютый...
Ахъ! сокройся ты, княжна, не трать сея минуты,
Котора намъ съ тобой погибелью грозитъ;
Она избавитъ насъ, иль купно поразитъ;
Поди, еще пути остались намъ къ надеждѣ.
Но ты смущаешься, зря въ сей меня одеждѣ,
И удивляешься Ѳемистовой судьбѣ.
Пойдемъ, я таинство повѣдаю тебѣ;
Пойдемъ, намъ быть уже съ тобою днесь опасно,
Сокроемся скорѣй...

ІЕРОНИМА.

О время преужасно!
(Хотятъ идти, но Клитъ приходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

ѲЕМИСТЪ, ІЕРОНИМА И КЛИТЪ.

ѲЕМИСТЪ.

Поди скорѣй, твоя мнѣ помощь днесь нужна;
Познай, мой другъ, ее!

КЛИТЪ.

Что вижу я? княжна!...

ѲЕМИСТЪ.

Ты знаешь входы, Клитъ, во внутренни чертоги,
Тебѣ извѣстны всѣ здѣсь тайныя дороги;
Ты зришь во мнѣ теперь отчаянье и страхъ;
Поди сокрой ее въ невѣдомыхъ мѣстахъ
Отъ лютой наглости мучительскія власти;
Бѣги, спасай ее, о другъ мой! отъ напасти.
Спѣши, прекрасная, и ты за нимъ во слѣдъ.

ІЕРОНИМА.

О небо!...

ѲЕМИСТЪ.

Убѣгай, княжна, отъ лютыхъ бѣдъ.

ІЕРОНИМА.

Ахъ, князь мой! я должна опять тебя оставить.

ѲЕМИСТЪ.

Инаго способа мнѣ нѣтъ тебя избавить.
Поди скорѣй отсель...

ІЕРОНИМА.

Прости, мой князь!

ѲЕМИСТЪ.

Прости!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ѲЕМИСТЪ.

Но чѣмъ возможно мнѣ ее теперь спасти?
Отъяты способы, и кѣмъ отъяты? мною!
Разстанусь я на вѣкъ съ возлюбленной княжною;
На казнь ея самимъ онъ мною побужденъ,
И злобный сей совѣтъ былъ мною утвержденъ!
Какіе я начну съ тираномъ разговоры?
Онъ кровію ея насытить хочетъ взоры;
Онъ самъ ее хотѣлъ сраженну мною зрѣть.
Намъ должно обоимъ съ любезною умреть!
Пути къ спасенію у насъ отъяты всюду
И нѣтъ спасенія намъ больше ни откуду!...
Коль придетъ онъ сюда узрѣть увядшій зракъ,
Скажу, что предпочла княжна сей казни бракъ.
Ахъ нѣтъ! такое ли твое, несчастный, свойство,
Чтобъ ты употребилъ обманъ, а не геройство?
Такая ли, Ѳемистъ, душа тебѣ дана?...
Нѣтъ больше силъ моихъ, любезная княжна!
Ты гибнешь; ты уже стоишь у двери гроба.
Увы, прекрасная! мы гибнемъ нынѣ оба...
О вы, сражавшіесь за здѣшнія мѣста
Герои, коихъ кровь за вѣру пролита!
Великій Константинъ съ Ѳеодоромъ внемлите,
И вашимъ пламенемъ мой духъ воспламените,
Подайте вамъ меня подобнымъ свѣту зрѣть.
Иду за васъ отмстить иль въ мести сей умреть!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ѲЕМИСТЪ И КЛИТЪ.

ѲЕМИСТЪ.

Сокрылъ ли славную ты кровь Палеологовъ?

КЛИТЪ.

Едва я, государь, изшелъ изъ сихъ чертоговъ.
Внемли со трепетомъ ужаснѣйшій ударъ:
Толпа тобой сюда введенныхъ янычаръ
Похитили изъ рукъ моихъ княжну несчастну
И съ воплемъ повлекли въ свой станъ на смертъ ужасну.

ѲЕМИСТЪ.

О Боже!

КЛИТЪ.

Государь!...

ѲЕМИСТЪ.

Мой духъ во мнѣ стѣсненъ!
Пойдемъ скорѣй, пойдемъ въ ихъ станъ изъ градскихъ стѣнъ;
Исторгнемъ мы изъ рукъ княжну мою прекрасну,
Или скончаемъ съ ней мы жизнь свою несчастну!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ѲЕМИСТЪ И КЛИТЪ.

ѲЕМИСТЪ.

Опасность лютыхъ бѣдъ и страхъ мой истребя,
Благодарю теперь, о другъ мой, я тебя!
Еще меня въ моей ты скорби не оставилъ,
Я помощью твоей княжну мою избавилъ.
О ужасъ, коимъ я смущаюсь и теперь!
Уже къ погибели была отверзта дверь,
Уже прекрасная между убійцъ стояла
И только своея кончины ожидала...
Ахъ! если бъ я еще хоть мигъ не поспѣшилъ,
Ужъ рокъ бы все свое свирѣпство совершилъ.
Теперь она жива, и помощью твоею
Въ чертогахъ кроется, невѣдомыхъ злодѣю;

Когда чертоговъ сихъ не знаетъ Магометъ,
Такъ больше отъ него опасности намъ нѣтъ.
Но для чего меня еще онъ призываетъ?
Неужель сей тиранъ меня подозрѣваетъ?
Мнѣ сказано, чтобъ я ударъ свой удержалъ,
И осужденныя на смерть не поражалъ,
Во ужасъ приведенъ я вѣстію такою,
Не мнитъ ли онъ ее сразить своей рукою?
Или сей лютый тигръ, неукротимый звѣрь,
Ко милосердію склонился и теперь
Не хочетъ умертвить невинныя напрасно?
И милосердіе сіе мнѣ преужасно!

ЯВЛЕНІЕ II.

ѲЕМИСТЪ И ІЕРОНИМА.

ѲЕМИСТЪ.

Почто оставила убѣжище свое?

ІЕРОНИМА.

Внемли, любезный князь, отчаянье мое;
Весь умъ мой возмущенъ и сердце возмущенно;
Погибли мы съ тобой, о князь мой! непремѣнно.
Близь комнатъ сихъ, гдѣ Клитъ теперь меня сокрылъ,
Султанъ со стражею своею проходилъ;
Измѣнникомъ тебя сей варваръ называетъ
И воинамъ своимъ искать повелѣваетъ;
Онъ хочетъ погрузить кинжалъ въ твоей крови.
Останови свой рокъ и месть останови,
Оставь со мной сію кровавую державу.

ѲЕМИСТЪ.

Чтобъ купно съ ней мою оставилъ я и славу,
Чтобъ малодушіе я свѣту показалъ,
Чтобъ свѣтъ, поступокъ мой узря, сіе сказалъ:
Когда Ѳемистъ возмогъ лишить тирана власти,
Оставилъ жить его, страшась своей напасти,
Подъ игомъ варвара оставилъ согражданъ.
На толь, любезная, намъ духъ геройскій данъ,
Чтобъ мы отъ малыхъ намъ напастей унывали
И въ предпріятіи своемъ ослабѣвали?
Я жертвы таковой любви не принесу,

Доколь отечество отъ ига не спасу.

ІЕРОНИМА.

Ты храбростію сей мой страхъ усугубляешь.
Спасаючи его, себя ты пугубляешь.

ѲЕМИСТЪ.

Я жизни потерять нимало не страшусь;
Страшусь, когда тебя, прекрасная, лишусь.
Познай, какія днесь я средства предпріемлю,
Которыми хочу тебя, народъ и землю
Отъ ига лютаго злодѣя свободить—
И словомъ, я хочу умреть иль побѣдить!
Ты плачешь?

ІЕРОНИМА.

Ахъ, мой князь! всю страхъ меня объемлетъ
И сердце томное надеждѣ сей не внемлетъ,
Одно отчаянье стѣсненный духъ мятетъ.

ѲЕМИСТЪ.

Ты плачешь, а еще опасности намъ нѣтъ;
Тиранъ не вѣдаетъ, что мною ты спасенна,
А войско мнитъ, что жизнь твоя ужъ пресѣченна,
И если на твою онъ такъ же дышетъ смерть,
Захочетъ самъ тебя сраженну мною зрѣть,
Скажу, что мной твоя окончилась судьбина,
И что скончалась ты на гробѣ Константина,
При смерти испрося единъ себѣ сей даръ,
Чтобъ тамо произвелъ послѣдній я ударъ;
Сіе то мѣсто есть, гдѣ съ Клитомъ храбры греки
Ударятъ и прольютъ кровей невѣрныхъ рѣки;
Прельщеннаго его туда я провожу
И тамо лютаго убійцу накажу,
Наполненный народъ къ сему тирану злобы
Омоетъ кровію родительскіе гробы,
Благополучнаго я жду сему конца:
Сражаться будетъ всякъ, за брата, за отца,
За матерь, за жену, за чадъ, тамъ побіенныхъ;
Не долго сей тиранъ насъ видѣть будетъ плѣнныхъ.
А если онъ сію напасть предупредитъ,
Тебя, любезная, отъ казни свободитъ
И видѣти еще захочетъ предъ собою,
Такъ мнитъ, конечно, онъ во бракъ вступить съ тобою,
Мнѣ будетъ брачный день способенъ для того;

Я въ тотъ искореню злодѣя моего,
Скажу ему, что ты злой казни устрашилась
И въ бракъ вступити съ нимъ, въ томъ страхѣ, согласилась.

ІЕРОНИМА.

Съ тираномъ въ бракъ вступить, съ тираномъ соглашусь?
Пускай притворство то, притворства я страшусь.
Языкъ мой вымолвить сего не можетъ слова.
Умремъ мы, князь, съ тобой умрети я готова!
Не принуждай меня ему сего сказать.

ѲЕМИСТЪ.

Чтобъ намъ удобнѣе тирана наказать,
Инаго средства нѣтъ...

ІЕРОНИМА.

Ужаснѣйшее средство!

ѲЕМИСТЪ.

Симъ можемъ мы однимъ прервать народно бѣдство.
Не должно ль, чтобъ тому я лестію отмщалъ,
Кто лестію своей другихъ владыкъ прельщалъ
И клятвой Греціи паденіе составилъ?
Чрезъ хитрости его насъ цѣлый свѣтъ оставилъ;
Онъ пропасть намъ сію лукавствомъ ископалъ,
Такъ должно, чтобъ въ сію онъ пропасть самъ ниспалъ.
Теперь всѣ способы къ отмщенію имѣя,
Возстанемъ и пойдемъ на лютаго злодѣя!
Прельстимъ прельстившаго обманами весь свѣтъ,
Пойдемъ и свободимъ народъ отъ лютыхъ бѣдъ.
Коль будетъ моея свѣтъ хитрости свидѣтель,
Онъ хитрость такову почтетъ за добродѣтель,
Которой варвара я области лишу.
Сокройся ты, а я къ отмщенію спѣшу...
Сокройся!... ахъ, идутъ! бѣги скорѣй, спасайся!

ІЕРОНИМА.

Ахъ, князь мой!... небеса!

ѲЕМИСТЪ.

Бѣги и удаляйся.

ЯВЛЕНІЕ III.

ѲЕМИСТЪ.

Пускай свирѣпствуетъ впослѣдніе тиранъ....
Идутъ, се вопль ко мнѣ со всѣхъ приходитъ странъ,
Я вижу варвара, толпами окруженна.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАГОМЕТЪ, ѲЕМИСТЪ И СТРАЖА.

МАГОМЕТЪ.

Злодѣй! она уже тобою пораженна?
Тобою я къ сему убійству побужденъ,
Тобою мучиться я вѣчно осужденъ.
Страшися!

ѲЕМИСТЪ.

Государь!

МАГОМЕТЪ.

Ты самъ, злодѣй, трепещешь.
О небо! для чего ты стрѣлъ своихъ не мещешь
И ими не разишь чудовища сего?

ѲЕМИСТЪ.

За что достоинъ сталъ я гнѣва твоего?

МАГОМЕТЪ.

Еще ль не чувствуешь, тиранъ, моей напасти?

ѲЕМИСТЪ.

Послушенъ, государь, я былъ твоей лишь власти.

МАГОМЕТЪ.

Послушенъ былъ ты мнѣ, какъ я былъ раздраженъ!
Достойно ты, злодѣй, мной будешь пораженъ.
Влеките, воины, его на мѣсто казни!

ѲЕМИСТЪ.

Такой ли, государь, достоинъ я пріязни?

МАГОМЕТЪ (*воину*).

Да принесется къ намъ сейчасъ его глава.
Влеките!...

ЯВЛЕНІЕ V.

МАГОМЕТЪ, ѲЕМИСТЪ И КЛИТЪ.

КЛИТЪ (*Вбѣжавши поспѣшно*).

Государь! княжна твоя жива.

МАГОМЕТЪ. (*Съ восхищеніемъ*).

Жива?...

ѲЕМИСТЪ.

То истина и я тому виною.

МАГОМЕТЪ.

Жива? почтожъ сіе скрывалъ ты предо мною?

ѲЕМИСТЪ.

Ты мнѣ ее велѣлъ во гнѣвѣ умертвить,
Такъ могъ ли я тебѣ безъ страха объявить,
Что жизнь сохранена сея несчастной мною?

МАГОМЕТЪ.

Ты жизнь мнѣ возвратилъ услугой таковою.
Вѣщай теперь, мой другъ, мнѣ жалобы ея.
Злодѣемъ во устахъ ея твердился я?

ѲЕМИСТЪ.

И въ семъ отчаяньи тебѣ не укоряла,
Лишь только просьбой смерть свою предускоряла.

МАГОМЕТЪ.

А если смерть она считаетъ за покой,
Такъ нѣтъ моимъ бѣдамъ премѣны никакой.
О рокъ! ты болѣ мнѣ мученія прибавилъ!

ѲЕМИСТЪ.

Онъ, можетъ быть, тебя отъ мукъ твоихъ избавилъ.

МАГОМЕТЪ.

Что слышалъ ты, вѣщай?

ѲЕМИСТЪ.

Иль нѣжность или страхъ
Принудили ее промолвить во слезахъ;
Она вѣщала мнѣ, сраженная судьбою,
Она...

МАГОМЕТЪ.

Что?

ѲЕМИСТЪ.

Въ бракъ вступить намѣрена съ тобою.

МАГОМЕТЪ.

Что слышу я? мой другъ, куда я восхищенъ?
Или мечтою я пріятной мнѣ прельщенъ?
Возможно ли?...она отъ брака трепетала.
Иль впрямь желанная минута мной настала?
Ахъ, если, Солиманъ, сіе я получилъ!

ѲЕМИСТЪ.

Страхъ смерти, можетъ быть, въ ней сердце умягчилъ.

МАГОМЕТЪ.

Да будутъ днесь мои всѣ бѣдства расточенны.
Поди и уготовь сердца ожесточенны,

Да согласятся всѣ на мой съ княжною бракъ
И тѣмъ явятъ своей покорности мнѣ знакъ;
А если кто изъ нихъ на страсть мою возропщетъ
И мнѣ послушнымъ быть, какъ прежде, не восхощетъ,
Османъ и Амарбей мнѣ въ помощь поспѣшатъ
И прю владыки ихъ со подданнымъ рѣшатъ.
Я ихъ сей день сюда съ полками ожидаю.
Поди представь княжну, я зрѣть ее желаю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАГОМЕТЪ.

и стража, которая послѣ перваго стиха отходитъ, а къ нему приходитъ Іеронима.

МАГОМЕТЪ

Оставьте, стражи, здѣсь единаго меня.
Прекрасная княжна, мой духъ воспламеня,
Когда ты быть моей супругою желаешь,
Ты горести мои всѣ въ сладость премѣняешь.
Любовь моя тебя на тронъ со мной ведетъ
И скиптры многихъ царствъ во власть твою даетъ.
Почувствуй страсть мою, и ставъ моя супруга,
Ты будь владычица царя земнаго круга;
Забудь прекрасная, что былъ я твой тиранъ,
Забудь, не растравляй моихъ душевныхъ ранъ.
Презрѣніе твое мнѣ сердце раздражало;
Но сердце страстное твой образъ обожало,
Я въ самой лютости всегда тебя любилъ,
И ахъ, любя тебя, едва не погубилъ!
Отчаянная мысль на жизнь твою стремилась,
И если память сихъ злодѣйствій не затмилась,
Умѣрь по крайности моихъ ты лютость бѣдъ
И сдѣлай, чтобъ тобой былъ счастливъ Магометъ!.

ЯВЛЕНЕ VII.

МАГОМЕТЪ, ІЕРОНИМА *и начальникъ стражи.*

НАЧАЛЬНИКЪ.

Вопль слухи, государь, всѣхъ въ градѣ поражаетъ,
Что весь монаршій домъ опасность угрожаетъ,
Что тайные тебя убійцы стерегутъ,
Янычары во градъ со всѣхъ сторонъ бѣгутъ
И предъ чертогами стоятъ вооруженны.

ІЕРОНИМА (*въ сторону*).

Погибли мы теперь, о рокъ мой раздраженный!

МАГОМЕТЪ.

Я знаю, отчего мятежъ сей возстаетъ.
Опасности, княжна, для насъ ни малой нѣтъ,
Нашъ бракъ вооружилъ сердца сіи жестоки.
Пойду и сихъ людей пролью кровавы токи.
Ни что меня съ тобой, княжна, не раздѣлитъ,
Ни что отъ брака насъ, ни что не удалитъ.
Готовься къ торжеству, я скоро возвращуся.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ІЕРОНИМА.

Я болѣе уже надеждою не льщуся.
Ужасныя во умъ приходятъ мнѣ мечты.
Возлюбленный мой князь, конечно, гибнешь ты!
Се наше счастіе, се жизни слезной доля,
Сей день отяготитъ насъ новая неволя!
Надежда слабая, едва ты возрасла,
Судьба тебя изъ глазъ мгновенно унесла.
Се воины его, которыхъ онъ страшился,
То греки, съ коими Клитъ тайно воружился.
О строгая судьба! о гнѣвны небеса!
Уже касались мы желаннаго часа,
Уже являлся намъ день нашея свободы.
Несчастная страна, несчастные народы!
Герои храбрые, о бѣдные рабы!
Вы стали жертвою разгнѣванной судьбы.
Какою бездною вы стали поглощенны!
Вы стали варварамъ на вѣкъ порабощенны.
Я мысльми на число взираю вашихъ ранъ,
Какими изнуритъ васъ лютый сей тиранъ;
Какое варварство отъ рукъ его начнется,
Какой кровавый токъ гражданъ моихъ прольется,
Когда откроется нашъ умыселъ ему....
Воображеніе престрашное уму!
Возлюбленный Ѳемистъ, ты духъ во мнѣ тревожишь,
Ты въ мысляхъ у меня и ты мой ужасъ множишь.
Почто я о твоей не вѣдаю судьбѣ?
Ахъ, можетъ быть, тиранъ ужъ знаетъ о тебѣ,
И можетъ быть, тебя на смерть онъ осуждаетъ!

Пойдемъ, увѣдаемъ, въ чемъ разумъ заблуждаетъ.
Почто, о Боже! мнѣ его ты видѣть далъ,
На то ли, чтобъ мой духъ жесточѣе страдалъ?

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ІЕРОНИМА И КЛИТЪ.

КЛИТЪ.

Весь ужасъ миновалъ и страхъ твой былъ напрасенъ:
Султанъ уже теперь намъ болѣ не опасенъ,
Всѣ подозрѣнія отъ насъ отвращены,
И за измѣнниковъ тѣ турки почтены,
Которые, узнавъ намѣренье султана,
Во многолюдствіи пришли сюда изъ стана,
Хотя не допустить его до брачныхъ узъ.
Всѣ мнятъ, что ты, княжна, вступаешь съ нимъ въ союзъ.

ІЕРОНИМА.

Но греки, кои, Клитъ, тобою воруженны?

КЛИТЪ.

Они, всѣ пламенемъ отмщенія разженны,
Съ нетерпѣливостью къ себѣ Ѳемиста ждутъ
И храбро на сего тирана нападутъ.
Ѳемистъ явится къ нимъ тогда и въ гнѣвѣ яромъ
Начнетъ сраженіе руки своей ударомъ.
Онъ первый своего злодѣя поразитъ!

ІЕРОНИМА.

Еще мнѣ мысль моя опасностью грозитъ,
Мечтанія во умъ ужасныя вбѣгаютъ
И всю мою во мнѣ надежду низвергаютъ.
Когда нашъ страшный врагъ увѣдаетъ о семъ,
Неизбѣжимая погибель будетъ всѣмъ.
Но я о гибели своей не ужасаюсь,
О князѣ и о васъ я болѣ возмущаюсь.

КЛИТЪ.

Сей страхъ, княжна, совсѣмъ быть долженъ истребленъ.
Тиранъ, конечно, нашъ днесь будетъ погубленъ.
Ѳемисту онъ вручилъ о бракѣ попеченье.
Еще не совершитъ сей день свое теченье,
Какъ мы намѣренье геройско совершимъ

И варвара сего владычества лишимъ.
Насталъ намъ нынѣ часъ, назначенный судьбою!

ІЕРОНИМА.

Увижусь ли еще, о князь мой! я съ тобою?...
Но ахъ! бѣги скорѣй, султанъ сюда идетъ.
О небо! не пошли еще намъ новыхъ бѣдъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

МАГОМЕТЪ, ІЕРОНИМА и *стража.*

МАГОМЕТЪ.

Уже мятежниковъ молва намъ не опасна,
Злодѣевъ казнь сейчасъ постигла преужасна
И отвращенъ отъ насъ ужасный сей ударъ;
То было лютое стремленье янычаръ.
Теперь опасности мы болѣ не имѣемъ:
Полки мои пришли ко граду съ Амарбеемъ
И близъ его уже поставили свой станъ.
Мнѣ вѣдомость сію принесъ сейчасъ Османъ;
Смотрѣнію его вручивъ всѣ града части,
Не опасаюся грозящей намъ напасти.
Онъ все стараніе на то употребитъ,
Злодѣевъ нашихъ всѣхъ изыщетъ, истребитъ,
И только отъ тебя я счастья ожидаю.
Скажи, ужель твоимъ я сердцемъ обладаю,
Ужель, княжна, мою скончаешь ты напасть?
Пойдемъ, прекрасная, вѣнчаемъ нѣжну страсть!

ІЕРОНИМА.

О небо! прекрати мои болѣзни люты!

МАГОМЕТЪ.

Дражайшая! въ сіи желанны мной минуты
Еще ли мысль твою отчаянье мятетъ?

ІЕРОНИМА *(въ сторону).*

Увы! знать бѣдствіямъ моимъ премѣны нѣтъ!

МАГОМЕТЪ.

Всѣмъ бѣдствіямъ твоимъ настанетъ перемѣна...

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЕ И НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

НАЧАЛЬНИКЪ.

Великій государь! о лютая измѣна!
Сія невѣрная—измѣнница твоя!
Она твой страшный врагъ, она твоя змія!

Не пламенемъ она къ тебѣ любовнымъ таетъ,
Она противъ тебя ужасный ковъ сплетаетъ;
Не къ браку страсть тебя, къ погибели влечетъ;
Въ Диванѣ кровь твоя ручьями потечетъ:
Тамъ греки, государь, и Комнинъ тамо съ ними,
Грозящіе тебѣ ударами своими.
Османъ ужъ двухъ теперь измѣнниковъ поймалъ
И таинство сіе мученьемъ испыталъ;
Они повѣдали всю важность заговора;
Лишь Комнинъ отъ его теперь сокрылся взора.

ІЕРОНИМА *(въ сторону)*.

Онъ скрытъ! благодарю всесильнымъ небесамъ!

НАЧАЛЬНИКЪ.

Османъ передъ тебя сейчасъ предстанетъ самъ.

МАГОМЕТЪ.

Ужаснѣйшая вѣсть, возможно ли повѣрить?
Іеронима, ахъ! ты тщилась лицемѣрить,
Ты тщилась дни того монарха прекратить,
Который тщился стонъ твой въ радость превратить,
И въ воздаяніе жарчайшія любови
Хотѣла моея напитися ты крови!
Невѣрная, покровъ притворствъ твоихъ ниспалъ.
Въ какой я, небеса, днесь безднѣ утопалъ!
Или противъ меня воюющая злоба,
Извергнувъ мертваго соперника изъ гроба,
Хотѣла всколебать желанный мной покой?

ІЕРОНИМА.

Коль ты ужъ мнишь во мнѣ измѣнѣ быть такой...

МАГОМЕТЪ.

Не оставляюща на мигъ мои ты взоры,
Ты какъ могла сіи составить заговоры?
И кто изъ грековъ былъ въ числѣ твоихъ друзей,
Кого склонила ты и кто есть Комнинъ сей?...

ІЕРОНИМА.

Сей Комнинъ есть Ѳемистъ; но гдѣ онъ, я не знаю.

МАГОМЕТЪ.

Теперь подозрѣвать я прямо начинаю,
Не можетъ помрачить ни чѣмъ сей правды гласъ;
Тобой назначены и мѣсто имъ и часъ,
И ты участница, конечно, въ ономъ дѣлѣ.
Велю тебя влещи въ темницу я отселѣ,

Когда не скажешь мнѣ, гдѣ кроется злодѣй.

ІЕРОНИМА.

Когда подвержена я лютости твоей,
Ты можешь власть свою во зло употребити.
Стремись, тиранъ, стремись несчастну погубити!...

МАГОМЕТЪ.

Страшись!

ІЕРОНИМА.

Страшись, тиранъ, ты самъ и трепещи!

МАГОМЕТЪ.

Съ мученіемъ велю я духъ твой извлещи.
Влеките, воины, измѣнницу въ оковы!

ІЕРОНИМА.

Не страшны мнѣ твои мученія суровы.
Ты былъ, тиранъ, всегда въ числѣ моихъ враговъ.
Достойны, руки, вы ужаснѣйшихъ оковъ,
Достойны, для чего его не наказали!

МАГОМЕТЪ.

Слова твои теперь мнѣ ясно доказали,
Что ты сей страшный ровъ хотѣла мнѣ изрыть.
Вѣщай мнѣ, гдѣ Ѳемистъ? Теперь не можешь скрыть.

ІЕРОНИМА.

Коль хочешь ты сего героя познавати,
Такъ долженъ ты, тиранъ, здѣсь всѣхъ подозрѣвати
Подозрѣвати ты весь долженъ будешь свѣтъ,
Сыскать тебѣ его инаго средства нѣтъ;
Живущи греки внутрь и внѣ престольна града
Всѣ мстители и всѣ суть Комниновы чада.

(*Отходитъ и за нею нѣсколько воиновъ*).

МАГОМЕТЪ (*въ слѣдъ.*)

Ступай, тамъ гордость вся твоя теперь минетъ.
Отмщай презрѣніе и стыдъ свой, Магометъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАГОМЕТЪ И ѲЕМИСТЪ.

ѲЕМИСТЪ.

Все войско, государь, отъ града прочь отходитъ,
Движеніе въ сердцахъ геройскихъ происходитъ,
Желающихъ себя во бранѣхъ превознесть.
На всѣхъ челахъ видна Родосу страшна месть.

МАГОМЕТЪ.

Не внѣшнюю войну монархъ твой воображаетъ,
Коль внутрення ему опасность угрожаетъ;
Не во́йска на меня во гнѣвѣ вопіютъ,
Но днесь противу насъ всѣ Греки возстаютъ.

ѲЕМИСТЪ.

Всѣ греки, государь! какъ имъ сіе возможно?

МАГОМЕТЪ.

Извѣстіе о семъ имѣю я не ложно.
Но я еще тебя и болѣ удивлю,
Когда ихъ заговоръ и мѣсто объявлю:
Въ Диванѣ, гдѣ мой бракъ днесь долженъ совершаться,
Я долженъ отъ моихъ злодѣевъ былъ скончаться,
Внимай еще сію ужаснѣйшую вѣсть;
Въ числѣ злодѣевъ сихъ и нѣкто Комнинъ есть.

ѲЕМИСТЪ.

О небо!

МАГОМЕТЪ.

Для кого была Іеронима
Всегда упорна мнѣ, всегда непреклонима,
Сей Комнинъ, коего я мертвымъ почиталъ.

ѲЕМИСТЪ.

Возможноль, государь, чтобъ онъ изъ мертвыхъ всталъ?

МАГОМЕТЪ,

Ко удивленію и къ лютой мнѣ досадѣ,
Онъ живъ и кроется межъ греками во градѣ
И производитъ сей ужасный заговоръ,
Измѣнницы моей поступокъ рѣчь и взоръ,
Являли всю ко мнѣ въ ней злобу чрезвычайну.
Пойдемъ, она сію конечно знаетъ тайну.

ѲЕМИСТЪ.

Что хочешь ты начать?

МАГОМЕТЪ.

Измѣнницу мою
Принужу тайну мнѣ повѣдати сію.

ѲЕМИСТЪ.

Сей тайны отъ нея увѣдать ты не льстися,
Но прежде о своихъ злодѣяхъ извѣстися,
И прежде заговоръ ты ихъ предупреди,
Смяти ихъ общество и въ ужасъ приведи.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ И НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

НАЧАЛЬНИКЪ.

Измѣнники твои всю стражу побѣдили
И плѣнную княжну отъ узъ освободили;
То греки, государь, и съ ними былъ Муратъ,
Который избѣжалъ и съ плѣнницей за градъ.

МАГОМЕТЪ (*начальнику, который и отходитъ*).

Вели во всѣ страны стремитися за ними.
Обманутъ я теперь злодѣями моими!

ѲЕМИСТЪ (*въ сторону*).

О Боже! ты ея стопы препроводи!

МАГОМЕТЪ.

Поди скорѣй и мнѣ Османа приведи.
Но се онъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАГОМЕТЪ, ѲЕМИСТЪ И ОСМАНЪ СЪ ВОИНАМИ.

ОСМАНЪ.

Государь, бѣда намъ угрожаетъ!
Все грамота сія въ себѣ изображаетъ.
(*Подаетъ письмо*).
Прочти ее, познай всю злобу и обманъ,
И кто измѣнникъ твой; измѣнникъ — Солиманъ.
Двухъ грековъ поималъ я съ грамотою сею.

МАГОМЕТЪ (*принявъ письмо*).

О небо! такъ и въ немъ злодѣя я имѣю?

ОСМАНЪ.

Познавъ въ сей грамотѣ руки его черты,
Познаешь, государь, всю истинную ты.

МАГОМЕТЪ (*читаетъ*).

«О греки храбрые! уже ли вы готовы
«Повергнути съ себя поносныя оковы?
«Ужъ мною обольщенъ ужасный нашъ тиранъ
«И мною въ торжествѣ онъ будетъ днесь попранъ.
«Спѣшите, храбрые герои, вы со мною
«Ѳемиста возвести царемъ надъ сей страною».

ѲЕМИСТЪ.

Какимъ внезапнымъ сталъ я громомъ пораженъ!

МАГОМЕТЪ (*Өемисту*).

Въ какія былъ тобой я бездны погруженъ!
Ты съ Комниномъ, злодѣй, на жизнь мою стремился!

ӨЕМИСТЪ.

Когда весь случай мой совсѣмъ перемѣнился,
Я таинства сего ужъ болѣ не таю.
Но ты познай теперь тиранску власть свою:
Вся Грецiя въ твоихъ оковахъ тяжкихъ стонетъ,
Европа, Азія въ крови несчастныхъ тонетъ;
Византія, дотоль цвѣтущій въ свѣтѣ градъ,
Подъ властію твоей преобратился въ адъ;
Ты воздухъ въ немъ своимъ дыханьемъ заражаешь
И казнью подданнымъ ужасной угрожаешь.
Не я единъ, не я, но весь желаетъ свѣтъ,
Да смерть тебя, злодѣй, ужасная ссѣчетъ!

МАГОМЕТЪ.

Пускай стенаютъ днесь всея земли народы,
Пускай меня всѣ чтутъ мучителемъ природы,
Я буду навсегда межъ ихъ торжествовать;
Но ты ль злодѣй меня такъ могъ именовать!...
Отвѣствуй мнѣ, какой чудесною судьбою
Явился Комнинъ здѣсь и гдѣ онъ скрытъ тобою?

ӨЕМИСТЪ.

Онъ скрытъ, и ты его днесь долженъ трепетать.

МАГОМЕТЪ.

Ты долженъ моего злодѣя мнѣ предать.
Измѣнникъ, я твое упорство одолѣю.

ӨЕМИСТЪ.

Я только о тебѣ, княжна моя, жалѣю!

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАГОМЕТЪ, ӨЕМИСТЪ, ОСМАНЪ И НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

МАГОМЕТЪ.

Вѣщай скорѣе мнѣ, гдѣ плѣнница моя?

НАЧАЛЬНИКЪ.

Сейчасъ ты, государь, увидишь здѣсь ея,
Лишенну вольности и въ узы заключенну.

ӨЕМИСТЪ.

Увы, прогнѣвалъ я судьбу ожесточенну!
Какого дождался я лютаго часа?

(*Увидя ведомую Іерониму во узахъ*).
Какое зрѣлище!... О гнѣвны небеса!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПРЕЖНІЕ И ІЕРОНИМА (*въ оковахъ*).

МАГОМЕТЪ.
Ты мнила, дерзкая, отъ казни избѣжати.

ІЕРОНИМА.
Стремись, тиранъ, меня несчастну поражати,
Исполни варварство свирѣпыхъ агарянъ...
(*Увидя Ѳемиста*).
Что вижу я! Увы!...

ѲЕМИСТЪ (*Магомету*).
О лютый нашъ тиранъ!
Когда мы стали днесь рукѣ твоей подвластны,
Рази обоихъ насъ, мы оба съ ней несчастны...

ІЕРОНИМА (*Ѳемисту*).
Что хочешь ты начать въ отчаяньи своемъ?

ѲЕМИСТЪ.
Коль рокъ нашъ есть таковъ, безъ робости умремъ!

МАГОМЕТЪ.
Умрешь, измѣнникъ ты и ты злодѣйка люта,
Пришла къ обоимъ вамъ послѣдняя минута;
Но прежде нежели я казнь вамъ изреку,
Мученіемъ изъ васъ я тайну извлеку.
Вы тщетно отъ меня скрыть Комнина хотите,
Постраждете, доколь его не предадите.

ІЕРОНИМА.
О варваръ! лютый тигръ! коль власть тебѣ дана,
Терзай меня, губи, виновна я одна,
Но знай, что самъ, злодѣй, ты прежде изнеможешь,
А тайны изъ меня исторгнути не можешь.

МАГОМЕТЪ.
Страшишь, или сейчасъ падешь подъ симъ мечемъ!

ІЕРОНИМА.
Не поколеблешь ты души моей ничѣмъ,
Не страшны для нея и адскіе тираны!
Рази, вотъ грудь моя, готовая на раны!

МАГОМЕТЪ.
Доколѣ мнѣ терпѣть поносныя слова?

ІЕРОНИМА.

Доколѣ буду я на свѣтѣ семъ жива!

МАГОМЕТЪ.

Не думай, чтобъ я былъ еще тебѣ подвластенъ;
Минуты тѣ прошли, въ которы былъ я страстенъ...
Умри, преступница!... (*Бросается къ ней съ кинжаломъ и закалаетъ*).

ѲЕМИСТЪ.

(*Также бросается къ Магомету съ мечемъ, но его окружаютъ воины и мечъ отъемлютъ. Ѳемистъ съ яростію*:)

Мучитель!...

ІЕРОНИМА (*Ѳемисту*).

Ахъ, прости!
(*Умираетъ*).

ѲЕМИСТЪ.

О варваръ, ахъ, княжна!... возможно ли снести...
Познай, чудовище, какъ Комнинъ нынѣ страждетъ.
Пролей ты кровь его, сей крови духъ твой жаждетъ;
Пролей, когда онъ самъ не пролилъ твоея...

МАГОМЕТЪ.

Кто жъ Комнинъ сей? Вѣщай.

ѲЕМИСТЪ.

Познай, сей Комнинъ—я!
(*При семъ словѣ закалается имѣющимся у него кинжаломъ*).

МАГОМЕТЪ.

Измѣнникъ, ахъ, кого я вижу предъ собою!...

ѲЕМИСТЪ.

Довольствуйся, тиранъ, несчастнаго судьбою...
Благодари ея... что мстительный мой мечъ...
Не могъ злодѣйскія... души твоей... извлечь...

(*Умираетъ*).

МАГОМЕТЪ.

О небо, всѣхъ моихъ лютѣйшихъ бѣдъ свидѣтель!
На то ли имъ сію ты дало добродѣтель,
Чтобъ только чрезъ нее покой мой возмутить
И всѣ мои дѣла въ ничто преобратить?
Преславнаго сего бывъ града побѣдитель,
Содѣлался теперь прелютый я мучитель.
Опаснѣйшихъ моихъ злодѣевъ истребя,
Увы! гнушаюся я нынѣ самъ себя...

(*Къ народу*)

А вы, о лютые тираны нѣжной страсти,
Творцы и зрители презлой моей напасти!
Познаете сіе вблизи родосскихъ стѣнъ,
Чего я вами днесь, свирѣпые, лишенъ;
Заплатите мой гнѣвъ, рожденный сей любовью,
Ужаснымъ бѣдствіемъ, стенаніемъ и кровью.

ДЕРЕВЕНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ

ИЛИ

УВѢНЧАННАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ,

ПАСТУШЕСКАЯ ДРАМА СЪ МУЗЫКОЮ

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

—

(1777 года. Представлена въ первый разъ на Московскомъ театрѣ).

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Господинъ подмосковной деревни.
Другой господинъ, гость его (*безъ пѣнія*).
Медоръ, пастухъ.
Надежда, пастушка.
Мать ея (*безъ пѣнія*).
Староста деревни (*безъ пѣнія*).
Староста цыганскій.
Крестьяне и крестьянки.

Дѣйствіе въ подмосковной.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ рощу, у которой стоитъ пастушій шалашъ, а вдали видна деревня.

Медоръ (*украшающій шалашъ свой березками и цвѣтами*). Сегодня у насъ праздникъ, и мы праздны; здѣсь будетъ гульбище; прибрать было мнѣ шалашъ свой получше; вотъ; эта березка пускай стоитъ тутъ, эту подлѣ ея поставлю съ другой стороны, эта тутъ, а эта здѣсь пусть стоитъ; эта съ этою будутъ по сторонамъ входа; на нихъ пусть висятъ эти пучки цвѣтовъ. Пусть Надежда хотя шалашомъ моимъ полюбуется. Вѣдь даромъ, что она пошла въ городъ съ лукошкомъ ягодъ, я думаю, она сюда къ вечеру будетъ

неужто тамъ она засмотрится на господскія увеселенія? Намнясь кто-то ей сказывалъ, что будетъ тамъ потѣха. Какая, къ чорту, потѣха! Она умретъ со страху: полетятъ какія-то огненныя змѣи, будутъ на верху лопать, а изъ нихъ посыплются искры; того и гляди, что глаза выжгутъ. Боюсь я, ежели она тамъ останется смотрѣть этой ужасной забавы; боюсь, чтобъ ея не обожгло. И ну, какъ еще на прекрасномъ лицѣ ея сдѣлаютъ какое пятно чорное? Право, я самъ отъ ужаса обмираю. Хотя она ко мнѣ и не очень ласкова, а я все люблю ее, какъ душу. Хорошо, какъ да пятно-то ей положатъ! Это право не шутка. Ахъ, Надежда, ежели бы ты меня такъ жалѣла, какъ я тебя.

ПѢСНЯ.

Хоть покой Надеждой рушу,
Я люблю ее, какъ душу,
Хоть она меня бѣжитъ;
Ну, какъ городомъ прельстится
И сюда не возвратится!
Право духъ во мнѣ дрожитъ.
Городскія всѣ забавы
Не прійдутъ на наши нравы,
Намъ пріятна простота.
Тамъ уборъ—краса въ народѣ,
А у насъ лишь во природѣ
Состоитъ вся красота.

(Посматриваетъ по сторонамъ).

Нѣтъ, кажется, не она. Я приготовилъ ей вѣнокъ изъ самыхъ цвѣтовъ прекрасныхъ. Да нѣтъ, она ихъ прекраснѣе! Приметъ ли еще она его у меня? Я не знаю, для чего она меня всегда стыдится. Лишь заговорю съ нею, она и покраснѣетъ и чрезъ то еще содѣлается прелестнѣе. Намнясь, какъ я пасъ близко ея мое стадо, она спала подъ тѣнію одного кусточка; я подошелъ было посмотрѣть ее и полюбоваться; проклятая муха, прилетѣвъ, сѣла ей на губу и тѣмъ ее разбудила; она проснувшись погнала отъ меня прочь свое стадо; я никакими словами упросить ее не могъ, чтобъ осталась со мною. Проклятая муха! И эта тварь ее остерегаетъ! Ахъ, на этотъ часъ лучше бы я мухою сдѣлался. Я бы ея не укусилъ, я бы поцѣловалъ ее! Ахъ, Надежда, еже-

ли бы ты была только склонна ко мнѣ! Я ужѐ барина просилъ, чтобъ на тебѣ жениться, и онъ мнѣ обѣщалъ, сказавъ: только бы де она за тебя пошла, а то-де я неволею не выдамъ, и теперь судьба моя уже не отъ него, но отъ тебя зависитъ. Да полно, кто видалъ, чтобъ дѣвка сказала, что она замужъ хочетъ? Вѣдь наши не городскія. Хотя бы ты это переняла тамъ. (*Опять посматриваетъ*). Да вотъ кто-то идетъ отъ города. Ну, какъ и это не она?...Боже мой, она, это Надежда!

ЯВЛЕНІЕ II.

МЕДОРЪ И НАДЕЖДА.

(*Она приходитъ, пастухъ радуяся къ ней прибѣгаетъ, а она останавливается и будто хочетъ назадъ идти, но онъ ее удерживаетъ*).

Медоръ. Неужто и въ сей день, въ который всѣ здѣсь веселятся, ты меня вновь опечалить хочешь? Я умиралъ, боялся, чтобъ ты не осталась въ городѣ до завтра, и праздникъ бы мнѣ безъ тебя былъ не праздникъ.

Надежда. Зачѣмъ мнѣ оставаться, и баринъ нашъ сегодня съ гостьми сюда будетъ.

Медоръ. Развѣ ты его видѣла?

Надежда. Я у него была.

Медоръ. Да не говорилъ ли онъ чего тебѣ обо мнѣ?

(*Хочетъ поцѣловать*).

Надежда. Нѣтъ...Пусти меня пожалуй, что это за шутки!

Медоръ. Прекрасная Надежда, ты меня вѣчно мучить опредѣлила!

Надежда (*вырывая руку, а онъ не пускаетъ*). Охъ, чѣмъ я тебя мучу?..Не шути пожалуй.

Медоръ. Я тебя люблю, а ты меня не любишь.

Надежда (*съ негодованіемъ*). Отвяжись же пожалуй, за что мнѣ тебя не любить? Пусти меня.

Медоръ. Изволь, я отпущу твою руку, да побудь же хотя минуту со мною.

Надежда. Эдакой неотвязаный. Мнѣ право недосугъ, надобно отнести къ матушкѣ деньги, которыя взяла я за ягоды. (*Хочетъ идти*).

Медоръ (*удерживая*). А кто у тебя купилъ ихъ?

Надежда. У меня ихъ купилъ въ саду какой-то баринъ. Да какой же чорный! Какъ чортъ сперва мнѣ показался; а какъ онъ съ лица своего снялъ эту заплату чорную, то какъ ангелъ сталъ хорошъ; ихъ тамъ много, только всѣ не хороши: иной такой блѣдный, какъ мертвецъ, другой чорный, какъ чортъ, у инаго носъ какъ у журавля. Я не знаю, на что они такія хари на себя надѣваютъ. Можетъ быть, они и хороши. Да и женщины-то всѣ въ харяхъ и будто птицы: на головахъ хохлы, какъ у пиголицъ, и такіе превысокіе, что изъ-за нихъ никому ничего не видно. Сами себѣ смотрѣть мѣшаютъ; да того еще и гляди, что глазъ выколютъ. А баринъ-атъ, который у меня купилъ ягоды, такой ласковой, въ душу вьется; звалъ меня опять въ городъ.

Медоръ. Что же, ты и пойдешь?

Надежда. Въ вѣкъ не пойду. Какая же въ немъ духота, какая пыль! Скачутъ по улицамъ, какъ бѣшеные; чуть было меня не задавили.

Медоръ (*въ сторону*). Уфъ, насилу отдохнулъ. Такъ городъ тебѣ не полюбился?

НАДЕЖДА.

Я въ деревнѣ здѣсь родилась и въ деревнѣ здѣсь жила,
Мнѣ родимая сторонка, будто матушка, мила;
Я хожу съ овцами въ поле и дою моихъ коровъ,
Мнѣ мѣста пріятны здѣшни, вѣтеръ здѣшній мнѣ здоровъ.
Я впервые въ городъ вышла, торопилася домой,
Не пойду въ него во вѣки, мнѣ онъ кажется тюрьмой.

Медоръ. Смотри-ко, Надежда, здѣсь то ли дѣло: вмѣсто пыли, какая трава зеленая, вмѣсто духоты какой пріятный отъ цвѣтовъ запахъ, и вмѣсто тамошнихъ нахмуренныхъ домовъ какія прекрасныя возвышенія, съ которыхъ льются ручейки прозрачные! Въ любомъ купайся.

Надежда. Прости, пора мнѣ идти домой, да получше снарядиться, вѣдь скоро будутъ сбираться играть короводами.

МЕДОРЪ.

Ты глазамъ моимъ прелестна,
Въ чемъ одѣта-бъ ни была;
Страсть моя тебѣ извѣстна;
Ты, Надежда, мнѣ мила.

Надежда. Прости, прости, баринъ нашъ сюда будетъ.

Медоръ. Подожди пожалуй, я тебѣ къ празднику приготовилъ подарокъ, я сейчасъ его принесу тебѣ, онъ у меня не далеко подъ кустомъ спрятанъ. Да не уходи же.

Надежда. Ну, только поди пожалуй.

Медоръ (*пошедъ, оглядывается на Надежду*). Пожалуй же подожди меня.

Надежда. Изволь, изволь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Надежда. Что то за подарокъ? Да я его принять боюсь. Хотя, сказать правду, Медоръ мнѣ и не противенъ, да какъ ему это скажешь? Вѣдь мужчины какъ мухи на медъ падки: скажи-ко ему, что любишь, такъ и не отвяжешься, а потомъ и броситъ. Такъ-то бѣдная Флена отдалась Андрею, да послѣ и утираетъ кулакомъ слезы. Ахъ, да они всѣ таковы! И ты, Медоръ, не лучше.

Представляю я измѣну
И страшуся твоея,
Такъ Андрей любилъ здѣсь Флену
И покинулъ онъ ея.
(*Эхо тѣмъ же голосомъ:*)
И покинулъ онъ не я.

Неужто это Медоръ отзывается? Да нѣтъ, мой другъ, меня не скоро обманешь; я и подарка-то твоего принять боюсь.

Не встревожу я природу,
Я хочу свободна быть,
Я люблю мою свободу,
Буду вѣчно я любить.
(*Эхо въ тотъ же голосъ:*)
Буду вѣчно я любить.

Ахъ, не въ правду ли ужъ это онъ говоритъ? И ежели бы онъ и исполнилъ это? Я страшуся вѣрить этому. И хотя бы...Да вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

НАДЕЖДА И МЕДОРЪ.

Медоръ. Вотъ, Надежда, я тебѣ вѣнокъ приготовилъ, какъ же ты въ немъ хороша будешь!

Надежда (*вынявъ свой вѣнокъ изъ лукошка*). На что мнѣ, у меня свой есть, не надо, не надо, оставь у себя его.

Медоръ. Инъ помѣняемся.

Надежда. И того таки не хочу; что это за мѣна?

Медоръ. Что эта за причина? Какъ я съ тобою говорю о чемъ нибудь постороннемъ, ты отвѣчаешь мнѣ ласково, а какъ стану говорить о собственномъ своемъ дѣлѣ, ты и слушать не хочешь, стану дарить, ты и подарка не принимаешь. Ахъ, Надежда, развѣ свобода моя невозвратима?

Часть пріятнѣйшая года—
Возвратилася весна,
Утомленная природа
Возбудилася отъ сна;
Распустилися листочки,
И различные цвѣточки
Распестрили мягкій лугъ.
Все къ веселію стремится,
Лишь одинъ тобой томится
Мой, Надежда, страстный духъ.

Вотъ, Надежда, какъ ты меня томишь и мучишь.

НАДЕЖДА.

Томися ты иль не томися,
Меня склонити не стремися,
Успѣхомъ мысль свою не льсти;
Свободна я, на вѣкъ прости.
Старайся симъ другихъ прельщати,
Престань покой мой возмущати,
Успѣхомъ мысль свою не льсти.
Свободна я на вѣкъ, прости.

Медоръ. Жестокая, или ты не видишь моей къ себѣ искренности, или ты не слышишь тяжкихъ моихъ вздоховъ? Умилися надо мною; теперь только отъ тебя зависитъ мое благополучіе, и баринъ нашъ согласенъ увѣнчать меня съ тобою, только бы ты была на то согласна!

МЕДОРЪ.

Я тобой повсечасно
Рвусь и мучусь, стеня,
Я люблю тебя страстно;
Ты не любишь меня.

НАДЕЖДА.

Всѣ вы полны отравы,
Полнъ обмана вашъ взоръ,

Всѣ мужчины лукавы,
Ты мужчина, Медоръ.

ОБА.

Что вы/мы тигры презлые
Иль прелютые львы!
Всѣ/Есть мужчины такіе,
Право/Но не всѣ таковы!

Надежда. Всѣ вы таковы; какъ ищете любви нашей тогда клянетеся быть вѣрными, и будто невинныхъ птичекъ на примануу насъ ловите, а лишь бѣдная птичка въ силки ваши запутается, то ее и въ клѣтку, да вѣкъ въ ней и сиди. Полно, полно, Медоръ, не прельщай меня ласковыми словами твоими; я обманы ваши знаю.

ОБА.

Что вы/мы тигры презлые,
Иль прелютые львы!
Всѣ/Есть мужчины такіе,
Право/Но не всѣ таковы!

Медоръ. Не считай меня въ числѣ тѣхъ негодныхъ мужчинъ, которые на часъ влюбляются; этотъ обычай въ городѣ. Ахъ, Надежда, ты меня прямо не знаешь. Ежели бы ты чувствовала мое мученіе, и ежели бы знала, какъ я тебя люблю! Гдѣ я ни бываю, ты всегда въ моихъ мысляхъ; что ни дѣлаю, во всѣхъ моихъ дѣлахъ ты мнѣ представляешься; рвули цвѣты, во всякомъ цвѣточкѣ ты мнѣ кажешься; играю ли на свирѣли, твой голосъ мнѣ слышится, и сны тебя же мнѣ представляютъ, и представляютъ иногда склонною. Прекрасная Надежда, ежели бы это на яву было!... Когда ты страшишься моея невѣрности! Вѣрь мнѣ, Надежда, что я вѣчно твой, и ни что меня, кромѣ самой тебя, разлучить съ тобою не можетъ. Ты одна для меня родилась.

Надежда. Ахъ, Медоръ, Медоръ, ежели бы это был правда?

Медоръ. Чѣмъ мнѣ тебя увѣрить, не знаю; что ты всегда въ моихъ мысляхъ, посмотри, на всѣхъ почти здѣшнихъ деревьяхъ имя твое вырѣзано; и что ты въ моемъ сердцѣ, то ежели бы можно было, вскрылъ бы тебѣ грудь мою, ты бы конечно на сердцѣ имя свое напечатано увидѣла.

Надежда. Полно, Медоръ, пусти меня, кто-то идетъ! Онъ насъ съ тобою увидитъ.

Медоръ. Я такъ и хочу, чтобъ всѣ видѣли, что я тебя люблю. Мнѣ хочется, чтобы и баринъ нашъ когда-нибудь меня съ тобою увидѣлъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

МЕДОРЪ, НАДЕЖДА И ДРУГОЙ ПАСТУХЪ.

Пастухъ. Господинъ нашъ сейчасъ пріѣхалъ изъ города съ гостьми. Какая же идетъ пляска! Всѣ бабы и дѣвки собраны, да и Цыганы къ намъ будутъ скоро; они подъ нашею деревнею стоятъ въ лугу.

Медоръ. Ужъ эти проклятые Цыганы. Только что луга наши вытравливаютъ; съ нихъ и солдатчины-то нѣтъ, на бѣлой право землѣ живутъ; что имъ дѣлается? Ничего не работая, только нашъ хлѣбъ ѣдятъ.

Пастухъ. Они ворожатъ и все отгадываютъ: кому на комъ жениться, или кому за кого замужъ идти, кто кого любитъ. Все какъ въ руку положатъ.

Медоръ. Пойдемъ, Надежда, поскорѣе. Авось они увѣрятъ, что я люблю тебя.

МЕДОРЪ И НАДЕЖДА.

Можетъ быть они увѣрятъ,
Что по/не любишь ты меня,
И на свой аршинъ измѣрятъ,
Мед. } Что я рвусь, тобой стеня.
Над. } Я боюсь ихъ, какъ огня.

ВСѢ ТРОЕ.

Ну, пойдемъ, пойдемъ скорѣя,
Тамъ намъ будетъ веселѣя.

МЕДОРЪ И НАДЕЖДА.

Господинъ мой духъ спокоитъ,
Отъ него сего я жду.

Онъ мнѣ счастіе устроитъ,
Я съ Надеждою иду.

ВСѢ ТРОЕ.

Ну, пойдемъ, пойдемъ скорѣя,
Тамъ намъ будетъ веселѣя.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ деревню, въ которой на улицѣ всѣ крестьяне и крестьянки, между которыми господинъ деревни съ гостьми.

ХОРЪ.

Мы живемъ въ счастливой долѣ,
Работая всякій часъ,
Жизнь свою проводимъ въ полѣ,
И проводимъ веселясь.
Деревенскія забавы
Веселятъ у насъ сердца,
Не развратны наши нравы,
Между нами нѣтъ льстеца.
Хитрецовъ здѣсь нѣтъ зловредныхъ,
Нѣтъ ихъ пагубныхъ сѣтей;
Нѣтъ богатыхъ здѣсь, ни бѣдныхъ,
Нѣтъ подъяческихъ затѣй.
Дьякъ руки не замараетъ,
Заманя къ себѣ въ приказъ;
Все невинность презираетъ;
Нѣтъ бездѣльниковъ у насъ.

Господинъ (*гостю*). Вотъ такъ-то мои подданные веселятся, и когда они веселы, тогда и я доволенъ и веселъ.

Гость. Мои крестьяне также не могутъ сказать, чтобы изнурены мною были.

Господинъ. Да въ томъ-то и состоитъ прямое домостроительство, чтобъ крестьяне не разорены были. Вѣдь они такіе же люди; ихъ долгъ намъ повиноваться и служить исполненіемъ положеннаго на нихъ оброка, соразмѣрнаго силамъ ихъ, а нашъ—защищать ихъ отъ всякихъ обидъ и,

даже служа государю и отечеству, за нихъ на войнѣ сражаться и умирать за ихъ спокойствіе. Вотъ какая наша съ ними обязанность.

ХОРЪ.

Мы руками работаемъ
И за долгъ себѣ считаемъ
Быть въ работѣ таковой.
Давъ оброкъ, съ насъ положенной,
Въ жизни мы живемъ блаженной
За господской головой.

ГОСПОДИНЪ.

Коль крестьяне мной довольны,
Самъ собой доволенъ я.
Коль они богаты, вольны,
Въ томъ утѣха вся моя.

ХОРЪ.

Мы своей всегда судьбою
Всѣ довольны и тобою;
Лошадей, коровъ, овецъ
Много мы имѣемъ въ полѣ,
И живемъ по нашей волѣ
Ты намъ баринъ и отецъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ И СТАРОСТА.

Староста. Цыгане, сударь, просятъ позволенія васъ повеселить.

Господинъ. Цыгане?

Староста. Да, сударь, ихъ пришелъ староста.

Господинъ. Пусти его сюда. (*Староста отходитъ.*) Хотя бы они только что плясали, и тутъ бы еще мало отъ нихъ пользы было, а то еще народъ обманываютъ да объѣдаютъ. Сіи плуты, какъ птицы небесныя, ни орутъ ни сѣютъ, а сыты бываютъ; то-то истинные тунеядцы!

Гость. Не одни Цыгане сего названія достойны; ихъ у насъ много: всякъ, не дѣлающій пользы обществу, есть тунеядецъ, какъ напримѣръ...Да полно, что говорить, вѣдь и ульи безъ трутней не бываютъ! Да вотъ и староста ихъ съ твоимъ пришли.

Господинъ. Ну, господинъ Цыганъ, или лучше сказать, господинъ тунеядецъ, поворожи намъ что-нибудь.

Цыганъ. Изволь, сударь, баринъ доброй, подайте вашу руку и положите на нее серебра, я вамъ доброе скажу.

Господинъ. Да развѣ безъ серебра нельзя?

Ццыганъ. У насъ, сударь, обычай такой, что мы безъ серебра ничего добраго не угадываемъ. Серебро все покажетъ.

Господинъ. Это чуть не правда ли; у насъ прежъ сего и въ приказахъ безъ того ничего не дѣлывали добраго. Право, наши приказные такіе же Цыгане; безъ платы хоть ты что, такъ не напишутъ. Ну добро, вотъ тебѣ и деньги.

Цыганъ. Вотъ, господинъ доброй, такъ-то лучше. Намнясь у меня въ городѣ ворожился одинъ отставной судья; будетъ ли для него милостивый указъ о разрѣшеніи взятокъ по прежнему: я бы-де опять къ дѣламъ добился.

Господинъ. О, у дѣлъ и себѣ добро дѣлывали, да и вотчины наживали. Что же ты ему сказалъ?

Цыганъ. Потому, что онъ мнѣ мало положилъ на руку, то я ему сказалъ, что трудненько этого дожидаться. Такъ онъ говоритъ: что-де прибыли, что не будетъ такого разрѣшительнаго указа? Вѣдь-де наша братья, умные судьи, и безъ него берутъ, и имъ-де право съ рукъ сходитъ, да они-де и побогатѣе тѣхъ, которые не берутъ, и кто-де указа-то боится, чтобы не брать, тотъ-де прямо изъ-за краснаго сукна да по векселямъ въ тюрьму; а нашъ-де братъ, хотя и отъ дѣлъ-то отрѣшится, такъ, благодаря Бога, какъ баринъ живетъ и съ покоемъ, и съ имѣніемъ. Вѣдь того уже не отнимаютъ, кто чтò нажилъ, а кто прожилъ, тому не даютъ.

Господинъ. Тутъ, мой другъ, наблюдается честь.

Цыганъ. Какая, сударь, честь, коли нечего ѣсть!

Честь на свѣтѣ имя ложно,
Укусить ее не можно,
Съ нею вѣкъ не проживешь;
Нужда, холодъ одолѣетъ,
И никто не пожалѣетъ;
Право, съ голоду умрешь.

господинъ и съ нимъ хоръ.

Ты, Цыганъ проклятый, врешь.

ГОСПОДИНЪ.

Честь хранящимъ то извѣстно:
Кто живетъ на свѣтѣ честно,
Тотъ въ спокойствіи живетъ.
Пусть бѣды его постигнутъ,
Но души въ немъ не подвигнутъ,
Для него и въ мракѣ свѣтъ.

ЦЫГАНЪ И СЪ НИМЪ ХОРЪ.

Не таковъ, о баринъ, свѣтъ.

ЦЫГАНЪ.

Кто имѣетъ что въ карманѣ,
Чтутъ того и басурмане;
У кого же пустъ карманъ,
Ничего на честь не купитъ;
Право, голоду уступитъ
И умретъ межъ христіанъ.

ГОСПОДИНЪ И СЪ НИМЪ ХОРЪ.

Врешь, проклятый ты Цыганъ.

ГОСПОДИНЪ.

Разсуждающимъ развратно
Имя чести не понятно,
Имъ пріятна груба лесть.
Можно ль страсти побѣждати,
Кто не смыслитъ разсуждати,
Что прямая въ свѣтѣ честь?

ЦЫГАНЪ И СЪ НИМЪ ХОРЪ.

Баринъ, все на свѣтѣ есть.

Господинъ. У насъ нынѣ не такое время, чтобъ такъ криво разсуждали; взятки совсѣмъ выводятся, да и судей такихъ мало, которые бы чести своей не хранили. Правда, что въ семьѣ не безъ урода, да и то также правда, что тѣ, которые хранятъ свою честь, и не богаты; да что же дѣлать, что они не такъ счастливы, какъ бы имъ быть должно? Ежели бы объ нихъ была извѣстна мудрая наша законодавица, она бы ихъ конечно наградила. Да та бѣда, что не все до ушей ея доходитъ, а государь не сердцевѣдецъ. Да полно объ этомъ болтать. Сказывай, что ты у меня на рукѣ опричь серебра видишь?

Цыганъ. Много скажу тебѣ добраго; ты къ своимъ крестьянамъ добръ...и они тебя любятъ...

Господинъ. Полно, полно. Коли они меня любятъ, такъ

я очень доволенъ. (*Въ сторону*) Онъ, право, все здѣсь выспросилъ. Ну-ка ты, староста, покажи ему свою руку.

Староста (*не хочетъ показывать руки своей*). Нѣтъ сударь, у меня рука замарана, на ней ничего добраго господинъ Цыганъ не увидитъ. Да мнѣ же и положить на нее нечего.

Господинъ (*даетъ деньги*). Вотъ я за тебя положу; на, покажи ему руку.

Староста (*кажетъ руку съ робостью*). Изволь...господинъ Цыганъ.

Цыганъ (*смотря ему въ глаза и примѣтя его робость*). А, а, господинъ староста...Ты иногда...

Староста. Да, господинъ Цыганъ...я иногда...и грѣшенъ бываю.

Цыганъ (*смотря на руку*). И очень бываешь...а особливо...

Староста. Нѣтъ, господинъ Цыганъ...я особливо ни съ кого не беру, а всѣ крестьяне мнѣ жалуютъ.

Господинъ. А, а, плутъ, такъ-то ты управляешь здѣсь Не даромъ ты руки-то не давалъ. Такого-то не бывать долго въ деревнѣ. Вотъ какіе плуты. Ты служи, а они безъ тебя разоряютъ. Плутъ, какъ ты смѣешь обирать крестьянъ моихъ, когда я самъ, находясь у дѣлъ государевыхъ, никогда не биралъ и не беру? Добро, мой другъ, я тебѣ отшибу лапу-то, не станешь ты больше крестьянъ моихъ обирать.

ЯВЛЕНІЯ IV.

ПРЕЖНІЕ, МЕДОРЪ И НАДЕЖДА.

Господинъ. А, да вотъ и Медоръ; гдѣ ты былъ?

Медоръ. Я, сударь, убиралъ шалашъ свой; думалъ, что тамъ въ рощѣ гульбище будетъ.

Господинъ (*гостю*). Вотъ дѣтина добрый. Да вотъ и Надежда. Что, бѣдный, уже ли она къ тебѣ поласковѣе?

Ммедоръ. Нѣтъ, сударь, она все думаетъ, что я ее не такъ люблю, какъ я люблю ее въ самомъ дѣлѣ. Милостивый государь, какъ уже вы начали мнѣ благодѣтельствовать, совершите вашу милость: уговорите Надежду за меня замужъ выдти и увѣрьте, что я безъ нея жить не могу.

Господинъ. Вотъ и Цыганъ скажетъ правду. Покажи ему свою руку. Ну, господинъ Цыганъ, любитъ ли прямо

этотъ парень эту дѣвушку? (*Тихо*) Скажи, что онъ ее любитъ очень.

Цыганъ. О сударь, онъ ее, какъ жизнь свою любитъ,

МЕДОРЪ.

Надежда мнѣ,
Надежда мнѣ жизнь моя,
Надеждою страстенъ я.
Ее во снѣ,
Ее во снѣ вижу я,
Въ Надеждѣ душа моя.
(*Оборотясь къ Надеждѣ*)
Твой милый взглядъ
Огонь въ меня поселилъ
И кровь мою воспалилъ.
Житью не радъ,
Мнѣ бѣлый свѣтъ сталъ не милъ,
Я самъ себя истомилъ.
Тебя люблю,
Я сталъ весь совсѣмъ иной,
Умилися надо мной.
Скажи люблю,
Скажи, что ты плѣнна мной,
А я вѣчно буду твой.

Господинъ. Прекрасная пастушка, любви достойная, ежели мнѣ повѣришь, я тебѣ сказываю, что бѣдный Медоръ тобою страждетъ, и я его мученія самъ былъ свидѣтель: онъ у меня просилъ позволенія на тебѣ жениться, но съ какимъ просилъ жаромъ! Я ему сказалъ, что неволею тебя за него не выдамъ; онъ, бѣдный, пошелъ отъ меня заплакавъ. Теперь и я за него прошу тебя, сдѣлай ему сегодня прямой праздникъ, увѣнчай и свою добродѣтель, и любовь его, да никто печаленъ здѣсь не будетъ; согласись, Надежда, онъ истинно тебя любитъ. Позовите сюда мать Надеждину; я уже и ей говорилъ, и она согласна.

Надежда. Ахъ, сударь, ежели бы онъ таковъ былъ, какъ вы мнѣ о немъ сказываете! Но мужчины обманчивы!

Господинъ. Не всѣхъ считай таковыми, есть и въ насъ люди постоянные.

Медоръ. Ахъ, сударь, я очень постояненъ, я Надежду полюбилъ на вѣкъ однажды.

Пусть исполненъ обманомъ
Будетъ свѣтъ таковымъ,
Я не буду тираномъ
Вѣкъ, Надежда, твоимъ.

НАДЕЖДА.

Я, Медоръ, тебѣ вѣрю,
Но, Медоръ, я страшусь.

МЕДОРЪ.

Коль теперь лицемѣрю,
Пусть тебя я лишусь.

ОБА.

Пусть исполненъ обманомъ
Будетъ свѣтъ таковымъ,
НАД. Ты не будь мнѣ } тираномъ
МЕД. Я не буду } тираномъ
НАД. Вѣчно будь ты моимъ.
МЕД. Вѣкъ, Надежда, твоимъ.

Господинъ. Полно, Надежда, полно упрямиться и его мучить, онъ право тебя любитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ И МАТЬ НАДЕЖДИНА.

Господинъ. Да вотъ и мать Надеждина. Старуха, подойди сюда, уговори дочь свою выдти за Медора замужъ, а я за него отвѣчаю, что онъ ее страстно любитъ и будетъ ей вѣренъ, да и тебя почитать станетъ. Я и на свадьбу вамъ пожалую. Ну, нечего думать.

Мать. Ну, дочь моя, знать, пришелъ часъ такой, вѣдь не вѣкъ же въ дѣвкахъ быть. Покрытая хоромина не каплетъ. Подай мнѣ руку.

Господинъ. Подай же и ты, Медоръ, свою.

Медоръ. Хотя, сударь, обѣ извольте!

Господинъ *(беретъ руку у Медора и вѣнокъ его, а мать тоже у Надежды руку и вѣнокъ ея, и накладываютъ Медоровъ вѣнокъ на Надежду, а Надеждинъ на Медора)*. Увѣнчайтеся, любезныя дѣти, ваши добродѣтели сего достойны, и имѣйте во мнѣ такъ, какъ и всѣ мои служители, отца себѣ.

Медоръ *(кланяяся)*. Милость ваша превосходитъ мои чувства!

Надежда. Продолжайте, сударь, ее къ намъ всегда, а мы вѣчно вамъ останемся благодарны. Ахъ, только бы Медоръ мнѣ былъ вѣренъ!

хоръ.

Протекли часы вамъ скучны,
Удалилася бѣда,
Вы отнынѣ неразлучны
Пребывайте навсегда.

медоръ и надежда.

Удаляйся, время слезно,
Убѣгай, печаль, отъ насъ,
Что очамъ моимъ любезно,
То со мною всякій часъ.

хоръ.

Протекли часы вамъ скучны и проч.

медоръ и надежда.

Съединя сердца̀ и руки,
Съединимъ своихъ овецъ
И своей сердечной муки
Мы содѣлаемъ конецъ.

хоръ.

Протекли часы вамъ скучны и проч.

медоръ и надежда.

Пусть мутятся токи крови
У завистливыхъ людей,
И о нашей здѣсь любови
Воспѣваетъ соловей.

хоръ.

Протекли часы вамъ скучны и проч.

господинъ.

Се достойная награда
Пламенѣющихъ сердецъ,
Вы мнѣ будьте вѣчно чада,
Я вамъ буду вѣкъ отецъ.

хоръ.

Ты достойный намъ владѣтель
И правдивый судія,
Можетъ быть, что добродѣтель
Наградится и твоя.

ПИГМАЛІОНЪ

ИЛИ

СИЛА ЛЮБВИ.

ДРАМА СЪ МУЗЫКОЮ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Пигмаліонъ, *царъ Амафунскій.*
Венера.
Купидонъ (*безъ пѣнія*).
Истуканъ.
Гемонъ, *наперсникъ Пигмаліоновъ* (*безъ пѣнія*).
Вельможи и народъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ садъ Пигмаліоновъ, въ которомъ видны начатые и недодѣланные истуканы, изъ коихъ одинъ онъ додѣлываетъ, ударяя орудіемъ по размѣру музыки, а между сими истуканами одинъ стоитъ особо подъ прозрачнымъ покрываломъ. По окончаніи музыки Пигмаліонъ, вставъ, разсматриваетъ додѣлываемый имъ истуканъ и говоритъ:

ПИГМАЛІОНЪ.

Нѣтъ блеска во ея потупленныхъ очахъ,
Не вижу стройности желаемой въ рукахъ... (*Садится, дѣлаетъ и, паки возставъ, говоритъ:*)
Не тако сотворилъ, какъ мнилъ, у рукъ я персты,
Не съ тою нѣжностью уста ея отверсты. (*Паки садится, дѣлаетъ и, возставъ, паки говоритъ:*)
Колѣни слишкомъ ей и перси обнажилъ,
Не такъ какъ я хотѣлъ, въ ней все расположилъ. (*Смотря на прочіе истуканы:*)
О боги, что начну? И что творити стану?
Отъ истукана мысль преходитъ къ истукану,
Я съ камня взорами на камень прехожу,
Въ твореніи своемъ себя не нахожу;
Нѣтъ живости ни въ чемъ, души ни въ чемъ не видно...
О пламень разума, ты гаснешь очевидно!
Какою мрачною завѣсой ты покрытъ?
Увы, Пигмаліонъ боговъ ужъ не творитъ,

Воображенія мои не столь обильны,
И вы, орудія, въ рукѣ моей не сильны
Того произвести, что я производилъ;
Я прежде красоты въ природѣ находилъ:
Для истукана я небесныя Венеры
Съ красавицъ смертныхъ бралъ прекрасные примѣры.
Но чтожъ, къ какому я концу чрезъ то дошелъ,
Лишь только ихъ красу искусствомъ превзошелъ?
Я больше смертными красами не прельщаюсь,
И взора ихъ очей всемѣстно отвращаюсь;
Уже не чувствую стремленія въ крови,
Которое меня влекло ко ихъ любви;
Ужъ болѣе меня сей огнь не воспламеняетъ,
И ахъ, рука моя въ искусствѣ измѣняетъ,
Котораго моимъ раченьемъ я достигъ!
Мнѣ вреденъ самому несчастный оный мигъ,
Въ который истуканъ послѣдній конченъ мною. (*Обратясь къ закрытому истукану*)
Прекрасный истуканъ, ты бѣдъ моихъ виною!
Сокрывъ тебя на вѣкъ, я зрѣть еще горю.
(*Приходитъ и берется за покровъ*).
Пускай еще тебя въ послѣдній разъ узрю,
И если разума во мнѣ угасшій пламень
Не можетъ довершить тебя подобный камень,
Довольно славы мнѣ содѣлаешь и ты... (*Снявъ покровъ*)
Пресовершенныя лица ея черты!
Всѣ члены божества признàки въ ней являютъ,
Грудь, руки, станъ ея Венеру составляютъ.
Твореніе мое достойно божества,
Тебѣ сей будетъ даръ, о мати естества!
Тебѣ его, тебѣ, Венера, посвящаю.
Но кое дѣйствіе я сердца ощущаю?
Съ отмѣнной нѣжностью на сей я образъ зрю,
Касаяся его, я пламенемъ горю,
И нѣкая въ мои пріятность льется члены.
Ахъ, еслибъ таковы страны сей были жены,
Сія бъ, Пигмаліонъ, была твоей женой!
Я, Амафунскою владѣючи страной,
Донынѣ дѣвствую и дѣвствовати стану
И безъ наслѣдія на тронѣ семъ увяну;
Вельможи и жрецы, и весь желаетъ дворъ,

Да дѣва здѣшія страны, плѣня мой взоръ,
Взойдетъ на брачный одръ супругою моею.
Я долженъ моему народу жертвой сею;
Таковъ страны сея издревле есть законъ,
Да царь, увѣнчанный на амаѳунскій тронъ,
Пойметъ супругою страны сея дѣвицу.
Я долженъ изобрать изъ здѣшнихъ дѣвъ царицу;
Я долженъ, но...увы, мой духъ мятется весь,
Какую дѣву я могу избрати здѣсь?
Нѣтъ дѣвы въ сей странѣ очамъ моимъ прелестной.
Не мучь меня, не мучь, мнѣ пламень неизвѣстной.
Иль слабостямъ и мой уже причастенъ вѣкъ?
Увы, и подъ вѣнцемъ я тотъ же человѣкъ!
Неутомиму скорбь въ груди моей питаю
И преестественнымъ я жаромъ нѣкимъ таю.
За то ли я твой гнѣвъ, богиня, ощутилъ,
Что взора красотой я смертной не прельстилъ?
За то ли я тебѣ толико непріятенъ,
Что амаѳунскій весь народъ поднесь развратенъ?
Или всевышній гнѣвъ караетъ и царей
За беззаконіе подвластныхъ имъ людей?
Хотя подвластный мнѣ народъ и сладострастенъ,
Но я дѣянію народа непричастенъ.
О, мати естества, твою я красоту
Неразвращенными дѣяніями чту!
Не сладострастія—ты мной богиня чтишься,
Но матерью любви чистѣйшія гласишься,
И если пламень сей тобой во мнѣ зажженъ,
Такъ я неслыханнымъ ударомъ пораженъ. (*Ко истукáну*).
А ты, какъ я теперь безъ всякой пользы ною,
Коль можно бы владѣть, владѣла бы ты мною.
Владѣла бы... и такъ уже владѣешь ты,
Собраніе всея природы красоты!..
Но ахъ, колико ты мнѣ кажешься прекрасна,
Толико и судьба моя мнѣ преужáсна!...
Я заблуждаюся, мой разумъ мглой покрытъ,
Се хладный предо мной здѣсь марморъ предстоитъ.
Я въ изступленіи; не то въ крови стремленье...
Не оставляй меня, пріятно изступленье!
Не оставляй меня, хочу въ тебѣ я быть;
Безумствуя, могу лишь образъ сей любить...

Увы, любви моей на свѣтѣ нѣтъ примѣра!
О мати естества, небесная Венера!
Съ предальной высоты на скорбь мою воззри
И страждущему мнѣ ты помощь сотвори.
Гдѣ ты бываеши, тамъ все въ любви сгараетъ,
Въ присутствіи твоемъ смерть алчна умираетъ. (*Садится и, нѣсколько посидѣвъ, подходитъ ко истукану со орудіемъ своимъ*)
Какой недостаетъ тебѣ еще красы?
Прекрасны рамена и очи, и власы;
Уста пріятную усмѣшку показуютъ,
Всѣ члены красоту ея изобразуютъ:
Въ устахъ пріятный смѣхъ, въ очахъ небесный свѣтъ.
Увы, единыя души недостаетъ!
Ахъ, еслибъ я возмогъ въ тебя вселити душу...
Нѣтъ, лучше я мое твореніе разрушу... (*Хочетъ ломать, но, прикоснувшись рукамъ истукана, ужасается.*)
Біенье чувствую я жилъ и мягкость рукъ,
Собранье для меня веселія и мукъ,
Твой зракъ мнѣ начертанъ на сердцѣ становится.
Но гдѣ конецъ моимъ мученіямъ явится?
Слова мои къ тебѣ не входятъ въ ушеса.
На то ли мной тебѣ давалася краса?
На толь я столь тебя устроилъ совершенну,
Чтобъ послѣ быть тобой покоя мнѣ лишенну? (*Хочетъ паки истуканъ разрушать, но паки ужасается.*)
Се живость нѣкую въ себѣ она явитъ...
О ты, прелестнѣйшій очамъ плѣненнымъ видъ!
Возьми моей, возьми ты жизни половину.
Ахъ, нѣтъ, я для тебя всю жизнь мою покину,
Пускай въ тебѣ, пускай ліется кровь моя.
Живи, прекрасная, пусть буду марморъ я!
Увы! и мармором я быть ужѐ страшуся,
Тебя увидѣти я чувствъ моихъ лишуся.
О небо... иль мнѣ жизнь съ мученіемъ прерви,
Иль дѣло рукъ моихъ любовью оживи
И успокой во мнѣ ты духъ мой возмущенный.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПИГМАЛІОНЪ И ГЕМОНЪ.

ГЕМОНЪ.

Въ сей день, о государь, Венерѣ посвященный,
Народъ тебя во храмъ ея ко жертвамъ ждетъ,
Златый ея кумиръ приносами одѣтъ:
Межь амарантами фіоли тамъ пестрѣютъ
И мирты на главѣ со розами алѣютъ;
Любовь имѣетъ лукъ, стрѣлою напряженъ,
И будетъ взоръ тоя дѣвицы пораженъ,
Которыя тебѣ явится зракъ угоденъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Пребуду отъ сего, Гемонъ, я въ вѣкъ свободенъ.

ГЕМОНЪ.

Народъ при алтарѣ въ молчаніи стоитъ
И ждетъ, да царь ихъ храмъ богини посѣтитъ.
Ты долженъ огнь возжечь предъ ней своей рукою.

ПИГМАЛІОНЪ.

Богиню-ль раздражу я жертвою такою,
Какую принести народъ мой хочетъ ей?
Чистѣйшій чувствую я огнь въ груди моей.
И могутъ ли богамъ тѣ жертвы быть пріятны,
Когда приносятъ ихъ сердцà людей развратны?
Хотятъ, да въ торжествѣ семъ бракъ мой совершу;
Я сердца съ мыслями ихъ въ вѣкъ не соглашу.

ГЕМОНЪ.

Законъ, о государь, велитъ сего народа,
Да сопряжется царь со дѣвой здѣшня рода.
Или захощеши нарушить сей законъ?

ПИГМАЛІОНЪ.

Исправить хочетъ здѣсь его Пигмаліонъ.
Любовь должна всегда во смертныхъ быть свободна.
Пускай хотя изъ дѣвъ явится мнѣ угодна,
Но ежели, Гемонъ, не милъ я буду ей,
Не взыду я на одръ съ невольницей моей.

ГЕМОНЪ.

Законъ установленъ сей предками твоими.

ПИГМАЛІОНЪ.

Когда тиранствуя они владѣли ими,
Такъ долженъ ли и я послѣдовати имъ?

ГЕМОНЪ.

Ты долженъ, государь, потомствомъ намъ твоимъ,
Да безъ наслѣдія твой родъ не пресѣчется.

ПИГМАЛІОНЪ.

Но кровь моя, Гемонъ, не такъ во мнѣ ліется,
Дабы съ немилою предсталъ я предъ алтарь.

ГЕМОНЪ.

И кто же мысль твою заемлетъ, государь?

ПИГМАЛІОНЪ.

Ужасна мысль, Гемонъ, мнѣ въ сердце вкоренилась,
Любовь моя совсѣмъ мнѣ въ муку премѣнилась,
Неизреченна страсть, мой разумъ полоня,
Содѣлала своимъ невольникомъ меня.
Стыжусь тебѣ сказать, мой другъ! Сей твердый камень
Возжегъ въ крови моей пречудный нѣкій пламень.
Се дѣйство странное жестокія любви!

ГЕМОНЪ.

Опомнись, государь, и страсть сію прерви.

ПИГМАЛІОНЪ.

Хоть съ здравымъ разумомъ сіе несходно дѣло,
Но, ахъ...оно моимъ ужъ сердцемъ овладѣло.
Я чувствую и самъ, что можетъ быть грѣшу,
И пламенемъ сея любови я дышу.
Все бѣдствіе мое самимъ днесь мною зримо,
Но бѣдствіе сіе уже необходимо.

ГЕМОНЪ.

Иль нѣтъ, о государь, у насъ прекрасныхъ дѣвъ?

ПИГМАЛІОНЪ.

Постигнулъ, знать, Гемонъ, меня Венеры гнѣвъ
За то, что смертными красами не прельщался,
Во всѣхъ собраніяхъ отъ женъ я отвращался,
Не воспламенялася моя донынѣ кровь,
И се разитъ меня жестокая любовь.
Но если страсть сію она мнѣ въ мысль внушила,
Такъ должно, чтобъ она ее и совершила!
Не съ тѣмъ наполнены желаньемъ въ насъ сердца,
Дабы намъ не имѣть во вѣки имъ конца.

ГЕМОНЪ.

Но кто же умягчитъ тебѣ сей твердый камень?

ПИГМАЛІОНЪ.

Любви всемощна власть и мой жарчайшій пламень.

Уже я чувствую, что камня вещество
Смягчаетъ подъ моей рукою божество.
Гемонъ, любезный другъ, сказать я ужасаюсь:
Когда рукой сего я мармора касаюсь,
Я чувствую тогда въ немъ мягкость, теплоту.
И пусть сіе мечта, я чту сію мечту.

ГЕМОНЪ.

Вѣщаніе твое превыше всякой вѣры.

ПИГМАЛІОНЪ.

Се казнь на мнѣ, се казнь разгнѣванной Венеры!
Пойду во храмъ ея, и если хочетъ внять
Несчастнаго мольбамъ, я стану умолять,
Дабы могущество на мнѣ свое явила
И пламенемъ моимъ сей камень оживила,
Который чувствуетъ моя стѣсненна грудь;
А ты дотолѣ здѣсь, любезный другъ, побудь,
И знай, что возвращусь я жить или умрети.

ЯВЛЕНІЕ III.

ГЕМОНЪ.

Не всѣ ли смертные одной природы дѣти?
Не всѣ ли чувствуемъ единъ ея законъ?
Подъ властію его и ты, Пигмаліонъ.
На тронѣ, подъ вѣнцемъ любовь тебя постигла
И волнованіе въ крови твоей воздвигла.
Великій мужъ, увы, что сталося тебѣ?
Или угодно такъ разгнѣванной судьбѣ,
Дабы твой родъ у насъ на тронѣ прекратился,
Когда не дѣвою, ты мармором прельстился?
Какимъ ты пламенемъ вспылалъ, великій мужъ!
Я знаю, что гражданъ свирѣпыхъ низкость душъ
Не тако о твоей любви судити станетъ,
Народъ великихъ дѣлъ твоихъ не воспомянетъ.
Невѣжество дѣла людей великихъ тьмитъ,
Доколѣ муза въ свѣтъ о нихъ не загремитъ.
О вы, владѣтели, цари скиптродержавны!
Вы состояніемъ со смертными не равны.
Когда не царь свою въ порокахъ жизнь ведетъ,
Иль добродѣтельно на свѣтѣ онъ живетъ,
Со жизнію его молва о немъ престанетъ,

И слава, и хула равно его увянетъ.
Но ваша жизнь, цари, совсѣмъ не такова:
Коль слабость сотворитъ вѣнчанная глава,
Народъ великихъ дѣлъ судити не умѣетъ
И слабость царскую порокомъ разумѣетъ.
Когда же ропщутъ такъ, владыки, и на васъ,
Во истину цари несчастливѣе насъ!
Но ты, Пигмаліонъ, премудрый нашъ владѣтель,
Художествамъ покровъ, наукамъ благодѣтель,
Ты добродѣтелью пороки побѣждалъ,
Ты здраво обо всемъ донынѣ разсуждалъ;
По симъ твоимъ дѣламъ кто разумъ твой измѣритъ,
Едва ли тотъ уже со мною не повѣритъ,
Что мудрымъ долженъ быть отверстъ природы храмъ.
Но се онъ самъ моимъ является очамъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПИГМАЛІОНЪ И ГЕМОНЪ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Моленіе, мой другъ, народа все напрасно;
Я зрѣлъ богини гнѣвъ, и зрѣлъ я гнѣвъ сей ясно:
Благоуханный дымъ отъ множества кадилъ
И жертвенныхъ огней на небо не всходилъ;
Казалось, что кумиръ, на насъ взирая грозно,
Вѣщалъ намъ темными словами: «Нынѣ позно
«Прогнѣванну меня о милости просить.
«Тогда лишь можете вы гнѣвъ мой погасить,
«Когда здѣсь чрезъ кого одушевится камень.»
По семъ блеснулъ изъ глазъ кумира трижды пламень,
И трижды грома трескъ огромный храмъ потрясъ,
Пресѣкши блескъ огня и съ нимъ богини гласъ.
Бывъ ужасомъ объятъ, народъ непросвѣщенный
Разсѣялся, какъ прахъ, оставя храмъ священный.
Таковъ для грѣшниковъ ужасенъ божій гнѣвъ.
Остался въ храмѣ я, и сердцемъ поболѣвъ,
Отвѣта грознаго не тако устрашился
И всей еще моей надежды не лишился.

ГЕМОНЪ.

Какая жъ, государь, тебѣ надежда льститъ?

ПИГМАЛІОНЪ.

Венера всѣ мои напасти прекратитъ,

Венера бо живитъ собою всю природу.
Поди и возвѣсти развратному народу,
Что если въ слѣпотѣ своей пребудетъ онъ,
Не будетъ больше имъ царемъ Пигмаліонъ.

ГЕМОНЪ.

Онъ искренними весь къ тебѣ сердцами таетъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Когда меня народъ достойнымъ почитаетъ
И хощетъ, чтобъ владѣлъ я здѣшнею страной,
Да согласится весь Венеру чтить со мной
Не тако, какъ ее онъ нынѣ почитаетъ.
Скажи ему, что царь того ихъ днесь желаетъ,
Чтобъ мыслили о ней, какъ мышлю нынѣ я:
Она всѣхъ тварей мать, вина ихъ бытія,
Не къ сладострастію въ насъ чувства возбуждаетъ,
Но истинную въ насъ любовь въ крови рождаетъ,
Которою весь свѣтъ быть долженъ сопряженъ:
Се пламень, кой въ крови владыки ихъ возженъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПИГМАЛІОНЪ.

Душа вселенныя, небесная Венера,
О мати естества, всѣхъ тварей жизни мѣра,
Гдѣ равновѣсіе твое, гдѣ твой законъ?
Страдаетъ мучимый тобой Пигмаліонъ.
Мученіе мое прешло свои предѣлы.
Какія изъ очей ея исходятъ стрѣлы
И поражаютъ мой плѣненный ею взоръ?
О ты, мученія и прелести соборъ!
Чего, мой скорбный духъ, чего еще желаетъ?
Увы, весь адъ въ моей крови теперь пылаетъ.
Снѣдающій мя огнь, богиня, раздѣли
И половину въ сей ты марморъ пресели,
Исполни ты свою на мнѣ безсмертну волю:
Перемѣни моихъ гражданъ сурову долю.
Рекла бо, что тогда твой гнѣвъ на нихъ минетъ,
Когда чіей рукой здѣсь камень оживетъ.
Одушеви моихъ ты рукъ прекрасно дѣло,
Вдохни ей жизнь въ уста, смягчи ей твердо тѣло.
Съ ней купно и меня, богиня, оживишь
И подданныхъ моимъ покой возобновишь..

О упованіе, о тщетное желанье!
На воздухѣ твое я зижду основанье...
Но кое вновь меня стремленіе влечетъ?
Надеждой кровь моя исполнена течетъ;
Она воззрѣти мнѣ на образъ мысль вселяетъ;
Но тайный нѣкій страхъ мой взоръ остановляетъ. (*Съ насмѣшкою*)
Воззри, несчастливый, воззри на марморъ сей
И больше тщетныя надежды не имѣй... (*Воззрѣвъ, со ужасомъ отвращается.*)
О небо, что я зрѣлъ? Оной подъемлетъ вѣжды.
Се дѣйствіе моей напрасныя надежды.
Я въ изступленіи...Чего-жъ страшуся я?
Мнѣ будетъ только въ немъ пріятна жизнь моя.
Я слышу нѣкій гласъ! Весь рокъ мой совершился.
Пигмаліонъ, совсѣмъ ты разума лишился! (*Садится и во время пѣнія безмолвствуетъ. По семъ возставъ, смотритъ на садъ свой.*)

ХОРЪ.

Ты, Венера, въ свѣтѣ семъ
Обладаешь надо всѣмъ;
Гдѣ рука твоя коснется,
Тамо хладна смерть проснется,
И твою велику мочь
Вся природа почитаетъ;
Предъ тобою ледъ растаетъ;
Хладный Тартаръ, вѣчна ночь
Предъ твоими очесами
Становятся небесами.

ПИГМАЛІОНЪ.

Какой въ глазахъ моихъ блистаетъ новый свѣтъ?
Возобновляется природа и цвѣтетъ.
Всѣ облекаются во новы листья лозы,
И мирты разцвѣли, и благовонны розы,
И се на всѣхъ древахъ явился новый плодъ:
Не знаменуется ль богини тѣмъ приходъ?
Но кое зрѣлище еще мой взоръ плѣняетъ?
Съ эѳира облако нисшедъ, мя осѣняетъ.
О мати естества, ты мнѣ явишь твой зракъ,
И гонишь отъ очей моихъ мой смертный мракъ.

(Между симъ спускается облако, на которомъ Венера, и спустясь со онаго сходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПИГМАЛІОНЪ И ВЕНЕРА.

ВЕНЕРА.

Премудрымъ то извѣстно,
Что власть моя всемѣстно
Простерла скипетръ свой.
Живутъ на свѣтѣ мной
И звѣрь, и человѣки,
Моря и быстры рѣки,
Плоды, цвѣты, трава;
Вся мною тварь жива.

ХОРЪ.

Твою все силу ощущаетъ,
Гдѣ только солнце освѣщаетъ.

ВЕНЕРА.

Во свѣтѣ семъ пространномъ,
Въ движеньи безпрестанномъ,
Всѣ мною тѣлеса—
Луга, поля, лѣса,
И ледъ, и твердый камень
Мой грѣетъ жаркій пламень.
Какъ власть моя минетъ,
Тогда погибнетъ свѣтъ.

ХОРЪ.

Твою все силу ощущаетъ,
Гдѣ только солнце освѣщаетъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Богиня радости, природы щедра мать,
Я зрю, что хощеши мольбамъ моимъ внимать;
Когда смиреннаго раба ты посѣтила,
Ты душу мнѣ твоимъ сіяньемъ освѣтила.

ВЕНЕРА.

Хотя народъ твой власть мою и раздражилъ
И гнѣвъ мой праведный достойно заслужилъ,
Но нравъ твой, кроткій нравъ, въ правленіи народа,
И свѣдома тебѣ ученіемъ природа
Принудили меня съ небесъ къ тебѣ сойтить

И болѣ твоему народу днесь не мстить.
Ты внялъ мой въ храмѣ гласъ; я гнѣвъ остановляю,
Прощаю твой народъ и марморъ оживляю. *(Въ сіе время равно распадается истуканъ, а за нимъ стоящая актриса означается стоящая на подножіи каменномъ.)*
Надъ просвѣщенною страною ты владѣй
И дѣло рукъ своихъ супругою имѣй.

ПИГМАЛІОНЪ *(съ восторгомъ).*

Богиня, небеса, о чудо несказанно!

ВЕНЕРА.

Живите въ радости вы вѣкъ свой безпрестанно.
Се просьбы мудраго необорима мочь.

ИСТУКАНЪ (*со удивленіемъ*).

Бѣжитъ отъ глазъ моихъ мя крыющая ночь.

ПИГМАЛІОНЪ.

Я радости въ моемъ днесь сердцѣ не вмѣщаю!

ИСТУКАНЪ

Я вижу свѣтъ теперь, я живость ощущаю.
Прикасаясь себѣ)?
Прикосновеніе грудь чувствуетъ моя.
Се грудь, се рамена, се руки; это я!
Смягчилися во мнѣ мои всѣ тверды члены... (*Прикасается подножію, на которомъ, бывъ истуканомъ, стояла.*)
А это ужъ не я!....О чудныя премѣны!

ПИГМАЛІОНЪ.

Какія прелести, какія красоты!

ИСТУКАНЪ.

Богиня, что я днесь, и гдѣ, скажи мнѣ ты,
Изъ мрака вѣчнаго изведшися тобою,
Довольствуюсь теперь счастливою судьбою;
Подобную себѣ я тварь съ собою зрю
И страннымъ нѣкимъ къ ней желаніемъ горю,
Хочу приближиться, но чувствую стыдливость.

ПИГМАЛІОНЪ (*хочетъ обнять*).

О небо, познаю во истуканѣ живость!

ИСТУКАНЪ (*не допускаетъ обнять себя*)

Сего я не могу терпѣть во весь мой вѣкъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Я есмь, прекрасная, такой же человѣкъ;
Я есмь твореніе и есмь тебѣ подобно;
Неужели твое мнѣ сердце будетъ злобно?

ИСТУКАНЪ.

Я чувствую, что зракъ его мнѣ не постылъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

И нынѣ во крови тотъ пламень не простылъ,
Какимъ и въ марморѣ къ тебѣ всегда я таялъ.
И сей ли отъ моей любви утѣхи чаялъ?
Ахъ, ежели меня не хочешь ты любить,
Такъ хочешь жизнь мою на вѣки истребить.

ДУЭТЪ.

ВЕНЕРА.	ИСТУКАНЪ.
Коль жизнь тебѣ прелестна,	Мнѣ жизнь моя прелестна,
Коль хочешь въ свѣтѣ быть,	Хочу на свѣтѣ быть.
Любовь всему совмѣстна,	Любовь мнѣ неизвѣстна,
Должна и ты любить.	Могу ли я любить?
Теперь ужъ ты не камень.	Хотя ужъ я не камень,
Познай любови пламень.	Невѣдомъ мнѣ сей пламень.

ВЕНЕРА *(соло)*.

Ты мною оживленна,
Должна познать любовь.

ДУЭТЪ.

ВЕНЕРА И ПИГМАЛІОНЪ.

Тобою воспаленна,
Тобой его / моя вся кровь.

ИСТУКАНЪ *(соло)*.

Мнѣ взоръ его прелестенъ,
Мой взоръ себя въ немъ зритъ;
Но пламень неизвѣстенъ,
Которымъ онъ горитъ.
Какъ мысль ни обращаю,
Сего не ощущаю.

ТРІО.

ВЕНЕРА, ПИГМАЛІОНЪ И ИСТУКАНЪ.

Взирая на природы
Различны красоты,
На землю, воздухъ, воды,
Траву, древа, цвѣты,
Вся тварь плоды приноситъ,

Любовь сей дани проситъ;
Но кто сей дани проситъ?

ВЕНЕРА *(Истукану)*.

Живи въ согласіи съ симъ мужемъ ты, живи;
Познаешь пламень сей посредствіемъ любви.
И тако нужды здѣсь я быть не обрѣтаю,
Останьтеся, а я ко Пафу отлетаю.

ПИГМАЛІОНЪ.

Отшествіе твое, богиня, мя страшитъ.

ВЕНЕРА.

Любовь пошлю я къ вамъ, любовь вамъ все свершитъ.

(Въ отшествіе ея поетъ хоръ первую строфу:
Ты, Венера, въ свѣтѣ семъ обладаешь надо всѣмъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПИГМАЛІОНЪ И ОЖИВЛЕННЫЙ ИСТУКАНЪ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Ужель, прекрасная, богини изреченье
Прерветъ совсѣмъ мое жестокое мученье?
Ужели чувствуешь ты мой сердечный жаръ?
Прекрасная жена, небесъ прещедрыхъ даръ,
Какія нѣжности въ очахъ твоихъ блистаютъ!
Благополучны тѣ, кто жаромъ общимъ таютъ,
А ты не чувствуешь любви моей огня,
Иль вѣчно хощеши ты мучити меня?

ИСТУКАНЪ.

Какія отъ меня мученія имѣешь,
Или ты чувствуешь, что самъ ты каменѣешь?
Увы, на то ли я престала камнемъ быть,
Чтобъ только мнѣ тебя собой окаменить?
Бѣги меня, бѣги, опасно быть со мною.

ПИГМАЛІОНЪ.

Возлюбленная, будь ты царскою женою,
Достойну честь воздамъ твоей я красотѣ,
Народъ мой...

ИСТУКАНЪ.

Царь, народъ, и гдѣ суть камни тѣ?
Я мнила, что на вѣкъ останусь я съ тобою,
А ты грозишь теперь мнѣ лютою судьбою.
Увы, я трепещу; такъ я тебя лишусь?
Межъ камнями уже я быть не соглашусь.

ПИГМАЛІОНЪ *(въ сторону)*.
Реченія мои совсѣмъ ей непонятны,
И самой простоты слова ея пріятны.
О ты, невинности любезна простота,
Ты—истинная всей природы красота! *(Истукану)*
Взведи, прекрасная, свои ты окрестъ взоры;
На свѣтѣ не одни суть каменныя горы;
Но множество съ собой другихъ твореній зря,
Познай вселенную, познай во мнѣ царя.

ИСТУКАНЪ.
А ежели царемъ тебя я обрѣтаю,
Съ тобою вмѣстѣ жить я счастіемъ считаю.

ПИГМАЛІОНЪ.
Престолъ сея страны моя на свѣтѣ часть.
Познай меня, познай, твою носяща власть.
Тобою кровь моя горитъ и сердце таетъ,
Тебя Пигмаліонъ душею почитаетъ.
Я—царь сея страны, всѣ люди чтутъ меня,
А ты владѣешь мной, мой взоръ на вѣкъ плѣня.

ИСТУКАНЪ.
Коль такъ щедра природа,
Коль ты ея мнѣ даръ,
О царь сего народа,
Я чувствую твой жаръ.

ПИГМАЛІОНЪ *(въ сторону)*.
Се кое дѣйствіе природа производитъ?
Но се любовь съ небесъ паритъ и къ намъ приходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПРЕЖНІЕ И КУПИДОНЪ.

КУПИДОНЪ *(Истукану)*.
О тварь прекрасная, ты жизнь восприняла
На то, дабы ему супругою была.
Послушна навсегда моей ты волѣ буди,
Подвластны бо мнѣ всѣ живущи въ свѣтѣ люди,
Царьми и пастырьми равно владѣю я;
Познай, колико власть могуща есть моя. *(Беретъ руки у обоихъ и складываетъ ихъ вмѣстѣ и накладываетъ на нихъ вѣнки.)*
Съ Пигмаліономъ васъ я вѣчно сопрягаю,
И легкое сіе вамъ бремя налагаю;

Производите вы желанный царству плодъ,
Сего желаетъ весь подвластный вамъ народъ.

ДУЭТЪ.

ПИГМАЛІОНЪ И ИСТУКАНЪ.

Сіе легчайше бремя
Взлагай, любовь, на насъ.
Счастливѣйшее время,
О радостнѣйшій часъ!

ИСТУКАНЪ.

Богиней жизнь познала,
Пріявши въ жилы кровь;
Тобой счастлива стала,
Сладчайшая любовь.

ИСТУКАНЪ. (*Пигмаліону*) Я стала быть иною. } (дважды)
ПИГМАЛІОНЪ. Владѣй на вѣки мною. } (дважды)

ПИГМАЛІОНЪ.

Благополучный я на свѣтѣ человѣкъ!

ИСТУКАНЪ.

Катись по радостямъ отнынѣ весь нашъ вѣкъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Коль буду я отъ днесь съ тобою неразлученъ,
Такъ буду я во весь мой вѣкъ благополученъ.

ИСТУКАНЪ.

Коль буду навсегда тобой любима я,
Счастливою на вѣкъ пребудетъ жизнь моя.

КУПИДОНЪ.

Взаимно вы меня въ сердцахъ запечатлѣйте
И собственнымъ своимъ вы жаромъ пламенѣйте.

ИСТУКАНЪ.

Ты въ сердце мнѣ вселилъ чистѣйшій твой законъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Тебѣ подвластенъ сталъ на вѣкъ Пигмаліонъ.

КУПИДОНЪ.

Порочные меня порочнымъ почитаютъ
И вольнаго въ своихъ оковахъ угнетаютъ.
Воззрите на союзъ всего вы естества,
Онъ есть причиною всѣхъ тварей существа.
И сей союзъ, межъ всѣхъ вещей нераздѣлимой,—
Всеобщая душа вселенной, вами зримой.
А душу въ нихъ сію вселяю только я,

Я есмь виною всѣхъ твореній бытія.
Коль данниковъ моихъ и васъ я обрѣтаю,
Въ спокойствіи отъ васъ къ богинѣ отлетаю. *(Отлетаетъ.)*

ПИГМАЛІОНЪ.

Всѣ свѣта прелести въ тебѣ я нахожу.

ИСТУКАНЪ.

По сердцу моему слова твои сужу.
Тобою кровь моя толико-жъ воспаленна,
Въ тебѣ души моей пространная вселенна.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПРЕЖНІЕ И ГЕМОНЪ.

ПИГМАЛІОНЪ *(указывая на супругу)*.

Познай, любезный другъ, власть нѣжныя любви.

ГЕМОНЪ *(со удивленіемъ)*.

Что вижу, государь?

ПИГМАЛІОНЪ.

Народу объяви,
Что чистая любовь природу побѣдила;
Се зри! Она меня супругой наградила.

ГЕМОНЪ.

Необоримая любови нѣжной власть!
Скончай, о государь, людей твоихъ напасть.
Богиня мощная и ихъ сердца смягчила
И кроткими любовь ихъ быти научила;
Они, о государь, во твой сотекшись дворъ,
Желаютъ видѣти пресвѣтлый царскій взоръ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Когда невѣжества пороки ихъ увяли,
Скажи, дабы ко мнѣ рабы мои предстали.
(Гемонъ отходитъ.)
Въ народѣ я моемъ премѣну зря сію,
Богиня, власть твою я паки познаю;
Коль слово истины ты въ слухъ его внушила,
Ты все мое теперь желанье совершила.

ЯВЛЕНІЕ X.

ПИГМАЛІОНЪ, ОДУШЕВЛЕННЫЙ ИСТУКАНЪ, ГЕМОНЪ, ВЕЛЬМОЖИ И НАРОДЪ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Вельможи, воины, граждане и друзья,

Познайте, како днесь благополученъ я;
Се вамъ прекрасную царицу я имѣю,
Познайте вы ее супругою моею.
Се зрите взоръ ея, черты ея чела,
Прекрасну столь жену богиня мнѣ дала;
Любовь чувствительно въ ней сердце сотворила
И марморъ чувствiемъ и смысломъ одарила.

ВЕЛЬМОЖА.

Къ всеобщей радости, въ спокойствiи своемъ
Мы власть небесныя Венеры познаемъ,
Изчезли, государь, въ насъ мысли развращенны,
И мудростiю мы твоею просвѣщенны.
Владѣя тьмой къ тебѣ пылающихъ сердецъ,
Ты буди навсегда монархъ намъ и отецъ.

ПИГМАЛIОНЪ.

Я сѣлъ на тронѣ семъ, о чада, съ тѣмъ владѣти,
Чтобъ былъ я вамъ отецъ, а вы бъ мнѣ были дѣти.
И сей обѣтъ во вѣкъ хранити буду я;
Споручницею въ томъ супруга вамъ моя.

ХОРЪ.

Будьте счастливы, супруги,
Подавая царству плодъ,
И отечеству заслуги
Продолжайте въ родъ и родъ.

ТРIО.

ПИГМАЛIОНЪ, ОДУШЕВЛЕННЫЙ ИСТУКАНЪ И ВЕЛЬМОЖА.

О всея вселенной мати!
Буди власть твоя на насъ;
Будемъ огнь мы твой питати,
Чтобъ онъ вѣчно не погасъ,

Чтобъ сей огнь въ насъ вѣчно длился
И въ потомство преселился,
Въ насъ горя по всякiй часъ.

Кто порокомъ почитаетъ
Непорочную любовь,
Желчь въ груди своей питаетъ,
Ядомъ въ немъ течетъ вся кровь.

Для него блескъ дня затьмится,
Вся вселенна возмутится,
Превратясь во бездну вновь.

ХОРЪ.

Будьте счастливы, супруги,
Подавая царству плодъ,
И отечеству заслуги
Продолжайте въ родъ и родъ.

ТОРЖЕСТВУЮЩІЙ ПАРНАССЪ.

ПРОЛОГЪ.

По выздоровленіи отъ прививныя оспы ея императорскаго величества и его императорскаго высочества.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Аполлонъ.
Меркурій.
Слава.
Музы.

Театръ представляетъ Парнассъ, на которомъ сидятъ Аполлонъ и Музы, каждый со своимъ знакомъ; а за ними вдали видѣнъ Санктпетербургъ, надъ которымъ ужасная мгла, громъ и блистанія молніи.

ЯВЛЕНІЕ I.

АПОЛЛОНЪ И МУЗЫ.

ХОРЪ.

Вознесемъ веселый гласъ,
Да услышитъ вся вселенна,
Сколько жизнь намъ здѣсь блаженна,
Сколько счастливъ днесь Парнассъ.
Воспоемъ Екатерину,
Героиню поздныхъ дней,
Счастья общаго причину,
Мать подвластныхъ ей людей.

АПОЛЛОНЪ.

Но кая градъ Петровъ ужасна туча кроетъ!
Надъ нимъ весь воздухъ воетъ,
И грозна молнія разитъ.
Чѣмъ рокъ свирѣпый намъ грозитъ?
Какая устрашить могла-бъ тебя судьбина,
Возлюбленная Музами страна?
Въ тебѣ Екатерина,
И можно ль быть вреду, гдѣ царствуетъ она?
Но се и Слава къ намъ летитъ межъ облаками;
Веселый зракъ ея являетъ радость мнѣ.
Разсыпалася мгла въ пріятной намъ странѣ,
Сіяетъ градъ Петровъ пресвѣтлыми лучами. *(Въ сіе время исчезаетъ мгла, и театръ освѣщается.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ И СЛАВА.

СЛАВА.

О чистыхъ Музъ отецъ,
Содѣлай своея опасности конецъ!
Престаньте сѣтовать, возлюбленныя Музы.
Грозящій Россамъ рокъ исчезъ;
Прервавъ печалей тяжки узы,
Красуются земля, моря и лѣсъ.
Россія торжествуетъ пышно,
Богини ихъ вездѣ въ народѣ имя слышно;
Въ Россіи множество отрадъ;
Петровъ ликуетъ градъ,
Исполненъ радости, покою,
Избавившись ея рукою
Отъ пагубы и лютыхъ бѣдъ.
Извергнутое въ свѣтъ
Чудовище изъ ада
Стремится, и по немъ вездѣ плачевный слѣдъ:
Содроглися родители и чада,
Летитъ чудовище и воздухъ вьетъ,
И ядовитымъ весь дыханьемъ заражаетъ,
Всѣхъ въ гнѣвѣ поражаетъ,
Ни мало не щадя ни возраста, ни лицъ,
Сѣкаетъ юношей, младенцевъ и дѣвицъ,
Мужей отважныхъ презираетъ,
Разитъ и трупы попираетъ;
Лишились многіе друзей, невѣстъ и чадъ.
Пылаетъ градъ,
Исполненъ воздухъ воя,
Съ чудовищемъ сразиться нѣтъ героя.
И такъ свирѣпый сей драконъ,
На смертныхъ наложа ужасный свой законъ,
Жестоки руки простираетъ
И дань съ природы собираетъ.
И се изъ облаковъ народъ внимаетъ гласъ,
Вѣщаетъ такъ: «О смертный, кто изъ васъ,
«Геройскій духъ имѣетъ
«И кто съ чудовищемъ сразитися посмѣетъ?
«Тогда я рокъ вашъ укрощу

«И васъ избавлю:
«Сражайтеся, я такъ хощу;
«И если кто сразитъ, того прославлю!»
Никто не смѣетъ съ нимъ воставить рать,
Никто не хощетъ умирать.
Тогда на избавленье града,
Людей своихъ опасность зря
И къ нимъ любовiю горя,
Подвиглась росская Паллада:
Вооружа свою божественную длань,
Приближилась безъ страха,
И съ нимъ воздвигла брань;
Тогда отъ сильнаго меча ея размаха
Чудовище, вострепетавъ
И предъ богинею упавъ,
Дрожало.
Богиня изъ него исторгла смертно жало,
И сей грозящiй страхъ
Развѣянъ ею, яко прахъ,
Спасла народъ, себя и сына отъ напасти...
Ликуйте вы, а я лечу въ три свѣта части,
Европѣ, Африкѣ, Америкѣ внушить,
Что зло монархиня могла здѣсь сокрушить.
А Азiя о семъ во грозны дни узнаетъ,
Когда отъ молнiи россiйской воспылаетъ,
Изъ мѣдныхъ челюстей ей громъ то возвѣститъ,
Что тщетною она себя надеждой льститъ
Возставить брань противъ россiйскiя Паллады;
Преобратятся всѣ ея во пепелъ грады,
Познаетъ, како ей Россiю почитать;
Поборникъ небо ей, и кто дерзнетъ возстать! (*Слава отлетаетъ.*)

ЯВЛЕНIЕ III.

АПОЛЛОНЪ И МУЗЫ.

АПОЛЛОНЪ (*воззрѣвъ на небо*).

О небо! коль тебѣ парнасски гласы внятны
И Музъ прошенiя прiятны,
Внемли сей гласъ,
Который весь Парнасъ
Черезъ меня приноситъ нынѣ:

Умножь Екатеринѣ
Желанныхъ нами дней
И купно съ ней
Ея любезну сыну;
Она попрала злость зміину;
Да сей монархини великія дѣла
По всей земли гласятся славой,
И чтобъ Россія вѣчно такъ цвѣла,
Какъ нынѣ подъ ея цвѣтетъ державой.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ И МЕРКУРІЙ.

МЕРКУРІЙ. (*спускается на облакахъ.*)
Внемли, божественный Парнассъ:
Достигъ Олимпа твой и всей Россіи гласъ!
Внемли слова священны,
Которы правдою во вѣчности вмѣщенны,
Такъ клялся богъ боговъ:
«Сіяти будетъ въ вѣкъ Россія паче Феба.
«Екатерина ей надежда и покровъ,
«И въ ней на тронѣ родъ Петровъ
«Продлится, яко дніе неба. (*Отлетаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

АПОЛЛОНЪ И МУЗЫ.

АПОЛЛОНЪ.
Благословенную Россію зря судьбой,
О Музы, воспоемъ священну пѣснь со мной.

ХОРЪ.
Гдѣ царь о подданныхъ печется,—
О коль счастлива та страна!
Глава ея превознесется,
Какъ рай, украсится она.
Россія тако вознесенна
Теперь монархиней своей;
Не должно ли, чтобъ вся вселенна
Была подвластна только ей?

Внемли, земля, внемлите, воды,
Внемли, весь воздухъ, весь эѳиръ;
Теките, дальныхъ странъ народы,
Умножить сей счастливый миръ.
Подъ скипетромъ Екатерины
Блаженное жилище всѣмъ;
Ея народы—райски крины,
Ея держава есть эдемъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1. СТИХИ НА СМЕРТЬ Ѳ. Г. ВОЛКОВА.

Увидѣвши тебя поверженна судьбою,
Лежаща мертваго, безгласна предъ собою,
Вообразя, что всѣ мы смертны въ свѣтѣ семъ,
И постоянства нѣтъ ни малаго ни въ чемъ,—
Давно-ль, любезный другъ, съ тобою мы видались,
Давно-ли дружбою взаимной наслаждались,
Давно-ль ты мнѣ свои совѣты подавалъ,
Давно-ль я рѣчь твою пріятную внималъ?
Теперь изъ устъ твоихъ она ужъ не исходитъ,
Глаза, которые являли разумъ твой,
Закрылися на вѣкъ ужасной смерти тьмой!
О бѣдный человѣкъ, разумна тварь и красна,
Колико ты умна, толико и несчастна!

II. (ЗАГАДКА).

Глѣбъ имѣетъ назади,
А Борисъ напереди,
Баба двѣ имѣетъ сряду,
А безъ этого наряду
Не спризналъ бы бабы свѣтъ;
А у дѣвки только нѣтъ.

(БУКВА Б).

III. СТИХИ КЪ ИЗОБРАЖЕНІЮ ГОСПОДИНА ДИМЗДАЛЯ.

Россія посредѣ утѣхъ своихъ страдала,
Когда она вреда отъ оспы ожидала.
Теперь скончался страхъ, мы полны всѣ отрадъ,
Узря, что язвы сей спаслась Екатерина,
Узря спасеннаго ея любима сына:
А спасъ ихъ отъ нея сей мудрый Гиппократъ!

IV. (КЪ ГАВРІИЛУ, АРХІЕПИСКОПУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ И РЕВЕЛЬСКОМУ).

Гонитель злыхъ страстей и истины рачитель,
Благій наставникъ мой, и пастырь, и учитель,
Скажи мнѣ, Гавріилъ: почто въ толь краткій вѣкъ,
Въ который осужденъ жить въ свѣтѣ человѣкъ,
Во тщетныхъ помыслахъ и день, и ночь трудится
И тщетнымъ именемъ предъ тварію гордится,
Которой онъ возмнилъ владыка быть и царь,
Забылъ, что онъ и самъ такая жъ точно тварь,
Которая Творцемъ премудро сотворенна,
И чѣмъ онъ мнитъ себя предъ нею быть отмѣнна?
Иль тѣмъ, что разумомъ онъ бо̀льшимъ одаренъ,
Иль тѣмъ, что онъ ко злу удобнымъ сотворенъ,
Дабы ему другихъ животныхъ угнетати
И ихъ владыкою себя именовати?
Отколѣ титло онъ себѣ сіе извлекъ,
Что всѣмъ животнымъ былъ владыка человѣкъ?
За истину его или за добродѣтель
Снабдилъ симъ именемъ вселенныя Содѣтель?
Какую онъ ему услугу оказалъ,
И чѣмъ онъ Вышняго толико обязалъ,
Что онъ его почтилъ предъ тварью всей во свѣтѣ?
Я знаю, что сіе речешь ты мнѣ въ отвѣтъ:
«Почто намъ въ глубину сію себя вдавать?
«Не можно Вышняго судьбы испытовать,
«*Когда онъ мудростью своею безконечной*
«*Межъ всѣми положилъ такой порядокъ вѣчный*...»

(Окончанія нѣтъ.)

V. (ОТРЫВОКЪ)

Во златой вѣкъ на сѣверѣ,
При премудромъ правленіи
Тишиной наслаждалося
Всероссійское воинство.
Что не громомъ, не молніей —
Вѣроломными совѣтами

Загорался востокъ войной,
Что войной неправильной.
Возгордяся невѣрный царь...
Возгордясь Мустафа султанъ
Измѣнилъ слово вѣрное
И нарушилъ съ Россіей миръ,
Поднимался со воинствомъ,
Что не со стомъ, не съ тысячей...
Посылалъ свое воинство,
Мнилъ Россію къ ногамъ попрать,
Посредѣ лѣта краснаго,
При Хотинѣ при городѣ,
На брегахъ у Днѣстра рѣки
Не двѣ тучи сходилися,
Что сходились двѣ арміи—
Со россійской турецкая.
Тамъ не грозная молнія—
Возблистало оружіе
Православнаго воинства...
.
Договоры вы мирные помните
И съ Россіей союза не рушите.
Что одинъ есть на свѣтѣ невѣрный царь:
Онъ разрушилъ съ Россіей вѣчный миръ,
Раздражилъ тѣмъ царицу россійскую
И подвигъ на себя силу ратную...

VI. ЕПИСТОЛА МИХАИЛУ МАТВѢЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ.

О ты, котораго гласъ милъ мнѣ въ одахъ новыхъ,
Пѣвецъ подъ Чесьмою геройскихъ дѣлъ Орловыхъ,
Скажи: за что намъ рокъ явился столь суровъ,
Что нѣкій школьникъ, ставъ пѣвецъ теперь Петровъ,
Сей нѣкій, намъ гудокъ невѣдомый устроя,
Гудитъ на немъ сего преславнаго героя,
Котораго предъ симъ число великихъ дѣлъ
Ты въ пѣсняхъ, я въ письмѣ давно ему воспѣлъ.
А сей, писателей и музъ пренебрегая,
Кощунствуя, стихи нестройны протягая....

Худая чистота стиховъ его и связь
Претятъ ихъ всякому читать, не подавясь.
Безъ переноса онъ стиха сплести не можетъ
И пѣснь свою поетъ, какъ кость песъ алчный гложетъ.
И сей-то пѣсни онъ въ натянутыхъ стихахъ,
Поднявшись изъ-подъ бедръ какъ конскихъ легкій прахъ,
Повыше дерева стоячаго летая
И плавный слогъ стиховъ быть низкимъ почитая...
. .
Скажи, обрадуй ты меня отвѣтомъ:
Очиститсяль Парнассъ отъ сихъ скотовъ со свѣтомъ,
Иль къ музамъ намъ они дорогу завалятъ?

Отвѣтъ.

Надѣйся, нынѣ другъ наукамъ Меценатъ!

VII. ОСВОБОЖДЕННАЯ МОСКВА (*).

(НАЧАЛО ПОЭМЫ).

Пою оружіе и мощь россійской длани
Во время внутрь ея горящей страшной брани.
О муза, ты мою мнѣ лиру днесь устрой
И подвиги со мной россійскихъ чадъ воспой,
Тебѣ бо вѣдома дѣяній смертныхъ древность.
Повѣдай мнѣ сама сыновъ россійскихъ ревность
И возгласи со мной сладчайшій оный часъ,
Какъ плѣнную Литвой Москву Пожарскій спасъ,
И какъ съ восшествіемъ на царство Михаила
Унылая Москва свой видъ возобновила.
Уже несчастливый царь Шуйскій...о ударъ!...
Былъ преданъ полякамъ отъ собственныхъ бояръ.
О, еслибъ я о семъ постыдномъ вѣроломствѣ
Повѣствованіе загладить могъ въ потомствѣ!

*) Въ рукописяхъ сохранилось еще начало поэмы о Димитріи Донскомъ:

Пою Димитрія, россійскаго героя,
Который, Россіянъ для счастья и покоя,
Покой свой пренебрегъ и при донскихъ струяхъ
Противныхъ Агарянъ развѣялъ, яко прахъ...

Но истина сама намъ въ повѣстяхъ сіе
Гласитъ плачевное для Россовъ бытіе:
Мнѣ должно истину въ сей пѣсни возглашати,
Мнѣ должно еще всю слезами орошати.
Ужъ преданный Литвѣ бывъ Шуйскій отъ началъ,
Въ литовской области плачевно жизнь скончалъ,
Въ темницѣ тяжкими оковами томимый, —
Какъ гордый Жигимондъ, поборникъ Россовъ мнимый,
Оружіемъ Москвы грудь томну раздиралъ
И длань свою на скиптръ россійскій простиралъ;
Подъ видомъ — да цвѣтетъ Россіи вѣчно слава,
Сулитъ на царство дать боярамъ Станислава,
Единаго изъ двухъ рожденныхъ имъ сыновъ,
А самъ межъ тѣмъ тѣснитъ осадой войска Псковъ.
Сей градъ, построенный людей россійскихъ потомъ,
Служилъ твердѣйшимъ ей отъ врагъ ея оплотомъ,
И се—немногое число въ немъ россКихъ чадъ,
Стѣсненны *войсками*, въ немъ терпятъ лютый гладъ,
Уже враги *тогда на* приступъ шли трикраты;
Не могутъ высокіе раскаты
. .
Болярииъ тако сей, благочестивый мужъ,
Имѣлъ въ себѣ свойство великихъ самыхъ душъ,
И не работая онъ духомъ плоти тлѣнной,
Взлетаетъ мыслями во снѣ къ Творцу вселенной.
И се—Господь ему видѣніе послалъ:
Внезапу юноша предъ одръ ему предсталъ,
Одѣянъ бѣлою небесною одеждой,
И взоръ его блисталъ веселою надеждой;
Въ десницѣ скипетръ былъ, вѣнецъ былъ на челѣ,
И златомъ за спиной блестящія крылѣ,
Представъ ему предъ одръ, и такъ ему вѣщаетъ:
«Да мой приходъ тебя, о Шеинъ, не смущаетъ!
«Хранительросскаго престола я есмь духъ,
«Склони къ моимъ словамъ внимательный твой слухъ:
«Господь благоволилъ Россію наказати
«И хощетъ о царѣ въ васъ души истязати;
«За вѣроломство всѣхъ бунтующихъ бояръ
«Онъ хощетъ на Москву наслать гладъ, мечъ, пожаръ;
«Враги бы не могли твоей усердной рати
«Своею силою чрезъ много дней попрати,

«Но стало наконецъ угодно небесамъ,
«Дабы сей градъ и ты въ плѣненьи былъ и самъ.
«Есть нѣкто въ градѣ семъ измѣнникъ нечестивый,
«Андрей Дедешинъ то, твой другъ, но другъ то лжи-
«Онъ время днесь къ тому удобное нашелъ вый.
«И тайно отъ тебя въ литовскій станъ ушелъ.
«Ко Жигимонду онъ предсталъ теперь предъ взоры
«И дерзкими усты ведетъ съ нимъ разговоры.
«Сказуетъ слабость онъ ему градской стѣны,
«И завтра будете вы здѣсь побѣждены .
«Но ты, о храбрый мужъ, отнюдь не ужасайся,
«За вѣру, за престолъ, за церковь стой, мужайся,
«Яви Литвѣ—каковъ Россіи страшенъ строй,
«Яви собою ей, что всякъ изъ васъ герой!
«Дождешься по трудахъ ты времени счастлива,
«Когда произрастетъ среди Москвы олива,
«И мирны дни сея оливы будетъ плодъ.
«Терпи и покажи, каковъ Россіянъ родъ.
«Сей скипетръ и вѣнецъ вручатся Михаилу,
«Который обновитъ Россіи прежню силу;
«Уже я времена... ясно зрю.
«Будь вѣренъ..... великому царю!»
Вѣщавъ сіи *слова*, *отъ* глазъ его сокрылся.
И абіе отъ *сна* бояринъ возбудился,
Исполненъ ужаса и радостію весь,
Глаголетъ: «Посѣтилъ, о Боже, ты мя днесь,
«Ты духъ мой, томный духъ, исполнилъ весь надежды;
«Пускай мнѣ смерть сомкнетъ въ мученьяхъ тяжкихъ
«Я долгъ отечеству сыновній сотворю: вѣжды,
«Я вѣренъ мнѣ во снѣ явленному царю!
«Но кто сей Михаилъ? Кто будетъ намъ владѣтель?
«О ты, вселенныя Владыка и Содѣтель,
«Почто дерзаю я вникать въ твои судьбы!
«Ты намъ пошлешь царя, мы суть его рабы.»
По размышленьи семъ, онъ одръ оставилъ вскорѣ —
Еще не явльшейся на небесахъ аврорѣ,
Онъ воздухъ голосомъ во храминѣ дѣлитъ
И вѣрному рабу войдти къ себѣ велитъ.
«Дедешинъ гдѣ Андрей?» поспѣшно вопрошаетъ;
Велитъ, да онъ къ нему, не медля, поспѣшаетъ
И въ комнату къ нему его да приведетъ.

Межъ тѣмъ уже заря явила въ небѣ свѣтъ.
Бояринъ воруженъ изъ храмины выходитъ;
Служитель главнаго къ нему надъ стражей вводитъ,
И сей ему речетъ Дедешина побѣгъ:
«Когда ты, государь, починуть лишь возлегъ,
«Дедешинъ со твоимъ пришелъ мнѣ повелѣньемъ,
«Что онъ идетъ за градъ твоимъ соизволеньемъ.
«Я другу твоему оспорить не посмѣлъ,
«Врата ему отверзть градскія повелѣлъ».
Тогда бояринъ сна видѣніе воспомнилъ,
Глаголетъ: «Какъ злодѣй предательство исполнилъ!»
И вскорѣ къ своему онъ воинству приспѣлъ
И тако въ бодрости онъ войску повелѣлъ:
«О други, бодрствуйте и вскорѣ воружайтесь,
«За вѣру за свою, за церковь вы сражайтесь!
«Я зрю Дедешинымъ намъ смертный ровъ изрытъ:
«Сей льстецъ прегнуснѣйшій злымъ ядомъ весь покрытъ.
«Ко сѣверной стѣнѣ вы града всѣ спѣшите
«И тамо вы свою днесь храбрость покажите,
«Оттолѣ врагъ начнетъ чинить приступъ на насъ:
«Се намъ страдальческихъ вѣнцовъ пріятный часъ!
«Явите, чада, вы своею нынѣ кровью,
«Что вы пылаете къ отечеству любовью!»
И се—по воинству усердный шумъ возсталъ,
И огнь во очесахъ ихъ жара возблисталъ.
. .
Тогда-то Шеину явилъ въ себѣ всякъ воинъ,
Что Россомъ нарещись во свѣтѣ онъ достоинъ.
Стремящихся къ стѣнѣ отчаянныхъ враговъ
Свергаютъ со зубцовъ стремглавъ въ глубокій ровъ,
Но сколько разъ враговъ съ раскатовъ ни свергали,
Толико разъ они на оные взбѣгали.
Уже повержена ударами стѣна,
И сила Россіянъ во градѣ стѣснена,
Уже вездѣ враги по стогнамъ града рыщутъ
И смертью дȍбычи въ домахъ побитыхъ ищутъ.
Но Шеинъ, взявъ изъ войскъ надежнѣйшій отрядъ,
Выходитъ съ малымъ силъ числомъ къ Литвѣ за градъ,
Желая жизнь продать свою драгой цѣною,
И тяготитъ враговъ ужаснѣйшей войною.
Мечъ острый Шеина всѣхъ страшно поядалъ,

Кто первый подъ его удары попадалъ.
Подобно току водъ, стремящусь чрезъ долину,
Несущему овецъ и пастырей въ пучину,—
Съ отрядомъ Шеинъ всѣхъ противныхъ поражалъ
И всякъ отъ дѣйствія меча его бѣжалъ.
Но боемъ, ранами и ратью утомленны,
Не многи съ Шеинымъ Литвѣ достались плѣнны:
Сей ратоборецъ, бывъ собою побѣжденъ,
Полмертвъ отдаться въ плѣнъ врагамъ былъ принужденъ.
Но горды Поляки, въ побѣдѣ бывъ суровы,
Кладутъ на воина тяжелыя оковы,
И самый Жигимондъ весь гнѣвомъ воскипѣлъ,
Героя взять къ себѣ подъ стражу повелѣлъ:
Не ради почестей блюдомъ онъ былъ столь свято,
Но мнилъ черезъ него обрѣсть онъ въ градѣ злато, —
Тираны бо не чтутъ героевъ никогда.
. .

VIII. ЭПИГРАММЫ.

1.

Петръ, будучи врачемъ, зла много приключилъ:
Онъ множество людей до смерти залѣчилъ.
Когда-жъ онъ будетъ попъ, себя онъ не уронитъ,
И въ семъ чинѹ людей не меньше похоронитъ.

2.

То предвѣщаніе немедленно сбылось:
Сегодня въ городѣ повсюду разнеслось,
Что отъ лѣчбы его большая людямъ трата.
Итакъ, онъ сдѣлался палачъ изъ Гиппократа!

IX. ОДА.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ И САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ, НЕПОБѢДИМОЙ МОНАРХИНѢ, МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА, НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ КОРОНОВАНІЯ ЕЯ 1775 года, сентября 22 дня.

1.

Уже прекрасный Фебъ въ эѳирѣ
Являетъ зракъ свой намъ въ Вѣсахъ,
Содѣлавъ равноденство въ мірѣ,
Течетъ въ пространныхъ небесахъ;
Сей день, со скипетромъ въ коронѣ,
Екатерина, ты на тронѣ
Порфирой царской облеклась
И за премногія доброты,
За судъ, за милость, за щедроты
Ты мать Россіи нареклась.

2.

Я шумъ военный забываю
И страшнаго сраженья часъ;
Тебя на помощь призываю:
Направи мой спокойный гласъ;
Довольно мы въ войнѣ гремѣли,
Довольно славы мы имѣли,
Екатерина, при тебѣ;
Теперь твоею мы рукою,
Ведемся къ нашему покою,
Ликуя въ счастливой судьбѣ.

3.

Твоя премудрость въ сладкомъ мирѣ,
Военны блески всѣ затьмитъ,
И нова слава во эѳирѣ
Твою премудрость возгремитъ;
Сей громъ раздастся по вселенной,
Что духъ твой, духъ неутомленной,
И въ мирѣ какъ въ войнѣ великъ,
Что ты кротка и просвѣщенна
И что достойно помѣщенна
Героевъ свѣта въ славный ликъ.

4.

Воззримъ ли ко странѣ восточной—
Твои трофеи тамъ найдемъ;
Воззримъ ли ко странѣ полночной —
Въ твоемъ владѣньи та эдемъ;
Ко югу ль мысли обратятся,
Народы тамъ тебѣ дивятся;
Ко западу ль мы взоръ вперимъ—
И тамъ летая громка слава
Гласитъ, что Росская держава
Простерлась, яко древній Римъ.

5.

Тамъ зависть, ядовиты очи
Возведъ, парящу славу зритъ,
Сама подобясь адской ночи,
Скрыпя зубами, говоритъ:
«Попранны всѣ мои затѣи;
«Какъ въ мразы не цвѣтутъ лилеи,
«Во мнѣ такъ радость не живетъ;
«Я мнила чрезъ мое коварство
«Ослабить сильно государство:
«Оно крѣпится и цвѣтетъ.

6.

«Ея премудрая богиня
«Своимъ эгидомъ мя страшитъ;
«Россіи сдѣлаюсь другиня,
«Се есть противъ ея мой щитъ.
«Но что успѣю я воономъ?
«Я только со всегдашнимъ стономъ
«На славу буду той взирать;
«Опасно съ нею содружаться,
«Еще опаснѣе сражаться:
«Непобѣдима оной рать.

7.

«Ея торги, ея науки
«Меня въ отчаянье ввели,
«Не можетъ зляй моей быть муки
«Изъ всѣхъ злодѣевъ на земли;
«Мнѣ жизнь моя жесточе ада,
«Отъ собственнаго мучусь яда,
«Моя меня съѣдаетъ желчь;

«Колико Россы знамениты,
«Являютъ то мои ланиты;
«Ихъ слава—мнѣ во сердцѣ мечъ.»

8.

Се тако зависть возглашаетъ,
Жегома внутреннимъ огнемъ,
Россійской славѣ споспѣшаетъ
И во злорѣчіи своемъ.
Что можетъ быть сей славы болѣ?
Насъ зависть хвалитъ по неволѣ,
Не мня сплетати намъ похвалъ.
Она еще бъ сіе гласила,
Еще бы насъ превозносила;
Вдругъ трепетъ гласъ ея прервалъ.

9.

Но Россы торжествуютъ нынѣ
Своихъ побѣдъ преславный миръ,
И слышатся Екатеринѣ
Пѣвцевъ ихъ стройны гласы лиръ;
И гласы не умолкнутъ оны,
Премудрость, милости, законы
Екатеринины поя;
Она во свѣтѣ торжествуетъ,
Ей Вышній самъ споспѣшествуетъ
Во всѣхъ намѣреньяхъ ея.

10.

А ты, о мать градовъ Россійскихъ,
Москва, первопрестольный градъ!
Простри отсель до волнъ бальтійскихъ
Своихъ усердье вѣрныхъ чадъ;
Укрась монаршій путь вѣнцами,
Желай едина всѣхъ сердцами,
Да прійдетъ здрава въ градъ Петровъ;
Да Богъ, Творецъ всея селенны,
Дѣла ея безпреткновенны
Хранитъ и будетъ ей покровъ.

11.

И се онъ, длани простирая,
Монаршій осѣняетъ путь,
Речетъ, на шествіе взирая,
Лія веселье въ нашу грудь:

«Екатерину возвышаю,
«Храню ее и утѣшаю,
«Ущедрю Павла я плодомъ;
«Наталія, къ ея отрадѣ,
«Родитъ Петра въ Петровомъ градѣ,
«Возвеселя монаршій домъ.»

X. ПѢСНЬ ПЕЧАЛЬНАЯ

НА КОНЧИНУ БЛАГОВѢРНЫЯ ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКІЯ КНЯГИНИ НАТАЛІИ АЛЕКСѢЕВНЫ, ПРИКЛЮЧИВШУЮСЯ 1776 ГОДА, АПРѢЛЯ 15 ДНЯ.

1.

Что за вѣсть сюда примчалась?
О плачевнѣйшая вѣсть!
Ты, Наталія, скончалась,
Намъ ударъ сей должно снесть.
О напасти мыслямъ строги!
Въ плачѣ царскіе чертоги,
Стонетъ дворъ и весь сигклитъ,
Наша матерь и отрада
Посредѣ Петрова града
О Наталіи болитъ.

2.

Слава, томными крылами
Съ горькой вѣстью таковой
Межъ сгустившимися мглами
Пролетая надъ Москвой,
Со стенаньемъ возгласила:
«Смерть Наталію скосила,
«И ея на свѣтѣ нѣтъ.»
Вся надежда въ насъ пропала,
Тьма на городъ сей ниспала
И отъяла дневный свѣтъ.

3.

Ахъ, такія ль вѣсти злыя
Ждали здѣсь несчастны мы?
Вся покрылася Россія
Мракомъ горестныя тьмы;
Только солнце возсіяло,

Только лучъ свой проліяло
Послѣ скучныхъ зимнихъ дней,
Облеклись листами розы
Во пріятности своей;

4.

Вся зеленою одеждой
Здѣсь покрылася земля;
Мы питалися надеждой,
Жадный духъ свой веселя,
Что, снисшедъ съ златаго трона,
Принесетъ намъ плодъ Помона
И утѣшитъ онымъ насъ;
Вдругъ надежда прекратилась,
И Помона возвратилась.
Лютый рокъ, горьчайшій часъ!

5.

Часъ, о часъ, минута слезна,
Вѣсть, противна ушесамъ!
Ты, Наталія любезна,
Отлетѣла къ небесамъ.
О прекрасна наша роза!
Не дождавшися мороза,
Къ току нашихъ горькихъ слезъ,
Ты, Наталія, увяла
Ты намъ скорбь въ сердца вліяла;
Видъ природы всей исчезъ.

6.

Но природа въ томъ же чинѣ,
Строенъ токъ небесныхъ тѣлъ,
Рѣки льются ко пучинѣ
Во назначенный предѣлъ;
Дни здѣсь ясны, тихи нощи,
Зеленѣютъ злачны рощи,
Птички солнца всходъ поютъ,
И въ часы сіи веселы,
По лугамъ гуляя, пчелы
Изъ цвѣточковъ сокъ піютъ.

7.

Пестры бабочки летаютъ
Со листочка на листокъ,
Снѣги съ горъ высокихъ таютъ,

Составляя водный токъ.
Все въ природѣ оживилось,—
Наше сердце уязвилось,
Мысль пріятствъ ни въ чемъ не зритъ.
Намъ зима быть мнится въ лѣтѣ:
Нѣтъ Наталіи на свѣтѣ,
Насъ ничто не веселитъ.

8.

Что же ты, о вѣтвь Петрова,
Во печали сей творишь?
Часть твоя есть часть сурова:
Ты Наталью мертву зришь!
Зря тя, Павелъ, предъ собою,
Пораженна злой судьбою,
Страждетъ твой великій духъ,
Тщись ты скорбью обладати,
Но возможно ль не страдати?
Ты Натальи былъ супругъ.

9.

Ты Натальѣ былъ любезенъ,
И она равно тебѣ.
Плачь!...Но плачь сей безполезенъ;
Буди твердъ во злой судьбѣ.
О ты, вѣтвь преславна рода!
Для усерднаго народа
Умѣряй его теперь,
Соблюдай себя намъ здрава,
Се зовутъ тя долгъ и слава
Намъ отверзти къ счастью дверь.

10.

Мы обрящемъ счастье наше,
Коль Петровъ продлится родъ;
Возсіяй ты солнца краше,
Выходящаго изъ водъ
И въ россійскіе предѣлы
Распростри лучи веселы,
Согрѣвая намъ сердца.
Мы тобою духъ питаемъ,
И въ тебѣ мы ожидаемъ
Здѣсь отечеству отца.

11.

Непостижными судьбами
Царь превѣчный положилъ,
Чтобъ владыка со рабами
Во единой части жилъ.
Часть сія необходима,
А судьба непобѣдима:
Нищъ, богатъ, носящъ вѣнецъ,
Живъ въ единой смертныхъ части,
Подвергаются напасти,
И единый всѣмъ конецъ.

12.

Ты покорствуй вышней власти,
Богъ хотѣлъ тя искусить,
Ты старайся всѣ напасти
Съ твердымъ духомъ преносить.
Ты рожденъ носить корону,
Ты готовишься ко трону,
Тронъ есть бремя тяжче всѣхъ,
Возносися надъ собою,
Обладай своей судьбою,
Будь источникъ намъ утѣхъ.

13.

Умолчи, печальна лира!
Мнѣ ли боль сей облегчать?
Время, сей рушитель міра,
Можетъ скорби излѣчать.
Я тебя пріемлю въ руки
И, исполнь сердечной муки,
Содрагаяся пою.
Я утѣшити стремлюся—
Самъ безгласенъ становлюся
И источникъ слезъ лію.

14.

О источникъ скоротечный,
Время, вѣчности слуга,
Наши слезы суть не вѣчны,
Проноси ихъ въ тѣ брега,
Коимъ нѣтъ и въ мысли края,
И яви намъ ясность рая,
Изсуша токъ слезныхъ рѣкъ,

И въ предбудущія лѣта
Собери все благо свѣта
И исполнь имъ Павловъ вѣкъ!

XI. НАДПИСЬ КЪ ДОМУ,

ВЪ КОТОРОМЪ ПОКОЯТСЯ ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЕ СТАРИКИ.

Согбенныхъ старцевъ полкъ въ семъ домѣ обитаетъ,
Которыхъ Россовъ мать покоитъ и питаетъ,
Та мать, что сирыхъ чадъ отъ гибели спасла
И ихъ во храмъ наукъ безбѣдныхъ принесла.
Тамъ страждущихъ видна младенцевъ въ ней отрада,
А здѣсь благимъ рабамъ за трудъ—покой, награда.
Екатерина, ты во всѣхъ дѣлахъ равна,
И въ малыхъ, и въ большихъ велика и славна.

XII. ОДА

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ ЗАХАРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЧЕРНЫШЕВУ, СОЧИНЕННАЯ ВЪ ЯРОПОЛЧѢ ИСКРЕННѢЙШИМЪ ЕГО ПОЧИТАТЕЛЕМЪ.

1.

Градскаго шума удаляся,
Пріемлю лиру я мою,
Во Ярополчѣ веселяся,
Пріятность онаго пою.
Бѣгите прочь, градски забавы,
Вы портите сердца и нравы.

2.

Я чистымъ воздухомъ питаюсь,
Прогнавъ отъ глазъ коварства тѣнь,
Въ эдемѣ нынѣ обрѣтаюсь,
Гдѣ мнѣ сіяетъ правды день,
Гдѣ нѣтъ зловредныхъ истукановъ,
Клеветъ, ласкательствъ и обмановъ.

3.

Но кто вселяется, устроя
Сію очамъ пріятну смѣсь?

Я зрю почтеннаго героя
Съ почтенною супругой здѣсь,
Ведущихъ сельску жизнь въ покоѣ.
О жизнь, о время золотое!

4.

Я зрю: соборъ друзей нелестныхъ
Здѣсь Чернышева окружилъ,
Соборъ мужей, ему извѣстныхъ,
Съ которыми онъ въ свѣтѣ жилъ,
Которыхъ чести онъ свидѣтель
И былъ всегда имъ благодѣтель.

5.

Но ты толикому ль народу,
Почтенный мужъ, благотворилъ?
Ахъ, дай мнѣ, дай теперь свободу,
Дабы я правду говорилъ:
Коль всѣ они къ тебѣ вселятся,
Въ пространный домъ твой не вмѣстятся.

6.

Престани, лира восхищенна,
Его доброты нынѣ пѣть,
Разсудкомъ мысль не просвѣщенна
Не можетъ хвалъ другимъ терпѣть,
И, можетъ быть, завистникъ скажетъ,
Что стихъ сей лесть едина вяжетъ.

7.

Но пусть завистникъ устремится
Хулы неправы мнѣ сплетать,
Во вѣки правда не затьмится
И будетъ, яко лучъ, блистать.
Тебѣ, герой, тебѣ извѣстно,
Что я вѣщаю все нелестно.

8.

Я въ вѣкъ плѣняся чистотою
Великія души твоей,
Прельщаюсь сельской простотою,
Устроенной въ округѣ сей;
Мѣста сіи подобны раю,
Съ восторгомъ я на нихъ взираю.

9.

Подобны солнцевымъ чертоги

Строитель здѣсь на холмѣ вознесъ
Въ долу различныя дороги
Различный окружаетъ лѣсъ:
Тамъ дубы, липы, вязы, клены
Гуляющихъ покоятъ члены.

10.

Тамъ далѣе луга широки
Цвѣтами всѣ испещрены,
Гдѣ льются чистыхъ водъ потоки,
Между собой съединены;
А тамъ, позадь хинейска храма,
Течетъ съ пріятнымъ шумомъ Лама (*).

11.

Она собою напояетъ
Прелестны здѣшнія мѣста
И позади ея сіяетъ
Срацинска храма красота.
Се зрятъ глаза, красою плѣнны,
Всѣ вкусы здѣсь совокупленны.

12.

И се ко украшенью вида,
Гдѣ мѣстъ прекрасныхъ сихъ конецъ,
Стоитъ огромна пирамида,
Всѣхъ дѣлъ Румянцева вѣнецъ;
Въ восторгѣ мысль и сердце таетъ:
Герой героя почитаетъ!

13.

Среди прекраснѣйшаго сада
Всего прекраснѣй, что ни есть,
Огромна взнесена громада
Императрицѣ росской въ честь:
Она ему благотворила,
Въ мѣстахъ сихъ быть благоволила.

14.

Куда ни обращаю взоры,
Вездѣ красы природы зрю,
Чрезъ рощи, чрезъ высоки горы
Я въ мысли путь себѣ творю:

*) Рѣка, протекающая сквозь сады графа Чернышева.

Тамъ воды протекаютъ ясны,
Съ душой владѣтелей согласны.

15.

Но что мнѣ мысль моя вмѣщаетъ—
Не силенъ изрещи языкъ;
Лишь сердце прямо ощущаетъ,
Что Чернышевъ вездѣ великъ:
Великъ ты войскъ во управленьи,
Великъ въ своемъ уединеньи!

XIII. СТИХИ НА 1777-ой ГОДЪ.

Какъ въ бурный океанъ втекаютъ быстры воды
И исчезаютъ въ немъ,
Сему подобяся, летятъ во вѣчность годы,
Стремяся день за днемъ.
Въ природѣ все, что есть, рождается и вянетъ;
Минулъ прошедшій годъ и болѣ не настанетъ,
Насталъ теперь другой, но сей, какъ тотъ, минетъ,
И множество за нимъ вѣковъ еще прейдетъ.
Всякъ къ вѣчности плывя, во вѣчности потонетъ:
Кто въ счастіи живетъ или кто въ жизни стонетъ,
Кто былъ подъ властію или кто имъ владѣлъ,
Единый будетъ всѣмъ со временемъ предѣлъ.
Скончаются равно и пастырь, и владѣтель,
Останется по нихъ едина добродѣтель,
А прочее ихъ все по смерти ихъ минетъ,
И все во вѣчности безвѣстно пропадетъ.
Въ теченіи временъ судьба необорима:
Прешли величества и Греціи, и Рима!
О Боже, царь вѣковъ, въ Россію ты воззри
И благо по ея предѣламъ распростри,
Да насажденные Петромъ наукъ въ ней крины
Цвѣтутъ, покрытые рукой Екатерины!
Да судіи законъ, имъ данный, сохранятъ
И святости его ни въ чемъ не осквернятъ!
Да воинъ въ тишинѣ на лавръ побѣдъ взираетъ,
И пахарь съ нимъ плоды сторичны собираетъ!
Да плаватель моря въ свой мирно бѣгъ стремитъ,

И слава росская по всей земли гремитъ,
Взывая на всегда немолчными устами,
Что мы къ монархинѣ усердіемъ горимъ,
И будемъ долѣ цвѣсть, чѣмъ Греція и Римъ,
Доколѣ родъ Петровъ владѣти будетъ нами!

XIV. СОНЕТЪ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ЕКАТЕРИНѢ II НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

1.

Ликуй, великая, ликуй Екатерина,
И радостнымъ лицомъ со трона намъ блистай,
Имѣвъ въ объятіи своемъ сыновня сына,
Къ родителямъ его любовью новой тай.

2.

Се вѣтвь великаго Петра, видъ райска крина,
Ты, ею веселясь, во счастьи обитай;
Тебѣ вручили даръ сей Павелъ и судьбина,
Его, какъ Павла, ты премудро воспитай.

3.

Чтобъ вѣрная чета, и Павелъ, и Марія,
И съ ними вся тебѣ подвластная Россія,
Узря возросшаго младенца свѣтлый ликъ,

4.

Рекли: «Се Александръ Палладою наставленъ,
«Имъ будетъ россій рогъ возвышенъ и прославенъ;
«Онъ будетъ яко Петръ или какъ ты великъ.»

XV. СОНЕТЪ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВАМЪ БЛАГОВѢРНОМУ ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ И СУПРУГѢ ЕГО БЛАГОВѢРНОЙ ГОСУДАРЫНѢ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

1.

Надежда росскихъ чадъ, прекрасная чета,
Супруги вѣрные, о Павелъ и Марія,
Полночныя страны утѣха, красота,
Соликовствуетъ вамъ пространная Россія!

2.

Преобратились въ рай всѣ здѣшнія мѣста,
Чрезъ васъ бо посланъ даръ имъ съ высоты святыя;
Сей даръ есть Александръ; въ немъ кровь ліется та,
Отъ коей начались въ Россіи дни златые.

3.

Виновникъ былъ сихъ дней великій оный Петръ,
Который насъ извелъ изъ тьмы глубокихъ нѣдръ
И на стези прямой насъ истины наставилъ.

4.

Екатерина, всѣмъ примѣръ земнымъ царямъ,
Отверзла намъ врата премудрости во храмъ,
И разумъ насъ ея во свѣтѣ семъ прославилъ.

XVI. КАНТАТА

(НА ТОТЪ ЖЕ СЛУЧАЙ).

1.

Въ дни, когда отъ насъ свѣтило
Отвращало зракъ свой прочь,
Дней сіянье сократило,
Умножая въ мірѣ ночь,

2.

Умножая счастье наше,
Посѣтилъ Россію Богъ:
Онъ Марію, солнца краше,
Павлу въ брачный ввелъ чертогъ;

3.

Со возвратомъ солнца нынѣ
Милость паки Богъ ліетъ:
Въ знакъ щедротъ Екатеринѣ,
Александра вводитъ въ свѣтъ.

4.

Бурны вѣтры, не дерзайте
Воздухъ шумомъ наполнять!
Музы, храмъ свой отверзайте,
Тщась рожденнаго принять!

5.

Просвѣщайте даръ природы,
Въ немъ вліянный отъ небесъ;

Да рекутъ о немъ народы:
«Се есть россkій Геркулесъ.

6.

«Что съ Петромъ Екатерина
«Во душѣ его живетъ,
«Да четы великой сына
«Свѣтъ великимъ назоветъ.

7.

«Вы же, Павелъ и Марія,
«Умножайте счастье намъ,
«Да пространная Россія
«Будетъ славы вѣчной храмъ;

8.

«Мы же, яко райски крины,
«Посреди спокойныхъ дней,
«Подъ рукой Екатерины
«Въ полной радости своей,

9.

«Васъ, супруги, прославляя
«И рожденнаго отъ васъ,
«Ликъ торжественъ составляя,
«Взносимъ свой на небо гласъ—

10.

«Да живетъ Екатерина
«До позднѣйшихъ самыхъ лѣтъ;
«Да ея премудрость сына
«Удивитъ дѣлами свѣтъ!»

11.

Гласъ, по сѣверу раздайся,
Свѣтъ, наполнись гласомъ симъ,
Ты, Россія, наслаждайся
Вѣчно счастіемъ своимъ!

XVII. (КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОВУ-КРЫМСКОМУ).

И здѣсь въ очахъ сего героя видѣнъ жаръ,
И храбрость во очахъ его та зрима,
Съ которыми разилъ кичливыхъ онъ Татаръ!
Се Долгорукій—князь и побѣдитель Крыма.

XVIII. (КЪ Н. П. АРХАРОВУ).

Пишу въ четвертый разъ къ тебѣ я на бумагѣ,
Чтобъ ты, любезный другъ, помыслилъ мнѣ о благѣ,
А благо все мое въ единомъ состоитъ,
Да разумъ твой меня съ Медоксомъ съединитъ;
Съ Медоксомъ, говорю, съ Медоксомъ я, Архаровъ,
За тѣмъ что князь цѣны не знаетъ сихъ товаровъ,
Которыми онъ сталъ съ Іудой торговать.
Скажи, могу ли я на дружбу уповать,
Которую въ тебѣ сыскать всегда я тщуся?
Единаго теперь я этого страшуся,
Не втерся чтобъ къ нему въ товарищи Поше,
А если галльская къ юдейской сей душѣ
Хоть краешкомъ своимъ на этихъ дняхъ коснется
Тогда ужъ, можетъ быть, надежда вся минѐтся
Театръ россійскій мнѣ въ рукахъ своихъ имѣть.
Коль хочешь всѣмъ добра, то такъ сіе намѣть,
Какъ нѣкогда о семъ съ тобой мы говорили.
Иль кашу мы сію напрасно заварили?
Скажи мнѣ искренно: пенять не буду я;
Все будемъ мы съ тобой по прежнему друзья.
Пусть будетъ съ ними князь купаться въ томъ же морѣ,—
Лишь жаль того, что всѣмъ актерамъ будетъ горе!

XIX. ОДА СЧАСТІЕ.

1.

Всѣхъ желаніевъ начало,
Счастье, нашихъ цѣль сердецъ!
Ты насъ вшедшихъ въ свѣтъ встрѣчало;
Ты нашъ будешь зрѣть конецъ;
Что ты есть, и гдѣ, не знаемъ,
Но лишь мыслить начинаемъ—
Мы грядемъ тебѣ во слѣдъ.
Мы тебя всѣ ищемъ тщетно,
И заходимъ непримѣтно
Во пучину лютыхъ бѣдъ.

2.

Мы, ища тебя, страдаемъ
И томимся всякій часъ;
Но тобой не обладаемъ,
Хоть всегда ты близко насъ.
Или нашихъ душъ то свойство,
Чтобъ терпѣти безпокойство,
Не вкушая тя во вѣкъ?...
Нашихъ бѣдъ не ты причина:
Есть на свѣтѣ бѣдъ пучина,
Въ коей тонетъ человѣкъ.

3.

Сей, ища тебя, томится;
Отъ него ты прочь бѣжишь;
Сей не тѣмъ путемъ стремится,
На которомъ ты лежишь;
Тотъ, нашедъ тебя, не знаетъ
И въ твоихъ рукахъ стенаетъ,
Мысль въ пороки углубя;
За инымъ бѣжишь ты сȧмо;
Онъ старается упрямо
Убѣгати отъ тебя.

4.

Счастье! мы тебя имѣемъ
Завсегда передъ собой,
Но владѣти не умѣемъ,
Сообщаяся съ тобой!
Не въ могуществѣ и власти,
Не въ высокой самой части,
Не въ богатствѣ, не въ чинахъ,
Не на знатности дорогахъ
И не въ царскихъ ты чертогахъ,
Но живешь у насъ въ сердцахъ.

5.

Въ самой лучшей смертныхъ части,
Посреди богатствъ, утѣхъ,
Величайшей люди власти
Иногда несчастнѣй тѣхъ,
Кто средь хижины убогой,
Добродѣтелію строгой
Наслаждаяся, живетъ.

Богачи слезъ въ морѣ тонутъ,
И цари на тронахъ стонутъ,
Коль въ сердцахъ спокойства нѣтъ.

6.

Кто-жъ о счастьѣ ложнымъ слухомъ
Мысль свою не повредитъ,
Тотъ своимъ великимъ духомъ
Счастье самъ въ себѣ родитъ.
Кто себя не безпокоитъ,
Въ сердцѣ храмъ тотъ счастью строитъ,
Счастье въ немъ свой зиждетъ тронъ.
Грусть изъ сердца удалится,
И во вѣки не вселится
Въ нёмъ тщеславцевъ гордыхъ стонъ.

7.

Кто счастливѣй былъ въ семъ мірѣ—
Александръ иль Діогенъ?
Александръ въ вѣнцѣ, въ порфирѣ,
Всюду славой окруженъ,
Царь несчетнаго народа,
И казалась вся природа
Быть въ числѣ его рабовъ...
Что-жъ покой въ немъ возмущаетъ?
Аристотель возвѣщаетъ:
Тьмы другихъ ему міровъ.

8.

Возвѣщаетъ, какъ сей воинъ
И однимъ не овладѣлъ:
Не былъ вѣчно онъ достоинъ,
Внити счастія въ предѣлъ.
Діогеновы желанья,—
Чтобъ лучей дневныхъ сіянья
Александръ не отвращалъ,
Предъ его вертепомъ стоя.
Сей мудрецъ царя-героя
Больше счастья ощущалъ.

9.

О Херасковъ, ты свидѣтель
Можешь вѣрный въ томъ мнѣ быть,
Что хранящимъ добродѣтель
Должно счастіе служить.

Если малымъ кто доволенъ,
Кто не гордъ, спокоенъ, воленъ,
Тотъ есть счастливъ человѣкъ.
Кто-жъ за счастіемъ стремится,
Тотъ въ пути семъ утомится
И не будетъ счастливъ въ вѣкъ.

XX. ОДА (НАДЕЖДА).

1.

О даръ природы милосердой,
Чѣмъ мы дыхаемъ и живемъ,
О другъ намъ въ жизни сей нетвердой,
Надежда, ты намъ служишь всѣмъ!
Съ тобою мы свой вѣкъ проводимъ,
Ты—чувствъ пресвѣтлая заря,
Съ тобою мы пути проходимъ,
Пустыни, дебри и моря,
Тобою страхи попираемъ,
Тобою бѣдства презираемъ!

2.

До самой смерти отъ рожденья
У насъ ты въ сердцѣ возжена,
Ты горести для услажденья
Судьбою въ насъ положена.
Хотя препятства мы срѣтаемъ
Для исполненья нашихъ нуждъ,
Тобою мысли мы питаемъ,
Тобою страхъ препятствъ намъ чуждъ,
И, ободренны бывъ тобою,
Съ противной боремся судьбою.

3.

Герой и побѣдитель въ брани,
Гласимый древле полубогъ,
Простерти мысль и храбры длани
Къ побѣдамъ безъ тебя бъ не могъ:
Онъ жизнь свою скончалъ бы прежде,
Не распростря своихъ побѣдъ,
Но, одолженъ своей надеждѣ,

Покрылъ трофеями свой слѣдъ.
Ты входишь въ царскіе чертоги,
Равно какъ въ хижины убоги.

4.

Иные, на концахъ вселенны
Живя, за быстростію рѣкъ,
Двора и счастья удаленны,
Не могутъ ихъ достигнуть въ вѣкъ;
Но ихъ надежда не покинетъ,
И ихъ собой она бодритъ,
Доколѣ краткій вѣкъ ихъ минетъ —
Всегда имъ счастіе сулитъ.
Безъ сей же намъ пріятной жертвы
Мы были бъ прежде смерти мертвы.

5.

Иные, старостью согбенны,
При дверяхъ гроба ужъ стоятъ
И, зря чувствъ силы погребенны,
Еще жить въ свѣтѣ долго мнятъ,
И уже смертью въ гробъ ведомы,
Богатства тѣшатся сбирать,
Садятъ сады и строятъ домы,
Какъ будто имъ не умирать.
Доколѣ смертный не увянетъ —
Надежда жить въ немъ не престанетъ.

6.

Иной, болѣзнью удрученный,
Тягча изсохшихъ тѣломъ одръ,
Съ надеждой духъ не разлученный
Еще при самой смерти бодръ.
Хоть сердце, яко воскъ, въ немъ таетъ,
И съ тѣломъ смерть ужъ духъ дѣлитъ,
Надежда духъ еще питаетъ
И скорбно сердце веселитъ,
И посреди сея надежды
Смыкаетъ смерть ослабши вѣжды.

7.

О даръ прещедрыя природы!
Въ моемъ ты сердцѣ обитай
И жизни мнѣ въ оставши годы
Изъ сердца вонъ не вылетай.

Съ тобой мнѣ сносны огорченья,
Вездѣ меня препровождай,
Съ тобой не страшны всѣ мученья,
Ты горесть сердца услаждай.
Ты въ жизни нашей намъ полезна:
Съ тобою смертнымъ жизнь любезна.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕКСТУ.

I. *Къ одамъ торжественнымъ и мелкимъ стихотвореніямъ.*

Къ I (стран. 27). Для объясненія этой оды ее должно сравнить съ манифестомъ о восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II и «обстоятельнымъ манифестомъ» о томъ же (см. Указы имп. Екатерины II съ 28 іюня 1762 г. по 1763 г., изд. 1773 г., стр. 3 и 13).— Кромѣ Майкова, воцареніе Екатерины привѣтствовали одами Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ; по тону ода Майкова, вмѣстѣ съ Ломоносовской, принадлежатъ къ сильнѣйшимъ.

Строфы 6, 7, 8. Въ первомъ изъ вышеупомянутыхъ манифестовъ сказано: «Слава россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира (т. е. между имп. Петромъ III и королемъ прусскимъ Фридрихомъ II) самимъ ея злодѣямъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе (Указы 1762 г., стр. 3 и 4).— Ср. строфу 6 въ одѣ на тотъ же случай Ломоносова (Соч., изд. 1784 г., т. I, стр. 206). Также слч. обращеніе Россіи къ Петру у Майкова со словами Петра въ той же одѣ Ломоносова (стр. 8 и 9). Въ обѣихъ одахъ выводится Петръ I какъ заступникъ оскорбленной Россіи. — 5 марта 1762 г. Петръ III заключилъ миръ съ Фридрихомъ II, а 24 апрѣля, заключеннымъ въ Петербургѣ договоромъ, вступилъ съ нимъ въ оборонительный союзъ; по условіямъ этого договора, главная русская армія, подъ предводительствомъ генерала Бутурлина, возвратилась въ Россію, а отдѣльный корпусъ, подъ командой гр. З. Гр. Чернышева, находившійся въ распоряженіи австрійскаго фельдмаршала Лаудона, присоединился къ прусской арміи.

Стр. 10, 11. Въ «обстоятельномъ манифестѣ» сказано: «Между тѣмъ какъ все отечество къ мятежу неминуемому уже противъ его (имп, Петра III) наклонялося, онъ паче и паче старался умножать оскорбленіе развращеніемъ всего того, что великій въ свѣтѣ монархъ и отецъ своего отечества, блаженныя и вѣчно незабвенныя памяти государь императоръ Петръ Великій, намъ вселюбезнѣйшій дѣдъ

въ Россіи установилъ, и къ чему онъ достигъ неусыпнымъ трудомъ тридцатилѣтняго своего царствованія» (Указы 1762 г., стр. 16). Соотвѣтственно этимъ словамъ стихотворецъ изображаетъ народное обращеніе къ тѣни Петра Великаго и ея отвѣтъ.

Стр. 13, 14. Въ «обстоятельномъ манифестѣ» читаемъ: «Въ таковыхъ, всѣмъ предъявляемыхъ нами всему свѣту безпристрастному обстоятельствахъ, трудно намъ было на послѣдокъ не смутиться духомъ, видя отечество погибающее и себя самихъ съ любезнѣйшимъ нашимъ сыномъ и природнымъ нашимъ наслѣдникомъ престола россійскаго въ гоненіи и почти въ крайнемъ отдѣленіи отъ своего дому императорскаго» (Указы 1762 г., стр. 17).

Стр. 15. Тамъ же: «Таковымъ, Богу благодареніе дѣйствіемъ, престолъ самодержавный нашего любезнаго отечества приняли мы на себя безъ всякаго кровопролитія, но Богъ единъ и любезное наше отечество чрезъ избранныхъ своихъ намъ помогали» (Указы 1762 г., стр. 20)

Стр. 18. Екатерина находилась 25 ноября 1762 г. въ Москвѣ.

Къ II (стран. 32). *Стр*. 4. Вступивъ на престолъ, Екатерина объявила, что Россія должна занять нейтральное положеніе въ войнѣ между Австріей и Пруссіей, и отозвала корпусъ гр. З. Г. Чернышева, по волѣ Петра III присоединившійся къ прусской арміи. Это объявленіе приблизило къ окончанію Семилѣтнюю войну.

Стр. 6, 7, 8. Срвн. примѣч. къ I. Въ объясненіе послѣдняго стиха стр. 6 приводимъ слова краткаго манифеста о воцареніи Екатерины II: «Законъ нашъ православный греческій перво всего восчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона» (см. Указы 1762 г., стр. 3; ср. тамъ же, стр. 14).

Стр. 10, 11, 12. Обращенія къ допетровской исторіи весьма рѣдки у нашихъ стихотворцевъ XVIII в.; исключеніе составляетъ Ломоносовъ, которому въ этомъ случаѣ подражалъ и Майковъ.

Къ III (стран. 37). Екатерина II дважды была въ Ярославлѣ — въ 1763 и 1767 году. Подробности этихъ путешествій см. въ «Ярославскомъ литературномъ сборникѣ» на 1850 г., современное описаніе перваго путешествія въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1764 г., январь, стр. 60. Въ 1763 г. Екатерина пробыла въ Ярославлѣ съ 25 по 28 мая.

Стр. 8. Въ «Ежемѣс. соч.» 1764 г., январь, стр. 60, сказано: «Е. И. В. наша всемилостивѣйшая государынь, по неизреченной всегдашней своей ревности къ благочестію православія, имѣя теплое усердіе и подвигъ къ нововявленному чудотворцу Димитрію Ростовскому, соблаговолила прошедшаго 1763 году мая 13 числа, предъ отъ-

ѣздомъ своимъ изъ Москвы въ Санктпетербургъ, путешествіе свое предпринять для поклоненія новоявленному чудотворцу въ Ростовъ». Путешествіе было совершено пѣшкомъ. Изъ Ростова Екатерина проѣхала въ Ярославль.

Къ IV (стран. 40). Манифестъ объ учрежденіи въ Москвѣ Комиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія и выборѣ въ нее депутатовъ отъ всѣхъ сословій обнародованъ 14 декабря 1766 г. Для собранія депутатовъ назначенъ былъ шестимѣсячный срокъ, а самое открытіе комиссіи послѣдовало 30 іюля 1767 г.

Стр. 4 и 5. Здѣсь намекъ на то, что Екатерина явилась передъ войскомъ въ темнозеленомъ преображенскомъ мундирѣ, съ андреевской лентой черезъ плечо, дубовымъ вѣнкомъ на шляпѣ и обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, на бѣломъ конѣ, вечеромъ 28 іюня 1762 г. когда она, во главѣ гвардіи, выступила изъ Петербурга въ Петергофъ (см. Memoires de la princesse Daschkoff, Paris, 1859, I v., p. 110, ст. *Д. И. Иловайскаго* «Кн. Е. Р. Дашкова» въ От. Зап. 1860 г., т. CXXVI, стр. 238, и Записки Державина, стр. 21; ср. Соч. Державина, изд. акад., т. I, стр. 273).

Стр. 10 и 11. Разумѣются переселенія въ Россію нѣмецкихъ колонистовъ, начавшіяся вскорѣ по изданіи манифеста Екатерины II отъ 22 іюля 1763 г., которымъ колонисты вызывались.

Къ V (стран. 44). *Стр*. 3 и 4. Говорится о знаменитомъ «Наказѣ».

Къ VI (стран. 47). Екатерина посѣтила Казань въ маѣ 1767 г. 28 апрѣля этого года она выѣхала изъ Москвы въ Тверь, куда прибыла на слѣдующій день; отсюда 2 мая отправилась по Волгѣ на красивой галерѣ, окруженной флотиліей гребныхъ судовъ, которыми начальствовалъ вице-призидентъ адмиралтействъ-коллегіи гр. Ив. Гр. Чернышевъ. Во время этого путешествія государыня, со своими приближенными, переводила Мармонтелева «Велисарія». Послѣ неоднократныхъ остановокъ въ Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ мѣстахъ, 26 мая Екатерина прибыла въ Казань. Проведя здѣсь нѣсколько дней, она продолжала плаваніе до Симбирска и отсюда вернулась въ Москву сухимъ путемъ 14 іюня (Спб. Вѣдом. 1767 г.). Державинъ, по случаю этого путешествія написалъ одно изъ первыхъ своихъ стихотвореній (Соч. его, изд. акад., т. III, стр. 240).

Ст. 22. Разумѣется основаніе воспитательнаго дома для приносимыхъ дѣтей въ Москвѣ 1 сентября 1763 г.

Ст. 45. Разумѣется основаніе воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, извѣстнаго подъ названіемъ Смольнаго монастыря, въ Петербургѣ въ 1764 г.

Ст. 83. Во время путешествія Екатерины Павелъ оставался въ Москвѣ.

Къ VIII (стран. 55). Въ 1768 г. императрица Екатерина, желая распространить въ Россіи оспопрививаніе, поручила президенту медицинской коллегіи барону А. И. Черкасову вызвать изъ Лондона извѣстнаго оспеннаго врача Ѳому Димздаля. Онъ прибылъ въ Петербургъ съ сыномъ своимъ, тоже врачемъ, и 12 октября 1768 г. привилъ оспу государынѣ, а потомъ и в. кн. Павлу Петровичу. Послѣ того около двухъ недѣль государыня была больна лихорадкой и время своей болѣзни провела въ Царскомъ Селѣ; 1 ноября она возвратилась въ Петербургъ, и здѣсь по случаю ея выздоровленія были отслужены молебны во всѣхъ церквахъ, а въ придворной с.-петербургскій архіепископъ Гавріилъ произнесъ государынѣ поздравительное слово; за тѣмъ дворъ и чужестранные министры принесли ей свои поздравленія, а на придворномъ театрѣ данъ былъ спектакль, въ которомъ представленъ сочиненный В. Майковымъ на этотъ случай прологъ «Торжествующій Парнассъ». Вообще, успѣшное привитіе оспы государыней было праздновано торжественно, чтобы популяризировать эту полезную врачебную мѣру (см. Спб. Вѣд. 1768 г., № 91, и *А. Вейдемейера*: «Дворъ и замѣч. люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII ст.», стр. 72—74). Кромѣ Майкова, по тому же поводу М. М. Херасковъ написалъ оду (Спб. 1770 г.), а Платонъ, тогда архимандритъ Троицкой Лавры, говорилъ слово 22 ноября 1768 г. «въ день торжественный за предпріятый великодушно и благополучно совершившійся въ прехожденіи оспы подвигъ» ея величества и его высочества (см. «Шестое продолженіе поучит. словъ» его, Спб., 1769 г., стр. 32 — 43). Привитіе оспы Екатериной изображено и на одномъ изъ барельефовъ залы московскаго сената, съ надписью: «своею опасностью отечество спасаетъ». Сверхъ сонета и пролога, Майковъ написалъ надпись къ портрету Димздаля.

Къ IX (стран. 55). Премьеръ-маіоръ кабардинскаго полка Юрій Богдановичъ Бибиковъ привезъ въ Петербургъ извѣстіе о сраженіи при Хотинѣ 29 августа 1769 г. (см. Спб. Вѣд. 1769 г. № 74). Ю. Б. Бибиковъ приходился двоюроднымъ братомъ извѣстному генералу А. И. Бибикову; впослѣдствіи онъ дослужился до чина генералъ-поручика (см. «Росс. родосл. книгу», *кн. Долгорукова*, ч. IV, стр. 295).

Въ послѣднемъ стихѣ заключается намекъ на побѣду, одержанную А. И. Бибиковымъ надъ прусскимъ генераломъ Вернеромъ во время семилѣтней войны, именно 1761 г., когда онъ, подъ начальствомъ П. А. Румянцева, командовалъ однимъ изъ отрядовъ, прикрывавшихъ осаду крѣпости Кольберга. Самъ Вернеръ былъ взятъ въ этомъ сраженіи въ плѣнъ (см. «Зап. о жизни и службѣ А. И. Бибикова», соч. *А. А. Бибикова* 1865 г., стр. 13 и 14).

Къ X (стран. 56). О смерти Арсенія Андреевича Беклешова см. Спб. Вѣд. 1769 г., № 74. — Александръ Андреевичъ Беклешовъ род. 1 марта 1743 г., воспитывался въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, въ 57 г. вступилъ въ военную службу и участвовалъ въ морскомъ походѣ гр. Орлова противъ Турокъ; съ 1783 по1799 г. правилъ губерніями Лифляндскою, Орловскою и Курскою, Подольскою и Кіевскою; въ 1799 г. назначенъ генералъ-прокуроромъ, а въ 1800 уволенъ отъ службы; по восшествіи на престолъ Александра снова былъ генералъ-прокуроромъ и въ 1802 г. снова вышелъ въ отставку; съ 1804 по 1806 г. былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, а въ 1807 г. командовалъ второю область земскаго войска. Умеръ 20 іюля 1808 г.

Къ XI (стран. 57). Кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ род. 17 ноября 1718 г., съ молодыхъ лѣтъ служилъ на военномъ и дипломатическомъ поприщѣ, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и въ 1768 г., въ чинѣ генералъ-аншефа, получилъ командованіе надъ первою арміею, назначенною противъ Турокъ; съ начала кампаніи 1769 г. движенія его были медленны, но 29 августа онъ удачно отразилъ нападеніе верховнаго визиря Молдаванжи, заставилъ его отступить и взялъ крѣпость Хотинъ, за что и былъ пожалованъ въ генералъ-фельдмаршалы. По окончаніи этой компаніи онъ оставилъ командованіе. Умеръ въ Петербургѣ 11 октября 1783 г.

Къ XII (стран. 60). Со времени вступленія на престолъ имп. Екатерины II ежегодныя собранія въ Академіи художествъ происходили 28 іюня и пятнадцать лѣтъ были посѣщаемы наслѣдникомъ. Стихотвореніе Майкова относится, къ такому собранію или, лучше сказать, къ акту 25 іюля 1770 г., когда на академической выставкѣ появилось нѣсколько замѣчательныхъ произведеній русскихъ художниковъ а именно портреты Д. Г. Левицкаго, признаннаго на этотъ разъ академикомъ, картины А. П. Лосенка, признаннаго профессоромъ, также работы учениковъ академіи, скульптора Козловскаго, живописца Акимова, гравера Скородумова и другихъ менѣе извѣстныхъ, будущихъ прославленныхъ мастеровъ (сообщ. П. Н. Петровымъ).

Стихи 12—16. Намекъ на гр. А. Г. Орлова, отправившагося въ архипелажскую экспедицію. Въ стихѣ 14 замѣчательна мысль объ освобожденіи Грековъ, выраженная въ литературѣ Майковымъ едва-ли не первымъ. Державинъ намекаетъ на нее только въ 1772 г. (см. Соч. его, изд. акад., т. I, стр. 15).

Къ XIII (стран. 61). Италіянскіе мастера, вызванные въ Россію при имп. Елисаветѣ для работъ по постройкѣ собора Смольнаго монастыря, въ 1765 году были отправлены въ Екатеринбургъ для розысканія на Уралѣ мраморовъ, которые могли бы быть употреблены при предполагавшейся перестройкѣ Исакіевскаго собора. Развѣдки

этихъ мастеровъ привели къ отысканію мраморовъ разныхъ цвѣтовъ, которые были признаны не уступающими въ достоинствѣ италіянскимъ. Въ 1769 г. образцы ихъ, шлифованные и полированные, были привезены въ Петербургъ и выставлены въ домѣ И. И. Бецкаго. По этому поводу и написано стихотвореніе Майкова. (Сообщ. П. Н. Петровымъ).

Къ XIV (стран. 61). Одна изъ эскадръ русскаго флота, назначенныхъ для военныхъ дѣйствій противъ Турокъ въ Архипелагѣ, 19 іюля 1769 г. вышла, подъ командою адмирала Спиридова, изъ Кронштадта и, посѣтивъ Ревель, направилась далѣе. Отплытіе ея изъ Ревеля могло быть воспѣто потому, что это былъ послѣдній русскій портъ, въ которомъ находилась эскадра.

Къ XV (стран. 62). Подробности о чесменскомъ сраженіи см. въ «Журналѣ похода въ Архипелагъ» капитана *С. П. Хметевскаго* (Современникъ 1855 г., т. XLIX, отд. II, стр. 53 — 56). Мысль о походѣ въ Архипелагъ была внушена Екатеринѣ гр. Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ 1737 — 1808 г.), и онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ надъ русскимъ флотомъ; его сопровождалъ братъ его графъ Ѳедоръ Григорьевичъ (1741 — 1796 г.). Современная литература воспѣла чесменскій бой въ нѣсколькихъ одахъ и въ поэмѣ М. М. Хераскова «Чесменскій бой». Кромѣ того Орловы выведены въ драмѣ П. С. Потемкина «Россы въ Архипелагѣ» (Спб. 1772 г.).

Стр. 18 повторяетъ мысль о возстановленіи независимости Грековъ, высказанную и въ стихотвореніи XII.

Къ XVI (стран. 69). *Стр*. 10. О Румянцевѣ см. примѣчаніе къ XXXV, о Панинѣ прим. къ XVII, объ Орловыхъ прим. къ XV.

Къ XVII (стран. 72). Взятіемъ Бендеръ заключилась компанія 1770 г. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ род. въ 1721 г., служилъ въ военной службѣ съ 1735 г., участвовалъ въ турецкой войнѣ при Аннѣ Іоанновнѣ и въ Семилѣтней войнѣ; въ 1769 г. получилъ начальство надъ второю арміею, направленною противъ Турокъ, и 15 сентября 1770 г., послѣ продолжительной и искусной осады, взялъ крѣпость Бендеры, но, оскорбленный недостаточностью награды (онъ получилъ орденъ Георгія 1-ой ст.), вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ составлялъ опозицію Екатеринѣ. Въ 1773 г. ему поручено было усмирить пугачевскій бунтъ, послѣ чего онъ снова оставилъ службу. Умеръ 1789 г. (Любопытныя подробности о его отношеніяхъ къ Екатеринѣ см. въ соч. *П. Лебедева* «Графы Никита и Петръ Панины»).

Къ XVIII стран. 100). Василій Ильичъ Бибиковъ, братъ извѣстнаго генерала Александра Ильича, въ 1762 г. былъ капитаномъ ин-

женернаго корпуса и участвовалъ въ переворотѣ 28 іюля; потомъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ и назначенъ въ помощники И. П. Елагину по управленію русскимъ театромъ. Въ 1768 г. былъ уже директоромъ послѣдняго, а въ 1772 г. сверхъ того камергеромъ; въ 1775 пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ; оставилъ директорство около 1783 г. Въ его управленіе основано въ 1779 г., с.-петербургское театральное училище. Бибиковъ занимался литературой и написалъ комедію «Лихоимецъ», которая часто была представляема и съ большимъ успѣхомъ, но не была напечатана. По отзыву Новикова, «онъ, держась театральныхъ правилъ, сочинилъ ее точно въ нашихъ нравахъ; характеры всѣхъ лицъ его комедіи выдержаны порядочно и свойственно ихъ подлинникамъ, завязка и предложеніе естественны и кажущіяся подлинными, и игры довольно; наконецъ сказать должно, что комедія сія почитается за одну изъ лучшихъ въ россійскомъ театрѣ» («Мат. для ист. р. лит.», изд. *П. А. Ефремова*, стр. 15). И. А. Дмитревскій прибавляетъ еще что содержаніемъ комедіи послужило истинное происшествіе (тамъ же, стр. 140).

Князь Өедоръ Алексѣевичъ Козловскій учился въ московскомъ университетѣ, служилъ въ Преображенскомъ полку, въ 1767 г. опредѣленъ былъ въ Комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія сочинителемъ, а въ 1769 г. отправленъ былъ въ Италію, къ гр. Ал. Гр. Орлову. Во время этого путешествія посѣтилъ въ Фернеѣ Вольтера, котораго былъ горячимъ поклонникомъ; погибъ въ сраженіи при Чесмѣ, во время взрыва корабля «Св. Евстафій». Козловскій былъ человѣкъ хорошо образованный и друженъ со многими современными писателями—Д. И. Фонъ-Визинымъ, М. М. Херасковымъ Н. И. Новиковымъ. Онъ написалъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній, комедію «Одолжавшій любовникъ» и перевелъ нѣсколько піесъ съ французскаго; кромѣ того, послѣ него осталась неконченная трагедія «Сумбека». Новиковъ говоритъ, что смерть его оплакивали искренно не только друзья его, но и знакомые какъ честнаго, разумнаго и добродѣтельнаго человѣка («Матеріалы г. *Ефремова*, стр. 54). В. И. Лукинъ въ предисловіи къ своей комедіи «Мотъ, любовію исправленный» («Соч. и переводы» его, ч. 1, стр. III) сообщаетъ, что имп. Екатерина выразила желаніе «видѣть на россійскомъ театрѣ комедіи прямо россійскія, то есть сочиненныя въ нашихъ нравахъ и осуждающія главные наши пороки», и что «сія государская воля объявлена была придворными господами нѣкоторымъ молодымъ людямъ, въ письмена вступающимъ», въ томъ числѣ кн. Козловскому, который по этому случаю и написалъ «Одолжавшаго любовника» или «Любовника въ долгахъ». По словамъ же Лукина, эта пьеса была играна на придворномъ театрѣ въ іюнѣ 1764 г. однажды.—Кромѣ Майкова, о смерти Козловскаго писалъ Херасковъ въ поэмѣ «Чесменскій бой».

Къ XIX (стран. 101) Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ род. 1722 г., вступилъ въ военную службу въ 1735 г., былъ камеръ-юнкеромъ при имп. Елисаветѣ и пользовался ея милостью, но въ 1748 г. былъ удаленъ въ армію въ чинѣ полковника; участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, былъ въ сраженіи при Цорндорфѣ и въ 1760 г., предводительствуя отдѣльнымъ корпусомъ, занялъ Берлинъ. Петръ III ввѣрилъ ему начальство надъ русскими войсками, присоединенными къ прусской арміи. По восшествіи на престолъ Екатерины, Чернышевъ сталъ вице-президентомъ военной коллегіи; Екатерина цѣнила его за административныя способности, и дѣйствительно, на немъ лежали въ теченіе первой турецкой войны трудныя обязанности, изъ которыхъ онъ вышелъ довольно удачно. Въ 1773 г. Екатерина назначила Чернышева президентомъ военной коллегіи, но это былъ для него только почетный титулъ, такъ какъ съ 1772 г. ему поручено было генералъ-губернаторство въ Бѣлоруссіи, а коллегіей сталъ править Потемкинъ. Въ 1782 г. Чернышевъ былъ переведенъ главнокомандующимъ въ Москву, гдѣ и умеръ 29 августа 1784 г. Иностранные агенты при русскомъ дворѣ отзываются о Чернышевѣ, какъ объ умномъ и даровитомъ, но искательномъ, льстивомъ, гордомъ и мстительномъ человѣкѣ («La cour de Russie», pp. 246, 270; *Sabathier de Cabres* «Catherine II et sa cour en 1772», p. 37 — 38).

Къ XXI (стран. 103). По случаю Чесменской побѣды 24 іюня 1770 г. у гроба Петра В. въ Петропавловскомъ соборѣ совершено было 15 сентября того же года молебствіе и поставленъ столбъ въ память морскихъ побѣдъ его и Екатерины II. При молебствіи архимандритъ Платонъ сказалъ слово, изданное тогда же съ греческимъ переводомъ.

Къ XXII (стран. 104). Заразительная болѣзнь, свирѣпствовавшая въ Москвѣ, т. е. чума, появилась здѣсь въ декабрѣ 1770 г. и была сюда занесена изъ малороссійскихъ губерній, куда проникла изъ польскихъ владѣній, а въ послѣднихъ распространилась изъ Турціи. Временемъ самаго сильнаго ея распространенія были въ Москвѣ августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь 1771 года; въ сентябрѣ того же года произошелъ тамъ народный бунтъ, во время котораго былъ убитъ архіепископъ московскій Амвросій. Московскій главнокомандующій гр. П. С. Салтыковъ, въ страхѣ, оставилъ столицу при началѣ развитія болѣзни; съ апрѣля 1771 г. генералъ-лейтенантъ П. Д. Еропкинъ завѣдовалъ городскимъ управленіемъ и дѣйствовалъ энергически, но не могъ предупредить безпорядковъ. Когда они совершились, то для усмиренія и разслѣдованія ихъ былъ отправленъ въ Москву графъ Гр. Гр. Орловъ, любимецъ императрицы (1734—1783 г.); онъ прибылъ туда 26 сентября и немедленно учредилъ двѣ комиссіи: противочумную и слѣдственную. По всей вѣроятности, Орловъ и

Еропкинъ не поладили между собою; по крайней мѣрѣ, въ ноябрѣ 1771 г. послѣдній оставилъ службу, получивъ при томъ орденъ св. Андрея, 20000 р. и милостивый рескриптъ (О московской чумѣ см. Русскій Архивъ 1863 г. изд. 2-ое, ст. 491, и 1866 г., ст. 329; также Русское Слово 1860 г. № 11, отд. I, стр. 247). Когда Орловъ окончилъ свое порученіе и возвратился ко двору, Екатерина велѣла выстроить для его въѣзда въ Царское Село изъ Гатчины (ему принадлежавшей) тріумфальныя ворота. Они строены подъ вѣдѣніемъ конторы строенія Исакіевской церкви; со стороны царскосельскаго сада на нихъ надпись: «Когда въ 1771 году на Москвѣ былъ моръ на людей и народное неустройство, генералъ-фельдцейхмейстеръ Григорій Орловъ, по его просьбѣ, получилъ повелѣніе, туда поѣхалъ, установилъ порядокъ и послушаніе, сирымъ и неимущимъ доставилъ пропитаніе и исцѣленіе и свирѣпство язвы пресѣкъ добрыми своими учрежденіями». Со стороны Гатчины надписью на воротахъ служитъ послѣдній стихъ изъ «письма» В. Майкова (см. *Яковкинъ*, «Описаніе села Царскаго», стр. 105 — 10 6). Въ честь поѣздки Орлова выбита медаль, на одной сторонѣ которой его изображеніе, а на другой представленъ Курцій, бросающійся въ пропасть, и надпись: «И Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ» (см. «Словарь достоп. люд.» *Бант.-Кам.*, г. IV стр. 51).

Къ XXIII (стран. 105). Болѣзнь единственнаго наслѣдника русскаго престола въ августѣ 1771 г. сильно встревожила русское общество, а такъ какъ она была продолжительна то императрица боялась волненій (см. «La cour de Russie», p. 254 — 255); о болѣзни Павла см. также въ письмахъ Екатерины къ гр. Н. И. Панину въ «Чтеніяхъ въ моск. общ. ист. и др. росс.» 1863 г. кн. II). Тѣмъ сильнѣе была общая радость при выздоровленіи Павла. 20 сентября 1771 г. Платонъ, тогда архимандритъ Троицкой лавры, но находившійся въ Петербургѣ, бывшій наставникъ в. князя, упомянулъ объ этой болѣзни въ своемъ словѣ (напеч. въ «Восьмомъ продолженіи поучит. словъ его», 1772, стр. 1 — 13). По тому же поводу Д. И. Фонъ-Визинъ, служившій подъ начальствомъ Павлова воспитателя, гр. Н. Панина, сочинилъ «Слово на выздоровленіе» в. князя, которое по своему содержанію представляетъ ближайшее сходство съ одой Майкова (Соч. его, изд. 1866 г., стр. 180 — 186, и стр. 658).

Къ XXIV (стран. 109). Эта ода была первоначально напечатана въ 12 выпускѣ второй части журнала 1772 г. «Вечера»; такъ какъ это былъ журналъ еженедѣльный, то вышеупомянутый выпускъ съ одой Майкова, описывающей *ужасы* войны, долженъ былъ выйдти во второй половинѣ сентября 1772 г.; а именно въ августѣ и сентябрѣ этого года въ Фокшанахъ шли переговоры о мирѣ между Россіей и Турціею. Ихъ вели князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, при-

бывшій туда съ особенною торжественностью, и рейсъ-эфенди Османъ-паша. Россія требовала независимости крымскихъ Татаръ и свободнаго плаванія русскихъ судовъ по Черному и Эгейскому морямъ. Турки не соглашались. Но прежде, чѣмъ вполнѣ опредѣлилось это разногласіе, до Орлова дошли извѣстія, что его значеніе въ Петербургѣ поколеблено возвышеніемъ Васильчикова и по вліянію гр. Н. И. Панина. Тогда Орловъ бросилъ переговоры, поспѣшилъ въ Петербургъ и прибылъ сюда въ концѣ сентября 1772 г. Ода Майкова могла появиться только до этого событія, совершенно измѣнившаго на время ходъ дѣлъ при русскомъ дворѣ. (См. *Богдановича* «Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турцію», стр. 52, и «La Cour de Russie», p. 208).

Къ XXV (стран. 113). 2 іюля 1772 г. на остр. Паросѣ было подписано перемиріе между русскимъ и турецкимъ флотами. 19 сентября гр. А. Г. Орловъ получилъ извѣстіе о прекращеніи перемирія, но 1 октября Турки предложили возобновить его на *сорокъ* дней; 7 октября получено извѣстіе изъ сухопутной арміи о возобновленіи перемирія но гр. Орловъ не согласился сдѣлать того же на морѣ, такъ какъ перемиріе лишало флотъ призовъ. Въ слѣдствіе того, 24 октября вся его эскадра пришла въ проливъ, отдѣляющій остр. Хіосъ отъ матерпка Малой Азіи, и сожгла турецкій флотъ. (См. журналъ *С. П. Хметевскаго* о дѣйствіяхъ русскаго флота въ Архипелагѣ, въ Современникѣ 1855 г., т. XLIX, отд. II, стр. 129).

Къ XXVII (стран. 117). Въ 1773 г. Суворовъ, въ чинѣ генералъ-майора, поступилъ въ армію Румянцева, въ дивизію гр. И. П. Салтыкова. Послѣдній отрядилъ Суворова съ отрядомъ въ 1500 человѣкъ къ мѣстечку Туртукаю, на правомъ берегу Дуная. 9 мая Суворовъ переправился чрезъ Дунай, разбивъ турецкій отрядъ въ 4000 чел., сжегъ Туртукай и возвратился на лѣвой берегъ. За свое донесеніе Румянцеву:

Слава Богу, слава вамъ,
Туркутай взятъ, и я тамъ!

Суворовъ былъ преданъ суду, но Екатерина освободила отъ него побѣдителя и 30 іюня наградила георгіевскимъ крестомъ второй степени.

Къ XXVIII и XXIX (стран. 120 и 124). Бракъ в. кн. Павла Петровича съ в. кн. Наталіей Алексѣевной (дочерью ландграфа гессенъ-дармштадскаго) послѣдовалъ 29 сентября 1773 г. Любопытныя подробности о заключеніи этого брака см. въ книгѣ г. Лебедева «Графы Никиты и Петръ Панины», стр. 134 и слѣд.

Къ XXX (стран. 125). Антонъ Павловичъ Лосенко родился 30 іюля 1737 г. въ г. Глуховѣ, резиденціи послѣднихъ малороссійскихъ гетма-

новъ. Онъ былъ сынъ великорусса-мѣщанина, переселившаго въ Глуховъ для торговли. Въ 1744 г. уставщикъ придворно-пѣвческаго хора, пріѣхавшій въ Малороссію для набора голосовъ, замѣтивъ у мальчика хорошій голосъ, увезъ его въ Петербургъ. До 16 лѣтъ Лосенко оставался въ придворномъ хорѣ, но въ это время онъ потерялъ голосъ, а такъ какъ въ немъ была замѣчена склонность къ рисованію, то въ 1753 г. его отдали въ обученіе живописцу Ивану Аргунову, у котораго онъ учился болѣе пяти лѣтъ и оказалъ большіе успѣхи. Въ 1759 г. онъ былъ принятъ въ академію художествъ подмастерьемъ. Здѣсь онъ учился у профессора Лорреня, но въ работахъ своихъ болѣе подражалъ манерѣ Ротари. Черезъ полтора года онъ былъ посланъ за границу, прожилъ два года въ Парижѣ, занимаясь подъ руководствомъ Рету̀, и за тѣмъ черезъ Голландію и Германію вернулся въ Петербургъ, съ картиной «Чудесный ловъ рыбы». Во время его отсутствія петербургская академія признала его адъюнктъ-профессоромъ. По пріѣздѣ въ Россію, онъ былъ вытребованъ въ Москву, гдѣ написалъ портретъ Ѳ. Г. Волкова. Имп. Екатерина, узнавъ о заграничныхъ успѣхахъ Лосенка, разрѣшила ему вторичное путешествіе за границу на 4 года. Онъ снова поѣхалъ въ Парижъ, поступилъ къ Віену и подъ руководствомъ его написалъ лучшія свои картины «Жертвоприношеніе Авраама» и «Св. Андрей первозванный», а потомъ отправился въ Римъ. Пробывъ здѣсь три года, Лосенко возвратился въ Россію въ 1769 г. и былъ признанъ назначеннымъ въ академики. На петербургской выставкѣ 1770 г. его этюды «Каина» и «Авеля» имѣли большой успѣхъ. Затѣмъ онъ написалъ «Владиміра и Рогнѣду», за что признанъ профессоромъ, и началъ «Прощаніе Гектора съ Андромахой». Въ 1772 г. Лосенку поручили исправлять должность директора академіи вмѣстѣ съ Жилле. Но вся тяжесть хлопотъ пала на Лосенка. Утомленный ими, онъ разстроилъ свое здоровье и 23 ноября 1773 г. умеръ въ Петербургѣ (См. ст. *П. Н. Петрова* въ Иллюстраціи 1862 г., №№ 209 и 221). Русская литература въ свое время съ восторгомъ отнеслась къ произведеніямъ русскаго художника. Въ «Смѣси» 1769 г. (стр. 221—223) помѣщенъ былъ хвалебный отзывъ о картинахъ, привезенныхъ Лосенкомъ изъ втораго путешествія, и художникъ былъ названъ «Россіяниномъ, обѣщающимъ намъ Рафаеля». Въ 1777 г. Новиковъ въ своихъ «С.-Петербургскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ» предложилъ стихотворцамъ написалъ надпись къ портрету художника. — Въ стихахъ Майкова говорится о «Владимірѣ и Рогнѣдѣ» и о «Прощаніи Гектора съ Андромахой». Объ отношеніяхъ Майкова къ Лосенку см. въ біографіи.

Къ XXXI (стран. 126). Миръ, окончившій первую турецкую войну при Екатеринѣ II, былъ заключенъ въ Кучукъ-Кайнарджи 10 іюля 1774 г. Турецкіе уполномоченные Нишанджи-Ресми-Ахметъ-Эфенди и Ибрагимъ Мунибъ-Рейсъ-Эфенди подписали въ ставкѣ гр. Румян-

цева, на русскомъ барабанѣ, договоръ, составленный кн. Репнинымъ. 15 іюля Румянцевъ и верховный визирь утвердили этотъ договоръ, а 13 января 1775 г. онъ былъ ратификованъ султаномъ.

Стр. 11. Въ 1772 г., по первому раздѣлу Польши, къ русскому государству возсоединена Бѣлоруссія; мысль о раздѣлѣ Польши принадлежитъ Фридриху II; въ Петербургѣ ее поддерживалъ особенно гр. З. Г. Чернышевъ, противъ гр. Н. Панина; поэтому, вѣроятно, Чернышевъ и былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ пріобрѣтеннаго края.

Стр. 23. Завоеваніе Крыма принадлежитъ кн. В. М. Долгорукову-Крымскому (см. примѣч. къ приложеніямъ).

Къ XXXII (стран. 133). Когда, въ концѣ 1773 г., Екатерина поняла всю важность и опасность Пугачевскаго бунта, она нашла необходимымъ приблизить къ себѣ А. И. Бибикова, одного изъ людей, ею недовольныхъ, и поручила ему усмиреніе возстанія. Въ то же почти время, письмомъ отъ 4 декабря 1773 г., она дала почувствовать Г. А. Потемкину, находившемуся въ дунайской арміи, что онъ ей нуженъ въ Петербургѣ. Въ январѣ 1774 г. онъ прибылъ въ Петербургъ и, вѣроятно, опасаясь быть устраненнымъ отъ милостей императрицы, 27 февраля написалъ ей письмо, въ которомъ просилъ обратить вниманіе на его заслуги; вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ назначенъ генералъ-адъю-тантомъ и вице-президентомъ военной коллегіи. Стихотвореніе Майкова относится ко второй половинѣ 1774 г.

Къ XXXV (стран. 147). *Стр.* 10. Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій род. 1725 г., воспитывался въ Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, участвовалъ въ походѣ кн. Репнина во Франконію въ 1748 г. и въ семилѣтней войнѣ; въ сраженіи при Франкфуртѣ (1759 г.), въ чинѣ генералъ-поручика, командовалъ центромъ русской арміи, а въ 1761 г., начальствуя отдѣльнымъ корпусомъ, взялъ крѣпость Кольбергъ. Этотъ послѣдній подвигъ его положилъ начало его славѣ. Петръ III поручилъ Румянцеву командованіе арміей, назначенной противъ Даніи, но по вступленіи на престолъ Екатерины II онъ былъудаленъ отъ командованія и просилъ отставки; тогда Екатерина любезнымъ письмомъ пригласила его продолжать службу и въ 1764 г. назначила генералъ-губернаторомъ Малороссіи. Постоянная переписка, которую вела съ нимъ императрица, показываетъ ту внимательную заботливость, съ которой она хотѣла къ нему обращаться. Въ 1768 г. ему было поручено начальство надъ второю арміею, назначенною противъ Турокъ, а въ 1769 г. передано начальство надъ первою арміею. По этому случаю, Екатерина написала къ нему письмо, въ которомъ, полагаясь на его «искусство и военную поворотливость», выражала надежду, что онъ не замедлитъ побѣдою (см. Соч. имп. Екат., т. III, стр. 198—199). Письмо это, вѣро-

ятно, было въ свое время извѣстно въ обществѣ, ибо Майковъ дѣлаетъ на него намекъ въ стихѣ 101 и слѣд. Въ 1769 г. Румянцевъ занялъ Молдавію до Яссъ, въ 1770 г. взялъ крѣпость Журжу и 7 іюля разбилъ Турокъ на р. Ларгѣ, а 21 іюля на р. Кагулѣ, въ 1771 г. перенесъ дѣйствія русской арміи за Дунай. Въ августѣ 1772 г. начаты были кн. Г. Г. Орловымъ мирные переговоры, но вскорѣ прерваны внезапнымъ отъѣздомъ князя. Переговоры снова были начаты въ Бухарестѣ и снова были прерваны въ слѣдствіе нежеланія Турокъ признать независимость Крыма. Тогда военныя дѣйствія возобновились на берегахъ Дуная и въ 1774 г. преимущественно въ Болгаріи. Но 10 іюля, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, Турки подписали миръ въ ставкѣ фельдмаршала, который самъ участвовалъ въ опредѣленіи его условій, чрезвычайно выгодныхъ для Россіи. Поэтому-то Майковъ и ставитъ въ число заслугъ Румянцева миръ на ряду съ военными успѣхами. Щедро награжденный за эту войну, Румянцевъ снова вступилъ въ управленіе Малороссіею, а въ теченіе второй турецкой войны, въ чинѣ фельдмаршала, командовалъ украинскою арміею, но, находясь въ дурныхъ отношеніяхъ къ Потемкину, не могъ и не хотѣлъ принимать дѣятельнаго участія въ войнѣ. Умеръ 8 декабря 1796 г.

Ст. 75. Баронъ Отто Вейсманъ фонъ-Вейсенфтейнъ, генералъ-маіоръ, извѣстный своею храбростью, которую обнаружилъ въ войну съ польскими конфедератами и первую турецкую войну при Екатеринѣ II. Въ 1773 г., 22 іюня, онъ съ 9 полками и двумя батальонами гренадеръ атаковалъ Нюманъ-Пашу, расположеннаго лагеремъ съ 20000 Турокъ при д. Кайнарджи. Ободряя своихъ подчиненныхъ, начинавшихъ уступать непріятелю, Вейсманъ въѣхалъ въ шеренгу и приказалъ дѣлать отпоръ на штыкахъ. Русскіе взяли верхъ, но Вейсманъ былъ убитъ ружейною пулею, которая пронзила ему насквозь руку, грудь и сердце. По этому случаю Румянцевъ писалъ Екатеринѣ: «Симъ запечатлѣлъ сей многократный побѣдитель Турковъ на томъ берегу Дуная славу своихъ военныхъ подвиговъ и великое усердіе къ службѣ вашего императорскаго величества».

Къ XXXVI и XXXVII (стран. 150 и 152). Объ отношеніяхъ Майкова къ Сумарокову см. въ біографіи.

На «Оду о вкусѣ» Сумароковъ отвѣчалъ Майкову стихотвореніемъ, въ которомъ совѣтовалъ остерегаться лишняго витійства и говорилъ:

Коль нѣтъ во чьихъ стихахъ приличной простоты,
Ни ясности, ни чистоты, —
Такъ тѣ стихи лишенны красоты
И полны пустоты.

(Соч. Сум., изд. 2-ое, ч. IX, стр. 201.)

Къ XXXVIII (стран. 154). Объ отношеніяхъ Майкова къ М. Н. Муравьеву (1757 — 1807 г.) см. въ біографіи. Муравьевъ, въ 1775 г. сержантъ Измайловскаго полка, написалъ къ Майкову сонетъ, напечатанный въ его «Одахъ» 1775 г., стр. 26 — 27.

Сонетъ Майкова служитъ отвѣтомъ на него.

Къ XXXIX (стран. 154). См. примѣчанія къ приложеніямъ.

Къ XL (стран. 155). Александръ Петровичъ Сумароковъ умеръ въ Москвѣ 1-го октября 1777 г. У него не осталось денегъ на похороны, и московскіе актеры схоронили его на свой счетъ и отнесли его гробъ на своихъ рукахъ до Донскаго монастыря. При похоронахъ его присутствовали бывшій московскій губернаторъ И. И. Юшковъ и московскій оберъ-полицеймейстеръ Н. П. Архаровъ.

Къ XLII (стран. 159). Платонъ (1737 — 1812 г.) посвященъ въ архимандрита Троицкой лавры 16 іюля 1766 г., въ 1768 г. наименованъ членомъ св. синода, въ 1770 г. нареченъ архіепископомъ тверскимъ, а въ 1775 г. переведенъ въ Москву, съ наименованіемъ архіепископомъ московскимъ и калужскимъ. — Въ нѣкоторыхъ поучительныхъ словахъ своихъ Платонъ полемизировавъ противъ идей матеріалистической философіи, бывшихъ въ ходу въ XVIII в., и опровергалъ доводы людей, не признававшихъ безсмертія души. Майковъ, въ своей одѣ, сходится съ образомъ его мыслей.

Къ XLIII (стран. 161). Въ 1777 г. Н. И. Новиковъ съ нѣкоторыми своими друзьями масонами основалъ въ Петербургѣ училище для бѣдныхъ сиротъ, подъ названіемъ Екатерининскаго; впослѣдствіи основано было и другое подобное училище Александровское. Въ томъ же 1777 г. Новиковъ предпринялъ журналъ «Утренній Свѣтъ», за продажу котораго выручка была обращена въ пользу этихъ училищъ. Питомцы Екатерининскаго училища и разумѣются въ заглавіи оды Майкова, помѣщенной въ «Утреннемъ свѣтѣ», подъ именемъ «ищущихъ мудрости»; въ первой строфѣ имъ придается названіе «чадъ утренняго свѣта».

Значеніе выраженій «утро», «свѣтъ» и «утренній свѣтъ» въ одѣ аллегорическое, какимъ оно обыкновенно разумѣлось и въ журналѣ. Оно объясняется изъ слѣдующихъ словъ предисловія къ «Вечерней зарѣ», журналу, служившему продолженіемъ «Утреннему свѣту» и сохранившему его направленіе: «Сравнивая теперешнее наше состояніе съ тѣмъ, въ которомъ нашъ праотецъ блистаетъ *полдневнымъ свѣтомъ премудрости*, находимъ, что свѣтъ нашего разума едва можно уподобить и вечернему свѣту. Посему кажется, что прежнее *утро* согласно съ нимъ *вечеромъ* (см. Вечерняя заря, ч. VI, Журналъ» Утренній свѣтъ» имѣлъ направленіе умозрительное и нра-

воучительное. Въ «Предувѣдомленіи къ благосклонному читателю», которымъ открылся журналъ сказано: «Разумныя существа состоятъ изъ тѣла, души и духа. Пусть парикмахеры, портные и изобрѣтатели модъ украшаютъ наружность человѣка; пусть медики пользуютъ ихъ тѣлесныя болѣзни: единственнымъ нашимъ предметомъ будутъ душа и духъ. Всего полезнѣе и пріятнѣе то, что тѣснымъ союзомъ связано съ человѣкомъ и имѣетъ своимъ предметомъ добродѣтель, благоденствіе и счастіе его. Познаніе самого себя — вотъ къ чему должны мы вести публику. Средство для этого — наставленія, руководимыя кротостью» (Утр. Св., ч. I). Эти основныя идеи масонскаго ученія повторяются и въ одѣ (напр. въ послѣднихъ строкахъ 9 строфы).

Въ *стр. 4* замѣчателенъ намекъ на ложь злорѣчивыхъ зоиловъ; извѣстно, что таинственное ученіе масоновъ нъ слѣдъ за появленіемъ своимъ въ Россіи, нашло себѣ и противниковъ.

Въ *стр. 10* слово «востокъ» можетъ имѣть тотъ аллегорическій смыслъ, по которому масонскія ложи назывались «востоками». Въ подобномъ же смыслѣ Державинъ въ «Фелицѣ», обращаясь къ Екатеринѣ, говоритъ: «Не ходишь съ трона на востокъ» (См. Соч. Держ., акад., изд. т. I, стр. 134 и т. II, стр. 709 — 710).

Къ эпиграммѣ 3-ей (стран. 165). Объ отношеніяхъ Майкова къ В. П. Петрову см. въ біографіи и въ примѣчаніяхъ къ «Елисею» и къ баснѣ 19.

II. *Къ баснямъ и сказкамъ.*

Къ 1 (стран. 169). Эта басня составляетъ близкое переложеніе въ стихи басни, подъ тѣмъ же заглавіемъ, барона Гольберга (см. его «Басни нравоучительныя, съ изъясненіями», переводъ *Д. Фонъ-Визина*, изд. 2-ое, М. 1765 г., стр. 98).

Къ 2 (стран. 169). Въ этой баснѣ заключается сокращенный переводъ девятой басни Пильпая «о двухъ путешественникахъ и о львѣ, сдѣланномъ изъ бѣлаго камня» (см. «Басни политическія индѣйскаго философа *Пильпая*», переводъ *Б. Волкова.* Спб. 1763 г. стр. 59). Она переведена А. Г. Каринымъ подъ заглавіемъ «Два прохожихъ и рѣка» въ Свободныхъ часахъ 1763 г., стр. 169 — 170.

Къ 4 (стран. 171) Подлинникъ этой басни находится въ «Езоповыхъ басняхъ», переведенныхъ *С. Волчковымъ*, Спб. 1815, стр. 110—113. (первое изданіе 1747 года). Та же басня, въ сокращеніи у Федра (см. его «Нравоучительныя басни», переводъ *И. Баркова*, 1787 г., стр. 5 — 7 (первое изданіе 1761 года). Басня Майкова пространнѣе обѣихъ.

Къ 7 (стр. 176) Содержаніе этой басни напоминаетъ народные разсказы, основанные на одномъ изъ обычныхъ пріемовъ народнаго

эпоса — обмѣнѣ двусмысленныхъ, загадочныхъ отвѣтовъ, напр. анекдотъ въ «Сказкахъ» *А. Н. Аѳанасьева*, вып. VI, стр. 7.

Стихи 5 и 6 заимствованыя изъ народной пѣсни:

Ѣхалъ панъ, ѣхалъ панъ,
Ѣхалъ панъ отъ князя пьянъ.
(изъ сб. *М. А. Балакирева*).

Къ 8 (стр. 178). Содержаніе этой басни заимствовано, съ небольшими распространеніями, у Гольберга («Басни», стр. 44).

Къ 9 (стр. 179). Сюжетъ этой басни заимствованъ Майковымъ изъ Езоповой басни «Левъ и медвѣдь» («см. Езоповы басни», стр. 71), которой подражалъ Федръ подъ заглавіемъ «Корова и Коза, овца и левъ». («Басни Федра», стр. 11). У Федра ее заимствовалъ Лафонтенъ, у Лафонтена Сумароковъ (Соч., изд. 2-ое ч. VII, стр. 43 — 44). Майковъ подражалъ Езопу и Федру, распространивъ ихъ подлинникъ; въ свою очередь Майкову подражалъ Державинъ (см. Соч. его, акад. изд., т. III, стр. 540 — 542).

Къ 11 (стр. 182). Въ объясненіе стиховъ 15 — 22 приводимъ стихи изъ басни Сумарокова «Сторожъ богатства своего»:

У Федра притча есть: лисица, роя нору,
Прорылась глубоко
И въ землю забрела гораздо далеко,
Нашла сокровище подъ стражей у дракона,
По Моліерову—у Гарпагона,
По моему—у дурака,
Который отлежалъ на золотѣ бока. (Соч., ч. VII, стр. 53).

У Федра (стр. 129) дѣйствительно находимъ басню «Лисица и драконъ», на которую намекаютъ Сумароковъ и Майковъ.

Къ 12 (стр 182). Майковъ самъ указываетъ источникъ этой басни у Федра (стр. 105 — 109), но этотъ подлинникъ подвергся значительнымъ передѣлкамъ у русскаго баснописца. У Федра выведены три дочери наслѣдницы, а не одна; раздѣлъ долженъ быть совершенъ между ними, а не между наслѣдницей и душеприкащикомъ, самыя условія раздѣла выставлены не тѣ, что въ баснѣ Майкова; но вмѣшательство Езопа и его остроумное рѣшеніе составляютъ сходныя черты обѣихъ басень.

Къ 16 (стр. 184). Эта басня имѣетъ сходство съ извѣстною римскою притчею о желудкѣ, противъ котораго возстали руки и ноги за его бездѣйствіе, но, лишивъ его пищи, и сами вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣли и погибли со всѣмъ тѣломъ. Эта притча, которою, по преданію, Мененій Агриппа успокоилъ возмутившихся плебеевъ, находится въ Римской исторіи Роллена, переведенной В. К. Тредіаков-

скимъ (см. т. I, стр. 252), также у Езопа (стр. 183 — 184) и переведена Сумароковымъ (Соч. т. VII, стр. 95 — 96).

Къ 19 (стр. 190). Если допустить, что въ этой баснѣ заключается личный намекъ на какого нибудь писателя, современнаго Майкову, то всего вѣроятнѣе, что намекъ относится къ В. П. Петрову, противъ котораго Майковъ не разъ вооружался. Петровъ выступилъ на литературное поприще одою на карусель, бывшую 14 іюля 1766 г. (Стихотворенія съ подписью Василій Петровъ въ «Добромъ намѣреніи» 1764 г. не принадлежатъ ему, о чемъ см. въ словарѣ Новикова, «Мат.». г. *Ефремова*, стр. 82). Первая часть басенъ Майкова (въ числѣ 21) вышла въ свѣтъ въ томъ же 1766 году. Ода Петрова обратила на себя вниманіе въ литературныхъ кружкахъ и была «не похваляема» за свою напыщенность (см. «Смѣсь» 1769 г., стр. 119—120, и 131 — 133); Новиковъ въ своемъ словарѣ отзывается о литературной дѣятельности Петрова неодобритеьно (см. «Мат.» г. *Ефремова*, стр. 82). По свидѣтельству его и «Смѣси» нѣкоторые, захвалили начинающаго поэта, сравнявъ его съ Ломоносовымъ, въ слѣдствіе чего онъ и возъимѣлъ о себѣ высокое мнѣніе. Соотвѣтственно тому, въ баснѣ Майкова сова задумываетъ пѣть не хуже хоть кого и своимъ пѣніемъ удивить слушателей, которые уже слыхали соловья.

Къ 22 (стр. 193). Таже басня, въ болѣе краткомъ видѣ, находится у Сумарокова подъ заглавіемъ «Пѣни Адаму и Евѣ» (ч. VII, стр. 142 — 143). Читатель замѣтитъ ея сходство съ извѣстною сказкою Пушкина «о рыбакѣ и рыбкѣ», которая имѣетъ народное происхожденіе, что доказывается прототипами ея, сообщенными въ «Русскихъ сказкахъ» *Аѳонасьева* (вып. VII, № 28 и вып. VIII, № 15).

Къ 25 (стр. 198). Эта басня составляетъ весьма распространенную передачу басни Езопа, подъ тѣмъ же заглавіемъ (стр. 231 — 232).

Къ 28 (стр. 201). Эту басню, въ краткомъ видѣ находимъ у Тредіаковскаго, которымъ она приписана Езопу (Соч. Тред., т. I, стр. 248); но у Езопа есть басня того же содержанія съ другими лицами и подъ заглавіемъ «Галка въ чужомъ перьѣ» (стр. 139). У Сумарокова есть басня «Оселъ во львовой кожѣ» (ч. VII, стр. 68 — 70), но содержаніе ея мало сходно съ баснями Майкова и Тредіаковскаго,

Къ 29 (стр. 203). У Сумарокова есть басня того же содержанія дъ заглавіемъ «Огпускная» (ч. VII, стр. 74), но короче).

Къ 36 (стр. 207). Въ «Исторіи Варлаама и Іосафата», духовномъ романѣ, распространенномъ въ средневѣковой литературѣ, между

прочимъ и на Руси, въ 12 главѣ, есть притча, содержаніе которой сходно съ этой баснею. Кромѣ романа, эта притча встрѣчается въ нашихъ рукописяхъ XVI и XXII вѣковъ и отдѣльно. Содержаніе ея изложено г. *Пыпинымъ* въ его «Очерк. литер. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ», стр. 130 — 131; срв. *Буслаева,* «Историч. очерки народн. русск. литерат.», т. II, стр. 207).

Къ 37 (стр. 208). Содержаніе этой басни сходно съ басней тогоже заглавія, приписываемой Езопу и переведенной Тредіаковскимъ (см. его Сочин., т. I, стр. 215). У Майкова басня нѣсколько распространена.

Къ 40 (стр. 212). Эта басня, съ небольшими распространеніями, передаетъ басню Езопа «Отецъ съ сыновьями» (стр. 281 — 282).

Къ 41 (стр. 213). Въ «Новыхъ нравоучительныхъ басняхъ» *Владиміра Золотницкаго*, Спб. 1763 г., стр. 73 — 74, находимъ басню подъ тѣмъ же заглавіемъ, которую и воспроизвелъ Майковъ но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ обстоятельствъ сюжета и его нравоучительнаго смысла.

Къ 42 (стр. 213). Басня эта составляетъ близкое переложеніе въ стихи на одной сказки, изданной въ «Сказкахъ» г. *Аѳонасьева* (вып. IV, стр. 61 — 64) но безъ окончанія и съ тѣмъ различіемъ, что вмѣсто сороки въ сказкѣ выведена лиса.

III. Къ эклогамъ и поэмамъ.

Къ «Игроку Ломбера» (стр. 224). Успѣхъ этой поэмы, сюжетъ которой заимствованъ изъ похожденій игрока, вполнѣ объясняется распространеніемъ карточной игры въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Свидѣтельства о томъ сохранились какъ въ правительственныхъ указахъ, такъ и въ литературѣ того времени. Имп. Екатерина въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что во дворецъ имп. Елисаветы приближенныя къ ней дамы играли въ фараонъ съ утра до вечера и далеко за полночь (см. Соч. Державина, т. I, стр. 133). Указомъ 1761 г. повсюду, кромѣ императорскаго дворца, были запрещены фаро, квинтичь и всякія другія азартныя игры, а коммерческія дозволялись только съ большими ограниченіями: именно разрѣшалось «употреблять игры въ знатныхъ дворянскихъ домахъ, толькожъ не на большія, но на самыя малыя суммы денегъ, не для выигрышу, но единственно для препровожденія времени, яко то въ ломберъ, въ кадрилію, въ пикетъ, въ контру, въ памфилъ»; нарушители указа подвергались штрафу (П. С. З., т. XV, 11,275). Несмотря на то, игра сильно распространялась во всѣхъ слояхъ общества, преимущественно въ высшемъ сословіи, и въ Москвѣ

болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Въ 1763 г. Екатерина писала къ московскому главно-командующему графу П. С. Салтыкову: «Доходятъ до меня непріятные изъ Москвы слухи о начавшейся по отъѣздѣ моемъ разорительной карточной игрѣ. Вы сами знаете, что такія неумѣренныя игры ни къ чему болѣе не служатъ, какъ только къ дѣйствительному разоренію старыхъ дворянскихъ фамилій и къ обогащенію фабрикантовъ... Того ради прикажите на крѣпко смотрѣть, чтобы ни въ какія большія разорительныя игры не играли и подтвердить въ полицію, чтобы публикованные о томъ указы точно наблюдаемы были» (см. Соч. имп. Екатерины II, ч. III, стр. 363—364). Салтыковъ исполнилъ это повелѣніе и распорядился взять съ московскихъ обывателей подписки (П. С. З., т. XVI, 11,877). Но и это оказывалось безсильнымъ: въ 1764 г. московская полиція заявила, что она не въ состояніи смотрѣть за игроками (П. С. З., т. XVI, 12,263), Въ 1764 и 1766 г. послѣдовали новыя подтвержденія о неиграніи въ запрещенныя игры, но и они оказывались безполезными, равно какъ и признаніе недѣйствительными картежныхъ долговъ, дѣлаемыхъ невыдѣленными сыновьями (П. С. З., т. XVII, 12,560, 12,593). Игра производилась преимущественно въ клубахъ и игорныхъ домахъ. В. И. Лукинъ, въ предисловіи къ комедіи «Мотъ, любовью исправленный», разсказываетъ о современныхъ ему игрокахъ, какъ очевидецъ (см. его «Соч. и переводы», ч. I, стр. V—XII).

Въ литературной полемикѣ, которая шла между писателями въ эпоху изданія сатирическихъ журналовъ, встрѣчаются намеки на «Игрока Ломбера». Въ стихотвореніи «на качели» («И то, и се», недѣля 16). М. Д. Чулковъ, изображая невѣжественнаго писателя, говоритъ:

Учиться не хотѣлъ, какъ выступить мнѣ въ люди,
И бубны принималъ, не вѣдая, за жлуди.

Подобно тому В. Петровъ осмѣиваетъ писателей, похваленныхъ Новиковымъ въ его «Словарѣ»:

то риѳменые вои,
Парнасса витязи, изъ словаря герои.
Какое множество винъ, бубенъ и жлудей!
(Соч. Петрова, 1811 г., ч. III, стр. 147—148).

Къ «Военной Наукѣ» (стр. 239). *Къ посвященію.* Александръ Ильичъ Бибиковъ (род. въ 1729 года., а умеръ 9 апрѣля 1774 года въ Бугульмѣ) принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей екатерининскаго царствованія по своимъ военнымъ и политическимъ дарованіямъ и по своему нравственному характеру. Первыя онъ обнаружилъ еще въ 1761 г., во время семилѣтней войны, на что и намекаетъ Майковъ въ 32 — 40 стихахъ посвященія (срвн. примѣч. къ стихотворенію IX). Въ 1767 г. Бибиковъ сопровождалъ имп. Екатерину во время ея путешествія по Волгѣ и затѣмъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, собранной тогда

въ Москвѣ для составленія проэкта новаго уложенія. По свидѣтельству Державина (Соч., т. I, стр. 18), «онъ былъ охотникъ до наукъ, особливо до стихотворства, и подъ особливымъ его попеченіемъ была въ Измайловскомъ полку школа, изъ коей многіе вышли съ талантами люди». Кромѣ прозаическаго перевода «Военной Науки», съ котораго Майковъ сдѣлалъ свое стихотворное переложеніе (см. біографію), Бибиковъ участвовалъ съ имп. Екатериной въ переводѣ Мармонтелева «Велисарія» и въ «Переводахъ изъ Энциклопедіи», изданныхъ въ 1767 г. (М., 3 ч.); въ послѣднихъ ему принадлежатъ статьи по военному дѣлу. Бибиковъ былъ масонъ, какъ это видно изъ пѣсни, сложенной въ честь ему и пѣвшейся между масонами (см. «Собраніе пѣсенъ», 1-е изд., стр. 41—42, 2-е изд., стр. 59—61; ср. «Живописецъ», изд. 7-е, стр. 345—346).

Къ «Елисею» (стр. 297). *Къ предисловію.* Здѣсь встрѣчается первый изъ сатирическихъ намековъ Майкова на лирика В. П. Петрова, разсѣянныхъ во всей поэмѣ. Въ прим. къ баснѣ 19 уже упомянуто, что первые литературные опыты Петрова были встрѣчены чрезмѣрнымъ одобреніемъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ. Но въ литературныхъ кружкахъ они не нравились и подвергались осмѣянію за свой «пухлый» слогъ (см. «Вечера», ч. II, стр. 30 — 31). Въ предисловіи Майкова высказывается именно та мысль, что ничья похвала не можетъ возвысить значеніе произведенія, если оно само по себѣ не имѣетъ достоинствъ.

Къ пѣсни первой. Ст. 19 — 28. Павелъ Скарронъ (1610 — 1660), французскій писатель первой половины XVII в., авторъ «Забавнаго романа» (Roman comique), «Виргилія, вывороченнаго на изнанку» (Virgile travesti) и многихъ другихъ произведеній въ шутливомъ родѣ (genre burlesque), хотя и былъ осмѣянъ Буало, но еще въ XVIII в. считался мастеромъ въ своемъ родѣ. Это убѣжденіе высказывалось и въ тогдашней русской литературѣ: Новиковъ, въ своемъ «Словарѣ», говоря о «Елисеѣ», охарактеризовалъ эту поэму тѣмъ, что она написана «во вкусѣ Скарроновомъ» (см. Матеріалы» г. *Ефремова*, стр. 69); Фонъ-Визинъ, въ письмѣ къ сестрѣ, замѣчаетъ, что «Скарронъ почитается преславнымъ шутомъ» (Сочиненія, изд. 1866 г., стр. 361). Даже Тредіаковскій, переводя выходки Буало противъ Скаррона, назвалъ послѣдняго въ примѣчаніи славнымъ (Соч. Тред., изд. 1849 г., ч. I, стр. 32). Майковъ могъ знать главное изъ сочиненій Скаррона въ русскомъ его переводѣ («Шутливая повѣсть», соч. Скаррона. Пер. съ нѣм. *Василій Тепловъ*. 2 ч. Спб. 1763 г.).

Ст. 101 — 126. Первые два стиха составляютъ пародію на стихи Петрова, который въ 1770 г. издалъ первую пѣснь «Енея», то есть перевода Виргиліевой «Энеиды». У Петрова говорится про Нептуна, что онъ

При солнечномъ простеръ поѣздъ веселый свѣтѣ («Еней», I, стр. 19).

Майковъ объясняетъ, что написалъ свои два стиха, подражая школь-

ному» напѣву. Стихотворство Петрова называется школьнымъ потому, что онъ учился и послѣ самъ училъ риторикѣ въ Славяно-греко-латинской академіи, которая обыкновенно называлась Спасскими школами, ибо находилась въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Въ «Смѣси» тоже намекаютъ, что Петровъ «обучалъ риторикѣ не знаю въ какомъ-то монастырѣ и вытвердилъ наизустъ всего Виргилія» (стр. 119).

Ст. 247 — 254. Въ сборникѣ Сахарова дѣйствительно находимъ народную пѣсню, на которую ссылается Майковъ. Въ ней говорится.

Что пониже города было Саратова,
А повыше города Царицына,
Протекала, протекала мать Камышенка рѣка...
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку...
По Камышенкѣ плывутъ струги, а на стругахъ сидятъ казаки;
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны, кумачемъ подложены,
Астрахански кушаки полушелковые,
Пестрядинныя рубашки съ золотымъ галуномъ,
Что зелены сафьяны сапожки, кривые каблуки....
(«Сказанія русскаго народа», ч. I, кн. III, стр. 236 — 237).

Ст. 429 и слѣд. Это перенесеніе греческихъ божествъ въ обстановку русской народной жизни подало поводъ къ нѣсколькимъ сатирическимъ намекамъ М. Д. Чулкова (см. «И то, и се», недѣля 16, и поэму «Плачевное падшіе стихотворцевъ», пѣснь II).

Ст. 470 — 508 опять представляютъ рядъ намековъ на Петрова, который одинъ разумѣется въ нихъ подъ видомъ ученика Спасской школы, русскаго Гомера, равнаго Виргилію и Пиндару. Упоминаніе людей, которые «Ломоносова считаютъ ни за что», соотвѣтствуетъ вышеуказаннымъ словамъ «Смѣси» и Новикова. Въ *ст.* 503 и 504 Майковъ подражаетъ слѣдующимъ заключительнымъ стихамъ изъ басни Сумарокова «Соловей и кукушка», въ которой послѣдняя представлена желающею состязаться съ первымъ въ искусствѣ пѣнія:

Достойной похвалы невѣжи не умалятъ,
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.
(Соч. Сум., т. VII, стр. 159).

Къ пѣсни второй. *Ст.* 70 — 78, заключая въ себѣ намеки на образы народнаго творчества и обращеніе къ авторамъ произведеній народно-книжной словесности, доказываютъ, что Майковъ роднилъ свою поэму съ этой сказочной литературой. Надъ этимъ обращеніемъ посмѣялся М. Д. Чулковъ въ стихахъ «на качели»:

Я смышлю все, всю прозу уморю
И храбраго Бову въ поэму претворю;
Петра Златыхъ Ключей сказаніе — не складно,
Но съ риѳмами его въ стихи поставлю складно....
(«И то, и се», недѣля 16)

Ст. 105—120. Прядильный домъ, называвшійся Калинкинскимъ, находился въ одноэтажномъ зданіи на мѣстѣ нынѣшней Калинкинской больницы. Его назначеніе видно изъ словъ автора. Въ 1783 г. вмѣсто него устроена была въ его помѣщеніи больница для одержимыхъ венерическими болѣзнями.

Ст. 210. Согласно эротическому характеру поэмы, Майковъ выбралъ родиной своего героя слободу Зимогорье, которая вмѣстѣ съ городомъ Валдаемъ извѣстна была въ XVIII в. развратными нравами своихъ жителей. Объ этомъ говоритъ Радищевъ, въ своемъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» и Державинъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 35).

Ст. 357 и 358 составляютъ подраженіе извѣстному эпическому выраженію народныхъ былинъ; напр. о Васькѣ Буслаевѣ говорится:

А самъ началъ по мужичкамъ похаживать
И началъ мужичковъ пощелкивать,
Осью желѣзною помахивать:
Махнетъ Васильюшка—улица,
Отмахнетъ назадъ—промежуточекъ,
И впередъ просунетъ—переулочекъ.
(Сборн. Рыбникова, ч. II, стр. 348).

Къ пѣсни третьей. Ст. 284 и слѣд. Шапка-невидимка—извѣстный эпическій мотивъ въ русскихъ сказкахъ («Сказки», изд. *А. Н. Аѳанасьевымъ*, вып. VIII, №№ 12, 23, 25 в., 26 и примѣч., стр. 526—527). Характеристично для нашего автора то соединеніе русскихъ миѳическихъ повѣрій съ греческими, которое онъ дѣлаетъ.

Къ пѣсни четвертой. Ст. 159 и 160. Ср. съ анекдотомъ, разсказаннымъ А. С. Пушкинымъ (см. «Библіограф. Записки», т. II, ст. 138).

Ст. 190—192. Знаменитый указъ «о лихоимствѣ» изданъ 20 іюля 1762 г. (Указы 1762 г., стр. 36—39). имп. Екатериной II. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ обществѣ и пользовался большой популярностью въ тогдашней сатирической литературѣ.

Ст. 375 и слѣд. Похожденіе Елисея съ женою откупщика весьма напоминаетъ тѣ анекдоты о женской невѣрности, которые такъ многочисленны въ книжно-народной литературѣ, какъ рукописной, такъ и печатной (напр. въ «Старичкѣ весельчакѣ», «Похожденіяхъ Ивана Гостинаго Сына» и пр.).

Къ пѣсни пятой. Ст. 5. О Петровѣ ср. примѣчанія къ предисловію и пѣсни первой.

Ст. 10, 26—29, 341—344. О Скарронѣ см. примѣчанія пѣсни первой.

Ст. 12. Говорится о поэмѣ Хераскова «Чесмесскій бой», Спб. 1771.

IV. Къ драматическимъ сочиненіямъ.

Къ «Өемисту и Іеронимѣ» (стран. 414). Содержаніе этой трагедіи, вѣроятно, заимствовано изъ книги: «Исторія о княжнѣ Іеронимѣ, дочери Дмитрія Палеолога, брата греческому царю Константину Мануйловичу»: Перев. съ франц. *Ив. Шишкинъ.* Спб. 1752 г. Подробности объ этомъ изданіи см. въ «Матеріалахъ дла біографіи Ломоносова», собр. *Билярскимъ*, стр. 158. Послѣ того книга была перепечатываема въ 1783 г. въ Спб., а въ 1765 и 1796 гг. въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, мы не могли имѣть въ рукахъ книги Шишкина. Кромѣ того должно замѣтить, что содержаніе трагедіи совпадаетъ съ мыслью объ освобожденіи Грековъ, которая проявилась въ русской политикѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

Къ «Торжествующему Парнассу» (стран. 494). См. примѣчаніе къ VIII піесѣ въ «Одахъ торжественныхъ и мелкихъ стихотвореніяхъ».

V. Къ приложеніямъ.

Къ I (стран. 501). Объ отношеніяхъ Майкова къ извѣстному основателю русскаго театра Ө. Г. Волкову (1729 — 1763 г.) см. въ біографіи.

Къ III (стран. 501). О Димздалѣ см. прим. къ піесѣ VIII въ «Одахъ торжественныхъ и мелкихъ стихотвореніяхъ».

Къ IV (стран. 502). Гавріилъ (Петровъ), род. 1730 г., ум. 1801 г. въ Новгородѣ, по свидѣтельству Новикова, «мужъ высокаго ума, здраваго разсужденія и великаго просвѣщенія», славился въ свое время какъ проповѣдникъ и пользовался большимъ расположеніемъ имп. Екатерины. Стихотвореніе Майкова написано не ранѣе 1770 г., когда Гавріилъ былъ назначенъ архіепископомъ С.-Петербургскимъ.

Къ VI (стран. 503). Объ отношеніяхъ Майкова къ М. М. Хераскову см. въ біографіи. О В. П. Петровѣ см. прим. къ баснѣ 19 и къ «Елисею». *Ст.* 16 пародируетъ тяжелую конструкцію Петрова.

Къ VII (стран. 504). Въ это начало эпической поэмы вкрались двѣ историческія ошибки: во первыхъ, Сигизмундъ предназначалъ въ русскіе цари не Станислава (какъ сказано въ *ст.* 26), а Владислава; во вторыхъ, Поляки осаждали не Псковъ, а Смоленскъ, который и былъ взятъ 3 іюня 1611 г. въ слѣдствіе измѣны Андрея Дедевшина или Дедишина.

Къ IX (стран. 509). *Стр.* 10. Въ 1775 г. имп. Екатерина праздновала день своего коронованія въ Москвѣ и затѣмъ, вѣроятно, вскорѣ предполагала возвратиться въ С.-Петербургъ, но осталась въ древней столицѣ до половины декабря 1775 года.

Къ XI (стран. 516). Это стихотвореніе и надпись къ больницѣ въ «Одахъ и мелкихъ стихотвореніяхъ», XXXIX), относятся къ Екатерининской больницѣ, основанной въ 1772 г. въ Москвѣ, въ зданіи оспеннаго комитета, Мѣщанской части, въ старой Божедомской улицѣ, близь Креста, и къ Екатерининской богадѣльнѣ, учрежденной въ 1776 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ еще при Петрѣ В. находилась матросская богадѣльня, въ зданіи казенной холстинной и парусной фабрики. Оба учрежденія состояли подъ вѣдѣніемъ московской полиціи, которой начальникомъ былъ въ 1776 г. Н. П. Архаровъ, пріятель Майкова.

Къ XII (стран. 516). Ярополчь, Ераполецъ или Казанское, большое село Московской губ., по дорогѣ въ Зубцовъ въ 115 в. отъ Москвы, на р. Ламѣ; принадлежало гр. З. Г. Чернышеву, который съ своей женой, статсъ-дамой гр. Анной Родіоновной, проводилъ здѣсь обыкновенно лѣто. По словамъ современнаго описанія, село это «достойно примѣчанія огромнымъ строеніемъ и садами, такъ что красотою и великолѣпіемъ съ наилучшими въ Европѣ увеселительными домами равняться можетъ» (См. «Истор. и топогр. опис. город. Моск. губ.», 1787 г., стр. 255 и 256). Имп. Екатерина не разъ посѣщала гр. Чернышева въ его имѣніи (См. «Русскій Архивъ», т. II, ст. 877 и 936).

Къ XVII (стран. 522). Князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ-Крымскій (1722—1782 г.) извѣстенъ завоеваніемъ Крыма въ первую турецкую войну, за что имп. Екатерина хотѣла наградить его чиномъ фельдмаршала, но, вѣроятно, по вліянію Потемкина, Долгоруковъ не получилъ этой награды при празднованіи мира съ Портою въ 1775 г. и потому вышелъ въ отставку; изъ отмѣтки Майкова къ этой надписи (см. ниже «Библіогр. замѣтки» г. Ефремова) видно, что послѣ 1775 г. князь жилъ въ Москвѣ; съ 1780 по 1782 г., онъ былъ тамъ главнокомандующимъ.

Къ XVIII (стран. 523). Николай Петровичъ Архаровъ (1742 — 1814 г.) вышелъ въ люди благодаря своей расторопности и находчивости въ полицейскихъ и слѣдственныхъ дѣлахъ; съ 1772 г. онъ былъ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ и, по своей должности, ближайшимъ помощникомъ упоминаемаго Майковымъ въ *ст. 6* кн. Михаила Никитича Волконскаго (1713—1789 г.), который съ 1771 г. по 1780 г. былъ московскимъ главнокомандующимъ. По свидѣтельству

современниковъ, Волконскій былъ человѣкъ честный и энергическій, но вѣроятно, какъ старый служака, не интересовался театромъ.

Михаилъ Егоровичъ Медоксъ былъ содержателемъ театра въ Москвѣ съ 1776 г. до начала нынѣшняго вѣка, сперва вмѣстѣ съ кн. П. В. Урусовымъ, а съ 1779 г. одинъ. Театръ Медокса находился сперва на Знаменкѣ, въ домѣ гр. Воронцова, но онъ сгорѣлъ въ 1780 г.; тогда Медоксъ выстроилъ на Петровской площади большой каменный театръ, получившій названіе Петровскаго; кромѣ того у Медокса былъ лѣтній театръ въ Московскомъ воксалѣ, въ домѣ гр. Строгонова. Подъ искуснымъ управленіемъ Медокса, московская сцена получила прочное устройство и отличалась многими замѣчальными талантами (свѣдѣнія о немъ въ Пантеонѣ, 1840 г., № 2, стр. 89, и Репертуарѣ и Пантеонѣ, 1844 г., № 4, стр. 98). Объ отношеніяхъ къ нему Майкова см. въ біографіи.

Къ XIX (стран. 523). Эта ода появилась во II ч. «Утренняго свѣта» на 1778 г. Не была ли она внушена автору тѣмъ неожиданнымъ повышеніемъ, которое ему готовилось въ началѣ этого года, и ради котораго онъ былъ вызванъ изъ Москвы въ Петербургъ? (см. біографію). Здѣсь онъ видѣлся съ Херасковымъ, что и дало ему поводъ посвятить петербургскому пріятелю свое стихотвореніе.

Л. М.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I. Сочиненія и переводы В. Майкова.

1762.

1. *Цитемель* (Еклога). Напечатана въ «Полезномъ увеселеніи» 1762 г. (мѣсяцъ генварь, стр. 46—48). Въ изд. 1773 и 1809 г. *не перепечатана.*

2. *Эпиграмма* (Почто писать умѣть). Напечатана тамъ же (стр. 48) вслѣдъ за предыдущей пьесой, съ общимъ заглавіемъ: *Еклога и эпиграмма*, и съ подписью: *В. Майковъ.* Въ изд. 1773 и 1809 г. *не перепечатана.*

3. *Ода* Ея И. В. Великой Гос. Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Имп. и Самодержицѣ Всероссійской, на всерадостный день тезоименитства ея, которую подноситъ усерднѣйшій и всеподданнѣйшій рабъ *Василій Майковъ.* Отд. изд. безъ означенія мѣста и года печати. Въ листъ, 8 стр. У Соп. № 1798, у Смирд. *не означ.* (Въ изд. 1773 г. (стр. 3—12) перепечатана съ варіантами Въ 1-мъ изд. было: въ строфѣ 1, ст. 6 и 7:

Забудь прошедшую всю скуку,
Забудь, какъ мимошедшій сонъ.

Во 2-й строфѣ:

Ликуй, страна счастлива нынѣ, (ст. 1).
Ты зришь въ ней и Елисаветъ (ст. 4).
Изливаетъ вм. проливаетъ (ст. 9).

Въ 3 строфѣ:

Отъ множества Россію бѣдъ (ст. 2).
Надъ бездной бѣдствій насъ поставилъ,
Но паки милость къ намъ прибавилъ,
Послалъ Екатерину намъ,
И показалъ ее на тронѣ,
Страны россійской къ оборонѣ (ст. 5—9).

Въ 4 строфѣ:

Что въ сей богинѣ кроткій духъ (ст. 2).
И не страшитъ уже насъ болѣ (ст. 6).
Императрицѣ нашей новы (ст. 8).
Отъ храбрѣйшихъ ея сыновъ (ст. 10).

Въ 5 строфѣ:

Что подъ рукой Елисаветы

И подъ Петровой въ прежни лѣты,
Сіи достали имена (ст. 5—7).
Едва была-бы ужъ слышна (ст. 10).

Строфы 6 вовсе не было.

Въ 7 строфѣ:

Сіе намѣренье (ст. 1).
Стенящи громко, вонія (ст. 7).

Въ 8 строфѣ:

Противнымъ силамъ (ст. 1).
И Божій бы законъ упалъ (ст. 10)

Въ 9 строфѣ:

Сіе во всѣ предѣлы свѣта (ст. 3).
«Возстань, о Петръ, моя отрада,
«Со мной гласятъ вѣрнѣйши чада:
«Возстань, любезный нашъ монархъ (ст. 5 — 7).
«Внесетъ главу, отвергши страхъ (ст. 10).

Въ 10 строфѣ:

И утишился бурный вѣтръ.
Воззрѣвъ лицомъ на нихъ смиреннымъ (ст. 4, 5).

Въ 11 строфѣ:

Она правдивый дастъ всѣмъ судъ (ст. 7).

Въ 12 строфѣ:

Въ мигъ храбрый духъ во всѣхъ вселился (ст. 3).
Потщись враговъ россійскихъ стерти (ст. 6).

Въ 14 строфѣ:

Хотя гонима съ Павломъ страждешь (ст. 5).
Что должно кровью доставать (ст. 7).

15-й строфы не было.

Въ 18 строфѣ:

Тебя въ стѣнахъ своихъ не зря (ст. 2).

Въ 19 строфѣ:

Въ восторгѣ взоръ свой простираетъ
Россія къ горней сторонѣ,
Мольбу усердну возсылаетъ
Премудрости ко глубинѣ (ст. 1 — 4).

Ода эта въ изд. 1809 г. *не перепечатана.*

1763.

4. *Ода* на новый 1763 годъ. Напеч. въ изд. 1773 г. (стр. 13—21). Отд. изд. не было; въ изд. 1809 *не перепечатана.*

5. *Ода* на страшный судъ. Напеч. съ подписью *В. М.* въ «Свободныхъ Часахъ» 1763 (мѣс. февраль, стр. 148—152). Перепечат. въ изд. 1773 г. ч. I, стр. 27, въ изданіи же 1809 г. *не перепечатана.*

6. *Ода* на прибытіе Ея Вел. изъ Москвы въ Ярославль 1763 года.

Напеч. въ изд. 1773 г. (стр. 22—28). Отд. изданіе *неизвѣстно;* въ изд. 1809 г. *не перепечатана.* У А. А. Куника находится красиво переписанный экземпляръ этой оды, вѣроятно, подносный.

7. *Стихи на смерть Ѳ. Г. Волкова.* Печатаются въ первый разъ по подлинной *рукописи* В. Майкова.

8. *Загадка* (Глѣбъ имѣетъ). Печатается въ первый разъ по подлинной *рукописи* В. Майкова.

9. *Собака на сѣнѣ.* Басня. Напеч. съ подписью *В. Майковъ* въ «Свободныхъ Часахъ» 1763 г. (мѣс. августъ, стр. 469—471). Въ из д 1809 г. см. басню 25. Черновой набросокъ встрѣчается въ рукописяхъ В. Майкова въ слѣдъ за двумя предъидущими пьесами.

10. *Превращенія Овидіевы,* съ россійской прозы преложенныя въ стихи. Почти вся 1-я книга печаталась отрывками въ «Свободныхъ Часахъ» 1763 г., съ подписью: *Василій Майковъ* или *В. М.* Отрывки эти помѣщены въ мѣсяцахъ: апрѣлѣ, стр. 221—227, маѣ 271—276, іюнѣ 328—334, іюлѣ 397—409, августѣ 457—466 и ноябрѣ 632—635. Впослѣдствіи Майковъ совершенно передѣлалъ эти переложенія и напечаталъ отдѣльною книгою, вышедшею около 1775 г.

11. *Игрокъ Ломбера,* поэма Василія Майкова. 1763 году. Безъ означенія мѣста печати. Въ 8 д. л., 14 стр.

— Второе изданіе, съ поправленіемъ прежняго. Печатано при Имп. Моск. Университетѣ 1765 года. Въ 8 д. л., 16 стр.

— Третіе изданіе. Печатана при Имп. Моск. Университетѣ, 1774 года, иждивеніемъ Христіана Лудвига Вевера. Въ 8 д. л., 16 стр.

— Въ 4 разъ перепеч. безъ перемѣнъ въ изд. 1809 г.

Всѣ изданія между собою сходны. Поправленія 2-го изд. относятся къ корректурѣ. Опечатки изданія 1809 г. оговорены въ концѣ книги. У Сопикова 1-е изд. указано вышедшимъ въ Москвѣ и неправильно означены: 2-е изд. 1774 г. и 3-е изд. 1783 г. (№ 8663—5), у Смирд. (№ 6803) показано только 3-е изданіе.

1766.

12. *Нравоучительныя басни* Василья Майкова. Часть I. Печатаны при Имп. Моск. Университетѣ, 1766 года. Въ 8 д. л., 36 стр. (21 басня въ томъ же порядкѣ, какъ первыя въ изд. 1809 г.).

— Часть II. Печатаны ib. 1767 года. Въ 8 д. л., 39 стр. (остальныя 21 басня, по изд. 1809 г. отъ 22—42). Въ концѣ приложены *погрѣшности* 1-й части и оглавленіе обѣихъ частей.

— Изданіе второе, М. Въ тип. Компаніи Типографической, 1788. У Сопик. № 2150—1 и означенъ при 1-мъ изданіи только 1767 годъ; у Смирд. (№ 8303) показано одно 2-е изд.

— Въ 3 разъ перепечатаны въ 1809 г. Прежде появленія изданія 1767 г. только басня 25: «Собака на сѣнѣ», какъ сказано, была напеч.

въ «Свободныхъ Часахъ» 1763 г. Потомъ басня «Лисица и боберъ», безъ имени автора, появилась въ журналѣ «Собраніе Новостей», изд. И. К. Шноромъ, 1775 г., сентябрь, стр. 122—124, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Слѣдующая басня въ стихахъ неизвѣстнаго автора найдена на полу въ нѣкоторомъ домѣ, отданномъ въ наймы, и, переходя потомъ изъ рукъ въ руки, наконецъ попалась къ намъ. Мы ее нашли такъ какъ драгоцѣнный въ грязи камень, который могъ бы имѣть лучшую участь. Въ сей баснѣ видѣнъ остроумный вымыселъ и къ тому чистота слога, совершенно свойственные сему роду поэзіи» (стр. 122).

1767.

13. *Ода* на случай избранія депутатовъ, для сочиненія проэкта новаго Уложенія 1767 года. — Напеч. въ изд. 1773 г. (29—35); отд. изд. *неизвѣстно;* перепеч. въ 1809 г. (стр. 234—238).

14. *Стихи* на всерадостное прибытіе Ея И. В. Госуд. Императрицы Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійской, изъ Казани въ престольный градъ Москву. — Напеч. въ изд. 1773 г. (119—122); отд. изд. *неизвѣстно*; перепеч. въ изд. 1809 г. (254—256).

15. *Ода* всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, Матери Отечества, на всерадостный день коронованія Ея Вел., которую приноситъ всеподданѣйшій рабъ *Василій Майковъ*. Сентября 12 дня, 1767 года. Печатана при Имп. Моск. Университетѣ.—Въ 4 д. л., 10 нен. стр. У Соп. № 7082. Перепечатана въ изд. 1773 г. стр. 36—42) и 1809 г. (стр. 239—243).

16. *Военная наука*. Изъ книги «Безпечный Философъ» сочиненія Его Величества Короля Прусскаго. Стихи *Василья Майкова*. Печатана при Имп. Моск. Университетѣ, 1767 года.—Въ 8 д. л., стр. 8 нен. (загл. л., посвященіе и предисл.) и 60.

— Изданіе второе. Москва. Въ тип. Компаніи Типографической. 1787.—Въ 8 д. л., 73 стр. (всѣ нумер., начиная съ загл. л.).

1-е изд. напечатано со множествомъ корректурныхъ ошибокъ, которыя во 2-мъ исправлены, въ чемъ только и состоитъ разница между обоими изданіями. Майковъ переложилъ въ стихи не изданный переводъ Алекс. Ильича Бибикова У Сопик. № 6625, у Смирд. 1-е изд. *не указано*, а 2-е подъ № 8210. Въ изд. 1809 г. *не перепечатана*.

1768.

17. *Ода* на всерадостный день восшествія на Всероссійской Престолъ Ея Вел., Гос. Імп. Екатерины Алексѣевны, Самод. Всероссій-

скія, которую приноситъ всеподданнѣйшій рабъ *Василій Майковъ*, іюня въ 28 день 1768 года. Въ Спбгѣ. — Въ 4 д. л., 12 ненум. стр. У Соп. и Смирд. *не означ.* Перепечат. въ изд. 1773 г. (43 — 51) и 1809 г. (215 — 220).

18. *Сонетъ* ко дню празднованія о благополучномъ выздоровленіи, отъ прививныя оспы, Ея И. В. и Его И. Высочества, Придворнаго Россійскаго Театра Актерами и Актрисами. Печатанъ въ Спб. 1768 года.—Безъ означенія имени автора. Въ 4 д. л., 4 нен. стр., изъ которыхъ 2-я и 4-я бѣлыя. У Соп. и Смирд. *не указанъ.* Перепеч. безъ перемѣнъ въ изд. 1773 (104) и 1809 г. (249).

19. *Торжествующій Парнассъ*, Прологъ по выздоровленіи отъ прививныя оспы Ея И. В. и Его И. Высочества. Сочиненіе *В. М.* Въ Москвѣ 1775 года. Печатано вторымъ тисненіемъ.—Въ 8 д. л., 8 стр. — Перепечатанъ въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ*, ч. XXX, стр. 287 — 296 (Спб. 1789).

1-го изд. нами *не найдено*, и оно нигдѣ не указано, ибо Сопиковъ, показывая только одно московское изд. 1775 г. (№ 9104), не обозначаетъ, что оно уже 2-е, а Смирд. указываетъ, кажется, вовсе не существовавшее изданіе, вышедшее будто-бы въ Спб. 1778 г. (№ 7791). Въ изд. 1809 г. *не перепечатанъ.*

20. *Стихи* къ изображенію Господина Димздаля. Печатаются въ первый разъ по подлинной *рукописи* В. Майкова, въ которой, между прочимъ, набросанъ и первоначальный ихъ очеркъ:

Россію посредѣ утѣхъ напасть сражала,
Когда отъ оспы страхъ она воображала.
Теперь покоится среди своихъ отрадъ,
Узря, что язвы сей спаслась Екатерина,
И зримъ избавльшагось ея любезна сына.
Окончилъ намъ его сей мудрый Гиппократъ.

21. *Къ Гаврілу* архіеп. Спб. и Ревельскому. — Печатаются въ первый разъ *по* подлинной *рукописи* В. Майкова.

1769.

22. *Надпись* ко мраморамъ Россійскимъ. (Съ подписью:) Сочинилъ *Василій Майковъ*. — Листокъ, въ 16 д. л., стиховъ въ рамкѣ съ виньеткой. Безъ означ. мѣста и года печ. У Соп. и См. *не показ.* Перепечат. въ изд. 1773 г. (128) и 1809 г. (262).

23. *Стихи* на отшествіе Россійскаго флота изъ Ревеля въ Средиземное море. — (Подп.) Сочиненіе *В. М.* — Безъ означ. мѣста и года печати. Въ 4 д. л., 2 стр., изъ которыхъ печатная только одна. У Соп. и См. *не означены.* Перепеч. въ изд. 1773 (125) и 1809 г. (259 — 260).

24. *Стихи* Ал. Андр. Беклешову, на смерть брата его подполковника Арсенія, убитаго у Хотина авг. 29 дня, 1769 г. — Напечатаны въ «Трутнѣ» Н. И. Новикова на 1769 г., листъ XXII, сент. 22 дня, стр. 169—70, съ подписью: *Василій Майковъ*, (изданія 1865 г. стр. 133—134). Перепечатаны въ изд. 1773 (131—132) и 1809 (264—265).

25. *Стихи* примѣръ-маіору Юрью Богдановичу г. Бибикову. — Напеч. въ «Трутнѣ» 1769 г., листъ тотъ-же, стр. 171, съ подписью *В. Майковъ*. (изд. 1865 г. стр. 134). Въ изд. 1773 и 1809 г. *не перепечатаны*.

26. *Ода* Государынѣ Імператрицѣ, Екатеринѣ Второй, Самод. Всеросійской, на побѣду, одержанную надъ Турками при Днѣстрѣ войсками Ея І. Вел., подъ предводительствомъ Генерала Князя Голицына и на взятіе Хотина 1769 сентября дня, которую подноситъ всеподданнѣйшій ея рабъ *Василій Майковъ*. — Безъ означ. мѣста печати. Въ 4 д. л., 8 ненум. стр. Перепеч. въ изд. 1773 г. (52—58) и 1809 г. (221—225).

27. *Агріопа*. Трагедія Василья Майкова. Печатана въ Москвѣ. 1775 года.—Въ 8 д. л., 67 стр.

— Второе изданіе. М. Въ тип. Компаніи Типографической.—1787. Въ 8 д. л., 67 стр.

— Въ третій разъ перепечатана въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ*, ч. V, стр. 3—74 (Спб. 1787). — Въ четвертый разъ въ изд. 1809 г.

Всѣ изданія одинаковы, за исключеніемъ только обозначенія въ 1-мъ изъ нихъ именъ актеровъ: Агріопа — *Троепольская*, Телефъ — *Дмитревскій*, Азоръ—*Волковъ*, Альбина—*Волкова*, Аристонъ—*Бахтуринъ* и Военачальникъ — *Михайловъ*. У Сопик. №№ 11848 — 9, у Смирд. показано только 1-е изд. № 6858, съ указаніемъ типографіи Военной Коллегіи; у Плавильщикова показано одно 2-е изд. № 6113, съ неправильной помѣтой: Спб. 1787 г.

Въ *Драматическомъ Словарѣ* (Спб. 1787) о ней сказано: «*Агріопа* трагедія въ 5 актовъ стихами. Сочинена Васильемъ Майковымъ, представлена въ первой разъ на Придворномъ Театрѣ въ 1769 году Октября 13 дня въ Спбгѣ, напечатана въ Москвѣ въ 1775 году» стр. 16).

28. *Отрывокъ* (Въ златой вѣкъ). Печатается въ первый разъ *по* подлинной *рукописи* В. Майкова.

1770.

29. *Стихи* ко празднеству Имп. Академіи Художествъ. Сочинены *В. И. Майковымъ* въ 1770 году. — Въ полул., 1 стр. — У Соп. и См. *не показ*. — Благодаря *Петру Николаевичу Петрову*, о печатаніи

этихъ стиховъ можемъ сообщить слѣдующія подробности. Напечатаны они были въ тип. Академіи Наукъ, на счетъ экономической суммы Академіи Художествъ, въ количествѣ 300 экз., за что и заплачено 6 р. 50 к.; потомъ еще отпечатано 200 экз., съ уплатою 5 р. Корректуру держалъ самъ Майковъ, какъ видно изъ слѣдующаго сообщенія отъ 12 іюля 1770 г. за № 412: «Изъ Импер. Академіи Художествъ въ учрежденную при Имп. Академіи Наукъ Коммиссію.—Императорская Академія Художествъ помянутую Коммиссію проситъ, чтобъ соблаговолено было съ приложеннаго при семъ экземпляра, имянуемаго *Стихи ко празднеству Академіи Художествъ* приказать напечатать 300 экземпляровъ *и чтобъ оные напечатаны были* также *на полулистѣ и на одной страницѣ, а вокругъ оныхъ обведенобъ было рамочкою*, какая заблагопристойнее ктому разсудится. Корректуру же оныхъ стиховъ приказать отсылать Государственной Военной Коллегіи къ господину Прокурору Василью Ивановичу Майкову. (*Подп.*) Конференцъ Секретарь Александръ Салтыковъ. Канцеляристъ Григорій Ивановъ.» (дѣло 1770 г., № 17). Перепеч. въ изд. 1773 (123—124) и 1809 (257—258).

30. *Ода* Ея И. Вел. Екатеринѣ Второй, Имп. и Самод. Всероссійской на преславную побѣду надъ Турецкимъ флотомъ въ заливѣ Лаборно при городѣ Сисмѣ, одержанную флотомъ Ея И. В. подъ начальствомъ Генерала Графа Алексѣя Орлова. 1770 года 24 и 25 мѣсяца Іюня. Сочипена *Васильемъ Майковымъ*. — Печатана въ Спбгѣ, при Государственный Военной Коллегіи. — Въ 4 д. л. 14 нен. стр. У Сопик. № 7152. Перепеч. въ изд. 1773 г. (59—69) и 1809 г. (226—233).

31. *Ода* побѣдоносному Россійскому оружію. Сочинена Государственной Военной Коллегіи Прокуроромъ Василіемъ Майковымъ. 1770 года Августа 4 дня. Печатана въ Спбгѣ при Гос. Воен. Коллегіи.—Въ 4 д., 10 нен. стр. У Сопик. № 7364. Перепеч. въ изд. 1773 (70—76). Въ изд. 1809 г. *не перепечатана.*

32. *Письмо* Вас. Ил. Бибикову о смерти Кн. Ѳ. А. Козловскаго.— Первоначальнаго изданія не найдено. Напеч. въ изд. 1773 (129—130) и 1809 г. (262—264). Отрывокъ изъ стихотворенія Майкова приведенъ Новиковымъ въ «Опытѣ Словаря» (см. «Матеріалы для ист. русск. лит.» изд. 1867, стр. 55).

33. *Ода* Ея И. В. Екатеринѣ Второй, Имп. и Самод. Всероссійской, на взятіе Бендеръ, войсками Ея И. В. подъ предводительствомъ Генерала Графа Панина 1770 года, Сентября дня. — Первоначальное изд. неизвѣстно; напеч. въ изд. 1773 (77—83). Въ изд. 1809 г. *не перепечатана.*

34. *Письмо* графу Захару Григорьевичу Чернышеву.—Было-ли издано отдѣльно — *неизвѣстно*. Напечатано въ изд. 1773 (133—134) и 1809 (266—267).

35. *Надпись* къ столпу поставленному при гробѣ Петра Перьваго и украшенному побѣдами какъ его, такъ и побѣдами жъ учиненными Росс. флотомъ во владѣніе Екатерины Вторыя.—Напеч. въ изд. 1773 (127) и 1809 (261).

1771.

36. *Мадригалъ* на прибытіе гр. А. Гр. Орлова послѣ Чесменскаго боя въ Спбгъ въ 1771 году. —Напечат. въ «Трудолюбивомъ Муравьѣ» *В. Рубана* на 1771 г. (№ 1, стр. 8), съ подписью *М.* Перепечат. въ изд. 1773 (126) и 1809 г. (260) съ слѣд. варіантами: *стихи* вм. *мадригалъ*, и въ концѣ заглавія опущено добавленіе: *въ 1771 году*; въ стихѣ 7: *сразилъ* вм. *попралъ*, въ ст. 12: *И лаврами главу свою увѣнчеваетъ*, вм. *И сими лаврами главу твою вѣнчаетъ*.

37. *Письмо* Его Сіятельству гр. Григорью Григорьевичу Орлову-на отбытіе и проч.—Напеч. въ *Трудолюбивомъ Муравьѣ*, ежемѣсячномъ изданіи *В. Рубана*, на 1771 г. (№ 14, стр, 106-107). Перепечат. въ изд. 1773 (135—136) и 1809 (268-270).

38. Ода на выздоровленіе Его Выс., Государя Цесаревича и В. Кн. Павла Петровича, Наслѣдника Престола Россійскаго.—Ни Сопиковъ, ни Смирдинъ *не указываютъ* отдѣльнаго изданія этой оды и для нынѣшняго изд. оно не найдено; но несомнѣнно, что оно было, какъ видно изъ объявленія въ № 71 «Спб. Вѣд.» 1771 г., въ которомъ говорится, что «Государственной Военной Коллегіи при типографіи у переплетчика Лоцова продается *ода на выздоровленіе Е. Выс. Гос. Цес. и Вел. Кн. Павла Петровича*, каждой экземпляръ по 10 к.» Ода эта, напечатанная въ изд. 1773 г., на стр. 84-89, въ изд. 1809 г. *не перепечатана*.

39. *Елисей*, или Раздраженный Вакхъ, поэма. Въ Санктпетергѣ. — Безъ означ. тип. и года печати, въ 8 д. л., 6 нен. стр. (къ читателю 1, ошибки типографскія 1, содержаніе поэмы 4) и нумер. 73.

— Изданіе второе. Москва. Въ Типографіи Компаніи Типографической 1788. За загл. л. слѣдуетъ предисловіе «Къ читателю» и «Содержаніе поэмы»). Въ 8 д. л., 69 стр.

— Въ 3 разъ перепечат. въ «Собраніи сочиненій». Спб. 1809. стр. VII — XII и 1 — 78. (У Сопик. № 8660—1, у Смирд. № 11674), Всѣ перепечатки *варіантовъ никакихъ не представляютъ* и вообще оба слѣдующія изданія перепечатывались буква въ букву, даже съ сохраненіемъ опечатокъ 1-го изд. —Время появленія этой поэмы митр. Евгеній отнесъ въ 1770 г., а Сопиковъ и Смирдинъ отнесли его къ 1775 г., но изъ объявленій *Спб. Вѣдомостей* можно положительно заключить, что книга вышла въ ноябрѣ 1771 г. «Въ Луговой Милліонной у переплетчика Миллера продается вновь напечатанная Поема *Елисей Ямщикъ* или *Раздраженный Вакхъ* по 50 к. (Спб. Вѣд. 1771 г. 22 ноября, вторникъ, № 93, и повторено въ № 94 и 95).

1772.

40. *Ода* на сраженіе флотовъ Россійскаго съ Турецкимъ, бывшее во время перемирія при устіи Лепанскаго залива...и пр.—Отд. изд. *не извѣстно.* Напечат. въ изд. 1773 г. (97—103) и 1809 (244—248).

41. *Епиграмма* на болтуна. Напеч. безъ подписи въ еженед. изданіи «*Вечера*» (1772 г., I, стр. 8); потомъ была перепечатана съ именемъ *В. Майкова* въ «Опытѣ русской анѳологіи» *Мих. Яковлева* (Спб. 1828, стр. 3).

42. *Эпиграмма* на В. Петрова. Напечатана въ 1-й разъ въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти» *Мих. Дмитріева* (М. 1854, стр. 9).

43. *Преложеніе* псалма 136-го. Напеч. безъ подписи въ «Вечерахъ» 1772 (I, 19—21) и перепечат. въ изд. 1773 г., кн. I, 21—23), а въ изд. 1809 г. *не перепечатано.*

44. *Епистола* Мих. Матв. Хераскову.—Печатается въ первый разъ *по* подлинной *рукописи* В. Майкова. Послѣдніе 2 стиха имѣютъ слѣдующій варіантъ:

Или останется на вѣкъ на немъ сей взоръ?

Отвѣтъ.

Когда нашъ Меценатъ простретъ къ наукамъ вздоръ.

45. *Освобожденная Москва* (Отрывокъ изъ поэмы). Печат. въ первый разъ *по* подлинной *рукописи* В. Майкова. Оба послѣднія стихотворенія, вѣроятно, относятся ко времени 1772—1773 г., какъ можно полагать по мѣсту, занимаемому ими въ рукописяхъ поэта.

6 и 47. *Эпиграммы* («Петръ, будучи врачемъ» и «То предвѣщаніе») Печатаются въ первый разъ *по* подлинной *рукописи* В. Майкова.

1773.

48. *Загадка* (Я ни воздухъ, ни вода). Напеч. безъ подписи въ «Вечерахъ» (II. 1773, 88) и нигдѣ *не перепечатана.* Сохранилась въ подлинной рукописи Майкова.

49. *Война.* Ода. Напеч. въ «Вечерахъ» (II, 1773 г., стр. 91—95) и перепечат. въ изд. 1773 г. (90—96), но въ изд. 1809 г. *не перепечатана.*

50. *Загадка* (Я въ трехъ частяхъ земли). Напеч. безъ подписи въ «Вечерахъ» (II, 1773 г., стр. 136). Сохранилась въ подлинной рукописи Майкова.

51. *Преложеніе* псалма 41-го. Напеч. безъ подписи въ «Вечерахъ» (II, 1773 г., стр. 142—144). Перепечат. въ изд. 1773 (I, 9—11); въ изд. 1809 *не перепечатано.*

52. *Псаломъ I.* Напеч. безъ подписи въ «Вечерахъ» (II, 1773 г.,

стр. 166—167) и переп. въ изд. 1773 (I, 5 — 6), а въ изд. 1809 г. *не перепечатанъ*.

53. *Преложеніе* псалма 71-го. Напечат. въ «Вечерахъ» (II, 1773 г., стр. 174—176) и перепечат. въ изд. 1773 (I, 12—15), а въ изд. 1809 *не перепечатано*.

54. *Аркасъ*. Эклога. Напечат. въ «Вечерахъ» (II, 1773 г., стр. 202—205). Нигдѣ *не была перепечатана*. Начало ея сохранилось въ подлинной рукописи Майкова.

55. *Переложенія* псалмовъ 12, 81, 111, единоборства Давида на Голіафа; Исходъ гл. 15, пѣснь 1; Второзаконія гл. 32, пѣснь 2; Даніилъ гл. 3, пѣснь 7; гл. таже, пѣснь 8. Напечатаны въ книгѣ: «Разныя стихотворенія Василья Майкова. Книга перьвая. Въ Спбгѣ». (безъ означ). года печати). Стр. 1—47 занимаютъ всю 1-ю книгу. Изъ объявленія въ «Спб. Вѣд.» видно, что книга эта вышла въ концѣ 1773 г. Были ли эти стихотворенія напечатаны прежде того — *неизвѣстно*, ибо первоначальныхъ изданій ни отдѣльныхъ, ни въ журналахъ *не отыскана*. Всѣ они въ изд. 1809 г. *не перепечатаны*.

56. *Стихи* Его Сіят. Кн. Александру Алексѣевичу Вяземскому, при наложеніи на него ордена Св. Апостола Андрея, 1773 года, Генваря 6 дня. — Напеч. въ изд. 1773 г. (стр. 137) и 1809 (270).

57. *Стихи* Его Превосх. господину Генералу-Маіору и Кавалеру Александру Васильевичу Суворову. — Напеч. въ изд. 1773 г. (стр. 138) и 1809 (стр. 271).

58 и 59. *Ода* и *Сонетъ* на брачное сочетаніе Вел. Кн. Павла Петровича и Вел. Кн. Наталіи Алексѣевны. Въ Спбгѣ. 1773 года. Въ 4 д. л. Безъ означенія имени. У Сопик. № 7120, при чемъ ошибочно означено *совѣтъ* вм. сонетъ. Перепечат. въ изд. 1773 г. *ода* на стр. 105—117, а *сонетъ* на стр. 118. Въ изд. 1809 г. *не перепечатаны*.

60. *На смерть* А. П. Лосенко.—Стихотвореніе это въ 1-й разъ напечатано П. Н. Петровымъ въ «Иллюстраціи» 1862 г. № 221 по подлинной рукописи Майкова.

61. *Ѳемистъ и Іеронима*. Трагедія. *Василья Майкова*. Печатана въ Москвѣ 1775 года. Въ 8 д. л., 67 стр.

— Изд. второе. М. Въ тип. Компаніи Типографической, 1787 г. Въ 8 д. л., 69 стр.

— Въ 3-й разъ напечатана въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ*, ч. V, стр. 75 — 146 (Спб. 1787).

— Въ 4-й разъ въ изданіи 1809 г.

Всѣ изд. одинаковы и только въ 1-мъ означены актеры, хотя тра-

гедія и не была играна. Роли были распредѣлены такъ: Магометъ— *Дмитревскій*, Іеронима — *Троепольская*, Ѳемистъ — *Поповъ*, Клитъ— *Бахтуринъ*, Османъ — *Лапинъ*. У Соп. № 11987—8, у Смирд. № 6994, у Плавильщ. одно 2-е изд. № 6234, безъ означенія цифры изданія.

Въ *Драматич. Словарь* сказано: «*Фемистъ и Еронима*. Трагедія сочиненія г. Майкова въ стихахъ, взята была на придворный театръ въ 1773 году для представленія: но за приключившейся болѣзнію, а потомъ и смертію госпожи Троепольской, первую роль на тогдашнее время играющей придворной актрисы, оставлена; и по сіе время представлена сія трагедія нигдѣ не была. Напечатана въ Москвѣ въ 1775 году» (Стр. 151).

1774.

62. *Ода* Е. И. В. Великой Гос. Екатеринѣ Алексѣевнѣ, имп. и самод. Всероссійской, на заключеніе вѣчнаго мира между Россійскою Имперіею и Отоманскою Портою Іюля дня 1774 года. Соч. *Василья Майкова*. Въ Спбгѣ. — Въ 4 д. л., 17 нен. стр. У Соп. и См. не показана. Въ изд. 1809 г. *не перепечатана*.

63. *Его Высокопр-ву* Григорію Александровичу Потемкину. (Стр. 133). Напечатано въ концѣ предыдущей брошюры, вслѣдъ за указанною *одою*. Перепеч. въ изд. 1809 г. (стр. 272) съ слѣд. варіантами: въ заголовкѣ— *Его свѣтлости князю*..., ст. 2 — *сопутница* Беллона, ст. 5 — *лиры* гласа.

1775.

64. *Описаніе* разныхъ увеселительныхъ зрѣлищъ, представленныхъ во время мирнаго торжества, заключеннаго между Россійскою Имперіею и Оттоманскою Портою Въ Высочайшемъ присудствіи Ея И. В., всеавгустѣйшей и непобѣдимой Монархини, Матери Отечества, Екатерины II и ихъ Имп. Выс., при многочисленномъ собраніи народа близь Москвы на Ходынкѣ, 1775 года Іюля 16 дня. Печатано при Госуд. Военной Коллегіи. — Въ 4 д. л.; 8 стр. (Въ концѣ: Сочиненіе *Василья Майкова*. Описаніе зрѣлищъ въ стихахъ и три надписи къ нимъ). Въ изд. 1809 г. *не перепечатано*.

65. *Описаніе* Увеселительныхъ огней, Которыя представлены въ продолженіи мирнаго торжества, заключеннаго Между россійскою имперіею и оттоманскою портою. Въ высочайшемъ присудствіи Ея Имп-го Вел-ва, всеавгустѣйшей и не побѣдимой монархини Екатерины II и ихъ имп. Выс-въ, при многочисленномъ народномъ собраніи, Близь Москвы на Ходынкѣ, 1775 года Іюля 16 дня. Печатано въ Москвѣ при государственной Военной коллегіи.—Въ 4 д. л., стр. нен. 18. Съ 4 гравюрами въ больш. листъ. На оборотѣ 2-й стр.,

загл. листа: «Изобрѣтеніе Матвѣя Мартынова. Исполненіе *Михайла Нѣмова.* Стр. 3—9: прозаич. описаніе. Стр. 10—11: Стихи. Къ фейерверку на торжество вѣчнаго мира между Россійскою Имперіею и Отт. Портою. Стр. 12—18: Ода Е. И. В-ву, на торжество заключеннаго мира, между Рос. Имп. и Отт. Портою. На 18-й подпись: «*Сочиненіе Василья Майкова*»). Въ изд. 1809 г. *не перепечатано.*

Оба описанія, сперва зрѣлищъ, потомъ огней, перепечатаны въ «Собраніи Новостей», изд. Шнора, 1775 г., октябрь, стр. 7—25, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Разныя увеселительныя зрѣлища и увеселительные огни, представленные во время мирнаго торжества близь Москвы на Ходынкѣ іюля 16 дня, описаны были отчасти въ стихахъ, отчасти прозою господиномъ прокуроромъ военной Коллегіи Васильемъ Ивановичемъ Майковымъ. Сіи описанія сами по себѣ интересны для всѣхъ Россіянъ, а къ тому пріятное стихотворство господина Майкова, извѣстнаго многими хорошими своими сочиненіями, дѣлаетъ ихъ еще болѣ достойными къ помѣщенію въ семъ журналѣ» (стр. 7).

66. *Письмо* Его Сіятельству графу Петру Александровичу Румянцову. Сочиненіе Василья Майкова. Печатано въ Москвѣ 1775 года. — Въ бол. 8 д. л., 5 нен. стр., не считая загл. л. У Соп. *не показано*, у Смирд. № 8036. Въ изд. 1809 г. *не перепечатано.*

67. *Ода* Ея Имп. Вел., госуд. импер. и самодерж. всеросс. Екат. Алекс., непобѣд. монарх., матери отечества на торжественный день коронованія ея 1775 года сентября 22 дня, въ Москвѣ при государственной военной коллегіи. — Въ 4 д. л., 8 стр., подпись: «*Сочиненіе Василья Майкова*». У Смирд. 7854, у Соп. *не показана*. Перепечатана въ «Собраніи Новостей», изд.. Шнора, 1775 г. декабрь, стр. 33 — 38. Въ изд. 1809 г. *не перепечатана.*

68. *Ода* о суетѣ міра, къ его превосходительству Александру Петровичу Сумарокову.—Напеч. въ «Собр. нов.», 1775 г., декабрь, стр. 39—43. Перепеч. въ изд. 1809 г. (стр. 250—253).

Двумъ послѣднимъ стихотвореніямъ предшествуетъ слѣдующее примѣчаніе:

«Мы охотно здѣсь включаемъ, къ украшенію нашего журнала, слѣдующія присланныя къ намъ двѣ піесы отъ самаго сочинителя господина бригадира и главноприсутствующаго въ мастерской и оружейной конторѣ Василія Ивановича Майкова.» (стр. 33).

«*Ода о суетѣ міра*» подъ заглавіемъ «*Ода время*» была напечатана также въ журналѣ, издававшемся Н. И. Новиковымъ: «*Покоящійся трудолюбецъ*. Періодич. изд. служащее продолженіемъ Вечернія Зари» (4 ч. Въ М. Въ унив. тип., у Н. Новикова, 1784 г.), въ 1-й ч. на стр. 82—85. Въ подстрочномъ примѣч. сказано: «Ода сія сочинена извѣстнымъ свѣту Россійскимъ стихотворцемъ покойнымъ *Г. Майко-*

вымъ. Особа, доставившая намъ сей манускриптъ, писанный собственною рукою самого сочинителя, увѣряла насъ, что ода сія еще нигдѣ не напечатана. Мы, уважая высокія дарованія сочинителя, такъ какъ и увѣрявшую насъ о вышесказанномъ особу, поставляемъ удовольствіемъ помѣстить сіе сочиненіе въ первой части нашихъ изданій, дабы угодить читателямъ нашимъ, чрезъ доставленіе такого сочиненія сего славнаго стихотворца, которое находится только въ рукописяхъ.»

69. *Сонетъ* Михаилу Никитичу Муравьеву. Напеч. въ изданіи: Оды лейбъ-гвардіи измайловскаго полка сержанта Михаила Муравьева 1775 года (стр. 27).

70. *Публія Овидія Насона Превращенія.*»—Первыя 4 книги. Отд. изданіе безъ заглавнаго листа и означенія года печати. Книга (въ 8 д. л.) начинается страницею посвященія: «Ея Величеству Екатеринѣ II, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской. Сей трудъ со всеглубочайшимъ почтеніемъ во знакъ нижайшаго благодаренія посвящаетъ всеподданнѣйшій рабъ *Василій Майковъ*. — Печатаны въ Спб.»—Затѣмъ слѣдуютъ 2 нен. стр. «оглавленія» и 7 неп. стр. «Краткое описаніе жизни Публія Овидія Насона, выбранное изъ разныхъ писателей». Статья эта принадлежитъ *Мих. Никит. Муравьеву* (*), чего однако при ней не обозначено. Потомъ помѣщенъ самый переводъ въ стихахъ (стр. 1—250). Въ текстѣ помѣщено много рисунковъ, неискусной гравировки. Они припечатывались уже по отпечатаніи текста, такъ что встрѣчаются экземпляры безъ рисунковъ, съ бѣлыми для нихъ мѣстами; а въ нѣкоторыхъ экз. рисунки помѣщены не на своихъ мѣстахъ, отъ ошибки печатника. Кромѣ того, во всѣхъ экземплярахъ замѣтна вырѣзка и замѣна новою перепечаткою стр. 37—42, 57—64, 99—102, 117—120, 239—240 и 245—246, а послѣ стр. 42 и 64 еще добавлены по 2 нен. страницы текста. Въ одномъ изъ имѣющихся у меня экземпляровъ сохранились *не перепечатанныя страницы* и изъ сличенія ихъ оказывается, что не *перемѣны* въ текстѣ послужили причиной перепечатки, а *неоставленіе мѣста* для картинокъ; на страницѣ же 245-й, напротивъ, первоначально было оставлено мѣсто для картинки *бракъ Персеевъ*, но въ перепечаткѣ она не явилась и только разогнанъ текстъ и на 246-й стр. поставлена бо̀льшая виньетка.

Продолженіе перевода «Овидіевыхъ превращеній» появилось уже по смерти Майкова, въ 1779 г. въ *Модномъ Изданіи*, и, вѣроятно, это обстоятельство подало поводъ Анастасевичу, а за нимъ и всѣмъ нашимъ библіографамъ приписать «Модное Изд.» Майкову, тогда какъ онъ умеръ въ Москвѣ за полгода до появленія 1-й книжки этого журнала

(*) Срвн. «Переводныя стихотворенія» *Михайла Муравьева*. Спб. 1773.

въ Петербургѣ. (*) *V Книга* «Превращеній» напечатана въ 3 части, мѣс. іюль (стр. 3—48); *VI книга*—3 ч., мѣс. августъ (стр. 99—140); *VII книга*—3 ч., мѣс. сентябрь (стр. 179—21); *VIII книга*—4 ч., мѣс. октябрь (стр. 3—33) и мѣс. ноябрь (стр. 85—105). Неизвѣстно, прекратилось ли печатанье перевода по случаю прекращенія «Моднаго Изд.», или же онъ не былъ оконченъ переводчикомъ и напечатано все, что только осталось послѣ его смерти.

71. *Меропа* трагедія Господина Волтера. Переложена въ стихи изъ Русскія прозы *Васильемъ Майковымъ*. Въ Москвѣ при Государственной Военной Коллегіи 1775 года.—Въ 8 д. л., 83 стр. и 1 нен. (опеч.). У Сопик. № 2613 ошибочно помѣчена 1776 г. и означена *рѣдкою*, у Смирд. № 6929. Въ изд. 1809 г. *не перепечатана*.

Въ *Драмат. Словарѣ* сказано: «*Меропа*. Трагедія г. Волтера переведена съ Французскаго на Россійской языкъ въ прозѣ, а потомъ преложена въ стихи г. Майковымъ. Замѣчательна мысль автора въ сей трагедіи, въ характерѣ Меропы, коя безъ любви тронула всѣхъ сердца. Напечатана въ Москвѣ при Государственной Военной Коллегіи въ 1775 году». (стр. 79.)

72. *Аркасъ и Ириса*, опера. По указанію м. Евгенія (Сл. Св. Пис. 1845, II, 41) напеч. въ Москвѣ въ 1775 г., но у Сопикова и Смирдина *не показана* и нынѣ *не* могла быть *отыскана*. *Въ Драматическомъ Словарѣ* о ней сказано: «*Аркасъ и Ириса*. Маленькая опера съ музыкою сочинена г. Майковымъ на открытіе Московскаго публичнаго ваксала, гдѣ была въ первый разъ представлена; и потомъ часто представляема какъ въ ваксалѣ, такъ и на большомъ театрѣ. Музыка господина Керцеллія принята была публикою съ удовольствіемъ» (стр. 20).

1776.

73. *Пѣснь печальная* на кончину благовѣрныя государыни великія княгини Наталіи Алексѣевны, приключившуюся 1776 года, апрѣля 15 дня. М. 1776. Въ 8-ю д. л. (у Соп. № 9362). Перепеч. въ «Собраніи разныхъ сочиненій и новостей», изд. при Имп. Акад. Наукъ. 1776 г., май, стр. 1—7., съ подписью: «Соч. В. Майкова».

(*) «Модное ежемѣсячное изданіе или библіотека для дамскаго туалета. Часть 1. Съ генваря по апрѣль мѣсяцъ. Въ Спб. Печатано въ вольной тип. Вейтбрехта и Шнора 1779 г.» Часть II (съ апрѣля по іюль мѣсяцъ) носитъ ту же помѣту, но на ежемѣсячныхъ книжкахъ (на которыхъ мѣсто печати не означалось), начиная съ майской, является штемпель *Новикова*, а на загл. л. 3 и 4 части уже означено: «печатано въ тип. Имп. Моск. Университста 1779 года», и на оборотѣ является помѣта цензора *Антона Барсова*, тогда какъ на двухъ первыхъ частяхъ вовсе не было цензурной отмѣтки.

74. *Ода* о вкусѣ. Александру Петровичу Сумарокову. (Съ подп. *В. М.*—Безъ означ. мѣста и года печ. Въ 8 д. л., 3 стр., а на 4-й напечатанъ: *отвѣтъ* на оду Василью Ивановичу Майкову. (Подп.) *А. С.* Перепечатана въ «Собраніи разныхъ сочиненій и новостей», изд. Имп. Акад. Наукъ, 1776 г., май, стр. 10—11, съ подписью *В. М.* Затѣмъ перепечатанъ и отвѣтъ Сумарокова. Начало этой оды приведено *А. А. Палицынымъ* въ стихотворномъ «Посланіи къ Привѣтѣ». Въ изд. 1809 г. ода *не перепечатана.*

75. *Ода* его сіятельству графу Захару Григорьевичу Чернышеву, сочиненная въ Ярополчѣ искреннѣйшимъ его почитателемъ.—Напеч. въ «Собраніи разныхъ сочиненій и новостей», изд. при Имп. Акад. Наукъ, 1776 г., іюнь, стр. 19—22, безъ подписи, и отдѣльно: М. въ 8 д. л. Послѣднее изданіе показано у Соп. (№ 7212).

76 и 77. *Надписи* къ больницѣ, построенной Полиціею Московскою на сумму, пожалованную отъ Ея Императорскаго Величества, при которой учрежденъ домъ для добродѣтельныхъ стариковъ, не могущихъ работою питаться.

1-я. Къ больницѣ.

2-я. Къ дому, въ которомъ покоятся добродѣтельные старики.

Напеч. безъ подписи въ «Собраніи разныхъ сочиненій и новостей», изд. при Имп. Акад. Наукъ, 1776 г., іюль, стр. 18.

Обѣ надписи перепечат. въ «Разкащикѣ» *А. Аблесимова* (л. 25, стр. 193—194), при слѣдующей замѣткѣ: «Господа читатели! Всіо то, што должно быть въ незабвенной памяти, нужно кажется сохранять сево остатки... Самая сія притчина, что помѣщаются здѣсь: стихи, сочиненныя господиномъ Бригадиромъ Васильемъ Ивановичемъ Майковымъ, ко открытію Дома, называемаго Призрѣніе въ старости и врачеваніе немощныхъ! Учрежденнаго по Высочайшему Ея И. Вел. повелѣнію, подъ вѣдомствомъ Московской Полиціи, 1776 года Іюня 19 числа.» *Аблесимовъ* приложилъ также стихи «ко дню торжественнаго открытія дома врачеванія немощныхъ», соч. Коллежскимъ Переводчикомъ *Иваномъ Кореставецомъ* (тамъ же, стр. 195).

78. *Прологъ* на открытіе Калужскаго Намѣстничества, въ стихахъ. Соч. *В. Майкова.*—Калуга. Въ 8 д. л.—Этого пролога нами ни гдѣ *не найдено*.

Въ *Драматич. Словарѣ* сказано: «*Прологъ.* На открытіе Калужскаго Намѣстничества въ стихахъ. Сочиненіе г. Майкова.—Представленъ въ первый разъ при открытіи онаго Намѣстничества, изъясняющій въ матеріи Премудрыя Матернія узаконенія ко благу подданныхъ; игранъ Калужскими актерами» (стр. 113).

2 дек. 1776 г. М. Н. Муравьевъ писалъ къ отцу въ Тверь изъ Москвы: «Николай Сергѣевичъ Титовъ изъ Калуги прискакалъ вчерась. У

нихъ тамъ соляной магазинъ преобращается въ театръ и расположенъ на пятнадцати саженяхъ» (Изъ Чертковск. библ.). Вѣроятно въ этомъ театрѣ и былъ представленъ прологъ Майкова.—Н. С. Титовъ былъ писатель и содержалъ театръ въ Москвѣ съ 1766 г. по 1769 г. (См. Репертуаръ и Пантеонъ, 1844 г., т. VI, стр. 102—103).

79. *Мадригалъ* кн. В. М. Долгорукову-Крымскому. Печатается въ первый разъ по *рукописи* автора Вѣроятно относится къ 1776 — 77 г. Въ рукописи В. Майковъ замѣтилъ: «Въ высокоторжественный день тезоименитства его императорскаго высочества, бывшій и у его с. к. В. М. Д. за обѣденнымъ столомъ, между прочихъ знатныхъ особъ и нѣкоторый извѣстный своими сочиненіями стихотворецъ, а какъ въ сей самый день въ 177(1) году его сіятельство во время предводительствованія своею побѣдоносною ея величества арміею, взявъ Кафу, покорилъ Крымъ»... (окончанія нѣтъ).

80. *Посланіе къ Н. П. Архарову*. Печатается въ первый разъ по подлинной *рукописи*. По вѣроятности относимъ его къ 1776 г.

81. *Стихи* на 1777-ой годъ. Напечат. въ «Собраніи разныхъ сочиненій и новостей», изд. при Имп. Ак. Наукъ, 1776 г. декабрь, стр. 46—47, съ подписью *В. М.* и слѣдующимъ примѣчаніемъ издателей: «Мы включаемъ здѣсь присланные къ намъ изъ Москвы стихи на новый 1777-й годъ, ибо журналъ нашъ болѣе продолжаться не будетъ, а вмѣсто онаго будутъ выходить отъ времени до времени сочиненія и переводы разныхъ охотниковъ» (стр. 46).

1777.

82. *Надгробная надпись* (А. П. Сумарокову). *В. М.*—Напечатана при 1-мъ изданіи книги *Дружерукова*: «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ» (Безъ загл. л. и озн. года и мѣста печ., въ 8 д. л., 8 нен. стр). У Смирд. только 2-е изд. № 8226. Въ брошюркѣ этой, вслѣдъ за «разговоромъ», помѣщено на 8-й стр. «Извѣстіе о смерти г. Сумарокова», а на 9-й двѣ надгробныя надписи, «сочиненныя въ Москвѣ»—первая *В. Майкова*, вторая—*Н. Николева*. При 2-мъ изд. брошюрки (1787 г.) ни «Извѣстія», ни «Надписей» не приложено. Въ изд. 1809 г. *не перепечатана*.

83. *Ода на рожденіе* Его Имп. Выс. В. Кн. Александра Павловича 1777 декабря 12 дня.—Безъ загл. л. и означенія года и мѣста печ. Въ 4 д. л., 8 нен. стр. Внизу послѣдней стр. подпись: «Сочиненіе В. Майкова». У Соп. № 7258, у См. *не показ*. Въ изд. 1809 г. *не перепечатана*.

84, 85 и 86. *Два сонета и кантаты* Майкова на тотъ же случай

съ полной подписью имени (равно какъ и предыдущая ода) напечатаны въ концѣ книги: «Торжество Имп. Моск. Универс. по случаю рожденія в. кн: Ал. Павл. «Печатано при И. М. У., въ 4 д. л., 134 стр. Въ этомъ сборникѣ содержатся рѣчи, говоренныя по этому случаю (кажд: съ особ. нумераціей). Въ изд. 1809 г. *не перепечатаны*.

87. *Деревенскій праздникъ* или увѣнчанная добродѣтель, пастушеская драма съ музыкою въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе *В. М.* 1777 года, въ Москвѣ. Печатана при Имп. Моск. Университетѣ.—Въ 8 д. л., 31 стр.

— Перепечат. въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ*, ч. XVIII, стр. 135—172 Спб. 1788). Варіантовъ между обоими изданіями нѣтъ (у Соп. № 3344, у Смирд. № 7487). Въ изд. 1809 г. *не перепечатана*.

Въ *Драматическомъ Словарѣ* сказано: «*Деревенскій Праздникъ* или *Увѣнчанная добродѣтель*. Пастушечья драмма съ музыкою въ двухъ дѣйствіяхъ, сочинена В. М. 1777 года въ Москвѣ и представлена тогдажъ была въ первой разъ на Московскомъ театрѣ; напечатана при Имп. Моск. Университетѣ» (стр. 45).

88. *Ода* преосвящ. Платону (и пр.) о безсмертіи души въ разсужденіи безконечныхъ нашихъ желаній.—Напеч. въ «Трудахъ Вольнаго Рос. Собранія при Моск. Университетѣ» 1778 (т. IV, стр. 299). Въ изд. 1809 г. *не перепечатана*.

89. *Ода счастіе*.—Напечатана въ «Утреннемъ свѣтѣ» 1778 г. (т. II, стр. 251—254, по 2-му изд.) съ подписью *В. Майковъ* и съ слѣдующую замѣткою отъ редакціи: «Сія Ода писана къ Его Превосходительству Михаилу Матвѣевичу Хераскову, и сообщена къ намъ при письмѣ изъ Москвы, для напечатанія.» Въ изд. 1809 г. *не перепеч*.

90. *Ода* ищущимъ премудрости. — Напечатана въ «Утреннемъ свѣтѣ» 1778 г. (т. II, стр. 182). Въ изд. 1809 г. *не перепечатана*.

91. *Пѣснь. Судъ Паридовъ*. (Подпись:) Василій Майковъ.—Напечатана въ *Утреннемъ свѣтѣ* 1779 г., ч. 2 (мартъ), стр. 200—216. Въ изд. 1809 г. *не перепечатана*.

92. *Ода (Надежда)*. Печатается въ первый разъ *по* подлинной *рукописи* В. Майкова.

93. *Пигмаліонъ*, или сила любви. Драмма съ музыкою въ одномъ дѣйствіи. Печатанъ въ тип. Имп. Моск. Университета 1779 года.— Въ 8 д. л., 22 стр.

— Перепеч. въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ*, ч. XVIII, стр. 173—214 (Спб. 1788).

Варіантовъ между обоими изданіями нѣтъ. У Соп. № 3424, съ означеніемъ «соч. В. Майкова», чего на самой брошюркѣ нѣтъ; у См. № 7568, безъ означ. имени автора. Въ перепеч. *Р. Ѳ.* имени тоже не обозначено. Подражаніе или переложеніе съ русскаго прозаическаго

перевода въ стихи «Пигмаліона» *Руссо*. Рецензія на эту пьесу В. Майкова помѣщена въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* 1779 года Въ изд. 1809 г. пьеса эта *не перепечатана*.

Въ *Драмат. Словарѣ* сказано только: «*Пигм.* или *сила любви*. Драмма съ музыкою въ одномъ дѣйствіи, сочиненная стихами, представлена была на Московскомъ театрѣ, печатана въ типографіи Моск. Университета 1779 года» (стр. 105).

II. Изданія сочиненій В. Майкова.

1. «Разныя стихотворенія, Василья Майкова. Книга перьвая. Въ Спб.» (Въ 8 д. л. 47 стр.) и «Оды торжественныя Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Самодержицѣ Всероссійской. Книга вторая. Въ Спб.» (Въ 8 д. л., 138 стр. и 2 нен. («Погрѣшности книги перьвыя» и «книги вторыя»). Изданіе это, какъ видно изъ объявленій *Спб. Вѣдомостей*, появилось въ концѣ 1773 г. у Смирдина оно означено подъ № 10,461, а у Сопикова подъ № . Въ немъ напечатаны въ слѣдующемъ порядкѣ указанныя въ предыдущемъ спискѣ пьесы: *въ 1 книгѣ*—52, 55 (пс. 12), 51, 53 55 (пс. 81 и 111), 55 (Единоборство Голіаѳа), 5 и 53 (Исходъ, Второзак., Даніилъ). *Во 2 книгѣ*—3, 4, 6, 13, 15, 17, 26, 30, 31, 33, 37, 49, 40, 18, 58, 59, 14, 29, 23, 36, 35, 22, 32, 24, 34, 37, 56 и 57.

2. «Сочиненія Василія Майкова, или собраніе Остроумныхъ, Сатирическихъ, Забавныхъ Поемъ, Нравственныхъ Басенъ и Сказокъ, Театральныхъ и другихъ его Лирическихъ твореній. Спб., печатано при 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ. 1809.» (Въ 8 д. л., 2 нен. XII и 399 стр. и 2 нен., опечатки). Къ изданію приложена гравированная виньетка: дѣвица и юноша жгутъ фиміамъ на жертвенникѣ Венерѣ, находящейся надъ нимъ въ облакахъ, съ амуромъ, голубями и пр. На 1-й нен. стр. помѣщено посвященіе: «Его Пр—ву Д. Ст. Сов. и кавалеру Аполлону Александровичу Майкову. Въ знакъ благодарности, съ истиннымъ почитаніемъ посвящаетъ издатель Иванъ Заикинъ.» Стр. I—V заняты оглавленіемъ, а VI—XII предисловіемъ къ *Елисею* и изложеніемъ содержанія этой поэмы. Изъ предыдущаго изданія въ это *не внесена вся первая книга* и *изъ второй* пьесы, отмѣченные выше №№ 3, 4, 6, 31, 33, 38, 49, 58 и 59. Остальное перепечатано съ прибавкою №№ (по списку): 11, 12, 27, 39, 61, 63 и 68.

Въ обоихъ изд. *не было* пьесъ, означенныхъ въ спискѣ подъ №№ 1, 2, 7, 8, 10, 16, 19—21, 25, 28, 41, 42, 44—48, 50, 54, 60, 69, 64—67, 69—93. Изъ нихъ обозначенныя нумерами: 7, 8, 20, 21, 23, 44, 45, 79, 80 и 92 *печатаются* нынѣ *въ первый разъ* по подлиннымъ рукописямъ В. Майкова, а означенныя №№ 10 и 70—72 не вошли и въ нынѣшнее изданіе.

Замѣтимъ еще, что въ изд. 1809 г. помѣщены на стр. 103—157: 1, Плачевное паденіе стихотворцевъ. Сатирическая поэма; 2, стихи

на качели; 3, стихи на семикъ и 4, на масленицу (замѣтка въ прозѣ). Все это принадлежитъ не Майкову, а *М. Д. Чулкову*, и въ первыхъ стихахъ встрѣчаются даже положительныя насмѣшки надъ Майковымъ. Приписывать такія пьесы именно *на этомъ основаніи* Майкову и въ прежнее время могъ развѣ только философъ подобный г. Н. С. Тихонравову, «котораго философія», на основаніи пустенькихъ стишковъ Козельскаго, напр. не остановилась приписать тому же Чулкову сотрудничество съ Новиковымъ при составленіи «Опыта Словаря о Росс. Пис.», не смотря на то что Новиковъ печатно называлъ Чулкова *дуракомъ*.

III. Статьи о Майковѣ.

Ни біографическихъ, ни критическихъ подробныхъ и обстоятельныхъ статей о В. Майковѣ не было. Встрѣчаются только отрывочныя біографическія извѣстія и критическіе отзывы, ограничивающіеся иногда двумя—тремя строками. Почти всѣ они перечислены выше въ біографической статьѣ; здѣсь укажемъ только слѣдующіе:

1. *Майковъ В. И.* Въ «Опытѣ истор. Слов. о Рос. пис.» Новикова. См. Матеріалы для исторіи русск. лит. Спб. 1867 г., стр. 68—69.

2. *Василій Майковъ.* Въ «Извѣстіи о нѣкот. русск. пис.» *Дмитревскаго.* См. тамъ-же стр. 135—136 и 151. (Также въ статьѣ *Домашнева*, тамъ же, стр. 196).

3. *Майковъ В. И.* Въ «Словарѣ русск. свѣтскихъ пис.» *Митр. Евгенія.* М. 1845. II, стр. 41—42.

4. *Замѣтки* Мих. Никит. *Муравьева.* Въ сочин. его, изд. Смирдина, Спб. 1847, II, стр. 378—379.

5. *Замѣтки* въ книгѣ *Н. Н. Булича* «Сумароковъ». Спб. 1854, стр. 63—64.

6. Въ «Исторіи р. слов.» *А. Д. Галахова.* Спб. 1863, I, стр. 486—488.

7. Въ «Историч. Христоматіи» *Его же* Спб. 1861, 1, стр. 485.

П. Е.

Bayerische Staats-Bibliothek München

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Изданіе *И. И. Глазунова;* редакція *П. А. Ефремова.*

Сочиненія, письма и избранные переводы **Д. И. Фонъ-Визина**, съ портретомъ автора, со статьею *А. П. Пятковскаго* и примѣчаніями. Ц. 2 р.

Сочиненія и переводы **В. И. Майкова**, съ портретомъ автора, со статьею *Л. Н. Майкова* и примѣчаніями. Ц. 2 р.

Сочиненія, письма и избранные переводы кн. **А. Д. Кантемира**. I. Сатиры, мелкія стихотворенія и переводы въ стихахъ. Съ портретомъ автора, со статьею *В. Я. Стоюнина* и примѣчаніями. (Текстъ, значительно дополненъ и исправленъ по рукописямъ). Ц. 2 р.

Печатаются:

Сочиненія **Кантемира**. II. Проза (въ первый разъ по рукописямъ).

Жизнь **Ив. Ив. Неплюева**, имъ самимъ писанная (исправл. и дополн. по рукописи).

Приготовлены и приготовляются къ печати сочиненія:

К. Н. Батюшкова.	В. А. Озерова.
Бар. А. А. Дельвига.	М. Н. Муравьева.
И. М. Муравьева-Апостола.	М. В. Милонова и Беницкаго.
В. В. Капниста.	А. Н. Нахимова.
А. П. Сумарокова.	А. С. Грибоѣдова.
В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова.	Кн. Я. П. Шаховскаго.
И. И. Дмитріева.	Кн. М. М. Щербатова.

Изданія П. А. Ефремова:

МАТЕРІАЛЫ для исторіи русской литературы (Словарь **Н. И. Новикова** 1772 г. и 10 др. статей). Ц. 1 р. 25 к.

ТРУТЕНЬ, сатирическій журналъ **Н. И. Новикова** (1769—1770). Изд. 2-е съ портр. и 2 снимк. Ц. 1 р. 60 к.

ЖИВОПИСЕЦЪ, сатирическій журналъ **Н. И. Новикова** (1772—1773). Изд. 7-е. Ц. 1 р. 50 к.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ (100 экземпл.) Вып. 1-й. Приключеніе Густава III, **В. Петрова**. Ц. 40 к.

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ книгамъ за послѣднее 10-лѣтіе. Составлена **П. А. Ефремовымъ**. Изд. **И. И. Глазунова** Спб. 1867. Ц. 1 р. 25 к.

Primik, Corneliusstr. 9

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Efremova, P. A.

Russkie pisateli XVIII i XIX st Izdanie J. J. Glazunova. Obščaja redakcija vsego izdanija P. A. Efremova

Bd.: 5

S.-Peterburg 1867

P.o.russ. 5 s-5

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610007-0